

Джек
АОНДОН
~
Морской
Бок

Библиотека
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
продолжается

Библиотека

Трижды

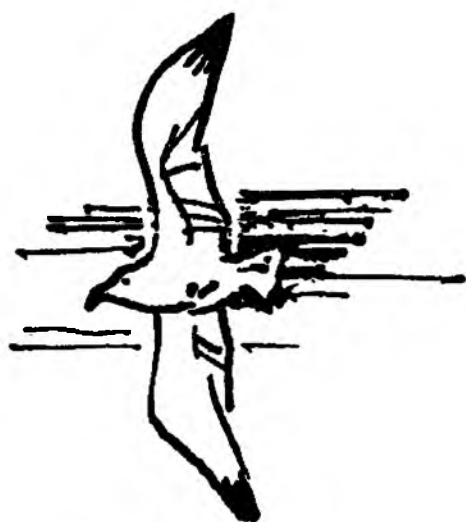

учений

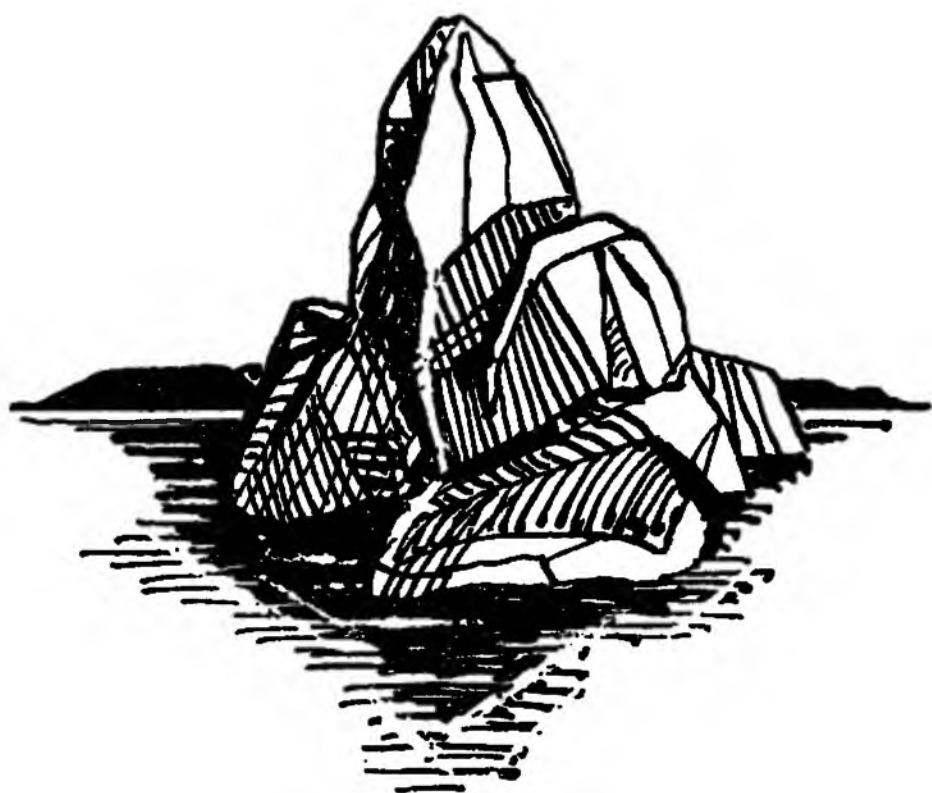
продолжается...

Scan Kreyder - 10.06.2015
STERLITAMAK

Wf
SO
S

Библиотека
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
продолжается...

Джек ЛОНДОН

МОРСКОЙ ВОЛК

РОМАН

•
ПУТЕШЕСТВИЕ
НА
«ОСЛЕПИТЕЛЬНОМ»

ПОВЕСТЬ

•
РАССКАЗЫ
РЫБАЧЬЕГО ПЛАТРУЛА

—♦—
МОСКВА
· ДИАМАНТ ·

1994

ББК 84.7 США
Л76

Печатается по изданию:

Д. Лондон. Собрания сочинений.
Томы 2, 3 и 4. М., Правда, 1961

*Перевод с английского
Д. Горфинкеля, Л. Хвостенко,
М. Клочковского, Э. Березиной и др.*

Редактор Т. Кудина
Художник О. Яруничев
Худ. редактор Е. Соколов
Тех. редактор Т. Жихарева
Корректор О. Малаха

**Выпуск издания осуществлен
ПКФ "Печатное дело" по заказу
издательства "Диама́нт" и СП
"Сова́минко"**

ЛР № 062749 от 18 июня 1993 г.
Сдано в набор 02.11.93. Подписано в печать 14.12.93. Формат 84×
×108/32. Гарнитура Таймс. Бумага типографская № 2. Печать
высокая. Усл. печ. л. 32,0. Тираж 26 000 экз. Заказ № 1255

Диапозитивы изготовлены ТОО «Внешсигма».

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ.
198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Л 4703040100—013 без объявления
6Ф8(03)—93

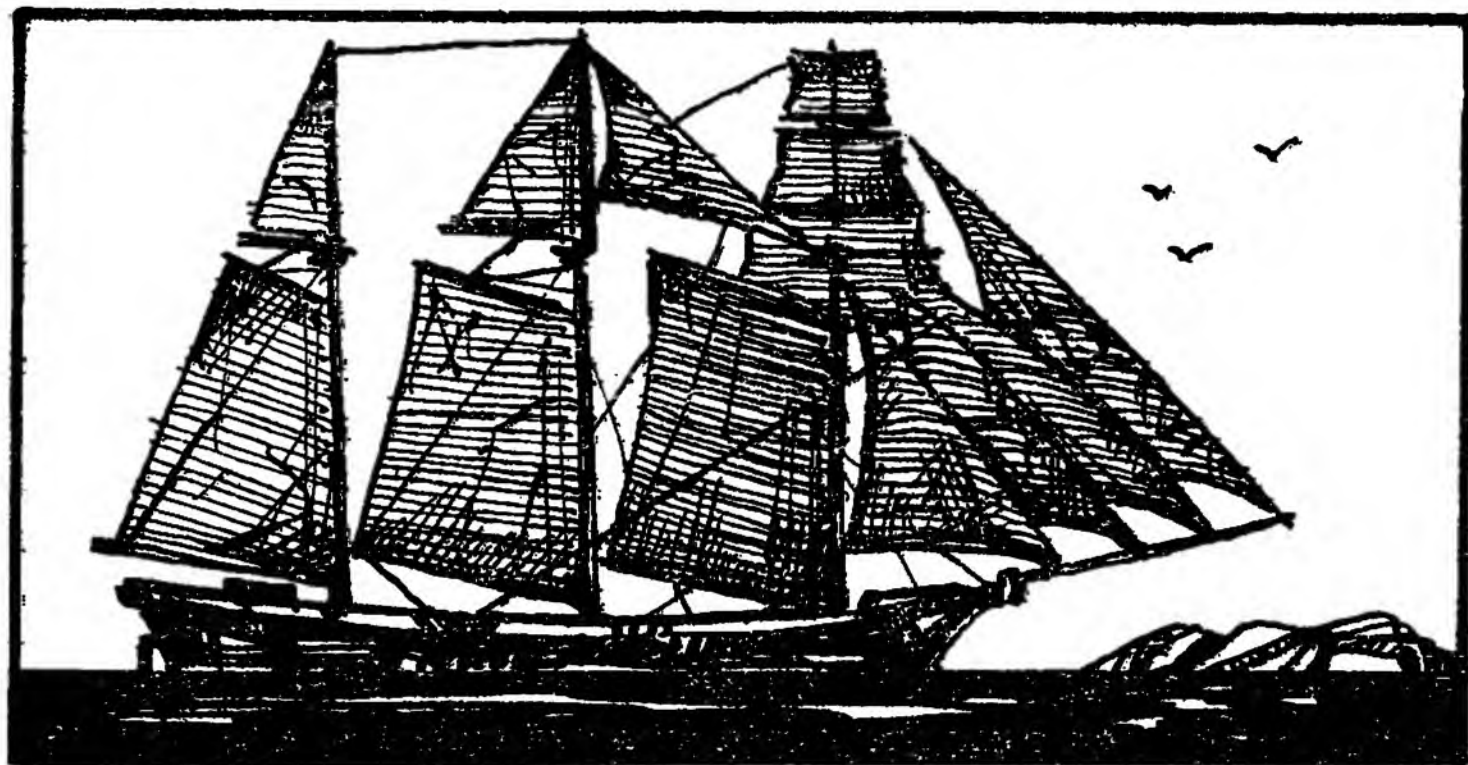
ISBN 5-7356-0013-3

- © Разработка серии,
состав, оформление —
ПКФ «Печатное дело», 1994
- © Иллюстрации —
О. Яруничев, 1994

МОРСКОЙ ВОЛК

Глава первая

Не знаю, право, с чего начать, хотя иногда, в шутку, я сваливаю всю вину на Чарли Фэрасета. У него была дача в Милл-Вэлли, под сенью горы Тамальпайс, но он жил там только зимой, когда ему хотелось отдохнуть и почитать на досуге Ницше или Шопенгауэра. С наступлением лета он предпочитал изнывать от жары и пыли в городе и работать не покладая рук. Не будь у меня привычки навещать его каждую субботу и оставаться до понедельника, мне не пришлось бы пересекать бухту Сан-Франциско в это памятное январское утро.

Нельзя сказать, чтобы "Мартинес", на котором я плыл, был ненадежным судном; этот новый пароход совершал уже свой четвертый или пятый рейс на переправе между Саусалито и Сан-Франциско. Опасность таилась в густом тумане, окутавшем бухту, но я, ничего не смысля в мореходстве, и не догадывался об этом. Хорошо помню, как спокойно и весело расположился я на носу парохода, на верхней палубе, под самой рулевой рубкой, и таинственность нависшей над морем туманной пелены мало-помалу завладела моим воображением. Дул свежий бриз, и неко-

торое время я был один среди сырой мглы — впрочем, и не совсем один, так как я смутно ощущал присутствие рулевого и еще кого-то, по-видимому капитана, в застекленной рубке у меня над головой.

Помнится, я размышлял о том, как хорошо, что существует разделение труда и я не обязан изучать туманы, ветры, приливы и всю морскую науку, если хочу навестить друга, живущего по ту сторону залива. Хорошо, что существуют специалисты — рулевой и капитан, думал я, и их профессиональные знания служат тысячам людей, осведомленным о море и мореплавании не больше моего. Зато я не трачу своей энергии на изучение множества предметов, а могу сосредоточить ее на некоторых специальных вопросах, например — на роли Эдгара По в истории американской литературы, чему, кстати сказать, была посвящена моя статья, напечатанная в последнем номере "Атлантика". Поднявшись на пароход и заглянув в салон, я не без удовлетворения отметил, что номер "Атлантика" в руках у какого-то дородного джентльмена раскрыт как раз на моей статье. В этом опять сказывались выгоды разделения труда: специальные знания рулевого и капитана давали дородному джентльмену возможность — в то время как его благополучно переправляют на пароходе из Саусалито в Сан-Франциско — ознакомиться с плодами моих специальных знаний о По.

У меня за спиной хлопнула дверь салона, и какой-то краснолицый человек затопал по палубе, прервав мои размышления. А я только что успел мысленно наметить тему моей будущей статьи, которую решил назвать "Необходимость свободы. Слово в защиту художника". Краснолицый бросил взгляд на рулевую рубку, посмотрел на окружающий нас туман, проковылял назад и вперед по палубе — очевидно, у него были протезы — и остановился возле меня, широко расставив ноги: на лице его было написано блаженство. Я не ошибся, предположив, что он провел всю свою жизнь на море.

— От такой мерзкой погоды недолго и поседеть! — проворчал он, кивая в сторону рулевой рубки.

— Разве это создает какие-то особые трудности? — отозвался я. — Ведь задача проста, как дважды два — четыре. Компас указывает направление, расстояние

и скорость также известны. Остается простой арифметический подсчет.

— Особые трудности! — фыркнул собеседник. — Просто, как дважды два — четыре! Арифметический подсчет!

Слегка откинувшись назад, он смерил меня взглядом.

— А что вы скажете об отливе, который рвется в Золотые Ворота? — спросил или, вернее, пролаял он. — Какова скорость течения? А как относит? А это что — прислушайтесь-ка! Колокол? Мы лезем прямо на буй с колоколом! Видите — меняем курс.

Из тумана доносился заунывный звон, и я увидел, как рулевой быстро завертел штурвал. Колокол звучал теперь не впереди, а сбоку. Слышен был хриплый гудок нашего парохода, и время от времени на него откликались другие гудки.

— Какой-то еще пароходишко! — заметил краснолицый, кивая вправо, откуда доносились гудки. — А это! Слышите? Просто гудят в рожок. Верно, какая-нибудь шаланда. Эй, вы, там, на шаланде, не зевайте! Ну, я так и знал. Сейчас кто-то хлебнет лиха!

Невидимый пароход давал гудок за гудком, и рожок вторил ему, казалось, в страшном смятении.

— Вот теперь они обменялись любезностями и стараются разойтись, — продолжал краснолицый, когда тревожные гудки стихли.

Он разъяснял мне, о чем кричат друг другу сирены и рожки, а щеки у него горели и глаза сверкали.

— Слева пароходная сирена, а вон там, слышите, какой хрипун, — это, должно быть, паровая шхуна; она ползет от входа в бухту навстречу отливу.

Пронзительный свисток неистовствовал как одержимый где-то совсем близко впереди. На "Мартинесе" ему ответили ударами гонга. Колеса нашего парохода остановились, их пульсирующие удары по воде замерли, а затем возобновились снова. Пронзительный свисток, напоминавший стрекотанье сверчка среди рева диких зверей, долетал теперь из тумана откуда-то сбоку, и звучал все слабее и слабее. Я вопросительно посмотрел на своего спутника.

— Какой-то отчаянный катерок, — пояснил он. — Прямо стоило бы потопить его! От них бывает много бед, а кому они нужны? Какой-нибудь осел заберется

на такую посудину и носится по морю, сам не зная зачем, да свистит как полоумный. А все должны сторониться, потому что, видите ли, он идет и сам-то уж никак посторониться не умеет! Прет вперед, а вы смотрите в оба! Обязанность уступать дорогу! Элементарная вежливость! Да они об этом никакого представления не имеют.

Этот необъяснимый гнев немало меня позабавил; пока мой собеседник возмущенно ковылял назад и вперед, я снова поддался романтическому обаянию тумана. Да, в этом тумане, несомненно, была своя романтика.словно серый, исполненный таинственности призрак, навис он над крошечным земным шаром, кружащимся в мировом пространстве. А люди, эти искорки или пылинки, гонимые ненасытной жаждой деятельности, мчались на своих деревянных и стальных конях сквозь самое сердце тайны, ощупью прокладывая себе путь в Незримом, и шумели и кричали самонадеянно, в то время как их души замирали от неуверенности и страха!

Голос моего спутника вернул меня к действительности и заставил усмехнуться. Разве я сам не блуждаю ощупью, думая, что мчусь уверенно сквозь тайну?

— Эге! Кто-то идет нам навстречу, — сказал краснолицый. — Слышите, слышите? Идет быстро и прямо на нас. Должно быть, он нас еще не слышит. Ветер относит.

Свежий бриз дул нам в лицо, и я отчетливо различил гудок сбоку и немного впереди.

— Тоже пассажирский? — спросил я.

— Да, иначе он не летел бы так, сломя голову. Наши там забеспокоились! — хмыкнул он.

Я посмотрел вверх. Капитан высунулся по грудь из рулевой рубки и напряженно вглядывался в туман, словно стараясь силой воли проникнуть сквозь него. Лицо его выражало тревогу. И на лице моего спутника, который проковылял к поручням и пристально смотрел в сторону незримой опасности, тоже была написана тревога.

Все произошло с непостижимой быстротой. Туман раздался в стороны, как разрезанный ножом, и перед нами возник нос парохода, тащивший за собой клочья тумана, словно Левиафан — морские водоросли. Я разглядел рулевую рубку и белобородого старика,

высунувшегося из нее. Он был одет в синюю форму, очень ловко сидевшую на нем, и, я помню, меня поразило, с каким хладнокровием он держался. Его спокойствие при этих обстоятельствах казалось страшным. Он подчинился судьбе, шел ей навстречу и с полным самообладанием ждал удара. Холодно и как бы задумчиво смотрел он на нас, словно прикидывая, где должно произойти столкновение, и не обратил никакого внимания на яростный крик нашего рулевого: "Отличились!"

Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что восклицание рулевого и не требовало ответа.

— Цепляйтесь за что-нибудь и держитесь крепче, — сказал мне краснолицый.

Весь его задор слетел с него, и он, казалось, заразился тем же сверхъестественным спокойствием.

— Ну, сейчас женщины поднимут визг! — сердито, почти злобно проворчал он, словно ему уже приходилось когда-то все это испытывать.

Суда столкнулись прежде, чем я успел воспользоваться его советом. Должно быть, встречный пароход ударил нас в середину борта, но это произошло вне поля моего зрения, и я ничего не видел. "Мартинес" сильно накренился, послышался треск ломающейся обшивки. Я упал плашмя на мокрую палубу и не успел еще подняться на ноги, как услышал крик женщин. Это был неопиcуемый, душераздирающий вопль, и тут меня объял ужас. Я вспомнил, что спасательные пояса хранятся в салоне, кинулся туда, но у дверей столкнулся с толпой обезумевших пассажиров, которая отбросила меня назад. Не помню, что затем произошло, — в памяти моей сохранилось только воспоминание о том, как я стаскивал спасательные пояса с полок над головой, а краснолицый человек надевал их на бившихся в истерике женщин. Это я помню отчетливо, и вся картина стоит у меня перед глазами. Как сейчас вижу я зазубренные края пробойны в стене салона и вползавший в это отверстие клубящийся серый туман; пустые мягкие диваны с разбросанными на них пакетами, саквояжами, зонтами и пледами, брошенными во время внезапного бегства; полного джентльмена, не так давно мирно читавшего мою статью, а теперь напавшего на себя пробковый пояс и с монотонной настойчивостью во-

прошавшего меня (журнал с моей статьей все еще был у него в руке), есть ли опасность; краснолицего человека, бодро ковылявшего на своих искусственных ногах и надевавшего поя на всех, кто появлялся в каюте... Помню дикий визг женщин.

Да, этот визг женщин больше всего действовал мне на нервы. По-видимому, страдал от него и краснолицый, ибо еще одна картина навсегда осталась у меня в памяти: плотный джентльмен засовывает журнал в карман пальто и с любопытством озирается кругом; сбившиеся в кучу женщины, с бледными, искаженными страхом лицами, пронзительно кричат, словно хор погибших душ, а краснолицый человек, теперь уже совсем багровый от гнева, стоит в позе громовержца, потрясая над головой кулаками, и орет:

— Замолчите! Да замолчите же!

Помню, как, глядя на это, я вдруг почувствовал, что меня душит смех, и понял, что и я впадаю в истерику; ведь предо мною были женщины, такие же, как моя мать или сестры, — женщины, охваченные страхом смерти и не желавшие умирать. Их крики напомнили мне визг свиней под ножом мясника, и это потрясло меня. Эти женщины, способные на самые высокие чувства, на самую нежную привязанность, вопили, разинув рты. Они хотели жить, но были беспомощны, как крысы в крысоловке, и визжали, не помня себя.

Это было ужасно, и я опрометью бросился на палубу. Почувствовав дурноту, я опустился на скамью. Смутно видел я метавшихся людей, слышал их крики, — кто-то пытался спустить шлюпки... Все происходило так, как описывается в книгах. Тали заедало. Все было неисправно. Одну шлюпку спустили, забыв вставить пробки; когда женщины и дети сели в нее, она наполнилась водой и перевернулась. Другую шлюпку удалось спустить только одним концом: другим она повисла на таях, и ее бросили. А парохода, который был причиной бедствия, и след простыл, но кругом говорили, что он, несомненно, вышлет нам спасательные шлюпки.

Я спустился на нижнюю палубу. "Мартинес" быстро погружался, вода подступала к краю борта. Многие пассажиры стали прыгать за борт. Другие, уже барахтаясь в воде, кричали, чтобы их подняли обратно на пароход. Никто не слушал их. Все покрыл общий

крик: "Тонем!" Поддавшись охватившей всех панике, я вместе с другими бросился за борт. Я не отдавал себе отчета в том, что делаю, но, очутившись в воде, мгновенно понял, почему люди кругом молили, чтобы их подняли обратно на пароход. Вода была холодная, нестерпимо холодная. Когда я погрузился в нее, меня обожгло, как огнем. Холод проникал до костей; казалось, смерть уже заключает меня в свои ледяные объятия. Я захлебнулся от неожиданности и страха и успел набрать в легкие воды прежде, чем спасательный пояс снова поднял меня на поверхность. Во рту у меня было солоно от морской воды, и я задыхался от ощущения чего-то едкого, проникшего мне в горло и в легкие.

Но особенно ужасен был холод. Мне казалось, что я этого не выдержу, что минуты мои сочтены. Вокруг меня в воде барахтались люди. Они что-то кричали друг другу. Я слышал также плеск весел. Очевидно, потопивший нас пароход выслал за нами шлюпки. Время шло, и меня изумляло, что я все еще жив. Но мои ноги уже утратили чувствительность, и онемение распространялось дальше, подступало к самому сердцу. Мелкие сердитые волны с пенистыми хребтами перекатывались через меня; я захлебывался и задыхался.

Шум и крики становились все глуше; последний отчаянный вопль донесся до меня издали, и я понял, что "Мартинес" пошел ко дну. Потом — сколько прошло времени, не знаю, — я очнулся, и ужас снова овладел мной. Я был один. Я не слышал больше голосов, криков о помощи — только шум волн, которому туман придавал какую-то таинственную, вибрирующую гулкость. Паника, охватывающая человека, когда он в толпе и разделяет общую участь, не так ужасна, как страх, переживаемый в одиночестве. Куда несли меня волны? Краснолицый говорил, что отлив уходит через Золотые Ворота. Неужели меня унесет в открытое море? А ведь мой спасательный пояс может развалиться в любую минуту! Я слышал, что эти пояса делают иногда из картона и тростника, и тогда, намокнув, они быстро теряют плавучесть. А я совсем не умел плавать. Я был один, и меня несло неведомо куда, среди извечной серой безбрежности. Признаюсь, мной овладело безумие, и я кричал, как кричали женщины, и бил по воде окоченевшими руками.

Не знаю, как долго это тянулось. Потом я впал в забытие, и вспоминаю об этом только, как о тревожном, мучительном сне. Когда я очнулся, казалось, прошли века. Почти над самой головой я увидел выступавший из тумана нос судна и три треугольных паруса, заходящие один за другой и наполненные ветром. Вода пенилась и клокотала там, где ее разрезал нос корабля, а я был как раз на его пути. Я хотел крикнуть, но у меня не хватило сил. Нос судна скользнул вниз, едва не задев меня, и волна перекатилась над моей головой. Затем мимо меня начал скользить длинный черный борт — так близко, что я мог бы коснуться его рукой. Я сделал попытку ухватиться за него, я готов был впиться в дерево ногтями, но руки мои были тяжелы и безжизненны. Я снова попытался крикнуть, но голос изменил мне.

Промелькнула мимо корма, нырнув в пучину между волнами, и я мельком увидел человека у штурвала и еще одного, спокойно курившего сигару. Я видел дымок, поднимавшийся от его сигары, когда он медленно повернул голову и скользнул взглядом по воде в мою сторону. Это был случайный, рассеянный взгляд, случайный поворот головы, одно из тех движений, которые люди делают машинально, когда они ничем не заняты, — просто из потребности в движении.

Но для меня в этом взгляде была жизнь или смерть. Я видел, как туман уже снова поглощает судно. Я видел спину рулевого и голову того, другого, когда он медленно, очень медленно обернулся и его взгляд скользнул по воде. Это был отсутствующий взгляд человека, погруженного в думу, и я с ужасом подумал, что он все равно не заметит меня, даже если я попаду в поле его зрения. Но вот его взгляд упал на меня, и его глаза встретились с моими глазами. Он увидел меня. Прыгнув к штурвалу, он оттолкнул рулевого и сам быстро завертел колесо, выкрикивая в то же время какую-то команду. Судно начало отклоняться в сторону и почти в тот же миг скрылось в тумане.

Я почувствовал, что снова впадаю в беспамятство, и напряг все силы, чтобы не поддаться пустоте и мраку, стремившимся поглотить меня. Вскоре я услышал быстро приближавшийся плеск весел и чей-то голос. Потом, уже совсем близко, раздался сердитый окрик:

— Какого черта вы не откликаетесь?

Это мне кричат, подумал я, и тут же провалился в пустоту и мрак.

Глава вторая

Мне казалось, что какая-то сила качает и несет меня в мировом пространстве, подчинив мощному ритму. Мерцающие искорки вспыхивали и пролетали мимо. Я догадывался, что это звезды и огненные кометы, сопровождающие мой полет среди светил. Когда в своем качании я снова достиг вершины амплитуды и уже готов был пуститься в обратный путь, где-то ударил и загудел громадный гонг. Неисчислимо долго, целые столетия, безмятежно канувшие в вечность, наслаждался я своим исполинским полетом.

Но сон мой начал меняться, — а я уже понимал, что это сон. Амплитуда моего полета становилась все короче и короче. Меня начало бросать из стороны в сторону с раздражающей быстротой. Я едва успевал перевести дух — с такой стремительностью мчался я в небесном пространстве. Гонг грохотал все чаще и яростнее. Я ждал каждого его удара с невыразимым ужасом. Потом мне показалось, что меня тащат по хрустящему, белому, раскаленному солнцем песку. Это причиняло мне невыносимые муки. Мою кожу опалял огонь. Гонг гудел, как похоронный колокол. Сверкающие точки мчались мимо нескончаемым потоком, словно вся звездная система проваливалась в пустоту. Я вздохнул, с трудом перевел дыхание и открыл глаза. Два человека, стоя на коленях, хлопотали надо мной. То, что качало меня в мощном ритме и несло куда-то, оказалось качкой судна на волнах океана, а вместо ужасного гонга я увидел висевшую на стене сковороду, которая бренчала и дребезжала при каждом наклоне судна. Хрустящий, опалявший меня огнем песок превратился в жесткие ладони какого-то человека, растиравшего мою обнаженную грудь. Я застонал от боли, приподнял голову и посмотрел на

свое красное, воспаленное тело, покрытое капельками крови, проступившими сквозь расцарапанную кожу.

— Хватит, Ионсон, — сказал второй. — Не видишь, что ли, совсем содрал с джентльмена кожу!

Тот, кого называли Ионсоном, — человек могучего скандинавского типа, — перестал растирать меня и неуклюже поднялся на ноги. У второго — судя по выговору, типичного кокни¹ — были мелкие, почти женственные черты лица; внешность его позволяла предположить, что он с молоком матери впитал в себя перезвон лондонских церковных колоколов. Грязный полотняный колпак на голове и грубый засаленный передник на узких бедрах изобличали в нем кока того чрезвычайно грязного камбуза, в котором я находился.

— Ну, как вы себя чувствуете, сэр? — спросил он с угодливой улыбкой, которая является наследием многих поколений, привыкших получать на чай.

Вместо ответа я с усилием приподнялся и сел, а затем с помощью Ионсона встал на ноги. Дребезжание сковороды ужасно действовало мне на нервы. Я не мог собраться с мыслями. Ухватившись, чтобы не упасть, за деревянную переборку, оказавшуюся настолько сальной и грязной, что я невольно стиснул зубы от отвращения, я потянулся к несносной посудине, висевшей над топившейся плитой, снял ее с гвоздя и швырнул в ящик с углем.

Кок ухмыльнулся при таком проявлении нервозности. Он сунул мне в руку дымящуюся кружку с какой-то бурдой и сказал:

— Хлебните-ка, это пойдет вам на пользу!

В кружке было отвратительное пойло — корабельный кофе, — но оно все же согрело и оживило меня. Прихлебывая этот напиток, я рассматривал свою разодранную, окровавленную грудь, а затем обратился к скандинаву:

— Благодарю вас, мистер Ионсон, — сказал я. — Но не кажется ли вам, что вы применили ко мне слишком уж героические меры?

Не знаю, почувствовал ли он упрек в моих словах, но во всяком случае взгляд, который я бросил на

¹ К о к н и — уроженец Лондона; так обычно называют простой лондонский люд.

свою грудь, был достаточно выразителен. В ответ он молча показал мне свою ладонь. Это была необыкновенно мозолистая ладонь. Я провел пальцами по ее роговым затвердениям, и у меня заныли зубы от неприятного ощущения шероховатой поверхности.

— Меня зовут Джонсон, а не Ионсон, — сказал он на правильном английском языке, медленно, но почти без акцента.

В его бледно-голубых глазах я прочел кроткий протест; вместе с тем в них была какая-то застенчивая прямота и мужественность, которые сразу расположили меня к нему.

— Благодарю вас, мистер Джонсон, — поспешил я исправить свою ошибку и протянул ему руку.

Он медлил, смущенно и неуклюже переминаясь с ноги на ногу; потом решительно схватил мою руку и с чувством пожал ее.

— Не найдется ли у вас чего-нибудь, чтобы я мог переодеться? — спросил я кока, оглядывая свою мокрую одежду.

— Найдем, сэр! — живо отозвался тот. — Если вы не побрезгуете надеть мои вещи, я сбегаю вниз и притащу.

Он вышел, вернее выскользнул, из дверей с проворством, в котором мне почудилось что-то кошачье или даже змеиное. Эта его способность скользить ужом была, как я убедился впоследствии, весьма для него характерна.

— Где это я нахожусь? — спросил я Джонсона, которого не без основания принял за одного из матросов. — Что это за судно и куда оно идет?

— Мы около Фараллонских островов, на юго-запад от них, — неторопливо промолвил он, методично отвечая на мои вопросы и стараясь, по-видимому, как можно правильнее говорить по-английски. — Это шхуна "Призрак". Идем к берегам Японии — бить котиков.

— А кто капитан шхуны? Мне нужно повидаться с ним, как только я переоденусь.

На лице Джонсона неожиданно отразилось крайнее смущение и замешательство. Он ответил не сразу; видно было, что он тщательно подбирает слова и мысленно составляет исчерпывающий ответ.

— Капитан — Волк Ларсен, так его все называют. Я никогда не слыхал его настоящего имени. Но говорите с ним поосторожнее. Он сегодня бешеный. Его помощник...

Он не закончил, — в камбуз нырнул кок.

— Убирайся-ка лучше отсюда, Йонсон! — сказал тот. — Старик хватится тебя на палубе, а нынче, если ему не угодишь, — беда.

Джонсон послушно направился к двери, подмигнув мне из-за спины кока с необычайно торжественным и значительным видом, словно желая выразить этим то, чего он не договорил, и внушить мне еще раз, что с капитаном надо разговаривать поосторожнее.

Через руку у кока было перекинуто какое-то грязное, мятое тряпье, от которого довольно скверно пахло.

— Оно было сырое, сэр, когда я его снял и спрятал, — почел он нужным объяснить мне. — Но вам придется пока обойтись этим, а потом я высушу ваше платье.

Цепляясь за переборки, так как судно сильно качало, я с помощью кока кое-как натянул на себя грубую фуфайку и невольно поежился от прикосновения колючей шерсти. Заметив, должно быть, гримасу на моем лице, кок осклабился.

— Ну, вам не навек привыкать к такой одежде. Кожа-то у вас нежная, словно у какой-нибудь леди. Я как увидел вас, так сразу понял, что вы — джентльмен.

Этот человек не понравился мне с первого взгляда, а когда он помогал мне одеваться, моя неприязнь возросла еще больше. Его прикосновения вызывали во мне гадливость. Я сторонился его рук и вздрагивал, когда он дотрагивался до меня. Это неприятное чувство и запах, исходивший от кипевших и бурливших на плите кастрюль, заставили меня поспешить с переодеванием, чтобы поскорее выбраться на свежий воздух. К тому же мне нужно было еще договориться с капитаном относительно доставки меня на берег.

Дешевая сатиновая рубашка, с обтрепанным воротом и подозрительными, похожими на кровяные, пятнами на груди, была надета на меня под аккомпанемент неумолчных пояснений и извинений. Туалет мой завершила пара грубых башмаков и синий выцветший комбинезон, у которого одна штанина

оказалась дюймов на десять короче другой. Можно было подумать, что дьявол пытался цапнуть через нее душу лондонца, но, не обнаружив таковой, оторвал со злости кусок оболочки.

— Но я не знаю, кого же мне благодарить? — спросил я, облачившись в это тряпье. На голове у меня красовалась фуражка, которая была мне мала, а поверх рубашки я натянул еще грязную полосатую бумазейную куртку; она едва доходила мне до талии, а рукава чуть прикрывали локти.

Кок самодовольно выпрямился, и заискивающая улыбка расплылась по его лицу. У меня был некоторый опыт, — я знал, как ведет себя прислуга на атлантических пароходах, когда рейс подходит к концу, и мог поклясться, что кок ожидает подачи. Однако мое дальнейшее знакомство с этим субъектом показало, что поза была бессознательной. Это была врожденная угодливость.

— Магридж, сэр, — пробормотал он с елейной улыбкой на своем женственном лице. — Томас Магридж, сэр. К вашим услугам!

— Ладно, Томас, — сказал я. — Я не забуду вас, когда высохнет мое платье.

Его лицо просияло, глаза заблестели; казалось, голоса предков зазвучали в его душе, рождая смутные воспоминания о чаевых, полученных ими во время их пребывания на земле.

— Благодарю вас, сэр! — произнес он с чувством и почти искренним смирением.

Я отодвинул дверь, и кок, тоже как на роликах, скользнул в сторону; я вышел на палубу. Меня все еще пошатывало от слабости после долгого пребывания в воде. Порыв ветра налетел на меня, и я, сделав несколько нетвердых шагов по качающейся палубе до угла рубки, поспешил ухватиться за него, чтобы не упасть. Сильно накренившись, шхуна скользила вверх и вниз по длинной тихоокеанской волне. Если, как сказал Джонсон, судно шло на юго-запад, то ветер, по моим расчетам, дул примерно с юга. Туман рассеялся, и поверхность воды искрилась на солнце. Я повернулся к востоку, где должна была находиться Калифорния, но не увидел ничего, кроме низко стлавшихся пластов тумана, того самого тумана, который вызвал катастрофу "Мартинеса" и был причиной мо-

его бедственного положения. К северу, неподалеку от нас, из моря торчала группа голых скал, и на одной из них я различил маяк. К юго-западу, там, куда мы держали курс, я увидел пирамидальные очертания парусов какого-то корабля.

Оглядев море, я перевел взгляд на более близкие предметы. Моей первой мыслью было, что человек, потерпевший кораблекрушение и бывший на волосок от смерти, заслуживает, пожалуй, большего внимания, чем то, которое было мне оказано. Никто, как видно, не интересовался моей особой, кроме матроса у штурвала, с любопытством поглядывавшего на меня поверх рубки.

Все, казалось, были заняты тем, что происходило посреди палубы. Там, на крышке люка, лежал какой-то грузный мужчина. Он лежал на спине; рубашка на его груди, поросшей густыми, черными, похожими на шерсть волосами, была разодрана. Черная с проседью борода покрывала всю нижнюю часть его лица и шею. Борода, вероятно, была жесткая и пышная, но обвисла и слиплась, и с нее струйками стекала вода. Глаза его были закрыты — он, очевидно, находился без сознания, — но грудь тяжело вздымалась; он с шумом вбирал в себя воздух, широко раскрыв рот, борясь с удушьем. Один из матросов спокойно и методично, словно выполняя привычную обязанность, спускал за борт на веревке брезентовое ведро, вытягивал его, перехватывая веревку руками, и окатывал водой лежавшего без движения человека.

Возле люка расхаживал взад и вперед, сердито жуя сигару, тот самый человек, случайному взгляду которого я был обязан своим спасением. Ростом он был, вероятно, пяти футов и десяти дюймов, быть может десяти с половиной, но не это бросилось мне прежде всего в глаза, — я сразу почувствовал его силу. Это был человек атлетического сложения, с широкими плечами и грудью, но я не назвал бы его тяжеловесным. В нем была какая-то жилистая, упругая сила, обычно свойственная нервным и худощавым людям, и она придавала этому огромному человеку некоторое сходство с большой гориллой. Я вовсе не хочу сказать, что он походил на гориллу. Я говорю только, что заключенная в нем сила, независимо от его внешности, вызывала в вас такие ассоциации. Подобного рода

сила обычно связывается в нашем представлении с первобытными существами, с дикими зверями, с нашими предполагаемыми предками, жившими на деревьях. Это сила дикая, свирепая, заключающая в самой себе жизненное начало — самую сущность жизни, как потенции движения и первозданной материи, претворяющихся в различных видах живых существ; короче говоря, это та живучесть, которая заставляет змею извиваться, когда у нее отрубят голову, и которая теплится в бесформенном комке мяса убитой черепахи, содрогающемся при прикосновении к нему пальцем.

Таково было впечатление, которое производил этот человек, шагавший по палубе. Он крепко стоял на ногах, ступал твердо и уверенно; каждое движение его мускулов — то, как он пожимал плечами или стискивал в зубах сигару, — все было полно решимости и казалось проявлением избыточной, бьющей через край силы. Но эта внешняя сила, пронизывавшая его движения, казалась лишь отголоском другой, еще более грозной силы, которая притаилась и дремала в нем, но могла в любой миг пробудиться, подобно ярости льва или бешеному порыву урагана.

Кок высунул голову из двери камбуза и ободряюще улыбнулся мне, указывая большим пальцем на человека, прохаживавшегося около люка. Я понял, что это и есть капитан шхуны, или — на языке кока — "старик", то есть тот, к кому я должен обратиться, дабы потревожить его просьбой доставить меня каким-нибудь способом на берег. Я двинулся было вперед, предчувствуя, что мне предстоит бурное объяснение, но в эту минуту новый страшный приступ удушья овладел несчастным, лежавшим на палубе. Его стали корчить судороги. Спина его выгнулась дугой, голова совсем запрокинулась назад, а грудь расширилась в бессознательном усилии набрать побольше воздуха. Я не видел его лица, только мокрую черную бороду, но почувствовал, как багровеет его кожа.

Капитан — Волк Ларсен, как его называли, — остановился и посмотрел на умирающего. Жестокой и отчаянной была эта схватка со смертью; охваченный любопытством матрос перестал лить воду, брезентовое ведро накренилось, и из него тонкой струйкой стекала вода. Умирающий судорожно бил каблуками

по крышке люка; потом его ноги вытянулись и застыли в последнем страшном напряжении, в то время как голова еще продолжала метаться из стороны в сторону. Но вот мышцы ослабли, голова больше не двигалась, и вздох как бы глубокого облегчения слетел с его губ. Челюсть у него отвисла, верхняя губа приподнялась и обнажились два ряда пожелтевших от табака зубов. Казалось, его черты застыли в дьявольской усмешке — словно он издевался над миром, который ему удалось пережить, покинув его.

И тут произошло нечто неожиданное. Капитан внезапно, подобно удару грома, обрушился на мертвеца. Поток ругани хлынул из его уст. И это не были обычные ругательства или непристойности. В каждом слове было богохульство, а слова так и сыпались. Они гремели и трещали, словно электрические разряды. Я в жизни не слышал, да и не мог бы вообразить себе ничего подобного. Обладая сам литературной жилкой и питая пристрастие к сочным словцам и оборотам, я, пожалуй, лучше всех присутствующих мог оценить своеобразную живость, красочность и в то же время неслыханную кощунственность его метафор. Насколько я мог понять, причиной этой вспышки было то, что умерший — помощник капитана — загулял перед уходом из Сан-Франциско, а потом имел неделикатность умереть в самом начале плавания и оставить Волка Ларсена без его, так сказать, правой руки.

Излишне упоминать, — во всяком случае мои друзья поймут это и так, — что я был шокирован. Брань и сквернословие всегда были мне противны. У меня засосало под ложечкой, заныло сердце, мне стало невыразимо тошно. Смерть в моем представлении всегда была сопряжена с чем-то торжественным и возвышенным. Она приходила мирно и священнодействовала у ложа своей жертвы. Смерть в таком мрачном, отталкивающем обличье явилась для меня чем-то невиданным и неслыханным. Отдавая, как я уже сказал, должное выразительности изрыгаемых Волком Ларсеном проклятий, я был ими чрезвычайно возмущен. Мне казалось, что их огненный поток должен испепелить лицо трупа, и я не удивился бы, если бы мокрая черная борода вдруг начала завиваться колечками и вспыхнула дымным пламенем. Но мерт-

вещу уже не было до этого никакого дела. Он продолжал сардонически усмехаться — с вызовом, с цинической издевкой. Он был хозяином положения.

Глава третья

Волк Ларсен оборвал свою брань так же внезапно, как начал. Он раскурил потухшую сигару и огляделся вокруг. Взор его упал на Магриджа.

— А, любезный кок? — начал он ласково, но в голосе его чувствовались холод и твердость стали.

— Есть, сэр! — угодливо и виновато, с преувеличенной готовностью отозвался тот.

— Ты не боишься растянуть себе шею? Это, знаешь ли, не особенно полезно. Помощник умер, и мне не хотелось бы потерять еще и тебя. Ты должен очень беречь свое здоровье, кок. Понятно?

Последнее слово, в полном контрасте с мягкостью всей речи, прозвучало резко, как удар бича. Кок съежился.

— Есть, сэр! — послышался испуганный ответ, и голова провинившегося кока исчезла в камбузе.

При этом разносе, выпавшем на долю одного кока, остальной экипаж перестал глазеть на мертвеца и вернулся к своим делам. Но несколько человек остались в проходе между камбузом и люком и продолжали переговариваться вполголоса. Я понял, что это не матросы, и потом узнал, что это охотники на котиков, занимавшие несколько привилегированное положение по сравнению с простыми матросами.

— Иогансен! — позвал Волк Ларсен. Матрос тотчас приблизился. — Возьми иглу и гардаман и зашей этого бродягу. Старую парусину найдешь в кладовой. Ступай!

— А что привязать к ногам, сэр? — спросил матрос после обычного "есть, сэр".

— Сейчас устроим, — ответил Волк Ларсен и кликнул кока.

Томас Магридж выскочил из своего камбуза, как игрушечный чертик из коробки.

— Спустишь в трюм и принеси мешок угля.

— Нет ли у кого-нибудь из вас, ребята, библии или молитвенника? — слышалось новое требование, обращенное на этот раз к охотникам.

Они покачали головой, и один отпустил какую-то шутку, которой я не расслышал; она была встречена общим смехом.

Капитан обратился с тем же вопросом к матросам. Библия и молитвенник были здесь, по-видимому, редкими предметами, но один из матросов вызвался спросить у подвахтенных. Однако минуты через две он вернулся ни с чем.

Капитан пожал плечами.

— Тогда придется бросить его за борт без лишней болтовни. Впрочем, может быть, выловленный нами молодчик знает морскую похоронную службу наизусть? Он что-то смахивает на попа.

При этих словах Волк Ларсен внезапно повернулся ко мне.

— Вы, верно, пастор? — спросил он.

Охотники — их было шестеро — все, как один, тоже повернулись в мою сторону, и я болезненно ощутил свое сходство с вороньим пугалом. Мой вид вызвал хохот. Присутствие покойника, распростертого на палубе и тоже, казалось, скалившего зубы, никого не остановило. Это был хохот грубый, резкий и беспощадный, как само море, хохот, отражавший грубые чувства людей, которым не знакомы чуткость и деликатность.

Волк Ларсен не смеялся, хотя в его серых глазах мелькали искорки удовольствия, и только тут, подойдя к нему ближе, я получил более полное впечатление от этого человека, — до сих пор я воспринимал его скорее как шагающую по палубе фигуру, изрыгающую поток ругательств. У него было несколько угловатое лицо с крупными и резкими, но правильными чертами, казавшееся на первый взгляд массивным. Но это первое впечатление от его лица, так же как и от его фигуры, быстро отступало на задний план, и оставалось только ощущение скрытой в этом человеке внутренней силы, дремлющей где-то в недрах его существа. Скулы, подбородок, высокий лоб с выпук-

лыми надбровными дугами, могучие, даже необычайно могучие сами по себе, казалось, говорили об огромной, скрытой от глаз жизненной энергии или мощи духа, — эту мощь было трудно измерить или определить ее границы, и невозможно было отнести ее ни под какую установленную рубрику.

Глаза — мне довелось хорошо узнать их — были большие и красивые, осененные густыми черными бровями и широко расставленные, что говорило о недюжинности натуры. Цвет их, изменчиво-серый, поражал бесчисленным множеством оттенков, как переливчатый шелк в лучах солнца. Они были то серыми — темными или светлыми, — то серовато-зелеными, то принимали лазурную окраску моря. Эти изменчивые глаза, казалось, скрывали его душу, словно непрестанно менявшиеся маски, и лишь в редкие мгновения она как бы проглядывала из них, точно рвалась наружу, навстречу какому-то заманчивому приключению. Эти глаза могли быть мрачными, как хмурое свинцовое небо; могли метать искры, отливая стальным блеском обнаженного меча; могли становиться холодными, как полярные просторы, или теплыми и нежными. И в них мог вспыхивать любовный огонь, обжигающий и властный, который притягивает и покоряет женщин, заставляя их сдаваться восторженно, радостно и самозабвенно.

Но вернемся к рассказу. Я ответил капитану, что я не пастор и, к сожалению, не умею служить панихиду, но он бесцеремонно перебил меня:

— А чем вы зарабатываете на жизнь?

Признаюсь, ко мне никогда еще не обращались с подобным вопросом, да и сам я никогда над этим не задумывался. Я опешил и довольно глупо пробормотал:

— Я... я — джентльмен.

По губам капитана скользнула усмешка.

— У меня есть занятие, я работаю, — торопливо воскликнул я, словно стоял перед судьей и нуждался в оправдании, отчетливо сознавая в то же время, как нелепо с моей стороны пускаться в какие бы то ни было объяснения по этому поводу.

— Это дает вам средства к жизни?

Вопрос прозвучал так властно, что я был озадачен, — сбит с панталыку, как сказал бы Чарли Фэра-

сет, — и молчал, словно школьник перед строгим учителем.

— Кто вас кормит? — последовал новый вопрос.

— У меня есть постоянный доход, — с достоинством отвечал я и в ту же секунду готов был откусить себе язык. — Но все это, простите, не имеет отношения к тому, о чем я хотел поговорить с вами.

Однако капитан не обратил никакого внимания на мой протест.

— Кто заработал эти средства? А? .. Ну, я так и думал — ваш отец. Вы не стоите на своих ногах — кормитесь за счет мертвецов. Вы не смогли бы прожить самостоятельно и суток, не сумели бы три раза в день набить себе брюхо. Покажите руку!

Страшная сила, скрытая в этом человеке, внезапно пришла в действие, и, прежде чем я успел опомниться, он шагнул ко мне, схватил мою правую руку и поднес к глазам. Я попытался освободиться, но его пальцы без всякого видимого усилия крепче охватили мою руку, и мне показалось, что у меня сейчас затрещат кости. Трудно при таких обстоятельствах сохранять достоинство. Я не мог извиваться или брыкаться, как мальчишка, однако не мог и вступить в единоборство с этим чудовищем, угрожавшим одним движением сломать мне руку. Приходилось стоять смирно и переносить это унижение.

Тем временем у покойника, как я успел заметить, уже обшарили карманы, и все, что там сыскалось, сложили на палубе, а труп, на лице которого застыла сардоническая усмешка, обернули в парусину, и Йогансен принялся сшивать ее толстой белой ниткой, втыкая иглу ладонью с помощью особого приспособления, называемого гардаманом и сделанного из куска кожи.

Волк Ларсен с презрительной гримасой отпустил мою руку.

— Изнеженная рука — за счет тех же мертвецов. Такие руки ни на что, кроме мытья посуды и стряпни, не годны.

— Мне хотелось бы сойти на берег, — решительно заявил я, овладев, наконец, собой. — Я уплачу вам, сколько вы потребуете за хлопоты и задержку в пути.

Он с любопытством поглядел на меня. Глаза его светились насмешкой.

— У меня другое предложение — для вашего же блага. Мой помощник умер, и мне придется сделать кое-какие перемещения. Один из матросов займет место помощника, юнга отправится на бак — на место матроса, а вы замените юнгу. Подпишите условие на этот рейс — двадцать долларов в месяц и харчи. Ну, что скажете? Заметьте — это для вашего же блага! Я сделаю вас человеком. Вы со временем научитесь стоять на своих ногах и, быть может, даже ковылять немного.

Я не придавал значения этим словам. Замеченные мною на юго-западе паруса росли; они вырисовывались все отчетливее и, видимо, принадлежали такой же шхуне, как и "Призрак", хотя корпус судна, насколько я мог его разглядеть, был меньше. Шхуна, покачиваясь, скользила нам навстречу, и это было очень красивое зрелище. Я видел, что она должна пройти совсем близко. Ветер быстро крепчал. Солнце, послав нам несколько тусклых лучей, скрылось. Море приняло мрачный свинцово-серый оттенок, забурлило, и к небу полетели клочья белой пены. Наша шхуна прибавила ходу и дала большой крен. Пронесся порыв ветра, поручни исчезли под водой, и волна хлынула на палубу, заставив охотников, сидевших на закраине люка, поспешно поджать ноги.

— Это судно скоро пройдет мимо нас, — сказал я, помолчав. — Оно идет в обратном направлении, быть может — в Сан-Франциско.

— Весьма возможно, — отозвался Ларсен и, отвернувшись от меня, крикнул: — Кок! Эй, кок!

Томас Магридж вынырнул из камбуза.

— Где этот юнга? Скажи ему, что я его зову.

— Есть, сэр.

Томас Магридж бросился на корму и исчез в другом люке около штурвала. Через секунду он снова появился на палубе, а за ним шагал коренастый парень лет восемнадцати-девятнадцати, с лицом хмурым и злобным.

— Вот он, сэр, — сказал кок.

Но Ларсен, не обращая на него больше внимания, повернулся к юнге.

— Как тебя зовут?

— Джордж Лич, сэр, — последовал угрюмый ответ; видно было, что юнга догадывается, зачем его позвали.

— Фамилия не ирландская, — буркнул капитан. — О'Тул или Мак-Карти куда больше подошло бы к твоей роже. Верно, какой-нибудь ирландец прятался у твоей мамы за поленницей.

Я видел, как у парня от этого оскорбления сжались кулаки и побагровела шея.

— Ну, ладно, — продолжал Волк Ларсен. — У тебя могут быть веские причины забыть свою фамилию, — мне на это наплевать, пока ты делаешь свое дело. Ты, конечно, с Телеграфной горы¹. Это у тебя на лбу написано. Я вашего брата знаю. Вы там все упрямы, как ослы, и злы, как черти. Но можешь быть спокоен, мы тебя здесь живо обломаем. Понял? Кстати, через кого ты нанимался?

— Агентство Мак-Криди и Свенсон.

— Сэр! — загремел капитан.

— Мак-Криди и Свенсон, сэр, — поправился юнга, и глаза его злобно сверкнули.

— Кто получил аванс?

— Они, сэр.

— Я так и думал. И ты небось был до черта рад. Спешил, знал, что за тобой кое-кто охотится.

В мгновение ока юнга преобразился в дикаря. Он пригнулся, словно для прыжка, ярость исказила его лицо.

— Вот что... — выкрикнул было он.

— Что? — почти вкрадчиво спросил Ларсен, словно его одолевало любопытство.

Но юнга уже взял себя в руки.

— Ничего, сэр. Я беру свои слова назад.

— И тем доказываешь, что я прав, — удовлетворенно улыбнулся капитан. — Сколько тебе лет?

— Только что исполнилось шестнадцать, сэр.

— Врешь! Тебе больше восемнадцати. И ты еще велик для своих лет, и мускулы у тебя, как у жеребца. Собери свои пожитки и переходи в кубрик на бак. Будешь матросом, гребцом. Это повышение, понял?

Не ожидая ответа, капитан повернулся к матросу, который зашивал труп в парусину и только что закончил свое мрачное занятие.

— Иогансен, ты что-нибудь смыслишь в навигации?

Т е л е г р а ф н а я г о р а — ирландский район в Сан-Франциско

— Нет, сэр.

— Ну, не беда! Все равно будешь теперь помощником. Перенеси свои вещи в каюту, на его койку.

— Есть, сэр! — весело ответил Иогансен и тут же направился на бак.

Но бывший юнга все еще не трогался с места.

— А ты чего ждешь? — спросил капитан.

— Я не нанимался матросом, сэр, — был ответ. — Я нанимался юнгой. Я не хочу служить матросом.

— Собирай вещи и ступай на бак!

На этот раз приказ звучал властно и грозно. Но парень угрюмо насупился и не двинулся с места.

Тут Волк Ларсен снова показал свою чудовищную силу. Все произошло неожиданно, с быстротой молнии. Одним прыжком — футов в шесть, не меньше, — он кинулся на юнгу и ударил его кулаком в живот. В тот же миг я почувствовал острую боль под ложечкой, словно он ударил меня. Я упоминаю об этом, чтобы показать, как чувствительны были в то время мои нервы и как подобные грубые сцены были мне непривычны. Юнга, — а он, кстати сказать, весил никак не менее ста шестидесяти пяти фунтов, — согнулся пополам. Его тело безжизненно повисло на кулаке Ларсена, словно мокрая тряпка на палке. Затем я увидел, как он взлетел на воздух, описал дугу и рухнул на палубу рядом с трупом, ударившись о доски головой и плечами. Так он и остался лежать, корчась от боли.

— Ну как? — повернулся вдруг Ларсен ко мне. — Вы обдумали?

Я поглядел на приближавшуюся шхуну, которая уже почти поровнялась с нами; ее отделяло от нас не более двухсот ярдов. Это было стройное, изящное суденышко. Я различил крупный черный номер на одном из парусов и, припомнив виденные мною раньше изображения судов, сообразил, что это лоцманский бот.

— Что это за судно? — спросил я.

— Лоцманский бот "Леди Майн", — ответил Ларсен. — Доставил своих лоцманов и возвращается в Сан-Франциско. При таком ветре будет там через пять-шесть часов.

— Будьте добры дать им сигнал, чтобы они переправили меня на берег.

— Очень сожалею, но я уронил свою сигнальную книгу за борт, — ответил капитан, и в группе охотников послышался смех.

Секунду я колебался, глядя ему прямо в глаза. Я видел, как жестоко разделался он с юнгой, и знал, что меня, быть может, ожидает то же самое, если еще не похуже что-нибудь. Повторяю, я колебался, а потом сделал то, что до сих пор считаю самым смелым поступком в моей жизни. Я бросился к борту и, размахивая руками, крикнул:

— "Леди Майн", эй! Свезите меня на берег. Тысячу долларов за доставку на берег!

Я впился взглядом в двоих людей, стоявших у штурвала. Один из них правил, другой поднес к губам рупор. Я не поворачивал головы и каждую секунду ждал, что человек-зверь, стоявший за моей спиной, одним ударом уложит меня на месте. Наконец — мне показалось, что прошли века, — я не выдержал и оглянулся. Ларсен не тронулся с места. Он стоял в той же позе, слегка покачиваясь на расставленных ногах, и раскуривал новую сигару.

— В чем дело? Случилось что-нибудь? — раздалось с "Леди Майн".

— Да! Да! — благим матом заорал я. — Спасите, спасите! Тысячу долларов за доставку на берег!

— Ребята хватили лишнего в Фриско! — раздался голос Ларсена. — Этот вот, — он указал на меня, — допился уже до зеленого змия!

На "Леди Майн" расхохотались в рупор, и судно прошло мимо.

— Всыпьте ему как следует от нашего имени! — долетели напутственные слова, и стоявшие у штурвала помахали руками в знак приветствия.

В отчаянии я облокотился о поручни, глядя, как быстро ширится полоса холодной морской воды, отделяющая нас от стройного маленького судна. Оно будет в Сан-Франциско через пять или шесть часов! У меня голова пошла кругом, сердце отчаянно заколотилось и к горлу подкатил комок. Пенистая волна ударила о борт, и мне брызнуло в лицо соленой влагой. Ветер налетал порывами, и "Призрак", сильно кренясь, зарывался в воду подветренным бортом. Я слышал, как вода с шипением взбегала на палубу.

Оглянувшись, я увидел юнгу, который с трудом поднимался на ноги. Лицо его было мертвенно-бледно и искажено от боли. Я понял, что ему очень плохо.

— Ну, Лич, идешь на бак? — спросил капитан.

— Есть, сэр, — последовал покорный ответ.

— А ты? — повернулся капитан ко мне.

— Я дам вам тысячу... — начал я, но он прервал меня:

— Брось это! Ты согласен приступить к обязанностям юнги? Или мне придется взяться за тебя?

Что мне было делать? Дать зверски избить себя, может быть даже убить — какой от этого прок? Я твердо посмотрел в жесткие серые глаза. Они походили на гранитные глаза изваяния — так мало было в них человеческого тепла. Обычно в глазах людей отражаются их душевные движения, но эти глаза были бесстрастны и холодны, как свинцово-серое море.

— Ну, что?

— Да, — сказал я.

— Скажи: да, сэр.

— Да, сэр, — поправился я.

— Как тебя зовут?

— Ван-Вейден, сэр.

— Имя?

— Хэмфри, сэр. Хэмфри Ван-Вейден.

— Возраст?

— Тридцать пять, сэр.

— Ладно. Пойди к коку, он тебе покажет, что ты должен делать.

Так случилось, что я, помимо моей воли, попал в рабство к Волку Ларсену. Он был сильнее меня, вот и все. Но в то время это казалось мне каким-то наваждением. Да и сейчас, когда я оглядываюсь на прошлое, все, что приключилось тогда со мной, представляется мне совершенно невероятным. Таким будет это представляться мне и впредь — чем-то чудовищным и непостижимым, каким-то ужасным кошмаром.

— Подожди!

Я послушно остановился, не дойдя до камбуза.

— Иогансен, вызови всех наверх! Теперь все как будто стало на свое место и можно заняться похоронами и очистить палубу от ненужного хлама.

Пока Иогансен собирал команду, двое матросов, по указанию капитана, положили зашитый в парусину труп на лючину. У обоих бортов на палубе, днищами кверху, были принайтены маленькие шлюпки. Несколько матросов подняли доску с ее страшным грузом и положили на эти шлюпки с подветренной стороны, повернув труп ногами к морю. К ногам привязали принесенный коком мешок с углем.

Похороны на море представлялись мне всегда торжественным, внушающим благоговение обрядом, но то, чему я стал свидетелем, мгновенно развеяло все мои иллюзии. Один из охотников, невысокий темноглазый парень, — я слышал, как товарищи называли его Смоком, — рассказывал анекдоты, щедро сдобренные бранными и непристойными словами. В группе охотников поминутно раздавались взрывы хохота, которые напоминали мне не то вой волков, не то лай псов в преисподней. Матросы, стуча сапогами, собирались на корме. Некоторые из подвахтенных протирали заспанные глаза и переговаривались вполголоса. На лицах матросов застыло мрачное, озабоченное выражение. Очевидно, им мало улыбалось путешествие с этим капитаном, начавшееся к тому же при столь печальных предзнаменованиях. Время от времени они украдкой поглядывали на Волка Ларсена, и я видел, что они его побаиваются.

Капитан подошел к доске; все обнажили головы. Я присматривался к людям, собравшимся на палубе, — их было двадцать человек; значит, всего на борту шхуны, если считать рулевого и меня, находилось двадцать два человека. Мое любопытство было простительно, так как мне предстояло, по-видимому, не одну неделю, а быть может, и не один месяц, провести вместе с этими людьми в этом крошечном плавучем мирке. Большинство матросов были англичане или скандинавы, с тяжелыми, малоподвижными лицами. Лица охотников, изборожденные резкими морщинами, были более энергичны и интересны, и на них лежала печать необузданной игры страстей. Странно сказать, но, как я сразу же отметил, в чертах Волка Ларсена не было ничего порочного. Его лицо тоже избородили глубокие морщины, но они говорили лишь о решимости и силе воли. Выражение лица было скорее даже прямодушное, открытое, и впечатление

это усиливалось благодаря тому, что он был гладко выбрит. Не верилось — до следующего столкновения, — что это тот самый человек, который так жестоко обошелся с юнгой.

Вот он открыл рот, собираясь что-то сказать, но в этот миг резкий порыв ветра налетел на шхуну, сильно ее накренив. Ветер дико свистел и завывал в снастях. Некоторые из охотников тревожно поглядывали на небо. Подветренный борт, у которого лежал покойник, зарылся в воду, и, когда шхуна выпрямилась, волна перекатилась через палубу, захлестнув нам ноги выше щиколотки. Внезапно хлынул ливень; тяжелые крупные капли были, как градины. Когда шквал пронесся, капитан заговорил, и все слушали его, обнажив головы, покачиваясь в такт с ходившей под ногами палубой.

— Я помню только часть похоронной службы, — сказал Ларсен. — Она гласит: "И тело да будет предано морю". Так вот и бросьте его туда.

Он умолк. Люди, державшие лючину, были смущены: краткость церемонии, видимо, озадачила их. Но капитан яростно на них накинулся:

— Поднимайте этот конец, черт бы вас подрал! Какого дьявола вы канителитесь?

Кто-то торопливо подхватил конец доски, и мертвец, выброшенный за борт, словно собака, соскользнул в море ногами вперед. Мешок с углем, привязанный к ногам, потянул его вниз. Он исчез.

— Йогансен, — резко крикнул капитан своему новому помощнику, — оставь всех наверху, раз уж они здесь. Убрать топсея и кливера, да поживей! Надо ждать зюйд-оста. Заодно возьми рифы у грота! И у стаксея!

Вмиг все на палубе пришло в движение. Йогансен зычно выкрикивал слова команды, матросы выбирали и травили различные снасти, а мне, человеку сугубо сухопутному, все это, конечно, представлялось сплошной неразберихой. Но больше всего поразило меня проявленное этими людьми бессердечие. Смерть человека была для них мелким эпизодом, который канул в вечность вместе с зашитым в парусину трупом и мешком угля, и корабль все так же продолжал свой путь, и работа шла своим чередом. Никто не был взволнован. Охотники уже опять смеялись какому-то

непристойному анекдоту Смока. Команда выбирала и травила снасти, двое матросов полезли на мачту. Волк Ларсен всматривался в облачное небо с наветренной стороны. А человек, так жалко окончивший свои дни и так недостойно погребенный, опускался все глубже и глубже на дно.

Ощущение жестокости и неумолимости морской стихии вдруг нахлынуло на меня, и жизнь показалась мне чем-то дешевым и мишурным, чем-то диким и бессмысленным — каким-то нелепым барахтаньем в грязной тине. Я держался за фальшборт у самых вант и смотрел на утрюмые, пенистые волны и низко нависшую гряду тумана, скрывавшую от нас Сан-Франциско и калифорнийский берег. Временами налетал шквал с дождем, и тогда и сам туман исчезал из глаз за плотной завесой дождя. А наше странное судно, с его чудовищным экипажем, ныряло по волнам, устремляясь на юго-запад, в широкие, пустынные просторы Тихого Океана.

Глава четвертая

Все мои старания приспособиться к новой для меня обстановке зверобойной шхуны "Призрак" приносили мне лишь бесконечные страдания и унижения. Магридж, которого команда называла "доктором", охотники — "Томми", а капитан — "коком", изменился, как по волшебству. Перемена в моем положении резко повлияла на его обращение со мной. От прежней угодливости не осталось и следа — теперь он только покрикивал да бранился. Ведь я не был больше изящным джентльменом, с кожей "нежной, как у леди", а превратился в обыкновенного и довольно бестолкового юнгу.

Кок требовал, как это ни смешно, чтобы я называл его "мистер Магридж", а сам, объясняя мне мои обязанности, был невыносимо груб. Помимо обслуживания кают-компаний с выходившими в нее четыремь маленькими каютами, я должен был помогать ему в

камбузе, и мое полное невежество по части мытья кастрюль и чистки картофеля служило для него неиссякаемым источником изумления и насмешек. Он не желал принимать во внимание мое прежнее положение, вернее жизнь, которую я привык вести. Ему не было до этого никакого дела, и, признаюсь, что уже к концу первого дня я ненавидел его сильнее, чем кого бы то ни было в жизни.

Этот первый день был для меня тем труднее, что "Призрак", под зарифленными парусами (с подобными терминами я познакомился лишь впоследствии), нырял в волнах, которые насылал на нас "ревуший", как выразился мистер Магридж, зюйд-ост. В половине шестого я, по указанию кока, накрыл стол в кают-компании, предварительно установив по краям его решетку на случай бурной погоды, а затем начал подавать еду и чай. В связи с этим не могу не рассказать о своем первом близком знакомстве с сильной морской качкой.

— Гляди в оба, не то окатит! — напутствовал меня мистер Магридж, когда я выходил из камбуза с большим чайником в руке и с несколькими караваемы свежее испеченного хлеба подмышкой. Один из охотников, долговязый парень, по имени Гендерсон, направлялся в это время из "четвертого класса" (так называли они в шутку свой кубрик) в кают-компанию. Волк Ларсен курил на юте свою неизменную сигару.

— Идет, идет! Держись! — закричал кок.

Я остановился, так как не понял, что собственно "идет". Дверь камбуза с треском затворилась за мной, а Гендерсон опрометью бросился к вантам и проворно полез по ним вверх, пока не очутился у меня над головой. И только тут я заметил гигантскую волну с пенистым гребнем, высоко взмывшую над бортом. Она шла прямо на меня. Мой мозг работал медленно, потому что все здесь было для меня еще ново и необычно. Я понял только, что мне грозит опасность, и застыл на месте, оцепенев от ужаса. Тут Ларсен крикнул мне с юта:

— Держись за что-нибудь, эй ты... Хэмп¹!

¹ Сокращение имени Хэмфри (Humphrey). В то же время намек на сутулость (hump — горб) людей умственного труда.

Но было уже поздно. Я прыгнул к вантам, чтобы уцепиться за них, и в этот миг стена воды обрушилась на меня и все смешалось. Я был под водой, задыхался и тонул. Палуба ушла из-под ног, и я куда-то полетел, перевернувшись несколько раз через голову. Меня швыряло из стороны в сторону, ударяло о какие-то твердые предметы, и я сильно ушиб правое колено. Потом волна отхлынула, и мне удалось, наконец, перевести дух. Я увидел, что меня отнесло с наветренного борта за камбуз мимо люка в кубрик, к шпигатам подветренного борта. Я чувствовал острую боль в колене и не мог ступить на эту ногу, или так по крайней мере мне казалось. Я был уверен, что нога сломана. Но кок уже кричал мне из камбуза:

— Эй, ты! Долго ты будешь там валандаться? Где чайник? Уронил за борт? Жаль, что ты не сломал себе шею!

Я кое-как поднялся на ноги и заковылял к камбузу. Огромный чайник все еще был у меня в руке, и я отдал его коку. Но Магридж задыхался от негодования — то ли настоящего, то ли притворного.

— Ну и растяпа же ты! Куда ты годишься, хотел бы я знать? А? Куда ты годишься? Не можешь чай донести! А я теперь изволь заваривать снова!

— Да чего ты хнычешь? — с новой яростью набросился он на меня через минуту. — Ножку зашиб? Ах ты, маменькино сокровище!

Я не хныкал, но лицо у меня, вероятно, кривилось от боли. Собравшись с силами, я стиснул зубы и проковылял от камбуза до кают-компания и обратно без дальнейших злоключений. Этот случай имел для меня двойные последствия: прежде всего я сильно ушиб коленную чашечку и страдал от этого много месяцев — ни о каком лечении, конечно, не могло быть и речи, — а кроме того, за мной утвердилось кличка "Хэмп", которой наградил меня с юта Волк Ларсен. С тех пор никто на шхуне меня иначе и не называл, и я мало-помалу настолько к этому привык, что уже и сам мысленно называл себя "Хэмп", словно получил это имя от рождения.

Не легко было прислуживать за столом кают-компания, где восседал Волк Ларсен с Иогансеном и шестерыми охотниками. В этой маленькой, тесной каюте двигаться было чрезвычайно трудно, особенно

когда шхуну качало и кидало из стороны в сторону. Но тяжелее всего было для меня полное равнодушие людей, которым я прислуживал. Время от времени я ощупывал сквозь одежду колено, чувствовал, что оно пухнет все сильнее и сильнее, и от боли у меня кружилась голова. В зеркале на стене кают-компаний временами мелькало мое бледное, страшное, искаженное болью лицо. Сидевшие за столом не могли не заметить моего состояния, но никто из них не выказал мне сочувствия. Поэтому я почти проникся благодарностью к Ларсену, когда он бросил мне после обеда (я в это время уже мыл тарелки):

— Не обращай внимания на эти пустяки! Привыкнешь со временем. Немного, может, и покалечишься, но зато научишься ходить. Это, кажется, называется парадоксом, не так ли? — добавил он.

По-видимому, он остался доволен, когда я, утвердительно кивнув, ответил как полагалось: "Есть, сэр".

— Ты, должно быть, согласишься кое-что в литературе? Ладно. Я как-нибудь побеседую с тобой.

Он повернулся и, не обращая на меня больше внимания, вышел на палубу.

Вечером, когда я справился, наконец, с бесчисленным количеством дел, меня послали спать в кубрик к охотникам, где нашлась свободная койка. Я рад был лечь, дать отдых ногам и хоть на время избавиться от несносного кока. Одежда успела высохнуть на мне, и я, к моему удивлению, не ощущал ни малейших признаков простуды ни от последнего морского купанья, ни от более продолжительного пребывания в воде, когда затонул "Мартинес". При обычных обстоятельствах я после подобных испытаний лежал бы, конечно, в постели и около меня хлопотала бы сиделка.

Но боль в колене была мучительной. Насколько я мог понять — так как колено страшно распухло, — у меня была смещена коленная чашечка. Я сидел на своей койке и рассматривал колено (все шесть охотников находились тут же — они курили и громко разговаривали), когда мимо прошел Гендерсон и мельком глянул на меня.

— Скверная штука, — заметил он. — Обвяжи потуже тряпкой, пройдет.

Вот и все; а случись это со мной на суше, меня лечил бы хирург и, несомненно, прописал бы полный покой. Но следует отдать справедливость этим людям. Так же равнодушно относились они и к своим собственным страданиям. Я объясняю это привычкой и тем, что чувствительность у них притупилась. Я убежден, что человек с более тонкой нервной организацией, с более острой восприимчивостью страдал бы на их месте куда сильнее.

Я страшно устал, вернее совершенно изнемог, и все же боль в колене не давала мне уснуть. С трудом удерживался я от стонов. Дома я, конечно, дал бы себе волю, но эта новая, грубая, примитивная обстановка невольно внушала мне суровую сдержанность. Окружавшие меня люди, подобно дикарям, стоически относились к важным вещам, а в мелочах напоминали детей. Впоследствии мне пришлось наблюдать, как Керфуту, одному из охотников, разmozжило палец. Керфут не только не издал ни звука, но даже не изменился в лице. И вместе с тем я много раз видел, как тот же Керфут приходил в бешенство из-за сущих пустяков.

Вот и теперь он орал, размахивал руками и отчаянно бранился — и все только потому, что другой охотник не соглашался с ним, что тюлений белек от рождения умеет плавать. Керфут утверждал, что этим умением новорожденный тюлень обладает с первой минуты своего появления на свет, а другой охотник, Лэтимер, тощий янки с хитрыми, похожими на щелочки глазками, утверждал, что тюлень именно потому и рождается на суше, что не умеет плавать, и мать обучает его этой премудрости совершенно так же, как птицы учат своих птенцов летать.

Остальные четыре охотника с большим интересом прислушивались к спору, — кто лежа на койке, кто приподнявшись и облокотясь на стол, — и временами подавали реплики. Иногда они начинали говорить все сразу, и тогда в тесном кубрике голоса их звучали подобно раскатам бутафорского грома. Они спорили о пустяках, как дети, и доводы их были крайне наивны. Собственно говоря, они даже не приводили никаких доводов, а ограничивались голословными утверждениями или отрицаниями. Уменье или неуменье новорожденного тюленя плавать они пытались

доказать просто тем, что высказывали свое мнение с воинственным видом и сопровождали его выпадами против национальности, здравого смысла или прошлого своего противника. Я рассказываю об этом, чтобы показать умственный уровень людей, с которыми принужден был общаться. Интеллектуально они были детьми, хотя и в обличье взрослых мужчин.

Они беспрерывно курили — курили дешевый зловонный табак. В кубрике нельзя было продохнуть от дыма. Этот дым и сильная качка боровшегося с бурей судна, несомненно, довели бы меня до морской болезни, будь я ей подвержен. Я и так уже испытывал дурноту, хотя, быть может, причиной ее были боль в ноге и переутомление.

Лежа на койке и предаваясь своим мыслям, я, естественно, прежде всего задумывался над положением, в которое попал. Это же было невероятно, неслыханно! Я, Хэмфри Ван-Вейден, ученый и, с вашего позволения, любитель искусства и литературы, принужден валяться здесь, на какой-то шхуне, направляющейся в Берингово море бить котиков! Юнга! Никогда в жизни я не делал грубой физической, а тем более кухонной работы. Я всегда вел тихий, монотонный, сидячий образ жизни. Это была жизнь ученого, затворника, существующего на приличный и обеспеченный доход. Бурная деятельность и спорт никогда не привлекали меня. Я был книжным червем, так сестры и отец с детства и называли меня. Только раз в жизни я принял участие в туристском походе, да и то сбежал в самом начале и вернулся к комфорту и удобствам оседлой жизни. И вот теперь передо мной открывалась безрадостная перспектива бесконечной чистки картофеля, мытья посуды и прислуживания за столом. А ведь физически я совсем не был силен. Врачи, положим, утверждали, что у меня великолепное телосложение, но я никогда не развивал своих мускулов упражнениями, и они были слабы и вялы, как у женщины. По крайней мере те же врачи постоянно отмечали это, пытаясь убедить меня заняться гимнастикой. Но я предпочитал упражнять свою голову, а не тело, и теперь был, конечно, совершенно не подготовлен к предстоявшей мне тяжелой жизни.

Я рассказываю лишь немного из того, что передумал тогда, и делаю это, чтобы заранее оправдаться;

ибо жалкой и беспомощной была та роль, которую мне предстояло сыграть.

Думал я также о моей матери и сестрах и ясно представлял себе их горе. Ведь я значился в числе погибших на "Мартинесе", одним из пропавших без вести. Передо мной мелькали заголовки газет, я видел, как мои приятели в университетском клубе покачивают головой и вздыхают: "Вот бедняга!" Видел я и Чарли Фэрасета в минуту прощания, в то роковое утро, когда он в халате на мягком диванчике под окном изрекал, словно оракул, свои скептические афоризмы.

А тем временем шхуна "Призрак", покачиваясь, ныряя, взбираясь на движущиеся водяные валы и скатываясь в бурлящие пропасти, прокладывая себе путь все дальше и дальше — к самому сердцу Тихого океана... и уносила меня с собой. Я слышал, как над морем бушует ветер. Его приглушенный вой долетал и сюда. Иногда над головой раздавался топот ног по палубе. Кругом все стонало и скрипело, деревянные крепления трещали, кряхтели, визжали и жаловались на тысячу ладов. Охотники все еще спорили и рычали друг на друга, словно какие-то человекоподобные земноводные. Ругань висела в воздухе. Я видел их разгоряченные лица в искажающем, тускло-желтом свете ламп, раскачивавшихся вместе с кораблем. В облаках дыма койки казались логовищами диких зверей. На стенах висели клеенчатые штаны и куртки и морские сапоги; на полках кое-где лежали дробовики и винтовки. Все это напоминало картину из жизни пиратов и морских разбойников былых времен. Мое воображение разыгралось и не давало мне уснуть. Это была долгая, долгая, томительная и тоскливая, очень долгая ночь.

Глава пятая

Первая ночь, проведенная мною в кубрике охотников, оказалась также и последней. На другой день новый помощник Йогансен был изгнан капи-

таном из его каюты и переселен в кубрик к охотникам. А мне велено было перебраться в крохотную каютку, в которой до меня в первый же день плавания сменилось уже два хозяина. Охотники скоро узнали причину этих перемещений и остались ею очень недовольны. Выяснилось, что Иогансен каждую ночь вслух переживает во сне все свои дневные впечатления. Волк Ларсен не пожелал слушать, как он непрерывно что-то бормочет и выкрикивает слова команды, и предпочел переложить эту неприятность на охотников.

После бессонной ночи я встал слабый и измученный. Так начался второй день моего пребывания на шхуне "Призрак". Томас Магридж растолкал меня в половине шестого не менее грубо, чем Билл Сайкс¹ будил свою собаку. Но за эту грубость ему тут же отплатили с лихвой. Поднятый им без всякой надобности шум — я за всю ночь так и не сомкнул глаз, — потревожил кого-то из охотников. Тяжелый башмак просвистел в полутьме, и мистер Магридж, взыв от боли, начал униженно рассыпаться в извинениях. Потом в камбузе я увидел его окровавленное и распухшее ухо. Оно никогда уже больше не приобрело своего нормального вида, и матросы стали называть его после этого "капустным листом".

Этот день был полон для меня самых разнообразных неприятностей. Уже с вечера я взял из камбуза свое высохшее платье и теперь первым делом поспешил сбросить с себя вещи кока, а затем стал искать свой кошелек. Кроме мелочи (у меня на этот счет хорошая память), там лежало сто восемьдесят пять долларов золотом и бумажками. Кошелек я нашел, но все его содержимое, за исключением мелких серебряных монет, исчезло. Я заявил об этом коку, как только поднялся на палубу, чтобы приступить к своей работе в камбузе, и хотя и ожидал от него грубого ответа, однако свирепая отповедь, с которой он на меня обрушился, совершенно меня ошеломила.

— Вот что, Хэмп, — захрипел он, злобно сверкая глазами. — Ты что, хочешь, чтобы тебе пустили из носу кровь? Если ты считаешь меня вором, держи это

¹ Б и л л С а й к с — персонаж из романа Чарльза Диккенса "Оливер Твист".

про себя, а не то крепко пожалеешь о своей ошибке, черт тебя подери! Вот она, твоя благодарность, чтоб я пропал! Я тебя пригрел, когда ты совсем подышал, взял к себе в камбуз, возился с тобой, а ты так мне отплатил? Проваливай ко всем чертям, вот что! У меня руки чешутся показать тебе дорогу.

Сжав кулаки и продолжая кричать, он двинулся на меня. К стыду своему, должен признаться, что я, увернувшись от удара, выскочил из камбуза. Что мне было делать? Сила, грубая сила, царила на этом подлом судне. Читать мораль было здесь не в ходу. Вообразите себе человека среднего роста, худощавого, со слабыми, неразвитыми мускулами, привыкшего к тихой, мирной жизни, незнакомого с насилием... Что такой человек мог тут поделаться? Вступать в драку с озверевшим коком было так же бессмысленно, как сражаться с разъяренным быком.

Так думал я в то время, испытывая потребность в самооправдании и желая успокоить свое самолюбие. Но такое оправдание не удовлетворило меня, да и сейчас, вспоминая этот случай, я не могу полностью себя обелить. Положение, в которое я попал, не укладывалось в обычные рамки и не допускало рациональных поступков — тут надо было действовать не рассуждая. И хотя логически мне, казалось, абсолютно нечего было стыдиться, я тем не менее всякий раз испытываю стыд при воспоминании об этом эпизоде, ибо чувствую, что моя мужская гордость была попраана и оскорблена.

Однако все это не относится к делу. Я удираю из камбуза с такой поспешностью, что почувствовал острую боль в колене и в изнеможении опустился на палубу у переборки юта. Но кок не стал преследовать меня.

— Гляньте на него! Ишь как улепетывает! — услышал я его насмешливые возгласы. — А еще с больной ногой! Иди назад, бедняжка, маменькин сынок! Не трону, не бойся!

Я вернулся и принялся за работу. На этом дело пока и кончилось, однако оно имело свои последствия. Я накрыл стол в кают-компании и в семь часов подал завтрак. Буря за ночь улеглась, но волнение было все еще сильное и дул свежий ветер. "Призрак" мчался под всеми парусами, кроме обоих топселей и бом-

кливера. Паруса были поставлены в первую вахту, и, как я понял из разговора, остальные три паруса тоже решено было поднять сейчас же после завтрака. Я узнал также, что Волк Ларсен старается использовать этот шторм, который гнал нас на юго-запад в ту часть океана, где мы могли встретить северо-восточный пассат. Под этим постоянным ветром Ларсен рассчитывал пройти большую часть пути до Японии, спуститься затем на юг к тропикам, а потом у берегов Азии повернуть опять на север.

После завтрака меня ожидало новое и также довольно незавидное приключение. Покончив с мытьем посуды, я выгреб из печки в кают-компании золу и вынес ее на палубу, чтобы выбросить за борт. Волк Ларсен и Гендерсон оживленно беседовали у штурвала. На руле стоял матрос Джонсон. Когда я двинулся к наветренному борту, он мотнул головой, и я принял это за утреннее приветствие. А он пытался предостеречь меня, чтобы я не выбрасывал золу против ветра. Ничего не подозревая, я прошел мимо Волка Ларсена и охотника и высыпал золу за борт. Ветер подхватил ее, и не только я сам, но и капитан с Гендерсоном оказались осыпанными золой. В тот же миг Ларсен ударил меня ногой, как щенка. Я никогда не представлял себе, что пинок ногой может быть так ужасен. Я отлетел назад и, шатаясь, прислонился к рубке, едва не лишившись сознания от боли. Все поплыло у меня перед глазами, к горлу подступила тошнота. Я сделал над собой усилие и подполз к борту. Но Волк Ларсен уже забыл про меня. Стряхнув с платья золу, он возобновил разговор с Гендерсоном. Иогансен, наблюдавший все это с юта, послал двух матросов прибрать палубу.

Несколько позже в то же утро я столкнулся с неожиданностью совсем другого свойства. Следуя указаниям кока, я отправился в капитанскую каюту, чтобы прибрать ее и застелить койку. На стене, у изголовья койки, висела полка с книгами. С изумлением прочел я на корешках имена Шекспира, Теннисона, Эдгара По и Де-Куинси. Были там и научные сочинения, среди которых я заметил труды Тиндаля, Проктора и Дарвина, а также книги по астрономии и физике. Кроме того, я увидел "Мифический век" Булфинча, "Историю английской и американской литературы"

Шоу, "Естественную историю" Джонсона в двух больших томах и несколько грамматик — Меткалфа, Гида и Келлога. Я не мог не улыбнуться, когда на глаза мне попался экземпляр "Английского языка для проповедников".

Наличие этих книг никак не вязалось с обликом их владельца, и я не мог не усомниться в том, что он способен читать их. Но, застилая койку, я обнаружил под одеялом томик Броунинга в кембриджском издании — очевидно, Ларсен читал его перед сном. Он был открыт на стихотворении "На балконе", и я заметил, что некоторые места подчеркнуты карандашом. Шхуну качнуло, я выронил книгу, и из нее выпал листок бумаги, испещренный геометрическими фигурами и какими-то выкладками.

Значит, этот ужасный человек совсем не такой уж неуч, как можно было предположить, наблюдая его звериные выходки. И он сразу стал для меня загадкой. Обе стороны его натуры в отдельности были вполне понятны, но их сочетание казалось непостижимым. Я уже успел заметить, что Ларсен говорит превосходным языком, в котором лишь изредка проскальзывают не совсем правильные обороты. Если в разговоре с матросами и охотниками он и позволял себе жаргонные выражения, то в тех редких случаях, когда он обращался ко мне, его речь была точна и правильна.

Узнав его теперь случайно с другой стороны, я несколько осмелел и решился сказать ему, что у меня пропали деньги.

— Меня обокрали, — обратился я к нему, увидев, что он в одиночестве расхаживает по палубе.

— Сэр, — поправил он меня не грубо, но внушительно.

— Меня обокрали, сэр, — повторил я.

— Как это случилось? — спросил он.

Я рассказал ему, что оставил свое платье сушиться в камбузе, а потом кок чуть не избил меня, когда я заикнулся ему о пропаже.

Волк Ларсен выслушал меня и усмехнулся.

— Кок поживился, — решил он. — Но не кажется ли вам, что ваша жалкая жизнь стоит все же этих денег? Кроме того, это для вас урок. Научитесь в конце концов сами заботиться о своих деньгах. До сих пор,

вероятно, это делал за вас ваш поверенный или управляющий.

Я почувствовал насмешку в его словах, но все же спросил:

— Как мне получить их назад?

— Это ваше дело. Здесь у вас нет ни поверенного, ни управляющего, остается полагаться только на самого себя. Если вам перепадет доллар, держите его крепче. Тот, у кого деньги валяются где попало, заслуживает, чтобы его обокрали. К тому же вы еще и согрешили. Вы не имеете права искушать ближних. А вы соблазнили кока, и он пал. Вы подвергли опасности его бессмертную душу. Кстати, верите ли вы в бессмертие души?

При этом вопросе веки его лениво приподнялись, и мне показалось, что отдернулась какая-то завеса и я на мгновение заглянул в его душу. Но это была иллюзия. Я уверен, что ни одному человеку не удалось проникнуть взглядом в душу Волка Ларсена. Это была одинокая душа, как мне довелось впоследствии убедиться. Волк Ларсен никогда не снимал маски, хотя порой любил играть в откровенность.

— Я читаю бессмертие в ваших глазах, — отвечал я и для опыта пропустил "сэр"; известная интимность нашего разговора, казалось мне, допускала это.

Ларсен действительно не придавал этому значения.

— Вы, я полагаю, хотите сказать, что видите в них нечто живое. Но это живое не будет жить вечно.

— Я читаю в них значительно больше, — смело продолжал я.

— Ну да — сознание. Сознание, постижение жизни. Но не больше, не бесконечность жизни.

Он мыслил ясно и хорошо выражал свои мысли. Не без любопытства оглядев меня, он отвернулся и устремил взор на свинцовое море. Глаза его потемнели и у рта обозначились резкие, суровые линии. Он явно был мрачно настроен.

— А какой в этом смысл? — отрывисто спросил он, снова повернувшись ко мне. — Если я наделен бессмертием, то зачем?

Я молчал. Как мог я объяснить этому человеку свой идеализм? Как передать словами что-то неопределенное, похожее на музыку, которую слышишь во сне?

Нечто вполне убедительное для меня, но не поддающееся определению.

— Во что же вы тогда верите? — в свою очередь спросил я.

— Я верю, что жизнь — нелепая суета, — быстро ответил он. — Она похожа на закваску, которая бродит минуты, часы, годы или столетия, но рано или поздно перестает бродить. Большие пожирают малых, чтобы поддержать свое брожение. Сильные пожирают слабых, чтобы сохранить свою силу. Кому везет, тот ест больше и бродит дольше других, — вот и все! Вон поглядите — что вы скажете об этом?

Нетерпеливым жестом он показал на группу матросов, которые возились с тросами посреди палубы.

— Они копошатся, движутся, но ведь и медузы движутся. Движутся для того, чтобы есть, и едят для того, чтобы продолжать двигаться. Вот и вся штука! Они живут для своего брюха, а брюхо поддерживает в них жизнь. Это замкнутый круг; двигаясь по нему, никуда не попадешь. Так с ними и происходит. Рано или поздно движение прекращается. Они больше не копошатся. Они мертвы.

— У них есть мечты, — прервал я, — сверкающие, лучезарные мечты о...

— О жратве, — решительно прервал он меня.

— Нет, и еще...

— И еще о жратве. О большой удаче — как бы побольше и послаще пожрать. — Голос его звучал резко. В нем не было и тени шутки. — Будьте уверены, они мечтают об удачных плаваниях, которые дадут им больше денег; о том, чтобы стать капитанами кораблей или найти клад, — короче говоря, о том, чтобы устроиться получше и иметь возможность высасывать соки из своих ближних, о том, чтобы самим всю ночь спать под крышей и хорошо питаться, а всю грязную работу переложить на других. И мы с вами такие же. Разницы нет никакой, если не считать того, что мы едим больше и лучше. Сейчас я пожираю их и вас тоже. Но в прошлом вы ели больше моего. Вы спали в мягких постелях, носили хорошую одежду и ели вкусные блюда. А кто сделал эти постели, и эту одежду, и эти блюда? Не вы. Вы никогда ничего не делали в поте лица своего. Вы живете с доходов, оставленных вам отцом. Вы, как птица фрегат, бро-

саетесь с высоты на бакланов и похищаете у них пойманную ими рыбешку. Вы — одно целое с кучкой людей, создавших то, что они называют "государством", и властвующих над всеми остальными людьми и пожирающих пищу, которую те добывают и сами не прочь были бы съесть. Вы носите теплую одежду, а те, кто сделал эту одежду, дрожат от холода в лохмотьях и еще должны вымаливать у вас работу — у вас или у вашего поверенного или управляющего, — словом у тех, кто распоряжается вашими деньгами.

— Но это совсем другой вопрос! — воскликнул я.

— Вовсе нет! — Капитан говорил быстро, и глаза его сверкали. — Это свинство и это... жизнь. Какой же смысл в бессмертии свинства? К чему все это ведет? Зачем все это нужно? Вы не создаете пищи, а между тем пища, съеденная или выброшенная вами, могла бы спасти жизнь десятка несчастных, которые эту пищу создают, но не едят. Какого бессмертия заслужили вы? Или они? Возьмите нас с вами. Чего стоит ваше хваленое бессмертие, когда ваша жизнь столкнулась с моей? Вам хочется назад, на сушу, так как там раздолье для привычного вам свинства. По своему капризу я держу вас на этой шхуне, где процветает мое свинство. И буду держать. Я или сломаю вас, или переделаю. Вы можете умереть здесь сегодня, через неделю, через месяц. Я мог бы одним ударом кулака убить вас, — ведь вы жалкий червяк. Но если мы бессмертны, то какой во всем этом смысл? Вести себя всю жизнь по-свински, как мы с вами, — неужели это к лицу бессмертным? Так для чего же это все? Почему я держу вас тут?

— Потому, что вы сильнее, — выпалил я.

— Но почему я сильнее? — не унимался он. — Потому что во мне больше этой закваски, чем в вас. Неужели вы не понимаете? Неужели не понимаете?

— Но жить так — это же безнадежность! — воскликнул я.

— Согласен с вами, — отвечал он. — И зачем оно нужно вообще, это брожение которое и есть сущность жизни? Не двигаться, не быть частицей жизненной закваски, — тогда не будет и безнадежности. Но в этом-то все и дело: мы хотим жить и двигаться, несмотря на всю бессмысленность этого, хотим, потому

что это заложено в нас природой, — стремление жить и двигаться, бродить. Без этого жизнь остановилась бы. Вот эта жизнь внутри вас и заставляет вас мечтать о бессмертии. Жизнь внутри вас стремится быть вечной. Эх! Вечность свинства!

Он круто повернулся на каблуках и пошел на корму, но, не дойдя до края юта, остановился и подозвал меня.

— Кстати, на какую сумму обчистил вас кок? — спросил он.

— На сто восемьдесят пять долларов, сэр, — отвечал я.

Он молча кивнул. Минутой позже, когда я спускался по трапу накрывать на стол к обеду, я слышал, как он уже разносит кого-то из матросов.

Глава шестая

Наутро шторм, обессилев, стих, и "Призрак" тихо покачивался на безбрежной глади океана. Лишь изредка в воздухе чувствовалось легкое дуновение, и капитан не покидал палубы и все поглядывал на северо-восток, откуда должен был прийти пассат.

Весь экипаж тоже был на палубе — готовил шлюпки к предстоящему охотничьему сезону. На шхуне имелось семь шлюпок: шесть охотничьих и капитанский тузик. Команда каждой шлюпки состояла из охотника, гребца и рулевого. На борту шхуны в команду входили только гребцы и рулевые, но вахтенную службу должны были нести и охотники, которые тоже находились в распоряжении капитана.

Все это я узнавал мало-помалу, — это и многое другое. "Призрак" считался самой быстроходной шхуной в промысловых флотилиях Сан-Франциско и Виктории. Когда-то это была частная яхта, построенная с расчетом на быстроходность. Ее обводы и оснастка — хотя я и мало смыслил в этих вещах — сами говорили за себя. Вчера во время второй вечерней полувахты мы с Джонсоном немного поболтали, и он

рассказал мне все, что ему было известно о нашей шхуне. Он говорил восторженно, с такой любовью к хорошим кораблям, с какой иные говорят о лошадях. Но от плавания он не ждал добра и дал мне понять, что Волк Ларсен пользуется очень скверной репутацией среди прочих капитанов промысловых судов. Только желание поплавать на "Призраке" соблазнило Джонсона подписать контракт, но он уже начинал жалеть об этом.

Джонсон сказал мне, что "Призрак" — восьмидесятитонная шхуна превосходной конструкции. Наибольшая ширина ее — двадцать три фута, а длина превышает девяносто. Необычайно тяжелый свинцовый фальш-киль (вес его точно неизвестен) придает ей большую устойчивость и позволяет нести огромную площадь парусов. От палубы до клотика грот-стенги больше ста футов, тогда как фок-мачта вместе со стеньгой футов на десять короче. Я привожу все эти подробности для того, чтобы можно было представить себе размеры этого плавающего мирка, носившего по океану двадцать два человека. Это был крошечный мирок, пятнышко, точка, и я дивился тому, как люди осмеливаются пускаться в море на таком маленьком хрупком сооружении.

Волк Ларсен славился своей безрассудной смелостью в плавании под парусами. Я слышал, как Гендерсон и еще один охотник — калифорниец Стэндиш — толковали об этом. Два года назад Ларсен потерял мачты на "Призраке", попав в шторм в Беринговом море, после чего и были поставлены теперешние — более прочные и тяжелые. Когда их устанавливали, Ларсен заявил, что предпочитает перевернуться, нежели снова потерять мачты.

За исключением Йогансена, упоенного своим повышением, на борту не было ни одного человека, который не подыскивал бы оправдания своему поступлению на "Призрак". Половина команды состояла из моряков дальнего плавания, и они утверждали, что ничего не знали ни о шхуне, ни о капитане; а те, кто был знаком с положением вещей, потихоньку говорили, что охотники — прекрасные стрелки, но такая буйная и продувная компания, что ни одно приличное судно не взяло бы их в плавание.

Я познакомился еще с одним матросом, по имени Луис, круглолицым веселым ирландцем из Новой Шотландии, который всегда был рад поболтать, лишь бы его слушали. После обеда, когда кок спал внизу, а я чистил свою неизменную картошку, Луис зашел в камбуз "почесать языком". Этот малый объяснил свое пребывание на судне тем, что был пьян, когда подписывал контракт; он без конца уверял меня, что ни за что на свете не сделал бы этого в трезвом виде. Как я понял, он уже лет десять каждый сезон выезжает бить котиков и считается одним из лучших шлюпочных рулевых в обеих флотилиях.

— Эх, дружище, — сказал он, мрачно покачав головой, — хуже этой шхуны не сыскать, а ведь ты не был пьян, как я, когда попал сюда! Охота на котиков — это рай для моряка, но только не на этом судне. Помощник положил начало, но, помани мое слово, у нас будут и еще покойники до конца плавания. Между нами говоря, этот Волк Ларсен сущий дьявол, и "Призрак" тоже стал адовой посудиною, с тех пор как попал к этому капитану. Что я, не знаю, что ли! Не помню я разве, как два года назад в Хакодате у него взбунтовалась команда и он застрелил четырех матросов. Я-то в то время плавал на "Эмме Л.", — мы стояли на якоре в трехстах ярдах от "Призрака". И еще в том же году он убил человека одним ударом кулака. Да, да, так и уложил на месте! Хватил по голове, и она треснула, как яичная скорлупа. А что он выкинул с губернатором острова Кура и с начальником тамошней полиции! Эти два японских джентльмена явились к нему на "Призрак" в гости, и с ними были их жены — хорошенькие, словно куколки. Ну, точь-в-точь, как рисуют на веерах. А когда пришло время сниматься с якоря, он спустил мужей в их сампан и будто случайно не успел спустить жен. Через неделю этих бедняжек высадили на берег по другую сторону острова, и ничего им не оставалось, как брести домой через горы в своих игрушечных соломенных сандалиях, которых не могло хватить и на одну милю. Что я, не знаю, что ли! Зверь он, этот Волк Ларсен, вот что! Зверь, о котором еще в Апокалипсисе сказано. И добром он не кончит... Только помни, я тебе ничего не говорил! И словечка не шепнул. Потому что старый толстый Луис поклялся вернуться живым из этого

плавания, даже если все остальные пойдут на корм рыбам.

— Волк Ларсен! — помолчав, заворчал он снова. — Даром, что ли, его так зовут! Да, он волк, настоящий волк! Бывает, что у человека каменное сердце, а у этого и вовсе сердца нет. Волк, просто волк, и все тут! Верно ведь, эта кличка здорово ему пристала?

— Но если его так хорошо знают, — возразил я, — как же ему удастся набирать себе экипаж?

— А как это всегда находят людей на какую угодно работу, хоть на земле, хоть на море? — с кельтской горячностью возразил Луис. — Разве ты увидел бы меня на борту этой шхуны, если бы я не был пьян, как свинья, когда подмахнул контракт?

— Кое-кто здесь — такой народ, что им не попасть на порядочное судно. Взять хоть наших охотников. А другие, бедняги, матросня с бака, сами не знали, куда они нанимаются. Ну да еще узнают! Узнают и проклянут тот день, когда родились на свет! Жаль мне их, но я должен прежде всего думать о толстом старом Луисе и о том, что его ждет. Только, смотри, молчок! Я тебе ни слова не говорил.

— Эти охотники — порядочная дрянь, — через минуту начал он снова, так как отличался необычайной словоохотливостью. — Дай срок, они еще разойдутся и покажут себя. Ну да Ларсен живо их скрутит. Только он и может нагнать на них страху. Вот, возьми хоть моего охотника Хорнера. Уж такая тихоня с виду — спокойный да вежливый, прямо как барышня, воды, кажется, не замутит. А ведь в прошлом году уколошил своего рулевого. Несчастный случай, и все. Но я встретил потом в Йокогаме гребца, и он рассказал мне, как дело было. А этот маленький чернявый проходимец Смок — ведь он отбыл три года на сибирских соляных коях за браконьерство. Охотился в русском заповеднике на Медном острове. Его там сковали нога с ногой и рука с рукой с другим каторжником. Так вот на работе между ними что-то вышло, и Смок отправил своего товарища из шахты наверх в бадьях с солью. Только отправлял он его по частям: сегодня — ногу, завтра — руку, послезавтра — голову...

— Что вы такое говорите! — в ужасе вскричал я.

— Что я говорю? — резко прервал он меня. — Ничего я не говорю. Я глух и нем и другим советую помалкивать, если им жизнь дорога. Что я говорил? Да только, что все они замечательные ребята и он тоже, чтоб его черт побрал, чтоб ему гнить в чистилище десять тысяч лет, а потом провалиться в самую преисподнюю!

Джонсон, матрос, который чуть не содрал с меня кожу, когда я впервые попал на борт; казался мне наиболее прямодушным из всей команды. Это была простая, открытая натура. Его честность и мужественность бросались в глаза, и в то же время он был очень скромн, почти робок. Однако робким его все же нельзя было назвать. Чувствовалось, что он способен отстаивать свои взгляды и обладает чувством собственного достоинства. Мне запомнилась моя первая встреча с ним и то, как он не пожелал, чтобы коверкали его фамилию. О нем и об этих его особенностях Луис высказался так (слова его звучали пророчеством):

— Славный малый этот швед Джонсон, лучший матрос на баке. Он гребцом у нас на шлюпке. Но с Волком Ларсеном у него дойдет до беды — это как пить дать. Уж я-то знаю! Я вижу, как надвигается буря. Я говорил с Джонсоном по-братски, но он не желает тушить огни и вывешивать фальшивые сигналы. Чуть что не по нем, начинает ворчать, а на судне всегда найдется гад, который донесет на него. Волк силен, а эта волчья порода не терпит силы в других. Он видит, что и Джонсон силен и его не согнуть, — этот не станет благодарить и кланяться, если его обложат или влепят по морде. Эх, быть беде! Быть беде! И бог весть где я возьму тогда другого гребца! Вы знаете, что сделал этот дурак, когда старик назвал его "Ионсон". "Меня зовут Джонсон, сэр", — поправляет он капитана да еще начинает выговаривать это буква за буквой. Вы бы поглядели на старика! Я думал, он пристукнет его на месте. Ну, на этот раз он его не убил, но он еще обломает этого шведа, или я мало смыслю в том, что бывает у нас на море.

Томас Магридж становится невыносим. Я должен величать его "мистер" и "сэр", прибавлять это к каждому слову. Обнаглел он так отчасти потому, что Волк Ларсен, видимо, к нему благоволит. Вообще это не-

слыханная вещь, на мой взгляд, — чтобы капитан водил дружбу с коком, но таков каприз Волка Ларсена. Уже два или три раза случилось, что он просовывал голову в камбуз и принимался благодушно поддразнивать кока. А сегодня после обеда минут пятнадцать болтал с ним на юте. После этой беседы Магридж вернулся в камбуз, сияя и гадко ухмыляясь во весь рот, и за работой все время напевал себе под нос какие-то уличные песенки чудовищно гнусавым фальцетом.

— Я умею ладить с начальством, — разоткровенничался он со мной. — Знаю, как себя с ним вести, и меня всюду ценят. Вот хотя бы с последним шкипером — я, когда хотел, запросто заходил к нему в каюту поболтать и пропустить стаканчик. "Магридж, — говорил он мне, — Магридж", а ведь ты ошибся в своем призвании!" — "А что это за призвание?" — спрашиваю. "Ты должен был родиться джентльменом, чтобы тебе никогда не пришлось своим трудом зарабатывать на жизнь". Убей меня бог, Хэмп, если он не сказал так — слово в слово! А я слушаю его и сижу у него в каюте, как у себя дома, курю его сигары и пью его ром!

Эта болтовня доводила меня до исступления. Никогда еще ни чей голос не был мне так ненавистен. Масленный, вкрадчивый тон кока, его гаденькая улыбочка, его невероятное самомнение так действовали мне на нервы, что меня бросало в дрожь. Это была, безусловно, самая омерзительная личность, какую я когда-либо встречал. К тому же он был неописуемо нечистоплотен, а так как вся пища проходила через его руки, то я, мучимый брезгливостью, старался есть то, к чему он меньше прикасался.

Мои руки, не привыкшие к грубой работе, доставляли мне много мучений. Грязь так въелась в кожу, что я не мог отмыть ее даже щеткой. Ногти почернели и обломались, на ладонях выскочили волдыри, а однажды, потеряв равновесие во время качки и привалившись к плите, я сильно обжег себе локоть. Колено тоже продолжало болеть. Опухоль держалась, и коленная чашечка все еще не стала на место. С утра до ночи я должен был ковылять по кораблю, и это отнюдь не приносило пользы моей искалеченной ноге. Я знал, что ей необходим отдых.

Отдых! Раньше я не понимал по-настоящему значения этого слова. Ведь я всю свою жизнь отдыхал, сам того не сознавая. А теперь, если бы мне удалось посидеть полчасика, ничего не делая, не думая ни о чем, это показалось бы мне величайшим блаженством на свете. Зато все это явилось для меня как бы откровением. Да, теперь я знаю, каково приходится трудовому люду! Мне и не снилось, что работа может быть так чудовищно тяжела. С половины шестого утра и до десяти вечера я раб всех и каждого и не имею ни минуты для себя, кроме тех кратких мгновений, которые удается урвать в конце вечерней вахты. Стоит мне залюбоваться на миг сверкающим на солнце морем или заглядеться, как один матрос бежит по бушприту, а другой карабкается наверх по вантам, и тотчас за моей спиной раздается ненавистный голос: "Эй, Хэмп! Ты что там рот разинул! Думаешь, не вижу?"

В кубрике у охотников заметно растет недовольство, и я слышал, что Смок и Гендерсон подрались. Гендерсон самый опытный из охотников. Это флегматичный парень, и его трудно раскачать, но, верно, уж его раскачали, потому что Смок ходит с подбитым глазом и сегодня за ужином смотрел зверем.

Перед ужином я был свидетелем жестокого зрелища, изобличающего грубость и черствость этих людей. В нашей команде есть новичок, по имени Гаррисон, неуклюжий деревенский парень, которого, должно быть, толкнула на это первое плавание жажда приключений. При слабом и часто меняющемся противном ветре шхуне приходится много лавировать. В таких случаях паруса переносят с одного борта на другой, а наверх посылают матроса — перенести фор-топсель. Гаррисон был наверху, когда шкот заело в блоке, через который он проходит на ноке гафеля. Насколько я понимаю, было два способа очистить шкот: либо спустить фок, что было сравнительно легко и не сопряжено с опасностью, либо добраться по дирик-фалу до нока гафеля — предприятие весьма рискованное.

Иогансен приказал Гаррисону лезть по фалу. Всякому было ясно, что мальчишка трусит. Да и не мудрено — ведь ему предстояло подняться на восемьдесят футов над палубой, доверив свою жизнь тонким, ко-

леблющимся снастям. При более ровном ветре опасность была бы не так велика, но "Призрак" качало на длинной волне, как скорлупку, и при каждом крене судна паруса хлопали и полоскались, а фалы то ослабевали, то вдруг натягивались рывком. Они могли стряхнуть с себя человека, как возница стряхивает муху с кнута.

Гаррисон слышал приказ и понял, чего от него требуют, но все еще мешкал. Быть может, ему первый раз в жизни приходилось работать на мачте. Иогансен, который успел уже перенять манеру Волка Ларсена, разразился градом ругательств.

— Будет, Иогансен! — оборвал его капитан. — На этом судне ругаюсь я, пора бы вам это понять. Если мне понадобится ваша помощь, я вам скажу.

— Есть, сэр, — покорно отозвался помощник.

В это время Гаррисон уже лез по фалам. Я смотрел на него из двери камбуза и видел, что он весь дрожит: словно в лихорадке. Он подвигался вперед очень медленно и осторожно. Его фигура четко вырисовывалась на яркой синеве неба и напоминала огромного паука, ползущего по тонкой нити паутины.

Гаррисону приходилось взбираться вверх под небольшим уклоном, и дирик-фал, пропущенный через разные блоки на гафеле и на мачте, кое-где давал опору для рук и ног. Но беда была в том, что слабый и непостоянный ветер плохо наполнял паруса. Когда Гаррисон был уже на полпути к ноку гафеля, "Призрак" сильно качнуло, сначала в наветренную сторону, а потом обратно, в ложбину между двумя валами. Гаррисон замер, крепко уцепившись за фал. Стоя внизу, на расстоянии восьмидесяти футов от него, я видел, как напряглись его мускулы в отчаянной борьбе за жизнь. Парус повис пустой, гафель закинуло, фал ослабел, и, хотя все произошло мгновенно, я видел, как он прогнулся под тяжестью матроса. Потом гафель внезапно вернулся в прежнее положение, огромный парус, надуваясь, хлопнул так, словно выстрелили из пушки, а три ряда риф-штертов защелкали по парусине, создавая впечатление ружейной пальбы. Гаррисон, уцепившийся за фал, совершил головокружительный полет. Но полет этот внезапно прекратился. Фал натянулся, и это и был удар кнута, стряхивающий муху. Гаррисон не

удержался. Одна рука его отпустила фал, другая секунду еще цеплялась, но только секунду. Однако в момент падения матрос каким-то чудом ухитрился зацепиться за снасти ногами и повис вниз головой. Изогнувшись, он снова ухватился руками за фал. Мало-помалу ему удалось восстановить прежнее положение, и он жалким комочком прилип к снастям.

— Пожалуй, это отобьет у него аппетит к ужину, — услышал я голос Волка Ларсена, который появился из-за угла камбуза. — Полундра, Иогансен! Берегитесь! Сейчас начнется!

И действительно, Гаррисону было дурно, как при морской болезни. Он висел, уцепившись за снасти, и не решался двинуться дальше. Но Иогансен не переставал яростно понукать его, требуя, чтобы он выполнил приказание.

— Стыд и позор! — проворчал Джонсон медленно и с трудом, но правильно выговаривая английские слова. Он стоял у грот-вант в нескольких шагах от меня. — Малый и так старается. Научился бы понемногу. А это...

Он умолк, прежде чем слово "убийство" сорвалось у него с языка.

— Тише, ты! — шепнул ему Луис. — Помалкивай, коли тебе жизнь не надоела!

Но Джонсон не унимался и продолжал ворчать.

— Послушайте, — сказал один из охотников, Стэндиш, обращаясь к капитану, — это мой гребец, я не хочу потерять его.

— Ладно, Стэндиш, — последовал ответ. — Он гребец, когда он у вас на шлюпке, но на шхуне — он мой матрос, и я могу распоряжаться им, как мне заблагорассудится, черт подери!

— Это еще не значит... — начал было снова Стэндиш.

— Хватит! — огрызнулся Ларсен. — Я сказал, и точка. Это мой матрос, и я могу сварить из него суп и съесть, если пожелаю.

Злой огонек сверкнул в глазах охотника, но он смолчал и направился к кубрику; остановившись на трапе, он взглянул вверх. Все матросы столпились теперь на палубе, все глаза были обращены туда, где шла борьба жизни со смертью. Черствость, бессердечие тех людей, которым современный промышлен-

ный строй предоставил власть над жизнью других, ужаснули меня. Мне, стоявшему всегда в стороне от житейского водоворота, даже на ум не приходило, что труд человека может быть сопряжен с такой опасностью. Человеческая жизнь всегда представлялась мне чем-то высоко священным, а здесь ее не ставили ни во что, здесь она была не больше как цифрой в коммерческих расчетах. Должен оговориться: матросы сочувствовали своему товарищу, взять к примеру того же Джонсона, но начальство — капитан и охотники — проявляли полное бессердечие и равнодушие. Ведь и Стэндиш вступился за матроса лишь потому, что не хотел потерять гребца. Будь это гребец с другой шлюпки, он отнесся бы к происшествию так же, как остальные, — оно только позабавило бы его.

Но вернемся к Гаррисону. Минут десять Иогансен всячески понукал и поносил несчастного и заставил его, наконец, сдвинуться с места. Матрос добрался все же до нока гафеля. Там он уселся на гафель верхом, и ему стало легче держаться. Он очистил шкот и мог теперь вернуться, спустившись по фалу к мачте. Но у него уже, как видно, не хватало духу. Он не решался променять свое опасное положение на еще более опасный спуск.

Расширенными от страха глазами он поглядывал на тот путь, который ему предстояло совершить высоко в воздухе, потом переводил взгляд на палубу. Его трясло, как в лихорадке. Мне никогда еще не случалось видеть выражения такого смертельного испуга на человеческом лице. Тщетно Иогансен кричал ему, чтобы он спускался. Каждую минуту его могло сбросить с гафеля, но он прилип к нему, оцепенев от ужаса. Волк Ларсен прогуливался по палубе, беседуя со Смоком, и не обращал больше никакого внимания на Гаррисона, — только раз резко окрикнул рулевого:

— Ты сошел с курса, приятель. Смотри, получишь у меня!

— Есть, сэр, — отвечал рулевой и немного повернул штурвал.

Его провинность состояла в том, что он слегка отклонил шхуну от курса, чтобы слабый ветер мог хоть немного надуть паруса и удерживать их в одном положении. Этим он пытался помочь злополучному

Гаррисону, рискуя навлечь на себя гнев Волка Ларсена.

Время шло, и напряжение становилось невыносимым. Однако Томас Магридж находил это происшествие чрезвычайно забавным. Каждую минуту он высовывал голову из камбуза и отпускал шуточки. Как я ненавижу его! Моя ненависть к нему выросла за эти страшные минуты до исполинских размеров. Первый раз в жизни я испытывал желание убить человека. Я "жаждал крови", как выражаются некоторые наши писатели и любители пышных оборотов. Жизнь вообще, быть может, священна, но жизнь Томаса Магриджа представлялась мне чем-то презренным и нечестивым. Почувствовав жажду убийства, я испугался, и у меня мелькнула мысль: неужели грубость окружающей среды так на меня повлияла? Ведь не я ли всегда утверждал, что смертная казнь несправедлива и недопустима даже для самых закоренелых преступников?

Прошло не меньше получаса, а затем я заметил, что Джонсон и Луис горячо о чем-то спорят! Спор кончился тем, что Джонсон отмахнулся от Луиса, который пытался его удержать, и направился куда-то. Он пересек палубу, прыгнул на фор-ванты и полез вверх. Это не ускользнуло от острого взора Волка Ларсена.

— Эй, ты! Куда? — крикнул он.

Джонсон остановился. Глядя в упор на капитана, он неторопливо ответил:

— Хочу снять парня.

— Спустишь сию же минуту вниз, черт тебя дери! Слышишь? Вниз!

Джонсон медлил, но многолетняя привычка подчиняться приказу пересилила, и, спустившись с мрачным видом на палубу, он ушел на бак.

В половине шестого я направился в кают-компанию накрывать на стол, но почти не сознавал, что делаю. Я видел только раскачивающийся гафель и прилепившегося к нему бледного, дрожащего от страха матроса, похожего снизу на какую-то смешную козявку.

В шесть часов, подавая обед и пробегая по палубе в камбуз, я видел Гаррисона все в том же положении. Разговор за столом шел о чем-то постороннем. Никого, по-видимому, не интересовала жизнь этого человека,

подвергнутая смертельной опасности потехи ради. Однако немного позже, лишний раз сбегав в камбуз, я, к своей великой радости, увидел Гаррисона, который, шатаясь, брел от вант к люку на баке. Он, наконец, собрался с духом и спустился.

Чтобы покончить с этим случаем, я должен вкратце передать свой разговор с Волком Ларсеном, — он заговорил со мной в кают-компании, когда я убирал посуду.

— Что это у вас сегодня такой жалкий вид? — начал он. — В чем дело?

Я видел, что он отлично понимает, почему я чувствую себя почти так же худо, как Гаррисон, но хочет вызвать меня на откровенность, и отвечал:

— Меня расстроило жестокое обращение с этим мальым.

Он усмехнулся.

— Это у вас нечто вроде морской болезни. Одни подвержены ей, другие — нет.

— Что же тут общего? — возразил я.

— Очень много общего, — продолжал он. — Земля так же полна жестокостью, как море — движением. Иные не переносят первой, другие — второго. Вот и вся причина.

— Вы так издеваетесь над человеческой жизнью, неужели вы не придаете ей никакой цены? — спросил я.

— Цены? Какой цены? — он посмотрел на меня, и я прочел циничную усмешку в его суровом пристальном взгляде. — О какой цене вы говорите? Как вы ее определите? Кто ценит жизнь?

— Я ценю, — ответил я.

— Как же вы ее цените? Я имею в виду чужую жизнь. Сколько она, по-вашему, стоит?

Цена жизни! Как мог я определить ее? Привыкший ясно и свободно излагать свои мысли, я в присутствии Ларсена почему-то не находил нужных слов. Отчасти я объяснял себе это тем, что его личность подавляла меня, но главная причина крылась все же в полной противоположности наших воззрений. В спорах с другими материалистами я всегда мог хоть в чем-то найти общий язык, найти какую-то отправную точку, но с Волком Ларсеном у меня не было ни единой точки соприкосновения. Быть может, меня сбивала с толку

примитивность его мышления; он сразу приступал к тому, что считал существом вопроса, отбрасывая все, казавшееся ему мелким и незначительным, и говорил так безапелляционно, что я терял почву под ногами. Цена жизни! Как мог я сразу, не задумываясь, ответить на такой вопрос? Жизнь священна — это я принимал за аксиому. Ценность ее в ней самой — это было столь очевидной истиной, что мне никогда не приходило в голову подвергать ее сомнению. Но когда Ларсен потребовал, чтобы я нашел подтверждение этой общеизвестной истине, я растерялся.

— Мы с вами беседовали об этом вчера, — сказал он. — Я сравнивал жизнь с закваской, с дрожжевым грибочком, который пожирает жизнь, чтобы жить самому, и утверждал, что жизнь — это просто торжествующее свинство. С точки зрения спроса и предложения жизнь самая дешевая вещь на свете. Количество воды, земли и воздуха ограничено, но жизнь, которая порождает жизнь, безгранична. Природа расточительна. Возьмите рыб с миллионами икринок. И возьмите себя или меня! В наших чреслах тоже заложены миллионы жизней. Имей мы возможность даровать жизнь каждой крупинке заложенной в нас нерожденной жизни, мы могли бы стать отцами народов и населить целые материки. Жизнь? Пустое! Она ничего не стоит. Из всех дешевых вещей она самая дешевая. Она стучится во все двери. Природа рассыпает ее щедрой рукой. Где есть место для одной жизни, там она сеет тысячи, и везде жизнь пожирает жизнь, пока не остается лишь самая сильная и самая свинская.

— Вы читали Дарвина, — заметил я. — Но вы превратно толкуете его, если думаете, что борьба за существование оправдывает произвольное разрушение вами чужих жизней.

Он пожал плечами.

— Вы, очевидно, имеете в виду лишь человеческую жизнь, так как зверей и птиц и рыб вы уничтожаете не меньше, чем я или любой другой человек. Но человеческая жизнь ничем не отличается от всякой прочей жизни, хотя вам и кажется, что это не так, и вы якобы видите какую-то разницу. Почему я должен беречь эту жизнь, раз она так дешево стоит и не имеет ценности? Для матросов не хватает кораблей на море,

так же как для рабочих на суше не хватает фабрик и машин. Вы, живущие на суше, отлично знаете, что, сколько бы вы ни вытесняли бедняков на окраины, в городские трущобы, отдавая их во власть голода и эпидемий, и сколько бы их ни мерло из-за отсутствия корки хлеба и куска мяса (то есть той же разрушенной жизни), их еще остается слишком много, и вы не знаете, что с ними делать. Видели вы когда-нибудь, как лондонские грузчики дерутся, словно дикие звери, из-за возможности получить работу?

Он направился к трапу, но обернулся, чтобы сказать еще что-то напоследок.

— Видите ли, жизнь не имеет никакой цены, кроме той, какую она сама себе придает. И, конечно, она себя переоценивает, так как неизбежно пристрастна к себе. Возьмите хоть этого матроса, которого я сегодня держал на мачте. Он цеплялся за жизнь так, как будто это невесть какое сокровище, драгоценнее всяких бриллиантов или рубинов. Имеет ли она для вас такую ценность? Нет. Для меня? Нисколько. Для него самого? Несомненно. Но я не согласен с его оценкой, он чрезмерно переоценивает себя. Бесчисленные новые жизни ждут своего рождения. Если бы он упал и разбрызгал свои мозги по палубе, словно мед из сотов, мир ничего не потерял бы от этого. Он не представляет для мира никакой ценности. Предложение слишком велико. Только в своих собственных глазах имеет он цену, и заметьте, насколько эта ценность обманчива, — ведь мертвый он уже не сознавал бы этой потери. Только он один и ценит себя дороже бриллиантов и рубинов. И вот бриллианты и рубины пропадут, рассыплются по палубе, их смоют в океан ведром воды, а он даже не будет знать об их исчезновении. Он ничего не потеряет, так как с потерей самого себя утратит и сознание потери. Ну? Что вы скажете?

— Что вы по крайней мере последовательны, — отвечал я.

Это было все, что я мог сказать, и я снова занялся мытьем тарелок.

Наконец, после трех дней переменных ветров мы поймали северо-восточный пассат. Я вышел на палубу, хорошо выспавшись, несмотря на боль в колене, и увидел, что "Призрак", пеня волны, летит, как на крыльях, под всеми парусами, кроме кливеров. В корму дул свежий ветер. Какое чудо эти мощные пассаты! Весь день мы шли вперед и всю ночь и так изо дня в день, а ровный и сильный ветер все время дул нам в корму. Шхуна сама летела вперед, и не нужно было выбирать и травить всевозможные снасти или переносить топселя, и матросам оставалось только нести вахту у штурвала. Вечерами, после захода солнца, шкоты немного потравливали, а по утрам, дав им просохнуть после росы, снова добирали, — и это было все.

Наша скорость — десять, одиннадцать, иной раз двенадцать узлов. А попутный ветер все дует и дует с северо-востока, и мы за сутки покрываем двести пятьдесят миль. Меня и печалит и радует эта скорость, с которой мы удаляемся от Сан-Франциско и приближаемся к тропикам. С каждым днем становится все теплее. Во время второй вечерней полувахты матросы выходят на палубу, раздеваются и окатывают друг друга морской водой. Начинают появляться летучие рыбы, и ночью вахтенные ползают по палубе, ловя тех, что падают к нам на шхуну. А утром, если удастся подкупить Магриджа, из камбуза несется приятный запах жареной рыбы. Порой все лакомятся мясом дельфина, когда Джонсону посчастливится поймать с бушприта одного из этих красавцев.

Джонсон проводит там все свое свободное время или же заберется на салинг и смотрит, как "Призрак", гонимый пассатом, рассекает воду. Страсть и упоение светятся в его взгляде, он ходит, как в трансе, восхищенно поглядывая на раздувающиеся паруса, на пенистый след корабля, на его свободный бег по высоким волнам, которые движутся вместе с нами величавой процессией.

Дни и ночи — "чудо и неистовый восторг", и хотя нудная работа поглощает все мое время, я все же ста-

раюсь улучшить минутку, чтобы полюбоваться этой бесконечной торжествующей красотой, о существовании которой никогда прежде и не подозревал. Над нами синее, безоблачное небо, повторяющее оттенки моря, которое под форштевнем блестит и отликает, как голубой атлас. По горизонту протянулись легкие, перистые облачка, неизменные, неподвижные, точно серебряная оправка яркого бирюзового свода.

Надолго запомнилась мне одна ночь, когда, забыв про сон, лежал я на полубаке и смотрел на переливчатую игру пены, бурлившей у форштевня. До меня долетали звуки, напоминавшие журчание ручейка по мшистым камням в тихом, уединенном ущелье. Они убаюкивали, уносили куда-то далеко, заставляя забывать, что я — юнга "Хэмп", бывший некогда Хэмфри Ван-Вейденом, который тридцать пять лет своей жизни просидел над книгами. Меня вернул к действительности голос Волка Ларсена, как всегда сильный и уверенный, но с необычайной мягкостью и затаенным восторгом произносивший такие слова:

*Южных звезд искристый свет, за кормой серебристый след,
Как дорога в небосвод.
Киль взрезает пену волн, парус ровным ветром полн.
Кит дробит сверканье вод.
Снасти блещут росой по утрам,
Солнце сушит обшивку бортов.
Перед нами путь, путь знакомый нам —
Путь на юг, старый друг, он для нас вечно нов! ¹*

— Ну как, Хэмп? Нравится вам это? — спросил он меня, помолчав, как того требовали стихи и обстановка.

Я взглянул на него. Лицо его было озарено светом, как само море, и глаза сверкали.

— Меня поражает, что вы способны на такой энтузиазм, — холодно отвечал я.

— Почему же? Это говорит во мне жизнь! — воскликнул он.

— Дешевая вещь, не имеющая никакой цены, — напомнил я ему его слова.

Он рассмеялся, и я впервые услышал в его голосе искреннее веселье.

¹ Из стихотворения Р. Киплинга "Дальний путь"

— Эх, никак не заставишь вас понять, никак не втолкуешь вам, что это за штука — жизнь! Конечно, она имеет цену только для себя самой. И могу сказать вам, что моя жизнь сейчас весьма ценна... для меня. Ей прямо нет цены, хотя вы скажете, что я очень ее переоцениваю. Но что поделаешь, моя жизнь сама определяет себе цену.

Он помолчал, — казалось, он подыскивает слова, чтобы высказать какую-то мысль, — потом заговорил снова:

— Видите ли, я испытываю сейчас удивительный подъем духа. Словно все времена звучат во мне и все силы принадлежат мне. Словно мне открылась истина, и я могу отличить добро от зла, правду от лжи и взором проникнуть вдаль. Я почти готов поверить в бога. Но, — голос его изменился и лицо потемнело, — почему я в таком состоянии? Откуда эта радость жизни? Это упоение жизнью? Этот — назовем его так — подъем? Все это бывает просто от хорошего пищеварения, когда у человека желудок в порядке, аппетит исправный и весь организм хорошо работает. Это брожение закваски, шампанское в крови — это обман, подачка, которую бросает нам жизнь, внушая одним высокие мысли, а других заставляя видеть бога или создавать его, если они не могут его видеть. Вот и все: опьянение жизни, бурление закваски, бессмысленная радость жизни, одурманенной сознанием, что она бродит, что она жива. Но увы! Завтра я буду расплачиваться за это, завтра для меня, как для запойного пьяницы, наступит похмелье. Завтра я буду помнить, что я должен умереть, и, вероятнее всего, умру в плавании; что я перестану бродить в самом себе, стану частью брожения моря; что я буду гнить; что я сделаюсь падалью; что сила моих мускулов перейдет в плавники и чешую рыб. Увы! Шампанское выдохлось. Вся игра ушла из него, и оно потеряло свой вкус.

Он покинул меня так же внезапно, как и появился, спрыгнув на палубу мягко и бесшумно, словно тигр.

”Призрак” продолжал идти своим путем. Пена бурлила у форштевня, но мне чудились теперь звуки, похожие на сдавленный хрип. Я прислушивался к ним, и мало-помалу впечатление, которое произвел на меня внезапный переход Ларсена от экстаза к отчаянию, ослабело.

Вдруг какой-то матрос на палубе звучным тенором затянул "Песнь пассата":

*Я — ветер, любезный морякам.
Я свеж, могуч.
Они следят по небесам
Мой лет среди туч.*

*И я бегу за кораблем
Вернее пса.
Вздуваю ночью я и днем
Все паруса.*

Глава восьмая

Иногда Волк Ларсен кажется мне просто сумасшедшим или во всяком случае не вполне нормальным — столько у него странностей и диких причуд. Иногда же я вижу в нем задатки великого человека, гения, оставшиеся в зародыше. И, наконец, в чем я совершенно убежден, так это в том, что он ярчайший тип первобытного человека, опоздавшего родиться на тысячу лет или поколений, живой анахронизм в наш век высокой цивилизации. Бесспорно, он законченный индивидуалист и, конечно, очень одинок. Между ним и всем экипажем нет ничего общего. Его необычайная физическая сила и сила его личности отгораживают его от других. Он смотрит на них, как на детей, — не делает исключения даже для охотников, — и обращается с ними, как с детьми, заставляя себя спускаться до их уровня и порой играя с ними, словно со щенками. Иногда же он исследует их суровой рукой вивисектора и копается в их душах, как бы желая понять, из какого теста они слеплены.

За столом я десятки раз наблюдал, как он, холодно и пристально глядя на кого-нибудь из охотников, принимался оскорблять его, а затем с таким любопытством ждал от него ответа, вернее вспышки бесильного гнева, что мне, стороннему наблюдателю, понимавшему, в чем тут дело, становилось смешно. Когда же он сам впадает в ярость, она кажется мне

напускной. Я уверен, что это только манера держаться, сознательно усвоенная им по отношению к окружающим, и он просто пользуется ею для своих экспериментов. После смерти его помощника я в сущности ни разу больше не видел Ларсена по-настоящему разгневанным, да, признаться, и не желал бы увидеть, как вырвется наружу вся его чудовищная сила.

Раз уж зашла речь о его прихотях, я расскажу о том, что случилось с Томасом Магриджем в кают-компании, а заодно покончу и с тем происшествием, о котором уже как-то упоминал.

Однажды после обеда я заканчивал уборку кают-компании, как вдруг по трапу спустились Волк Ларсен и Томас Магридж. Хотя конура кока примыкала к кают-компании, он никогда не смел задерживаться здесь и робкой тенью поспешно проскальзывал мимо два-три раза в день.

— Так, значит, ты играешь в "наполеон"? — довольным тоном произнес Волк Ларсен. — Ну, разумеется, ты же англичанин. Я сам научился этой игре на английских кораблях.

Этот жалкий червяк, Томас Магридж, был на седьмом небе оттого, что капитан разговаривает с ним по-приятельски, но все его ужимки и мучительные старания держаться с достоинством и разыгрывать из себя человека, рожденного для лучшей жизни, могли только вызвать омерзение и смех. Мое присутствие он совершенно игнорировал, впрочем ему и на самом деле было не до меня. Его водянистые, выцветшие глаза сияли, и у меня не хватает фантазии вообразить себе, какие блаженные видения носились перед его взором.

— Подай карты, Хэмп, — приказал мне Волк Ларсен, когда они уселись за стол. — И принеси виски и сигары — достань из ящика у меня под койкой.

Когда я вернулся в кают-компанию, кок уже туманно распространялся о какой-то тайне, связанной с его рождением, намекая, что он — сбившийся с пути сын благородных родителей или что-то в этом роде и его удалили из Англии и даже платят ему деньги за то, чтобы он не возвращался. "Хорошие деньги платят, — пояснил он, — лишь бы там моим духом не пахло".

Я принес было рюмки, но Волк Ларсен нахмурился, покачал головой и жестом показал, чтобы я подал стаканы. Он наполнил их на две трети неразбавленным виски — "джентльменским напитком", как заметил Томас Магридж, — и, чокнувшись во славу великолепной игры "нап", они закурили сигары и принялись тасовать и сдавать карты.

Они играли на деньги, все время увеличивая ставки, и пили виски, а когда выпили все, капитан велел принести еще. Я не знаю, передергивал ли Волк Ларсен, — он был вполне способен на это, — но, так или иначе, он неизменно выигрывал. Кок снова и снова отправлялся к своей койке за деньгами. При этом он страшно фанфаронил, но никогда не приносил больше нескольких долларов зараз. Он осовел, стал фамильярен, плохо разбирал карты и едва не падал со стула. Собираясь в очередной раз отправиться к себе в каморку, он грязным указательным пальцем зацепил Волка Ларсена за петлю куртки и тупо забубнил:

— У меня есть денежки, есть! Говорю вам — я сын джентльмена.

Волк Ларсен не пьянел, хотя пил стакан за стаканом; он наливал себе виски ничуть не меньше, чем коку, и все же я не замечал в нем ни малейшей перемены. Выходки Магриджа, по-видимому, даже не забавляли его.

В конце концов, торжественно заявив, что и проигрывать он умеет, как джентльмен, кок поставил последние деньги и проиграл. После этого он заплакал, уронив голову на руки. Волк Ларсен с любопытством поглядел на него, слово собираясь одним ударом скальпеля вскрыть и исследовать его душу, но, как видно, раздумал, сообразив, что здесь и исследовать-то, собственно говоря, нечего.

— Хэмп, — с подчеркнутой вежливостью обратился он ко мне, — будьте добры, возьмите мистера Магриджа под руку и отведите на палубу. Он себя неважно чувствует. И скажите Джонсону, чтобы они там угостили его двумя-тремя ведрами морской воды, — добавил он, понизив голос.

Я оставил кока на палубе в руках нескольких ухмыляющихся матросов, которых Джонсон позвал на подмогу. Мистер Магридж сонно бормотал, что он

”сын джентльмена”. Спускаясь по трапу убрать в кают-компании со стола, я услышал, как он завопил от первого ведра.

Волк Ларсен подсчитывал свой выигрыш.

— Ровно сто восемьдесят пять долларов, — произнес он вслух. — Так я и думал. Бродяга явился на борт без гроша в кармане.

— И то, что вы выиграли, принадлежит мне, сэр, — смело заявил я.

Он удостоил меня насмешливой улыбкой.

— Я ведь тоже изучал когда-то грамматику, Хэмп, и мне кажется, что вы путаете времена глагола. Вы должны были сказать ”принадлежало”.

— Это вопрос не грамматики, а этики, — возразил я.

— Знаете ли вы, Хэмп, — медленно и серьезно начал он с едва уловимой грустью в голосе, — что я первый раз в жизни слышу слово ”этика” из чьих-то уст? Вы и я — единственные люди на этом корабле, знающие смысл этого слова.

— В моей жизни была пора, — продолжал он после новой паузы, — когда я мечтал беседовать с людьми, говорящими таким языком, мечтал, что когда-нибудь я поднимусь над той средой, из которой вышел, и буду общаться с людьми, умеющими рассуждать о таких вещах, как этика. И вот теперь я в первый раз слышал это слово. Но это все между прочим. А по существу вы не правы. Это вопрос не грамматики и не этики, а факта.

— Понимаю, — сказал я, — факт тот, что деньги у вас.

Его лицо просветлело. По-видимому, он остался доволен моей сообразительностью.

— Но вы обходите основной вопрос, — продолжал я, — который лежит в области права.

— Вот как! — отозвался он, презрительно скривив губы. — Я вижу, вы все еще верите в такие вещи, как ”право” и ”бесправие”, ”добро” и ”зло”.

— А вы не верите? Совсем?

— Ни на иоту. Сила всегда права. И к этому все сводится. А слабость всегда виновата. Или лучше сказать так: быть сильным — это добро, а быть слабым — зло. И еще лучше даже так: сильным быть

приятно потому, что это выгодно, а слабым быть неприятно, так как это невыгодно. Вот, например: владеть этими деньгами приятно. Владеть ими — добро. И потому, имея возможность владеть ими, я буду несправедлив к себе и к жизни во мне, если отдам их вам и откажусь от удовольствия обладать ими.

— Но вы причиняете мне зло, удерживая их у себя, — возразил я.

— Ничего подобного! Человек не может причинить другому зло. Он может причинить зло только себе самому. Я убежден, что поступаю дурно всякий раз, когда соблюдаю чужие интересы. Как вы не понимаете? Могут ли две частицы дрожжей обидеть одна другую при взаимном пожирании? Стремление пожирать и стремление не дать себя пожрать заложено в них природой. Нарушая этот закон, они впадают в грех.

— Так вы не верите в альтруизм? — спросил я.

Слово это, по-видимому, показалось ему знакомым, но заставило задуматься.

— Погодите, это, кажется, что-то относительно содействия друг другу?

— Пожалуй, некоторая связь между этими понятиями существует, — ответил я, не удивляясь пробелу в его словаре, так как своими познаниями он был обязан только чтению и самообразованию. Никто не руководил его занятиями. Он много размышлял, но ему мало приходилось беседовать. — Альтруистическим поступком мы называем такой, который совершается для блага других. Это бескорыстный поступок в противоположность эгоистическому.

Он кивнул головой.

— Так, так! Теперь я припоминаю. Это слово падалось мне у Спенсера.

— У Спенсера?! — воскликнул я. — Неужели вы читали его?

— Читал немного, — отвечал он. — Я, кажется, неплохо разобрался в "Основных началах", но на "Основаниях биологии" мои паруса повисли, а на "Психологии" я и совсем попал в мертвый штиль. Сказать по правде, я не понял, куда он там гнет. Я приписал это своему скудоумию, но теперь знаю, что мне просто не хватало подготовки. У меня не было соответствующего фундамента. Только один Спенсер

да я знаем, как я бился над этими книгами. Но из "Показателей этики" я кое-что извлек. Там-то я и встретился с этим самым "альтруизмом" и теперь припоминаю, в каком смысле это было сказано.

"Что мог извлечь этот человек из работ Спенсера?" — подумал я. Достаточно хорошо помня учение этого философа, я знал, что альтруизм лежит в основе его идеала человеческого поведения. Очевидно, Волк Ларсен брал из его учения то, что отвечало его собственным потребностям и желаниям, отбрасывая все, что казалось ему лишним.

— Что же еще вы там вычитали? — спросил я.

Он сдвинул брови, видимо подбирая слова для выражения своих мыслей, остававшихся до сих пор не высказанными. Я чувствовал себя приподнято. Теперь я старался проникнуть в его душу, подобно тому, как он привык проникать в души других. Я исследовал девственную область. И странное — странное и пугающее — зрелище открывалось моему взору.

— Коротко говоря, — начал он, — Спенсер рассуждает так: прежде всего человек должен заботиться о собственном благе. Поступать так — нравственно и хорошо. Затем, он должен действовать на благо своих детей. И, в-третьих, он должен заботиться о благе человечества.

— Но наивысшим, самым разумным и правильным образом действий, — вставил я, — будет такой, когда человек заботится одновременно и о себе, и о своих детях, и обо всем человечестве.

— Этого я не сказал бы, — отвечал он. — Не вижу в этом ни необходимости, ни здравого смысла. Я исключаю человечество и детей. Ради них я ничем не поступил бы. Это все слюнявые бредни — во всяком случае для того, кто не верит в загробную жизнь, — и вы сами должны это понимать. Верь я в бессмертие, альтруизм был бы для меня выгодным занятием. Я мог бы черт знает как возвысить свою душу. Но, не видя впереди ничего вечного, кроме смерти, и имея в своем распоряжении лишь короткий срок, пока во мне шевелятся и бродят дрожжи, именуемые жизнью, я поступал бы безнравственно, принося какую бы то ни было жертву. Всякая жертва, которая лишила бы меня хоть мига брожения, была бы не только глупа, но и безнравственна по отношению к самому себе. Я не

должен терять ничего, обязан как можно лучше использовать свою закваску. Буду ли я приносить жертвы или стану заботиться только о себе в тот отмеренный мне срок, пока я составляю частицу дрожжей и ползаю по земле, — от этого ожидающая меня вечная неподвижность не будет для меня ни легче, ни тяжелее.

— В таком случае вы индивидуалист, материалист и, естественно, гедонист.

— Громкие слова! — улыбнулся он. — Но что такое "гедонист"?

Выслушав мое определение, он одобрительно кивнул головой.

— А кроме того, — продолжал я, — вы такой человек, которому нельзя доверять даже в мелочах, как только к делу примешиваются личные интересы.

— Вот теперь вы начинаете понимать меня, — обрадованно сказал он

— Так вы человек, совершенно лишенный того, что принято называть моралью?

— Совершенно.

— Человек, которого всегда надо бояться?

— Вот это правильно.

— Бояться, как боятся змеи, тигра или акулы?

— Теперь вы знаете меня, — сказал он. — Знаете меня таким, каким меня знают все. Ведь меня называют Волком.

— Вы — чудовище, — бесстрашно заявил я. — Калибан¹, который размышлял о Сетебосе и поступал, подобно вам, под влиянием минутного каприза.

Он не понял этого сравнения и нахмурился: я увидел, что он, должно быть, не читал этой поэмы.

— Я сейчас как раз читаю Броунинга, — признался Ларсен, — да что-то туго подвигается. Еще недалеко ушел, а уже изрядно запутался.

Ну, короче, я сбегал к нему в каюту за книжкой и прочел ему "Калибана" вслух. Он был восхищен. Этот

¹ *К а л и б а н* — уродливое человекоподобное существо, персонаж из пьесы Шекспира "Буря", воплощает грубые силы природы, подчиненные человеческому разуму и вынужденные служить ему. *С е т е б о с* (в мифологии южноамериканских индейцев) — бог враждебных человеку стихий. Поэма Р. Броунинга "Калибан о Сетебосе, или Натуртеология на острове" — монолог Калибана, бунтующего против всемогущества человеческого разума.

упрощенный взгляд на вещи и примитивный способ рассуждения был вполне доступен его пониманию. Время от времени он вставлял замечания и критиковал недостатки поэмы. Когда я кончил, он заставил меня перечитать ему поэму во второй и в третий раз, после чего мы углубились в спор — о философии, науке, эволюции, религии. Его рассуждения отличались неточностью, свойственной самоучке, и безапелляционной прямолинейностью, присущей первобытному уму. Но в самой примитивности его суждений была сила, и его примитивный материализм был куда убедительнее тонких и замысловатых материалистических построений Чарли Фэрасета. Этим я не хочу сказать, что он переубедил меня, закоренелого или, как выражался Фэрасет, "прирожденного" идеалиста. Но Волк Ларсен штурмовал устои моей веры с такой силой, которая невольно внушала уважение, хотя и не могла меня поколебать.

Время шло. Пора было ужинать, а стол еще не был накрыт. Я начал проявлять беспокойство, и когда Томас Магридж, злой и хмурый, как туча, заглянул в кают-компанию, я встал, собираясь приступить к своим обязанностям. Но Волк Ларсен крикнул Магриджу:

— Кок, сегодня тебе придется похлопотать самому, Хэмп нужен мне. Обойдись без него.

И снова произошло нечто неслыханное. В этот вечер я сидел за столом с капитаном и охотниками, а Томас Магридж прислуживал нам, а потом мыл посуду. Это была калибановская прихоть Волка Ларсена, и она сулила мне много неприятностей. Но пока что мы с ним говорили и говорили без конца, к великому неудовольствию охотников, не понимавших ни слова.

Глава девятая

Три дня, три блаженных дня, отдыхал я, проводя все свое время в обществе Волка Ларсена. Я ел за столом в кают-компании и только и делал, что бесе-

довал с капитаном о жизни, литературе и законах мироздания. Томас Магридж рвал и метал, но исполнял за меня всю работу.

— Берегись шквала! Больше я тебе ничего не скажу, — предостерег меня Луис, когда мы на полчаса остались с ним вдвоем на палубе. Волк Ларсен улаживал в это время очередную ссору между охотниками. — Никогда нельзя сказать наперед, что может случиться, — продолжал Луис в ответ на мой недоуменный вопрос. — Старик изменчив, как ветры и морские течения. Никогда не угадаешь, что он может выкинуть. Тебе кажется, что ты уже знаешь его, что ты хорошо с ним ладишь, а он тут-то как раз и повернет, кинется на тебя и разнесет в клочья твои паруса, которые ты поставил в расчете на хорошую погоду.

Поэтому я не был особенно удивлен, когда предсказанный Луисом шквал налетел на меня. Между мной и капитаном произошел горячий спор — о жизни, конечно; и, не в меру расхрабрившись, я начал осуждать самого Волка Ларсена и его поступки. Должен сказать, что я вскрывал и выворачивал наизнанку его душу так же основательно, как он привык проделывать это с другими. Признаюсь, речь моя вообще резка. А тут я отбросил всякую сдержанность, колот и хлестал Ларсена, пока он не рассвирепел. Бронзовое лицо его потемнело от гнева, глаза сверкнули. В них уже не было ни проблеска сознания — ничего, кроме слепой, безумной ярости. Я видел перед собой волка, и притом волка бешеного.

С глухим возгласом, похожим на рев, он прыгнул ко мне и схватил меня за руку. Я собрался с духом и взглянул ему прямо в глаза, хотя меня пробирала дрожь. Но чудовищная сила этого человека сломила мою волю. Он держал меня за руку выше локтя, и, когда он сжал пальцы, я пошатнулся и вскрикнул от боли. Ноги у меня подкосились. Я не в силах был терпеть эту пытку. Мне казалось, что рука моя будет сейчас раздавлена.

Внезапно Ларсен пришел в себя, в глазах его снова засветилось сознание, и он отпустил мою руку с коротким смешком, напоминавшим рычание. Сразу обессилев, я повалился на пол, а он сел, закурил сигару и стал наблюдать за мной, как кошка, стерегущая

мышь. Корчась на полу от боли, я уловил в его глазах любопытство, которое не раз уже подмечал в них, — любопытство, удивление и вопрос: к чему все это?

Кое-как встав на ноги, я поднялся по трапу. Пришел конец хорошей погоде, и не оставалось ничего другого, как вернуться в камбуз. Левая рука у меня онемела, словно парализованная, и в течение нескольких дней я почти ею не владел, а скованность и боль чувствовались в ней еще много недель спустя. Между тем Ларсен просто схватил ее и сжал. Он не ломал и не вывертывал мне руку. Он только стиснул ее пальцами.

Что мне грозило, я понял лишь на другой день, когда он просунул голову в камбуз и, в знак возобновления дружбы, осведомился, не болит ли у меня рука.

— Могло кончиться хуже! — усмехнулся он.

Я чистил картофель. Ларсен взял в руку картофелину. Она была большая, твердая, неочищенная. Он сжал кулак, и жидкая кашка потекла у него между пальцами. Он бросил в чан то, что осталось у него в кулаке, повернулся и ушел. А мне стало ясно, во что превратилась бы моя рука, если бы это чудовище применило всю свою силу.

Однако трехдневный покой как-никак пошел мне на пользу. Колено мое получило, наконец, необходимый отдых, и опухоль заметно спала, а коленная чашечка стала на место. Однако эти три дня отдыха принесли мне и неприятности, которые я предвидел. Томас Магридж явно старался заставить меня расплатиться за полученный отдых сполна. Он злобствовал, бранился на чем свет стоит и взваливал на меня свою работу. Раз даже он замахнулся на меня кулаком. Но я уже и сам озверел и огрызнулся так свирепо, что он струсил и отступил. Мало привлекательную, должно быть, картину представлял я, Хэмфри Ван-Вейден, в эту минуту. Я сидел в углу вонючего камбуза, скорчившись над своей работой, а этот негодяй стоял передо мной и угрожал мне кулаком. Я глядел на него, ощерившись, как собака, сверкая глазами, в которых беспомощность и страх смешивались с мужеством отчаяния. Не нравится мне эта картина. Боюсь, что я был очень похож на затравленную крысу.

Но кое-чего я все же достиг — занесенный кулак не опустился на меня.

Томас Магридж попятился. В глазах его светилась такая же ненависть и злоба, как и в моих. Мы были словно два зверя, запертые в одной клетке и злобно скалящие друг на друга зубы. Магридж был трус и боялся ударить меня потому, что я не слишком оробел перед ним. Тогда он придумал другой способ застрашивать меня. В кухне был всего один более или менее исправный нож. От долгого употребления лезвие его стало узким и тонким. Этот нож имел необычайно зловещий вид, и первое время я всегда с содроганием брал его в руки. Кок взял у Иогансена оселок и принялся с подчеркнутым рвением точить этот нож, многозначительно поглядывая на меня. Он точил его весь день. Чуть у него выдавалась свободная минутка, он хватал нож и принимался точить его. Лезвие ножа приобрело остроту бритвы. Он пробовал его на пальце и ногтем. Он сбрасывал волоски у себя с руки, прищурив глаз, глядел вдоль лезвия и снова и снова делал вид, что находит в нем какой-то изъян. И опять доставал оселок и точил, точил, точил... В конце концов меня начал разбирать смех — все это было слишком нелепо.

Но дело могло принять серьезный оборот. Кок и в самом деле готов был пустить этот нож в ход. Я понимал, что он, подобно мне, способен совершить отчаянный поступок, именно в силу своей трусости и вместе с тем вопреки ей.

”Магридж точит нож на Хэмпса”, — переговаривались между собой матросы, а некоторые стали поднимать кока на смех. Он сносил насмешки спокойно и только покачивал головой с таинственным и даже довольным видом, пока бывший юнга Джордж Лич не позволил себе какую-то грубую шутку на его счет.

Надо сказать, что Лич был в числе тех матросов, которые получили приказание окатить Магриджа водой после его игры в карты с капитаном. Очевидно, кок не забыл, с каким рвением исполнил Лич свою задачу. Когда Лич задел кока, тот ответил грубой бранью, прошелся насчет предков матроса и пригрозил ему ножом, отточенным для расправы со мной. Лич не остался в долгу, и, прежде чем мы успели опомниться, его правая рука окрасилась кровью от локтя до кисти. Кок отскочил с сатанинским выра-

жением лица, выставив перед собой нож для защиты. Но Лич отнесся к происшедшему невозмутимо, хотя из его рассеченной руки хлестала кровь.

— Я посчитаюсь с тобой, кок, — сказал он, — крепко посчитаюсь. Спешить не стану. Я разделаюсь с тобой, когда ты будешь без ножа.

С этими словами он повернулся и ушел. Лицо Магриджа помертвело от страха перед содеянным им и перед неминуемой местью со стороны Лича. Но на меня он с этой минуты озлобился пуще прежнего. Несмотря на весь его страх перед грозившей ему расплатой, он понимал, что для меня это был наглядный урок, и совсем обнаглел. К тому же при виде пролитой им крови в нем проснулась жажда убийства, граничившая с безумием. Как ни сложны подобные психические переживания, все побуждения этого человека были для меня ясны, — я читал в его душе, как в раскрытой книге.

Шли дни. "Призрак" по-прежнему пенил воду, подгоняемый попутным пассатом, а я наблюдал, как безумие зреет в глазах Томаса Магриджа. Признаюсь, мной овладевал страх, отчаянный страх. Целыми днями кок все точил и точил свой нож. Пробуя пальцем лезвие ножа, он посматривал на меня, и глаза его сверкали, как у хищного зверя. Я боялся повернуться к нему спиной и, пятась, выходил из камбуза, что чрезвычайно забавляло матросов и охотников, нарочно собиравшихся поглядеть на этот спектакль. Постоянное, невыносимое напряжение измучило меня; порой мне казалось, что рассудок мой мутится. Да и не мудрено было сойти с ума на этом корабле, среди безумных и озверелых людей. Каждый час, каждую минуту моя жизнь подвергалась опасности. Моя душа вечно была в смятении, но на всем судне не нашлось никого, кто выказал бы мне сочувствие и пришел бы на помощь. Порой я подумывал обратиться к заступничеству Волка Ларсена, но мысль о дьявольской усмешке в его глазах, выражавших презрение к жизни, останавливала меня. Временами меня посещала мысль о самоубийстве, и мне понадобилась вся сила моей оптимистической философии, чтобы как-нибудь темной ночью не прыгнуть за борт.

Волк Ларсен несколько раз пытался втянуть меня в спор, но я отделялся лаконическими ответами и

старался избегать его. Наконец, он приказал мне снова занять место за столом в кают-компании и предоставить коку исполнять за меня мою работу. Тут я высказал ему все начистоту — рассказал, что пришлось мне вытерпеть от Томаса Магриджа в отместку за те три дня, когда я ходил в фаворитах.

Волк Ларсен посмотрел на меня с усмешкой.

— Так вы боитесь его? — спросил он.

— Да, — честно признался я, — мне страшно.

— Вот и все вы такие, — с досадой воскликнул он, — разводите всякие антимонии насчет ваших бессмертных душ, а сами боитесь умереть! При виде острого ножа в руках труса вы судорожно цепляетесь за жизнь и весь этот вздор вылетает у вас из головы. Как же так, милейший, ведь вы будете жить вечно? Вы — бог, а бога нельзя убить. Кок не может причинить вам зла — вы же уверены, что вам предстоит воскреснуть. Чего же вы боитесь?

Ведь перед вами вечная жизнь. Вы же миллионер в смысле бессмертия, притом миллионер, которому не грозит потерять свое состояние, так как оно долговечнее звезд и безгранично, как пространство и время. Вы не можете растратить свой основной капитал. Бессмертие не имеет ни начала, ни конца. Вечность есть вечность, и, умирая здесь, вы будете жить и впредь в другом месте. И как это прекрасно — освобождение от плоти и свободный взлет духа! Кок не может причинить вам зла. Он может только подтолкнуть вас на тот путь, по которому вам суждено идти вечно.

А если у вас нет пока охоты отправляться на небеса, почему бы вам не отправить туда кока? Согласно вашим воззрениям, он тоже миллионер бессмертия. Вы не можете довести его до банкротства. Его акции всегда будут котироваться аль-пари. Убив его, вы не сократите срока его жизни, так как эта жизнь не имеет ни начала, ни конца. Где-то, как-то, но этот человек должен жить вечно. Так отправьте его на небо! Пырните его ножом и выпустите его дух на свободу. Этот дух томится в отвратительной тюрьме, и вы только окажете ему любезность, взломав ее двери. И, кто знает, быть может прекраснейший дух воспарит в лазурь из этой уродливой оболочки. Так всадите в

кока нож, и я назначу вас на его место, а ведь он получает сорок пять долларов в месяц!

Нет! От Волка Ларсена не приходилось ждать ни помощи, ни сочувствия! Я мог надеяться только на себя, и отвага отчаяния подсказала мне план действий: я решил бороться с Томасом Магриджем его же оружием и занял у Иогансена точило.

Луис, рулевой одной из шлюпок, как-то просил меня достать ему сгущенного молока и сахару. Кладовая, где хранились эти деликатесы, была расположена под полом кают-компаний. Улучив минуту, я стянул пять банок молока и ночью, когда Луис стоял на вахте, выменял у него на это молоко тесак, такой же длинный и страшный, как кухонный нож Томаса Магриджа. Тесак был заржавленный и тупой, но мы с Луисом привели его в порядок: я вертел точило, а Луис правил лезвие. В эту ночь я спал крепче и спокойнее, чем обычно.

Утром, после завтрака, Томас Магридж опять принялся за свое: чирк, чирк, чирк. Я с опаской глянул на него, так как стоял в это время на коленях, выгребая из плиты золу. Выбросив ее за борт, я вернулся в камбуз; кок разговаривал с Гаррисоном, — открытое, простодушное лицо матроса выражало изумление.

— Да! — рассказывал Магридж. — И что же сделал судья? Засадил меня на два года в Рэдингскую тюрьму. А мне было наплевать, я зато хорошо разукрасил рожу этому подлецу. Посмотрел бы ты на него! Нож был вот такой самый. Вошел, как в масло. А тот как взвояет! Ей-богу, лучше всякого представления! — Кок бросил взгляд в мою сторону, желая убедиться, что я все это слышал, и продолжал: — "Я не хотел тебя обидеть, Томми, — захныкал он, — убей меня бог, если я вру!" — "Я тебя еще мало проучил", — сказал я и кинулся на него. Я исполосовал ему всю рожу, а он только визжал, как свинья. Раз ухватился рукой за нож — хотел отвести его, а я как дерну — и разрезал ему пальцы до кости. Ну и вид же у него был, доложу я тебе!

Голос помощника прервал этот кровавый рассказ, и Гаррисон отправился на корму, а Магридж уселся на высоком пороге камбуза и снова принялся точить свой нож. Я бросил совок и спокойно расположился на угольном ящике лицом к моему врагу. Он злобно по-

косился на меня. Сохраняя внешнее спокойствие, хотя сердце отчаянно колотилось у меня в груди, я вытащил тесак Луиса и принялся точить его о камень. Я ожидал какой-нибудь бешеной выходки со стороны кока, но, к моему удивлению, он будто и не замечал, что я делаю. Он точил свой нож, я — свой. Часа два сидели мы так, лицом к лицу, и точили, точили, точили, пока слух об этом не облетел всю шхуну и добрая половина экипажа не столпилась у дверей камбуза полюбоваться таким невиданным зрелищем.

Со всех сторон стали раздаваться подбадривающие возгласы и советы. Даже Джек Хорнер, спокойный и молчаливый охотник, с виду неспособный обидеть и муху, советовал мне пырнуть кока не под ребра, а в живот и применить при этом так называемый "испанский поворот". Лич, выставив напоказ свою перевязанную руку, просил меня оставить ему хоть кусочек кока для расправы, а Волк Ларсен раза два останавливался на краю полюта и с любопытством поглядывал на то, что он называл брожением жизненной закваски.

Не скрою, что в это время жизнь имела весьма сомнительную ценность в моих глазах. Да, в ней не было ничего привлекательного, ничего божественного — просто два трусливых двуногих существа сидели друг против друга и точили сталь о камень, а кучка других более или менее трусливых существ толпилась кругом и глазела. Я уверен, что половина зрителей с нетерпением ждала, когда мы начнем полосовать друг друга. Это было бы неплохой потехой. И я думаю, что ни один из них не бросился бы нас разнимать, если бы мы схватились не на жизнь, а на смерть.

С другой стороны, во всем этом было много смешного и ребяческого. Чирк, чирк, чирк! Хэмфри Ван-Вейден точит тесак в камбузе и пробует большим пальцем его острие, — можно ли выдумать что-нибудь более невероятное! Никто из знавших меня никогда бы этому не поверил. Ведь меня всю жизнь называли "неженка Ван-Вейден", и то, что "неженка Ван-Вейден" оказался способен на такие вещи, было откровением для Хэмфри Ван-Вейдена, который не знал, радоваться ему или стыдиться.

Однако дело кончилось ничем. Часа через два Томас Магридж отложил в сторону нож и точило и протянул мне руку.

— К чему нам потешать этих скотов? — сказал он. — Они будут только рады, если мы перережем друг другу глотки. Ты не такая уж дрянь, Хэмп! В тебе есть огонек, как говорите вы, янки. Ей-ей, ты не плохой парень. Ну, иди сюда, давай руку!

Каким бы я ни был трусом, он в этом отношении перещеголял меня. Это была явная победа, и я не хотел умалить ее, пожав его мерзкую лапу.

— Ну ладно, — необидчиво заметил кок, — не хочешь, не надо. Все равно, ты славный парень! — И, чтобы скрыть смущение, он яростно накинулся на зрителей: — Вон отсюда, пошли вон!

Чтобы приказ возымел лучшее действие, кок схватил кастрюлю кипятку, и матросы поспешно отступили. Таким образом Томас Магридж одержал победу, которая смягчила ему тяжесть нанесенного мною поражения. Впрочем, он был достаточно осторожен, чтобы, прогнав матросов, не тронуть охотников.

— Ну, коку пришел конец, — поделился Смок своими соображениями с Хорнером.

— Верно, — отвечал тот. — Теперь Хэмп хозяин в камбузе, а коку придется поджать хвост.

Магридж услышал это и метнул на меня быстрый взгляд, но я и ухом не повел, будто разговор этот не долетел до моих ушей. Я не считал свою победу окончательной и полной, но решил не уступать ничего из своих завоеваний. Впрочем, пророчество Смока сбылось. Кок с той поры стал держаться со мной даже более заискивающе и подобострастно, чем с самим Волком Ларсеном. А я больше не величал его ни "мистером", ни "сэрм", не мыл грязных кастрюль и не чистил картошки. Я исполнял свою работу, и только. И делал ее, как находил нужным. Тесак я носил в ножнах у бедра, на манер кортика, а в обращении с Томасом Магриджем придерживался властного, грубого и презрительного тона.

Моя близость с Волком Ларсеном возрастает — если только слово "близость" применимо к отношениям между господином и слугой или, еще лучше, между королем и шутом... Я для него не более как забава, и ценит он меня не больше, чем ребенок — игрушку. Моя обязанность — развлекать его, и пока ему весело, все идет хорошо. Но стоит только ему соскучиться в моем обществе или впасть в мрачное настроение, как я мигом оказываюсь изгнанным из кают-компаний в камбуз, и хорошо еще, что мне удастся пока уходить целым и невредимым.

Я начинаю понимать, насколько он одинок. На всей шхуне нет человека, который не боялся бы его и не испытывал бы к нему ненависти. И точно так же нет ни одного, которого бы он в свою очередь не презирал. Его словно пожирает заключенная в нем неукротимая сила, не находящая себе применения. Таким был бы Люцифер, если бы этот гордый дух был изгнан в мир бездушных призраков, подобных Томлинсону¹.

Такое одиночество тягостно само по себе, у Ларсена же оно усугубляется исконной меланхоличностью его расы. Узнав его, я начал лучше понимать древние скандинавские мифы. Белолицые, светловолосые дикари, создавшие этот ужасный мир богов, были сотканы из той же ткани, что и этот человек. В нем нет ни капли легкомыслия представителей латинской расы. Его смех — порождение свирепого юмора. Но смеется он редко. Чаще он печален. И печаль эта уходит корнями к истокам его расы. Она досталась ему в наследство от предков. Эта задумчивая меланхолия выработала в его народе трезвый ум, привычку к опрятной жизни и фанатическую нравственность, которая у англичан нашла впоследствии свое завершение в пуританизме и в миссис Грэнди².

¹ *Томлинсон* — герой одноименного стихотворения Р. Киплинга.

² *Миссис Грэнди* — персонаж популярной пьесы английского драматурга Мортона (1764—1838) — олицетворение ханжества.

Но в сущности главный выход эта меланхолия находила в религии — в ее наиболее изуверских формах. Однако Волку Ларсену не дано и этого утешения. Оно несовместимо с его грубым материализмом. Поэтому, когда черная тоска одолевает его, она находит исход только в диких выходках. Будь этот человек не так ужасен, я мог бы порой проникнуться жалостью к нему. Так, например, три дня назад я зашел налить ему воды в графин и застал его в каюте. Он не видел меня. Он сидел, обхватив голову руками, и плечи его судорожно вздрагивали от сдержанных рыданий. Казалось, какое-то острое горе терзает его. Я тихонько вышел, но успел услышать, как он простонал: "Господи, господи!" Он, конечно, не призывал бога, — это восклицание вырвалось у него бессознательно.

За обедом он спрашивал охотников, нет ли у них чего-нибудь от головной боли, а вечером этот сильный человек, с помутившимся взором, метался из угла в угол по кают-компании.

— Я никогда не хворал, Хэмп, — сказал он мне, когда я отвел его в каюту. — Даже головной боли прежде не испытывал, раз только, когда мне раскрыли череп вымбовкой и рана начала заживать.

Три дня мучили его эти нестерпимые головные боли, и он страдал безропотно и одиноко, как страдают дикие звери и как, по-видимому, принято страдать на корабле.

Но, войдя сегодня утром в его каюту, чтобы прибрать ее, я застал его здоровым и погруженным в работу. Стол и койка были завалены расчетами и чертежами. С циркулем и угольником в руках он наносил на большой лист кальки какой-то чертеж.

— А, Хэмп! — приветствовал он меня. — Я как раз заканчиваю эту штуку. Хотите посмотреть, как получается?

— А что это такое?

— Это приспособление, сберегающее морякам труд и упрощающее кораблевождение до детской игры, — весело отвечал он. — Отныне и ребенок сможет вести корабль. Долой бесконечные вычисления! Даже в туманную ночь достаточно одной звезды в небе, чтобы сразу определить, где вы находитесь. Вот поглядите! Я накладываю эту штуку на карту звездного неба и, совместив полюса, вращаю ее вокруг Северного по-

люса. На кальке обозначены круги высот и линии пеленгов. Я устанавливаю кальку по звезде и поворачиваю ее, пока она не окажется против цифр, нанесенных на краю карты. И готово! Вот вам точное место корабля!

В его голосе звучало торжество, глаза — голубые в это утро, как море, — искрились.

— Вы, должно быть, сильны в математике, — заметил я. — Где вы учились?

— К сожалению, нигде, — ответил он. — Мне до всего пришлось доходить самому.

— А как вы думаете, для чего я изобрел это? — неожиданно спросил он. — Хотел оставить "след свой на песке времен"? — Он насмешливо расхохотался. — Ничего подобного! Просто хочу взять патент, получить за него деньги и предаваться всякому свинству, пока другие трудятся. Вот моя цель. Кроме того, сама работа над этой штукой доставляла мне радость.

— Радость творчества, — вставил я.

— Вероятно, так это называется. Еще один из способов проявления радости жизни, торжества движения над материей, живого над мертвым, гордость закваски, чувствующей, что она бродит.

Я всплеснул руками, беспомощно протестуя против его закоренелого материализма, и принялся застилать койку. Он продолжал наносить линии и цифры на чертеж. Это требовало чрезвычайной осторожности и точности, и я поражался, как ему удастся умерять свою силу при исполнении столь тонкой работы.

Кончив заправлять койку, я невольно засмотрелся на него. Он был, несомненно, красив, — настоящей мужской красотой. Снова я с удивлением отметил, что в его лице нет ничего злобного или порочного. Можно было поклясться, что человек этот не способен на зло. Но я боюсь быть превратно понятым. Я хочу сказать только, что это было лицо человека, никогда не идущего вразрез со своей совестью, или же человека, вовсе лишенного совести. Это был великолепный образчик атавизма — человек настолько примитивный, что в нем как бы воскрес его первобытный предок, живший на земле задолго до развития нравственного начала в людях. Он не был аморален, — к нему было просто неприменимо понятие морали.

Как я уже сказал, его лицо отличалось мужественной красотой. Оно было гладко выбрито, и каждая черта выделялась четко, как у камен. От солнца и соленой морской воды кожа его потемнела и стала бронзовой, и это придавало его красоте дикарский вид, напоминая о долгой и упорной борьбе со стихиями. Полные губы были очерчены твердо и даже резко, что характерно скорее для тонких губ. В таких же твердых и резких линиях подбородка, носа и скул чувствовалась свирепая неукротимость самца. Нос напоминал орлиный клюв, — в нем было что-то хищное и властное. Его нельзя было назвать греческим — для этого он был слишком массивен, а для римского — слишком тонок. Все лицо в целом производило впечатление свирепости и силы, но тень извечной меланхолии, лежавшая в нем, углубляла складки вокруг рта и морщины на лбу и придавала ему какое-то величие и законченность.

Итак, я поймал себя на том, что стоял и праздно изучал Ларсена. Трудно передать, как глубоко интересовал меня этот человек. Кто он? Что он за существо? Как сложился этот характер? Казалось, в нем были заложены неисчерпаемые возможности. Почему же оставался он безвестным капитаном какой-то зверобойной шхуны, прославившимся среди охотников только своей необычайной жестокостью?

Мое любопытство прорвалось наружу целым потоком слов.

— Почему вы не совершили ничего значительного? Заложённая в вас сила могла бы поднять такого, как вы, на любую высоту. Лишенный совести и нравственных устоев, вы могли бы положить себе под ноги мир. А я вижу вас здесь, в расцвете сил, которые скоро пойдут на убыль. Вы ведёте безвестное и отвратительное существование, охотитесь на морских животных, которые нужны только для удовлетворения тщеславия женщин, погрязших в свинстве, по вашим же собственным словам. Вы ведёте жизнь, в которой нет абсолютно ничего высокого. Почему же при всей вашей удивительной силе вы ничего не совершили? Ничто не могло остановить вас или помешать вам. В чем же дело? У вас не было честолюбия? Или вы пали жертвой какого-то соблазна? В чем дело? В чем дело?

Он поднял на меня глаза, когда я заговорил, и спокойно ждал конца моей вспышки. Наконец, я умолк, запыхавшийся и смущенный. Помолчав минуту, словно собираясь с мыслями, он сказал:

— Хэмп, знаете ли вы притчу о сеятеле, который вышел на ниву? Ну-ка, припомните: "Иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, его обожгло, и, не имея корня, оно засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его".

— Ну, и что же? — сказал я.

— Что же? — насмешливо переспросил он. — Да ничего хорошего. Я был одним из этих семян.

Он наклонился над чертежом и снова принялся за работу. Я закончил уборку и взялся уже за ручку двери, но он вдруг окликнул меня:

— Хэмп, если вы посмотрите на карту западного берега Норвегии, вы найдете там залив, называемый Ромсдаль-фьорд. Я родился в ста милях оттуда. Но я не норвежец. Я датчанин. Мои родители оба были датчане, и я до сих пор не знаю, как они попали в это унылое место на западном берегу Норвегии. Они никогда не говорили об этом. Во всем остальном в их жизни не было никаких тайн. Это были бедные неграмотные люди, и их отцы и деды были такие же простые неграмотные люди, пахари моря, посылавшие своих сыновей из поколения в поколение бороздить волны морские, как повелось с незапамятных времен. Вот и все, больше мне нечего рассказать.

— Нет, не все, — возразил я. — Ваша история все еще темна для меня.

— Что же еще могу я рассказать вам? — сказал он мрачно и со злобой. — О перенесенных в детстве лишениях? О скудной жизни, когда нечего есть, кроме рыбы? О том, как я, едва научившись ползать, выходил с рыбаками в море? О моих братьях, которые один за другим уходили в море и больше не возвращались? О том, как я, не умея ни читать, ни писать, десятилетним юнгою плавал на старых каботажных судах? О грубой пище и еще более грубом обращении, когда пинки и побои с утра и на сон грядущий заменяют слова, а страх, ненависть и боль — единственное, что питает душу? Я не люблю вспоминать об этом! Эти

воспоминания и сейчас приводят меня в бешенство. Я мог бы убить кое-кого из этих каботажных шкиперов, когда стал взрослым, да только судьба закинула меня в другие края. Не так давно я побывал там, но, к сожалению, все шкипера поумирали, кроме одного. Он был штурманом, когда я был юнгой, и стал капитаном к тому времени, когда мы встретились вновь. Я оставил его калекой; он никогда уже больше не сможет ходить.

— Вы не посещали школы, а между тем прочли Спенсера и Дарвина. Как же вы научились читать и писать?

— На английских торговых судах. В двенадцать лет я был кают-юнгой, в четырнадцать — юнгой, в шестнадцать — матросом, в семнадцать — старшим матросом и первым забиякой на баке. Беспредельные надежды и беспредельное одиночество, никакой помощи, никакого сочувствия, — я до всего дошел сам: сам учился навигации и математике, естественным наукам и литературе. А к чему все это? Чтобы в расцвете сил, как вы изволили выразиться, когда жизнь моя начинает понемногу клониться к закату, стать хозяином шхуны? Жалкое достижение, не правда ли? И когда солнце встало — меня обожгло, и я засох, так как рос без корней.

— Но история знает рабов, достигших порфиры, — заметил я.

— История отмечает также благоприятные обстоятельства, способствовавшие такому возвышению, — мрачно возразил он. — Никто не создает эти обстоятельства сам. Все великие люди просто умели ловить счастье за хвост. Так было и с Корсиканцем. И я носился с не менее великими мечтами. И не упустил бы благоприятной возможности, но она мне так и не представилась. Терние выросло и задушило меня. Могу вам сказать, Хэмп, что ни одна душа на свете, кроме моего братца, не знает обо мне того, что знаете теперь вы.

— А где ваш брат? Что он делает?

— Он хозяин промыслового парохода "Македония" и охотится на котиков. Мы, вероятно, встретимся с ним у берегов Японии. Его называют Смерть Ларсен.

— Смерть Ларсен? — невольно вырвалось у меня. — Он похож на вас?

— Не очень. Он просто тупая скотина. В нем, как и во мне, много... много...

— Зверского? — подсказал я.

— Вот именно, благодарю вас. В нем не меньше зверского, чем во мне, но он едва умеет читать и писать.

— И никогда не философствует о жизни? — добавил я.

— О нет, — ответил Волк Ларсен с горечью. — И в этом его счастье. Он слишком занят жизнью, чтобы думать о ней. Я сделал ошибку, когда впервые открыл книгу.

Глава одиннадцатая

”Призрак” достиг самой южной точки той дуги, которую он описывает по Тихому океану, и уже начинает забирать к северо-западу, держа курс, как говорят, на какой-то уединенный островок, где мы должны запастись пресной водой, прежде чем направиться бить котиков к берегам Японии. Охотники упражняются в стрельбе из винтовок и дробовиков, а матросы готовят паруса для шлюпок, оббивают весла кожей и обматывают уключины плетенкой, чтобы бесшумно подкрадываться к котикам, — вообще ”наводят глянец”, по выражению Лича.

Рука у Лича, кстати сказать, заживает, но шрам, как видно, останется на всю жизнь. Томас Магридж боится этого парня до смерти и, как стемнеет, не решается носа высунуть на палубу. На баке то и дело вспыхивают ссоры. Луис говорит, что кто-то наушничает капитану на матросов, и двоим доносчикам уже здорово наkostenяли шею. Луис боится, что Джонсону, гребцу из одной с ним шлюпки, несдобровать. Джонсон говорит все слишком уж напрямик, и раза два у него уже было столкновение с Волком Ларсеном из-за того, что тот неправильно произносит его фамилию. А Йогансена он как-то вечером изрядно поколотил, и с тех пор помощник не коверкает больше

его фамилии. Но смешно думать, чтобы Джонсон мог поколотить Волка Ларсена.

Услышал я от Луиса кое-что и о другом Ларсене, прозванном Смерть. Рассказ Луиса вполне совпадает с краткой характеристикой, данной капитаном своему брату. Мы, вероятно, встретимся с ним у берегов Японии. "Ждите шквала, — предрекает Луис, — они ненавидят друг друга, как настоящие волки".

Смерть Ларсен командует "Македонией", единственным пароходом во всей промысловой флотилии; на пароходе четырнадцать шлюпок, тогда как на шхунах их бывает всего шесть. Поговаривают даже о пушках на борту и о странных экспедициях этого судна, начиная от контрабандного ввоза опиума в Соединенные Штаты и оружия в Китай и кончая торговлей рабами и открытым пиратством. Я не могу не верить Луису, — он как будто не любит привирать, и к тому же этот малый — ходячая энциклопедия по части котикового промысла и всех, кто им занимается.

Такие же стычки, как в матросском кубрике и в камбузе, происходят и в кубрике охотников этого поистине дьявольского корабля. Там тоже драки и все готовы перегрызть друг другу глотку. Охотники ежеминутно ждут, что Смок и Гендерсон, которые до сих пор не уладили своей старой ссоры, сцепятся снова, а Волк Ларсен заявил, что убьет того, кто выйдет живым из этой схватки. Он не скрывает, что им руководят отнюдь не моральные соображения. Ему совершенно наплевать, хоть бы все охотники перестреляли друг друга, но они нужны ему для дела, и поэтому он обещает им царскую потеху, если они воздержатся от драк до конца промысла: они смогут тогда свести все свои счета, выбросить трупы за борт и потом придумать какие угодно объяснения гибели этих людей. Мне кажется, что даже охотники изумлены его хладнокровной жестокостью. Несмотря на всю свою свирепость, они все-таки боятся его.

Томас Магридж пресмыкается передо мной, как собака, а я в глубине души, побаиваюсь его. Ему свойственно мужество страха — как это бывает, я хорошо знаю по себе, — и в любую минуту оно может взять в нем верх и заставить его покуситься на мою жизнь. Состояние моего колена заметно улучшилось, хотя временами нога сильно ноет. Онемение в руке,

которую сдал мне Волк Ларсен, понемногу проходит тоже. Вообще же здоровье мое не оставляет желать лучшего. Мускулы увеличились и стали тверже. Вот только руки являют самое жалкое зрелище. У них такой вид, словно их ошпарили кипятком, а ногти все поломаны и черны от грязи, на пальцах — заусеницы, на ладонях — мозоли. Кроме того, у меня появились фурункулы, что я приписываю корабельной пище, так как никогда раньше этим не страдал.

На днях Волк Ларсен позабавил меня: я застал его вечером за чтением библии, которая после бесплодных поисков, уже описанных мною в начале плавания, отыскалась в сундуке покойного помощника. Я недоумевал, что Волк Ларсен может в ней для себя найти, и он прочел мне вслух из Экклезиаста. При этом мне казалось, что он не читает, а высказывает собственные мысли, и голос его, гулко и мрачно раздававшийся в каюте, зачаровывал меня и держал в оцепенении. Хоть он и не образован, а читает хорошо. Я как сейчас слышу его меланхолический голос:

”Собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей; завел у себя певцов и певиц и наслаждения сынов человеческих — разные музыкальные орудия.

И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; и мудрость моя пребыла со мною...

И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, все — суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!..

Всему и всем — одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злому, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы.

Это-то и худо во всем, что делается под солнцем, что одна участь всем, и сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их; а после того они отходят к умершим.

Кто находится между лживыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву.

Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению.

И любовь их и ненависть их и ревность их уже исчезли, и нет им более доли вовеки ни в чем, что делается под солнцем”.

— Так-то, Хэмп, — сказал он, заложив пальцем книгу и взглянув на меня. — Мудрец, который царил над народом Израиля в Иерусалиме, мыслил так же, как я. Вы называете меня пессимистом. Разве это не самый черный пессимизм? ”Все — суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!”, ”Всеу и всем — одно” — глупому и умному, чистому и нечистому, грешнику и святому. Эта участь — смерть, и она зло, по его словам. Этот мудрец любил жизнь и, видно, не хотел умирать, если говорил: ”...так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву”. Он предпочитал суету сует тишине и неподвижности могилы. Так же и я. Ползать по земле — это свинство. Но не ползать, быть неподвижным, как прах или камень, — об этом гнусно и подумать. Это противоречит жизни во мне, сама сущность которой есть движение, сила движения, сознание силы движения. Жизнь полна неудовлетворенности, но еще меньше может удовлетворить нас мысль о предстоящей смерти.

— Вам еще хуже, чем Омару Хайаму, — заметил я. — Он по крайней мере после обычных сомнений юности нашел какое-то удовлетворение и сделал свой материализм источником радости.

— Кто это — Омар Хайам? — спросил Волк Ларсен, и ни в этот день, ни в следующие я уже не работал.

В своем беспорядочном чтении Ларсену не довелось напасть на ”Рубайат”, и теперь это было для него драгоценной находкой. Большую часть стихов я знал на память и без труда припомнил остальные. Часами обсуждали мы отдельные четверостишия, и он усматривал в них проявления скорбного и мятежного духа, который сам я совершенно не мог уловить. Возможно, что я вносил в мою декламацию несвойственную этим стихам жизнерадостность, а он, обладая прекрасной памятью и запомнив многие строфы при первом же чтении, вкладывал в них страстность и тревогу, убеждавшие слушателя.

Меня интересовало, какое четверостишие понравится ему больше других, и я не был удивлен, когда он остановил свой выбор на том, где отразилось случайное раздражение поэта, шедшее вразрез с его спокойной философией и благодушным взглядом на жизнь:

Влетел вопрос: "Зачем на свете ты?"
За ним другой: "К чему твои мечты?"
О, дайте мне запретного вина —
Забыть назойливость их суеты!

— Замечательно! — воскликнул Волк Ларсен. — Замечательно! Этим сказано все. Назойливость! Он не мог употребить лучшего слова.

Напрасно я отрицал и протестовал. Он подавил меня своими аргументами.

— Жизнь, по своей природе, не может быть иной. Жизнь, предвидя свой конец, всегда восстает. Она не может иначе. Библейский мудрец нашел, что жизнь и дела житейские — суета сует, сплошное зло. Но смерть, прекращение суеты, он находил еще большим злом. От стиха к стиху он скорбит, оплакивает участь, которая одинаково ожидает всех. Так же смотрит на это и Омар Хайам, и я, и вы, даже вы, — ведь возмутились же вы против смерти, когда кок начал точить на вас нож. Вы боялись умереть. Жизнь внутри вас, которая составляет вас и которая больше вас, не желала умирать. Вы толковали мне об инстинкте бессмертия. А я говорю — об инстинкте жизни, которая хочет жить, и, когда ей грозит смерть, инстинкт жизни побеждает то, что вы называете инстинктом бессмертия. Он победил и в вас — вы не станете этого отрицать, — победил, когда какой-то сумасшедший кок стал точить на вас нож.

Вы и теперь боитесь кока. И этого вы тоже не станете отрицать. Если я схвачу вас за горло, вот так, — рука его внезапно сжала мне горло, и дыхание мое прервалось, — и начну выживать из вас жизнь, вот так, вот так! — то ваш инстинкт бессмертия съедится, а инстинкт жизни вспыхнет и вы будете бороться, чтобы спастись. Ну что? Я читаю страх смерти в ваших глазах. Вы бьете руками по воздуху. В борьбе за жизнь вы напрягаете все ваши жалкие силенки. Вы вцепились в мою руку, а для меня это то же самое, как если

бы на нее села бабочка. Ваша грудь судорожно вздымается, язык высунулся наружу, лицо побагровело, глаза мутнеют... "Жить! Жить! Жить!" — вопите вы. И вы хотите жить здесь и сейчас, а не потом. Теперь вы уже сомневаетесь в своем бессмертии? Вот как! Вы уже не уверены в нем. Вы не хотите рисковать. Только эта жизнь, в которой вы уверены, реальна. А в глазах у вас все темнеет и темнеет. Это мрак смерти, прекращение бытия, ощущений, дыхания. Он сгущается вокруг, надвигается на вас, стеной вырастает кругом. Ваши глаза остановились, они остекленели. Мой голос доносится к вам слабо, будто издалека. Вы не видите моего лица. И все-таки вы барахтаетесь в моей руке. Вы брыкаетесь. Извиваетесь ужом. Ваша грудь содрогается, вы задыхаетесь. Жить! Жить! Жить!..

Больше я ничего не слышал. Сознание вытеснил мрак, который он так живо описал. Очнулся я на полу Ларсен курил сигару, задумчиво глядя на меня, с уже знакомым мне огоньком любопытства в глазах.

— Ну что, убедил я вас? — спросил он. — Нате, выпейте вот это. Я хочу спросить вас кое о чем.

Я отрицательно помотал головой, не поднимая ее с пола.

— Ваши доводы слишком... сильны, — с трудом пробормотал я, так как мне было больно говорить.

— Через полчаса все пройдет, — успокоил он меня. — Обещаю в дальнейшем воздерживаться от практических экспериментов. Теперь вставайте. Садитесь на стул.

И так как я был игрушкой в руках этого чудовища, беседа об Омар Хайаме и Экклезиасте возобновилась, и мы засиделись до глубокой ночи.

Глава двенадцатая

Целые сутки на шхуне царила какая-то вакханалия зверства; она вспыхнула сразу от кают-компаний до бака, словно эпидемия. Не знаю, с чего и начать. Истинным виновником всего был Волк Ларсен.

Отношения между людьми, напряженные, насыщенные враждой, перемежавшиеся непрерывными стычками и ссорами, находились в состоянии неустойчивого равновесия, и злые страсти запылали пламенем, как трава в прериях.

Томас Магридж — проныра, шпион, доносчик. Он пытался снова втереться в милость к капитану, наущивая на матросов. Я уверен, что это он передал капитану неосторожные слова Джонсона. Тот взял в корабельной лавке клеенчатую робу. Роба оказалась никуда не годной, и Джонсон не скрывал своего неудовольствия. Корабельные лавки существуют на всех промысловых шхунах — в них матросы могут купить то, что им необходимо в плавании. Стоимость взятого в лавке вычитается впоследствии из заработка на промыслах, так как гребцы и рулевые, наравне с охотниками, получают вместо жалованья известную долю доходов — по числу шкур, добытых той или иной шлюпкой.

Я не слышал, как Джонсон ворчал по поводу своей неудачной покупки, и все последующее явилось для меня полной неожиданностью. Я только что кончил подметать пол в кают-компании и был вовлечен Волком Ларсеном в разговор о Гамлете, его любимом шекспировском герое, как вдруг по трапу спустился Иогансен в сопровождении Джонсона. Последний, по морскому обычаю, снял шапку и скромно остановился посреди каюты, покачиваясь в такт качке судна и глядя капитану в лицо.

— Закрой дверь на задвижку, — сказал мне Волк Ларсен.

Исполняя приказание, я заметил выражение тревоги в глазах Джонсона, но не понял, в чем дело. Мне и в голову ничего не приходило, пока все это не разыгралось у меня на глазах. Джонсон же, по-видимому, знал, что ему предстоит, и покорно ждал своей участи. В том, как он держался, я вижу полное опровержение грубого материализма Волка Ларсена. Матроса Джонсона одушевляла идея, принцип, убежденность в своей правоте. Он был прав, он знал, что прав, и не боялся. Он готов был умереть за истину, но остался бы верен себе и не покривил бы душой. Здесь воплотилась победа духа над плотью, неустрашимость и моральное величие души, не знающее

преград и в своем бессмертии возвышающееся над временем, пространством и материей, уверенно и непобедимо.

Однако вернемся к рассказу. Я заметил тревогу в глазах Джонсона, но принял ее за врожденную робость и смущение. Помощник Иогансен стоял сбоку в нескольких шагах от матроса, а прямо перед Джонсоном, ярдах в трех, восседал на вращающемся каютном стуле сам Волк Ларсен. Когда я запер дверь, наступило молчание, длившееся целую минуту. Его нарушил Волк Ларсен.

— Ионсон, — начал он.

— Меня зовут Джонсон, сэр, — смело поправил матрос.

— Ладно. Пусть будет Джонсон, черт побери! Ты знаешь, зачем я тебя позвал?

— И да и нет, сэр, — последовал неторопливый ответ. — Свою работу я исполняю исправно. Помощник знает это, да и вы знаете, сэр. Тут не может быть жалоб.

— И это все? — спросил Волк Ларсен негромко и вкрадчиво.

— Я знаю, что вы имеете что-то против меня, — с той же тяжеловесной медлительностью продолжал Джонсон. — Я вам не по душе. Вы... Вы...

— Ну, дальше, — подстегнул его Ларсен. — Не бойся задеть мои чувства.

— Я и не боюсь, — возразил матрос, и краска досады проступила сквозь загар на его щеках. — Я покинул родину не так давно, как вы, потому и говорю медленно. А вам я не по душе, потому что уважаю себя. Вот в чем дело, сэр!

— Ты хочешь сказать, что слишком уважаешь себя, чтобы уважать судовую дисциплину, так, что ли? Тебе понятно, что я говорю?

— Я ведь тоже говорю по-английски и понимаю ваши слова, сэр, — отвечал Джонсон, краснея еще гуще при этом намеке на плохое знание им языка.

— Джонсон, — продолжал Волк Ларсен, считая, по-видимому, предисловие оконченным и переходя к делу, — я слышал, ты взял робу и, кажется, не совсем ею доволен?

— Нет, недоволен. Плохая роба, сэр.

— И ты все время кричишь об этом?

— Я говорю то, что думаю, сэр, — смело отвечал матрос, не забывая вместе с тем прибавлять, как положено, "сэр" после каждой фразы.

В этот миг я случайно взглянул на Иогансена. Он то сжимал, то разжимал свои огромные кулачищи и с дьявольской злобой посматривал на Джонсона. Я заметил синяк у него под глазом — это Джонсон разукрасил его на днях. И только тут предчувствие чего-то ужасного закралось мне в душу, но что это будет — я не мог себе вообразить.

— Ты знаешь, что ждет того, кто говорит такие вещи про мою лавку и про меня? — спросил Волк Ларсен.

— Знаю, сэр, — последовал ответ.

— А что именно? — вопрос прозвучал резко и повелительно.

— Да то, что вы и помощник собираетесь сделать со мной, сэр.

— Погляди на него, Хэмп, — обратился Волк Ларсен ко мне. — Погляди на эту частицу живого праха, на это скопление материи, которое движется и дышит, и осмеливается оскорблять меня, и даже искренно уверено, что оно представляет собой какую-то ценность. Руководствуясь ложными понятиями права и чести, оно готово отстаивать их, невзирая на грозящие ему неприятности. Что ты думаешь о нем, Хэмп? Что ты думаешь о нем?

— Я думаю, что он лучше вас, — ответил я, охваченный бессознательным желанием хоть отчасти отвлечь на себя гнев, готовый обрушиться на голову Джонсона. — Его "ложные понятия", как вы их называете, говорят о его благородстве и мужестве. У вас же нет ни морали, ни иллюзий, ни идеалов. Вы ничий!

Он кивнул головой со свирепым удовольствием.

— Совершенно верно, Хэмп, совершенно верно! У меня нет иллюзий, свидетельствующих о благородстве и мужестве. Живая собака лучше мертвого льва, — говорю я вместе с Экклезиастом. Моя единственная доктрина — это целесообразность. Она помогает выжить. Когда эта частица жизненной закваски, которую мы называем "Джонсон", перестанет быть частицей закваски и обратится в прах и тлен, в ней будет не больше благородства, чем во

всяком прахе и тлене, а я по-прежнему буду жить и бушевать.

Он помолчал и спросил:

— Ты знаешь, что я сейчас сделаю?

Я покачал головой.

— Я использую свою возможность бушевать и покажу тебе, что происходит с благородством. Смотри!

Он находился в трех ярдах от Джонсона, то есть в девяти футах! И он сидел; и одним гигантским прыжком, даже не вставая на ноги, покрыл это расстояние. Он прыгнул, как тигр, и Джонсон, прикрывая одной рукой живот, а другой — голову, напрасно пытался защититься от обрушившейся на него лавины ярости. Волк Ларсен свой первый сокрушительный удар направил прямо в грудь матросу. Дыхание Джонсона внезапно пресеклось, и изо рта у него вырвался хриплый звук, словно он с силой взмахнул топором. Он зашатался и чуть не опрокинулся навзничь.

Не могу передать подробности последовавшей затем гнусной сцены. Это было нечто чудовищное; даже сейчас меня начинает мутить, стоит мне вспомнить об этом. Джонсон мужественно защищался, но где же ему было устоять против Волка Ларсена, а тем более против Волка Ларсена и помощника! Зрелище этой борьбы было ужасно. Я не представлял себе, что человеческое существо может столько вытерпеть и все же продолжать жить и бороться. А Джонсон боролся. У него не было ни малейшей надежды справиться с ними, и он знал это не хуже меня, но он был человек мужественный и не мог сдаться без борьбы.

Я не в состоянии был смотреть на это. Я чувствовал, что схожу с ума, и бросился к трапу, чтобы убежать на палубу. Но Волк Ларсен, оставив на миг свою жертву, одним могучим прыжком догнал меня и отшвырнул в противоположный угол каюты.

— Это одно из проявлений жизни, — с усмешкой бросил он мне. — Оставайся и наблюдай. Вот тебе случай собрать данные о бессмертии души. Кроме того, ты ведь знаешь, что душе Джонсона мы не можем причинить вреда. Мы можем разрушить только ее брентную оболочку.

Мне казалось, что прошли века, хотя на самом деле избиение продолжалось не дольше десяти минут. Волк Ларсен и помощник смертным боем избивали

беднягу. Они молотили его кулаками и пинали своими тяжелыми башмаками, сшибали с ног и поднимали, чтобы повалить снова. Джонсон уже ничего не видел, кровь хлестала у него из ушей, из носа и изо рта, превращая каюту в лавку мясника. Когда он уже не мог подняться, они продолжали избивать лежащего.

— Легче, Иогансен, малый ход! — произнес, наконец, Волк Ларсен.

Но в помощнике проснулся зверь, и он не хотел отпустить своей добычи. Волку Ларсену пришлось оттолкнуть его локтем. От этого, казалось бы, легкого толчка Иогансен отлетел в сторону, как пробка, и голова его с треском ударилась о переборку. Оглушенный, он свалился на пол, тяжело дыша и очумело моргая глазами.

— Отвори дверь, Хэмп, — услышал я приказ.

Я повиновался, и эти звери подняли бесчувственное тело и, словно мешок с тряпьем, поволокли его по узкому трапу на палубу. У штурвала стоял Луис, товарищ Джонсона по шлюпке, и кровь алой струей брызнула ему на сапоги. Но Луис невозмутимо вертел штурвал, не отрывая глаз от компаса.

Совсем иначе повел себя бывший юнга Джордж Лич. Вся шхуна от бака до юта была изумлена его поведением. Он самовольно отправился на корму и перетащил Джонсона на бак, где принялся, как умел, перевязывать его раны и хлопотать около него. Джонсон был изуродован до неузнаваемости. За несколько минут лицо его так посинело и распухло, что потеряло всякий человеческий облик.

Но я хотел рассказать о Личе. К тому времени, как я закончил уборку каюты, Лич уже сделал для Джонсона все, что мог. Я поднялся на палубу, чтобы подышать свежим воздухом и хоть немного успокоиться. Волк Ларсен курил сигару и осматривал механический лаг, который обычно был опущен за кормой, а теперь для какой-то цели поднят на борт. Вдруг до меня долетел голос Лича — хриплый, дрожащий от сдерживаемой ярости. Я повернулся и увидел, что Лич стоит на палубе перед самым ютом. Лицо его было бледно и перекошено от бешенства, глаза сверкали, он потрясал сжатыми кулаками над головой.

— Пусть господь бог пошлет твою душу в ад, Волк Ларсен! Да и ад еще слишком хорош для тебя! Трус,

вот ты кто! Убийца! Свинья! — так поносил матрос Лич капитана.

Я стоял, словно громом пораженный. Я думал, что Лич будет сейчас же убит на месте. Но у Волка Ларсена в эту минуту не было, как видно, охоты убивать его. Он не спеша подошел к краю юта и, прислонившись к углу рубки, с задумчивым любопытством поглядел на взбешенного парня.

А тот бросал капитану в лицо обвинения, каких никто еще не решался ему предъявить. Матросы боязливо жались у бака, прислушиваясь к происходящему. Охотники, балагурия, высыпали на палубу, но я заметил, что веселость слетела с их лиц, когда они слышали выкрики Лича. Даже они были испуганы необычайной смелостью матроса. Казалось невероятным, что кто-нибудь мог бросить Волку Ларсену подобные оскорбления. Должен сказать, что я сам был удивлен и восхищен поступком Лича и видел в нем блестящее доказательство непобедимости бессмертного духа, который выше плоти и ее страха смерти. Этот юноша напомнил мне древних пророков, обличавших людские грехи.

И как он обличал Волка Ларсена! Он обнажал его душу и выставлял напоказ всю ее низость. Он призывал на его голову проклятия бога и небес и делал это с жаром, напоминавшим сцены отлучения от церкви в средние века. В своем гневе он то поднимался до грозных высот, то опускался до грязной площадной брани.

Ярость Лича граничила с безумием. На губах его выступила пена, он задыхался, в горле у него кололо и временами речь становилась нечленораздельной. А Волк Ларсен все так же холодно и спокойно слушал его, прислонившись к углу рубки, и, казалось, был охвачен любопытством. Это дикое проявление жизненного брожения, этот буйный мятеж и вызов, брошенный ему движущейся материей, поразили и заинтересовали его.

Каждый миг и я и все присутствующие ждали, что он бросится на молодого матроса и одним ударом прикончит его. Но по какому-то странному капризу он этого не делал. Его сигара потухла, а он все смотрел вниз с безмолвным любопытством.

Лич в своем неистовстве дошел до предела.

— Свинья! Свинья! Свинья! — выкрикивал он, не помня себя. — Почему же ты не сойдешь вниз и не прикончишь меня, убийца? Ты легко можешь сделать это! Никто не остановит тебя! Но я тебя не боюсь! В тысячу раз лучше быть мертвым и избавиться от тебя, чем остаться живым в твоих когтях! Иди же, трус! Убей меня! Убей! Убей!

Как раз в эту минуту грешная душа Томаса Магриджа вытолкнула его на сцену. Он все время слушал, стоя у двери камбуза, но теперь высунулся вперед, как бы для того, чтобы выбросить за борт какие-то очистки, на самом же деле, чтобы не прозевать убийства, которое, по его мнению, неминуемо должно бы сейчас произойти. Он заискивающе улыбнулся Волку Ларсену, но тот, казалось, даже не заметил его. Однако это не смутило кока. Он тоже был как бы не в себе; повернувшись к Личу, он крикнул:

— Что ты ругаешься! Постыдился бы!

Бессильная ярость Лича нашла, наконец, себе выход. В первый раз после их стычки кок вышел из камбуза без ножа. И не успели слова слететь с его губ, как кулак Лича сбил его с ног. Трижды поднимался кок на ноги, стараясь удрать в камбуз, и всякий раз молодой матрос одним ударом валил его на палубу.

— Помогите! — завопил Магридж. — Помогите! Помогите! Уберите его! Что вы глядите, уберите его!

Охотники только смеялись с чувством облегчения. Трагедия кончилась, начинался фарс. Матросы осмелели и, ухмыляясь, пододвинулись ближе, чтобы лучше видеть, как исколошматят ненавистного кока. И даже я возликовал в душе. Признаюсь, я испытывал удовлетворение, глядя, как Лич избивает Магриджа, хотя это было почти столь же ужасное избиение, как то, которое только что, по вине самого Магриджа, выпало на долю Джонсона. Но лицо Волка Ларсена оставалось невозмутимым. Он даже не переменил позы и с тем же любопытством следил за избиением. Казалось, он, несмотря на свой отъявленный прагматизм, наблюдает за игрой и движением жизни в надежде узнать о ней что-нибудь новое, различить в ее безумных корчах что-то ускользавшее до сих пор от его внимания — ключ к тайне жизни, который поможет ему эту тайну раскрыть.

Ну и досталось же коку! Да, это избиение мало чем отличалось от виденного мною в каюте. Магридж напрасно старался спастись от разъяренного матроса. Напрасно пытался он укрыться в каюту. Когда Лич сбивал его с ног, Магридж делал попытки докатиться до нее, добраться до нее ползком, старался падать в сторону каюты, но удар следовал за ударом с непостижимой быстротой. Лич швырял кока, как мяч, пока, наконец, Магридж не растянулся недвижимый на палубе. Но и после этого он еще продолжал получать удары и пинки. Никто не заступился за него. Лич мог бы убить кока, но, очевидно, гнев его иссяк. Он повернулся и ушел, оставив своего врага распростертым на палубе; кок лежал и повизгивал, как щенок.

Но эти два происшествия послужили только предлюдией к другим событиям того же дня. Под вечер произошла стычка между Смоком и Гендерсоном. В кубрике внезапно раздались выстрелы, и остальные четверо охотников выскочили на палубу. Столб густого, едкого дыма — какой всегда бывает от черного пороха — поднялся из открытого люка. Волк Ларсен бросился туда и исчез в этом дыму. До нас долетели звуки ударов. Смок и Гендерсон — оба были ранены, а капитан вдобавок еще избил их за то, что они ослушались его приказа и изувечили друг друга перед началом охоты. Раны оказались серьезными, и, отколотив охотников, Волк Ларсен тут же принялся лечить их, как умел, и делать перевязки. Я помогал ему, когда он зондировал и промывал раны, и оба молодца стойчески переносили эту грубую хирургию без всякого наркоза, подкрепляя свои силы только добрым стаканом виски.

Затем во время первой вечерней полувахты поднялась драка на баке. Причиной ее послужили сплетни и наушничество, из-за которых был избит Джонсон. Шум, доносившийся с бака, и синяки, изукрашившие физиономии матросов, свидетельствовали о том, что одна половина команды изрядно отделала другую.

Вторая вечерняя полувахта ознаменовалась новой дракой — на этот раз между Иогансеном и тощим, похожим на янки охотником Лэтимером. Повод к ней подало замечание Лэтимера, что помощник, дескать, храпит и разговаривает во сне. В результате послед-

ний получил изрядную трепку, после чего снова не давал никому спать, без конца переживая во сне все подробности драки.

Меня тоже всю ночь мучили кошмары. Этот день был похож на страшный сон. Одна зверская сцена сменялась другой, разбушевавшиеся страсти и хладнокровная жестокость заставляли людей покушаться на жизнь своих ближних, бить, калечить, уничтожать. Нервы мои были потрясены. Ум возмущался. До этой поры жизнь моя протекала в относительно неведении зверской стороны человеческой природы. Ведь я всегда жил чисто интеллектуальной жизнью. Я сталкивался с жестокостью, но только с жестокостью духовной — с колким сарказмом Чарли Фэрасета, с безжалостными эпиграммами и остротами приятелей по клубу и ядовитыми замечаниями некоторых профессоров в мои студенческие годы.

Вот и все. Но чтобы люди могли вымещать свой гнев на ближних, проливая кровь и калеча друг друга, — это было для меня вновь и повергало в ужас. Не напрасно называли меня "неженка Ван-Вейден", думал я и беспокойно ворочался на койке, терзаемый кошмарами. Я поражался своему полному незнанию жизни и горько смеялся над собой; казалось, я уже готов был признать, что отталкивающая философия Волка Ларсена дает более правильное объяснение жизни, чем моя.

Такое направление мыслей испугало меня. Я чувствовал, что окружающее зверство оказывает на меня развращающее влияние, омрачая все, что есть хорошего и светлого на свете. Я отдавал себе отчет в том, что избиение Томаса Магриджа — скверное, злое дело, и тем не менее не мог не ликовать при мысли об этом происшествии. И, сознавая, что я грешу, что такие мысли чудовищны, я все же захлебывался от бессмысленного злорадства. Я больше не был Хэмфри Ван-Вейденом. Я был Хэмпом, юнгой на шхуне "Призрак". Волк Ларсен был моим капитаном, Томас Магридж и остальные — моими товарищами, и печать, которой они были отмечены, уже начинала проступать и на моей шкуре.

Три дня я работал и за себя и за Томаса Магриджа и могу с гордостью сказать, что справлялся с делами неплохо. Я знаю, что заслужил одобрение Волка Ларсена, да и матросы были довольны мною во время моего краткого правления в камбузе.

— В первый раз ем чистую пищу, с тех пор как попал на борт, — сказал мне Гаррисон, просунув в дверь камбуза обеденную посуду с бака. — Стряпня Томми почему-то всегда отдавала тухлым жиром, и сдается мне, что он ни разу не сменил рубашки, как отплыл из Фриско.

— Так оно и есть, — подтвердил я.

— Небось и спит в ней? — продолжал Гаррисон.

— Будь уверен, — сказал я. — На нем все та же рубашка, и он ее ни разу не снимал.

Но только три дня дал капитан коку на поправку после нанесенных ему побоев. На четвертый день его стащили с койки за шиворот, и он, хромя и шатаясь от слабости, приступил к исполнению своих обязанностей. Глаза у него так отекали, что он почти ничего не видел. Он хныкал и вздыхал, но Волк Ларсен был неумолим.

— Смотри, чтоб не было помоев! — напутствовал он кока. — И грязи я больше не потерплю! Изволь также иногда менять рубашку, не то я тебя выкупаю. Понял?

Томас Магридж с трудом ковылял по камбузу, и первый же резкий крен "Признака" чуть не свалил его с ног. Стараясь сохранить равновесие, он хотел схватиться за железные прутья, предохраняющие кастрюли от падения, но промахнулся и оперся рукой о раскаленную плиту. Раздалось шипенье, потянуло запахом горелого мяса, и кок взвыл от боли.

— Господи, господи, вот еще беда-то! — причитал он, усевшись на угольный ящик и размахивая обожженной рукой. — Что ж это за напасть такая! Прямо тошно становится! И за что мне это? Уж я ли не стараюсь жить со всеми в ладу!

Слезы струились по его опухшим, покрытым кро-

воподтеками щекам, лицо было перекошено от боли, но сквозь боль проглядывала затаенная злоба.

— Как я ненавижу его! Как ненавижу! — пробормотал он, скрипнув зубами.

— Кого это? — спросил я, но бедняга уже опять начал оплакивать свои невзгоды. Впрочем, угадать, кого он ненавидит, было нетрудно, — труднее было бы предположить, что он кого-нибудь любит. В этом человеке сидел какой-то бес, заставлявший его ненавидеть весь мир. Мне казалось порой, что Магридж ненавидит даже самого себя, — так нелепо и уродливо сложилась его жизнь. В такие минуты во мне пробуждалось горячее сочувствие к нему и становилось стыдно, что я мог радоваться его страданиям и бедам. Жизнь подло обошлась с Томасом Магриджем. Она сыграла с ним скверную штуку, вылепив из него то, чем он был, и не переставала издеваться над ним. Мог ли он быть иным? И, будто в ответ на мои невысказанные мысли, кок прохныкал:

— Мне всегда, всегда не везло. Некому было послать меня в школу, некому было меня покормить или вытереть мне разбитый нос, когда я был мальчонкой! Разве кто-нибудь заботился обо мне? Кто, когда, спрашиваю я?

— Не огорчайся, Томми, — сказал я, успокаивающе кладя ему руку на плечо. — Не унывай! Все наладится. У тебя еще много впереди, ты всего можешь добиться.

— Вранье! Подлое вранье! — заорал он мне в лицо, стряхивая мою руку. — Вранье, сам знаешь. Меня не переделать! Меня уже сделали — из всяких отбросов! Такие рассуждения хороши для тебя, Хэмп. Ты родился джентльменом. Ты никогда не знал, что значит ходить голодным и засыпать в слезах оттого, что голод грызет твое пустое брюхо, точно крыса. Нет, мое дело пропащее. Да если даже я проснусь завтра президентом Соединенных Штатов, разве я отъемся за то время, когда бегал по улицам голодным щенком? Разве это исправишь?

Не в добрый час я родился, вот на мою долю и выпало столько бед, что хватило бы на десятерых. Полжизни я провалялся по больницам. Хворал лихорадкой в Аспинвале, в Гаванне, в Нью-Орлеане. На Барбадосе полгода мучился от цынги и чуть не сдох.

В Гонолулу — оспа. В Шанхае — перелом обеих ног. В Уналяске — воспаление легких. Три сломанных ребра во Фриско. А теперь! Взгляни на меня! Взгляни! Ведь опять все ребра переломали! И посмотришь — буду харкать кровью. Кто же мне возместит все это, спрашиваю я? Кто? Бог, что ли? Видно, здорово невлюбил меня, когда отправил в плавание по этому проклятому свету!

Это возмущение против судьбы продолжалось больше часа, после чего кок снова принялся за работу, хромя, охая и дыша ненавистью ко всему живущему. Его диагноз оказался правильным, так как время от времени ему становилось дурно, он начал харкать кровью и очень страдал. Но бог, казалось, и вправду возненавидел его и не хотел прибрать. Мало-помалу кок оправился и стал еще злее прежнего.

Прошло несколько дней, и Джонсон тоже выполз на палубу и кое-как принялся за работу. Но ему было еще далеко до поправки, и я нередко наблюдал укордкой, как он с трудом взбирается по вантам или устало склоняется над штурвалом. А хуже всего было то, что он совсем пал духом. Он пресмыкался перед Волком Ларсеном и перед помощником. Вот Лич — тот держался совсем иначе. Расхаживал по палубе, как молодой тигр, и не скрывал своей ненависти к капитану и к Иогансену.

— Я еще разделаюсь с тобой, косолапый швед! — услышал я как-то ночью на палубе его слова, обращенные к помощнику.

Иогансен выбранился в темноте, и в тот же миг что-то с силой ударилось о переборку камбуза. Снова послышалась ругань, потом насмешливый хохот, а когда все стихло, я вышел на палубу и увидел тяжелый нож, вонзившийся в переборку на целый дюйм. Почти тут же появился помощник и принялся искать нож, но я уже завладел им и тайком вернул его Личу на следующее утро. Матрос только осклабился при этом, но в его улыбке было больше искренней благодарности, чем в многословных излияниях, присущих представителям моего класса.

В противоположность остальным членам команды, я теперь ни с кем не был в ссоре, более того — отлично ладил со всеми. Охотники относились ко мне, должно

быть, со снисходительным презрением, но во всяком случае не враждебно. Смок и Гендерсон, которые по-немногу залечивали свои раны и целыми днями качались в подвесных койках под тентом, уверяли, что я ухаживаю за ними лучше всякой сиделки и что они не забудут меня в конце плавания, когда получат расчет. (Как будто мне нужны были их деньги! Я мог купить их со всеми их пожитками, мог купить всю шхуну, даже двадцать таких шхун!) Но на меня выпала задача ухаживать за ними, перевязывать их раны, и я делал все, что мог.

У Волка Ларсена снова был приступ головной боли, длившийся два дня. Должно быть, он жестоко страдал, так как позвал меня и подчинялся моим указаниям, как больной ребенок. Но ничто не помогает ему. По моему совету он бросил курить и пить. Мне казалось просто невероятным, что это великолепное животное может страдать такими головными болями.

— Это божья кара, уверяю вас, — высказался по этому поводу Луис. — Кара за его черные дела. И это еще не все, иначе...

— Иначе что? — спросил я.

— Иначе, бог, видать, только грозитя, а дела не делает. Эх, вот слетит с языка...

Нет, зря я сказал, что нахожусь в добрых отношениях со всеми. Томас Магридж не только по-прежнему ненавидит меня, но даже нашел для своей ненависти новый повод. Я долго не понимал, в чем дело, но, наконец, догадался: он не мог простить мне, что я родился "джентльменом", как он выражается, то есть под более счастливой звездой, нежели он.

— А покойников что-то не видать! — поддразнил я Луиса, когда Смок и Гендерсон, дружески беседуя, прогуливались рядом по палубе в первый раз после выздоровления.

Луис поднял на меня хитрые серые глазки и злое покаяние покачал головой.

— Шквал налетит, говорю вам, и тогда берите все рифы и держитесь крепче. Я чую, давно чую — быть буре. Я ее вижу — вот как такелаж над головой в темную ночь. Она уже близко, близко!

— И кто же будет первой жертвой? — спросил я.

— Только не старый толстый Луис, за это я поручусь, — рассмеялся он. — Я чую нутром, что через год буду глядеть в глаза моей старой матушке; ведь она заждалась своих сыновей — все пятеро ушли в море.

— Что он говорил тебе? — спросил меня потом Томас Магридж.

— Что он когда-нибудь съездит домой повидаться с матерью, — осторожно отвечал я.

— У меня никогда не было матери, — заявил кок, уставив на меня унылый взгляд своих тусклых, бесцветных глаз.

Глава четырнадцатая

Я думаю о том, что никогда не умел по-настоящему ценить женское общество, хотя почти всю свою жизнь провел в окружении женщин. Я жил с матерью и сестрами и всегда старался освободиться от их опеки. Они доводили меня до отчаяния своими заботами о моем здоровье и вторжениями в мою комнату, где неизменно нарушали тот систематизированный хаос, который был предметом моей гордости и в котором я отлично разбирался, и учиняли еще больший, с моей точки зрения, хаос, хотя комната и приобретала более опрятный вид. После их ухода я никогда ничего не мог найти. Но, увы, как рад был бы я теперь ощутить возле себя их присутствие, услышать шелест их юбок, который так докучал мне подчас! Я уверен, что никогда не буду ссориться с ними, если только мне удастся попасть домой. Пусть с утра до ночи пичкают меня, чем хотят, пусть весь день вытирают пыль в моем кабинете и подметают пол — я буду спокойно взирать на все это и благодарить судьбу за то, что у меня есть мать и сестры.

Подобные воспоминания заставляют меня задуматься о другом. Где матери всех этих людей, плавающих на "Призраке"? И противоестественно и нездорово, что все эти мужчины совершенно оторваны от женщин и одни скитаются по белу свету. Грубость и

дикость только неизбежный результат этого. Всем этим людям следовало бы тоже иметь жен, сестер, дочерей. Тогда они были бы мягче, человечнее, были бы способны на сочувствие. А ведь никто из них даже не женат. Годами никому из них не приходится испытывать на себе влияние хорошей женщины, ее смягчающего воздействия. Жизнь их однобока. Их мужественность, в которой есть нечто животное, чрезмерно развилась в них за счет духовной стороны, притупившейся, почти атрофированной.

Это компания холостых мужчин. Жизнь их протекает в грубых стычках, от которых они еще более черствеют. Порой мне просто не верится, что их породили на свет женщины. Кажется, что это какая-то полужверина, получеловеческая порода, особый вид живых существ, не имеющих пола, что они вылупились, как черепахи, из согретых солнцем яиц или получили жизнь каким-нибудь другим необычным способом. Дни они проводят среди грубости и зла и в конце концов умирают столь же скверно, как и жили.

Под влиянием таких мыслей я разговорился вчера вечером с Иогансеном. Это была первая неофициальная беседа, которой он удостоил меня с начала путешествия. Иогансен покинул Швецию, когда ему было восемнадцать лет; теперь ему тридцать восемь, и за все это время он ни разу не был дома. Года два назад в Чили он встретил в каком-то портовом трактире земляка и узнал от него, что его мать еще жива.

— Верно, уж порядком состарилась теперь, — сказал он, задумчиво глянув на компас и тотчас метнув колющий взгляд на Гаррисона, отклонившегося на один румб от курса.

— Когда вы в последний раз писали ей?

Он принялся высчитывать вслух.

— В восемьдесят первом... нет, в восемьдесят втором, кажется. Или в восемьдесят третьем? Да, в восемьдесят третьем. Десять лет назад. Из какого-то маленького порта на Мадагаскаре. Я служил тогда на торговом судне. Видишь ты, — продолжал он, будто обращаясь через океан к своей забытой матери, — ведь каждый год собирался домой. Так стоило ли писать? Через год, думаю, попаду. Да всякий раз что-нибудь мешало. Теперь вот стал помощником, так дело пойдет по-другому. Как получу расчет во Фриско —

может, набежит долларов пятьсот, — так наймусь на какое-нибудь парусное судно, махну вокруг мыса Горн в Ливерпуль и зашибу еще. А оттуда уж поеду домой на свои денежки. Вот тогда моей старушке не придется больше работать!

— Неужто она еще работает? Сколько же ей лет?

— Под семьдесят, — отвечал он. И добавил хвастливо: — У нас на родине работают с рождения и до самой смерти, поэтому мы и живем так долго. Я дотяну до ста.

Никогда не забуду я этого разговора. То были последние слова, которые я от него слышал, и, быть может, вообще последние его слова.

В тот вечер, спустившись в каюту, я решил, что там слишком душно спать. Ночь была тихая. Мы вышли из полосы пассатов, и "Призрак" еле полз вперед, со скоростью не больше одного узла. Захватив подмышку подушку и одеяло, я поднялся на палубу.

Проходя мимо Гаррисона, я взглянул на компас, установленный на палубе рубки, и заметил, что на этот раз рулевой отклонился от курса на целых три румба. Думая, что он заснул, и желая спасти его от взбучки, а то и от чего-нибудь похуже, я заговорил с ним. Но он не спал, глаза его были широко раскрыты и устремлены вдаль. Казалось, он был так чем-то взволнован, что не мог ответить мне.

— В чем дело? — спросил я. — Ты болен?

Он покачал головой и глубоко вздохнул, словно пробуждаясь от сна.

— Так держи курс получше, — посоветовал я.

Он перехватил ручки штурвала; стрелка компаса медленно поползла к северо-западу и установилась там после нескольких отклонений.

Я уже собрался пойти дальше и поднял свои вещи, как вдруг что-то необычное за бортом привлекло мое внимание. Чья-то жилистая мокрая рука ухватила за планшир. Потом из темноты появилась другая. Я смотрел, разинув рот. Что это за гость из морской глубины? Кто бы это ни был, я знал, что он взбирается на борт, держась за лаглинь. Появилась голова с мокрыми взъерошенными волосами, и я увидел лицо Волка Ларсена. Его правая щека была в крови, струившейся из раны на голове. Сильным рывком он перекинул тело через фальшборт и, очутившись на па-

лубе, метнул быстрый взгляд на рулевого, словно проверяя, что стоит у штурвала и не грозит ли с этой стороны опасность. Вода ручьями стекала с его одежды, и я бессознательно прислушивался к ее журчанию. Когда он двинулся ко мне, я невольно отступил, — я отчетливо прочел слово смерть в его взгляде.

— Стой, Хэмп, — тихо сказал он. — Где помощник?

Я с недоумением покачал головой.

— Иогансен! — негромко позвал капитан. — Иогансен! Где помощник? — спросил он у Гаррисона.

Молодой матрос уже успел прийти в себя и довольно спокойно ответил:

— Не знаю, сэр. Недавно он прошел на бак.

— Я тоже шел на бак, но ты, верно, заметил, что вернулся я с противоположной стороны. Как это могло получиться, а?

— Вы, верно, были за бортом, сэр.

— Посмотреть — нет ли его в кубрике, сэр? — предложил я.

Ларсен покачал головой.

— Ты не найдешь его там, Хэмп. Идем, ты мне нужен! Оставь вещи здесь.

Я последовал за ним. На палубе было тихо.

— Проклятые охотники, — проворчал он. — Так разленились, что не могут выстоять четыре часа на вахте!

На полубаке мы нашли трех спящих матросов. Капитан перевернул их на спину и заглянул им в лицо. Они несли вахту на палубе, а по корабельным правилам все, за исключением старшего вахтенного, рулевого и сигнальщика, в хорошую погоду имели право спать.

— Кто сигнальщик? — спросил капитан.

— Я, сэр, — с легкой дрожью в голосе ответил Холиок, один из старых матросов. — Я только на минуту задремал, сэр. Простите, сэр! Больше этого не будет.

— Ты ничего не заметил на палубе?

— Нет, сэр, я...

Но Волк Ларсен уже отвернулся, презрительно буркнув что-то, и оставил матроса с раскрытым ртом, — кто мог думать, что он так дешево отделается!

— Тише теперь, — шепотом предупредил меня Волк Ларсен, спускаясь по трапу в кубрик.

С бьющимся сердцем я последовал за ним. Я не знал, что нас ожидает, как не знал и того, что уже произошло. Но я видел, что была пролита кровь. И уж, конечно, не по своей воле Волк Ларсен очутился за бортом. Странно было и отсутствие Иогансена.

Я впервые спускался в матросский кубрик и не скоро забуду то зрелище, которое предстало предо мной, когда я остановился внизу у трапа. Кубрик занимал треугольное помещение на самом носу шхуны и был не больше обыкновенной дешевой каморки на Граб-стрит¹. Вдоль трех его стен в два яруса тянулись койки. Их было двенадцать. Двенадцать человек ютились в этой тесноте — и спали и ели здесь. Моя спальня дома была невелика, но все же она могла вместить дюжину таких кубриков, а если принять во внимание высоту потолка, то и все двадцать.

Тут пахло плесенью и чем-то кислым, и при свете качающейся лампы я разглядел переборки, сплошь увешанные морскими сапогами, клеенчатой одеждой и всевозможным тряпьем — чистым и грязным вперемешку. Все это раскачивалось взад и вперед с шуршащим звуком, напоминавшим стук веток о стену дома или о крышу. Время от времени какой-нибудь сапог глухо ударялся о переборку. И хотя море было тихое, балки и доски скрипели неумолчным хором, а из-под настила неслись какие-то странные звуки.

Все это нисколько не мешало спящим. Их было восемь человек — две свободные от вахты смены, — и спертый воздух был согрет их дыханием; слышались вздохи, храп, невнятное бормотанье — звуки, сопровождавшие сон этих людей, спящих в своей берлоге. Но в самом ли деле все они спали? И давно ли? Вот что, по-видимому, интересовало Волка Ларсена. И, чтобы разрешить свои сомнения, он прибег к приему, напомнившему мне одну из новелл Боккаччо.

Ларсен вынул лампу из ее качающейся оправы и подал мне. Свой обход он начал с первой койки по правому борту. Наверху лежал канак², красавец матрос, которого товарищи называли Уфти-Уфти. Он спал, лежа на спине, и дышал тихо, как женщина.

¹ *Г р а б - с т р и т* — улица в Лондоне, где жили бедные литераторы.

² *К а н а к* — гаваец или полинезиец.

Одну руку он подложил под голову, другая покоилась поверх одеяла. Волк Ларсен взял его за руку и начал считать пульс. Это разбудило матроса. Он проснулся так же спокойно, как спал, и даже не пошевелинулся при этом. Он только широко открыл свои огромные черные глаза и, не мигая, уставился на нас. Волк Ларсен приложил палец к губам, требуя молчания, и глаза снова закрылись.

На нижней койке лежал Луис, толстый, распаренный. Он спал непритворным, тяжелым сном. Когда Волк Ларсен взял его за руку, он беспокойно заерзал и вдруг изогнулся так, что тело его какую-то секунду опиралось только на плечи и пятки. Губы его зашевелились, и он изрек следующую загадочную фразу:

— Кварта — шиллинг. Но гляди в оба, не то трактирщик мигом всучит тебе трехпенсовую за твои шесть пенсов.

Затем он повернулся набок и с тяжелым вздохом произнес:

— Шесть пенсов — "теннер", а шиллинг — "боб". А вот что такое "пони"¹ — я не знаю.

Удостоверившись, что Луис и канак не прикидываются спящими, Волк Ларсен перешел к следующим двум койкам по правому борту, занятым — как мы увидели, осветив их лампой, — Личем и Джонсоном.

Когда капитан нагнулся над нижней койкой, чтобы прощупать пульс Джонсону, я, стоя с лампой в руках, заметил, что Лич на верхней койке приподнял голову и осторожно глянул вниз. Должно быть, он разгадал хитрость капитана и понял, что сейчас будет уличен, так как лампа внезапно была выбита у меня из рук, и кубрик погрузился в темноту. В тот же миг Лич прыгнул вниз, прямо на Волка Ларсена.

Звуки, доносившиеся из мрака, напоминали схватку волка с быком. Ларсен взревел, как разъяренный зверь, и Лич зарычал тоже. От этих звуков кровь стыла в жилах. Джонсон, должно быть, тотчас вмешался в драку. Я понял, что его униженное поведение все последние дни было лишь хорошо обдуманым притворством.

¹ "Пони" — простонародное название кредитного билета в двадцать пять фунтов стерлингов.

Эта схватка в темноте казалась столь ужасной, что я, весь дрожа, прислонился к трапу, не в силах сдвинуться с места. Я снова испытал знакомое сосущее ощущение под ложечкой, всегда появлявшееся у меня при виде физического насилия. Правда, в этот миг я ничего не мог видеть, но до меня долетали звуки ударов и глухой стук сталкивающихся тел. Койки трещали, слышно было тяжелое дыхание, короткие возгласы боли.

Должно быть, в покушении на жизнь капитана и помощника участвовало несколько человек, так как по возросшему шуму я догадался, что Лич и Джонсон уже получили подкрепление со стороны своих товарищей.

— Эй, кто-нибудь, дайте нож! — кричал Лич.

— Двинь его по башке! Вышиби из него мозги! — орал Джонсон.

Но Волк Ларсен больше не издал ни звука. Он молча и свирепо боролся за свою жизнь. Ему приходилось туго. Сразу же сбитый с ног, он не смог подняться, и мне казалось, что, несмотря на его чудовищную силу, положение его безнадежно. О ярости этой борьбы я получил весьма наглядное представление, так как сам был сбит с ног сцепившимися телами и, падая, сильно ушибся. Однако среди общей свалки мне как-то удалось заползти на одну из нижних коек и таким образом убраться с дороги.

— Все сюда! Мы держим его! Попался! — слышал я выкрики Лича.

— Кого? — спрашивал кто-то, разбуженный шумом, не понимая, что происходит.

— Кровопийцу помощника! — хитро отвечал Лич, с трудом выговаривая слова.

Его сообщение было встречено восторженными возгласами, и с этой минуты Волку Ларсену пришлось отбиваться от семерых дюжих матросов, наседавших на него. Луис, я полагаю, не принимал участия в драке. Кубрик гудел, как потревоженный улей.

— Эй, вы, что там у вас такое? — донесся с палубы крик Лэтимера. Он был слишком осторожен, чтобы спуститься в этот ад кипевших во мраке страстей.

— У кого есть нож? Дайте нож! — снова услышал я голос Лича, когда шум на мгновение затих.

Многочисленность нападавших повредила им. Они мешали друг другу, а у Волка Ларсена была

только одна цель — пробраться ползком к трапу, — и он в конце концов достиг своего. Несмотря на полный мрак, я следил за его передвижением — по звукам. И только такой силач мог сделать то, что сделал он, когда дополз все же до трапа. Хватаясь за ступеньки руками, он мало-помалу выпрямился во весь рост и начал взбираться вверх, невзирая на то, что целая куча людей старалась стащить его вниз.

Конец этой сцены я не только слышал, но и видел, так как Лэтимер принес фонарь и осветил им люк. Волк Ларсен — его едва можно было разглядеть под уцепившимися за него матросами — уже почти добрался до верха трапа. Этот клубок сплетенных тел напоминал огромного многолапного паука и раскачивался взад и вперед в такт ритмичной качке шхуны. И медленно, с большими остановками, вся эта копошащаяся масса тел неуклонно ползла кверху. Раз она дрогнула, застыла на месте и чуть не покатилась вниз, но равновесие восстановилось, и она снова поползла по трапу.

— Что тут такое? — крикнул Лэтимер.

При свете фонаря я увидел его склоненное над люком испуганное лицо.

— Это я, Ларсен, — донесся приглушенный голос.

Лэтимер протянул руку. Снизу быстро высунулась рука Ларсена. Лэтимер схватил ее и стал тянуть кверху, и следующие две ступеньки были пройдены быстро. Показалась другая рука Ларсена и ухватилась за комингс люка. Клубок тел отделился от трапа, но матросы все еще цеплялись за своего ускользавшего врага. Однако один за другим они начали скатываться вниз. Ларсен сбрасывал их, ударяя о закраину люка, пиная ногами. Последним был Лич, — он свалился с самого верха вниз головой прямо на своих товарищей. Волк Ларсен и фонарь исчезли, и мы остались в темноте.

Глава пятнадцатая

Со стонами, с ругательствами матросы стали подниматься на ноги.

— Зажгите лампу, я вывихнул большой палец, — крикнул Парсонс, смуглый, мрачный парень, рулевой из шлюпки Стэндиша, где Гаррисон был гребцом.

— Лампа где-то тут, на полу, — сказал Лич, опускаясь на край койки, на которой притаился я.

Послышался шорох, чирканье спички, потом тускло вспыхнула коптящая лампа, и при ее неверном свете босоногие матросы принялись обследовать свои ушибы и раны. Уфти-Уфти завладел пальцем Парсонса, сильно дернул его и вправил сустав. В то же время я заметил, что у самого канака суставы пальцев разбиты в кровь. Он показывал их всем, скаля свои великолепные белые зубы, и хвалился, что своротил скулу Волку Ларсену.

— Так это ты, черное пугало, постарался? — воинственно вскричал Келли, американец ирландского происхождения, бывший грузчик, первый раз выходивший в море и состоявший гребцом при Керфуте.

Он выплюнул выбитые зубы и с перекошенным от бешенства лицом двинулся на Уфти-Уфти. Канак отпрыгнул к своей койке и выхватил длинный нож.

— А, брось! Надоело! — вмешался Лич. Очевидно, при всей своей молодости и неопытности он был коноводом в кубрике. — Ступай прочь, Келли, оставь Уфти в покое! Как, черт подери, мог он узнать тебя в темноте?

Келли нехотя повиновался, а Уфти-Уфти благодарно сверкнул своими белыми зубами. Он был красив. В линиях его фигуры была какая-то женственная мягкость, а большие глаза смотрели мечтательно, что странно противоречило его репутации драчуна и забияки.

— Как ему удалось уйти? — спросил Джонсон.

Все еще тяжело дыша, он сидел на краю своей койки; вся его фигура выражала крайнее разочарование и уныние. Во время борьбы с него сорвали рубашку; кровь из раны на щеке капала на обнаженную грудь и красной струйкой стекала на пол.

— Удалось, потому что он дьявол. Я ведь говорил вам, — отозвался Лич, вскочив с койки; в глазах у него блеснули слезы отчаяния. — И ни у кого из вас во время не нашлось ножа! — простонал он.

Но никто не слушал его; в матросах уже проснулся страх перед ожидаемой их карой.

— А как он узнает, кто с ним дрался? — спросил Келли и, свирепо оглянувшись кругом, добавил: — Если, конечно, никто не донесет.

— Да стоит ему только поглядеть на нас... — пробормотал Парсонс. — Взглянет хоть на тебя, и все!

— Скажи ему, что палуба встала дыбом и дала тебе по зубам, — усмехнулся Луис.

Он один не слезал во время драки с койки и торжествовал, что у него нет ни ран, ни синяков — никаких следов участия в ночном побоище.

— Ну и достанется вам завтра, когда Волк увидит ваши рожи! — хмыкнул он.

— Скажем, что приняли его за помощника, — пробормотал кто-то.

А другой добавил:

— А я скажу, что услышал шум, соскочил с койки и сразу же получил по морде за любопытство. Ну и понятно, не остался в долгу. А кто там был — я и не разобрал в этой темнотище.

— И съездил мне в зубы! — дополнил Келли и даже просиял на миг.

Лич и Джонсон не принимали участия в этом разговоре и было ясно, что товарищи смотрят на них, как на обреченных. Лич некоторое время молчал, но, наконец, его взорвало.

— Тошно слушать! Слюнтяи! Если бы вы поменьше мололи языком да побольше работали руками, ему бы уже была крышка. Почему ни один из вас не дал мне ножа, когда я просил? Черт бы вас побрал! И чего вы нюни распустили — убьет он вас, что ли? Сами знаете, что не убьет. Он не может себе этого позволить. Здесь нет корабельных агентов, чтобы подыскать других бродяг на ваше место. Кто без вас будет грести, и править на шпюпках, и работать на его чертовой шхуне? А теперь нам с Джонсоном придется расплачиваться за все. Ну, лезьте на койки и заткнитесь. Я хочу спать.

— Что верно, то верно! — отозвался Парсонс. — Убить он нас, пожалуй, не убьет. Но уж житья нам теперь тоже не будет на этой шхуне!

А я все это время с тревогой думал о своем собственном незавидном положении. Что произойдет, когда они заметят меня? Мне-то не пробиться наверх,

как Волку Ларсену. И в эту минуту Лэтимер крикнул с палубы:

— Хэмп! Капитан зовет!

— Его здесь нет! — отозвался Парсонс.

— Нет, я здесь! — крикнул я, спрыгивая с койки и стараясь придать своему голосу твердость.

Матросы ошеломленно уставились на меня. Я читал на их лицах страх. Страх и злобу, порождаемую страхом.

— Иду! — крикнул я Лэтимеру.

— Нет, врешь! — заорал Келли, становясь между мной и трапом и пытаюсь схватить меня за горло. — Ах ты подлая гадина! Я тебе заткну глотку!

— Пусти его! — приказал Лич.

— Черта с два! — последовал сердитый ответ.

Лич, сидевший на краю койки, даже не шевельнулся.

— Пусти его, говорю я! — повторил он, но на этот раз голос его прозвучал решительно и жестко.

Ирландец колебался. Я шагнул к нему, и он отступил в сторону. Дойдя до трапа, я повернулся и обвел глазами круг свирепых и озлобленных лиц, глядевших на меня из полумрака. Внезапно глубокое сочувствие пробудилось во мне. Я вспомнил слова кока. Как бог должен ненавидеть их, если обрекает на такие муки!

— Будьте покойны, я ничего не видел и не слышал, — негромко произнес я.

— Говорю вам, он не выдаст, — услышал я, поднимаясь по трапу, голос Лича. — Он любит капитана не больше, чем мы с вами.

Я нашел Волка Ларсена в его каюте. Обнаженный, весь в крови, он ждал меня и приветствовал обычной иронической усмешкой:

— Приступайте к работе, доктор! По-видимому, в этом плавании вам предстоит обширная практика. Не знаю, как "Призрак" обошелся бы без вас. Будь я способен на столь благородные чувства, я бы сказал, что его хозяин глубоко вам признателен.

Я уже был хорошо знаком с нашей нехитрой судовой аптечкой и, пока кипятилась на печке вода, стал готовить все нужное для перевязок. Ларсен тем временем, смеясь и болтая, расхаживал по каюте и хладнокровно рассматривал свои раны. Я впервые

увидел его обнаженным и был поражен. Культ тела никогда не был моей слабостью, но я обладал все же достаточным художественным чутьем, чтобы оценить великолепии этого тела.

Должен признаться, что я был зачарован совершенством этих линий, этой, я бы сказал, свирепой красотой. Я видел матросов на баке. Многие из них поражали своими могучими мускулами, но у всех имелся какой-нибудь недостаток: одна часть тела была слишком сильно развита, другая слишком слабо, или же какое-нибудь искривление нарушало симметрию; у одних были слишком длинные ноги, у других — слишком короткие; одних портила излишняя жилистость, других — костлявость. Только Уфти-Уфти отличался безупречным сложением, однако в красоте его было что-то женственное.

Но Волк Ларсен являлся воплощением мужественности и сложен был почти как бог. Когда он ходил или поднимал руки, мощные мускулы напрягались и играли под атласной кожей. Я забыл сказать, что бронзовым загаром были покрыты только его лицо и шея. Кожа у него была белой, как у женщины, что напомнило мне о его скандинавском происхождении. Когда он поднял руку, чтобы пощупать рану на голове, бицепсы, как живые, заходили под этим белым покровом. Эти самые бицепсы на моих глазах наносили столько страшных ударов и не так давно чуть не отправили меня на тот свет. Я не мог оторвать от Ларсена глаз и стоял, как пригвожденный к месту. Бинт выпал у меня из рук и, разматываясь, покатился по полу.

Капитан заметил, что я смотрю на него.

— Бог хорошо слепил вас, — сказал я.

— Вы находите? — отозвался он. — Я сам так считаю и часто думаю, к чему это?

— Предназначение... — начал было я.

— Приспособленность! — прервал он меня. — Все в этом теле приспособлено для дела. Эти мускулы созданы для того, чтобы хватать и рвать, уничтожать все живое, что станет на моем пути. Но подумали ли вы о других живых существах? У них тоже как-никак есть мускулы, также предназначенные для того, чтобы хватать, рвать, уничтожать. И когда они становятся

на моем жизненном пути, я хватаю лучше их, рву лучше, уничтожаю лучше. В чем же тут предназначение? Приспособленность — больше ничего.

— Это некрасиво, — возразил я.

— Вы хотите сказать, что жизнь некрасива? — улыбнулся он. — Однако вы говорите, что я неплохо сложен. А теперь поглядите.

Он широко расставил ноги, будто прирос к полу, вцепившись в него пальцами, как когтями. Узлы, клубки, бугры мускулов забегали под кожей.

— Пощупайте! — приказал он.

Мускулы были тверды, как сталь, и я заметил, что все тело у него подобралось и напряглось. Мускулы мягко округлились на бедрах, на спине, вдоль плеч. Он слегка приподнял руки, мышцы сократились, пальцы согнулись, напоминая когти. Даже глаза изменили выражение — в них появилась настороженность, расчет и хищный огонек.

— Устойчивость, равновесие, — сказал он и, вмиг расслабив мышцы, принял более спокойную позу. — Ноги для того, чтобы упираться в землю, а руки, зубы и ногти, чтобы бороться и убивать, стараясь не быть убитым. Предназначение? Приспособленность — самое верное слово.

Я не спорил. Передо мной был организм хищника, первобытного хищника, и это произвело на меня столь сильное впечатление, как если бы я увидел машины огромного броненосца или трансатлантического парохода.

Вспоминая жестокую схватку в кубрике, я дивился тому, как это Ларсену удалось так легко отделаться. Могу не без гордости сказать, что перевязку я, кажется, сделал ему неплохо. Впрочем, серьезных повреждений было немного, остальное — просто кровоподтеки и ссадины. Первый полученный им удар, тот, от которого он упал за борт, рассек ему кожу на голове. Эту рану — длиной в несколько дюймов — я, по его указаниям, промыл и зашил, предварительно выбрив вокруг нее волосы. Помимо этого, одна икра у него была разодрана, словно ее искусал бульдог. Ларсен объяснил мне, что какой-то матрос вцепился в нее зубами еще в начале схватки, да так и висел на ней. Лишь на верху трапа Ларсену удалось стряхнуть его с себя.

— Кстати, Хэмп, я заметил, что вы толковый малый, — сказал Волк Ларсен, когда я кончил перевязки. — Как вы знаете, я остался без помощника. Отныне вы будете стоять на вахте, получать семьдесят пять долларов в месяц, и всем будет приказано называть вам "мистер Ван-Вейден".

— Но я же ничего не смыслю в навигации, — изумился я.

— Этого и не требуется.

— И я вовсе не стремлюсь к такому высокому почету, — продолжал я протестовать. — Жизнь моя и в теперешнем моем скромном положении достаточно подвержена всяким превратностям, к тому же у меня нет никакого опыта. Посредственность, знаете ли, тоже имеет свои преимущества.

Но он только улыбнулся, словно вопрос уже был решен.

— Да не хочу я быть помощником на этом дьявольском корабле! — с возмущением вскричал я.

Его лицо сразу стало жестким, глаза холодно блеснули. Он подошел к двери каюты и сказал:

— Ну, мистер Ван-Вейден, доброй ночи!

— Доброй ночи, мистер Ларсен, — чуть слышно пробормотал я.

Глава шестнадцатая

Не могу сказать, чтобы положение помощника было мне хоть сколько-нибудь приятно, хотя я и избавился от мытья посуды. Я не знал самых элементарных обязанностей штурмана, и мне пришлось бы туго, не будь матросы расположены ко мне. Я ничего не смыслил в оснастке судна и не понимал, как надо ставить паруса. Но матросы старались подучить меня, и особенно хорошим учителем оказался Луис. Столкновений с моими подчиненными у меня не было.

Другое дело — охотники. Все они были более или менее знакомы с морем и смотрели на мое назначение, как на шутку. Мне и самому было смешно, что я, су-

хопутная крыса, исполнял обязанности помощника, однако быть посмешищем в глазах других мне вовсе не хотелось. Я не жаловался, но Волк Ларсен сам требовал по отношению ко мне соблюдения самого строгого морского этикета, чего никогда не уdstаивался бедный Иогансен. Ценою неоднократных стычек и угроз он привел недовольных охотников к повиновению. От носа до кормы меня титуловали "мистер Ван-Вейден", и только в неофициальных беседах Волк Ларсен называл меня Хэмпом.

Это было забавно. Иной раз, пока мы обедали, ветер менял направление на несколько румбов, и когда я вставал из-за стола, капитан говорил: "Мистер Ван-Вейден, будьте добры лечь на левый галс". Я выходил на палубу, подзывал Луиса и спрашивал у него, что нужно делать. Через несколько минут, усвоив его указания и уяснив себе сущность маневра, я начинал отдавать распоряжения. Помнится, однажды Волк Ларсен появился на палубе как раз в ту минуту, когда я отдавал команду. Он остановился с сигарой в зубах и принялся спокойно наблюдать за выполнением маневра. Затем поднялся ко мне на ют.

— Хэмп, — сказал он. — Виноват, мистер Ван-Вейден. Поздравляю вас! Сдается мне, что отцовские ноги вам теперь больше не понадобятся. Вы, кажется, уже научились стоять на своих собственных. Немного практики в такелажных работах и с парусами, небольшой шторм, и к концу плавания вы сумеете наняться на любую каботажную шхуну.

В этом период моего плавания на "Призраке" — после смерти Иогансена и вплоть до прибытия к месту охоты — я чувствовал себя не так уж плохо. Волк Ларсен был ко мне не слишком строг, матросы мне помогали, и я был избавлен от неприятного общества Томаса Магриджа. Должен признаться, что мало-помалу я начал даже втайне гордиться собой. Как ни фантастично было мое положение — я, сухопутная крыса, занял вдруг второе по рангу место на судне, — однако справлялся я с делом неплохо. И я был доволен собой и даже полюбил плавное покачивание под ногами палубы "Призрака", который все так же держал курс от тропиков на северо-запад — к тому островку, где нам предстояло пополнить запас пресной воды.

Но это было лишь время сравнительного благополучия. Такие же муки, какие я испытал вначале, ждали меня и впереди. А для команды, особенно для матросов, "Призрак" по-прежнему оставался ужасным, сатанинским кораблем. Никто не знал на нем ни минуты покоя. Волк Ларсен не простил матросам покушения на его жизнь и трепки, которую они задали ему в кубрике. И днем и ночью он всячески старался отравить им существование.

Он хорошо понимал психологическое значение мелочей и умел мелкими придирками доводить матросов до иступления. Я видел, как он поднял Гаррисона с койки, чтобы тот убрал валявшуюся не на месте малярную кисть. Но и этого ему показалось мало, и он разбудил еще всех подвахтенных и велел им пойти за Гаррисоном и поглядеть, как он будет это делать. Это был, конечно, пустяк, но его изобретательный ум придумывал их тысячи, и легко можно себе представить, какое настроение царило на баке.

Понятно, что команда роптала, и отдельные столкновения повторялись снова и снова. Капитан продолжал избивать матросов, и ежедневно двое-трое из них врачевали, как могли, нанесенные им увечья. Однако на решительное выступление они не отваживались, так как в кубрике у охотников и в кают-компании хранился большой запас оружия. Больше всего доставалось от Волка Ларсена Личу и Джонсону — на них он вымещал свою дьявольскую злобу, и глубокая тоска, которую я читал в глазах Джонсона, заставляла сжиматься мое сердце.

Лич относился к своему положению иначе. Он был затравлен, но не сдавался. Он весь горел неукротимой яростью, не оставлявшей места для скорби. На его губах застыла злобная усмешка, и при виде Волка Ларсена с них всякий раз — как видно, бессознательно — срывалось угрожающее ворчание. Он следил глазами за капитаном, как зверь следит из клетки за своим стражем, и злоба, клокотавшая в его груди, рвалась наружу сквозь стиснутые зубы.

Помню, как однажды на палубе я среди бела дня тронул его за плечо, собираясь отдать какое-то приказание. Он стоял ко мне спиной и, когда моя рука коснулась его, отпрянул с диким возгласом. Он принял меня за ненавистного ему человека.

Лич и Джонсон убили бы Волка Ларсена при первой возможности, только она им никогда не представлялась, — Волк Ларсен был слишком хитер. К тому же у них не было сподручного оружия. На одних кулаки им никак не приходилось рассчитывать. Время от времени капитан показывал свою силу Личу, и тот всегда давал сдачи и кидался на него, как дикая кошка, пуская в ход и зубы, и ногти, и кулаки, но в конце концов всякий раз падал на палубу без сил и часто даже без сознания. И все же он никогда не старался избежать схватки. Дьявол, сидевший в нем, бросал вызов дьяволу в Волке Ларсене. Стоило им только столкнуться на палубе, и поднималась драка. Мне случалось видеть, как Лич кидался на Волка Ларсена без всякого предупреждения или внешнего повода. Однажды он метнул в капитана тяжелый кортик и промахнулся всего на какой-нибудь дюйм, а еще как-то уронил на него с салинга стальную свайку. Не простая это была задача — попасть в цель при качке, с высоты семидесяти пяти футов, но острие инструмента, просвистав в воздухе, мелькнуло почти у самой головы Волка Ларсена, когда тот показался из люка, и вонзилось на целых два дюйма в толстые доски палубы. В другой раз Лич пробрался в кубрик охотников, завладел чьим-то заряженным дробовиком и уже хотел выскочить с ним на палубу, но тут его перехватил и обезоружил Керфут.

Я часто задавал себе вопрос, почему Волк Ларсен не убьет Лича и не положит этому конец. Но он только смеялся и, казалось, наслаждался опасностью. В этой игре была для него особая прелесть; быть может, он чувствовал себя в роли укротителя диких зверей.

— Жизнь получает особую остроту, — объяснял он мне, — когда висит на волоске. Человек по природе игрок, а жизнь — самая крупная его ставка. Чем больше риск, тем острее ощущение. Зачем мне отказывать себе в удовольствии доводить Лича до белого каления? Этим я ему же оказываю услугу. Мы оба испытываем весьма сильные ощущения. Его жизнь богаче, чем у любого матроса на баке, хотя он этого и не сознает. Он имеет то, чего нет у них, — цель, поглощающую его: он стремится убить меня и не теряет надежды, что это ему удастся. Право, Хэмп, он живет полной, насыщенной жизнью. Я сомневаюсь, чтобы

когда-либо его жизнь протекала так напряженно и остро, и порой искренно завидую ему, когда вижу его на вершине страсти и иступления.

— Но ведь это низость! Низость! — воскликнул я. — Все преимущества на вашей стороне.

— Кто из нас двоих, вы или я, более низок? — нахмурившись, спросил он. — Попадая в неприятное положение, вы вступаете в компромисс с вашей совестью. Если бы вы действительно были на высоте и оставались верны себе, вы должны были бы объединиться с Личем и Джонсоном. Но вы боитесь, боитесь! Вы хотите жить. Жизнь в вас кричит, что она хочет жить, чего бы это ни стоило. Вы влачите презренное существование, изменяете вашим идеалам, грешите против своей жалкой морали и, если есть ад, прямым путем ведете туда свою душу. Я выбрал себе более достойную роль. Я не грешу, так как остаюсь верен велениям жизни во мне. Я по крайней мере не поступаю против совести, чего вы не можете сказать о себе.

В том, что он говорил, была неприятная правда. Быть может, я и в самом деле праздновал труса. Чем больше я размышлял об этом, тем яснее сознавал, что мой долг перед самим собой — сделать то, к чему Ларсен подстрекает меня, то есть примкнуть к Джонсону и Личу и вместе с ними постараться убить его. В этом, мне кажется, сказалось наследие моих суровых предков пуритан, оправдывавших даже убийство, если оно совершается для благой цели. Я не мог отделаться от этих мыслей. Освободить мир от такого чудовища казалось мне актом высшей морали. Человечество станет от этого только лучше и счастливее, а жизнь чище и приятнее.

Я раздумывал об этом, ворочаясь на своей койке в долгие бессонные ночи, и снова и снова перебирал в уме все события. Во время ночных вахт, когда Волк Ларсен был внизу, я беседовал с Джонсоном и Личем. Оба они потеряли всякую надежду: Джонсон — по мрачному складу своего характера, а Лич — потому, что истощил силы в тщетной борьбе. Однажды он взволнованно схватил мою руку и сказал:

— Вы честный человек, мистер Ван-Вейден! Но оставайтесь на своем месте и помалкивайте. Наша

песенка спета, я знаю. И все-таки в трудную минуту вы, может, сумеете помочь нам.

На следующий день, когда на траверзе у нас с наветренной стороны вырос остров Уэнрайт, Волк Ларсен изрек пророческие слова. Он только что поколотил Джонсона, а заодно и Лича, который пришел товарищу на подмогу.

— Лич, — сказал он, — ты знаешь, что я когда-нибудь убью тебя?

Матрос в ответ только зарычал.

— А тебе, Джонсон, так в конце концов осточертеет жизнь, что ты сам бросишься за борт, не ожидая, чтобы я тебя прикончил. Помяни мое слово!

— Это — внушение, — добавил он, обращаясь ко мне. — Держу пари на ваше месячное жалование, что он так и сделает.

Я питал надежду, что его жертвы найдут случай бежать, когда мы будем наполнять водой бочонки, но Волк Ларсен хорошо выбрал место, где бросить якорь. "Призрак" лег в дрейф в полумиле за линией прибоя, окаймлявшей пустынный берег. Здесь открывалось глубокое ущелье, окруженное отвесными скалами вулканического происхождения, по которым невозможно было вскарабкаться наверх. И здесь, под непосредственным наблюдением самого капитана, съехавшего на берег, Лич и Джонсон наполняли пресной водой бочонки и скатывали их к берегу. Удрать на шлюпке у них не было никакой возможности.

Но Гаррисон и Келли сделали такую попытку. На их обязанности лежало курсировать на своей шлюпке между шхуной и берегом, перевозя каждый раз по одному бочонку. Перед самым обедом, двинувшись с пустым бочонком к берегу, они внезапно изменили курс и отклонились влево, стремясь обогнуть мыс, далеко выступавший в море и отделявший их от свободы. Там, за белыми пенистыми бурунами, раскинулись живописные деревушки японских колонистов и приветливые долины, уходящие вглубь острова. Если бы матросам удалось скрыться туда, Волк Ларсен был бы им уже не страшен.

Однако Гендерсон и Смок все утро бродили по палубе; и теперь я понял — с какой целью. Достав винтовки, они неторопливо открыли огонь по беглецам. Это была хладнокровная демонстрация меткой

стрельбы. Сначала их пули, не нанося вреда, шлепались в воду по обеим сторонам шлюпки. Но матросы продолжали грести изо всех сил, и тогда пули начали ложиться все ближе и ближе.

— Смотрите, сейчас я прострелю правое весло Келли, — сказал Смок и прицелился более тщательно.

Я увидел в бинокль, как лопасть весла разлетелась в щепы. Гендерсон проделал то же самое с правым веслом Гаррисона. Шлюпку завертело на месте. Два остальных весла быстро подверглись той же участи. Матросы пытались грести обломками, но и те были выбиты у них из рук. Тогда Келли оторвал доску от дна шлюпки и начал было грести этой доской, но тут же выронил ее, вскрикнув от боли, — пуля расщепила доску, и заноза вонзилась ему в руку. Тогда беглецы покорились своей доле, и шлюпку носило по волнам, пока вторая шлюпка, посланная Волком Ларсеном, не взяла ее на буксир и не доставила беглецов на борт.

К вечеру мы снялись с якоря. Теперь нам предстояло целых три или четыре месяца охотиться на котиков. Мрачная перспектива, и я с тяжелым сердцем занимался своим делом. На "Призраке" царило похоронное настроение. Волк Ларсен валялся на койке — у него опять был один из этих странных мучительных приступов головной боли. Гаррисон с унылым видом стоял у штурвала, навалившись на него всем телом, словно ноги не держали его. Остальные хранили угрюмое молчание. Я наткнулся на Келли: он сидел с подветренной стороны у люка матросского кубрика в позе безысходного отчаяния, уронив голову в колени и охватив ее руками.

Джонсон растянулся на самом носу и следил, как пенятся волны у форштевня. Я с ужасом вспомнил пророчество Волка Ларсена, и у меня мелькнула мысль, что его внушение начинает действовать. Мне захотелось отвлечь Джонсона от его дум, и я окликнул его, но он только грустно улыбнулся мне и не тронулся с места.

На корме ко мне подошел Лич.

— Я хочу попросить вас кое о чем, мистер Ван-Вейден, — сказал он. — Если вам повезет и вы вернетесь во Фриско, не откажите разыскать Матта Мак-Карти. Это мой старик. Он сапожник, живет на горе, за пекарней Мэйфера. Его там все знают, и вам

не трудно будет его найти. Скажите старику, что я не хотел огорчать его и жалею о том, что я наделал, и... и скажите ему еще так от меня: "Да хранит тебя бог".

Я кивнул и прибавил:

— Мы все вернемся в Сан-Франциско, Лич, и я вместе с вами пойду повидать Матта Мак-Карти.

— Хорошо, кабы так, — отвечал он, пожимая мне руку. — Да не верю я в это. Волк Ларсен прикончит меня, я знаю. Да пусть бы уж поскорее.

Он ушел, а я почувствовал, что и сам желаю того же. Пусть неизбежное случится поскорее. Общая подавленность передалась и мне. Гибель казалась неотвратимой. И, час за часом шагая по палубе, я чувствовал все отчетливее, что начинаю поддаваться отвратительным идеям Волка Ларсена. К чему ведет все на свете? Где величие жизни, раз она допускает такое разрушение человеческих душ по какому-то бессмысленному капризу? Жизнь — дешевая и скверная штука, и чем скорее придет ей конец, тем лучше. Покончить с ней, и баста! По примеру Джонсона я перегнулся через борт и не отрывал глаз от моря, испытывая глубокую уверенность в том, что рано или поздно буду опускаться вниз, вниз, вниз, в холодные зеленые пучины забвения.

Глава семнадцатая

Как ни странно, но, несмотря на мрачные предчувствия, овладевшие всеми, на "Призраке" пока никаких особенностей событий еще не произошло. Мы плыли на северо-запад, пока не достигли берегов Японии и не наткнулись на большое стадо китиков. Явившись сюда откуда-то из безграничных просторов Тихого океана, они совершали свое ежегодное переселение на север, к лежбищам у берегов Берингова моря. Повернули за ними к северу и мы, свирепствуя и истребляя, бросая ободранные туши акулам и засаливая шкуры, которые впоследствии должны были украсить прелестные плечи горожанок.

Это было безжалостное избиение, совершившееся во славу женщин. Мяса и жира никто не ел. После дня успешной охоты наши палубы были завалены тушами и шкурами, скользкими от жира и крови, и в шпигаты стекали алые ручейки. Мачты, снасти и борты — все было забрызгано кровью. А люди с обнаженными окровавленными руками, словно мясники, усердно работали ножами, сдирая шкуры с убитых ими красивых морских животных.

На моей обязанности лежало считать шкуры, поступившие на борт со шлюпок, и наблюдать за тем, как ведётся свежевание и последующая уборка палуб. Невеселое занятие! Все во мне возмущалось против него. Но вместе с тем мне еще никогда не приходилось распоряжаться столькими людьми, и это развивало мои довольно слабые административные способности. Я чувствовал, что становлюсь тверже и решительнее, и это не могло не пойти на пользу "неженке Ван-Вейдену".

Я начинал понимать, что мне никогда уже не стать прежним Хэмфри Ван-Вейденом. Хотя моя вера в человека и в жизнь все еще противилась разрушительной критике Волка Ларсена, кое в чем он все же успел сильно повлиять на меня. Он открыл мне реальный мир, с которым я практически не был знаком, так как всегда стоял от него в стороне. Теперь я научился ближе присматриваться к окружающему, спустился из мира отвлеченностей в мир фактов.

С тех пор как началась охота, мне больше чем когда-либо приходилось проводить время в обществе Волка Ларсена. Когда погода бывала хороша и мы оказывались посреди стада, весь экипаж был занят в шлюпках, а на борту оставались только мы с ним да Томас Магридж, который в счет не шел. Впрочем, мы тоже не сидели без дела. Шесть шлюпок всеером расходились от шхуны, пока расстояние между первой наветренной и последней подветренной шлюпками не достигало десяти, а то и двадцати миль. Потом они плыли прямым курсом, и только ночь или плохая погода загоняли их обратно. Мы же должны были направлять "Призрак" в подветренную сторону, к крайней шлюпке, для того чтобы остальные могли с попутным ветром подойти к нам в случае шквала или угрозы шторма.

Нелегкая это задача для двух человек, особенно при свежем ветре, — справляться с таким судном, как "Призрак": управлять рулем, следить за шлюпками, ставить или убирать паруса. Я должен был овладеть всем этим, и овладеть быстро. Управление рулем далось мне легко. Но взбираться наверх на салинг и подтягиваться на руках, когда нужно было лезть еще выше, уже без выбленок, оказалось потруднее. Однако я скоро научился и этому, так как чувствовал какое-то необъяснимое желание поднять себя в глазах Волка Ларсена, доказать свое право на жизнь, и доказать не путем одних только рассуждений. И настало время, когда мне даже доставляло радость взбираться на самую верхушку мачты и, охватив ее ногами, осматривать с этой жуткой высоты море в бинокль, ища шлюпки.

Помню, как в один ясный тихий день охотники выехали спозаранку и звуки выстрелов постепенно удалялись и замерли: шлюпки рассеялись по безграничному простору океана. С запада тянул чуть приметный ветерок. Мы едва успели выполнить наш обычный маневр в подветренную сторону, как ветер упал совсем. С верхушки мачты я следил за шлюпками: все шесть, одна за другой, исчезли за горизонтом, преследуя плывших на запад котиков. Мы стояли, чуть покачиваясь на водной глади. Ларсен начал беспокоиться. Барометр упал, и небо на востоке не предвещало ничего хорошего. Ларсен неотступно всматривался вдаль.

— Если нагрянет оттуда, — сказал он, — и отнесет нас от шлюпок, много коек опустеет в обоих кубриках.

К одиннадцати часам море стало гладким, как зеркало. К полудню жара сделалась невыносимой, хотя мы находились уже довольно далеко в северных широтах. В воздухе — ни малейшего дуновения. Душная, гнетущая атмосфера; в Калифорнии в таких случаях говорят: "Как перед землетрясением". Во всем этом было что-то зловещее, и возникало ощущение приближающейся опасности. Понемногу все небо на востоке затянуло тучами; они надвигались на нас, словно чудовищные черные горы, и так ясно можно было различить в них ущелья, пещеры и пропасти, где сгустились черные тени, что глаз невольно искал там белую линию прибоя, с ревом бьющего о берег. А

шхуна все так же плавно покачивалась на мертвой зыби, и ветра не было.

— Это не шквал, — сказал Волк Ларсен. — Природа собирается встать на дыбы, и когда буря заревет во всю глотку, придется нам поплясать. Боюсь, Хэмп, что мы не увидим половины наших шлюпок. Полезайте-ка наверх и отдайте топселя!

— Но что же мы будем делать, если и в самом деле "заревет"? Ведь нас только двое! — ответил я с нотой протеста в голосе.

— Мы должны воспользоваться первыми порывами ветра и добраться до наших шлюпок прежде, чем у нас сорвет паруса. А там будь что будет. Мачты выдержат, и нам с вами тоже придется выдержать, хотя будет не сладко!

Штиль продолжался. Мы пообедали на скорую руку. Меня тревожила судьба восемнадцати человек, скрывавшихся где-то за горизонтом, в то время как на нас медленно надвигались черные громады туч. Но Волка Ларсена это, по-видимому, не особенно беспокоило, хотя, когда мы вышли на палубу, я заметил, что у него слегка раздуваются ноздри и движения стали быстрее. Лицо его было сурово и жестко, но глаза — ясноголубые в тот день — как-то особенно поблескивали. Меня поразило, что Ларсен был весел — свирепо весел, словно он радовался предстоящей борьбе, ликовал в предвкушении великой минуты, когда стихии обрушатся на него.

Не заметив меня, он презрительно и, должно быть, бессознательно расхохотался, словно бросая вызов приближающемуся шторму. И сейчас еще вижу я, как он стоял, словно пигмей из "Тысячи и одной ночи" перед исполинским злым гением. Да, он бросал вызов судьбе и ничего не боялся.

Потом он прошел в камбуз.

— Кок, ты можешь понадобиться на палубе. Когда покончишь со своими кастрюлями и сковородками, будь наготове — тебя позовут!

— Хэмп, — сказал он, заметив, что я смотрю на него во все глаза, — это лучше виски, хотя ваш Омар Хайам этого и не понимал. В конце концов он не так уж умел пользоваться жизнью!

Теперь и западная половина неба нахмурилась. Солнце померкло и скрылось во мгле. Было два часа

дня, а вокруг нас сгустился призрачный полумрак, прорезываемый беглыми багровыми лучами. В этом призрачном свете лицо Волка Ларсена пылало, и моему растревоженному воображению мерещилось как бы некое сияние вокруг его головы. Стояла необычайная, сверхъестественная тишина, и в то же время все вокруг предвещало приближение шума и движения. Духота и зной становились невыносимы. Пот выступил у меня на лбу, и я почувствовал, как он каплями стекает по лицу. Мне казалось, что я теряю сознание, и я ухватился за поручни.

В эту минуту пронесся еле заметный вздох ветерка. Будто легкий шепот, прилетел он с востока и растаял. Нависшие паруса не шелохнулись, но лицо мое ощутило это дуновение, как приятную свежесть.

— Кок, — негромко позвал Волк Ларсен.

Показалось жалкое, все в шрамах, лицо Томаса Магриджа.

— Отдай тали фока-гика и переложки гик. Когда фок начнет наполняться, потрави шкот и опять заложки тали. Если напутаешь, это будет последней ошибкой в твоей жизни. Понял?

— Мистер Ван-Вейден, будьте готовы перенести передние паруса. Потом поставьте топселя — и как можно скорее; чем быстрее вы это сделаете, тем легче вам будет справиться с ними. Если кок замешкается, дайте ему в зубы.

Я почувствовал в этих словах скрытую похвалу и был доволен, что отданное мне приказание не сопровождалось угрозой. Нос шхуны был обращен к северо-западу, и капитан хотел сделать поворот фордевинд при первом же порыве ветра.

— Ветер будет дуть нам в корму, — объяснил он мне. — Судя по последним выстрелам, шлюпки отклонились немного к югу.

Он повернулся и пошел к штурвалу. Я же направился на бак и занял свое место у кливеров. Снова и снова пронеслось дыхание ветерка. Паруса лениво заполоскали.

— Наше счастье, что буря налетела не сразу, мистер Ван-Вейден! — возбужденно крикнул мне кок.

Я тоже был этому рад, так как знал уже достаточно, чтобы понимать, какое несчастье грозило нам — ведь все паруса были поставлены. Ветер дул сильными

порывами, паруса наполнились, и "Призрак" двинулся вперед. Волк Ларсен круто положил руля под ветер, и мы пошли быстрее. Теперь ветер дул нам прямо в корму; он завывал все громче, и передние паруса оглушительно хлопали. Я не мог видеть, что делается на остальной палубе, но почувствовал, как шхуна внезапно накренилась, когда фок и грот наполнились ветром. Я возился с кливером, бом-кливером и стакселем, и когда справился, наконец, со своей задачей, "Призрак" уже мчался на юго-запад под всеми парусами, вынесенными на правый борт. Не успев перевести дух, с бешено бьющимся сердцем, я бросился к топселям и успел во время убрать их. Затем отправился на корму за новыми приказаниями.

Волк Ларсен одобрительно кивнул и передал мне штурвал. Ветер крепчал, волнение усиливалось. Я стоял у штурвала около часу, и с каждой минутой править становилось все труднее. У меня не было достаточного опыта, чтобы вести шхуну бакштаг при таком ветре.

— Теперь поднимитесь с биноклем наверх и поищите шлюпки. Мы прошли не меньше десяти миль, а сейчас делаем по крайней мере двенадцать или тринадцать узлов. Моя старушка быстра на ходу!

Я ограничился тем, что взобрался на салинг, в семидесяти футах над палубой, и выше не полез. Осматривая пустынное пространство океана, я понял, что нам необходимо очень спешить, если мы хотим подобрать наших людей. Меня охватывало сомнение, могут ли шлюпки уцелеть среди этих бушующих волн. Казалось невероятным, чтобы такие хрупкие суденышки устояли против двойного напора ветра и волн.

Я не ощущал всей силы ветра, так как мы мчались вместе с ним. Но я смотрел с высоты, вниз, и порой мне казалось, что я нахожусь не на судне, а смотрю на него как бы со стороны. Контуры мчащейся шхуны резко выделялись на фоне пенистых вод. Порой, накренившись правым бортом, она взлетала на огромную волну, и тогда палубу до самых люков заливало водой. В такие мгновения — когда шхуна переваливалась с одного борта на другой — я с головокружительной быстротой описывал в воздухе дугу и мне казалось, что я нахожусь на конце огромного перевернутого маятника, амплитуда колебаний которого

достигает семидесяти футов. Ужас охватил меня от этой бешеной качки. Дрожащий и обессиленный, я руками и ногами уцепился за мачту и уже не мог искать в море пропавшие шлюпки, — взор мой был в страхе прикован к бушевавшей подо мной разъяренной стихии, грозившей поглотить "Призрак".

Но мысль о погибавших людях заставила меня опомниться, и я в тревоге принялся искать глазами шлюпки, забыв о себе. Целый час я не видел ничего, кроме пустынных кипящих волн. Но вот вдали, там, где одинокий луч солнца, прорвавшись сквозь тучи, превратил мутную поверхность океана в расплавленное серебро, я заметил маленькое черное пятнышко. Оно то взлетало на гребень волны, то скрывалось из виду. Я стал терпеливо выжидать. Снова крошечная черная точка мелькнула среди свирепых валов, слева по носу от нас. Кричать было бы бесполезно, но я жестами сообщил Волку Ларсену о своем открытии. Он изменил курс, и когда пятнышко мелькнуло прямо впереди нас, я утвердительно махнул рукой.

Пятнышко росло так быстро, что только тут я впервые вполне оценил скорость нашего бега по волнам. Волк Ларсен дал мне знак спуститься вниз и, когда я подошел к штурвалу, велел положить шхуну в дрейф и растолковал, что я должен для этого предпринять.

— Теперь весь ад обрушится на вас, — предостерег он меня, — но вы не робейте. Делайте свое дело и смотрите, чтобы кок стоял у фока-шкота.

Мне удалось кое-как пробраться на бак, хотя то с одного, то с другого борта палубу заливало водой. Отдав распоряжения Томасу Магриджу, я взобрался на несколько футов по фор-вантам. Шлюпка была теперь очень близко и дрейфовала против ветра на своей мачте и парусе, выброшенных за борт и служивших плавучим якорем. В шлюпке было трое, все они вычерпывали воду. Каждый водяной вал скрывал их из виду, и я с замиранием сердца ждал, что вот-вот они исчезнут совсем. Но внезапно шлюпка стрелой вылетала из пенистых волн, становясь при этом почти вертикально и опираясь только на корму, так что обнажался весь ее мокрый черный киль. Потом нос опускался, корма оказывалась высоко над ним, и на мгновение становилось видно, как все трое в безумной спешке вычерпывают воду. И шлюпка снова низвер-

галась в зияющую пучину. Каждое новое ее появление воспринималось как чудо.

”Призрак” вдруг изменил курс и уклонился в сторону. Я с содроганием подумал, что Волк Ларсен считает спасение шлюпки невозможным, но тут же сообразил, что он просто готовится лечь в дрейф. Я поспешил спуститься на палубу, чтобы быть наготове. Мы шли теперь прямо фордевинд, а шлюпка была у нас на траверзе, и довольно далеко.

Внезапно я почувствовал, как шхуна пошла ровнее и скорость ее заметно возросла. Она почти на месте разворачивалась носом к ветру.

Когда шхуна стала под прямым углом к волнам, ветер, от которого мы до сих пор убегали, со всей силой обрушился на нас. По неопытности я повернулся лицом к ветру. Он надвинулся на меня плотной стеной, воздух стремительно ворвался в мои легкие, и я не мог его выдохнуть. Я задыхался, и когда ”Призрак”, сильно накренившись на наветренный борт, вдруг словно замер на месте, я увидел огромную волну прямо у себя над головой. Я повернулся спиной к ветру, перевел дух и взглянул снова. Волна нависла над судном. Луч солнца играл на ее молочно-белом пенистом гребне, и я смотрел прямо в ее зеленоватую-прозрачную глубину.

И вот волна обрушилась на шхуну и началось светопредставление. Все произошло в единый миг. Сокрушительный удар, который я ощутил всем телом, сбил меня с ног, и я очутился под водой. Промелькнула страшная мысль, что сейчас совершится то, о чем мне пока приходилось только слышать, — я буду смыт в море. Меня перевернуло, ударило о палубу и понесло куда-то. Я был не в силах больше задерживать дыхание, вздохнул и набрал в легкие жгуче-соленой воды. Однако все это время я ни на минуту не забывал, что должен вынести кливер на ветер. Страха смерти я не ощущал. Почему-то я был уверен, что как-нибудь спасусь. Настойчивая мысль о необходимости выполнить приказание Волка Ларсена не покидала меня, и мне казалось, что я вижу, как он стоит у штурвала, среди дикого разгула стихий, и бросает буре дерзкий вызов, противопоставляя ей свою волю.

Меня с силой ударило обо что-то, должно быть о планшир. Я вздохнул и почувствовал, что вдыхаю

спасительный воздух. Я попытался встать, но снова ударился обо что-то головой и снова очутился на четвереньках. Оказалось, что меня отнесло волной под полубак. Ползком выбираясь оттуда, я наткнулся на Томаса Магриджа, который, скорчившись, лежал на палубе и стонал. Но у меня не было времени возиться с ним. Я должен был перенести кливер.

Когда я выбрался на палубу, мне показалось, что нам приходит конец. Кругом стоял треск ломающегося дерева, рвущейся парусины, лязг железа. Буря швыряла шхуну, стремясь разнести ее в щепы. Фок и фор-топсель, повиснув без ветра, благодаря нашему маневру хлопали и рвались, так как некому было во время выбрать шкот; тяжелый гик с треском перебрасывало с борта на борт. В воздухе со свистом проносились обломки; обрывки снастей трепались на ветру, извиваясь, как змеи; и вдруг в довершение всего с треском рухнул на палубу фок-гафель.

Он упал всего в нескольких дюймах от меня, и это напомнило мне, что надо спешить. Быть может, не все еще было потеряно. Я вспомнил слова Волка Ларсена. Он ведь предупреждал, что "на нас обрушится ад". Но где же он сам? И вдруг я увидел его перед собой. Пустив в ход всю свою чудовищную силу, он выбирал гроташкот. В это время корма шхуны поднялась высоко в воздух, и фигура капитана четко вырисовалась на фоне мчавшихся на нас белых от пены валов. Все это и еще больше — целый мир хаоса и разрушения — я воспринял зрением и слухом меньше чем за четверть минуты.

У меня не было времени поглядеть, что случилось со шлюпкой, — я бросился к кливер-шкоту. Кливер хлопал, то наполняясь ветром, то обвисая. Напрягая все силы, я начал постепенно обтягивать шкот. Я делал все, что мог. Я тянул шкот так, что в кровь ободрал себе пальцы. В это время бом-кливер и стаксель лопнули по всей длине, и их унесло в море.

Но я продолжал тянуть, закрепляя двумя оборотами каждую выбранную часть шкота, и как только снасть ослабевала, выбирал ее снова. Потом шкот пошел легче, — ко мне подоспел Волк Ларсен. Он тянул шкот, а я подбирал слабинку.

— Закрепляйте! — крикнул он. — А потом идите сюда!

Я последовал за ним и увидел, что, несмотря на разрушения, на шхуне восстановился некоторый порядок. "Призрак" лег в дрейф. Он был еще в состоянии бороться. Хотя почти все паруса сорвало, но кливер, вынесенный на наветренный борт, и выбранный до конца грот уцелели и удерживали шхуну носом к разъяренным волнам.

Пока Волк Ларсен готовил шлюпочные тали, я стал искать глазами шлюпку и увидел ее на вершине большой волны футах в двадцати от нас, с подветренной стороны. Капитан так ловко рассчитал свой маневр, что мы дрейфовали прямо на нее, и нам оставалось только заложить на ней тали и поднять ее на борт. Но сделать это было не так-то просто.

На носу шлюпки находился Керфут; Уфти-Уфти сидел у руля, а Келли посередине. Когда нас поднесло ближе, лодку вскинуло на волну, а мы провалились куда-то в бездну, и я увидел почти прямо над собой троих людей, смотревших на нас из-за борта шлюпки. В следующий миг наверх взлетели мы, они же провалились в пропасть между двумя волнами. Так повторялось снова и снова, и всякий раз мне казалось, что "Призрак" неминуемо раздавит эту хрупкую скорлупку.

Но в нужную минуту я бросил свой конец Уфти-Уфти, а Волк Ларсен — Керфуту. Концы были тотчас закреплены, после чего все трое, улучив момент, одновременно перепрыгнули на борт шхуны. Когда "Призрак" поднялся из воды, шлюпку прижало к нему, и, воспользовавшись этим, мы успели втянуть ее на борт, а затем перевернули вверх днищем. Я заметил, что левая рука Керфута в крови. Он разможил себе палец. Однако, не обращая на это внимание, он правой рукой помогал нам принайтвливать шлюпку.

— Приготовься перенести кливер, Уфти! — командовал Волк Ларсен, как только мы покончили со шлюпкой. — Келли, иди на корму, потрави гроташкот! А вы, Керфут, ступайте на нос и посмотрите, что там с коком! Мистер Ван-Вейден, полезайте наверх и по пути обрубите все лишнее!

Отдав распоряжения, он, как тигр, прыгнул к штурвалу. Пока я взбирался на передние ванты, "Призрак" медленно уваливался под ветер. Однако на этот раз, когда шхуна нырнула между валами и ее

стало накрывать волной, у нас не оставалось ни одного паруса, который мог бы быть сорван ветром. Шхуна дала чудовищный крен, и мачты ее легли почти горизонтально над водой. Я еще не добрался до салинга, как был прижат ветром к вантам с такой силой, что, казалось, даже при желании не мог бы упасть. Я видел перед собой палубу, но не внизу, а почти под прямым углом к поверхности моря. И видел я собственно даже не палубу, а захлестнувший ее поток воды, из которого торчали две мачты. И это было все. В этот миг вся шхуна была под водой. Но мало-помалу, все больше уваливаясь под ветер, "Призрак" выпрямился и высунул свою палубу из-под воды, как кит высовывает спину, поднимаясь на поверхность.

А потом нас понесло дальше по бушующему морю, а я висел на салинге, прилипнув к нему, как муха, и высматривал остальные шлюпки. Через полчаса я завидел еще одну: она плавала днищем кверху, вместе с уцепившимися за нее Джеком Хорнером, толстым Луисом и Джонсоном. На этот раз я остался наверху. Волку Ларсену удалось благополучно лечь в дрейф, и опять нас стало сносить к шлюпке. Приготовлены были тали. Людям бросили концы, и они, как обезьяны, вскарабкались по ним на борт. Шлюпку же сильно побило о корпус шхуны, когда ее поднимали на борт, но мы все же принайтовили ее на палубе, рассчитывая починить.

И снова "Призрак" помчался вперед, гонимый бурей, порой так зарываясь в воду, что бывали минуты, когда я уже не надеялся на спасение. Даже штурвал, расположенный значительно выше шкафута, то и дело исчезал под водой. В такие мгновения мною овладевало странное чувство: мне казалось, что я здесь наедине с богом и один наблюдаю ярость его гнева. Но штурвал появлялся снова, показывались широкие плечи Волка Ларсена и его руки, вертевшие колесо и подчинявшие бег шхуны воле капитана. Словно некий бог, повелитель бури, стоял он, рассекая своим судном волны и заставляя ее служить себе. Поистине, разве это было не чудо? Ничтожные букашки — люди жили, дышали, делали свое дело и, наперекор разбушевавшейся стихии, управляли утлой посудиною из дерева и парусины!

И "Призрак" опять взлетал на волну, палуба поднималась над водой, и он устремлялся вперед. Часов около шести, когда дневной свет уже померк и над морем сгустились тусклые зловещие сумерки, я заметил третью шлюпку. Она тоже плавала вверх днищем, но людей не было видно. Волк Ларсен повторил свой маневр — отошел и затем повернул к ветру и дал волнам отнести шхуну к шлюпке. Однако на этот раз он ошибся футов на сорок и шлюпка прошла у нас за кормой.

— Шлюпка номер четыре! — крикнул Уфти-Уфти, зоркие глаза которого успели различить надпись, когда шлюпка на миг вынырнула из пены.

Это была шлюпка Гендерсона, и вместе с ним на ней погибли Холиок и Вильямс. В том, что они погибли, не могло быть сомнений, но шлюпка уцелела, и Волк Ларсен сделал еще одну отчаянную попытку завладеть ею. Я в это время уже спустился на палубу и слышал, как Хорнер и Керфут тщетно протестовали против этого намерения.

— Я не брошу шлюпку, провались все к дьяволу! — орал Ларсен, и хотя мы стояли близко, голос его доносился до нас словно из неизмеримой дали.

— Мистер Ван-Вейден! — крикнул он мне, и в реве бури его слова прозвучали как шепот. — Станьте на кливер вместе с Джонсоном и Уфти! Остальные — на грот! Живо, а не то я всем вам шею сверну! Поняли?

И когда он положил руль на борт и начал поворачивать нос шхуны, охотникам ничего не оставалось, как повиноваться и принять участие в этом рискованном предприятии. Насколько велика была опасность, я понял лишь после того, как снова очутился под водой, затопившей палубу, и едва успел уцепиться за планку у фокмачты. Но пальцы мои почти тотчас оторвало от планки, меня смыло за борт и понесло в море. Плавать я не умел, однако волна, не дав мне погрузиться, швырнула меня обратно на палубу. Тут чья-то сильная рука подхватила меня, и когда "Призрак" вынырнул из воды, я увидел, что обязан своим спасением Джонсону. Но тот тревожно оглядывался кругом, и я заметил, что Келли, который минуту назад пришел на бак, теперь исчез.

Снова проскочив мимо шлюпки, мы находились по отношению к ней в ином положении, чем прежде, и

Волк Ларсен вынужден был прибегнуть к другому маневру. Идя фордевинд, он привел шхуну к ветру и подошел к шлюпке круто бейдевинд левым галсом.

— Здрóрово! — прокричал у меня над ухом Джонсон, когда мы, сманеврировав, благополучно выдержали очередной потоп. Я знал, что его похвала относится не к морскому искусству Волка Ларсена, а к самой шхуне.

Стемнело, и шлюпки уже не было видно, но Волк Ларсен вел шхуну, словно руководимый каким-то безошибочным инстинктом. На этот раз, хотя нас снова и снова захлестывало волной, мы не отклонились в сторону. Нас понесло прямо на шлюпку, и мы порядком побили ее, поднимая на борт.

После этого мы еще часа два работали до одурения. Все — двое охотников, три матроса, Волк Ларсен и я — брали рифы на кливере и гроте. При уменьшенной парусности палубу уже не так заливало водой, и "Призрак" прыгал и нырял среди волн, как пробка.

Я, еще выбирая кливер, в кровь ободрал себе пальцы, и от боли слезы все время катились у меня по щекам. Когда же все было кончено, я не выдержал и в полном изнеможении повалился на палубу.

Томаса Магриджа вытащили из-под полубака, куда он в страхе забился, словно крыса в наводнение. Я увидел, как его поволокли на корму в кают-компанию, и лишь тогда с изумлением заметил, что камбуз исчез. Там, где он раньше стоял, теперь на палубе ничего не было.

Все, не исключая матросов, собрались в кают-компании, и пока на печурке варился кофе, мы пили виски и грызли галеты. Никогда в жизни не ел я с таким аппетитом. Я пил горячий кофе, и он казался мне вкуснее всего на свете. "Призрак" так кидало и швыряло, что даже моряки не могли ходить, не придерживаясь за что-нибудь, и часто с криков "берегись!" мы кучей валялись на переборки, принимавшие почти горизонтальное положение.

— К черту сигнальщика! — заявил Волк Ларсен, когда мы наелись и напились. — На палубе нечего делать. Если кому-нибудь придет охота налететь на нас, так мы все равно не сможем свернуть в сторону. Ступайте все спать!

Матросы пробрались на бак, по дороге выставив отличительные огни, а двое охотников остались спать в кают-компании, так как не стоило рисковать, открывая люк, ведущий в их кубрик. Мы с Волком Ларсеном отрезали Керфуту его изувеченный палец и зашили рану. Магридж, стряпая, подавая нам кофе и поддерживая огонь в печке, все время жаловался на боль в боку и клялся, что у него сломано одно или два ребра. Осмотрев его, мы убедились, что у него сломано целых три. Однако мы отложили его лечение до следующего дня, главным образом потому, что я ровно ничего не смыслил в этом деле и хотел сначала прочитать что-нибудь о переломах ребер.

— Не стоило, пожалуй, жертвовать жизнью Келли из-за разбитой лодки, — сказал я Волку Ларсену.

— Ну и сам Келли тоже немногого стоил, — последовал ответ. — Спокойной ночи!

Мне казалось, что после перенесенных испытаний я не смогу уснуть. Меня невыносимо мучила боль в пальцах, тревожила судьба трех пропавших шлюпок, а шхуну все так же неистово швыряло по волнам. Но глаза мои сомкнулись, едва голова коснулась подушки, и в полном изнеможении я проспал до утра, в то время как "Призрак", никем не управляемый, один на один боролся с бурей.

Глава восемнадцатая

На следующий день, пока шторм понемногу утихал, мы с Волком Ларсеном почитали кое-что по части анатомии и хирургии и принялись лечить Магриджу его переломы, а когда волнение несколько улеглось, Волк Ларсен начал крейсировать к западу от того места, где нас настигла буря. Тем временем команда чинила шлюпки и шила для них новые паруса. Нам все чаще и чаще стали попадаться промысловые шхуны. Почти все они тоже искали свои потерянные шлюпки, а заодно подбирали и чужие, если встречались с ними в море. Большинство судов

промысловой флотилии находились к западу от нас, и рассеянные в океане шлюпки искали спасения на первой встреченной ими шхуне.

Мы сняли две наши лодки со всем экипажем с "Сиско", а на другой шхуне — "Сан-Диего" — обнаружили, к великой радости Волка Ларсена и к моему немалому огорчению, Смока с Нилсоном и Личем. Таким образом, к концу пятого дня мы не досчитывались только четверых — Гендерсона, Холиока, Вильямса и Келли, — решено было возобновить охоту.

Следуя за стадом котиков на север, мы начали встречать опасные морские туманы. Мгла проглатывала спущенные шлюпки, как только они касались воды. На борту шхуны через равномерные промежутки трубили в рог и каждые четверть часа стреляла сигнальная пушка. Шлюпки все время то терялись, то находились вновь; согласно морским обычаям, их принимала на борт любая шхуна, с тем чтобы потом возвратить хозяину. Но Волк Ларсен, у которого не хватало одной шлюпки, поступил так, как и следовало от него ожидать; завладел первой отбившейся от своей шхуны шлюпкой, заставил ее экипаж охотиться вместе с нашим и не позволил ему вернуться к себе на шхуну, когда она показалась вдали. Помню, как охотника и обоих матросов, наставив на них ружья, загнали вниз, когда их шхуна проходила мимо и капитан справлялся о них.

Томас Магридж, с таким удивительным упорством цеплявшийся за жизнь, вскоре начал опять ковылять по палубе и исполнять свои двойные обязанности кока и юнги. Джонсон и Лич больше прежнего подвергались побоям и знали, что по окончании охотничьего сезона им не сносить головы. Остальным тоже жилось, по милости капитана, как собакам, причем этот безжалостный человек заставлял их работать до полного изнурения. Что же касается меня, то мы с Волком Ларсеном кое-как ладили, хотя я не мог отделаться от мысли, что мне следовало бы убить его. Он необъяснимо притягивал меня к себе и вместе с тем нагонял на меня неопишуемый страх. И все же я не мог представить его себе распростертым на смертном одре. Это слишком не вязалось с его обликом. Я мог думать о нем только как о живом, всегда живом, властвующем, борющемся и разрушающем.

Когда мы попадали в самую середину котикового стада и волнение было слишком сильно, чтобы спускать шлюпки, Ларсен любил выезжать на охоту сам, с двумя гребцами и рулевым. Он был хорошим стрелком и привозил на борт много шкур в такую погоду, когда охотники считали промысел невозможным. Казалось, ему лишь тогда дышалось легко, когда он, рискуя жизнью, вел борьбу с грозным противником.

Я все больше осваивался с морским делом, и однажды, в ясный денек, какие редко выпадали теперь на нашу долю, мне, к моему немалому удовлетворению, привелось самостоятельно управлять шхуной и убирать наши шлюпки. Волк Ларсен опять валялся у себя в каюте с головной болью, а я дотемна стоял у штурвала. Обойдя крайнюю шлюпку, я положил шхуну в дрейф и одну за другой поднял все шесть шлюпок без каких-либо указаний со стороны капитана.

Время от времени на нас налетали бури — мы находились в штормовой полосе, — а в середине июня нас настиг тайфун; это было памятное для меня событие, так как оно внесло большую перемену в мою жизнь. По-видимому, мы попали почти в самый центр тайфуна, но Волку Ларсену удалось удрать от него на юг — сначала под кливером с двумя рифами, а потом и вовсе с голыми мачтами. Никогда еще не видал я таких волн. Все штормы, испытанные мною раньше, казались по сравнению с этим легкой рябью. От гребня до гребня было не меньше полумили, и эти валы вздымались выше наших мачт. Даже Волк Ларсен не осмелился лечь в дрейф, хотя нас и относило все дальше к югу от котикового стада.

Когда тайфун утих, мы оказались на пути океанских пароходов. И здесь, к изумлению охотников, мы повстречались со вторым стадом котиков, составившим как бы арьергард первого. Это было чрезвычайно редкое явление. Раздалась команда: "Спустить шлюпки!", затрещали выстрелы, и жестокая бойня продолжалась весь день.

В этот вечер ко мне в темноте подошел Лич. Я только что кончил подсчитывать шкуры с последней поднятой на борт шлюпки; молодой матрос остановился возле меня и тихо спросил:

— Мистер Ван-Вейден, на каком мы расстоянии от берега и в какой стороне Иокогама?

Мое сердце радостно забилося. Я понял, что у него на уме, и дал ему нужные указания: к запад-северо-западу, расстояние пятьсот миль.

— Благодарю вас, сэр, — ответил он и скрылся во мраке.

Утром исчезла лодка номер три, а с нею — Джонсон и Лич. Одновременно исчезли анкерки с водой и ящики с провизией со всех остальных шлюпок, а также постельные принадлежности и сундучки обоих беглецов. Волк Ларсен неистовствовал. Он поставил паруса и помчался на запад-северо-запад. Двое охотников не сходили с салинга, осматривая море в бинокль, а сам он, как разъяренный лев, метался по палубе. Он слишком хорошо знал мою симпатию к беглецам, чтобы послать наблюдающим меня.

Ветер был свежий, но не ровный, и легче было бы найти иголку в стоге сена, чем крошечную шлюпку в беспредельном синем просторе. Но капитан старался выжать из "Призрака" все, что мог, и отрезать беглецов от суши. Когда, по его расчетам, ему это удалось, он стал крейсировать поперек их предполагаемого пути.

На утро третьего дня, едва пробило восемь склянок, Смок крикнул с салинга, что видна шлюпка. Все столпились у борта. Резкий ветер дул с запада и крепчал, предвещая шторм. И вот, с подветренной стороны, на фоне волн, позолоченных первыми лучами солнца, начала появляться и исчезать черная точка.

Мы изменили курс и помчались к ней. У меня было тяжело на душе. Я видел торжествующий блеск в глазах Волка Ларсена и, внезапно охваченный мрачным предчувствием, ощутил непреодолимое желание кинуться на этого человека. Мысль о судьбе Лича и Джонсона так взволновала меня, что разум мой помутился. Фигура Ларсена поплыла у меня перед глазами, и, не помня себя, я бросился в кубрик охотников и готов уже был выскочить на палубу с заряженным ружьем в руках, как вдруг услышал чей-то изумленный возглас:

— На шлюпке пять человек!

Я задрожал и ухватился за трап, прислушиваясь к голосам на палубе, подтверждавшим сделанное кем-то

открытие. Затем страшная слабость вдруг охватила меня, колени подогнулись, я опустился на ступеньки и только тут окончательно пришел в себя и содрогнулся при мысли о том, что я готов был совершить. Возблагодарив судьбу, я положил ружье на место и поднялся на палубу.

Никто не заметил моего отсутствия. Шлюпка была теперь уже близко, и я увидел, что она крупнее охотничьей и построена иначе. Когда она почти совсем приблизилась к нам, на ней убрали парус и сняли мачту. Вставив весла в уключины, люди в лодке ждали, пока мы ляжем в дрейф и возьмем их на борт.

Смок уже спустился на палубу и стоял теперь рядом со мной; он многозначительно ухмыльнулся. Я впросительно взглянул на него.

— Ну и заварится каша! — хмыкнул он.

— В чем дело? — спросил я.

Он снова хмыкнул.

— Разве не видите, кто там на корме? Чтоб мне не убить больше ни одного котика, если это не женщина!

Я вгляделся, но не сразу смог что-нибудь различить. Однако все вокруг говорили, что в лодке четверо мужчин, а на корме, по-видимому, — женщина. Это открытие взволновало всех, за исключением Волка Ларсена, который был явно разочарован тем, что это не его шлюпка и ему не на кого обрушить свою злобу.

Мы спустили бом-кливер, выбрали кливер-шкот на наветренный борт, добрали грота-шкот и легли в дрейф. Весла опустились в воду, и после нескольких взмахов шлюпка подошла к борту шхуны. Теперь я уже мог лучше разглядеть женщину. Она куталась в длинное широкое пальто, так как утро было холодное. Я увидел ее лицо и светло-каштановые волосы, выбившиеся из-под морской фуражки. У нее были большие карие блестящие глаза, нежный, приятно очерченный рот и правильный овал лица, обветренного и обожженного солнцем.

Она показалась мне существом из другого мира. Меня потянуло к ней, как голодного к хлебу. Ведь я так давно не видел женщин! Всецело поглощенный этим чудесным видением, я совершенно забыл о своих обязанностях помощника и даже не помогал поднять спасенных на борт. Когда один из матросов подхватил женщину на руки и передал ее Волку Ларсену, она

взглянула на наши исполненные любопытства лица и улыбнулась так приветливо и мило, как может улыбаться только женщина. Как давно не видел я подобной улыбки! Казалось, я уже забыл, что на свете есть люди, которые умеют так улыбаться!

— Мистер Ван-Вейден!

Голос Ларсена вернул меня к действительности.

— Будьте добры, проводите эту даму вниз и устройте ее поудобнее. Прикажите приготовить свободную каюту на левом борту. Поручите это коку. И подумайте, чем вы можете помочь даме, — у нее сильно обожжено лицо.

С этими словами он отвернулся от нас и принялся расспрашивать мужчин. Шлюпка была брошена на произвол судьбы, хотя один из спасенных возмущался этим, так как Йокогама была совсем близко.

Сопровождая незнакомку в каюту, я странно робел и был неловок. Мне как бы впервые открылось, какое хрупкое, нежное создание женщина. Помогая ей спуститься по трапу, я взял ее за руку, и меня поразило, какая это маленькая, нежная ручка. Да и сама она была удивительно тоненькая и хрупкая и казалась мне такой воздушной, что я боялся раздавить ее руку в своей ручище. Вот что чувствовал я, так долго лишенный женского общества, когда увидел Мод Брустер — первую женщину, встретившуюся на моем пути с тех пор, как я попал на шхуну.

— Вы напрасно так беспокоитесь обо мне, — запротестовала она, когда я усадил ее в кресло Волка Ларсена, которое поспешил притащить из его каюты. — Сегодня утром мы каждую минуту ожидали увидеть землю и к вечеру, вероятно, будем уже в порту. Не правда ли?

Ее спокойная уверенность смутила меня. Как мог я объяснить ей положение вещей и страшный характер нашего капитана, который, подобно злему року, скитался по морям, — словом, все то, что открылось мне за эти месяцы? Но я ответил ей напрямик:

— Будь у нас другой капитан, я сказал бы, что завтра утром вас доставят в Йокогаму. Но Ларсен человек со странностями, и я прошу вас быть готовой ко всему. Вы понимаете — ко всему!

— Нет, признаюсь, я не совсем понимаю вас, — ответила она. В глазах ее промелькнуло недоумение,

но не испуг. — Быть может, я ошибаюсь, но мне казалось, что потерпевшим кораблекрушение всегда оказывают внимание. Да и в сущности это такой пустяк, ведь мы совсем близко от берега.

— Правду сказать, я сам ничего не знаю, — поспешил я успокоить ее. — Мне хотелось только на всякий случай подготовить вас к худшему. Наш капитан — грубая скотина, не человек, а дьявол. Никто не знает, что может вдруг взбрести ему на ум.

Я начинал волноваться, но она устало прервала меня:

— Да, да, понимаю! — Ей, по-видимому, трудно было сейчас собраться с мыслями. Я видел, что она вот-вот лишится чувств от изнеможения.

Больше она ни о чем не спрашивала, и я, воздержавшись от дальнейших замечаний, приступил к исполнению распоряжений Волка Ларсена и постарался устроить ее поудобнее. Я хлопотал вокруг нее, как заботливая хозяйка: достал из аптечки мазь от ожогов, велел Томасу Магриджу убрать свободную каюту и, совершив налет на личные запасы Волка Ларсена, извлек оттуда бутылку портвейна.

Ветер быстро крепчал, крен увеличился, и к тому времени, когда каюта была готова, "Призрак" уже стрелой летел по волнам. Я совершенно забыл о существовании Лича и Джонсона и был как громом поражен, когда через открытый люк донесся возглас: "Шлюпка впереди!" Сомнений быть не могло — это кричал Смок с мачты. Я бросил взгляд на женщину: она сидела смертельно усталая, откинувшись на спинку кресла, закрыв глаза. Я сомневался даже, слышала ли она крик Смока, и решил, что не допущу, чтобы она стали свидетельницей зверств, которые неминуемо должны были последовать за поимкой беглецов. Она устала — и отлично! Пусть спит!

На палубе раздались резкие слова команды, слышался топот ног, захлопали риф-штерты, и "Призрак" лег на другой галс. При внезапном повороте шхуна накренилась, кресло начало скользить по полу, и я едва успел подхватить задремавшую женщину, чтобы не дать ей свалиться на пол.

Она приоткрыла глаза и сонно и недоуменно взглянула на меня. Я повел ее в приготовленную ей каюту. Она еле передвигала ноги и спотыкалась на каждом

шагу. Магридж гадко осклабился, когда я выпроводил его из каюты и приказал ему вернуться к своим обязанностям. Он расквитался со мной, расписав охотникам, какой прекрасной камеристкой я оказался.

Наша новая пассажирка тяжело опиралась на мою руку, когда я вел ее, и, кажется, начала засыпать, еще не дойдя до своей каюты. Да, конечно, она спала на ходу, и когда шхуну резко качнуло, не устояла на ногах и упала на койку. Потом приподняла голову, улыбнулась и снова погрузилась в сон. Я оставил ее спящей под двумя толстыми матросскими одеялами; голова ее покоилась на подушке, которую я взял с койки Волка Ларсена.

Глава девятнадцатая

Поднявшись на палубу, я увидел, что "Призрак" догоняет с наветренной стороны знакомую мне парусную шлюпку, идущую против ветра тем же галсом, что и мы, но чуть правее. Вся команда была на палубе — все ждали, что произойдет, когда Лича и Джонсона поднимут на борт.

Пробило четыре склянки. Луис пришел на корму сменить рулевого. Воздух был влажен, и я заметил, что Луис надел клеенчатую куртку и штаны.

— Что нас ожидает на этот раз? — спросил я его.

— Судя по всему, сэр, — отвечал он, — небольшой шторм с дождичком — как раз хватит, чтобы промочить нам жабры.

— Какая досада, что у нас заметили шлюпку, — сказал я.

Большая волна, ударив в нос шхуны, повернула ее примерно на румб, и шлюпка на миг мелькнула между кливерами.

Луис перехватил ручки штурвала и, помолчав, сказал:

— А мне думается, они все равно не добрались бы до берега, сэр.

— Не добрались бы? — переспросил я.

— Нет, сэр. Видали? — Порыв ветра накренил шхуну и заставил Луиса быстро завертеть штурвал. — Через час начнется такое, — продолжал он, — что им на своей скорлупе несдобровать. Им еще повезло, что мы подоспели вовремя и можем их подобрать.

Волк Ларсен разговаривал на палубе со спасенными моряками, потом поднялся на ют. В его походке больше обычного чувствовалось что-то кошачье, а в глазах вспыхивали холодные огоньки.

— Три смазчика и механик, — сказал он вместо приветствия. — Но мы из них сделаем матросов или хотя бы гребцов. Ну, а как там эта особа?

Не знаю почему, но когда Ларсен заговорил о спасенной женщине, его слова полоснули меня, словно ножом. Сознывая, как глупо быть таким сентиментальным, я все же не мог избавиться от тяжелого ощущения и в ответ только пожал плечами.

Волк Ларсен протяжно и насмешливо свистнул.

— Как ее зовут? — резко спросил он.

— Не знаю, — отвечал я. — Она спит. Очень утомлена. По правде говоря, я рассчитывал узнать что-нибудь от вас. С какого они судна?

— С почтового пароходишка "Голод Токио", — буркнул он. — Шел из Фриско в Йокогаму. Тайфун доконал это старое корыто — потекло, как решето. Их носило по волнам четверо суток. Так вы не знаете, кто она — девица, замужняя дама или вдова? Ну, ну...

Он смотрел на меня, насмешливо прищурившись и покачивая головой.

— А вы... — начал я. У меня чуть не сорвался с языка вопрос — собирается ли он доставить потерпевших кораблекрушение в Йокогаму.

— А я?.. — переспросил он.

— Как вы намерены поступить с Личем и Джонсоном?

— Не знаю, Хэмп, не знаю. Видите ли, с этими четверьмя у меня теперь достаточно людей.

— А Джонсон и Лич достаточно натерпелись при попытке бежать, — сказал я. — Отчего бы вам не изменить свое отношение к ним? Возьмите их на борт и попробуйте обходиться с ними мягче. Что бы там они ни сделали, их до этого довели.

— Кто? Я?

— Да, вы, — отвечал я, не колеблясь. — И предупреждаю вас, Ларсен, если вы будете по-прежнему издеваться над этими беднягами, я могу забыть все, даже свою любовь к жизни, и убить вас.

— Bravo! — воскликнул он. — Я горжусь вами, Хэмп. Вы превосходно научились стоять на ногах. Я вижу перед собой вполне самостоятельную личность! До сих пор вам не везло — жизнь ваша протекала слишком легко, — но теперь вы подаете надежды. Таким вы мне нравитесь куда больше.

Внезапно тон его изменился, лицо стало серьезным.

— Верите ли вы людям на слово? — спросил он. — Считаете ли, что слово священо.

— Конечно, — отвечал я.

— Так вот, предлагаю вам соглашение, — продолжал этот неподражаемый актер. — Если я дам слово не притронуться пальцем к Личу и Джонсону, обещаете ли вы в свою очередь отказаться от попыток убить меня? Только не подумайте, что я боюсь вас, нет, нет, не воображайте! — поспешно добавил он.

Я едва мог поверить своим ушам, — что это вдруг на него нашло?

— Идет? — нетерпеливо спросил он.

— Идет, — отвечал я.

Он протянул мне руку, и я с жаром пожал ее, но в глазах у него — я мог бы поклясться — промелькнула издевка.

Мы перешли на подветренную сторону юта. Шлюпка была совсем близко, и я увидел, что положение ее поистине отчаянное. Джонсон сидел на руле, Лич вычерпывал воду. Мы шли вдвое быстрее их. Волк Ларсен подал Луису знак отклониться немного в сторону, и мы пронеслись в каких-нибудь двадцати футах от шлюпки с наветренной стороны. На мгновение "Призрак" закрыл ее от ветра. Парус на шлюпке захлопал, она потеряла скорость и стала прямо, что заставило матросов поспешно отодвинуться от борта. Тут нас подхватила огромная волна, а шлюпка скользнула вниз.

В это мгновение Лич и Джонсон взглянули в лица своим товарищам, столпившимся у борта. Но никто со шхуны не послал им приветствия. В глазах команды

те двое были уже мертвецами, — пространство воды, отделявшее их от нас, было как бы рубежом между жизнью и смертью.

Через миг они очутились против юта, где стояли мы с Волком Ларсеном. Теперь уже шхуна скользнула вниз, а шлюпка взлетела на гребень волны. Джонсон посмотрел на меня, и я увидел его измученное, осунувшееся лицо. Я помахал ему рукой, и он ответил мне, но в этом жесте было глубокое отчаяние. Он словно прощался со мной. Мне не удалось встретиться глазами с Личем, — он смотрел на Волка Ларсена, и лицо его, как и следовало ожидать, было перекошено от ненависти.

Еще мгновение, и шлюпка оказалась уже за кормой. Парус тотчас наполнился ветром и так накренил утлое суденышко, что оно чуть не перевернулось. Гребень огромной волны навис над шлюпкой и обрушил на нее шапку белоснежной пены. Потом полузатопленная шлюпка вынырнула: Лич поспешно вычерпывал воду, а Джонсон с бледным, испуганным лицом судорожно сжимал в руке кормовое весло.

Волк Ларсен резко расхохотался, словно пролаял над самым моим ухом, и перешел на наветренную сторону юта. Я ожидал, что он велит лечь в дрейф, но шхуна продолжала идти вперед, а он не подавал никакой команды. Луис невозмутимо стоял у штурвала, но я заметил, что столпившиеся на носу матросы с беспокойством поглядывают в нашу сторону. "Призрак" мчался все вперед и вперед, и шлюпка превратилась уже в еле заметную точку, когда раздался голос Волка Ларсена — матросы получили приказание сделать поворот на правый галс.

Мы пошли назад по ветру навстречу боровшейся с волнами шлюпке, но милях в двух от нее была отдана новая команда спустить бом-кливер и лечь в дрейф. Промысловые лодки не приспособлены лавировать против ветра. Весь расчет строится на том, что в море они находятся с наветренной стороны, и когда ветер крепчает, он гонит их прямо к шхуне. Но теперь, среди разгулявшейся стихии, у Лича и Джонсона не было иного выхода, как искать убежища на "Призраке", и они вступили в отчаянную борьбу, направив шлюпку против ветра. При такой волне они с трудом пробились вперед. Каждую минуту им грозила гибель

среди разъяренных валов. Снова и снова видели мы, как лодка зарывается носом в белопенные гребни и ее, словно щепку, отбрасывает назад.

Но Джонсон был превосходным моряком и со шлюпкой умел управляться не хуже, чем со шхуной. Часа через полтора он почти поровнялся с нами и прошел у нас за кормой, рассчитывая следующим галсом подойти к шхуне.

— Значит, вы передумали? — услышал я голос Волка Ларсена и не понял — то ли он бормочет про себя, то ли обращается к людям в шлюпке, словно они могут его слышать. — Вы не прочь вернуться на шхуну, а? Ну что ж, попытайтесь, попытайтесь!

— Руль под ветер! — скомандовал он Уфти-Уфти, который тем временем сменил Луиса.

Команда следовала за командой. Потравили фока и грота-шкоты, и шхуна, прыгая по волнам, быстро рванулась вперед с сильным попутным ветром, как раз в ту минуту, когда Джонсон, пренебрегая опасностью, потравил шкот и прошел у нас за кормой футах в ста. Волк Ларсен снова громко рассмеялся и помахал рукою, приглашая шлюпку следовать за нами. Его намерение было очевидно: он решил поиграть с ними, думал я, дать им хороший урок вместо побоев. Но это был очень опасный урок, так как шлюпку в любую минуту могло захлестнуть волной.

Джонсон быстро повернул шлюпку и погнался за нами. Ему больше ничего не оставалось. Смерть подстерегала их со всех сторон. Рано или поздно одна из этих огромных волн обрушится на шлюпку, перекатит ее через нее и все будет кончено.

— То-то им сейчас, поди, тошно — у смерти-то в лапах, — шепнул мне Луис, когда я проходил мимо, чтобы отдать приказ убрать бом-кливер и стаксель.

— Ну, он скоро ляжет в дрейф и подберет их, — бодро сказал я. — Решил, как видно, проучить их.

Луис многозначительно посмотрел на меня.

— Вы так думаете? — спросил он.

— Конечно, — отвечал я. — А вы?

— Я теперь думаю только об одном — о собственной шкуре, — был его ответ. — И не перестаю дивиться, как все складывается. В хорошую историю попал я из-за лишнего стаканчика в Фриско. Но вы-то влопа-

лись и того хуже — из-за этой дамочки. Будто я вас не знаю! Видали мы таких простаков!

— Что вы хотите этим сказать? — поспешно спросил я, так как, выпустив этот заряд, он уже двинулся прочь.

— Что я хочу сказать? — воскликнул он. — Не вам бы об этом спрашивать! Неважно, что хочу сказать я, важно, что скажет Волк. Волк, да, да, Волк!

— Если заварится каша, вы будете на моей стороне? — невольно вырвалось у меня, ибо он выразил то, что в душе боялся я сам.

— На вашей стороне? Я буду на стороне старого толстого Луиса. Это еще все пустяки, только начало, говорю вам.

— Не думал я, что вы такой трус, — укорил я его. Он окинул меня презрительным взглядом.

— Если я пальцем не пошевелил, чтобы помочь этому дурню, — он кивнул в сторону крошечного паруса где-то так за кормой, — так неужто вы думаете, что я дам проломить себе башку из-за какой-то дамочки, которой и в глаза-то не видал?

Я отвернулся, возмущенный, и пошел на корму.

— Уберите топсея, мистер Ван-Вейден, — сказал мне Волк Ларсен, когда я поднялся на ют.

Услышав это приказание, я несколько успокоился за судьбу беглецов. Было ясно, что капитан не имеет намерения слишком удалиться от них. Эта мысль приободрила меня, и я быстро исполнил его распоряжение. Едва успел я отдать команду, как одни матросы уже бросились к фалам и ниралам, а другие полезли вверх по вантам. Волк Ларсен заметил их усердие и мрачно улыбнулся. И все же расстояние между шхунной и шлюпкой продолжало увеличиваться, и только когда шлюпка отстала на несколько миль, мы легли в дрейф и стали поджидать ее. Все с тревогой следили за ее приближением. Один Волк Ларсен оставался невозмутим. Даже у Луиса, пристально вглядывавшегося вдаль, отразилось на лице беспокойство, которого он не сумел скрыть.

Шлюпка подходила все ближе и ближе, точно живое существо, рывками пробираясь среди зеленых бурлящих волн. Она то раскачивалась на гребнях огромных валов, то скрывалась из глаз, чтобы через секунду снова взлететь на гребень. Казалось непос-

тижимым, что она еще цела, и всякий раз появление, сопровождавшееся очередным головокружительным взлетом, воспринималось как чудо. Налетел шквал с дождем, и из-за колышущейся водяной завесы вдруг вынырнула шлюпка — почти вровень с нами.

— Руль на борт! — заорал Волк Ларсен и, бросившись к штурвалу, сам резко повернул его.

И снова "Призрак" рванулся вперед и помчался по ветру, и еще в продолжение двух часов Джонсон и Лич гнались за нами. А мы опять ложились в дрейф и потом вновь уносились вперед, и все это время лоскут паруса метался где-то за кормой, то взлетая к небу, то проваливаясь в пучину. Он был от нас всего в четверти мили, когда налетел новый шквал и за пеленой дождя парус совсем скрылся из глаз. Больше мы его не видели. Ветер разогнал облака, но уже нигде среди волн не маячил жалкий обрывок паруса. На миг мне показалось, что на высоком гребне мелькнуло черное днище шлюпки. И это было все. Земные труды Джонсона и Лича пришли к концу.

Команда продолжала толпиться на палубе. Никто не спускался вниз, никто не произносил ни слова. Люди не осмеливались взглянуть друг другу в глаза. Все, казалось, были так ошеломлены случившимся, что не могли еще прийти в себя, осознать до конца то, что произошло. Но Волк Ларсен не оставил им времени на размышления. Он сразу же приказал положить шхуну на курс — и не на Йокогаму, а на котиловые лежбища. Теперь, натягивая снасти, матросы работали вяло, угрюмо, и я слышал, как с губ их срывались проклятья — такие же угрюмые и вялые. Другое дело охотники. Неунывающий Смок уже принялся рассказывать какую-то историю, и они спустились в свой кубрик, дружно гогоча.

Направляясь на корму, я увидел спасенного нами механика. Он шагнул ко мне; лицо его было бледно, губы дрожали.

— Помилуй бог, сэр! На какое судно мы попали? — воскликнул он.

— Вы не слепой, сами все видели, — отвечал я почти грубо, так как сердце у меня сжималось от боли и страха.

— Где же ваше обещание? — обратился я к Волку Ларсену.

— Я ведь не обещал взять их на борт — я вовсе не имел этого в виду, — отвечал он. — И как-никак вы должны признать, что я "и пальцем к ним не притронулся".

И, рассмеявшись, он повторил:

— Нет, нет, я и пальцем к ним не притронулся!

Я промолчал. Я был слишком ошеломлен и не мог вымолвить ни слова. Мне надо было собраться с мыслями. Я чувствовал на себе ответственность за женщину, которая спала сейчас там, внизу в каюте, и отчетливо сознавал только одно: нельзя действовать опрометчиво, если я хочу хоть чем-нибудь быть ей полезен.

Глава двадцатая

День закончился без новых происшествий. Небольшой шторм, "промочив нам жабры", начал затихать. Механик и трое смазчиков после горячей перепалки с Волком Ларсеном были все же распределены по шлюпкам под начало охотников и назначены на вахты на шхуне, для чего их экипировали в разное старье, отыскавшееся на складе. После этого, продолжая протестовать, хотя и не очень громко, они спустились в кубрик на баке. Они были уже основательно напуганы тем, что им привелось наблюдать, и характер Волка Ларсена становился им в какой-то мере ясен, а то, что они слышали здесь о капитане от матросов, окончательно отбило у них охоту бунтовать.

Мисс Брустер — имя ее мы узнали от механика — все еще спала. За ужином я попросил охотников говорить тише, чтобы не потревожить ее. Она вышла из своей каюты лишь на следующее утро. Я было распорядился, чтобы ей подали отдельно, но Волк Ларсен тотчас наложил на это запрет.

— Кто она такая, — заявил он, — чтобы гнушаться кают-компанией?

Появление нашей пассажирки за столом привело к довольно комичным результатам. Охотники тотчас

примолкли, точно воды в рот набрали. Только Джек Хорнер и Смок не проявляли смущения: они украдкой поглядывали на пассажирку и даже пытались принять участие в разговоре. Остальные четверо уткнулись в свои тарелки и жевали задумчиво и не торопясь; уши их двигались в такт с челюстями, как у животных.

Вначале Волк Ларсен говорил мало, разве что отвечал на вопросы. Нельзя сказать, чтобы он был смущен, — отнюдь нет. Но в мисс Брустер он видел женщину нового для него типа, незнакомой ему породы, и его любопытство было задето. Он внимательно изучал ее — почти не отрывал глаз от ее лица или следил за движением ее рук и плеч. Сам я тоже наблюдал за нею, и хотя разговор в сущности поддерживал один я, мне трудно было избавиться от некоторого чувства робости и растерянности. Волк Ларсен, наоборот, держался совершенно непринужденно. Он был исполнен такой уверенности в себе, которую ничто не могло поколебать. Женщин он боялся ничуть не больше, чем шторма или драки.

— Когда же мы будем в Иокогаме? — спросила она вдруг, повернувшись к капитану и взглянув ему прямо в глаза.

Вопрос был задан без обиняков. Все челюсти сразу перестали жевать, уши перестали шевелиться, и хотя глаза у всех по-прежнему были устремлены в тарелки, каждый ждал ответа с напряженным и жадным вниманием.

— Месяца через четыре, а может, и через три, если сезон окончится рано, — отвечал Волк Ларсен.

Она нервно глотнула и неуверенно проговорила:

— А я считала... мне сказали, что до Иокогамы всего сдни сутки пути. Вы... — Она запнулась, и глаза ее бежали круг ничего не выражавших лиц, склоненных над тарелками. — Вы не имеете права так поступать, — закончила она.

— Этот вопрос вам лучше обсудить с мистером Ван-Вейденом, — отвечал капитан, насмешливо кивнув в мою сторону. — Он у нас специалист по вопросам права. А я — простой моряк и смотрю на дело иначе. Вам, быть может, покажется несчастьем то, что вы должны остаться с нами, но для нас это, несомненно, большое счастье.

Он, улыбаясь, глядел на нее, и она опустила глаза, но тут же снова подняла их и с вызовом посмотрела на меня. Я прочел в ее взгляде немой вопрос: прав ли он? Но я уже заранее решил, что должен для виду занимать нейтральную позицию, и промолчал.

— Каково ваше мнение? — спросила она.

— Вам не повезло, особенно если вас ждут сейчас неотложные дела. Но раз вы говорите, что предприняли путешествие в Японию с целью поправить здоровье, то, смею вас уверить, на борту "Призрака" вы окрепнете, как нигде.

В ее взгляде вспыхнуло негодование, и на этот раз потупиться пришлось мне; я чувствовал, что у меня горят щеки. Я вел себя как трус, но другого выхода не было.

— Ну, тут мистеру Ван-Вейдену и карты в руки, — рассмеялся Волк Ларсен.

Я кивнул, а мисс Брустер уже овладела собой и молча ждала, что последует дальше.

— Нельзя сказать, чтобы он стал здоровяком, — продолжал Волк Ларсен, — но он изменился к лучшему, поразительно изменился. Посмотрели бы вы на него, когда он только появился на шхуне. Жалкий, щупленький человечешко — смотреть не на что. Верно, Керфут?

Керфут был так захвачен врасплох этим неожиданным обращением к нему, что уронил на пол нож и промычал в знак согласия что-то маловразумительное.

— Чистка картофеля и мытье посуды пошли ему впрок. Так, что ли, Керфут?

Сей достойный муж снова промычал что-то.

— Поглядите на него сейчас. Силачом его, правда, не назовешь, но все же у него появились мускулы, чего раньше и в помине не было. И теперь он довольно твердо стоит на ногах. А вначале, поверите ли, совершенно не мог обходиться без посторонней помощи.

Охотники посмеивались, но сочувственный взгляд девушки вознаградил меня с лихвой за все издевательства Волка Ларсена. По правде говоря, я так давно не встречал ни в ком участия, что теперь оно глубоко тронуло меня, и я сразу стал ее добровольным рабом. Но на Волка Ларсена я был зол. Своими оскорблениями он бросал вызов моему мужскому до-

стойнству, как бы подстрекая меня доказать, насколько твердо я стою на ногах, — ведь этим, по его словам, я был обязан ему.

— Возможно, что стоять на ногах я уже научился, — отпарировал я, — а вот попирать людей ногами — к этому еще не привык.

Он пренебрежительно поглядел на меня.

— Значит, ваше перевоспитание еще далеко не закончено, — сухо обронил он и повернулся к мисс Брустер: — Мы здесь на "Призраке" очень гостеприимны. Мистер Ван-Вейден уже убедился в этом. Мы идем на все, лишь бы наши гости чувствовали себя как дома. Не так ли, мистер Ван-Вейден?

— Даже разрешаете им чистить картофель и мыть посуду, не говоря уже о том, что порой хватаете их за горло, в знак особого дружеского расположения.

— Боюсь, что со слов мистера Ван-Вейдена вы можете составить себе превратное представление о нас, — с притворным беспокойством перебил меня Волк Ларсен. — Заметьте, мисс Брустер, что он носит на поясе тесак, а это, гм, вещь довольно необычная для помощника капитана. Вообще мистер Ван-Вейден человек, достойный всяческого уважения, но иногда он, как бы это сказать, бывает довольно неуживчив, и тогда приходится прибегать к крутым мерам. Впрочем, в спокойные минуты он достаточно рассудителен и справедлив, как, например, сейчас, и, вероятно, не станет отрицать, что лишь вчера грозил убить меня.

Я чуть не задохнулся от возмущения, и глаза мои, верно, пылали. Ларсен указал на меня.

— Вот, посмотрите на него! Он еле сдерживается, даже в вашем присутствии. Конечно, он не привык к женскому обществу! Придется и мне вооружиться, иначе я не рискну выйти вместе с ним на палубу.

— Прискорбно, прискорбно, — помолчав, пробормотал он, в то время как охотники покатывались со смеху.

Осипшие от морского ветра голоса этих людей и раскаты их грубого хохота звучали зловеще и дико. Да и все кругом было диким. И, глядя на эту женщину, такую далекую и чуждую всем нам, я впервые осознал, насколько сам я сжился с этой средой. Я успел хорошо узнать этих людей, узнать их мысли и чувства; я стал одним из них, жил их жизнью — жизнью морских

промыслов, питался, как все на морских промыслах, и был погружен в те же заботы. И это уже не казалось мне странным, как не казалась странной эта грубая одежда и грубые лица, дикий смех, ходившие ходуном переборки каюты и раскачивающиеся лампы.

Намазывая маслом ломоть хлеба, я случайно остановил взгляд на своих руках. Суставы были ободраны в кровь и воспалены, пальца распухли, под ногтями — грязь. Я знал, что оброс густой щетинистой бородой, что рукав моей куртки лопнул по шву, что у ворота грубой синей рубахи не хватает пуговицы. Тесак, о котором упомянул Волк Ларсен, висел в ножнах у пояса. До сих пор это казалось мне вполне естественным, и только сейчас, взглянув на все глазами Мод Брустер, я понял, насколько дикий, должно быть, у меня вид — и у меня и у всех окружающих.

Она почувствовала насмешку в словах Волка Ларсена и снова бросила мне сочувственный взгляд. Но я заметил, что она смущена. Ироническое отношение ко мне Волка Ларсена заставило ее еще больше встревожиться за свою судьбу.

— Быть может, меня возьмет на борт какой-нибудь встречный пароход? — промолвила она.

— Никаких пароходов, кроме охотничьих шхун, вы здесь не встретите, — возразил Волк Ларсен.

— Но у меня нет одежды, нет ничего необходимого, — сказала она. — Вы, верно, забываете, сэр, что я не мужчина и не привыкла к той кочевой жизни, которую, видимо, ведете вы и ваши люди.

— Чем скорее вы привыкнете к ней, тем лучше, — отвечал Волк Ларсен. — Я дам вам материю, иголку и нитки, — помолчав, добавил он. — Надеюсь, для вас не составит слишком большого труда сшить себе одно-два платья.

Она криво усмехнулась, давая понять, что не искушена в швейном искусстве. Мне было ясно, что она испугана и сбита с толку, но отчаянно старается не подавать виду.

— Надо полагать, вы, вроде нашего мистера Ван-Вейдена, привыкли, чтобы за вас все делали другие. Думаю все же, что ваше здоровье не пострадает, если вы будете кое-что делать для себя сами. Кстати, чем вы зарабатываете на жизнь?

Она поглядела на него с нескрываемым изумлением.

— Не в обиду вам будет сказано, но людям ведь надо есть и они должны как-то добывать себе пропитание. Эти вот бьют котиков, тем и живут, я управляю своей шхуной, а мистер Ван-Вейден, по крайней мере сейчас, добывает свой харч, помогая мне. А вы чем занимаетесь?

Она пожала плечами.

— Вы сами кормите себя? Или это делает за вас кто-то другой?

— Боюсь, что большую часть жизни меня кормили другие, — засмеялась она, мужественно стараясь попасть ему в тон, но я видел, как в ее глазах, которые она не сводила с него, растет страх.

— Верно и постель вам стлали другие?

— Мне случалось и самой делать это.

— Часто?

Она покачала головой с шутливым раскаянием.

— А вы знаете, как поступают в Соединенных Штатах с бедняками, которые, подобно вам, не зарабатывают себе на хлеб?

— Я очень невежественна, — жалобно проговорила она. — Что же там делают с такими, как я?

— Сажают в тюрьму. Их преступление заключается в том, что они не зарабатывают на пропитание, и это называется бродяжничеством. Будь я мистером Ван-Вейденом, который вечно рассуждает о том, что справедливо и что нет, я бы спросил вас: по какому праву вы живете на свете, если вы не делаете ничего, чтобы оправдать свое существование?

— Но вы не мистер Ван-Вейден, и я не обязана отвечать вам, не так ли?

Она насмешливо улыбнулась, хотя в глазах у нее по-прежнему стоял страх, и у меня сжалось сердце — так это было трогательно. Я чувствовал, что должен вмешаться и направить разговор в другое русло.

— Заработали вы хоть доллар собственным трудом? — тоном торжествующего обличителя спросил капитан, заранее уверенный в ее ответе.

— Да, заработала, — отвечала она не спеша, и я чуть не расхохотался, увидев, как вытянулось лицо Волка Ларсена. — Помнится, когда я была совсем

маленькой, отец дал мне доллар за то, что я целых пять минут просидела смирно.

Он снисходительно улыбнулся.

— Но это было давно, — продолжала она, и навряд ли вы станете требовать, чтобы девятилетняя девочка зарабатывала себе на хлеб.

И, немного помедлив, она добавила:

— А сейчас я зарабатываю около тысячи восьмисот долларов в год.

Все, как по команде, оторвали глаза от тарелок и уставились на нее. На женщину, зарабатывающую тысячу восемьсот долларов в год, стоило посмотреть! Волк Ларсен не скрывал своего восхищения.

— Это жалованье или сдельно? — спросил он.

— Сдельно, — тотчас отвечала она.

— Тысяча восемьсот. Полтора ста долларов в месяц, — подсчитал он. — Ну что ж, мисс Брустер. У нас здесь на "Призраке" широкий размах. Считайте себя на жалованье все время, пока вы остаетесь с нами.

Она ничего не ответила. Неожиданные выверты этого человека были для нее еще внове, и она не знала, как к ним отнестись.

— Я забыл спросить о вашей профессии, — вкрадчиво продолжал он. — Какие предметы вы изготавливаете? Какие вам потребуются материалы и инструменты?

— Бумага и чернила, — рассмеялась она. — Ну и, разумеется, пишущая машинка!

— Так вы — Мод Брустер! — медленно и уверенно проговорил я, словно обвиняя ее в преступлении.

Она с любопытством взглянула на меня.

— Почему вы так думаете?

— Ведь я не ошибся? — настаивал я.

Она кивнула. Теперь уже Волк Ларсен был озадачен. Это магическое имя ничего не говорило ему. Я же гордился тем, что мне оно говорило очень много, и впервые за время этой томительной беседы почувствовал свое превосходство.

— Помнится, мне как-то пришлось писать рецензию на маленький томик... начал я небрежно, но она перебила меня.

— Вы? — воскликнула она. — Так вы...

Она смотрела на меня во все глаза.

Я кивком подтвердил ее догадку

— Хэмфри Ван-Вейден! — закончила она со вздохом облегчения и, бросив невольный взгляд в сторону Волка Ларсена, воскликнула: — Как я рада!..

Ощувив некоторую неловкость, когда эти слова сорвались у нее с губ, она поспешила добавить:

— Я помню эту чересчур лестную для меня рецензию...

— Вы не правы, — галантно возразил я. — Говоря так, вы сводите на нет мою беспристрастную оценку и ставите под сомнение мои критерии. А ведь все наши критики было согласны со мной. Разве Лэнг не отнес ваш "Вынужденный поцелуй" к числу четырех лучших английских сонетов, вышедших из-под пера женщины?

— Но вы сами при этом называли меня американской миссис Мейнелл!¹

— А разве это неверно?

— Не в том дело, — отвечала она. — Просто, мне было обидно.

— Неизвестное измеримо только через известное, — пояснил я в наилучшей академической манере. — Я, как критик, обязан был тогда определить ваше место в литературе. А теперь вы сами стали мерой вещей. Семь ваших томиков стоят у меня на полке, а рядом с ними — две книги потолще — очерки, о которых я, если позволите, скажу, что они не уступают вашим стихам, причем я, пожалуй, не возьмусь определить, для каких ваших произведений это сопоставление более лестно. Недалеко то время, когда в Англии появится никому не известная поэтесса и критики назовут ее английской Мод Брустер.

— Вы, право, слишком любезны, — мягко проговорила она, и сама условность этого оборота и манера, с которой она произнесла эти слова, пробудили во мне множество ассоциаций, связанных с моей прежней жизнью далеко, далеко отсюда. Я был глубоко взволнован. И в этом волнении была не только сладость воспоминаний, но и внезапная острая тоска по дому.

— Итак, вы — Мод Брустер! — торжественно произнес я, глядя на нее через стол.

¹ *Мейнелл, Алиса (1847-1922) — английская поэтесса и литературный критик.*

— Итак, вы — Хэмфри Ван-Вейден! — отозвалась она, глядя на меня столь же торжественно и с уважением. — Как все это странно! Ничего не понимаю. Может быть, надо ожидать, что из-под вашего трезвого пера выйдет какая-нибудь безудержно романтическая морская история?

— О нет, уверяю вас, я здесь не занимаюсь собиранием материала, — отвечал я. — У меня нет ни способностей, ни склонности к беллетристике.

— Скажите, почему вы погребли себя в Калифорнии? — спросила она, помолчав. — Это, право, нелюбезно с вашей стороны. Вас, нашего второго "наставника американской литературы"¹, почти не было видно у нас на Востоке.

Я ответил на ее комплимент поклоном, но тут же возразил:

— Тем не менее я однажды чуть не встретился с вами в Филадельфии. Там отмечали какой-то юбилей Броунинга, и вы выступали с докладом. Но мой поезд опоздал на четыре часа.

Мы так увлеклись, что совсем забыли окружающее, забыли о Волке Ларсене, безмолвно внимавшем нашей беседе. Охотники поднялись из-за стола и ушли на палубу, а мы все сидели и разговаривали. Один Волк Ларсен остался с нами. Внезапно я снова ощутил его присутствие: откинувшись на стуле, он с любопытством прислушивался к чужому языку неведомого ему мира.

Я оборвал незаконченную фразу на полуслове. Настоящее, со всеми его опасностями и тревогами, грозно встало предо мной. Мисс Брустер, видимо, почувствовала то же, что и я: она взглянула на Волка Ларсена, и я снова прочел затаенный ужас в ее глазах. Ларсен встал и деланно рассмеялся. Смех его звучал холодно и безжизненно.

— О, не обращайтесь на меня внимания! — сказал он, с притворным самоуничижением махнув рукой. — Я в счет не иду. Продолжайте, продолжайте, прошу вас!

Но поток нашего красноречия сразу иссяк, и мы тоже натянуто рассмеялись и встали из-за стола.

¹ "Н а с т а в н и к а м е р и к а н с к о й л и т е р а т у р ы" — эпитет, некогда применявшийся к Ральфу Уолдо Эмерсону (1803—1882), американскому поэту и публицисту.

Волк Ларсен был чрезвычайно раздосадован тем, что мы с Мод Брустер не обращали на него внимания во время нашей застольной беседы, и ему нужно было сорвать на ком-то злобу. Жертвой ее пал Томас Магридж. Кок не изменил своим привычкам, как не сменил он и своей рубашки. Насчет рубашки он, впрочем, утверждал обратное, но вид ее опровергал его слова. Засаленные же кастрюли и сковородки и грязная плита так же отнюдь не свидетельствовали о том, что камбуз содержится в чистоте.

— Я тебя предупреждал, — сказал ему Волк Ларсен. — Теперь пеняй на себя.

Лицо Магриджа побледнело под слоем сажи, а когда Волк Ларсен позвал двух матросов и велел принести конец, злополучный кок выскочил, как ошпаренный, из камбуза и заметался по палубе, увиливая от матросов, с хохотом пустившихся за ним в погоню. Вряд ли что-нибудь могло доставить им большее удовольствие. У всех чесались руки выкупать его в море, ведь именно в матросский кубрик посылал он самую омерзительную свою стряпню. Погода благоприятствовала затее. "Призрак" скользил по тихой морской глади со скоростью не более трех миль в час. Но Магридж был не из храброго десятка, и купанье ему не улыбалось. Возможно, ему уже доводилось видеть, как провинившихся тащат за кормой на буксире. К тому же вода была холодна, как лед, а кок не мог похвалиться крепким здоровьем.

Как всегда в таких случаях, подвахтенные и охотники высыпали на палубу, предвкушая потеху. Магридж, должно быть, смертельно боялся воды и проявил такую юркость и проворство, каких никто от него не ожидал. Загнанный в угол между камбузом и ютом, он, как кошка, вскочил на палубу рубки и побежал к корме. Матросы бросились ему наперерез, но он повернул, промчался по крышке рубки, перескочил на камбуз и спрыгнул на палубу. Тут он понесся на бак, преследуемый по пятам гребцом Гаррисоном. Тот уже почти настиг его, как вдруг Магридж подпрыгнул, ухватился за снасти и, повиснув на них, выбросил

вперед обе ноги и угодил подбежавшему Гаррисону в живот. Матрос глухо охнул, согнулся пополам и повалился на палубу.

Охотники приветствовали подвиг кока аплодисментами и взрывом хохота, а Магридж, увернувшись у фок-мачты от доброй половины своих преследователей, опять побежал к корме, проскальзывая между остальными матросами, как нападающий между игроками на футбольном поле. Кок стремительно мчался по юту к корме. Он удирал с такой поспешностью, что, заворачивая за угол рубки, поскользнулся и упал. У штурвала стоял Нилсон, и кок, падая, сшиб его с ног. Оба покатались по палубе, но встал один Магридж. По странной игре случая, его тщедушное тело не пострадало, а здоровенный матрос при этом столкновении сломал себе ногу.

К штурвалу стал Парсонс, и преследование продолжалось. Магридж, обезумев от страха, носился по всему судну — с носа на корму и обратно. Матросы с криками, с улюлюканьем гонялись за ним, а охотники гоготали и подбадривали кока: У носового люка на Магриджа навалились было трое матросов, но он тут же, как угорь, выскользнул из-под этой кучи тел и с окровавленной губой и разодранной в клочья рубашкой — виновницей всех его бед — прыгнул на готванты. Он карабкался все выше и выше, на самую верхушку мачты.

Человек шесть матросов преследовали его до салинга, где часть их и осталась, выжидая, а дальше, по тонким стальным штагам, полезли, подтягиваясь на руках, только двое — Уфти-Уфти и Блэк, гребец Лэ-тимера.

Это было рискованное предприятие: они висели в воздухе в ста футах над палубой, и в таком положении им трудно было защищаться от ног Магриджа. А тот лягался, и весьма свирепо. Наконец, Уфти-Уфти, держась одной рукой, изловчился и схватил кока за ногу, и почти тотчас Блэк схватил его за другую ногу, и все трое, сплетясь в один качающийся клубок и продолжая бороться, начали скользить вниз, пока не свалились прямо на руки поджидавших их на салинге товарищей.

Борьба в воздухе окончилась, и Томаса Магриджа спустили на палубу. Он визжал и выкрикивал что-то

невнятное, на губах у него выступила кровавая пена. Волк Ларсен завязал пятлю на конце троса и продел ее подмышки коку. Затем Магриджа потащили на корму и швырнули за борт. Трос начали травить: сорок, пятьдесят, шестьдесят футов, — и только тогда Волк Ларсен крикнул:

— Довольно!

Уфти-Уфти закрепил трос. "Призрак" качнуло носом вниз, трос натянулся и вытащил кока на поверхность.

Нельзя было не пожалеть беднягу. Пусть он и не мог утонуть, пусть даже у него, как у кошки, было "девять жизней", но он испытывал все муки утопающего. "Призрак" шел медленно; когда волна поднимала корму и судно скользило носом вниз, трос вытаскивал несчастного на поверхность и он мог немного отдышаться; но затем судно начинало лениво взбираться на другую волну, корма опускалась, трос ослабевал, и кок снова погружался в воду.

Я совсем забыл о существовании Мод Брустер и вспомнил о ней лишь в ту минуту, когда она внезапно появилась рядом со мной. Она подошла так неслышно, что я вздрогнул от неожиданности, увидев ее. Она впервые показывалась на палубе, и команда встретила ее гробовым молчанием.

— Что тут за веселье? — спросила она.

— Спросите капитана Ларсена, — холодно отвечал я, стараясь сохранить самообладание, хотя вся кровь во мне закипела при мысли, что женщине предстоит стать свидетельницей этой жестокой потехи.

Мод Брустер повернулась, чтобы последовать моему совету, и взгляд ее упал на Уфти-Уфти. Он стоял в двух шагах от нее, держа в руке конец троса, вся его подобранная, настороженная фигура дышала природным изяществом.

— Вы ловите рыбу? — спросила она матроса.

Он не отвечал. Глаза его, внимательно оглядывавшие море за кормой, внезапно расширились.

— Акула, сэр! — крикнул он.

— Тащи! Живо! Берись все разом! — скомандовал Волк Ларсен, и сам, опередив других, подскочил к тросу.

Магридж услышал предостерегающий крик Уфти-Уфти и дико заорал. Я уже мог разглядеть черный

плавник, рассекавший воду и настигавший кока быстрее, чем мы успевали подтаскивать его к шхуне. У нас и у акулы шансы были равны — вопрос решали доли секунды. Когда Магридж был уже под самой кормой, нос шхуны взмыл на гребень волны. Корма опустилась, и это дало преимущество акуле. Плавник скрылся, в воде мелькнуло белое брюхо. Волк Ларсен действовал почти столь же стремительно. Всю свою силу он вложил в один могучий рывок. Тело кока взвилось над водой, а за ним высунулась голова хищника. Магридж поджал ноги. Акула, казалось, едва коснулась одной из них и тут же с всплеском ушла под воду. Но в этот миг Томас Магридж издал пронзительный вопль. В следующую секунду он, как пойманная на удочку рыба, перелетел через борт, упал на четвереньки и перекувырнулся раза два.

На палубу брызнул фонтан крови. Правой ступни Магриджа как не бывало: акула отхватила ее по самую щиколотку. Я взглянул на Мод Брустер. Ее лицо побелело, глаза расширились от ужаса. Но она смотрела не на Томаса Магриджа, а на Волка Ларсена. Он заметил это и сказал с обычным коротким смешком:

— У мужчин свои развлечения, мисс Брустер. Может, они грубее, чем те, к которым вы привыкли, но это наши, мужские развлечения. Акула не входила в расчет. Она...

В этот миг Магридж приподнял голову и, оценив размеры своей потери, переполз по палубе и со всей мочи впился зубами в ногу капитана. Ларсен спокойно нагнулся и большим и указательным пальцами сдавил ему шею чуть пониже ушей. Челюсти кока медленно разжались, и Ларсен высвободил ногу.

— Как я уже сказал, — продолжал он, будто ничего не произошло, — акула не входила в расчет. То была... ну, скажем, воля провидения!

Мод Брустер словно не слышала его слов, но в глазах у нее появилось новое выражение — гнева и отвращения. Она хотела уйти, сделала шага два, пошатнулась и протянула ко мне руку. Я подхватил ее и усадил на палубу рубки. Я боялся, что она лишится чувств, но она овладела собой.

— Принесите турникет, мистер Ван-Вейден, — крикнул мне Волк Ларсен.

Я колебался. Губы мисс Брустер зашевелились, и хотя она не могла вымолвить ни слова, ее глаза ясно приказывали мне прийти на помощь пострадавшему.

— Прошу вас! — собравшись с силами, пробормотала она, и я не мог послушаться.

Я уже приобрел некоторый навык в хирургии, и Волк Ларсен, дав мне в помощь двоих матросов и сделав несколько указаний, тут же занялся другим делом — он решил отомстить акуле. За борт бросили на тросе массивный крюк, насадив на него в качестве приманки жирный кусок солонины. Я едва успел зажать Магриджу все поврежденные вены и артерии, как матросы, помогая себе песней, уже вытаскивали провинившегося хищника из воды.

Я не видел, что происходило у грот-мачты, но мои "ассистенты" поочередно бегали туда поглядеть. Шестнадцатифутовую акулу подтянули к грот-вантам. Рычагами ей до предела раздвинули челюсти, вставили в пасть заостренный с обоих концов крепкий кол, и челюсти уже не могли сомкнуться. После этого, вытащив из пасти засевший там крюк, акулу бросили в море. Все еще полная сил, но совершенно беспомощная, она была обречена на медленную голодную смерть, которой заслуживала куда меньше, чем человек, придумавший для нее эту кару.

Глава двадцать вторая

Когда Мод Брустер направилась ко мне, я уже знал, о чем пойдет речь. Минут десять я наблюдал, как она толкует о чем-то с механиком, и теперь молча поманил ее в сторону, подальше от рулевого. Лицо ее было бледно и решительно, глаза, расширившиеся от волнения, казались особенно большими и смотрели на меня испытующе. Я почувствовал какую-то робость и даже страх, так как знал, что она хочет заглянуть в душу Хэмфри Ван-Вейдена, а Хэмфри Ван-Вейден едва ли мог особенно гордиться собой, с тех пор как ступил на борт "Призрака".

Мы подошли к краю юта, и девушка повернулась и взглянула на меня в упор. Я осмотрелся — не подслушивают ли нас.

— В чем дело? — участливо спросил я, но лицо ее оставалось все таким же решительным и суровым.

— Я готова допустить, — начала она, — что утреннее происшествие было просто несчастным случаем. Но я только что говорила с мистером Хэскинсом. Он рассказал мне, что в тот день, когда нас спасли, в то самое время, когда я спала в каюте, двух человек утопили, преднамеренно утопили, попросту говоря — убили.

В голосе ее звучал вопрос, и она все так же смотрела на меня в упор, словно обвиняя в этом преступлении или по крайней мере в соучастии в нем.

— Вам сказали правду, — отвечал я. — Их действительно убили.

— И вы допустили это! — воскликнула она.

— Вы хотите сказать, что я не смог этого предотвратить? — мягко возразил я.

— Но вы пытались? — она сделала ударение на "пытались"; в голосе ее звучала надежда. — Да нет, вы и не пытались! — тут же добавила она, предвосхитив мой ответ. — Но почему же?

Я пожал плечами.

— Не забывают, мисс Брустер, что вы еще совсем недавно попали сюда и не знаете, какие тут царят законы. Вы принесли с собой некие высокие понятия о гуманности, чести, благородстве и тому подобных вещах. Но вы скоро убедитесь, что здесь им нет места. — И, помолчав, я присовокупил с невольным вздохом: — Мне уже пришлось убедиться в этом.

Она недоверчиво покачала головой.

— Чего же вы хотите? — спросил я. — Чтобы я взял нож, ружье или топор и убил этого человека?

Она испуганно отшатнулась.

— Нет, только не это!

— Так что же? Убить себя?

— Почему вы все говорите только о физическом воздействии? — возразила она. — Ведь существует еще духовное мужество, и оно всегда оказывало свое влияние.

— Так, — улыбнулся я. — Вы не хотите, чтобы я убивал его или себя, но хотите, чтобы я позволил ему убить меня.

И, не дав ей возразить, я продолжал:

Духовное мужество — бесполезная добродетель в этом крохотном плавучем мирке, куда мы с вами попали. У одного из убитых, Лича, это мужество было развито необычайно сильно. Да и у второго, у Джонсона, — тоже. И это не принесло им добра — наоборот погубило их. Такая же судьба ждет и меня, если я вздумаю проявить то небольшое мужество, которое еще во мне осталось.

Вы должны понять, мисс Брустер, понять раз и навсегда, что Ларсен — это не человек, а чудовище. Он лишен совести. Для него нет ничего святого. Он не останавливается ни перед чем. По его прихоти меня насильно задержали на этой шхуне, и только по его прихоти я пока еще цел. Я ничего не предпринимаю и не могу предпринять, потому что я — раб этого чудовища, как и вы теперь его рабыня, потому что я хочу жить, как и вы хотите жить, и еще потому, что я не в состоянии бороться и победить его, как и вы этого не можете.

Она молчала, ожидая, что я скажу еще.

— Что же остается? Я в положении слабого. Я молчу и терплю унижения, как и вам придется молчать и терпеть. И это разумно. Это лучшее, что мы может сделать, если хотим жить. Победа не всегда достается сильному. У нас не хватит сил, чтобы открыто бороться с ним. Значит, мы должны действовать иначе и постараться победить его хитростью. И вы, если захотите последовать моему совету, должны будете поступать так. Я знаю, что мое положение опасно, но ваше, скажу вам откровенно, — еще опаснее. И мы должны стоять друг за друга и действовать сообща, но хранить наш союз в тайне. Может случиться, что я не смогу открыто поддержать вас; точно так же и вы должны молчать при любых оскорблениях, которые могут выпасть на мою долю. Нельзя перечить этому человеку и раздражать его. Как бы это нам ни претило, мы должны улыбаться и быть любезны с ним.

— Все же я не понимаю... — сказала она и с растерянным видом провела рукой по лбу.

— Послушайтесь меня, — решительно произнес я, заметив, что Волк Ларсен, который расхаживал по палубе, разговаривая с Лэтимером, начал поглядывать в нашу сторону. — Послушайтесь меня, и вы очень скоро убедитесь, насколько я прав.

— Так что же мне все-таки делать? — спросила она, заметив тревожный взгляд, брошенный мною на Волка Ларсена, и, по-видимому, поддавшись силе моих убеждений, что не могло не польстить мне.

— Прежде всего оставьте мысль о духовном мужестве, — поспешно сказал я. — Не восстанавливайте этого зверя против себя. Держитесь с ним приветливо, беседуйте о литературе и искусстве — такие темы он очень любит. Вы увидите, что он внимательный слушатель и отнюдь не дурак. И, ради самой себя, старайтесь не присутствовать при всевозможных зверствах, которые частенько повторяются на этом судне. Тогда вам легче будет играть свою роль.

— Так я должна лгать? — с возмущением произнесла она. — Лгать словами и поступками.

Волк Ларсен отошел от Лэтимера и направлялся к нам. Я был в отчаянии.

— Умоляю вас, поймите меня, — торопливо проговорил я, понизив голос. — Весь ваш жизненный опыт здесь ничего не стоит. Вы должны все начинать сызнова. Да, я знаю, я вижу, что вы привыкли вглядом подчинять себе людей. Я читаю в ваших глазах большое духовное мужество, и вы уже подчиняли себе меня, повелевали мной. Но не пытайтесь воздействовать таким путем на Волка Ларсена, — он только посмеется над вами. Скорее вам удалось бы укротить льва. Он станет... Я всегда гордился тем, что открыл этот талант, — поспешно свернул я разговор на другое, заметив, что Ларсен уже поднялся на ют и приближается к нам. — Редакторы побаивались его, издатели слышать о нем не хотели. Но я оценил его сразу и не ошибся: его гений показал себя в полном блеске, когда он выступил со своей "Кузницей".

— И подумать только, что это газетные стихи! — ловко подхватила мисс Брустер.

— Да, они действительно впервые увидели свет в газете, — подтвердил я, — но отнюдь не потому, что редакторам журналов не удалось заранее познакомиться с ними.

— Мы толковали о Гаррисе, — пояснил я, обращаясь к Волку Ларсену.

— А! — проронил он. — Помню я эту "Кузницу". Всякие красивые чувства и несокрушимая вера в иллюзии. Кстати, мистер Ван-Вейден, заглянули бы вы к нашему коку. Он воет от боли и мечется на койке.

Так меня бесцеремонно спровадили с юта к Магриджу; Магридж лежал, погруженный в крепкий сон после хорошей дозы морфия, которую я сам же ему дал. Но я не стал торопиться обратно на палубу, а когда поднялся, то почувствовал некоторое удовлетворение, увидав, что мисс Брустер оживленно беседует с капитаном. Значит, она все-таки последовала моему совету. Повторяю, я был доволен. И вместе с тем несколько огорчен и уязвлен: итак, она оказалась способной на то, о чем я ее просил и что так явно претило ей!

Глава двадцать третья

Крепкий попутный ветер дул ровно и гнал "Призрак" к северу, прямо на стада котиков. Мы встретились с ними почти у самой сорок четвертой параллели, в бурных холодных водах, над которыми ветер вечно терзает и рвет густую пелену тумана. Иногда мы целыми днями не видели солнца и не могли делать наблюдений. Потом ветер разгонял туман, вокруг нас снова искрились и сверкали волны, и мы могли определять свои координаты. Но после двух-трех дней ясной погоды туман опять стлался над морем и, казалось, еще более густой, чем прежде.

Охота была опасной. Но каждое утро шлюпки спускались на воду, туман тут же поглощал их, и мы уже не видели их до самого вечера, а то и до ночи, когда они, одна за другой, появлялись, наконец, из серой мглы, словно вереница морских призраков. Уэйн-райт — охотник, захваченный Волком Ларсеном вместе со шлюпкой и двумя матросами, — воспользовался туманом и бежал. Как-то утром он скрылся за плотной

пеленой тумана вместе со своими людьми, и больше мы их не видели. Вскоре мы узнали, что они, переходя со шхуны на шхуну, благополучно добрались до своего судна.

Я твердо решил последовать их примеру, но удобного случая все не представлялось. Помощнику капитана не положено выходить на шлюпке, и хотя я всячески пытался обойти это правило, Волк Ларсен не изменил заведенного порядка. Если бы этот план мне удался, я так или иначе сумел бы увезти с собой и мисс Брустер. Ее положение на шхуне все более усложнялось, и я со страхом думал о том, к чему это может привести. Как ни старался я гнать от себя эти мысли, они неотступно преследовали меня.

В свое время я перечитал немало морских романов, в которых неизменно фигурировала женщина — одна на корабле среди матросов, — но только теперь я понял, что никогда в сущности не вдумывался в эту ситуацию, хотя авторы и обыгрывали ее со всех сторон. И вот я сам столкнулся с таким же положением лицом к лицу и переживал его чрезвычайно остро. Ведь героиней была Мод Брустер — та самая Мод Брустер, чьи книги уже давно очаровывали меня, а теперь я испытывал на себе и всю силу ее личного обаяния.

Трудно было представить себе существо, более чуждое этой грубой среде. Это было нежное, эфирное создание. Тоненькая и гибкая, как тростинка, она отличалась удивительной легкостью и грацией движений. Мне чудилось, что эта девушка совсем не ступает по земле, — такой она казалась невесомой. Когда Мод Брустер приближалась ко мне, у меня всякий раз создавалось впечатление, что она не идет, а скользит по воздуху, как пушинка, или парит бесшумно, как птица.

Нежная и хрупкая, она походила на дрезденскую фарфоровую статуэтку, и было в этом что-то необычно трогательное. С той минуты, когда я, поддерживая ее под локоть, помог ей спуститься в каюту, мне постоянно казалось, что одно грубое прикосновение — и ее не станет. Никогда я не видел более полной гармонии тела и духа. Ее стихи называли утонченными и одухотворенными, но то же самое можно было сказать и о ее внешности. Казалось, ее тело приняло свойства

ее души, приобрело те же качества и служило лишь тончайшей нитью, связующей ее с реальной жизнью. Воистину, легки были ее шаги по земле и мало было в ней от сосуда скудельного.

Она являла разительный контраст Волку Ларсену. Между ними не только не было ничего общего, но они во всем были резко противоположны друг другу. Как-то утром, когда они гуляли вдвоем по палубе, я, глядя на них, подумал, что они стоят на крайних ступенях эволюции человеческого общества. Ларсен воплощал в себе первобытную дикость, Мод Брустер — всю утонченность современной цивилизации. Правда, Ларсен обладал необычайно развитым для дикаря интеллектом, но этот интеллект был целиком направлен на удовлетворение его звериных инстинктов и делал его еще более страшным дикарем. У него была великолепная мускулатура, мощное тело, но, несмотря на его грузность, шагал он легко и уверенно. В том, как он поднимал и ставил ногу, было что-то напоминавшее хищника в джунглях. Все его движения отличались кошачьей мягкостью и упругостью, но превыше всего в нем чувствовалась сила. Я сравнивал этого человека с огромным тигром, бесстрашным и хищным зверем. Да, он, несомненно, походил на тигра, и в глазах у него часто вспыхивали такие же свирепые огоньки, какие мне доводилось видеть в глазах у леопардов и других хищников, посаженных в клетку.

Сегодня, наблюдая за Ларсеном и мисс Брустер, когда они прохаживались взад и вперед по палубе, я заметил, что не он, а она положила конец прогулке. Они прошли мимо меня, направляясь к трапу в кают-компанию, и я сразу почувствовал, что мисс Брустер чем-то крайне встревожена, хотя и не подает виду. Взглянув на меня, она произнесла несколько ничего не значащих слов и рассмеялась довольно непринужденно, но глаза ее, словно помимо воли, обратились на Волка Ларсена, и хотя она тотчас опустила их, я успел заметить промелькнувший в них ужас.

Разгадку этого я прочел в его глазах. Серые, холодные, жестокие, глаза эти теплились сейчас мягким, золотистым светом. Казалось, в них пляшут крохотные искорки, которые то меркнут и затухают, то разгораются так, что весь зрачок полнится лучистым сиянием. Оттого, быть может, в них и был этот

золотистый свет. Они манили и повелевали, говорили о волнении в крови. В них горело желание — какая женщина могла бы этого не понять! Только не Мод Брустер!

Ее испуг передался мне, и в этот миг самого отчаянного страха, какой может испытать мужчина, я понял, как она мне дорога. И вместе с нахлынувшим на меня страхом росло сознание, что я люблю ее. Страх и любовь терзали мое сердце, заставляли кровь то леденеть, то бурно кипеть в жилах, и в то же время какая-то сила, над которой я был не властен, приковывала мой взгляд к Волку Ларсену. Но он уже овладел собой. Золотистый свет и пляшущие искорки погасли в его глазах, взгляд снова стал холодным и жестким. Он сухо поклонился и ушел.

— Мне страшно, — прошептала Мод Брустер, и по телу ее пробежала дрожь. — Как мне страшно!

Мне тоже было страшно, и я был в полном смятении, поняв, как много она для меня значит. Все же, сделав над собой усилие, я отвечал спокойно:

— Все обойдется, мисс Брустер! Все обойдется, поверьте!

Она взглянула на меня с благодарной улыбкой, от которой сердце мое затрепетало, и начала спускаться по трапу.

А я долго стоял там, где она оставила меня. Я должен был разобраться в происшедшем, понять значение совершившейся в моей жизни перемены. Итак, любовь, наконец, пришла ко мне, пришла, когда я менее всего ее ждал, когда все запрещало мне даже помышлять о ней. Раздумывая над жизнью, я, разумеется, всегда признавал, что любовь рано или поздно постучится и ко мне. Но долгие годы, проведенные в одиночестве, среди книг, не могли подготовить меня к встрече с нею.

И вот любовь пришла! Мод Брустер! Память мгновенно перенесла меня к тому дню, когда первый тоненький томик стихов появился на моем письменном столе. Как наяву, встал предо мной и весь ряд таких же томиков, выстроившихся на моей книжной полке. Как я приветствовал появление каждого из них! Они выходили по одному в год и как бы знаменовали для меня наступление нового года. Я находил в них родственные мне мысли и чувства, и они стали посто-

янными спутниками моей духовной жизни. А теперь заняли место и в моем сердце.

В сердце? Внезапно мои мысли приняли другое направление. Я словно взглянул на себя со стороны и усомнился в себе. Мод Брустер... Я — Хэмфри Ван-Вейден, которого Чарли Фэрасет окрестил "рыбой", "бесчувственным чудовищем", "демоном анализа", — влюблен! И тут же, без всякой видимой связи, мне пришла на память маленькая заметка в биографическом справочнике, и я сказал себе: "Она родилась в Кэмбридже, ей двадцать семь лет". И мысленно воскликнул: "Двадцать семь лет, и она все еще свободна и не влюблена!" Но откуда я мог знать, что она не влюблена? Боль от внезапно вспыхнувшей ревности подавила остатки сомнений. В чем тут еще сомневаться! Я ревную — значит люблю. И женщина, которую я люблю, — Мод Брустер!

Как? Я, Хэмфри Ван-Вейден, влюблен? Сомнения снова овладели мной. Не то чтобы я боялся любви или был ей не рад. Напротив, убежденный идеалист, я всегда восхвалял любовь, считал ее величайшим благом на земле, целью и венцом существования, самой яркой радостью и самым большим счастьем, которое следует призывать и встречать с открытой душой. Но когда любовь пришла, я не мог этому поверить. Такое счастье не для меня. Это слишком невероятно. Мне невольно припомнились стихи Саймонса:

*Средь сонма женщин много долгих лет
Блуждал я, но искал тебя одну.*

А я давно перестал искать, решив, что "величайшее благо", как видно, не для меня и Фэрасет прав: я не такой, как все нормальные люди, я — "бесчувственное чудовище", книжный червь, живущий только разумом и только в этом способный находить усладу. И хотя всю жизнь я был окружен женщинами, но воспринимал их чисто эстетически. По временам мне и самому начинало казаться, что я из другого теста, нежели все, и обречен жить монахом, и не дано мне испытать те вечные или преходящие страсти, которые я наблюдал и так хорошо понимал в других. И вот страсть пришла. Пришла нежданно-негаданно.

В каком-то экстазе я побрел по палубе, бормоча про себя прелестные стихи Элизабет Броунинг:

*Когда-то я покинул мир людей
И жил один среди моих видений.
Я не знавал товарищей милей
И музыки нежней их песнопений.*

Но еще более нежная музыка звучала теперь в моих ушах, и я был глух и слеп ко всему окружающему. Резкий окрик Волка Ларсена заставил меня очнуться.

— Какого черта вам тут нужно? — рявкнул он.

Я набрел на матросов, красивших борт шхуны, и чуть не опрокинул ведро с краской.

— Вы что — очумели? Может, у вас солнечный удар? — продолжал он бушевать.

— Нет, расстройство желудка, — отрезал я и как ни в чем не бывало зашагал дальше.

Глава двадцать четвертая

События, разыгравшиеся на "Призраке" вскоре после того, как я сделал открытие, что влюблен в Мод Брустер, останутся навсегда одним из самых волнующих воспоминаний моей жизни. Все произошло на протяжении каких-нибудь сорока часов. Прожив тридцать пять лет в тиши и уединении, я неожиданно попал в полосу самых невероятных приключений. Никогда не доводилось мне испытывать столько тревожений за какие-нибудь сорок часов. И если какой-то голос нашептывает мне порой, что при сложившихся обстоятельствах я держался не так уж плохо, — я не очень-то плотно затыкаю уши...

Все началось с того, что в полдень, за обедом, Волк Ларсен предложил охотникам питаться впредь в своем кубрике. Это было неслыханным нарушением обычая, установившегося на промысловых шхунах, где охотники неофициально приравняются к офицерам. Ларсен не пожелал пускаться в объяснения, но все было ясно без слов. Хорнер и Смок начали оказывать Мод Брустер знаки внимания. Это было только смешно и нисколько не задевало ее, но капитану явно пришлось не по вкусу.

Распоряжение капитана было встречено гробовым молчанием; остальные четверо охотников многозначительно покосились на виновников изгнания. Джек Хорнер, малый выдержанный, и глазом не сморгнул, но Смок побагровел и уже готов был что-то возразить. Однако Волк Ларсен следил за ним и ждал, глаза его холодно поблескивали, и Смок так и не проронил ни слова.

— Вы, кажется, хотели что-то сказать? — вызывающе спросил его Волк Ларсен.

Но Смок не принял вызова.

— Это насчет чего? — в свою очередь спросил он и при этом с таким невинным видом, что Волк Ларсен не сразу нашелся, что сказать, а все присутствующие усмехнулись.

— Не знаю, — протянул Волк Ларсен. — Мне, откровенно говоря, показалось, что вам не терпится получить пинка.

— Это за что же? — все так же невозмутимо возразил Смок.

Охотники уже откровенно улыбались во весь рот. Капитан готов был убить Смока, и я убежден, что только присутствие Мод Брустер удержало его от кровопролития. Впрочем, не будь ее здесь, Смок и не вел бы себя так. Он был слишком осторожен, чтобы раздражать Волка Ларсена в такую минуту, когда тот беспрепятственно мог пустить в ход кулаки. Все же я очень боялся, что дело дойдет до драки, но крик рулевого разрядил напряжение.

— Дым на горизонте! — донеслось с палубы через открытый люк трапа.

— Направление? — крикнул в ответ Волк Ларсен.

— Прямо за кормой, сэр.

— Не русские ли? — высказал предположение Лэ-тимер.

При этих словах лица охотников помрачнели. Русский пароход мог быть только крейсером, и хотя охотники имели лишь смутное представление о координатах шхуны, но они все же знали, что находятся вблизи границ запретных вод, а браконьерские подвиги Волка Ларсена были общеизвестны. Все глаза устремились на него.

— Вздор! — со смехом отозвался тот. — На этот раз, Смок, вы еще не попадете на соляные копи. Но вот что

я вам скажу: ставлю пять против одного, что это "Македония".

Никто не принял его пари, и он продолжал:

— А если это "Македония", так держу десять против одного, что не миновать нам стычки.

— Нет уж, покорно благодарю, — проворчал Лэ-тимер. — Можно, конечно, и рискнуть, когда есть какой-нибудь шанс. Но разве у вас с вашим братцем дело хоть раз обошлось без стычки? Ставлю двадцать против одного, что и теперь будет то же.

Все засмеялись, в том числе и сам Ларсен, и обед прошел сравнительно гладко — главным образом благодаря моему долготерпению, так как капитан взялся после этого изводить меня, то вышучивая, то принимая покровительственный тон, и довел дело до того, что меня уже трясло от бешенства и я еле сдерживался. Но я знал, что должен держать себя в руках ради Мод Брустер, и был вознагражден, когда глаза ее на миг встретились с моими и сказали мне яснее слов: "Крепитесь, крепитесь!"

Встав из-за стола, мы поднялись на палубу. Встреча с пароходом сулила какое-то разнообразие в монотонном морском плавании, а предположение, что это Смерть Ларсен на своей "Македонии", особенно взволновало всех. Свежий ветер, поднявший накануне сильную волну, уже с утра начал стихать, и теперь можно было спускать лодки; охота обещала быть удачной. С рассвета мы шли по совершенно пустынному морю, а сейчас перед нами было большое стадо котиков.

Дымок парохода по-прежнему виднелся вдали за кормой, и пока мы спускали лодки, стал заметно приближаться к нам. Наши шлюпки рассеялись по океану и взяли курс на север. Время от времени на какой-нибудь из них спускали парус, после чего оттуда доносились звуки выстрелов, а затем парус взвивался снова. Котики шли густо, ветер совсем стих, все благоприятствовало охоте. Выйдя на подветренную сторону от крайней шлюпки, мы обнаружили, что море здесь буквально усеяно телами спящих котиков. Я никогда еще не видел ничего подобного, — котики окружали нас со всех сторон и, растянувшись на воде по двое, по трое или небольшими группами, мирно спали, как ленивые щенки.

Дым все приближался, и уже начал вырисовываться корпус парохода и его палубные надстройки. Это была "Македония". Я прочел название судна в бинокль, когда оно проходило справа, всего в какой-нибудь миле от нас. Волк Ларсен бросил злобный взгляд в его сторону, а Мод Брустер с любопытством посмотрела на капитана.

— Где же стычка, которую вы предрекали, капитан Ларсен? — весело спросила она.

Он взглянул на нее с усмешкой, и лицо его на миг смягчилось.

— А вы чего ждали? Что они возьмут нас на abordаж и перережут нам глотки?

— Да, чего-нибудь в этом роде, — призналась она. — Я ведь так мало знаю нравы морских охотников, что готова ожидать чего угодно.

Он кивнул.

— Правильно, правильно! Ваша ошибка лишь в том, что вы могли ожидать чего-нибудь и похуже.

— Как? Что же еще может быть хуже, если нам перережут глотки? — наивно удивилась она.

— Хуже, если у нас взрежут кошельки, — отвечал он. — В наше время человек устроен так, что его жизнеспособность определяется содержанием его кошелька.

— "Горсть мусора получит тот, кто кошелек мой украдет" — процитировала она.

— Но кто крадет мой кошелек, крадет мое право на жизнь, — последовал ответ. — Старая поговорка наизнанку... Ведь он крадет мой хлеб, и мой кусок мяса, и мою постель и тем самым ставит под угрозу и мою жизнь. Вы же знаете, что того супа и хлеба, которые бесплатно раздаются беднякам, хватает далеко не на всех голодных, и когда у человека пуст кошелек, ему ничего не остается как умереть собачьей смертью... если он не изловчится тем или иным способом быстро свой кошелек пополнить.

— Но я не вижу, чтобы этот пароход покушался на ваш кошелек.

— Подождите, еще увидите, — мрачно отвечал он.

Ждать нам пришлось недолго. Пройдя на несколько миль вперед за наши шлюпки, "Македония" спустила свои. Мы знали, что на ней четырнадцать шлюпок, а у нас было только пять, после того как на одной

удрал Уэйнрайт. "Македония" сначала спустила несколько шлюпок с подветренной стороны и довольно далеко от нашей крайней шлюпки, потом стала спускать их поперек нашего курса и последнюю спустила далеко с наветренной стороны и от нашей ближайшей шлюпки. Маневр "Македонии" испортил нам охоту. Позади нас котиков не было, а впереди бороздили море четырнадцать чужих шлюпок и, словно огромная метла, сметали перед собой стадо.

Закончив отстрел зверя на узкой полосе в три-четыре мили, — это было все, что оставила нам для охоты "Македония", — наши шлюпки вынуждены были вернуться на шхуну. Ветер улегся, еле заметное дуновение проносилось над притихшим океаном. Такая погода, при встрече с огромным стадом котиков, могла бы обеспечить отличную охоту. Даже в удачный сезон таких дней выпадает немного, и все наши матросы — и гребцы и рулевые, не говоря уже об охотниках — поднимаясь на борт, кипели злобой. Каждый чувствовал себя ограбленным. Пока втаскивали шлюпки, проклятия так и сыпались на голову Смерти Ларсена, и если бы крепкие слова могли убивать, он, верно, был бы обречен на гибель.

— Провалиться бы ему в преисподнюю на веки вечные! — проворчал Луис, бросая мне многозначительный взгляд и присаживаясь отдохнуть, после того как он принайтывил свою шлюпку.

— Вот прислушайтесь-ка к их словам и скажите, что еще могло бы так их взволновать, — заговорил Волк Ларсен. — Вера? Любовь? Высокие идеалы? Добро? Красота? Истина?

— В них оскорблено врожденное чувство справедливости, — заметила Мод Брустер.

Она стояла шагах в десяти от нас, придерживаясь одной рукой за грот-ванты и чуть покачиваясь в такт легкой качке шхуны. Она сказала это негромко, но я вздрогнул — голос ее прозвенел, как чистый колокольчик. Как он ласкал мой слух! Я едва осмелился взглянуть на нее, боясь выдать себя. Светло-каштановые волосы ее, выбиваясь из-под морской фуражки, золотились на солнце и словно ореолом окружали нежный овал лица. Она была очаровательна и полна соблазна, и вместе с тем необычайная одухотворенность ее облика придавала ей что-то неземное! Все мое

прежнее восторженное преклонение перед жизнью воскресло во мне перед столь дивным ее воплощением, и холодные рассуждения Волка Ларсена о смысле жизни показались нелепыми и смешными.

— Вы сентиментальны, как мистер Ван-Вейден, — язвительно произнес Ларсен. — Почему эти люди чертыхаются? Да потому, что кто-то помешал исполнению их желаний. А каковы их желания? Пожрать повкусней да поваляться на мягкой постели, сойдя на берег, после того как им выплатят кругленькую сумму. Женщины и вино, животный разгул — вот и все их желания, все, чем полны их души — их высшие стремления, их идеалы, если хотите. То, как они проявляют свои чувства, зрелище мало привлекательное, зато сейчас очень ясно видно, что они задеты за живое. Растревожить их душу можно сильнее всего, если залезть к ним в карман.

— Однако по вашему поведению не видно, чтобы к вам залезли в карман, — сказала она смеясь.

— Видимо, я просто веду себя иначе, а мне тоже залезли в карман и, следовательно, растревожили и мою душу. Если подсчитать примерно, сколько шкур украла у нас сегодня "Македония", то, учитывая последние цены на котиковые шкуры на лондонском рынке, "Призрак" потерял тысячи полторы долларов, никак не меньше.

— Вы говорите об этом так спокойно... — начала она.

— Но я совсем не спокоен, — перебил он. — Я мог бы убить того, кто меня ограбил. Да, да, я знаю — он мой брат! Вздор! Сентименты!

Внезапно выражение его лица изменилось, и он проговорил менее резко и с ноткой искренности в голосе:

— Вы, люди сентиментальные, должны быть счастливы, поистине счастливы, мечтая о чем-то своем и находя в жизни что-то хорошее. Найдете что-нибудь хорошее и, глядишь, сами себя чувствуете хорошими. А вот скажите-ка мне, вы оба, есть что-нибудь хорошее во мне?

— Внешне вы, по-своему, совсем не плохи, — определил я.

— В вас заложено все, чтобы творить добро, — отвечала Мод Брустер.

— Так я и знал! — сердито воскликнул он. — Ваши слова для меня пустой звук. В том, как вы выразили свою мысль, нет ничего ясного, четкого, определенного. Ее нельзя взять в руки и рассмотреть. Собственно говоря, это даже не мысль. Это впечатление, сентимент, выросший из иллюзии, но вовсе не плод разума.

Понемногу его голос смягчился, и в нем снова прозвучала искренняя нотка.

— Видите ли, я тоже порой ловлю себя на желании быть слепым к фактам жизни и жить иллюзиями и вымыслами. Они лживы, насквозь лживы, они противоречат здравому смыслу. И, несмотря на это, мой разум подсказывает мне, что высшее наслаждение в том и состоит, чтобы мечтать и жить иллюзиями, хотя они и лживы. А ведь в конце-то концов наслаждение — единственная наша награда в жизни. Не будь наслаждения — не стоило бы и жить. Взять на себя труд жить и ничего от жизни не получать — да это же хуже, чем быть трупом. Кто больше наслаждается, тот и живет полнее, а вас все ваши вымыслы и фантазии огорчают меньше, а тешат больше, чем меня — мои факты.

Он медленно, задумчиво покачал головой.

— Часто, очень часто я сомневаюсь в ценности человеческого разума. Мечты, вероятно, дают нам больше, чем разум, приносят больше удовлетворения. Эмоциональное наслаждение полнее и длительнее интеллектуального, не говоря уж о том, что за мгновенья интеллектуальной радости потом расплачиваешься черной меланхолией. А эмоциональное удовлетворение влечет за собой лишь легкое притупление чувств, которое скоро проходит. Я завидую вам, завидую вам!

Он внезапно оборвал свою речь, и по губам его скользнула знакомая мне странная усмешка.

— Но я завидую вам умом, а не сердцем, заметьте. Зависть — продукт мозга, ее диктует мне мой разум. Так трезвый человек, которому надоела его трезвость, жалеет, глядя на пьяных, что он сам не пьян.

— Вы хотите сказать: так умник глядит на дураков и жалеет, что он сам не дурак, — засмеялся я.

— Вот именно, — отвечал он. — Вы пара блаженных, обанкротившихся дураков. У вас нет ни одного факта за душой.

— Однако мы живем на свои ценности не хуже вас, — возразила Мод Брустер.

— Даже лучше, потому что вам это ничего не стоит.

— И еще потому, что мы берем в долг у вечности.

— Так ли это, или вы только воображаете, что это так, — не имеет значения. Все равно вы тратите то, чего у вас нет, а взамен приобретаете большие ценности, чем я, тратящий то, что у меня есть и что я добыл в поте лица своего.

— Почему же вы не переведете свой капитал в другую валюту? — насмешливо спросила она.

Он быстро, с тенью надежды, взглянул на нее и, помолчав, ответил со вздохом:

— Поздно. Я бы и рад, пожалуй, да не могу. Весь мой капитал — в валюте старого выпуска, и мне от нее не избавиться. Я не могу заставить себя признать ценность какой-либо другой валюты, кроме моей.

Он умолк. Взгляд его, рассеянно скользнув по ее лицу, затерялся где-то в синей морской дали. Звериная тоска снова овладела им; по телу его пробежала дрожь. Своими рассуждениями он довел себя до приступа хандры, и можно было ждать, что часа через два она найдет себе разрядку в какой-нибудь дьявольской выходке. Мне вспомнился Чарли Фэрасет, и я подумал, что эта тоска — кара, которая постигает каждого материалиста.

Глава двадцать пятая

Утром во время завтрака Волк Ларсен обратился ко мне с вопросом:

— Вы уже поднимались на палубу, мистер Ван-Вейден? Какая сегодня погода?

— Довольно ясно, — отвечал я, бросая взгляд на солнечный луч, играющий на ступеньке трапа. — Ветер западный, свежий и, кажется, будет еще крепчать, если верить прогнозу Луиса.

Капитан кивнул с довольным видом.

— Туман не предвидится?

— На севере и на северо-западе густая пелена.

Он снова кивнул и, казалось, остался еще более доволен, услышав это.

— А что "Македония"?

— Ее нигде не видно, — отвечал я.

Я мог бы поклясться, что при этом сообщении лицо у него вытянулось, но почему это так его разочаровало, было мне непонятно.

Вскоре все разъяснилось.

— Дым впереди! — донеслось с палубы, и лицо Ларсена снова оживилось.

— Превосходно! — воскликнул он. Вскочив из-за стола, он поднялся на палубу и направился к изгнанным из кают-компаний охотникам, которые вкушали свой первый завтрак у себя в кубрике.

Ни Мод Брустер, ни я почти не притронулись к еде. Мы переглянулись тревожно, в полном молчании прислушиваясь к голосу капитана, доносившемуся сквозь переборку. Говорил он долго, и конец его речи был встречен одобрительным ревом. Переборка была толстая, и мы не могли разобрать слов, но они явно произвели большое впечатление на охотников. Рев стих и перешел в оживленный говор и веселые возгласы.

Вскоре на палубе поднялся шум и возня, и я понял, что матросы вызваны наверх и готовятся спускать шлюпки. Мод Брустер вышла вместе со мной на палубу, и я покинул ее у края юта, откуда она могла видеть все и в то же время оставаться в стороне. Матросы, должно быть, тоже были посвящены в замыслы капитана, так как работали с необыкновенным рвением. Охотники, прихватив дробовики, ящики с патронами и — что было совсем необычно — винтовки, высыпали на палубу. Они почти никогда не брали с собой винтовок, так как котики, убитые пулей с дальнего расстояния, неизменно тонули прежде, чем подоспеет шлюпка. Но сегодня каждый охотник взял с собой винтовку и большой запас патронов. Я заметил, как они довольно ухмылялись, поглядывая на дымок "Македонии", который поднимался все выше и выше, по мере того как пароход приближался к нам с запада.

Все пять шлюпок были быстро спущены на воду. Как и накануне, они разошлись веером в северном

направлении. Мы следовали поодаль. Я с любопытством наблюдал за ними, но все шло, как обычно. Охотники спускали паруса, били зверя, снова ставили паруса и продолжали свой путь, как делалось это изо дня в день. "Македония" повторила свой вчерашний маневр — начала спускать свои шлюпки впереди, поперек нашего курса, с целью "подмести" море. Четырнадцать наших шлюпок для успешной охоты должны быть рассеяны на довольно обширном пространстве, а пароход, перерезав нам путь, продолжал двигаться на северо-восток, спуская шлюпки.

— Что вы затеваете? — спросил я Волка Ларсена, снедаемый любопытством.

— Вас это не касается, — грубо ответил он. — Узнаете в свое время. А пока что молитесь о хорошем ветре.

— Впрочем, могу сказать, — добавил он, помолчав. — Я намерен угостить братца по его же рецепту. Короче говоря, "подметать" море теперь буду я, и не один день, а до конца сезона, если нам повезет.

— А если нет?

— Это исключается, — рассмеялся он. — Нам должно повезти, иначе мы пропали.

Он стоял на руле, а я пошел в матросский кубрик проводить своих пациентов — Нилсона и Магриджа. У Нилсона переломанная нога хорошо срасталась, и он был довольно бодр и весел, но кок пребывал в черной меланхолии, и мне невольно стало искренне жаль этого горемыку. Казалось поразительным, что после всего перенесенного он все еще жив и продолжает цепляться за жизнь. Судьба не щадила беднягу: калеча его из года в год, она превратила его тщедушное тело в какой-то обломок кораблекрушения, но искорка жизни упрямо тлела в нем.

— С хорошим протезом, какие теперь делают, ты сможешь топтаться в камбузах до скончания века, — подбодрил я его.

Он ответил мне очень серьезно, даже торжественно:

— Не знаю, о каких вы там протезах толкуете, мистер Ван-Вейден, только я не умру спокойно, пока не увижу, что эта скотина издохла, будь он проклят! Ему не пережить меня, нет! Он не имеет права жить, и, как сказано в священном писании: "И окончат дни

свои в муках". А я добавлю: аминь, и чтоб он сдох поскорей!

Вернувшись на палубу, я увидел, что Волк Ларсен одной рукой вертит штурвал, а в другой держит морской бинокль, изучая расположение шлюпок и внимательно следя за движением "Македонии". Я заметил, что наши шлюпки привалились к ветру и взяли курс на северо-запад, но смысл этого маневра был мне неясен, так как впереди их находилось пять шлюпок "Македонии", которые в свою очередь тоже взяли круче к ветру. Таким образом, они все более уклонялись на запад, постепенно удаляясь от остальных шлюпок. Наши шлюпки шли и под парусами и на веслах. Подгоняемая каждая тремя парами весел — даже охотники гребли, — они быстро догоняли "неприятеля". Дым парохода таял вдали, превращаясь в едва различимое пятнышко на северо-востоке. Самого судна уже не было видно.

До сих пор мы еле-еле продвигались вперед, и паруса почти все время полоскались на ветру; раза два мы даже ненадолго ложились в дрейф. Но теперь все изменилось. Шкоты были выбраны, и Волк Ларсен повел "Призрак" полным ходом. Мы промчались мимо наших шлюпок и стали приближаться к ближайшей шлюпке с "Македонии".

— Отдайте бом-кливер, мистер Ван-Вейден, — командовал Волк Ларсен, — и приготовьтесь выбрать кливер и стаксель!

Я побежал исполнять команду, и когда мы медленно заскользили мимо шлюпки в каких-нибудь ста футах от нее с подветренной стороны, нирал бом-кливера был уже выбран и закреплен. Трое людей на шлюпке подозрительно поглядывали в нашу сторону. Они не могли не знать Волка Ларсена, хотя бы понаслышке, а ведь они только что "подметали" море перед нашими шлюпками. Я обратил внимание на то, что охотник — здоровенный малый скандинавского типа, сидевший на носу, — держит на коленях винтовку, что, казалось, было сейчас совсем ни к чему, — винтовка могла бы лежать на месте. Когда мы поровнялись с ними, Волк Ларсен помахал им рукой и крикнул:

— Поднимайтесь к нам "подрейфовать"!

Слово "подрейфовать" на языке промысловых шхун заменяет сразу два глагола: "навестить" и "поболтать". Оно отражает общительность моряков и сулит приятное разнообразие в их монотонной жизни.

"Призрак" привелся к ветру, и я, закончив свою работу на баке, побежал на корму помочь матросам управиться с гротом.

— Прошу вас оставаться на палубе, мисс Брустер, — сказал Волк Ларсен, направляясь встречать гостей. — И вас тоже, мистер Ван-Вейден.

Матросы на шлюпке, спустив парус, подвели ее к борту шхуны. Охотник, похожий на золотобородого викинга, перелез через планшир и спрыгнул на палубу. Я заметил, что этот богатырь держится настороженно. Сомнение и недоверие были ясно написаны на его лице. Это было открытое лицо, хотя густая борода и придавала ему несколько свирепый вид. Однако когда охотник перевел взгляд с капитана на меня и увидел, что нас только двое, а потом поглядел на своих двух матросов, которые поднялись на борт следом за ним, лицо его просветлело. Бояться не было причины. Он, как Голиаф, возвышался над Волком Ларсеном. Ростом он был никак не меньше шести футов и восьми дюймов, а весил — это я узнал впоследствии — двести сорок фунтов. И притом ни капли жира, только кости и мышцы.

Но тревога снова промелькнула в его глазах, когда Волк Ларсен, остановившись у трапа, пригласил его спуститься в кают-компанию. Впрочем, он тут же приободрился, еще раз окинув взглядом капитана: Волк Ларсен был крупный мужчина, но рядом с ним казался карликом. Это положило конец колебаниям гостя, и он начал спускаться по трапу. Ларсен последовал за ним. Тем временем оба гребца направились, согласно обычаю, на бак — в гости к матросам.

Внезапно из кают-компании донеслись страшные звуки, подобные рычанию льва, и шум яростной схватки. Это сцепились лев с леопардом. Волк Ларсен — леопард — напал на льва, и лев рычал.

— Вот вам святость нашего гостеприимства! — с горечью обратился я к Мод Брустер.

Она утвердительно кивнула: мучительное отвращение исказило ее лицо, и я вспомнил, как я сам

страдал при виде физического насилия, когда впервые попал на "Призрак".

— Не лучше ли вам уйти подальше, ну хотя бы на бак, пока все это не кончится? — предложил я.

Но она отрицательно покачала головой, глядя на меня жалобными глазами. И в них не было страха, хотя я видел, что она потрясена этим новым проявлением зверства.

— Прошу вас, поймите, — сказал я, воспользовавшись случаем, — какую бы роль ни приходилось мне играть в том, что здесь происходит или может еще произойти, я не могу поступать иначе... если только мы хотим выбраться отсюда живыми. Мне тоже не легко, — добавил я.

— Я понимаю, — отозвалась она. Голос ее звучал слабо, словно доносился издалека, но взгляд подтвердил, что она понимает меня.

Внизу все стихло, и Волк Ларсен поднялся на палубу. Лицо его под бронзовым заггаром слегка покраснело, но других следов борьбы не было заметно.

— Пришлите сюда тех двоих, мистер Ван-Вейден! — сказал он.

Я повиновался, и через минуту они стояли перед ним.

— Поднимите шлюпку, — обратился он к матросам. — Ваш охотник решил немного задержаться и не хочет, чтоб ее зря колотило о борт. Поднять шлюпку, говорю я! — повторил он более резко, заметив, что они колеблются. — Почем знать, может, вам придется некоторое время поплавать со мной, — продолжал он, в то время как матросы нерешительно принялись выполнять приказание. Он говорил, не повышая голоса, но в тоне его слышалась угроза. — Так что лучше уже начнем по-хорошему. А ну живей! У Смерти Ларсена небось проворнее поворачивались, сами знаете!

Его окрик заставил матросов поторопиться. В то время как шлюпку заваливали на палубу, я получил приказание отдать кливера. Став к штурвалу, Волк Ларсен направил "Призрак" ко второй с наветренной стороны шлюпке "Македонии".

Покончив с парусами, я стал высматривать шлюпки. Третья шлюпка была атакована двумя нашими, четвертая — остальными тремя, а пятая, повернув,

шла на выручку соседней. Перестрелка завязалась с дальнего расстояния, и до нас доносилась непрерывная трескотня винтовок. Порывистый ветер, поднявший короткую волну, мешал точному прицеливанию, и, подойдя ближе, мы увидели, как пули то тут, то там прыгают рикошетом с волны на волну.

Шлюпка, за которой мы гнались, спустилась под ветер и сделала попытку ускользнуть от нас и прийти на помощь своим.

Я не мог следить за тем, что происходило дальше, пока возился с парусами, а вернувшись на ют, услышал, как Ларсен приказывает матросам "Македонии" отправиться в кубрик на баке. Они угрюмо подчинились. Затем капитан предложил мисс Брустер спуститься в кают-компанию и улыбнулся, заметив промелькнувший в ее глазах ужас.

— Ничего страшного там нет, — сказал он. — Человек этот цел и невредим и связан по рукам и ногам. Сюда же могут залететь пули, а мне совсем не хочется потерять вас.

И почти в ту же минуту шальная пуля царапнула медную ручку штурвала, которую держал Ларсен, и рикошетом отскочила в сторону.

— Вот видите, — сказал он и повернулся ко мне: — Мистер Ван-Вейден, станьте-ка на руль.

Мод Брустер спустилась по трапу всего на несколько ступенек. Волк Ларсен взял винтовку и дослал патрон в ствол. Я глазами молил мисс Брустер уйти, но она только улыбнулась и сказала:

— Может, мы и не умеем стоять на ногах, но мы покажем капитану Ларсену, что хилые сухопутные людишки не трусливее его.

Ларсен бросил на нее восхищенный взгляд.

— Вы нравитесь мне все больше, — сказал он. — Ум, талант, отвага! Неплохое сочетание! Такой синий чулок, как вы, мог бы стать женой предводителя пиратов... Но придется нам продолжить разговор в другой раз, — усмехнулся он, когда еще одна пуля вошла в стенку рубки.

И я снова увидел золотистые искорки в его глазах и ужас в глазах Мод Брустер.

— Мы даже храбрее его, — поспешно проговорил я. — По крайней мере про себя могу сказать, что я храбрее капитана Ларсена.

Тот резко обернулся ко мне — уж не смеюсь ли я над ним? Я немного переложил штурвал, чтобы не дать шхуне привести к ветру, а затем снова лег на курс, и, видя, что Волк Ларсен все еще ждет объяснения, показал на свои колени.

— Вглядитесь-ка, — сказал я, — и вы заметите легкую дрожь. Это значит, что я боюсь, плоть моя боится. Я боюсь разумом, потому что не хочу умирать. Но дух мой одолевает дрожащую плоть и напуганное сознание. Это больше, чем храбрость. Это мужество. Ваша же плоть ничего не боится, и вы ничего не боитесь. Значит, вам и нетрудно встречаться с опасностью лицом к лицу. Вам это даже доставляет удовольствие, вы упиваетесь опасностью. Вы можете быть бесстрашны, мистер Ларсен, но согласитесь, что из нас двоих по-настоящему храбр — я.

— Вы правы, — сразу признал он. — В таком свете мне это еще не представлялось. Но тогда верно и обратное. Если вы храбрее меня, значит я трусливее вас?

Мы оба рассмеялись над этим странным выводом, и Ларсен, опустившись на одно колено, опер ствол винтовки о планшир. Вначале перестрелки мы находились от шлюпок примерно в одной миле, но сейчас это расстояние уже сократилось вдвое. Ларсен выстрелил три раза, тщательно прицеливаясь. Первая пуля пролетела в пятидесяти футах от шлюпки, вторая — у самого борта, третья угодила в рулевого, и он, выпустив из рук кормовое весло, свалился на дно шлюпки.

— Хватит с них, — сказал Волк Ларсен, поднимаясь на ноги. — Охотником пожертвовать нельзя, да он никак и не сможет одновременно и править и стрелять, а гребец, надеюсь, править не умеет.

Его расчет полностью оправдался. Шлюпку завертело на волнах, и охотник бросился на корму сменить рулевого. С этой шлюпки больше не стреляли, но на остальных винтовки продолжали трещать.

Охотнику удалось снова увалить шлюпку под ветер, но мы шли в два раза быстрее и догоняли ее. Когда мы были от нее примерно в ста ярдах, я увидел, как гребец передал охотнику винтовку. Волк Ларсен отошел на середину палубы и взял бухту гафель-гардели. Потом, снова утвердив винтовку на планшире, прицелился в шлюпку. Раза два охотник хотел было бро-

сильное кормовое весло и схватить винтовку, но все не решался. Мы были уже борт о борт со шлюпкой и обгоняли ее.

— Эй, ты! — неожиданно крикнул Волк Ларсен гребцу. — Возьми конец за банку!

И в ту же секунду он бросил конец. Он попал прямо в матроса, чуть не сбив его с банки, но матрос не послушался. Он вопросительно посмотрел на охотника, а тот, как видно, сам не знал, что делать. Винтовка была зажата у него между колен, но стоило ему выпустить руль, и шлюпка, повернувшись, могла столкнуться со шхуной. Кроме того, он видел направленную на него винтовку Волка Ларсена и понимал, что тот выстрелит раньше, чем он успеет прицелиться.

— Прими! — тихо сказал он матросу.

Гребец повиновался и захлестнул конец за переднюю банку, а когда конец натянулся, стал его травить. Шлюпку быстро отвело от борта шхуны, после чего охотник положил ее на курс параллельно "Призраку", футах в двадцати от него.

— Убирайте парус и подходите к борту, — скомандовал Волк Ларсен.

Держа одной рукой винтовку, он начал спускать шлюпочные тали. Когда тали были заложены на носу и на корме шлюпки и оба моряка уже готовились подняться на борт, охотник взял в руку винтовку, как бы желая положить ее на стойку.

— Брось! — крикнул Волк Ларсен, и охотник выронил винтовку, словно она обожгла ему руку.

Поднявшись на палубу вместе со своим раненым товарищем, охотник и гребец, по приказу Волка Ларсена втащили на борт шлюпку, а затем отнесли рулевого в матросский кубрик.

— Если все наши пять шлюпок справятся со своим делом не хуже нас, экипаж шхуны будет укомплектован полностью, — сказал мне Волк Ларсен.

— А человек, в которого вы стреляли... он... я надеюсь... — голос Мод Брустер дрогнул.

— Ранен в плечо, — отвечал капитан. — Ничего серьезного. Мистер Ван-Вейден приведет его в порядок в две-три недели. Вот для тех парней ему навряд ли удастся что-нибудь сделать, — добавил он, указывая на третью шлюпку "Македонии", к которой я направлял в это время шхуну. — Тут поработали Хорнер

и Смок. Говорил ведь я им, что нам нужны живые люди, а не трупы. Но стоит человеку научиться стрелять, его так и тянет бить прямо в цель. Вы когда-нибудь испытывали это чувство, мистер Ван-Вейден?

Я покачал головой и посмотрел на "работу" наших охотников. Они действительно "били в цель" и теперь, покинув жертвы этой кровавой стычки, присоединились к остальным нашим шлюпкам и уже атаковали последние две шлюпки "Македонии". Оставленная шлюпка беспомощно качалась на волнах; никем не управляемый парус торчал вбок под прямым углом и хлопал на ветру. Охотник и гребец лежали в неестественных позах на дне лодки, а рулевой — поперек планшира, наполовину свесившись за борт. Руки его бороздили воду, а голова моталась из стороны в сторону.

— Не глядите туда, мисс Брустер, прошу вас, — взмолился я; к моей радости, она послушно отвернулась и была избавлена от этого страшного зрелища.

— Держите прямо туда, мистер Ван-Вейден, — распорядился Волк Ларсен, указывая на сбившиеся в кучу шлюпки.

Когда мы приблизились к ним, стрельба стихла. Бой был окончен. Последние две шлюпки уже сдались нашим пяти, и теперь все семь шлюпок ждали, чтобы их взяли на борт.

— Посмотрите! — невольно вскрикнул я, показывая на северо-восток.

На горизонте снова появилось темное пятнышко — дымок "Македонии".

— Да, я слежу за ней, — хладнокровно отвечал Волк Ларсен. Он измерил взглядом расстояние до пелены тумана, потом подставил щеку ветру, проверяя его силу. — Думаю, что доберемся вовремя. Но можете не сомневаться, что мой драгоценный братец раскусил нашу игру и прет сюда во весь дух. Ага, что я вам говорил!

Пятно дыма быстро росло, становясь густочерным.

— Все равно я тебя обставлю, о брат мой! — усмехнулся Волк Ларсен. — Непременно обставлю! И надеюсь, что твоя старая машина развалится на части!..

Мы легли в дрейф, после чего на шхуне поднялась изрядная суматоха, в которой вместе с тем был свой

порядок. Шлюпки поднимали одновременно с обоих бортов. Как только пленники ступали на палубу, наши охотники отводили их на бак, а матросы втаскивали шлюпки на палубу и оставляли их где попало, не теряя времени на то, чтобы принайтовать. Едва последняя шлюпка отделилась от воды и закачалась на таях, как мы уже понеслись вперед на всех парусах с потравленными шкотами.

Да, нам надо было спешить. Извергая из трубы клубы черного дыма, "Македония" мчалась к нам с северо-востока. Не обращая внимания на свои оставшиеся шлюпки, она изменила курс, надеясь перехватить нас. Она шла не прямо на нас, а туда, где наши пути должны были сойтись, как стороны угла, у края тумана. Только там "Македония" могла бы еще поймать "Призрак". А для "Призрака" спасение заключалось в том, чтобы достигнуть этой точки раньше "Македонии".

Волк Ларсен сам стоял у штурвала, горящими глазами следя за всем, от чего зависел исход этого состязания. Он то оборачивался и оглядывал море, проверяя, слабеет или крепнет ветер, то присматривался к "Македонии", то окидывал взглядом паруса и приказывал выбрать один шкот или потравить другой и выжимал из "Призрака" все, на что тот был способен. Ненависть и озлобление были на время забыты, и я дивился тому, с какой готовностью бросались исполнять приказания капитана те самые матросы, которые столько потерпели от него. И вот, когда мы стремительно неслись вперед, ныряя по волнам, я вдруг вспомнил беднягу Джонсона и пожалел, что его нет среди нас: он так любил эту шхуну и так восхищался всегда ее быстроходностью.

— Приготовьте-ка на всякий случай винтовки, ребята! — крикнул Волк Ларсен охотникам, и тотчас все пятеро, с винтовками в руках, стали у подветренного борта.

"Македония" была теперь всего в миле от нас. Она мчалась с такой скоростью, что черный дым из ее трубы стлался совершенно горизонтально; она делала не меньше семнадцати узлов. "Сквозь хляби мчит, взывая к небу", — продекламировал Волк Ларсен, бросив взгляд в ее сторону. Мы делали не больше девяти узлов, но стена тумана была уже близко.

Вдруг над палубой "Македонии" поднялось облачко дыма. Выстрел прокатился над морем, и в нашем гроте образовалась круглая дыра. Они палили из маленькой пушки, — мы уже слышали, что таких пушек там было несколько. Наши матросы, толпившиеся у грот-мачты, ответили на это насмешливыми криками. Снова над "Македонией" показался дымок, и снова прогремел выстрел. На этот раз ядро упало всего в двадцати футах за кормой и перескочило с волны на волну, прежде чем затонуть.

Из винтовок с "Македонии" не палили, — все ее охотники находились либо у нас на борту, либо далеко в море на своих шлюпках. Когда расстояние между двумя судами сократилось до полумили, третьим выстрелом пробило еще одну дыру в нашем гроте. Но тут шхуна вошла в полосу тумана. Мы вдруг погрузились в него, и он скрыл нас, окутав своей влажной, плотной завесой.

Внезапность перемены была поразительна. Секунду назад мы мчались в ярких солнечных лучах, над нами было ясное небо, и далеко-далеко, до самого горизонта, море шумело и катило свои волны, а за нами бешено гнался корабль, изрыгая дым, пламя и чугунные ядра. И вдруг, в мгновение ока, солнце точно загасили, небо исчезло, даже верхушки мачт пропали из виду, и на глаза наши, словно их заволокло слезами, опустилась серая пелена. Сырая мгла стояла вокруг нас, как стена дождя. Волосы, одежда — все покрылось алмазными блестками. С намокших вант и снастей вода стекала на палубу. Под гиками капельки воды висели длинными гирляндами, и когда шхуна взмывала на гребень волны, ветер сдувал их и они летели нам в лицо. Грудь моя стеснилась, мне было трудно дышать. Туман глушил звуки, притуплял чувства, и сознание отказывалось признать, что где-то за этой влажной серой стеной надвинувшейся на нас со всех сторон, существует другой мир. Весь мир, вся вселенная как бы замкнулись здесь, и границы их так сузились, что невольно хотелось упереться в эти стены руками и раздвинуть их. И то, что осталось там, за ними, казалось, было лишь сном, вернее — воспоминанием сна.

В наступившей перемене было нечто таинственное и колдовское. Я посмотрел на Мод Брустер и убедился,

что она испытывает то же, что и я. Потом я перевел взгляд на Волка Ларсена, но он ничем не проявлял своих ощущений. Он все так же стоял у штурвала и, казалось, был всецело поглощен своей задачей. Я почувствовал, что он измеряет ход времени, отсчитывая секунды, всякий раз как "Призрак" то стремительно взлетит на гребень волны, то накренится от бортовой качки.

— Ступайте на бак и приготовьтесь к повороту, — сказал он мне, понизив голос. — Прежде всего возьмите топселя на гитовы. Поставьте людей на все шкоты. Но чтобы ни один блок не загремел и чтобы никто ни звука. Понимаете — ни звука!

Когда все стали по местам, команда была передана от человека к человеку, и "Призрак" почти бесшумно сделал поворот. Если где-нибудь и хлопнул рифштерт или скрипнул блок, звуки эти казались какими-то странными, призрачными, и обступивший нас туман тотчас поглощал их.

Но как только мы легли на другой галс, туман начал редеть, и вскоре "Призрак" снова летел вперед под ярким солнцем, и снова до самого горизонта бурлили и пенились волны. Но океан был пуст. Разгневанная "Македония" нигде не бороздила больше его поверхности и не пятнала небо своим черным дымом.

Волк Ларсен тут же спустился под ветер и повел шхуну по самому краю тумана. Его уловка была ясна. Он вошел в туман с наветренной стороны от парохода, и когда "Македония" вслепую ринулась вослед, еще надеясь поймать шхуну, сделал поворот, вышел из своего укрытия и теперь намеревался войти в туман с подветренной стороны. Если бы ему это удалось, его брату было бы так же трудно найти нас в тумане, как — по старой поговорке — иголку в стоге сена.

Мы недолго шли по краю тумана. Перекинув фок и грот и снова поставив топселя, мы опять нырнули в туман, и в этот миг я был готов поклясться, что видел смутные очертания парохода, выходящего из полосы тумана с наветренной стороны. Я быстро взглянул на Волка Ларсена. Он кивнул головой. Да, он тоже видел — это была "Македония". На ней, вероятно, разгадали наш маневр, но не успели нас перехитрить. Не было сомнений в том, что мы ускользнули незамеченными.

— Он не может долго продолжать эту игру, — сказал Волк Ларсен. — Ему придется вернуться за своими шлюпками. Поставьте кого-нибудь на руль, мистер Ван-Вейден, — курс держать тот же, — и назначьте вахты: мы будем идти под всеми парусами до утра.

— Эх, не пожалел бы я и полтысячи долларов, — добавил он, — чтобы хоть на минуту попасть на "Македонию" и послушать, как там чертыхается мой братец!

— Теперь, мистер Ван-Вейден, — сказал он, когда его сменили у штурвала, — нам следует оказать гостеприимство нашему пополнению. Выставьте охотникам вдоволь виски и пошлите несколько бутылочек на бак. Держу пари, что завтра наши гости все до единого выйдут в море и будут охотиться для Волка Ларсена не хуже, чем для Смерти Ларсена.

— А они не сбегут, как Уэйнрайт? — спросил я. Он усмехнулся.

— Не сбегут, потому что наши старые охотники этого не допустят. Я уже пообещал им по доллару с каждой шкуры, добытой новыми. Отчасти поэтому они так и старались сегодня. О нет, они не дадут им сбежать! А теперь вам не мешает наведаться в свой лазарет. Там, надо полагать, полным-полно пациентов.

Глава двадцать шестая

Волк Ларсен освободил меня от обязанности раздавать виски и принялся за дело сам. Пока я возился в матросском кубрике с новой партией раненых, бутылки уже заходили по рукам. Мне, конечно, доводилось видеть, как пьют виски, например в клубах, где принято пить виски с содовой, но чтобы пить так, как пили здесь, — этого я еще не видывал. Пили из кружек, из мисок и прямо из бутылок; наливали до краев и осушали залпом; одной такой порции было достаточно, чтобы захмелеть, но им все казалось мало. Они

пили и пили, и новые бутылки все прибывали в кубрик, и этому не было конца.

Пили все. Пили раненные. Пил Уфти-Уфти, помогавший мне делать перевязки. Один Луис воздерживался: раза два отхлебнул немного — и все; зато и шумел и буянил он не меньше других. Это была настоящая сатурналия. Все галдели, орали, обсуждали минувшее сражение, спорили. А потом вдруг, размякнув, начинали брататься со своими недавними врагами. Победители и побежденные икали друг у друга на плече и торжественно клялись в вечной дружбе и уважении. Они оплакивали невзгоды, перенесенные ими в прошлом и ожидавшие их в будущем в железных тисках Волка Ларсена, и, хором проклиная его, рассказывали всякие ужасы о его жестокости.

Это было дикое и страшное зрелище: тесный кубрик, загромаженный койками, качающиеся переборки, вздымающийся пол, тусклый свет лампы, колеблющиеся тени, то чудовищно вырастающие, то съеживающиеся, разгоряченные лица, потерявшие человеческий облик... И над всем этим — дым, испарения тел, запах иодоформа... Я наблюдал за Уфти-Уфти, — он держал в руках конец бинта и взирал на эту сцену своими красивыми, бархатистыми, как у оленя, глазами, в которых играли отблески света от раскачивающейся лампы. Я знал, что, несмотря на всю мягкость и даже женственность его лица и фигуры, в нем дремлют грубые инстинкты дикаря. Мне бросилось в глаза мальчишеское лицо Гаррисона, всегда такое доброе и открытое, теперь искаженное яростью, похожее на дьявольскую маску; он рассказывал захваченным в плен матросам, на какой адский корабль они попали, и истощенным голосом обрушивал проклятия на голову Волка Ларсена.

Волк Ларсен! Снова и снова Волк Ларсен! Поработитель и мучитель, Цирцея в мужском облике. А они — стадо его свиней, замученные скоты, придавленные к земле, способные бунтовать только исподтишка да в пьяном виде. "А я? Тоже один из его стада? — подумалось мне. — А Мод Брустер? Нет!" Гнев закипел во мне, я скрипнул зубами и, забывшись, видимо, причинил боль матросу, которому делал перевязку, так как он передернулся, а Уфти-Уфти посмотрел на меня с любопытством. Я почувствовал

внезапный прилив сил. Любовь делала меня могучим гигантом. Я ничего не боялся. Моя воля победит все препятствия — вопреки Волку Ларсену, вопреки тридцати пяти годам, проведенным среди книг. Все будет хорошо. Я добьюсь этого. И, воодушевленный сознанием своей силы, я повернулся спиной к этому разбушевавшемуся аду и поднялся на палубу, где туман серыми призрачными тенями лежал во мраке, а воздух был чист, ароматен и тих.

В кубрике у охотников тоже было двое раненых, и там шла такая же оргия, как и у матросов, — только здесь не проклинали Волка Ларсена. Очутившись снова на палубе, я облегченно вздохнул и отправился на корму, в кают-компанию. Ужин был готов; Волк Ларсен и Мод поджидали меня.

Пока весь экипаж спешил напиться, сам капитан оставался трезв. Он не выпил ни капли вина. Он не мог себе этого позволить, ведь, кроме меня и Луиса, ему ни на кого нельзя было положиться, а Луис к тому же стоял у штурвала. Мы шли в тумане наудачу, без сигнальщика, без огней. Меня очень удивило сперва, что Волк Ларсен разрешил матросам и охотникам эту пьяную оргию, но он, очевидно, хорошо знал их нрав и умел спаять дружбой то, что началось с кровопролития.

Победа над Смертью Ларсеном, казалось, необычайно благотворно подействовала на него. Вчера вечером он своими рассуждениями довел себя до хандры, и я каждый миг ждал очередной вспышки ярости. Но пока все шло гладко, — Ларсен был в великолепном настроении. Быть может, обычную реакцию предотвратило то, что он захватил так много охотников и шлюпок. Во всяком случае хандру как рукой сняло, и дьявол в нем не просыпался. Так мне казалось тогда, но — увы! — как мало я его знал. Не в ту ли самую минуту он уже замышлял самое черное свое дело!

Итак, войдя в кают-компанию, я застал капитана в прекрасном расположении духа. Приступы головной боли уже давно не мучили его, и глаза его были ясны, как голубое небо. Жизнь мощным потоком бурлила в его жилах, и от бронзового лица веяло цветущим здоровьем. В ожидании меня он занимал Мод Брустер беседой. Темой этой беседы был соблазн, и из

нескольких слов, брошенных Ларсеном, я понял, что он признает истинным соблазном лишь тот, перед которым человек не смог устоять и пал.

— Ну, посудите сами, — говорил он. — Ведь человек действует, повинаясь своим желаниям. Желаний у него много. Он может желать избежать боли или насладиться удовольствием. Но что бы он ни делал, его поступки продиктованы желанием.

— А если, предположим, у него возникли два взаимно исключающих друг друга желания? — прервала его Мод Брустер.

— Вот к этому-то я и веду, — отвечал капитан, но она продолжала:

— Душа человека как раз и проявляет себя в борьбе этих двух желаний. И, если душа благородна, она следует доброму побуждению и заставит человека совершить доброе дело; если же она порочна — он поступит наоборот. И в том и в другом случае решает душа.

— Чушь и бессмыслица! — нетерпеливо воскликнул Волк Ларсен. — Решает желание. Вот, скажем, человек, которому хочется напиться. И вместе с тем он не хочет напиваться. Что же он делает, как он поступает? Он — марионетка, раб своих желаний и просто повинует более сильному из этих двух желаний, вот и все. Душа тут ни при чем. Если у него появилось искушение напиться, то как он может устоять против него? Для этого должно возобладать желание остаться трезвым. Но, значит это желание было более сильным, только и всего, соблазн не играет никакой роли, если, конечно... — он остановился, обдумывая мелькнувшую у него мысль, и вдруг расхохотался, — если это не соблазн остаться трезвым! Что вы на это скажете, мистер Ван-Вейден?

— Скажу, что вы оба спорите совершенно напрасно. Душа человека — это его желание. Или, если хотите, совокупность желаний — это и есть его душа. Поэтому вы оба не правы. Вы, Ларсен, ставите во главу угла желание, отменяя в сторону душу. Мисс Брустер ставит во главу угла душу, отменяя желания. А в сущности душа и желания — одно и то же.

— Однако, — продолжал я, — мисс Брустер права, утверждая, что соблазн остается соблазном, независимо от того, устоял человек или нет. Ветер раздувает

огонь, и он вспыхивает жарким пламенем. Желание подобно огню. Созерцание предмета желания, новое заманчивое описание его, новое постижение этого предмета разжигает желание, подобно тому как ветер раздувает огонь. И в этом заключен соблазн. Это — ветер, который раздувает желание, пока оно не разгорится в пламя и не поглотит человека. Вот что такое соблазн! Иногда он недостаточно силен, чтобы сделать желание всепожирающим, но если он хоть в какой-то мере разжигает желание, это все равно соблазн. И, как вы сами говорите, он может толкнуть человека на добро, так же как и на зло.

Я был горд собой. Мои доводы решили спор или по крайней мере положили ему конец, и мы сели за стол.

Но Волк Ларсен был в этот день необычайно словоохотлив, — я еще не видал его таким. Казалось, накопившаяся в нем энергия ищет выхода. Почти сразу же он затеял спор о любви. Как и всегда, он подходил к вопросу грубо материалистически, а Мод Брустер отстаивала идеалистическую точку зрения. Прислушиваясь к их спору, я лишь изредка высказывал какое-нибудь соображение или вносил поправку, но больше молчал.

Ларсен говорил с подъемом; Мод Брустер тоже воодушевилась. По временам я терял нить разговора, изучая ее лицо. Ее щеки редко покрывались румянцем, но сегодня они порозовели, лицо оживилось. Она дала волю своему остроумию и спорила с жаром, а Волк Ларсен прямо упивался спором.

По какому-то поводу — о чем шла речь, не припомню, так как был увлечен в это время созерцанием каштанового локона, выбившегося из прически Мод, — Ларсен процитировал слова Изольды, которые она произносит, будучи в Тинтагеле:

*Средь смертных жен я взыскана судьбой.
Так согрешить, как я, им не дано,
И грех прекрасен мой...*

Если раньше, читая Омара Хайама, он вкладывал в его стихи пессимистическое звучание, то сейчас, читая Суинберна, он заставил его строки звучать восторженно, даже ликующе. Читал он правильно и хорошо. Едва он умолк, как Луис просунул голову в люк и сказал негромко:

— Нельзя ли потише! Туман поднялся, а пароход, будь он неладен, пересекает сейчас наш курс по носу. Виден левый бортовой огонь!

Волк Ларсен так стремительно выскочил на палубу, что, когда мы присоединились к нему, он уже успел, задвинув крышку люка, заглушить пьяный рев, несшийся из кубрика охотников, и спешил на бак, чтобы закрыть люк там. Туман рассеялся не вполне — он поднялся выше, закрыв собою звезды, и сделал мрак совсем непроницаемым. И прямо впереди из мрака на меня глянули два огня, красный и белый, и я услышал мерное постукивание машины парохода. Несомненно, это была "Македония".

Волк Ларсен вернулся на ют, и мы стояли в полном молчании, следя за быстро скользившими мимо нас огнями.

— На мое счастье, у него нет прожектора, — промолвил Волк Ларсен.

— А что, если я закричу? — шепотом спросил я.

— Тогда все пропало, — отвечал он. — Но вы подумали о том, что сразу же за этим последует?

Прежде чем я успел выразить какое-либо любопытство по этому поводу, он уже держал меня за горло своей обезьяньей лапой. Его мускулы едва заметно напряглись, и это был весьма выразительный намек на то, что ему ничего не стоит свернуть мне шею. Впрочем, он тут же отпустил меня, и мы снова стали следить за огнями "Македонии".

— А если бы крикнула я? — спросила Мод.

— Я слишком расположен к вам, чтобы причинить вам боль, — мягко сказал он, и в его голосе прозвучала такая нежность и ласка, что меня передернуло. — Но лучше не делайте этого, потому что я тут же сверну шею мистеру Ван-Вейдену, — добавил он.

— В таком случае я разрешаю ей крикнуть, — вызывающе сказал я.

— Навряд ли мисс Брустер захочет пожертвовать жизнью "наставника американской литературы номер два", — с издевкой проговорил Волк Ларсен.

Больше мы не обменялись ни словом; впрочем, мы уже настолько привыкли друг к другу, что не испытывали неловкости от наступившего молчания. Когда красный и белый огни исчезли вдали, мы вернулись

в кают-компанию, чтобы закончить прерванный ужин.

Ларсен снова процитировал какие-то стихи, а Мод прочла "Impenitentia Ultima" Даусона. Она читала превосходно, но я наблюдал не за нею, а за Волком Ларсеном. Я не мог оторвать от него глаз, так порастил меня его взгляд, прикованный к ее лицу. Я видел, что он совершенно поглощен ею; губы его бессознательно шевелились, неслышно повторяя за ней слова:

*...И когда погаснет солнце,
Пусть ее глаза мне светят,
Скрипки в голосе любимой
Пусть поют в последний час...*

— В вашем голосе поют скрипки! — неожиданно произнес он, и в глазах его опять сверкнули золотые искорки.

Я готов был громко возликовать при виде проявленного ею самообладания. Она без запинки дочитала заключительную строфу, а затем постепенно перевела разговор в более безопасное русло. Я был как в дурмане. Сквозь переборку кубрика доносились звуки пьяного разгула, а мужчина, который внушал мне ужас, и женщина, которую я любил, сидели передо мной и говорили, говорили... Никто не убирал со стола. Матрос, заменявший Магриджа, очевидно, присоединился к своим товарищам в кубрике.

Если Волк Ларсен был когда-либо всецело упоен минутой, так это сейчас. Временами я отвлекался от своих мыслей, с изумлением прислушиваясь к его словам, поражаясь незаурядности его ума и силе страсти, с которой он отдавался проповеди мятежа. Разговор коснулся Люцифера из поэмы Мильтона, и острота анализа, который давал этому образу Волк Ларсен, и красочность некоторых его описаний показывали, что он загубил в себе несомненный талант. Мне невольно пришел на память Тэн, хотя я и знал, что Ларсен никогда не читал этого блестящего, но опасного мыслителя.

— Он возглавил борьбу за дело, обреченное на неудачу, и не утратился громов небесных, — говорил Ларсен. — Низвергнутый в ад, он не был сломлен. Он увел за собой треть ангелов, взбунтовал человека против бога и целые поколения людей привлек на

свою сторону и обрек аду. Почему был он изгнан из рая? Был ли он менее отважен, менее горд, менее велик в своих замыслах, чем господь бог? Нет! Тысячу раз нет! Но бог был могущественнее. Как это сказано? "Он возвеличился лишь силою громов". Но Люцифер — свободный дух. Для него служить было равносильно гибели. Он предпочел страдания и свободу беспечальной жизни и рабству. Он не хотел служить богу. Он ничему не хотел служить. Он не был безногой фигурой, вроде той, что украшает нос моей шхуны. Он стоял на своих ногах. Это была личность!

— Он был первым анархистом, — рассмеялась Мод, вставая и направляясь к себе в каюту.

— Значит быть анархистом хорошо! — воскликнул Волк Ларсен.

Он тоже поднялся и, стоя перед ней у двери в ее каюту, продекламировал:

...По крайней мере здесь
Свободны будем мы. Здесь всемогущий
Чертогов не возвел, и нас он не изгонит.
Здесь будем править мы. И хоть в аду,
Но все же править стоит, ибо лучше
Царить в аду, чем быть рабом на небе.

Это был гордый вызов могучего духа. Когда он умолк, голос его, казалось, продолжал звучать в стенах каюты, а он стоял, слегка покачиваясь, откинув назад голову, бронзовое лицо его сияло, в глазах плясали золотые искорки, и он смотрел на Мод, как смотрит на женщину мужчина, — зовущим, ласковым и властным взглядом.

И снова я отчетливо прочел в ее глазах безотчетный ужас, когда она почти шепотом произнесла:

— Вы сами — Люцифер!

Дверь за нею закрылась. Несколько секунд Волк Ларсен продолжал стоять, глядя ей вслед, потом, как бы очнувшись, обернулся ко мне:

— Я сменю Луиса у штурвала и в полночь разбужу вас. А пока ложитесь и постарайтесь выспаться.

Он натянул рукавицы, надел фуражку и поднялся по трапу, а я последовал его совету и лег. Не знаю почему, словно повинаясь какому-то тайному побуждению, я лег не раздеваясь. Некоторое время я еще прислушивался к шуму в кубрике охотников и с вос-

торгом и изумлением размышлял о своей неожиданной любви. Но на "Призраке" я научился спать крепким, здоровым сном, и постепенно пение и крики стали уплывать куда-то, веки мои смежились, и глубокий сон погрузил меня в небытие.

* * *

Не знаю, что разбудило меня и подняло с койки, но очнулся я уже на ногах. Сон как рукой сняло; я весь трепетал от ощущения неведомой опасности — настойчивого, словно громкий зов трубы. Я распахнул дверь. Лампа в кают-компании была притушена. Я увидел Мод, мою Мод, бьющуюся в железных объятиях Волка Ларсена. Она тщетно старалась вырваться, руками и головой упираясь ему в грудь. Я бросился к ним.

Волк Ларсен поднял голову, и я ударил его кулаком в лицо. Но это был слабый удар. Зарычав, как зверь, Ларсен оттолкнул меня. Этим толчком, легким взмахом его чудовищной руки, я был отброшен в сторону с такой силой, что врезался в дверь бывшей каюты Магриджа и она разлетелась в щепы. С трудом выкарабкавшись из-под обломков, я вскочил и, не чувствуя боли — ничего, кроме овладевшей мной бешеной ярости, — снова бросился на Ларсена. Помнится, я тоже зарычал и выхватил висевший у бедра нож.

Но что-то случилось. Капитан и Мод Брустер стояли теперь поодаль друг от друга. Я уже занес нож, но рука моя застыла в воздухе. Меня поразила эта неожиданная и странная перемена. Мод стояла, прислонившись к переборке, придерживаясь за нее откинутой в сторону рукой, а Волк Ларсен, шатаясь, прикрыв левой рукой глаза, правой неуверенно, как слепой, шарил вокруг себя. Наконец, он нащупал переборку и, казалось, испытал огромное физическое облегчение, словно не только нашел опору, но и понял, где находится.

А затем ярость вновь овладела мной. Все перенесенные мною унижения и издевательства, все, что выстрадал от Волка Ларсена я и другие, нахлынуло на меня, и я внезапно с необыкновенной отчетливостью осознал, сколь чудовищен самый факт существования этого человека на земле. Не помня себя, я кинулся на него и вонзил ему нож в плечо. Я сразу понял, что ранил его легко — нож только скользнул

по лопатке, — и я снова занес его, чтобы поразить Ларсена насмерть.

Но Мод, которая видела все, с криком бросилась ко мне:

— Не надо! Умоляю вас, не надо!

Я опустил руку, но только на миг. Я замахнулся еще раз и, вероятно, убил бы Ларсена, если бы Мод не встала между нами. Ее руки обвились вокруг меня, я ощутил ее волосы на моем лице. Кровь закипела во мне, но и ярость вспыхнула с удесятеренной силой. Мод заглянула мне в глаза.

— Ради меня! — взмолилась она.

— Ради вас? Ради вас я и убью его! — крикнул я, пытаюсь высвободить руку и боясь вместе с тем сделать девушке больно.

— Успокойтесь! — шепнула она, закрывая мне рот рукой.

Прикосновение ее пальцев к моим губам было так сладостно, так необычайно сладостно, что, несмотря на владевшее мною бешенство, я готов был расцеловать их, но не посмел.

— Пожалуйста, прошу вас! — молила она, и я почувствовал, что слова ее обезоруживают меня и что так будет отныне всегда.

Я отступил, вложил свой тесак в ножны и взглянул на Волка Ларсена. Он все еще стоял, прижав левую руку ко лбу, прикрывая ею глаза. Голова его свесилась на грудь. Он весь как-то обмяк, могучие плечи ссутулились, спина согнулась.

— Ван-Вейден! — хрипло, с оттенком страха в голосе позвал он. — Эй, Ван-Вейден! Где вы?

Я взглянул на Мод. Она молча кивнула мне.

— Я здесь, — ответил я и подошел к нему. — Что с вами?

— Помогите мне сесть, — сказал он тем же хриплым, испуганным голосом.

— Я болен, очень болен, Хэмп! — добавил он, опускаясь на стул, к которому я подвел его.

Он уронил голову на стол, обхватил ее руками и мотал ею из стороны в сторону, словно от боли. Когда он приподнял ее, я увидел крупные капли пота, выступившие у него на лбу у корней волос.

— Я болен, очень болен, — повторил он несколько раз.

— Да что с вами такое? — спросил я, кладя ему руку на плечо. — Чем я могу помочь вам?

Но он раздраженно сбросил мою руку, и я долго молча стоял возле него. Мод, испуганная, растерянная, смотрела на нас. Она тоже не могла понять, что с ним случилось.

— Хэмп, — сказал он, наконец, — мне надо добраться до койки. Дайте мне руку. Скоро все пройдет. Верно, опять эта проклятая головная боль. Я всегда боялся ее. У меня было предчувствие... Да нет, вздор, я сам не знаю, что говорю. Помогите мне добраться до койки.

Но когда я уложил его, он опять прикрыл глаза рукой, и, уходя, я слышал, как он пробормотал:

— Я болен, очень болен!

Я вернулся к Мод; она встретила меня вопросительным взглядом. Я в недоумении пожал плечами.

— Что-то с ним стряслось, а что — не знаю. Он совершенно беспомощен и, должно быть, впервые в жизни по-настоящему напуган. Случилось это, конечно, еще до того, как я ударил его ножом, да это и не рана, а царапина. Вы, верно, видели, как это с ним началось?

Она покачала головой.

— Я ничего не видела. Для меня это такая же загадка. Он вдруг выпустил меня и пошатнулся. Но что нам теперь делать? Что я должна делать?

— Пожалуйста, подождите меня здесь. Я скоро вернусь, — отвечал я и вышел на палубу. Луис стоял у штурвала.

— Можешь идти спать, — сказал я ему, становясь на его место.

Он охотно исполнил приказание, и я остался один на палубе. Стараясь производить как можно меньше шума, я взял топселя на гитовы, спустил бом-кливер и стаксель, вынес кливер на подветренный борт и выбрал грот. Затем я вернулся к Мод. Сделав ей знак молчать, я прошел в каюту Волка Ларсена. Он лежал в том же положении, в каком я его оставил, и голова его все так же перекатывалась из стороны в сторону по подушке.

— Могу я чем-нибудь помочь вам? — спросил я.

Он ничего не ответил сперва, но, когда я повторил вопрос, сказал:

— Нет, нет, мне ничего не надо! Оставьте меня одного до утра.

Но, выходя из каюты, я заметил, что он опять мечется по подушке. Мод терпеливо ждала меня, и когда я увидел ее горделивую головку, ее ясные, лучистые глаза, радость охватила меня. Глаза ее были так же ясны и невозмутимы, как ее душа.

— Готовы ли вы доверить мне свою жизнь и отважиться на путешествие примерно в шестьсот миль?

— Вы хотите сказать... — проговорила Мод, и я понял, что она угадала мое намерение.

— Да, — отвечал я, — я хочу сказать, что нам ничего другого не остается, как пуститься в море на парусной шлюпке.

— Вернее — мне? Вам-то здесь по-прежнему ничто не грозит.

— Нет, это единственное спасение для нас обоих, — твердо повторил я. — Оденьтесь, пожалуйста, как можно теплее и быстро соберите все, что вы хотите взять с собой.

— Поспешите! — добавил я, когда она направилась в свою каюту.

Кладовая находилась непосредственно под каюткомпанией. Открыв люк, я спрыгнул вниз, зажег свечу и принялся отбирать из судовых запасов самое для нас необходимое, главным образом консервы. А когда дело подошло к концу, сверху ко мне протянулись две руки, и я начал передавать все Мод.

Мы работали молча. Я запасся также одеялами, рукавицами, клеенчатой одеждой, зюйдвестками... Нам предстояло тяжелое испытание — пуститься в плавание по бурному, суровому океану в открытой шлюпке, и, чтобы выдержать его, нужно было как можно лучше защитить себя от холода, дождя и морских брызг.

Мы работали с лихорадочной поспешностью. Вынесли всю нашу добычу на палубу и уложили ее возле одной из шлюпок. Мод так устала, что вскоре совсем обессилела и в изнеможении присела на ступеньки юта. Но и это не принесло ей облегчения, и тогда она легла прямо на голые доски палубы, раскинув руки, чтобы дать полный отдых всему телу. Я вспомнил, что моя сестра всегда отдыхала точно так же, и знал, что силы Мод скоро восстановятся. Необходимо было

запастись также оружием, и я спустился в каюту Волка Ларсена за его винтовкой и дробовиком. Я заговорил с ним, но он не ответил мне ни слова, хотя голова его по-прежнему перекашивалась по подушке и он, по-видимому, не спал.

— Прощай, Люцифер! — прошептал я и тихонько прикрыл за собой дверь.

Теперь предстояло раздобыть еще патроны, что было нетрудно, хотя и пришлось спуститься для этого в кубрик охотников, где у них хранились ящики с патронами, которые они брали с собой в шлюпки, когда шли на охоту. Взяв два ящика, я унес их из-под самого носа разгулявшихся кутил.

Оставалось спустить шлюпку — нелегкая задача для одного человека. Отдав найтовы, я налег сперва на носовые тали, потом на кормовые, чтобы вывалить шлюпку за борт, а затем, потравливая по очереди те и другие тали, спустил ее на два-три фута, так что она повисла над водой, прижимаясь к борту шхуны. Я проверил, на месте ли парус, весла и уключины. Запастись пресной водой было, пожалуй, важнее всего, и я забрал бочонки со всех шлюпок. На борту находилось теперь уже девять шлюпок, и нам должно было хватить этой воды, а кстати, и балласта. Впрочем, я столько запас всего, что даже побаивался — не перегрузил ли я шлюпку.

Когда Мод начала передавать мне в шлюпку провизию, из кубрика на палубу вышел матрос. Он постоял у наветренного борта (шлюпку мы спускали с подветренного), потом медленно побрел на середину палубы и еще немного постоял, повернувшись лицом к ветру и спиной к нам. Я притаился на дне шлюпки; сердце у меня бешено колотилось. Мод лежала совершенно неподвижно, вытянувшись в тени фальшборта. Но матрос так и не взглянул в нашу сторону. Закинув руки за голову, он потянулся, громко зевнул и снова ушел на бак, где и исчез, нырнув в люк.

Через несколько минут я погрузил все в шлюпку и спустил ее на воду. Помогая Мод перелезть через планшир, я на мгновение ощутил ее совсем близко возле себя, и слова: "Я люблю вас! Люблю!" — чуть не слетели с моих губ. "Да, Хэмфри Ван-Вейден, вот ты и влюблен наконец!" — подумал я. Ее пальцы переплелись с моими, и я, одной рукой держась за план-

шир, другой поддерживал ее и благополучно спустил в шлюпку. При этом я невольно испытал чувство гордости — я почувствовал в себе силу, какой совсем не обладал еще несколько месяцев назад, в тот день, когда, простившись с Чарли Фэрасетом, отправился в Сан-Франциско на злополучном "Мартинесе".

Набежавшая волна подхватила шлюпку, ноги Мод коснулись банки, и я отпустил ее руку. Затем я отдал тали и сам спрыгнул в шлюпку. Мне еще никогда в жизни не приходилось грести, но я вставил весла в уключины и ценою больших усилий отвел шлюпку от "Призрака". Затем я стал поднимать парус. Мне не раз приходилось видеть, как ставят парус матросы и охотники, но сам я брался за это дело впервые. Если им достаточно было двух минут, то у меня ушло на это по крайней мере минут двадцать, но в конце концов я сумел поставить и натянуть парус, после чего, взявшись за рулевое весло, привел шлюпку к ветру.

— Вот там, прямо перед нами, Япония, — сказал я.

— Хэмфри Ван-Вейден, вы храбрый человек, — сказала Мод.

— Нет, — отвечал я. — Это вы храбрая женщина.

Точно сговорившись, мы одновременно обернулись, чтобы взглянуть в последний раз на "Призрак". Невысокий корпус шхуны покачивался на волнах с наветренной стороны от нас, паруса смутно выступали из темноты, а подвязанное колесо штурвала скрипело, когда в руль ударяла волна. Потом очертания шхуны и эти звуки постепенно растаяли вдали, и мы остались одни среди волн и мрака.

Глава двадцать седьмая

Забрезжило утро — серое, промозглое. Дул свежий бриз, и шлюпка шла бейдевинд. Компас показывал, что мы держим курс прямо на Японию. Теплые рукавицы все же не спасали от холода, и пальцы у меня стыли на кормовом весле. Ноги тоже ломило

от холода, и я с нетерпением ждал, когда встанет солнце.

Передо мной на дне шлюпки спала Мод. Я надеялся, что ей тепло, так как она была укутана в толстые одеяла. Краем одеяла я прикрыл ей лицо от ночного холода, и мне были видны лишь смутные очертания ее фигуры да прядь светло-каштановых волос, сверкавшая капельками осевшей на них росы.

Я долго, не отрываясь, смотрел на эту тоненькую прядку волос, как смотрят на драгоценнейшее из сокровищ. Под моим пристальным взглядом Мод зашевелилась, отбросила край одеяла и улыбнулась мне, приподняв тяжелые от сна веки.

— Доброе утро, мистер Ван-Вейден, — сказала она. — Земли еще не видно?

— Нет, — отвечал я. — Но мы приближаемся к ней со скоростью шести миль в час.

Она сделала разочарованную гримаску.

— Но это сто сорок четыре мили в сутки, — постарался я приободрить ее.

Лицо Мод просветлело.

— А как далеко нам еще плыть?

— Вон там — Сибирь, — указал я на запад. — И примерно в шестистах милях отсюда на юго-запад — Япония. При этом ветре мы доберемся туда за пять дней.

— А если поднимется буря? Шлюпка не выдержит?

Мод умела требовать правды, глядя вам прямо в глаза, и наши взгляды встретились.

— Только при очень сильной буре, — уклончиво отвечал я.

— А если будет очень сильная буря?

Я молча наклонил голову.

— Но нас в любой момент может подобрать какая-нибудь промысловая шхуна. Их много сейчас в этой части океана.

— Да вы совсем продрогли! — вдруг воскликнула она. — Смотрите, вас трясет! Не спорьте, я же вижу. А я-то греюсь под одеялами!

— Не знаю, какая была бы польза, если бы вы тоже сидели и мерзли, — рассмеялся я.

— Польза будет, если я научусь управлять шлюпкой, а я непременно научусь!

Сидя на дне шлюпки, Мод занялась своим нехитрым туалетом. Она распустила волосы, и они пушистым облаком закрыли ей лицо и плечи. Как хотелось мне зарыться в них лицом, целовать эти милые влажные каштановые пряди, играть ими, пропускать их между пальцами! Очарованный, я не сводил с нее глаз. Но вот шлюпка повернулась боком к ветру, парус захлопал и напомнил мне о моих обязанностях. Идеалист и романтик, я до этой поры, несмотря на свой аналитический склад ума, имел лишь смутные представления о физической стороне любви. Любовь между мужчиной и женщиной я воспринимал как чисто духовную связь, как некие возвышенные узы, соединяющие две родственные души. Плотским же отношениям в моем представлении о любви отводилась лишь самая незначительная роль. Однако теперь полученный мною сладостный урок открыл мне, что душа выражает себя через свою телесную оболочку и что вид, запах, прикосновение волос любимой — совершенно так же, как свет ее глаз или слова, слетающие с ее губ, — являются голосом, дыханием, сутью ее души. Ведь дух в чистом виде — нечто неосязаемое, непостижимое и лишь угадываемое и не может выражать себя через себя самого. Антропоморфизм Иеговы выразился в том, что он мог являться иудеям только в доступном для их восприятия виде. И в представлении израильтян он вставал как образ и подобие их самих, как облако, как огненный столп, как нечто осязаемое, физически-реальное, доступное их сознанию.

Так и я, глядя на светло-каштановые волосы Мод и любуясь ими, познавал смысл любви глубже, чем могли меня этому научить песни и сонеты всех певцов и поэтов. Вдруг Мод, тряхнув головой, откинула волосы назад, и я увидел ее улыбающееся лицо.

— Почему женщины подбирают волосы, почему они не носят их распущенными? — сказал я. — Так красивее.

— Но они же страшно путаются! — рассмеялась Мод. — Ну вот, потеряла одну из моих драгоценных шпилек!

И снова парус захлопал на ветру, а я, забыв о шлюпке, любовался каждым движением Мод, пока она разыскивала затерявшуюся в одеялах шпильку.

Она делала это чисто по-женски, и я испытывал изумление и восторг: мне вдруг открылось, что она — истая женщина, женщина до мозга костей.

До сих пор я слишком возносил ее в своем представлении, ставил ее на недосягаемую высоту над всеми смертными и над самим собой. Я создал из нее богоподобное, неземное существо. И теперь я радовался каждой мелочи, в которой она проявляла себя как обыкновенная женщина, радовался тому, как она откидывает назад волосы или ищет шпильку. Да, она была просто женщиной, так же как я — мужчиной, она была таким же земным существом, как я, и я мог обрести с нею эту восхитительную близость двух родственных друг другу существ — близость мужчины и женщины, — навсегда сохранив (в этом я был убежден наперед) чувство преклонения и восторга перед нею.

С радостным возгласом, пленительным для моего слуха, она нашла, наконец, шпильку, и я сосредоточил свое внимание на управлении шлюпкой. Я сделал опыт — подвязал и закрепил рулевое весло — и добился того, что шлюпка без моей помощи шла бейдевинд. По временам она приводилась к ветру или, наоборот, уваливалась, но в общем недурно держалась на курсе.

— А теперь давайте завтракать! — сказал я. — Но сперва вам необходимо одеться потеплее.

Я достал толстую фуфайку, совсем новую, сшитую из теплой ткани, из которой шьют одеяла; ткань была очень плотная, и я знал, что она не скоро промокнет под дождем. Когда Мод натянула фуфайку, я дал ей вместо ее фуражки зюйдвестку, которая, если отогнуть вниз поля, закрывала не только волосы и уши, но даже шею. Мод в этом уборе выглядела очаровательно. У нее было одно из тех лиц, которые ни при каких обстоятельствах не теряют привлекательности. Ничто не могло испортить прелесть этого лица — его изысканный овал, правильные, почти классические черты, тонко очерченные брови и большие карие глаза, проницательные и ясные, удивительно ясные.

Внезапно резкий порыв ветра подхватил шлюпку, когда она наискось пересекала гребень волны. Сильно накренившись, она зарылась по самый планшир во встречную волну и черпнула бортом воду. Я вскрывал в это время банку консервов и, бросившись к

шкоту, едва успел отдать его. Парус захлопал, затрепетал, и шлюпка увалилась под ветер. Провозившись еще несколько минут с парусом, я снова положил шлюпку на курс и возобновил приготовления к завтраку.

— Действует как будто неплохо, — сказала Мод, одобрительно кивнув головой в сторону моего рулевого приспособления. — Впрочем, я ведь ничего не смыслю в мореходстве.

— Это устройство будет служить, только пока мы идем бейдевинд, — объяснил я. — При более благоприятном ветре — с кормы, галфвинд или бакштаг — мне придется править самому.

— Я, признаться, не понимаю всех этих терминов, но вывод ясен, и он мне не очень-то нравится. Не можете же вы круглые сутки бессменно сидеть на руле! После завтрака извольте дать мне первый урок. А потом вам нужно будет лечь поспать. Мы установим вахты, как на корабле.

— Ну как я буду учить вас, — запротестовал я, — когда я сам еще только учусь! Вы доверились мне и, верно, не подумали, что у меня нет никакого опыта в управлении парусной шлюпкой. Я впервые в жизни попал на нее.

— В таком случае, сэр, мы будем учиться вместе. И так как вы на целую ночь опередили меня, вам придется поделиться со мной всем, что вы уже успели постичь. А теперь завтракать! На воздухе разыгрывается аппетит!

— Да, но кофе не будет! — с сокрушением сказал я, передавая ей намазанные маслом галеты с ломтиками языка. — Не будет ни чая, ни супа — никакой горячей еды, пока мы где-нибудь и когда-нибудь не пристанем к берегу.

После нашего незамысловатого завтрака, завершившегося чашкой холодной воды, я дал Мод урок вождения шлюпки. Обучая ее, я учился сам, хотя кое-какие познания у меня уже были, — я приобрел их, управляя "Призраком" и наблюдая за действиями рулевых на шлюпках. Мод оказалась способной ученицей и быстро научилась держать курс, приводиться к ветру и отдавать когда нужно шкот.

Потом, устав, как видно, она передала мне весло и принялась расстилать на дне шлюпки одеяла, ко-

торые я успел свернуть. Устроив все как можно удобнее, она сказала:

— Ну, сэр, постель готова! И спать вы должны до второго завтрака. То есть до обеда, — поправились она, вспомнив распорядок дня на "Призраке".

Что мне оставалось делать? Она так настойчиво повторяла: "Пожалуйста, прошу вас", что я в конце концов подчинился и отдал ей кормовое весло. Забираясь в постель, постланную ее руками, я испытал необычайное наслаждение. Казалось, в этих одеялах было что-то успокаивающее и умиротворяющее, словно это передалось им от нее самой, и чувство покоя сразу охватило меня. Сквозь сладкую дрему я видел нежный овал ее лица и большие карие глаза... Обрамленное зюйдвесткой лицо ее колыхалось передо мной, вырисовываясь то на фоне серого моря, то на фоне таких же серых облаков... и я уснул.

Я понял, что крепко спал, когда, внезапно очнувшись, взглянул на часы. Был час дня. Я проспал целых семь часов! И целых семь часов она одна правила шлюпкой! Принимая от нее весло, я должен был помочь ей разогнуть окоченевшие пальцы. Она исчерпала весь небольшой запас своих сил и теперь не могла даже приподняться. Я вынужден был бросить парус, чтобы помочь ей добраться до постели, и, уложив ее, принялся растирать ей руки.

— Как я устала! — произнесла она с глубоким вздохом и бессильно поникла головой.

Но через секунду она встрепенулась.

— Только не вздумайте браниться, не смейте, слышите! — с шутливым вызовом сказала она.

— Разве у меня такой сердитый вид? — без улыбки отвечал я. — Уверяю вас, я не сержусь.

— Да-а... — протянула она. — Не сердитый, но укоризненный.

— Значит, мое лицо только честно выражает то, что я чувствую. А вот вы поступили нечестно — и по отношению к себе и ко мне. Как теперь прикажете доверять вам?

Она виновато взглянула на меня.

— Я буду пайнкой, — сказала она, как напроказивший ребенок. — Обещаю вам...

— Повиноваться, как матрос повинуется капитану?

— Да, — отвечала она. — Я знаю — это было глупо.

— Раз так, обещайте мне еще кое-что.

— Охотно!

— Обещайте мне не так часто говорить: "Пожалуйста, прошу вас". А то вы быстро сведете власть капитана на нет.

Она рассмеялась, и я почувствовал, что моя просьба не только позабавила ее, но и польстила ей. Она уже сама заметила, какую власть имеют надо мной эти слова.

— Пожалуйста — хорошее слово... — начал я.

— ...Но я не должна злоупотреблять им, — закончила она за меня. Она снова рассмеялась, но уже чуть слышно, и уронила голову. Я оставил весло, чтобы закутать одеялом ее ноги и прикрыть ей лицо. Увы, у нее было так мало сил! С недобрим предчувствием посмотрел я на юго-запад и подумал о шестистах милях, отделявших нас от берега, и о всех предстоявших нам испытаниях. Да и бог весть, что еще ждало нас впереди! В этой части океана в любую минуту мог разыгаться гибельный для нас шторм. И все же я не испытывал страха. Я не был спокоен за будущее, о нет, — самые тяжкие сомнения грызли меня, — но за всем этим не было страха. "Все обойдется, — твердил я себе, — все обойдется!"

После полудня ветер посвежел и поднял большие волны, которые основательно трепали шлюпку и давали мне работу. Впрочем, запасенная нами провизия и девять бочонков воды придавали шлюпке достаточную остойчивость, и я шел под парусом, пока это не стало слишком опасным. Тогда я убрал шпринт, туго притянул и закрепил верхний угол паруса, превратив его в треугольный, и мы поплыли дальше.

Под вечер я заметил на горизонте с подветренной стороны дымок парохода. Это мог быть либо русский крейсер, либо скорее всего "Македония", все еще разыскивающая шхуну.

Солнце за весь день ни разу не выглянуло из-за облаков, и было очень холодно. К ночи облака сгустились еще больше, ветер окреп, и нам пришлось ужинать, не снимая рукавиц, причем я не мог выпустить из рук рулевого весла и ухитрялся отправлять в рот кусочки пищи только в промежутках между порывами ветра.

Когда стемнело, шлюпку стало так швырять на волнах, что я вынужден был убрать парус и принялся мастерить плавучий якорь. Это была нехитрая штука, о которой я знал из рассказов охотников. Сняв мачту, я завернул ее вместе с шпринтом, гиком и двумя парами запасных весел в парус, накрепко обвязал веревкой и бросил за борт. Конец веревки я закрепил на носу, и плавучий якорь был готов. Мало выступая из воды и почти не испытывая влияния ветра, он тормозил шлюпку и удерживал ее носом к ветру. Когда море покрывается белыми барашками, это наилучший способ, чтобы шлюпку не захлестнуло волной.

— А теперь что? — весело спросила Мод, когда я справился со своей задачей и снова натянул рукавицы.

— А теперь мы уже не плывем к Японии, — отвечал я. — Мы дрейфуем на юго-восток или на юго-юго-восток со скоростью по крайней мере двух миль в час.

— До утра это составит всего двадцать четыре мили, — заметила она, — да и то, если ветер не утихнет.

— Верно. А всего сто сорок миль, если этот ветер продержится трое суток.

— Не продержится! — бодро заявила Мод. — Он непременно повернет и будет дуть как следует.

— Море — великий предатель.

— А ветер? — возразила она. — Я ведь слышала, как вы пели дифирамбы "бравым пассатам".

— Жаль, что я не захватил секстант и хронометр Ларсена, — мрачно произнес я. — Когда мы сами плывем в одном направлении, ветер сносит нас в другом, а течение, быть может, в третьем, то равнодействующая не поддается точному исчислению. Скоро мы не сможем определить, где находимся, не сделав ошибки в пятьсот миль.

После этого я попросил у Мод прощения и обещал больше не падать духом. Уступив ее уговорам, я ровно в девять оставил ее на вахте до полуночи, но, прежде чем лечь спать, хорошенько закутал в одеяла, а поверх них — в непромокаемый плащ. Спал я лишь урывками. Шлюпку швыряло с гребня на гребень, волны гулко ударялись о дно. Я слышал, как они режут за бортом, и брызги ежеминутно обдавали мне лицо. И все же, размышляя я, не такая уж это скверная ночь — ничто, по сравнению с тем, что мне, ночь за

ночью, приходилось переживать на "Призраке", и с тем, что нам, быть может, предстоит еще пережить, пока нас будет носить по океану в этом утлом суденышке. Я знал, что обшивка у него всего в три четверти дюйма толщиной. Слой дерева, тоньше дюйма, отделял нас от морской пучины.

И тем не менее, готов утверждать это снова и снова, я не боялся. Я больше уже не испытывал того страха смерти, который когда-то нагонял на меня Волк Ларсен и даже Томас Магридж. Появление в моей жизни Мод Брустер, как видно, переродило меня. Любить, думал я, — ведь это еще лучше и прекраснее, чем быть любимым! Это чувство дает человеку то, ради чего стоит жить и ради чего он готов умереть. В силу любви к другому существу я забывал о себе, и вместе с тем — странный парадокс! — мне никогда так не хотелось жить, как теперь, когда я меньше всего дорожил своей жизнью. Ведь никогда еще жизнь моя не была наполнена таким смыслом, думал я. Пока дремота подкрадывалась ко мне, я лежал и с чувством неизъяснимого удовольствия вглядывался в темноту, зная, что там на корме приютилась Мод, что она зорко несет свою вахту среди бушующих волн и готова каждую минуту позвать меня на помощь.

Глава двадцать восьмая

Стоит ли рассказывать о всех страданиях, перенесенных нами на нашей маленькой шлюпке, когда нас долгие дни носило и мотало по океанским просторам? Сильный северо-западный ветер дул целые сутки. Потом наступило затишье, но к ночи поднялся ветер с юго-запада, то есть прямо нам в лоб. Тем не менее я втянул плавучий якорь, поставил парус и направил лодку круто к ветру с курсом на юго-юго-восток. Ветер позволял выбирать лишь между этим курсом и курсом на запад-северо-запад, но теплое дыхание юга влекло меня в более теплые моря, и это определило мое решение.

Однако через три часа, — как сейчас помню, ровно в полночь, — когда нас окружал непроницаемый мрак, этот юго-западный ветер так разбушевался, что я вновь был принужден выбросить плавучий якорь.

Рассвет застал меня на корме. Воспаленными от напряжения глазами я всматривался в побелевший вспененный океан, среди которого наша лодка беспомощно взлетала и ныряла, держась на своем плавучем якорю. Мы находились на краю гибели — каждую секунду нас могло захлестнуть волной. Брызги и пена низвергались на нас нескончаемым водопадом, и я должен был безостановочно вычерпывать воду. Одежда промокли насквозь. Промокло все, и только Мод, в своем плаще, резиновых сапогах и зюйдвестке, была хорошо защищена, хотя руки, лицо и выбившаяся из-под зюйдвестки прядь волос были у нее совершенно мокрые. Время от времени она брала у меня черпак и, не страшась шторма, принималась энергично вычерпывать воду. Все на свете относительно: в сущности это был просто свежий ветер, но для нас, борющихся за жизнь на нашем жалком суденышке, это был настоящий шторм.

Продрогшие, измученные, весь день сражались мы с разбушевавшимся океаном и свирепым ветром, хлеставшим нам в лицо. Настала ночь, но мы не спали. Опять рассвело, и по-прежнему ветер бил нам в лицо и пенистые валы с ревом неслись навстречу.

На вторую ночь Мод начала засыпать от изнеможения. Я укутал ее плащом и брезентом. Одежда на ней не очень промокла, но девушка заоченела от холода. Я боялся за ее жизнь. И снова занялся день, такой же холодный и безрадостный, с таким же сумрачным небом, яростным ветром и грозным ревом волн.

Двое суток я не смыкал глаз. Я весь промок, продрог до костей и был полумертв от усталости. Все тело у меня ныло от холода и напряжения и при малейшем движении натруженные мускулы давали себя знать, — двигаться же мне приходилось беспрестанно. А нас тем временем все несло и несло на северо-восток — все дальше от берегов Японии, в сторону холодного Берингова моря.

Но мы держались, и шлюпка держалась, хотя ветер дул с неослабевающей силой. К концу третьего дня он

еще окреп. Один раз шлюпка так зарылась носом в волну, что ее на четверть залило водой. Я работал черпаком, как одержимый. Вода, заполнившая шлюпку, тянула ее книзу, уменьшала ее плавучесть... Еще одна такая волна — и нас ждала неминуемая гибель. Вычерпав воду, я вынужден был снять с Мод брезент и затянуть им носовую часть шлюпки. Он закрыл собою шлюпку на треть и сослужил нам хорошую службу, трижды спасая нас, когда лодка врезалась носом в волну.

На Мод было жалко смотреть. Она съежилась в комочек на дне лодки, губы ее посинели, на бескровном лице отчетливо были написаны испытываемые ею муки. Но ее глаза, обращенные на меня, все так же светились мужеством и губы произносили ободряющие слова.

В эту ночь шторм, должно быть, бушевал с особенной яростью, но я уже почти ничего не сознавал, — усталость одолела меня, и я заснул на корме.

К утру четвертого дня ветер упал до едва приметного дуновения, волны улеглись и над нами ярко засияло солнце. О, благодатное солнце! Мы нежили свои измученные тела в его ласковых лучах и оживали, как букашки после бури. Мы снова начали улыбаться, шутить и бодро смотреть на будущее. А ведь в сущности положение наше было плачевнее прежнего. Мы теперь были еще дальше от Японии, чем в ту ночь, когда покинули "Призрак"; а о том, на какой широте и долготе мы находимся, я мог только гадать, и притом весьма приблизительно. Если мы в течение семидесяти с лишним часов дрейфовали со скоростью двух миль в час, нас должно было снести по крайней мере на сто пятьдесят миль к северо-востоку. Но были ли верны мои подсчеты? А если мы дрейфовали со скоростью четырех миль в час? Тогда нас снесло еще на сто пятьдесят миль дальше от цели.

Итак, где мы находимся, я не знал и не удивился бы, если бы мы вдруг снова увидели "Призрак". Вокруг плавали котики, и я все время ждал, что на горизонте появится промысловая шхуна. Во второй половине дня, когда снова поднялся свежий северо-западный ветер, мы действительно увидели вдали какую-то шхуну, но она тут же скрылась из глаз, и опять мы остались одни среди пустынного моря.

Были дни непроницаемого тумана, когда даже Мод падала духом и с ее губ уже не слетали веселые слова; были дни штиля, когда мы плыли по безмолвному, безграничному простору, подавленные величием океана, и дивились тому, что все еще живы и боремся за жизнь, несмотря на всю нашу беспомощность; были дни пурги и снежных шквалов, когда мы промерзали до костей, и были дождливые дни, когда мы наполняли наши бочонки стекавшей с паруса водой.

И все эти дни моя любовь к Мод непрестанно росла. Эта девушка была такой многогранной, такой богатой настроениями — "протеевой", как я называл ее, — натурой. У меня были для нее и другие, еще более ласковые имена, но я ни разу не произнес их вслух. Слова любви трепетали у меня на губах, но я знал, что сейчас не время для признаний. Можно ли, взяв на себя задачу спасти и защитить женщину, просить ее любви? Но сколь ни сложно было — в силу этого и в силу многих других обстоятельств — мое положение, я, думаю, умел держать себя как должно. Ни взглядом, ни жестом не выдал я своих чувств. Мы с Мод были добрыми товарищами, и с каждым днем наша дружба крепла.

Больше всего поражало меня в Мод полное отсутствие робости и страха. Ни грозное море, ни утлая лодка, ни штормы, ни страдания, ни наше одиночество, то есть все то, что могло бы утратить даже физически закаленную женщину, не производило, казалось, никакого впечатления на нее. А ведь она знала жизнь только в ее наиболее изнеживающих, искусственно облегченных формах. Эта девушка представлялась мне всегда как бы сотканной из звездного сияния, росы и туманной дымки... Она казалась мне духом, принявшим телесную оболочку, и воплощением всего, что есть самого нежного, ласкового, доверчивого в женщине. Однако я был не вполне прав. Мод и робела и боялась, но она обладала мужеством. Плоть и муки были и ее уделом, как и всякой женщины, но дух ее был выше плоти и страдала только ее плоть. Она была как бы духом жизни, ее духовной сутью, — всегда безмятежная, с безмятежным взглядом, исполненная веры в высший порядок среди неустойчивого порядка вселенной.

Опять наступила полоса штормов. Дни и ночи ре-вела буря, рукой титана швыряя наше суденышко по волнам, и океан щерился на нас своей пенистой пастью. Все дальше и дальше относило нас на се-веро-восток. И вот однажды, когда шторм свирепс-товал вовсю, я бросил усталый взгляд в подвет-ренную сторону. Я уже ничего не искал, а скорее, измученный борьбой со стихией, как бы безмолвно молил разъяренные хляби морские унять свой гнев и пощадить нас. Но, взглянув, я не поверил своим глазам. У меня мелькнула мысль, что дни и ночи, проведенные без сна, в непрестанной тревоге, по-мрачили мой разум. Я перевел взгляд на Мод, и вид ее ясных карих глаз, ее милых мокрых щек и развевающихся волос сказал мне, что рассудок мой цел. Повернувшись снова в подветренную сторону, я снова увидел выступающий далеко в море мыс — черный, высокий и голый, увидел бурный прибой, разбивающийся у его подножья фонтаном белых брызг, и мрачный, неприветливый берег, уходящий на юго-восток и окаймленный грозной полосой буру-нов.

— Мод, — воскликнул я, — Мод!

Она повернула голову и тоже увидела землю.

— Неужели это Аляска? — вскричала она.

— Увы, нет! — ответил я и тут же спросил: — Вы умеете плавать?

Она отрицательно покачала головой.

— И я не умею, — сказал я. — Значит, добираться до берега придется не вплавь, а на шлюпке, придется найти какой-нибудь проход между прибрежными ска-лами. Но время терять нельзя... и присутствия духа тоже.

Я говорил уверенно, но на душе у меня было далеко не спокойно. Мод поняла это и, пристально посмотрев на меня, сказала:

— Я еще не поблагодарила вас за все, что вы сде-лали для меня, и...

Она запнулась, как бы подбирая слова, чтобы луч-ше выразить свою благодарность.

— И что же дальше, — спросил я довольно грубо, так как мне совсем не понравилось, что она вдруг вздумала благодарить меня.

— Помогите же мне! — улыбнулась она.

— Помочь вам высказать мне свою признательность перед смертью? И не подумаю. Мы не умрем. Мы высадимся на этот остров и устроимся на нем наилучшим образом еще до темноты.

Однако, несмотря на всю решительность моего тона, я сам не верил ни единому своему слову. Но не страх заставлял меня лгать. Страх за себя я не испытывал, хотя и ждал, что найду смерть в кипящем прибое среди скал, которые быстро надвигались на нас. Нечего было и думать о том, чтобы поднять парус и попытаться отойти от берега: ветер мгновенно опрокинул бы шлюпку и волны захлестнули бы ее; да к тому же и парус вместе с запасными веслами был у нас спущен за корму.

Как я уже сказал, сам я не страшился смерти, которая подстерегала нас где-то там, в каких-нибудь сотнях ярдов, но мысль о том, что должна умереть Мод, приводила меня в ужас. Проклятое воображение уже рисовало мне ее изуродованное тело в кипящем водовороте среди прибрежных скал, и я не мог этого вынести: я заставлял себя думать, что мы благополучно высадимся на берег, и говорил не то, чему верил, а то, чему хотел бы верить.

Вставшая перед моими глазами картина столь страшной гибели ужаснула меня, и на миг мелькнула безумная мысль: схватить Мод в объятия и прыгнуть с нею за борт. Эту мысль сменила другая: когда шлюпка достигнет полосы бурунов, обнять Мод, сказать ей о своей любви и, подхватив ее на руки, броситься в последнюю отчаянную схватку со смертью.

Мы инстинктивно придвинулись друг к другу. Рука Мод в рукавице потянулась к моей. И так, без слов, мы ждали конца. Мы были уже близко от полосы прибоя у западного края мыса, и я напряженно смотрел вперед, в слабой надежде, что случайное течение или сильная волна подхватит и пронесет нас мимо бурунов.

— Мы проскочим! — заявил я с напускной уверенностью, которая не обманула ни Мод, ни меня самого. Но через несколько минут я снова воскликнул:

— Мы проскочим, черт побери!

Я был так взволнован, что выбранился — чуть ли не впервые в жизни.

— Прошу прощения... — пробормотал я.

— Вот теперь вы убедили меня! — с улыбкой сказала Мод. — Теперь и я верю, что мы проскочим.

За краем мыса уже виден был вдали высокий берег, и нашим глазам постепенно открывалась глубокая бухта. Одновременно с этим до нас долетел какой-то глухой, неумолчный рев. Он перекачивался, как отдаленный гром, и доносился с подветренной стороны сквозь грохот прибоя и вой бури. Мы обогнули мыс, и вся бухта сразу открылась нам — белый, изогнутый полумесяцем песчаный берег, о который разбивался мощный прибой и который был сплошь усеян мириадами котиков. От них-то и исходил долетавший до нас рев.

— Лежбище! — воскликнул я. — Теперь мы и вправду спасены. Тут должна быть охрана и сторожевые суда для защиты животных от охотников. Быть может, на берегу есть даже пост.

Однако, продолжая всматриваться в линию прибоя, разбивавшегося о берег, я вынужден был заметить:

— Не так-то все это просто, конечно, ну да ничего. Если боги смилостивятся над нами, мы обогнем еще один мыс и, может быть, найдем хорошо защищенную бухту, где сможем выйти из шлюпки, даже не замочив ног.

И боги смилостивились. Чуть не врезавшись во второй мыс, мы все же обогнули его, гонимые юго-восточным ветром, и увидели третий, почти на одной линии с первыми двумя. Но какая бухта открылась нам здесь! Она глубоко вдавалась в сушу и прилив сразу подхватил нашу шлюпку и отнес под укрытие второго мыса. Здесь море было почти спокойно, крупная, но ровная зыбь качала шлюпку, и я втянул плавучий якорь и сел на весла. Берег загибался все дальше на юго-запад, и вдруг внутри этой большой бухты нам открылась еще одна небольшая, хорошо закрытая естественная гавань, где вода стояла тихо, как в пруду, лишь изредка подергиваемая рябью, когда из-за нависшей над песчаным берегом отвесной гряды скал, футах в ста от воды, налетали слабые порывы ветра — отголоски бушевавшего в океане шторма.

Котиков здесь совсем не было видно. Киль лодки врезался в твердую гальку. Я выскочил, протянул Мод

руку, и секунду спустя она уже стояла рядом со мною. Но, как только я отпустил ее руку, она поспешно ухватила за меня. В тот же миг я сам пошатнулся и чуть не упал на песок. Так повлияло на нас прекращение качки. Слишком долго носило нас по морю и швыряло на волнах, и теперь, став на твердую почву, мы были ошеломлены. Нам казалось, что берег тоже должен опускаться и подниматься у нас под ногами, а скалы — качаться, как борта судна. И когда мы, по привычке, приготовились противостоять этим движениям, отсутствие их совершенно нарушило наше чувство равновесия.

— Нет, я должна присесть, — сказала Мод, нервно рассмеявшись, и, взмахнув руками, как пьяная, опустилась на песок.

Втащив лодку повыше, я присоединился к Мод. Так произошла высадка на "Остров Усилий" двух людей, отвыкших от земли и после долгого пребывания на море испытавших "качку" на суше.

Глава двадцать девятая

— Дурак! — воскликнул я, давая выход своей досаде.

Я только что разгрузил шлюпку и перенес все наши вещи туда, где думал устроить стоянку, — подальше от воды. На берегу валялись выброшенные морем обломки дерева, и вид банки кофе, которую я прихватил из кладовой "Призрака", сразу навел меня на мысль разжечь костер.

— Жалкий идиот! — продолжал я.

— Что вы, что вы!.. — проговорила Мод тоном мягкого упрека и пожелала узнать, почему я жалкий идиот.

— Спичек-то нет! — простонал я. — Я не припас ни одной спички, и теперь у нас не будет ни горячего кофе, ни супа, ни чая — вообще ничего горячего!

— А ведь, кажется, Робинзон Крузо добывал огонь трением одной палки о другую? — заметила она.

— Ну да! Я раз двадцать читал рассказы потерпевших кораблекрушение, — они тоже пытались это делать, но без малейшего успеха, — отвечал я. — Знал я еще некоего Винтерса, газетного репортера, — он побывал на Аляске и в Сибири. Мы как-то встретились с ним, и он рассказал мне о своей попытке развести костер с помощью двух палок. Забавная история, и рассказывал он ее неподражаемо. Но его попытка тоже кончилась неудачей. Я помню, как в заключение он изрек, сверкнув своими черными глазами: "Джентльмены! Быть может, жителям тихоокеанских островов это и удастся, быть может, малайцам это удастся, но даю вам слово, что белому человеку это недоступно".

— Ну что же, мы ведь до сих пор обходились без огня, — бодро сказала Мод. — И теперь как-нибудь обойдемся, надо полагать.

— Но подумайте, у нас есть кофе! — воскликнул я. — И превосходный кофе! Я же знаю, — я взял его из личных запасов Волка Ларсена. И есть отличные дрова!

Признаюсь, мне ужасно хотелось кофе, а вскоре я узнал, что и Мод питает слабость к этому напитку. К тому же мы так долго были лишены горячей пищи, что, казалось, окоченели изнутри не меньше, чем снаружи. Глоток чего-нибудь горячего пришелся бы нам очень кстати. Но я перестал сетовать и принялся сооружать из паруса палатку для Мод.

Имея в своем распоряжении весла, мачту, шпринт и гик да еще изрядный запас веревок, я считал, что легко справлюсь с этой задачей. Но у меня не было опыта, и мне до всего приходилось доходить своим умом и все время что-то изобретать, так что палатка была готова лишь к вечеру. А ночью пошел дождь, палатку затопило, и Мод перебралась обратно в шлюпку.

На следующее утро я окопал палатку неглубокой канавой, а часом позже внезапным порывом ветра, налетевшим из-за высокой гряды скал, палатку сорвало и швырнуло на песок в тридцати шагах от нас.

Мод рассмеялась, увидав мое огорченное лицо, а я сказал:

— Как только ветер спадет, я сяду на шлюпку и обследую берег. Тут, верно, есть какой-нибудь пост, а значит, и люди. И корабли не могут не заходить сюда. Эти котики, несомненно, охраняются правительством какой-нибудь страны. Но прежде я хочу все-таки устроить вас поудобнее.

— Я бы предпочла поехать с вами, — сказала Мод.

— Нет, вам лучше остаться. Вы и так уж намучились. Просто чудо, что вы еще живы. А идти на веслах и ставить парус под этим дождем — небольшое удовольствие. Вам нужно отдохнуть, и я прошу вас остаться.

Мне показалось, что чудесные глаза Мод затуманились; она потупилась и отвернулась.

— Я предпочла бы поехать с вами, — повторила она тихо и с мольбой. — Я могла бы... — голос ее дрогнул, — помочь вам, хоть немного. А если с вами что-нибудь случится — подумайте, — я останусь здесь совсем одна!

— Я буду осторожен, — отвечал я. — Далеко не поеду и вернусь к вечеру. Нет, нет, я считаю, что вам следует остаться, отдохнуть как следует и выспаться.

Она подняла голову и заглянула мне в глаза мягким молящим взглядом.

— Пожалуйста, прошу вас! — проговорила она кротко. О, так кротко...

Я призвал на помощь всю свою стойкость и отрицательно покачал головой. Но она продолжала молча заглядывать мне в глаза. Я пытался повторить свой отказ и не нашел слов. Радость вспыхнула в ее взоре, и я понял, что проиграл. Теперь я уже не мог сказать "нет".

После полудня ветер утих, и мы стали готовиться к поездке, решив отправиться в путь на следующее утро. Проникнуть вглубь острова из нашей бухточки было невозможно, так как скалы окружали отлогий песчаный берег отвесной стеной, а по краям бухты поднимались прямо из воды.

С утра день обещал быть пасмурным, но тихим. Встав пораньше, я принялся готовить шлюпку.

— Дурак! Болван! Йэху!¹ — закричал я, решив, что настало время будить Мод. На этот раз, однако, я кричал в притворном отчаянии, а сам, без шапки, весело приплясывал на берегу.

Откинув край палатки, выглянула Мод.

— Что еще случилось? — спросила она сонно, но не без любопытства.

— Кофе! — крикнул я. — Что вы скажете насчет чашки кофе? Горячего, дымящегося кофе?

— Боже мой, — пробормотала она, — как вы напугали меня! И как это жестоко! Я уже приучила себя к мысли, что придется обходиться без кофе, а вы опять дразните меня.

— А вот поглядите, что сейчас произойдет! — отвечал я.

У подножья нависших скал я собрал немного сухих веточек и щепок и приготовил из них растопку, настругав тоненьких лучинок. Затем вырвал листок из своей записной книжки и достал охотничий патрон. Выковырнув ножом пыжи, я высыпал порох на большой плоский камень. Потом осторожно извлек из патрона капсюль и положил его на кучку пороха. Все было готово. Мод внимательно следила за мной, высунувшись из палатки. Подняв с земли камень и держа бумагу наготове, я с силой ударил камнем по капсюлю. Поднялось облачко белого дыма, вспыхнул огонек, и край бумаги загорелся.

Мод восторженно захлопала в ладоши.

— Прометей! — воскликнула она.

Но в эту минуту мне было не до ликования. Чтобы сохранить слабый огонек и придать ему силы, его нужно было всячески беречь и лелеять. Стружку за стружкой, лучинку за лучинкой давал я пожирать огню, пока не затрещали схваченные огнем веточки и щепки. У нас не было ни чайника, ни сковородки — ведь я никак не предполагал, что шлюпку может прибить к какому-то безлюдному острову, — и в ход пошел черпак из шлюпки. Впоследствии, когда мы съели часть консервов, пустые банки недурно заменили нам кухонную утварь.

¹ Йэху — скотоподобные люди, выведенные Джонатаном Свифтом в его романе "Путешествия Гулливера".

Я вскипятил воду, а Мод взялась за приготовление кофе. И какой же это был вкусный кофе! Я подал к столу говяжью тушонку, разогрев ее с размоченными в воде галетами, и завтрак удался на славу. Прихлебывая горячий черный кофе и обсуждая наши дела, мы засиделись у костра куда дольше, чем могли позволить себе это предприимчивые исследователи необжитых земель.

Я знал, что лежбища в Беренговом море обычно находятся под охраной, и надеялся обнаружить в одной из бухт сторожевой пост. Но Мод, желая, по-видимому, подготовить меня к возможному разочарованию, высказала предположение, что мы открыли новое лежбище. Тем не менее она была в отличном настроении и говорила о нашем довольно плачевном положении в самом веселом тоне.

— Если вы правы, — сказал я, — нужно готовиться к зимовке. наших запасов нам, конечно, не хватит, но тут выручат котики. Однако осенью они откочуют, так что надо уже сейчас начинать запасаться мясом. Кроме того, нужно будет построить хижины и насобирать побольше дров. Для освещения попытаемся использовать котиковый жир. Словом, если остров окажется необитаемым, хлопот у нас будет по горло. Впрочем, не думаю, чтобы здесь не было людей.

Но она оказалась права. В полветра мы обходили на шлюпке остров, рассматривали в бинокль каждую бухточку и кое-где приставали к берегу, но нигде не обнаружили человеческого жилья. Правда, мы убедились, что люди уже побывали на Острове Усилий. Во второй от нас бухте мы нашли разбитую шлюпку, выброшенную волной на берег. Это была промысловая шлюпка: уключины у нее были оплетены, на носу правого борта имелась стойка для ружья, а на корме я разобрал полустершуюся надпись, выведенную белой масляной краской: "Газель. № 2". Шлюпка лежала здесь давно, так как ее наполовину занесло песком, а растрескавшиеся доски почернели от непогоды. В кормовой части я нашел заржавленный дробовик десятого калибра и матросский нож. Лезвие ножа было обломано почти у рукоятки и тоже изъедено ржавчиной.

— Им удалось выбраться отсюда! — бодро сказал я, хотя сердце у меня сжалось при мысли, что где-ни-

будь на берегу мы можем наткнуться на побелевшие человеческие кости.

Мне не хотелось, чтобы настроение Мод было омрачено подобной находкой, поэтому я поспешил оттолкнуть нашу шлюпку от берега и направил ее вокруг северо-восточной оконечности острова. На южном берегу отлогих спусков не было совсем, и, обогнув выступавший в море черный мыс, мы вскоре после полудня закончили объезд острова. Я прикинул, что окружность его составляет примерно двадцать пять миль, а диаметр от двух до пяти миль. И, по самым скромным подсчетам, на нем было не меньше двухсот тысяч котиков. Возвышенная часть острова находилась у его юго-западной оконечности и постепенно понижалась к северо-востоку, где суша лишь на несколько футов выдавалась из воды. Во всех бухтах, кроме нашей, песчаный берег поднимался полого, переходя на расстоянии полумили от моря в каменистые площадки, кое-где поросшие мхом и другой растительностью, напоминавшей тундру. Сюда и выходили стада котиков; старые самцы стерегли свои гаремы, молодые держались особняком.

Остров Усилий навряд ли заслуживает более подробного описания. Местами скалистый, местами болотистый, повсюду открытый штормовым ветрам, омываемый бурным прибоем и вечно потрясаемый ревом двухсот тысяч морских животных, он представлял собой весьма унылое, безрадостное прибежище. Мод, которая сама готовила меня к возможному разочарованию и весь день сохраняла бодрое, жизнерадостное настроение, теперь, когда мы вернулись в свою бухточку, пала духом. Она мужественно старалась скрыть это от меня, но, разжигая костер, я слышал приглушенные рыдания и знал, что она плачет, уткнувшись в одеяла в своей палатке.

Настал мой черед проявить бодрость. Я старался играть свою роль как можно лучше, и мне это, видимо, удалось, так как вскоре Мод уже снова смеялась и даже распевала. Она рано легла спать, но перед сном спела для меня. Я впервые слышал ее пение и с упоением внимал ему, лежа у костра. Во всем, что она делала, сказывалась артистичность ее натуры, а голос ее, хотя и не сильный, был удивительно нежен и выразителен.

Я по-прежнему спал в лодке и в эту ночь долго лежал без сна. Я глядел на звезды, которых так давно не было видно, и размышлял. Я понимал, что на мне лежит огромная ответственность, а это было совершенно для меня непривычно. Волк Ларсен оказался прав: прежде я не стоял на своих ногах. Мои адвокаты и поверенные управляли за меня состоянием, доставшимся мне от отца, сам же я не знал никаких забот. Только на "Призраке" научился я отвечать за себя. А теперь, впервые в жизни, должен был нести ответственность за другого человека. И это была величайшая ответственность, какая может выпасть на долю мужчины, ведь я отвечал за судьбу женщины, которая была для меня единственной в мире, — за судьбу "моей малышки", как я любовно называл ее в своих мечтах.

Глава тридцатая

Не мудрено, что мы называли наш остров Островом Усилий. Две недели трудились мы над возведением хижины. Мод непременно хотела помогать мне, и я чуть не плакал, глядя на ее исцарапанные в кровь руки. Вместе с тем я не мог не гордиться ею. Было поистине что-то героическое в том, как эта изнеженная женщина переносила столь тяжкие лишения и невзгоды и напрягала все свои слабые силы, стараясь выполнять тяжелую работу. Она таскала камни, помогая мне строить хижину, и слушать не хотела, когда я молил ее предоставить это дело мне. Еле-еле удалось мне уговорить ее взять на себя более легкие обязанности — готовить пищу и собирать дрова и мох на зиму.

Стены хижины росли довольно быстро, и все шло как по маслу, пока передо мной не встал вопрос: из чего делать крышу? Без крыши и стены ни к чему! У нас, правда, были запасные весла, и они могли послужить стропилами, но чем их покрыть? Трава для этого не годилась, мох тоже, парус необходимо

было сохранить для шлюпки, а брезент уже прохудился.

— Винтерс пользовался шкурами моржей, — заметил я.

— А у нас есть котики, — подсказала Мод.

И на следующий день началась охота. Стрелять я не умел — пришлось учиться. Однако, изведя тридцать патронов на трех котиков, я решил, что наши боеприпасы иссякнут, прежде чем я постигну это искусство. К тому же я уже потратил восемь патронов на разжигание костра, прежде чем догадался сберегать огонь, прикрывая тлеющие угли сырым мхом. Теперь в ящике оставалось не больше сотни патронов.

— Придется бить зверя дубинкой, — заявил я, окончательно убедившись, что стрелок из меня не получится. — Я слышал от охотников, что так делают.

— Как это можно! — запротестовала Мод. — Эти животные так красивы! Это же просто зверство! Стрелять еще куда ни шло...

— Нам нужна крыша, — сурово отвечал я. — Зима уже на носу. Или мы, или они — другого выбора нет. Жаль, конечно, что у нас мало патронов, но я думаю, что от удара дубинкой они будут даже меньше страдать, чем от пуль. И уж, конечно, бить их я пойду один.

— Вот в том-то и дело, — взволнованно начала она и вдруг смутилась и замолчала.

— Конечно, — сказал я, — если вы предпочитаете...

— Ну, а чем я буду заниматься? — спросила она мягко, что, как я знал по опыту, означало настойчивость.

— Вы будете собирать дрова и варить обед, — не раздумывая долго, отвечал я.

Она покачала головой.

— Нет, вам нельзя идти одному, это слишком опасно. Знаю, знаю, — поспешно продолжала она, заметив, что я собираюсь возражать. — Я слабая женщина, пусть так. Но может статься, что именно моя маленькая помощь и спасет вас от беды.

— Помощь? Ведь их надо бить дубинкой, — напомнил я.

— Конечно, это будете делать вы. А я, верно, буду визжать и отворачиваться, как только...

— Как только появится опасность? — пошутил я.

— Это уж позвольте мне решать самой — когда отворачиваться, а когда нет, — с величественным видом отрезала она.

Разумеется, дело кончилось тем, что на следующее утро Мод отправилась со мной. Сев на весла, я привел шлюпку в соседнюю бухту. Вода вокруг нас кишела котиками, и на берегу их были тысячи; они ревели так, что нам приходилось кричать, чтобы услышать друг друга.

— Я знаю, что их бьют дубинками, — сказал я, стараясь приободриться и с сомнением поглядывая на огромного самца, приподнявшегося на ластах примерно в тридцати футах от берега и смотревшего прямо на меня. — Весь вопрос в том, как это делается?

— Давайте лучше наберем для крыши травы, — сказала Мод.

Она была напугана не меньше меня, да и не мудрено было испугаться, увидав вблизи эти сверкающие клыки и пасти, похожие на собачьи.

— А я всегда думал, что они боятся людей, — заметил я. — Впрочем, с чего я взял, что они не боятся? — добавил я, продолжая грести вдоль пляжа. — Быть может, стоит мне только смело выйти на берег, как они обратятся в бегство и покажут такую прыть, что я еще, пожалуй, и не догоню их.

И все же я медлил.

— Мне рассказывали, как один человек забрел на гнездовье диких гусей, — сказала Мод. — Они убили его.

— Гуси?

— Да, гуси. Я слышала об этом от своего брата, когда была маленькой.

— Но я же знаю, что котиков бьют дубинками! — настаивал я.

— А я думаю, что из травы крыша получится ничуть не хуже, — сказала Мод.

Сама того не желая, она только подзадорила меня. Не мог же я показать себя трусом.

— Была не была! — воскликнул я и, табаня одним веслом, начал причаливать к берегу.

Выпрыгнув из шлюпки, я смело пошел на гривастого секача, окруженного своими многочисленными самками. Я прихватил с собой обыкновенную дубинку, какую гребцы добивают раненых котиков, вытащен-

ных из воды охотниками. Она была всего в полтора фута длиной, и я в своем неведении даже не подозревал, что при набегах на лежбища применяются дубинки длиной в четыре-пять футов. Самки расплзались при моем приближении; расстояние между мной и секачом все уменьшалось. Он сердито приподнялся на ластах. Я был от него уже футах в двенадцати и продолжал идти вперед, ожидая, что он вот-вот пустится от меня наутек.

Сделав еще несколько шагов, я испугался: а вдруг он не побежит? Ну что ж, тогда я стукну его дубинкой, — решил я. Со страху я даже позабыл, что моя цель — убить зверя, а не обратить его в бегство. Но в эту минуту он фыркнул, взревел и бросился на меня. Глаза его сверкали, пасть была широко разинута, и в ней зловеще белели клыки. Без ложного стыда должен признаться, что в бегство обратился не он, а я. Он преследовал меня неуклюже, но весьма проворно и был всего в двух шагах, когда я прыгнул в шлюпку. Я оттолкнулся от берега веслом, но он успел вцепиться в него зубами. Крепкое дерево хрустнуло и раскололось, как яичная скорлупа. Мы с Мод были ошеломлены. А секач нырнул под шлюпку и принялся с силой трясти ее, ухватившись зубами за киль.

— Боже мой! — встричала Мод. — Лучше вернемся. Я покачал головой.

— То, что делают другие, могу сделать и я, а я знаю наверное, что котиков бьют дубинками. Но секачей придется оставить в покое.

— Лучше бы вам их всех оставить в покое! — сказала Мод.

— Только не вздумайте говорить: "Пожалуйста, прошу вас!" — воскликнул я и, боюсь, довольно сердито.

Она промолчала, но я понял, что мой тон задел ее.

— Простите! — сказал, или, вернее, прокричал я, чтобы покрыть стоявший над лежбищем рев. — Если вы будете настаивать, мы, конечно, вернемся, но, честно говоря, я бы этого не хотел.

— Только не вздумайте говорить: "Вот что значит брать с собою женщину!" — сказала она с обворожительной лукавой улыбкой, и я понял, что прощен.

Проплыв еще немного вдоль берега, чтобы собраться с духом, я снова причалил и вышел из шлюпки.

— Будьте осторожны! — крикнула мне вслед Мод.

Я кивнул ей и предпринял фланговую атаку на ближайший гарем. Все шло хорошо, пока я, подобравшись к одной из самок, лежавшей в стороне, не сделал попытку ударить ее по голове. Я промахнулся, а она зафыркала и проворно поползла прочь. Я подбежал ближе, замахнулся вторично, но угодил не в голову, а в плечо.

— Берегитесь! — услышал я отчаянный крик Мод.

Увлеченный охотой, я не глядел по сторонам и, обернувшись, увидел, что меня атакует сам владыка гарема. Преследуемый по пятам, я снова бросился к шлюпке. Но на этот раз Мод уже не предлагала мне отказаться от моей затеи.

— Я думаю, вам лучше не трогать гаремы, а заняться одинокими котиками, — сказала она. — Эти как-то безобиднее. Помнится, я даже где-то читала про это. У доктора Джордана как будто. Это молодые самцы, недостаточно возмужавшие, чтобы иметь свои гаремы. Джордан, кажется, называет их "холостяками". Нужно только найти, где у них лежбище, и тогда...

— В вас, я вижу, пробудился охотничий инстинкт! — рассмеялся я.

Она мило вспыхнула.

— Я, так же как и вы, не люблю признавать себя побежденной, хотя мне и очень не по душе, что вы будете убивать этих красивых безобидных созданий.

— Красивых! — усмехнулся я. — Что-то я не заметил ничего красивого в этих чудовищах, которые гнались за мной, оскалив клыки.

— Все зависит от точки зрения, — рассмеялась она. — Вам не хватает перспективы. К наблюдаемому предмету не рекомендуется подходить слишком близко...

— Вот именно! — воскликнул я. — Что мне нужно — так это дубинку подлиннее. Кстати, можно воспользоваться сломанным веслом.

— Я припоминаю... — сказала она. — Капитан Ларсен рассказывал, как охотятся на лежбищах. Загоняют небольшую часть стада подальше от берега и там убивают.

— Ну, у меня нет особого желания загонять "небольшую часть стада", — возразил я.

— Есть еще "холостяки" — сказала она. — Они держатся особняком. Доктор Джордан говорит, что между гаремами остаются дорожки, и пока "холостяки" не сходят с этих дорожек, повелители гаремов не трогают их.

— Вот как раз плывет один их них, — указал я на молодого "холостяка", подплывавшего к берегу. — Будем наблюдать за ним, и, если он выйдет из воды, я пойду следом.

Котик выбрался на берег в свободном пространстве между двумя гаремами, повелители которых грозно заворчали, но не тронули его, и стал медленно удаляться, пробираясь по "дорожке".

— Ну попытаемся! — бодро сказал я, выскакивая из шлюпки, но, признаюсь, сердце у меня ушло в пятки при мысли о том, что мне придется пройти сквозь все это громадное стадо.

— Не мешало бы закрепить шлюпку, — сказала Мод.

Она уже стояла на берегу рядом со мной, и я с изумлением посмотрел на нее.

Она решительно кивнула.

— Ну да, я пойду с вами. Втащите шлюпку повыше на берег и вооружите меня какой-нибудь дубинкой.

— Давайте лучше вернемся назад, — уныло проговорил я. — Обойдемся в конце концов и травой.

— Вы же знаете, что трава не годится, — последовал ответ. — Может быть, мне пойти вперед?

Я пожал плечами, но в глубине души был восхищен ее смелостью и горд за нее. Я дал ей сломанное весло, а сам взял другое. Не без страха двинулись мы вперед. Мод испуганно вскрикнула, когда какая-то любопытная самка потянулась носом к ее ноге, да и я не раз ускорял шаги по той же причине. Из обоих гаремов доносилось предостерегающее ворчанье, но других признаков враждебности мы не замечали. Это лежбище еще не видало охотников, и поэтому котики здесь были не напуганы и довольно добродушны.

В гуще стада шум стоял невероятный. От него голова шла кругом. Я приостановился и ободряюще улыбнулся Мод. Мне удалось быстрее преодолеть свою боязнь, она же все еще не могла побороть страха и, подойдя ко мне ближе, крикнула:

— Я боюсь, ужасно боюсь!

А я не боялся. Мне еще было не по себе, однако мирное поведение котиков значительно умерило мою тревогу. Но Мод вся дрожала.

— Я боюсь и не боюсь, — лепетала она трясущимися губами. — Это мое жалкое тело боится, а не я.

— Ничего, ничего! — ободрял я ее, инстинктивно обняв за плечи в стремлении защитить.

Никогда не забуду, какой прилив мужества я тогда ощутил. Изначальные инстинкты заговорили во мне, и я почувствовал себя мужчиной, защитником слабых, борющимся самцом. Но драгоценнее всего было сознание, что я защищаю любимое существо. Мод опиралась на меня, нежная и хрупкая, как цветок, и дрожь ее утихала, а я чувствовал, как крепнут мои силы. Я готов был сразиться с самым свирепым самцом из стада, и если бы в ту минуту он набросился на меня, я встретил бы его бестрепетно и наверняка одолел бы.

— Все в порядке, — проговорила Мод, с благодарностью подняв на меня глаза. — Пойдемте дальше!

И сознание, что она почерпнула силы во мне и полагается на меня, наполнило мое сердце ликованием. Сквозь все наслоения цивилизации во мне все отчетливее звучало что-то унаследованное от моих далеких и забытых предков, живших на заре человечества, бивших зверя и спавших под открытым небом. А ведь мне, пожалуй, следует благодарить за это Волка Ларсена, подумал я, пробиваясь вместе с Мод по дорожке между гаремами.

Углубившись на четверть мили от берега, мы дошли до лежбища "холостяков" — молодых самцов с гладкой лоснящейся шерстью, — которые в одиночестве копили здесь силы в ожидании того дня, когда они с боем проложат себе дорогу в ряды счастливых.

Теперь у меня все сразу пошло на лад. Можно было подумать, что я всю жизнь только тем и занимался, что бил котиков. Крича, угрожающе размахивая дубинкой и даже подталкивая ею более медлительных, я быстро отогнал в сторону десятка два "холостяков". Когда какой-либо из них пытался прорваться назад к морю, я преграждал ему путь. Мод принимала в этом самое деятельное участие и помогала мне, крича и размахивая сломанным веслом. Я заметил, однако, что на-

и более тщедушным и неповоротливым она позволяла ускользнуть. Но я видел также, что, когда какой-нибудь особенно воинственно настроенный зверь делал попытку прорваться, глаза у нее вспыхивали и она ловко ударяла его дубинкой.

— А ведь это увлекает! — воскликнула она, останавливаясь в изнеможении, чтобы передохнуть. — Но я, кажется, должна присесть.

Пока она отдыхала, я отогнал маленькое стадо, в котором, по мягкосердечию Мод, осталось около двенадцати голов, шагов на сто дальше. Когда она присоединилась ко мне, я уже кончил бой и начал свежевать туши. Час спустя, нагруженные шкурами, мы гордо шествовали назад по дорожке между гаремами и дважды еще спускались к морю, сгибаясь под тяжестью своей ноши, после чего я решил, что на крышу нам теперь шкур хватит. Я поднял парус, вывел шлюпку из бухты, лег на другой галс и ввел ее в нашу бухточку.

— Точно в родной дом возвращаемся! — проговорила Мод, когда шлюпка врезалась в берег.

Ее слова взволновали меня, — они прозвучали так естественно и вместе с тем интимно, и я сказал:

— А мне уже кажется, что я никогда и не жил другой жизнью. Мир книг и книжников припоминается мне сейчас так смутно, словно это был сон, а на самом деле я всю жизнь только и делал, что охотился и совершал набеги на лежбища зверей. И словно вы тоже всегда участвовали в этой жизни. Вы... — я чуть не произнес: "моя жена, моя подруга", но вовремя спохватился и закончил: — отлично переносите трудности.

Но чуткое ухо Мод уловило фальшь в моем голосе. Она поняла, что я думал о чем-то другом, и бросила на меня быстрый взгляд.

— Это не то. Вы хотели сказать...

— ...что американская миссис Мейнелл ведет жизнь дикарки, и притом довольно успешно, — непринужденно отвечал я.

— О! — протянула она, но я мог бы поклясться, что вид у нее был разочарованный.

Слова эти — "моя жена, моя подруга" — звучали в моей душе весь день и еще много дней. Но никогда не звучали они так настойчиво, как в тот вечер, когда я, сидя у очага, наблюдал, как Мод снимает мох с

углей, раздувает огонь и готовит ужин. Верно, крепка была моя связь с моим первобытным предком, если эти древние слова, прозвучавшие впервые в глубине веков, так захватили и взволновали меня. А они звучали во мне все громче и громче, и засыпая, я повторял их про себя.

Глава тридцать первая

— Да, от нее будет пахнуть, — сказал я, — зато она сохранит в хижине тепло и укроет вас от дождя и снега.

Мы стояли и рассматривали крышу из котиковых шкур, которая была, наконец, готова.

— Она неказиста, но своей цели послужит, а это главное, — продолжал я, жажда услышать похвалу из уст Мод.

Она захлопала в ладоши и объявила, что страшно довольна.

— Но ведь внутри совсем темно, — добавила она секунду спустя и невольно передернула плечами.

— Почему же вы не предложили сделать окно, когда мы складывали стены? — сказал я. — Хижина строилась для вас, и вы могли бы подумать о том, что вам нужен свет.

— Но я как-то не привыкла задумываться над тем, что кажется очевидным, — засмеялась она в ответ. — А кроме того, в стене ведь можно пробить дыру в любое время.

— Совершенно верно. Вот об этом я не подумал, — отозвался я, глубокомысленно покачивая головой. — Ну, а вы позаботились уже заказать оконные стекла? Позвоните в магазин — Рэд-44-51, если не ошибаюсь, — и скажите, какой сорт и размер вам нужен.

— Это значит?.. — начала она.

— Это значит, что окна не будет.

Темно и неприглядно было в этой хижине. В цивилизованных условиях такое сооружение могло бы послужить разве лишь свиным хлевом, но нам, по-

знавшим все тяготы скитаний на шлюпке, оно казалось весьма уютным пристанищем. Отпраздновав новоселье при свете пенькового фитиля, плававшего в вытопленном котиковом жире, мы занялись заготовлением мяса на зиму и постройкой второй хижины. Охота казалась нам теперь простым делом. С утра мы выезжали на шлюпке, а к полудню возвращались с грузом котиковых туш. Затем, пока я трудился над постройкой хижины, Мод вытапливала жир и поддерживала огонь в очаге, над которым коптилось мясо. Я слышал о том, как коптят говядину в центральных штатах, и мы делали так же: нарезали мясо котиков длинными тонкими ломтями, подвешивали их над костром, и они превосходно коптились.

Складывать вторую хижину было легче, так как я пристраивал ее к первой и для нее требовалось только три стены. Но и на это надо было употребить много упорного, тяжелого труда. Мы с Мод работали весь день дотемна, не щадя сил, а с наступлением ночи еле добирались до своих постелей и засыпали как убитые. И все же Мод уверяла меня, что никогда в жизни не чувствовала себя такой здоровой и сильной. Про себя я мог сказать то же самое, но Мод была хрупкая, как цветок, и я все время боялся, что ее здоровье не выдержит такого напряжения. Сколько раз видел я, как она в полном изнеможении ложилась навзничь на песок, раскинув руки, чтобы лучше отдохнуть, а потом вскакивала и трудилась с прежним упорством, и не переставал дивиться, откуда только берутся у нее силы.

— Ну, нам еще надоест отдыхать зимой, — отвечала она на все мои уговоры поберечь себя. — Да мы будем изнывать от безделья и радоваться любой работе!

В тот вечер, когда и над моей хижинкой появилась крыша, мы вторично отпраздновали новоселье. Третий день яростно бушевал шторм; он шел с юга-востока, постепенно перемещаясь к северо-западу, и сейчас дул на нас прямо с моря. Прибой грохотал на отлогом берегу внешней бухты, и даже в нашем маленьком глубоком заливчике гуляли изрядные волны. Скалистый хребет острова не защищал нас от ветра, который так ревел и завывал вокруг хижины, что я опасался за ее стены. Крыша, натянутая, казалось

мне, туго, как барабан, прогибалась и ходила ходуном при каждом порыве ветра; в стенах, плотно, как полагала Мод, проконопаченных мхом, открылись бесчисленные щели. Но внутри ярко горела плшка с котиковым жиром, и нам было тепло и уютно.

Это был удивительно приятный вечер, и мы с Мод единогласно решили, что ни одно из наших светских мероприятий на Острове Усилий еще не проходило столь успешно. На душе у нас было спокойно. Мы не только примирились с мыслью о предстоявшей нам суровой зиме, но и подготовились к ней. Котики могли теперь в любой день отправляться в свое таинственное путешествие на юг — что нам до того! Да и бури нас не страшили. Мы не сомневались, что нам будет сухо и тепло под нашим кровом, а у нас к тому же имелись еще роскошные, мягкие тюфяки, изготовленные из мха. Это было изобретение Мод, и она сама ревностно собирала для них мох. Мне предстояло сегодня впервые за много ночей спать на тюфяке, и я знал, что сон мой будет еще слаще от того, что тюфяк этот сделан руками Мод.

Направляясь к себе в хижину, Мод обернулась ко мне и неожиданно произнесла следующие загадочные слова:

— Что-то должно произойти! Вернее, уже происходит. Я чувствую. Что-то приближается сюда, к нам. Вот в эту самую минуту. Я не знаю, что это, но оно идет сюда.

— Хорошее или плохое? — спросил я.

Она покачала головой.

— Не знаю, но оно где-то там.

И она указала в ту сторону, откуда ветер рвался к нам с моря.

— Там море и шторм, — рассмеялся я, — и не позавидуешь тому, кто вздумает высадиться на этот берег в такую ночь.

— Вы не боитесь? — спросил я, провожая ее до двери.

Вместо ответа она смело и прямо посмотрела мне в глаза.

— А как вы себя чувствуете? Вполне хорошо?

— Никогда не чувствовала себя лучше, — отвечала она.

Мы поговорили еще немного, и она ушла.

— Спокойной ночи, Мод! — крикнул я ей вслед.

— Спокойной ночи, Хэмфри! — откликнулась она.

Не сговариваясь, мы назвали друг друга по имени, и это вышло совсем просто и естественно. Я знал, что в эту минуту я мог бы обнять ее и привлечь к себе. В привычной для нас обоих обстановке я бы, несомненно, так и поступил. Но здесь наши отношения не могли перейти известной грани, и я остался один в своей маленькой хижине, согретый сознанием, что между мною и Мод возникли какие-то новые узы, какое-то новое молчаливое взаимопонимание.

Глава тридцать вторая

Мое пробуждение сопровождалось странным гнетущим ощущением беспокойства. Словно мне чего-то не доставало, словно исчезло что-то привычное. Но это ощущение скоро прошло, и я понял, что ничто не изменилось, — не было только ветра. Когда я засыпал, нервы у меня были напряжены, как бывает всегда при длительном воздействии на них звука или движения, и, пробудясь, я в первое мгновение все еще находился в этом состоянии напряжения, стараясь противостоять силе, которая уже перестала действовать.

Впервые за долгие месяцы я провел ночь под кровлей, и мне хотелось понежиться еще под сухими одеялами, не ощущая на лице ни тумана, ни морских брызг. Я лежал, размышляя над тем, как странно подействовало на меня прекращение ветра, и испытывая блаженство от сознания, что я покоюсь на тюфяке, сделанном руками Мод. Одевшись и выглянув наружу, я услышал шум прибоя, который все еще бился о берег и свидетельствовал о недавно пронесшемся шторме. День был яркий и солнечный. Я основательно заспался и теперь с внезапным приливом энергии шагнул за порог. Я был исполнен решимости наверстать упущенное время, как и подобало обитателю Острова Усилий.

Но, выйдя из хижины, я остановился как вкопанный. Я не мог поверить своим глазам; то, что я увидел, ошеломило меня. На берегу, в каких-нибудь пятидесяти футах от хижины, уткнувшись носом в песок, лежал лишенный мачт черный корпус судна. Мачты и гики, перепутавшись с вантами и разодранными парусами, свисали с его борта. Я был поражен и глядел во все глаза. Вот он — камбуз, который мы сами построили, а вот и знакомый уступ юта и невысокая палуба рубки, едва возвышающаяся над бортом. Это был "Призрак".

Какой каприз судьбы занес его именно сюда, в этот крохотный уголок земли? Что за чудовищное совпадение? Я оглянулся на черную, неприступную стену за моей спиной, и безысходное отчаяние охватило меня. Бежать было некуда, абсолютно некуда. Я подумал о Мод, спящей в хижине, построенной нашими руками, вспомнил, как она сказала: "Спокойной ночи, Хэмфри", и слова "моя жена, моя подруга" вновь зазвенели в моем мозгу, но теперь — увы! — они звучали погребальным звоном. У меня потемнело в глазах. Быть может, это продолжалось лишь долю секунды, — не знаю. Когда я очнулся, передо мною по-прежнему чернел корпус шхуны; ее расколотый бушприт торчал над песчаным берегом, а обломанные части рангоута со скрипом терлись о борт при каждом всплеске волны. Я понял, что надо что-то предпринять. Надо было немедленно что-то предпринять!

Внезапно меня поразило, что на шхуне не заметно никаких признаков жизни. Это было странно. Видимо, команда, измученная борьбой со штормом и перенесенным кораблекрушением, все еще спит. У меня мелькнула мысль, что мы с Мод можем спастись, если успеем сесть на шлюпку и обогнуть мыс, прежде чем на шхуне кто-нибудь проснется. Надо разбудить Мод и тотчас двинуться в путь! Я уже готов был постучаться к ней, но тут же вспомнил, как ничтожно мал наш островок. Нам негде будет укрыться на нем. Нет, у нас не было выбора — только безбрежный, суровый океан. Я подумал о наших уютных маленьких хижинах, о наших запасах мяса и жира, мха и дров и понял, что мы не выдержим путешествия по океану зимой в бурную штормовую погоду.

В нерешительности, с поднятой рукой, я застыл у двери Мод. Нет, это невозможно, совершенно невоз-

можно! Безумная мысль пронеслась в моем мозгу — ворваться к Мод и убить ее во сне. И сейчас же возникла другая: на шхуне все спят; что мешает мне проникнуть туда — прямо в каюту к Волку Ларсену — и убить его? А там... Там видно будет. Главное — убрать его с дороги, после чего можно будет подумать и об остальном. Все равно, что бы ни случилось потом, хуже, чем сейчас, не будет.

Нож висел у меня на поясе. Я вернулся в хижину за дробовиком, проверил, заряжен ли он, и направился к шхуне. Не без труда, промокнув по пояс, взобрался я на борт. Люк матросского кубрика был открыт. Я прислушался, но снизу не доносилось ни звука — я не услышал даже дыхания спящих людей. Неожданная мысль поразила меня: неужели команда бросила корабль? Я снова напряженно прислушался. Нет, ни звука. Я начал осторожно спускаться по трапу. Кубрик был пуст, и в нем стоял затхлый запах покинутого жилья. Кругом в беспорядке валялась рваная одежда, старые резиновые сапоги, дырявые клеенчатые куртки — весь тот негодный хлам, который скопляется в кубриках за долгое плавание.

Я поднялся на палубу, не сомневаясь больше в том, что команда покинула шхуну второпях. Надежда вновь ожила в моей груди, и я уже спокойнее огляделся кругом. Я заметил, что на борту нет ни одной шлюпки. В кубрике охотников моим глазам предстала та же картина, что и у матросов. Охотники, видимо, собирали свои вещи в такой же спешке. "Призрак" был брошен. Теперь он принадлежал Мод и мне. Я подумал о судовых запасах, о кладовой под кают-компанией, и у меня явилась мысль сделать Мод сюрприз — раздобыть что-нибудь вкусное к завтраку.

После пережитого волнения я ощутил вдруг необычайный прилив сил, а при мысли о том, что страшное дело, которое привело меня сюда, стало теперь ненужным, развеселился, как мальчишка. Перепрыгивая через ступеньку, я поднялся по трапу, думая только о том, что нужно успеть приготовить завтрак, пока Мод спит, если я хочу, чтобы мой сюрприз удался на славу. Огибая камбуз, я с удовлетворением вспомнил о замечательной кухонной посуде, которую я там найду. Я взбежал на ют и увидел... Волка Ларсена! От неожиданности я пробежал с разгона еще несколько

шагов, грохоча башмаками, прежде чем смог остановиться. Ларсен стоял на трапе кают-компаний, — над люком возвышались только его голова и плечи, — и в упор смотрел на меня. Обеими руками он упирался о полуоткрытую крышку люка и стоял совершенно неподвижно. Стоял и смотрел на меня.

Я задрожал. Снова, как прежде, томительно засосало под ложечкой. Я ухватился рукой за край рубки, ища опоры. Губы у меня сразу пересохли, и я несколько раз провел по ним языком. Я не сводил глаз с Волка Ларсена, и оба мы не произносили ни слова. Что-то зловещее было в его молчании и в этой полной неподвижности. Весь мой прежний страх перед ним вернулся ко мне с удесятеренной силой. И так мы стояли и смотрели друг на друга.

Я чувствовал, что надо действовать, но прежняя беспомощность овладела мной, и я ждал, что сделает он. Секунды летели, и вдруг все происходящее напомнило мне о том, как я, подойдя к гривастому секачу, позабыл от страха, что должен убить его, и только помышлял, как бы обратить его в бегство. Но ведь и сюда я пришел не за тем, чтобы ждать, что предпримет Волк Ларсен, а действовать.

Я взвел оба курка и вскинул двустволку к плечу. Если б он попытался спуститься вниз, если бы он только шелохнулся, я, без сомнения, застрелил бы его. Но он стоял совершенно неподвижно и смотрел на меня. Дрожащими руками сжимая двустволку и целясь в него, я успел заметить, как осунулось его лицо. Какие-то тяжелые потрясения оставили на нем свой след. Щеки впали, на лбу залегли морщины, а глаза производили странное впечатление. Казалось, его глазные нервы и мышцы были не в порядке и глаза смотрели напряженно и слегка косили. И выражение их было тоже какое-то странное.

Я глядел на него, и мозг мой лихорадочно работал. Тысячи мыслей проносились у меня в голове, но я не мог нажать на спусковой крючок. Я опустил двустволку и двинулся к углу рубки, стараясь собраться с духом и снова — с более близкого расстояния — попытаться выстрелить в него. Я вскинул двустволку к плечу. Я находился теперь в каких-нибудь двух шагах от Волка Ларсена. Ему не было спасения. Я больше не колебался. Промахнуться я не мог, как бы пло-

хо я ни стрелял. Но я не мог заставить себя спустить курок.

— Ну? — нетерпеливо промолвил он.

Тщетно пытался я нажать на спуск, тщетно пытался что-нибудь сказать.

— Почему вы не стреляете? — спросил он.

Я откашлялся, но не смог выговорить ни слова.

— Хэмп, — медленно произнес Ларсен, — ничего у вас не выйдет! Не потому, чтобы вы боялись, но вы бессильны. Ваша насквозь условная мораль сильнее вас. Вы — раб предрассудков, которыми напичканы люди вашего круга и ваши книги. Вам вбивали их в голову чуть ли не с колыбели, и, вопреки всей вашей философии и моим урокам, они не позволяют вам убить безоружного человека, который не оказывает вам сопротивления.

— Знаю, — хрипло отозвался я.

— А мне, — и это вы тоже знаете, — убить безоружного так же просто, как выкурить сигару, — продолжал он. — Вы знаете меня и знаете, чего я стою, если подходить ко мне с вашей меркой. Вы называли меня змеей, тигром, акулой, чудовищем, Калибаном. Но вы — жалкая марионетка, механически повторяющая чужие слова, и вы не можете убить меня, как убили бы змею или акулу, не можете только потому, что у меня есть руки и ноги и тело мое имеет некоторое сходство с вашим. Эх! Я ожидал от вас большего, Хэмп!

Он поднялся по трапу и подошел ко мне.

— Опустите ружье. Я хочу задать вам несколько вопросов. Я еще не успел осмотреться. Что это за место? Как стоит "Призрак"? Почему вы так вымокли? Где Мод?.. Виноват, мисс Брустер... Или, быть может, следует спросить — где миссис Ван-Вейден?

Я пятился от него, чуть не плача от своего бессилия, оттого что не мог застрелить его, но все же был не настолько глуп, чтобы опустить ружье. Мне отчаянно хотелось, чтобы он сделал попытку напасть на меня — попытался ударить меня или схватить за горло, — тогда я нашел бы в себе силы выстрелить в него.

— Это Остров Усилий, — ответил я на его вопрос.

— Никогда не слыхал о таком острове.

— По крайней мере мы так называем его.

— Мы? — переспросил он. — Кто это мы?

— Мисс Брустер и я. А "Призрак", как вы сами видите, лежит, зарывшись в песок.

— Здесь есть котики, — сказал он. — Они разбудили меня своим ревом, а то я бы еще спал. Я слышал их и вчера, когда нас прибило сюда. Я сразу понял тогда, что попал на подветренный берег. Здесь лежище — как раз то, что я ищу уже много лет. Спасибо моему братцу, — благодаря ему я наткнулся на это богатство. Это же клад! Каковы координаты острова?

— Не имею ни малейшего представления, — отвечал я. — Но вы сами должны знать их достаточно точно. Какие координаты вы определяли в последний раз?

Он как-то странно улыбнулся и ничего не ответил.

— А где же команда? — спросил я. — Как это случилось, что вы остались один?

Я ожидал, что он отклонит и этот вопрос, но, к моему удивлению, он сразу ответил:

— Мой брат поймал меня меньше чем через двое суток, впрочем не по моей вине. Взял меня на abordаж, когда на палубе не было никого, кроме вахтенных. Охотники тут же предали меня. Он предложил им большую долю в доходах по окончании охоты, чем они имели на "Призраке". Я слышал, как он предлагал им это — при мне, без малейшего стеснения. Словом, вся команда перешла к нему, чего и следовало ожидать. В один миг спустили шлюпки и махнули за борт, а я остался на своей шхуне один, как на необитаемом острове. На этот раз Смерть Ларсен взял верх, да это дело семейное.

— Но как же вы потеряли мачты?

— Подойдите и осмотрите вон те талрепы, — сказал он, указывая туда, где должны были находиться грот-ванты.

— Перерезаны ножом! — воскликнул я.

— Но не до конца, — усмехнулся он. — Тут тонкая работа! Посмотрите-ка внимательнее.

Я осмотрел талрепы еще раз. Они были надрезаны так, чтобы держать ванты лишь до первого сильного натяжения.

— Это дело рук кока! — со смехом сказал Волк Ларсен. — Знаю наверняка, хотя и не накрыл его. Все-таки ему удалось немного поквитаться со мной.

— Молодец Магридж! — воскликнул я.

— Примерно то же самое сказал и я, когда мачты полетели за борт, но, разумеется, мне было не так весело, как вам.

— Что же вы предпринимали, когда все это происходило? — спросил я.

— Все, что от меня зависело, можете быть уверены. Но при сложившихся обстоятельствах — не очень-то много...

Я снова стал рассматривать работу Томаса Магриджа.

— Я, пожалуй, присяду, погреюсь на солнышке, — услышал я голос Волка Ларсена.

Едва уловимая нотка физической слабости прозвучала в этих словах, и это было так странно, что я быстро обернулся к нему. Он нервно проводил рукой по лицу, словно сметая с него паутину. Я был озадачен. Все это так мало вязалось с его обликом.

— Как ващи головные боли? — спросил я.

— Мучают по временам, — отвечал он. — Кажется, и сейчас начинается.

Он прилег на палубу. Повернувшись на бок, он подложил руку под голову, а другой рукой прикрыл глаза от солнца. Я стоял и с недоумением смотрел на него.

— Вот вам удобный случай, Хэмп! — сказал он.

— Не понимаю, — солгал я, хотя прекрасно понял, что он хотел сказать.

— Ну ладно, — тихо, словно сквозь дремоту, проговорил он. — Я ведь сейчас в ваших руках, что вам собственно и нужно.

— Ничего подобного, — возразил я. — Мне нужно, чтобы вы были не в моих руках, а за тысячу миль отсюда.

Ларсен усмехнулся и больше не прибавил ни слова. Он даже не шелохнулся, когда я прошел мимо него и спустился в кают-компанию. Подняв крышку люка, я остановился в нерешительности, глядя вглубь темной кладовой. Я колебался — спускаться ли? А что, если Ларсен только притворяется? Попадешься здесь, как крыса в ловушку! Я тихонько поднялся по трапу и выглянул на палубу. Ларсен лежал все в том же положении, в каком я его оставил. Я снова спустился в кают-компанию, но, прежде чем спрыгнуть в кла-

довую, сбросил туда крышку люка. По крайней мере ловушка не захлопнется. Но это была излишняя предосторожность. Захватив с собой джема, галет, мясных консервов — словом, все, что можно было сразу унести, я выбрался назад в кают-компанию и закрыл за собою люк.

Выйдя на палубу, я увидел, что Волк Ларсен так и не пошевелился. Внезапно меня озарила новая мысль. Я прокрался в каюту и завладел его револьверами. Другого оружия я нигде не нашел, хотя тщательно обшарил и остальные три каюты и спустился еще раз в кубрик охотников и в матросский кубрик. Я даже забрал из камбуза все кухонные ножи. Потом я вспомнил о большом складном ноже, который капитан всегда носил при себе. Я подошел к Ларсену и заговорил с ним — сперва вполголоса, потом громко. Он не шевельнулся. Тогда я осторожно вытащил нож у него из кармана, после чего вздохнул с облегчением. У него не оставалось теперь никакого оружия, и он не мог напасть на меня с расстояния, я же был хорошо вооружен и сумел бы оказать ему сопротивление, если бы он попытался схватить меня за горло своими страшными ручищами.

Присоединив к моей добыче кофейник и сковороду и захватив из буфета кают-компания кое-какую посуду, я оставил Волка Ларсена на залитой солнцем палубе и спустился на берег.

Мод еще спала. Кухню на зиму мы не успели построить, и я поспешил разжечь костер и принялся готовить завтрак. Дело у меня подходило к концу, когда я услышал, что Мод встала и ходит по хижине, занимаясь своим туалетом. Когда же она появилась на пороге, у меня уже все было готово, и я наливал кофе в чашки.

— Это нечестно! — приветствовала она меня. — Мы же договорились, что стряпать буду я...

— Один раз не в счет, — оправдывался я.

— Но обещайте, что это не повторится! — улыбнулась она. — Конечно, если вам не надоела моя жалкая стряпня.

К моему удовольствию, Мод ни разу не взглянула на берег, а я так удачно отвлекал ее внимание своей болтовней, что она машинально ела сушеный картофель, который я размочил и поджарил на сковороде,

прихлебывала кофе из фарфоровой чашки и намазывала джемом галет. Но долго это продолжаться не могло. Я увидел, как на ее лице внезапно изобразилось удивление. Фарфоровая тарелка, с которой она ела, бросилась ей в глаза. Она окинула взглядом все, что было приготовлено к завтраку, глаза ее перебежали с предмета на предмет. Потом она посмотрела на меня и медленно обернулась к берегу.

— Хэмфри! — с трудом произнесла она.

Невыразимый ужас снова, как прежде, отразился в ее глазах.

— Неужели... он?... — упавшим голосом проговорила она.

Я кивнул головой.

Глава тридцать третья

Весь день мы ждали, что Волк Ларсен спустится на берег. Это были тревожные, мучительные часы. Мы с Мод поминутно бросали взгляды в сторону "Призрака". Но Волк Ларсен не появлялся. Он даже ни разу не вышел на палубу.

— Верно, у него опять приступ головной боли, — сказал я. — Когда я уходил оттуда, он лежал на юте. Он может пролежать так всю ночь. Пойду взгляну.

Она умоляюще посмотрела на меня.

— Не бойтесь ничего, — заверил я ее. — Я возьму с собой револьверы. Я ведь говорил вам, что забрал все оружие, какое только было на борту.

— А его руки! Его страшные, чудовищные руки! О Хэмфри, — воскликнула она, — я так боюсь его! — Не ходите, пожалуйста, не ходите!

Она с мольбой положила свою руку на мою, и сердце у меня забилося. Думаю, что все мои чувства можно было в этот миг прочесть в моих глазах. Милая, любимая моя! Как чисто по-женски уговаривала она меня и льнула ко мне!.. Она была для меня солнечным лучом и живительной росой, источником, из которого я черпал мужество и силы. Неудержимое желание об-

нять ее, — как я уже сделал однажды посреди стада котиков, — охватило меня, но я сдержался.

— Я не буду рисковать, — сказал я. — Только загляну на палубу и посмотрю, что он там делает.

Она взволнованно сжала мою руку и отпустила меня.

Но на палубе, где я оставил Волка Ларсена, его не оказалось. Он, очевидно, спустился к себе в каюту. В эту ночь мы с Мод установили дежурства, так как нельзя было предвидеть, что может выкинуть Волк Ларсен. Он был способен на все.

Мы прождали день и другой, но Ларсен не показывался.

— Эти головные боли... припадки... — сказала Мод на четвертый день. — Быть может, он болен, тяжело болен. Быть может, умер.

Она ждала от меня ответа, но я молчал, и она добавила:

— Или умирает...

— Тем лучше, — сказал я.

— Но подумайте, Хэмфри. Ведь он тоже человек. И умирает совсем один.

— Очень возможно... — проворчал я.

— Да, возможно, — продолжала она. — Конечно, мы ничего не знаем наверное. Но если он действительно умирает, ужасно бросить его так. Я бы никогда этого не простила себе. Мы должны что-то сделать.

— Да, возможно, — повторил я.

Я ждал, улыбаясь про себя, и думал: как это по-женски — проявлять беспокойство даже о Волке Ларсене! Куда девалось ее беспокойство за меня! А ведь еще недавно она так испугалась, когда я хотел только заглянуть на палубу.

Мод разгадала смысл моего молчания — она была достаточно умна и чутка. А прямота ее равнялась ее уму.

— Вы должны подняться на борт, Хэмфри, и узнать, в чем там дело, — сказала она. — А если вам хочется посмеяться надо мной, что ж, вы имеете на это право. Я заранее прощаю вас.

Я послушно встал и направился к берегу.

— Только будьте осторожны! — крикнула она мне вслед.

Я помахал ей рукой с полубака и соскочил на палубу. Подойдя к трапу в кают-компанию, я окликнул Волка Ларсена. Он ответил мне. Когда он начал подниматься по трапу, я взвел курок револьвера, и все время, пока мы разговаривали, открыто держал револьвер в руке, но Ларсен не обращал на это никакого внимания. Внешне он не изменился за эти дни, но был мрачен и молчалив. Вряд ли можно назвать беседой те несколько слов, которыми мы обменялись. Я не спросил его, почему он не сходит на берег, и он не спросил, почему я не показывался на шхуне. Он сказал, что головная боль у него прошла, и я, не вступая в дальнейшие разговоры, ушел.

Мод выслушала мое сообщение и облегченно вздохнула, а когда над камбузом показался дымок, это, видимо, окончательно ее успокоило. Дымок вился над камбузом и последующие дни, а порой и сам Волк Ларсен ненадолго появлялся на юте. Но это было все. Он не делал попыток спуститься на берег, — нам это было известно, так как мы следили за ним и продолжали дежурить по ночам. Мы ждали, что он что-нибудь предпримет, откроет, так сказать, свою игру. Его бездействие сбивало нас с толку и вызывало тревогу.

Так прошла неделя. Все наши мысли были теперь сосредоточены на Волке Ларсене. Его присутствие угнетало нас и мешало нам заниматься нашими обычными делами.

Но к концу недели дымок перестал виться над камбузом, и Волк Ларсен больше не появлялся на юте. Я видел, что Мод снова начинает беспокоиться, но из робости, а может быть, и из гордости, не повторяет своей просьбы. А в чем в сущности мог я упрекнуть ее? Она была женщиной и к тому же глубоко альтруистической натурой. Признаться, мне самому было как-то не по себе, когда я думал о том, что этот человек, которого я пытался убить, быть может умирает здесь, возле нас, брошенный всеми. Он оказался прав. Нравственные правила, привитые мне в моем кругу, были сильнее меня. То, что у него такие же руки и ноги, как у меня, и тело имеет некоторое сходство с моим, накладывало на меня обязательства, которыми я не мог пренебречь.

Поэтому я не стал ждать, когда Мод вторично пошлет меня на шхуну. У нас осталось мало сгущенного

молока и джема, заявил я, — надо подняться на борт. Я видел, что Мод колеблется. Она даже пробормотала, что все это не так уж нам необходимо и мне незачем ходить туда. Однако подобно тому, как раньше она сумела разгадать, что таится за моим молчанием, так и теперь она сразу поняла истинный смысл моих слов, поняла, что я иду туда не за молоком и джемом, а ради нее, — иду, чтобы избавить ее от беспокойства, которое она не сумела от меня скрыть.

Поднявшись на судно, я снял башмаки и в одних носках бесшумно прокрался на корму. На этот раз я не стал окликать Волка Ларсена. Осторожно спустившись по трапу, я обнаружил, что в кают-компании никого нет. Дверь в каюту капитана была закрыта. Я уже хотел было постучать, но передумал, решив сперва заняться тем, что якобы и привело меня сюда. Стараясь поменьше шуметь, я поднял крышку люка и отставил ее в сторону. Товары судовой лавки находились в той же кладовой, и мне захотелось заодно запастись и бельем.

Когда я выбрался из кладовой, в каюте Волка Ларсена раздался шум. Я замер и прислушался. Звякнула дверная ручка. Я инстинктивно отпрянул в сторону. Притаившись за столом, я выхватил револьвер и взвел курок. Дверь распахнулась, и показался Волк Ларсен. Никогда не видел я такого отчаяния, какое было написано на его лице — на лице сильного, неукротимого Волка Ларсена. Он стонал, как женщина, и потрясал сжатыми кулаками над головой. Потом провел ладонью по глазам, словно сметая с них невидимую паутину.

— Господи, господи! — снова хрипло простонал он и в беспредельном отчаянии потряс кулаками над головой.

Это было страшно. Я задрожал, по спине у меня пробежали мурашки, и холодный пот выступил на лбу. Вряд ли есть на свете зрелище, более ужасное, чем вид сильного человека в минуту крайней слабости и упадка духа.

Но огромным усилием воли Волк Ларсен взял себя в руки. Поистине это стоило ему колоссального усилия. Все тело его сотрясалось от напряжения. Казалось, его вот-вот хватит удар. Лицо его страшно исказилось — видно было, как он старается овладеть

собой. Потом силы снова оставили его. Снова сжатые кулаки поднялись над головой, он застонал, судорожно вздохнул раз, другой, и из груди его вырвались рыдания. Наконец, ему удалось овладеть собой. Я опять увидел прежнего Волка Ларсена, хотя какая-то слабость и нерешительность все еще проскальзывали в его движениях. Энергично, как всегда, он шагнул к трапу, но все же в его походке чувствовалась эта слабость и нерешительность.

Признаться, тут уж я испугался — незакрытый люк находился как раз на его пути и выдавал мое присутствие. Но вместе с тем мне стало досадно, что он может поймать меня в такой трусливой позе — скорчившимся позади стола, — и я решил, пока не поздно, появиться перед ним, что тут же и сделал, бессознательно приняв вызывающую позу. Но Волк Ларсен не замечал ни меня, ни открытого люка. Прежде чем я успел понять, в чем дело, и что-либо предпринять, он уже занес ногу над люком и готов был ступить в пустоту. Однако, не ощутив под ногой твердой опоры, он мгновенно преобразился. Да, это был уже прежний Волк Ларсен. Вторая нога его еще не успела оторваться от пола, как он одним могучим прыжком перенес свое начавшее падать тело через люк. Широко раскинув руки, он плашмя — грудью и животом — упал на пол по ту сторону люка и тут же, подтянув ноги, откатился в сторону, прямо в сложенные мною около крышки люка продукты и белье.

Я увидел по его лицу, что он все понял. Но прежде, чем я успел что-нибудь сообразить, он уже надвинул на люк крышку. Тут, наконец, понял все и я. Он думал, что поймал меня в кладовой. Он был слеп — слеп, как летучая мышь! Я следил за ним, затаив дыхание, страшась, как бы он не услышал меня. Он быстро подошел к своей каюте. Я видел, что он не сразу нащупал дверную ручку. Надо было пользоваться случаем, и я быстро, на цыпочках, проскользнул через кают-компанию и поднялся по трапу. Ларсен вернулся, таща за собой тяжелый морской сундук, и надвинул его на крышку люка. Не удовольствовавшись этим, он приволок второй сундук и взгромоздил его на первый. Затем подобрал с пола мой джем и белье и положил на стол. Когда он направился к трапу, я отсту-

пил в сторону и тихонько перекатился через палубу рубки.

Ларсен остановился на трапе, опираясь руками о крышку люка. Он стоял неподвижно и пристально, не мигая, смотрел куда-то в одну точку. Я находился прямо перед ним, футах в пяти, не больше. Мне стало жутко. Я чувствовал себя каким-то призраком-невидимкой. Я помахал рукой, но не привлек его внимания. Однако, когда тень от моей руки упала на его лицо, я сразу заметил, что он это почувствовал. Лицо его напряглось; он явно пытался понять и проанализировать неожиданно возникшее ощущение. Он понимал, что это какое-то воздействие извне, какое-то изменение в окружающей среде, воспринятое его чувствами. Я замер с поднятой рукой; тень остановилась. Ларсен начал медленно поворачивать голову то в одну сторону, то в другую, наклонять и поднимать ее, заставляя тень двигаться по его лицу и проверяя свои ощущения.

Я следил за ним и был в свою очередь поглощен желанием выяснить, каким образом удастся ему ощутить такую невесомую вещь, как тень. Если б у него были повреждены только глазные яблоки или если б его зрительные нервы были поражены не полностью, все объяснялось бы просто. Но он явно был слеп. Значит, он ощущал разницу в температуре, когда тень падала на его лицо. Или — почему знать? — это было пресловутое шестое чувство, сообщавшее ему о присутствии постороннего предмета?

Отказавшись, как видно, от попытки определить, откуда падает тень, он поднялся на палубу и пошел на бак поразительно уверенно и быстро. И все же было заметно, что идет слепой. Теперь-то я это ясно видел.

Он нашел на палубе мои башмаки и унес их с собою в камбуз; мне было и смешно и досадно. Я еще остался посмотреть, как он разводит огонь и варит себе пищу. Потом снова прокрался в кают-компанию, забрал джем и белье, проскользнул мимо камбуза, спустился на берег и босиком отправился к Мод — дать отчет о своей вылазке.

Я следил за ним и был в свою очередь поглощен желанием выяснить, каким образом удастся ему ощутить такую невесомую вещь, как тень. Если б у него были повреждены только глазные яблоки или

если б его зрительные нервы были поражены не полностью, все объяснялось бы просто. Но он явно был слеп. Значит, он ощущал разницу в температуре, когда тень падала на его лицо. Или — почем знать? — это было пресловутое шестое чувство, сообщавшее ему о присутствии постороннего предмета?

Отказавшись, как видно, от попытки определить, откуда падает тень, он поднялся на палубу и пошел на бак поразительно уверенно и быстро. И все же было заметно, что идет слепой. Теперь-то я это ясно видел.

Он нашел на палубе мои башмаки и унес их с собою в камбуз; мне было и смешно и досадно. Я еще остался посмотреть, как он разводит огонь и варит себе пищу. Потом снова прокрался в кают-компанию, забрал джем и белье, проскользнул мимо камбуза, спустился на берег и босиком отправился к Мод — дать отчет о своей вылазке.

Глава тридцать четвертая

— **К**акое несчастье, что "Призрак" потерял мачты. А то мы могли бы уплыть на нем отсюда. Как вы думаете, Хэмфри?

Я взволнованно вскочил на ноги.

— Надо подумать, надо подумать! — вскричал я и зашагал взад и вперед.

Глаза Мод расширились, она с надеждой следила за мной. Она так верила в меня! Мысль об этом придавала мне силы. Я вспомнил слова Мишле: "Для мужчины женщина то же, чем была земля для своего легендарного сына: стоило ему пасть ниц и прикоснуться губами к ее груди, как силы возвращались к нему". Только теперь по-настоящему понял я глубокий смысл этих слов. Нет, мало сказать "понял" — я ощутил это всем своим существом! Мод для меня была тем, о чем говорил Мишле: неисчерпаемым источником силы и мужества. Взглянуть на нее, подумать о ней было для меня достаточно, чтобы почувствовать новый прилив сил.

— Надо попытаться, надо попытаться, — рассуждал я вслух. — То, что делали другие, могу сделать и я. А если даже никто этого раньше не делал, все равно я сделаю.

— Что именно? Ради бога, не томите меня, — потребовала объяснения Мод. — Что вы можете сделать?

— Не я, а мы, — поправился я. — Как что? Ясно — установить на "Призраке" мачты и уплыть отсюда.

— Хэмфри! — воскликнула она.

Я был так горд своим замыслом, словно уже привел его в исполнение.

— Но как же это осуществить? — спросила она.

— Пока не знаю, — отвечал я. — Знаю только одно — я сейчас способен совершить все, что захочу.

Я горделиво улыбнулся ей, чрезмерно горделиво, должно быть, потому что она опустила глаза и некоторое время молчала.

— Но вы забываете, что существует еще капитан Ларсен, — сказала она.

— Слепой и беспомощный! — не задумываясь, отвечал я, отметаая его в сторону, как нечто совсем не существенное.

— А его страшные руки! А как он прыгнул через люк — вы же сами рассказывали!

— Но я рассказывал еще и о том, как мне удалось выбраться из кают-компании и удрать от него, — весело возразил я.

— Босиком, без башмаков!

— Ну да, башмакам не удалось удрать от него без помощи моих ног!

Мы рассмеялись, а потом стали уже всерьез обсуждать план установки мачт на "Призраке" и возвращения в цивилизованный мир. У меня еще со школьной скамьи сохранились кое-какие, правда довольно смутные, познания по части физики, а за последние месяцы я приобрел некоторый практический опыт в использовании механических приспособлений для подъема тяжестей. Однако когда мы подошли к "Призраку", чтобы основательно осмотреть его, то один вид этих огромных мачт, покачивавшихся на волнах, признаюсь, чуть не поверг меня в отчаяние. С чего начать? Если бы держалась хоть одна мачта, чтобы мы могли прикрепить к ней блоки! Так ведь нет! У меня было такое ощущение, словно я задумал поднять сам

себя за волосы. Я понимал законы рычагов, но где же было взять точку опоры?

Грот-мачта была длиной футов в шестьдесят-шестьдесят пять и у основания, там, где она обломилась, имела пятнадцать дюймов в диаметре. Весила она, по моим примерным подсчетам, никак не менее трех тысяч фунтов. Фок-мачта была еще толще и весила верных три с половиной тысячи фунтов. Как же поступиться к этому делу?

Мод безмолвно стояла возле меня, а я уже разрабатывал в уме приспособление, которое моряки называют "временной стрелой". Но, хотя стрела давно известна морякам, я изобрел ее заново на Острове Усилий. Связав концы двух стеньг, подняв и укрепив их на палубе наподобие перевернутой буквы "V" и привязав к ним блок, я мог получить необходимую мне точку опоры. А к первому блоку можно будет, если потребуется, присоединить и второй. Кроме того, в нашем распоряжении был еще брашпиль.

Мод видела, что я уже нашел решение, и с горячим одобрением взглянула на меня.

— Что вы собираетесь делать? — спросила она.

— Обрубить снасти! — отвечал я, указывая на перепутавшиеся снасти, висевшие за бортом.

Мне самому понравились эти слова — такие звучные и решительные. "Обрубить снасти!" Ну кто бы мог еще полгода назад услышать такую подлинно матросскую фразу из уст Хэмфри Ван-Вейдена!

Вероятно, и в голосе моем и в позе было нечто мелодраматическое, так как Мод улыбнулась. Она мгновенно подмечала все нелепое и смешное, безошибочно улавливала малейший оттенок фальши, преувеличения или бахвальства. Это находило отражение и в ее творчестве и придавало ему особую ценность. Серьезный критик, обладающий чувством юмора и силой выражения, всегда заставит себя слушать. И она умела это делать. Ее способность подмечать смешное была не чем иным, как свойственным всякому художнику чувством меры.

— Я припоминаю это выражение, оно попадалось мне в книгах, — с улыбкой обронила она.

Но чувство меры достаточно развито и у меня, и я сконфузился. У горделивого повелителя стихий вид в эту минуту был, вероятно, самый жалкий.

Мод с живостью протянула мне руку.

— Не обижайтесь! — сказала она.

— Нет, вы правы, — не без усилия отвечал я. — Это хороший урок. Слишком много во мне мальчишеского. Но это все пустяки. А только нам придется все же обрубить снасти. Если вы сядете вместе со мной в шлюпку, мы подойдем к шхуне и попытаемся распутать этот клубок.

— "В зубы нож — и марсовые лезут снасти обрубить", — процитировала Мод, и до конца дня мы весело трудились.

Ее задача заключалась в том, чтобы удерживать шлюпку на месте, пока я возился с перепутавшимися снастями. И что там творилось! Фалы, ванты, шкоты, ниралы, леера, штаги — все это полоскалось в воде, и волны все больше и больше переплетали и перепутывали их. Я старался обрубить не больше, чем было необходимо, и мне приходилось то протаскивать длинные концы между гиками и мачтами, то отвязывать фалы и ванты и укладывать их бухтой на дне лодки, то, наоборот, разматывать их, чтобы пропустить сквозь обнаружившийся узел. От этой работы я скоро промок до нитки.

Паруса тоже пришлось кое-где разрезать; я с великим трудом справлялся с тяжелой, намокшей парусиной, но все же до наступления ночи сумел вытащить все паруса из воды и разложить их на берегу для просушки. Когда пришло время кончать работу и идти ужинать, мы с Мод уже совершенно выбились из сил, но успели сделать немало, хотя с виду это и не было заметно.

На следующее утро мы спустились в трюм шхуны, чтобы очистить степсы от шпоров мачт. Мод очень ловко принялась помогать мне. Но лишь только взялись мы за дело, как на стук моего топора отозвался Волк Ларсен.

— Эй там, в трюме! — долетело к нам с палубы через открытый люк.

При звуке этого голоса Мод инстинктивно придвинулась ко мне, как бы ища защиты, и пока мы с Ларсеном переговаривались, она стояла рядом, держа меня за руку.

— Эй там, на палубе! — крикнул я в ответ. — Доброе утро!

— Что вы делаете в трюме? — спросил Волк Ларсен. — Хотите затопить мою шхуну?

— Напротив, хочу привести ее в порядок, — отвечал я.

— Какого дьявола вы там приводите в порядок? — озадаченно спросил он.

— Подготавливаю кое-что для установки мачт, — отвечал я как ни в чем не бывало, словно поставить мачты было для меня сущим пустяком.

— Похоже, что вы и впрямь твердо стали на ноги, Хэмп! — услышали мы его голос, после чего он некоторое время молчал.

— Но послушайте, Хэмп, — окликнул он меня снова. — Вы не можете этого сделать.

— Почему же не могу? — возразил я. — Не только могу, но уже делаю.

— Но это моя шхуна, моя частная собственность. Что, если я не разрешу вам?

— Вы забываете, — отвечал я, — что вы теперь уже не самый большой кусок закваски. Это было раньше, тогда вы могли, по вашему выражению, сожрать меня. Но за последнее время вы сократились в размерах, и сейчас я могу сожрать вас. Закваска перестоялась.

Он рассмеялся резким, неприятным смехом.

— Ловко вы обратили против меня мою философию! Но смотрите, не ошибитесь, недооценив меня. Предупреждаю вас для вашего же блага!

— С каких это пор вы стали филантропом? — осведомился я. — Согласитесь, что, предупреждая меня для моего же блага, вы проявляете непоследовательность.

Он будто и не заметил моего сарказма и сказал:

— А если я возьму да захлопну люк? Сейчас вы уж меня не проведете, как в тот раз, в кладовой.

— Волк Ларсен, — решительно сказал я, впервые называя его так, как привык называть за глаза. — Я не способен застрелить человека, если он беспомощен и не оказывает сопротивления. Вы сами убедили меня в этом — к нашему взаимному удовлетворению. Но предупреждаю вас, и не столько для вашего блага, сколько для своего собственного, что при первой вашей попытке чем-нибудь повредить мне я застрелю вас. Я и сейчас могу сделать это. А теперь,

если вам так хочется, можете попробовать закрыть люк.

— Так или иначе, я запрещаю вам, решительно запрещаю хозяйничать на моей шхуне!

— Да что с вами! — укорил я его. — Вы все твердите, что это ваш корабль, — так, словно это дает вам какие-то моральные права. Однако вы никогда не считались с правами других. Почему же вы думаете, что я буду считаться с вашими?

Я подошел к люку, чтобы увидеть его лицо. Это было совсем не то лицо, которое я видел в последний раз, когда втайне наблюдал за ним, — сейчас оно было лишено всякого выражения, и вызываемое им неприятное ощущение еще усиливалось устремленным в одну точку взглядом широко открытых, немигающих глаз.

— И даже самый жалкий червяк, даже Хэмп, может смотреть на него с презрением!.. — насмешливо произнес он, но лицо его оставалось бесстрастным.

— Как поживаете, мисс Брустер? — помолчав, неожиданно проговорил он.

Я вздрогнул. Мод не издала ни звука, даже не шевельнулась. Неужели у него еще сохранились остатки зрения? Или оно снова возвращается к нему?

— Здравствуйте, капитан Ларсен, — отвечала Мод. — Как вы узнали, что я здесь?

— Услышал ваше дыхание. А Хэмп делает успехи, как вы считаете?

— Не могу судить, — отвечала она, улыбнувшись мне. — Я никогда не знала его другим.

— Жаль, что вы не видали его раньше!

— Я принимал лекарство под названием "Волк Ларсен", и в довольно больших дозах, — пробормотал я. — До и после еды.

— Я еще раз повторяю, Хэмп, — угрожающе проговорил он, — оставьте мою шхуну в покое!

— Да разве вам самому не хочется выбраться отсюда? — удивленно спросил я.

— Нет, — отвечал он, — я хочу умереть здесь.

— Ну, а мы не хотим! — решительно заявил я и снова застучал топором.

На другой день, расчистив степсы и подготовив все необходимое, мы принялись втаскивать на борт обе стеньги, из которых я намеревался соорудить временную стрелу. Грот-стенъга имела в длину более тридцати футов, фор-стенъга была немного короче. Задача предстояла нелегкая. Взяв ходовой конец тяжелых талей на брашпиль, а другим концом прикрепив их к основанию грот-стенъги, я начал вращать рукоятку брашпиля. Мод следила за тем, чтобы трос ровно ложился на барабан, а сходящий конец укладывала в бухту.

Нас поразило, с какой легкостью пошла вверх стеньга. Брашпиль был усовершенствованной системы и давал огромный выигрыш в силе. Но, разумеется, выигрывая в силе, мы теряли в расстоянии. Во сколько раз брашпиль увеличивал мои силы, во столько же раз увеличивалась и длина троса, который я должен был выбрать. Тали медленно ползли через борт, и чем выше поднималась из воды стеньга, тем труднее становилось вертеть рукоятку.

Но когда шпор стеньги поровнялся с планширом, дело застопорилось.

— Как я об этом не подумал! — вырвалось у меня. — Теперь придется начинать все сизнова.

— А почему не прикрепить тали поближе к середине стеньги? — спросила Мод.

— С этого мне и следовало начать! — отвечал я, крайне недовольный собой.

Потравив тали, я спустил стеньгу обратно. Потом прикрепил тали, примерно на расстоянии трети ее длины от шпора. Проработав час, с небольшими перерывами на отдых, я снова поднял стеньгу, но она опять застряла на полдороге. Шпор стеньги на восемь футов торчал над планширом, но вытащить ее всю на борт по-прежнему было невозможно. Я сел и стал размышлять над этой задачей. Впрочем, довольно скоро я с торжествующим видом вскочил на ноги.

— Знаю теперь, что делать! — воскликнул я. — Надо было прикрепить тали у центра тяжести. Ну,

ничего! Это послужит нам наукой, когда мы будем поднимать на борт все остальное.

Снова пришлось спустить стеньгу в воду и начать все сначала. Но на этот раз я неправильно рассчитал положение центра тяжести, и когда стал тянуть наверх, вместо шпора стеньги пошла ее верхушка. Мод была в отчаянии, но я засмеялся и сказал, что сойдет и так.

Показав ей, как держать рукоятку и как, по команде, потравить тали, я ухватился обеими руками за стеньгу и попытался перевалить ее через борт. Мне показалось, что цель уже достигнута, и я велел Мод травить, но тут стеньга вдруг перевесилась и — как ни старался я ее удержать — свалилась за борт. Тогда я снова взялся за рукоятку и вернул стеньгу в прежнее положение. У меня появилась новая мысль. Я вспомнил о хват-талих, небольшом подъемном приспособлении с двушкивным и одношкивным блоками.

В ту минуту, когда я уже наладил хват-тали, на палубе у противоположного борта появился Волк Ларсен. Мы поздоровались и больше не обменялись ни словом. Он не мог видеть, что мы делаем, но, усевшись в стороне, на слух следил за ходом работы.

Еще раз напомнив Мод, чтобы она потравила трос брашпилем, как только я подам команду, я взялся за хват-тали и принялся тянуть. Стеньга начала медленно наклоняться и скоро легла, покачиваясь, поперек планшира. И тут, к своему удивлению, я обнаружил, что травить незачем, — в сущности требовалось совершенно обратное. Закрепив хват-тали, я перешел к брашпилю и начал вытягивать стеньгу дюйм за дюймом, пока она вся не перевалилась через планшир и не упала на палубу.

Я посмотрел на часы. Был уже полдень.

У меня ломило спину, и я чувствовал себя смертельно усталым и голодным. И за целое утро нам удалось поднять на палубу одну только стеньгу.

Только тут я по-настоящему понял, как огромна предстоявшая нам работа. Зато я уже кое-чему научился. После обеда дело будет лучше спориться, решил я. И не ошибся.

В час дня, отдохнув и основательно подкрепившись, мы вернулись на шхуну. Меньше чем через час грот-стенъга уже лежала на палубе, и я взялся за со-

оружие стрелы. Связав верхушки обеих стенок так, что более длинная выступала несколько дальше, я прикрепил в месте соединения двушкивный блок гафель-гарделя. В сочетании с одношкивным блоком и самим гафель-гарделем это дало мне подъемные тали. Чтобы шпоры стрелы не разъехались в стороны, я привязал к верхушке стрелы трос и взял его на брашпиль. Я все больше и больше проникался верой в этот брашпиль — ведь благодаря ему мои силы неизмеримо возрастали. Как уже повелось, Мод следила за тросом, а я вертел рукоятку. Стрела поднялась.

Но тут я обнаружил, что забыл закрепить стрелу оттяжками. Пришлось взбираться на верхушку стрелы, что я и проделал дважды. Наконец, оттяжки были прикреплены и стрела расчалена к носу, к корме и к бортам. Начинало смеркаться. Волк Ларсен, который все время сидел в отдалении и в полном молчании прислушивался к нашей работе, ушел в камбуз и занялся приготовлением ужина. У меня так разломило поясницу, что я не мог ни согнуться, ни разогнуться, но зато с гордостью смотрел на дело своих рук. Результаты были налицо. Как ребенок, получивший новую игрушку, я сгорал от нетерпения — мне до смерти хотелось поднять что-нибудь своей стрелой.

— Жаль, что темнеет, — сказал я. — Уж очень хочется поглядеть, как она будет действовать.

— Не будьте таким ненасытным, Хэмфри! — пожурела меня Мод. — Не забудьте, завтра опять предстоит работа. А ведь вы еле стоите на ногах.

— А вы? — с участием поспешил спросить я. — Вы, должно быть, страшно устали, Мод! Как вы работали! Это же поистине геройство. Я горжусь вами.

— А я вами и подавно. И с большим основанием, — отвечала она и посмотрела мне прямо в глаза. Сердце у меня сладко защемило — ее глаза так ласково лучились, и я уловил в них какое-то новое выражение. Я не понял его, но необъяснимый восторг охватил меня. Мод опустила глаза. А когда она снова подняла их — они смеялись.

— Если б только наши знакомые могли видеть нас сейчас! — сказала она. — Посмотрите, на что мы стали похожи! Вы когда-нибудь задумывались над этим?

— О да, и не раз, я же вижу вас перед собой, — отвечал я, думая о том, что мог означать этот огонек

в ее глазах и почему она так внезапно перевела разговор на другую тему.

— Помилуйте! — воскликнула она. — На что ж я похожа?

— Боюсь, что на огородное пугало, — отвечал я. — Посмотрите только на свою юбку: подол в грязи, повсюду дыры! А блузка-то вся в пятнах! Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы сказать, что вы готовили пищу над костром и вытапливали котиковый жир. А головной убор один чего стоит! И это та самая женщина, которая написала "Вынужденный поцелуй"!

Она сделала мне глубокий, церемонный реверанс и начала в свою очередь:

— Что касается вас, сэр...

Минут пять мы поддразнивали друг друга, но под этими шутками чувствовалось что-то другое, серьезное, и я невольно связывал это с новым выражением, промелькнувшим в глазах Мод. Что это было? Неужели наши глаза говорили помимо воли? Я знал, что мои глаза уже выдавали меня не раз, хотя я и приказывал им молчать. Неужели Мод все же прочла в них призыв? И неужели ее глаза отозвались на него? Что значил этот теплый мерцающий огонек и то неуловимое, что я почувствовал в них и что нельзя определить словами? Но нет, это было невозможно, этого не могло быть! Я ведь не был искушен в толковании красноречивых взглядов, я — Хэмфри Ван-Вейден, книгочий и затворник, влюбившийся нежданно-негаданно. И для меня любить и ждать, стараться заслужить любовь было уже блаженством.

Мы сошли на берег, продолжая подшучивать друг над другом, а я все думал свою думу, пока очередные дела не отвлекли меня.

— Какая, право, досада! Работаешь целый день не покладая рук, а потом нельзя даже спокойно поспать ночью! — посетовал я после ужина.

— Но ведь он же слеп. Какая опасность может нам грозить?

— Я боюсь его и не верю ему. А теперь, когда он ослеп, — и подавно. Беспомощность только сильнее озлобляет его. Впрочем, я знаю, что надо делать. Завтра с утра завезу небольшой якорь и стяну шхуну с берега. Вечером мы будем возвращаться на шлюпке домой, а мистера Ларсена оставлять пленником на

шхуне. Сегодня уж отдежурим еще одну ночь, — в последний раз всегда как-то легче.

Наутро мы поднялись спозаранок, и когда рассвело, наш завтрак уж подходил к концу.

— Ой, Хэмфри! — с отчаянием воскликнула вдруг Мод.

Я взглянул на нее. Она смотрела на "Призрак". Поглядев туда же, я не заметил ничего необычного. Мод перевела глаза на меня, и я ответил ей недоумевающим взглядом.

— Стрела!.. — дрожащим голосом проговорила Мод.

О стреле-то я и позабыл! Я взглянул снова — и не увидел ее на прежнем месте.

— Если только он... — свирепо пробормотал я.

Она успокаивающе коснулась моей руки.

— Вам придется начать сызнова.

— О, не беспокойтесь, я, конечно, бешусь понапрасну! Я ведь и мухи не обижу, — с горечью улыбнулся я. — И хуже всего то, что он это знает. Вы правы: если он уничтожил стрелу, я ничего ему не сделаю и начну все сызнова.

— Но теперь уж я буду дежурить на шхуне, — вырвалось у меня минуту спустя, — и если только он еще раз попытается что-нибудь сделать...

— Но я боюсь оставаться одна ночью на берегу! — очнувшись от своих безрадостных мыслей, услышал я голос Мод. — Если б можно было уговорить его помочь нам... Мы могли бы тогда тоже жить на шхуне — ведь это куда удобнее.

— Так оно и будет, — довольно свирепо заявил я, вне себя от того, что моя драгоценная стрела уничтожена. — Я хочу сказать, что мы с вами будем жить на шхуне, а понравится это Ларсену или нет, мне все равно.

Успокоившись, я рассмеялся:

— Ведь это же сущее ребячество с его стороны. И глупо, конечно, что я злюсь.

Но, когда мы взобрались на борт шхуны и увидели учиненный Волком Ларсеном разгром, сердце у меня заныло. Стрела исчезла бесследно. Правая и левая оттяжки были перерублены, гафель-гардели разрезаны на куски. Ларсен знал, что я не умею сплескивать концы. Недоброе предчувствие охватило меня. Я

бросился к брашпилю. Да, он был выведен из строя. Волк Ларсен сломал его. Мы с Мод обменялись унылым взглядом. Потом я подбежал к борту. Освобожденные мною от обрывков снастей мачты, гики и гафели исчезли. Ларсен нащупал удерживавшие их тросы и отвязал их, чтобы течение унесло весь рангоут в море.

Слезы стояли на глазах у Мод, и я понял, что она плачет от огорчения за меня. Я и сам готов был заплакать. Прощай, мечта об оснащении "Призрака"! Волк Ларсен потрудился на славу! Я сел на комингс люка и, подперев голову руками, предался черной меланхолии.

— Он заслуживает смерти! — воскликнул я. — Но, да простит мне бог, у меня не хватит мужества стать его палачом!

Мод подошла ко мне и, погладив меня по голове, словно ребенка, сказала:

— Успокойтесь, успокойтесь! Все будет хорошо. Мы взялись за правое дело и своего добьемся.

Я вспомнил Мишле и прижался к Мод головой. И в самом деле, через минуту силы вернулись ко мне. Эта женщина была для меня неиссякаемым источником силы. В конце концов стоит ли придавать значение тому, что произошло? Простая задержка, отсрочка. Отлив не мог унести мачты далеко, а ветра не было. Придется только еще повозиться, чтобы найти их и отбуксировать обратно. Но это было для нас уроком. Теперь я знал, чего ожидать от Волка Ларсена. А ведь он мог нанести нам еще больший урон, уничтожив нашу работу, когда она была бы ближе к концу.

— Вон он идет! — шепнула мне Мод.

Я поднял голову. Волк Ларсен медленно шел по юту вдоль левого борта.

— Не обращайтесь на него внимания! — шепнул я. — Он вышел посмотреть, как все это на нас подействовало. Делайте вид, будто ничего не произошло. Откажем ему хоть в этом удовольствии! Снимите туфли и возьмите их в руки.

И вот у нас началась игра в жмурки со слепым. Когда он пошел к нам вдоль левого борта, мы проскользнули у правого и стали наблюдать за ним с юта: он повернул и пошел следом за нами на корму.

Но он все же обнаружил наше присутствие, потому что уверенно произнес: "Доброе утро!" и стал ждать ответа. Затем он направился на корму, а мы перебрались на нос.

— Да ведь я же знаю, что вы на борту! — крикнул он, и я видел, как он напряженно прислушивается.

Он напоминал мне огромного филина, который, испустив свой зловеший крик, слушает, не зашевелится ли испугнутая добыча. Но мы не шевелились и двигались только тогда, когда двигался он. Так мы и бегали по палубе, взявшись за руки, — словно двое детей, за которыми гонится великан-людоед, -- пока Волк Ларсен, явно раздосадованный, не скрылся у себя в каюте. Мы давились со смеху и весело переглядывались, обуваясь и перелезая через борт в шлюпку. И, глядя в ясные карие глаза Мод, я забыл все причиненное нам зло и знал одно — что я люблю ее и что с нею найду в себе силы пробиться обратно в мир.

Глава тридцать шестая

Два дня мы с Мод бороздили на шлюпке море, объезжая остров в поисках пропавшего рангоута. Только на третий день мы нашли его — весь целиком и даже нашу стрелу. Но, увы, в самом опасном месте — там, где волны с бешеным ревом разбивались о суровый юго-западный мыс. И как же мы работали! Уже смеркалось, когда мы, совершенно обессиленные, причалили в нашей бухточке, таща на буксире грот-мачту. Стоял мертвый штиль, и нам пришлось грести весь долгий путь.

Еще день изнурительной и опасной работы — и к грот-мачте прибавились обе стеньги. На третий день я, доведенный до отчаяния такой проволочкой, связал вместе фок-мачту, оба гика и оба гафеля наподобие плота. Ветер был попутный, и я надеялся отбуксировать груз под парусом. Но вскоре ветер повернул, а затем и вовсе стих, и мы шли на веслах со скоростью

черепахи. Поневоле можно было пасть духом: я что было мочи налегал на весла, но шлюпка почти не двигалась с места из-за тяжелого груза за кормой.

Спускалась ночь, и, в довершение всех бед, подул ветер с берега. Мы уже не только не продвигались вперед, но нас стало сносить в открытое море. Я греб из последних сил, пока не выдохся. Бедняжка Мод, которая тоже выбивалась из сил, стараясь мне помочь и не слушая моих уговоров, в изнеможении прилегла на корму. Я больше не мог грести. Натруженные, распухшие руки уже не держали весла. Плечи ломило, и, хотя в полдень я основательно поел, после такой работы у меня голова кружилась от голода.

Я убрал весла и нагнулся над буксирным тросом. Но Мод схватила меня за руку.

— Что вы хотите делать? — спросила она с тревогой.

— Отдать буксир, — отвечал я, отвязывая трос.

Ее пальцы сжали мою руку.

— Нет, нет, не надо! — воскликнула она.

— Да ведь мы все равно ничего не можем сделать! — отвечал я. — Уже ночь, и нас относит от берега.

— Но подумайте, Хэмфри! Если мы не уплывем на "Призраке", нам на долгие годы, быть может на всю жизнь, придется остаться на этом острове. Раз его до сих пор не открыли, значит, может быть, никогда и не откроют.

— Вы забыли о лодке, которую мы нашли на берегу, — напомнил я.

— Это промысловая шлюпка, — отвечала она, — и вы, конечно, понимаете, Хэмфри, что если бы люди с нее спаслись, они вернулись бы, чтобы составить себе состояние на этом лежбище. Они погибли, вы сами это знаете.

Я молчал, все еще колеблясь.

— Кроме того, — запинаясь, добавила она, — это был ваш план, и я хочу, чтобы вам удалось его осуществить.

Это придало мне решимости. То, что она сказала, было очень лестно для меня, но из великодушия я все еще упрямылся.

— Лучше уж прожить несколько лет на этом острове, чем погибнуть в океане этой ночью или зав-

тра, — сказал я. — Мы не подготовлены к плаванию в открытом море. У нас нет ни пищи, ни воды, ни одеял — ничего! Да вы и одной ночи не выдержите без одеяла. Я знаю ваши силы. Вы и так уже дрожите.

— Это нервы, — отвечала она. — Я боюсь, что вы не послушаетесь меня и отвяжете мачты.

— О, пожалуйста, прошу вас, Хэмфри, не надо! — взмолилась она через минуту.

Это решило дело. Она знала, какую власть имеют надо мной эти слова. Мы мучительно дрогли всю ночь. Порой я начинал дремать, но холод был так жесток, что я тут же просыпался. Как Мод могла это вынести, было выше моего понимания. Я так устал, что у меня уже не хватало сил двигаться, чтобы хоть немного согреться, но все же время от времени я растирал Мод руки и ноги, стараясь восстановить в них кровообращение. Под утро у нее начались судороги от холода. Я снова принялся растирать ей руки и ноги; судороги прошли, но я увидел, что она совсем окоченела. Я испугался. Посадив ее на весла, я заставил ее грести, но она так ослабела, что после каждого взмаха веслами едва не теряла сознания.

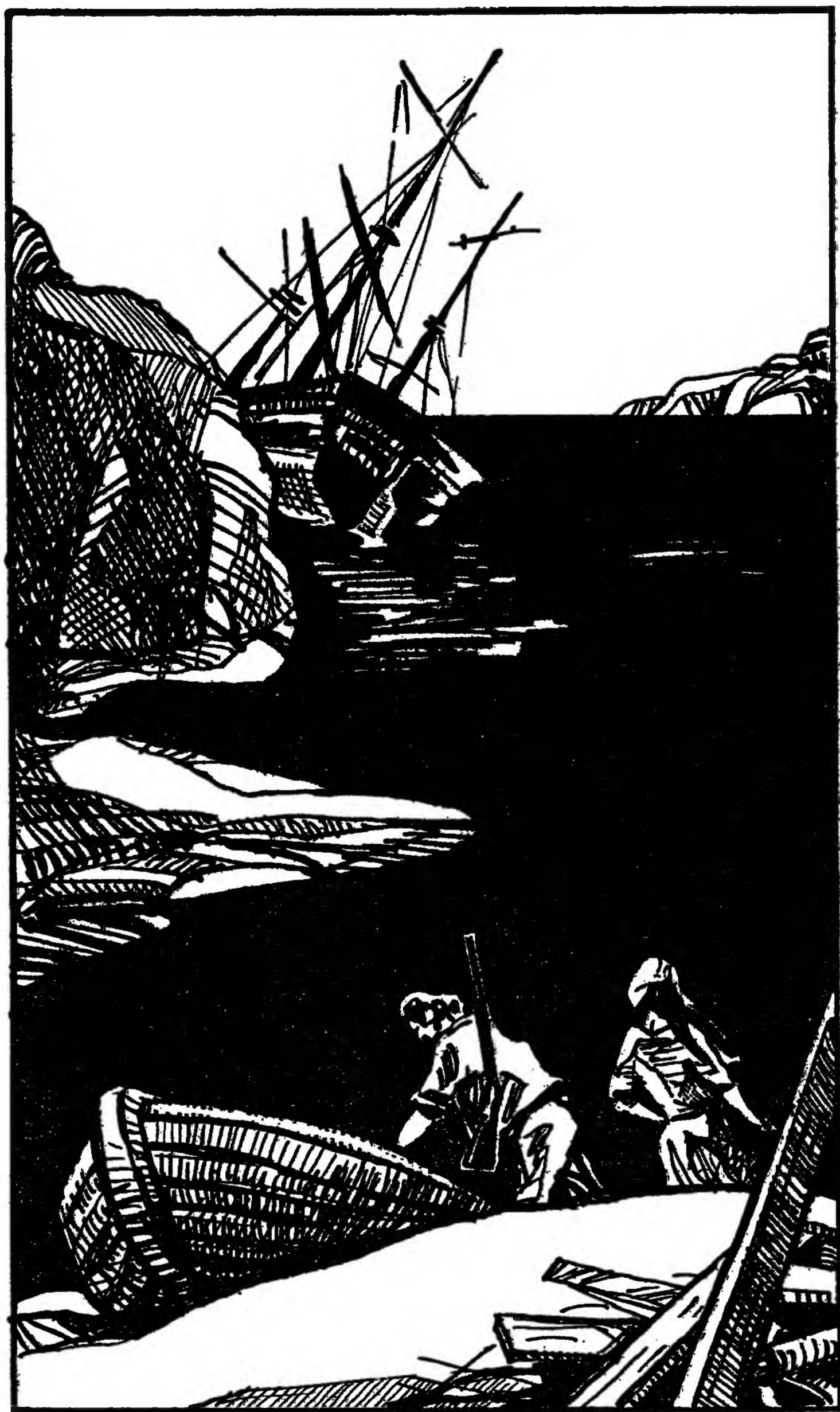
Забрезжило, и в предрассветной дымке мы долго искали глазами наш остров. Наконец, мы увидели его — крошечно темное пятнышко, милях в пятнадцати от нас, на самом горизонте. Я осмотрел море в бинокль. Вдали, на юго-западе, я заметил на воде темную полосу; она явно придвигалась к нам.

— Попутный ветер! — закричал я хрипло, и мой голос показался мне чужим.

Мод хотела что-то сказать и не смогла вымолвить ни слова. Губы ее посинели от холода, глаза ввалились, но как мужественно смотрели на меня эти ясные карие глаза! Как жалобно и все же мужественно!

Снова принялся я растирать ей руки, поднимать и опускать их, пока она не почувствовала, что может двигать ими. Потом я заставил ее встать и сделать несколько шагов между средней банкой и кормой, хотя она, верно, упала бы, если бы я не поддержал ее. Я заставил ее даже попрыгать.

— Ах вы, храбрая маленькая женщина! — сказал я, увидев, что лицо ее снова оживает. — Знаете ли вы, какая вы храбрая?

— Никогда я не была храброй, — отвечала она, — пока не узнала вас. Это вы сделали меня храброй!

— Ну, и я не был храбр, пока не узнал вас, — сказал я.

Она бросила на меня быстрый взгляд, и я снова уловил этот теплый трепетный огонек в ее глазах... и еще что-то. Но это длилось всего одно мгновение. Мод улыбнулась.

— Вас-то просто обстоятельства изменили, — сказала она.

Но я знал, что это не так, и, быть может, она сама понимала это.

Тут налетел ветер, попутный и свежий, и скоро шлюпка уже прокладывала себе дорогу по высокой волне прямо к острову.

После полудня мы миновали юго-западный мыс. Теперь уже не только голод мучил нас — мы изнемогали от жажды. Губы у нас пересохли и потрескались, и мы тщетно пытались смочить их языком. А затем ветер начал спадать и к ночи стих совсем. Я снова сел на весла, но едва мог грести. В два часа утра нос шлюпки врезался в прибрежный песок нашей маленькой бухточки, и я, шатаясь, выбрался на берег и привязал шлюпку. Мод не стояла на ногах от усталости. Я хотел понести ее, но у меня не хватило сил. Я упал вместе с нею на песок, а когда отдышался, взял ее подмышки и волоком потащил к хижине.

На следующий день мы не работали. Мы проспали до трех часов дня, по крайней мере я. Когда я проснулся, Мод уже стряпала обед. Ее способность быстро восстанавливать силы была поразительна. Это хрупкое, как стебелек цветка, тело обладало изумительной выносливостью. Как ни мало было у нее сил, она цепко держалась за жизнь.

— Вы ведь знаете, что я предприняла путешествие в Японию для укрепления здоровья, — сказала она, когда мы, пообедав, сидели у костра, наслаждаясь покоем. — Я никогда не отличалась крепким здоровьем. Врачи рекомендовали мне путешествие по морю, ну я и выбрала самое продолжительное.

— Не знали вы, что выбирали! — рассмеялся я.

— Что же, это очень изменило меня, и, надеюсь, — к лучшему, — заметила она. — Я теперь стала крепче, сильнее. И во всяком случае больше знаю жизнь.

Короткий осенний день быстро шел на убыль. Мы разговорились о страшной, необъяснимой слепоте, поразившей Волка Ларсена. Я сказал, что, видимо, дело его плохо, если он заявил, что хочет остаться и умереть на Острове Усилий. Когда такой сильный, так любящий жизнь человек готовится к смерти, ясно, что тут кроется нечто большее, чем слепота. А эти ужасные головные боли! Потолковав, мы решили, что он, очевидно, страдает какой-то болезнью мозговых сосудов и во время приступов испытывает нечеловеческую боль.

Я заметил, что, чем больше говорили мы о тяжелом состоянии Волка Ларсена, тем сильнее прорывалось у Мод сострадание к нему, но это было так трогательно и так по-женски, что лишь сильнее привлекало меня к ней. К тому же всякая фальшивая сентиментальность была ей совершенно чужда. Мод вполне соглашалась со мной, что нам необходимо применить к Волку Ларсену самые суровые меры, если мы хотим уплыть с этого острова, и только мысль о том, что я могу оказаться вынужденным лишить его жизни, чтобы спасти свою (она сказала "нашу") жизнь, пугала ее.

На следующий день мы позавтракали на рассвете и сразу же принялись за работу. В носовом трюме, где хранился судовой инвентарь, я нашел верп и ценой больших усилий вытащил его на палубу и спустил в шлюпку. Сложив бухтой на корме шлюпки длинный трос, я завез якорь подальше от берега и бросил его. Ветра не было, стоял высокий прилив, и шхуна была на плову. Отдав швартовы, я начал верповать вручную, так как брашпиль был испорчен. Скоро шхуна подошла почти к самому верпу. Он, конечно, был слишком мал, чтобы удержать судно даже при легком бризе, поэтому я отдал большой якорь правого борта, дав побольше слабины. После обеда я взялся восстанавливать брашпиль.

Целых три дня провозился я с этим брашпилем, хотя любой механик, вероятно, исправил бы его за три часа. Но я в этом ровно ничего не смыслил, и мне приходилось овладевать знаниями, которые являются азбукой для специалиста; да к тому же я должен был еще учиться пользоваться инструментами. Однако к концу третьего дня брашпиль с грехом пополам начал

действовать. Он работал далеко не так хорошо, как до поломки, но все же делал свое дело, а без него моя задача была бы невыполнима.

Полдня ушло у меня на то, чтобы поднять на борт обе стенги, поставить стрелу и закрепить ее оттяжками, как и в первый раз. В эту ночь я улегся спать прямо на палубе около стрелы. Мод отказалась ночевать одна на берегу и устроилась в матросском кубрике. Днем Волк Ларсен опять сидел на палубе, прислушиваясь к тому, что мы делаем, и беседовал с нами на посторонние темы. Никто из нас ни словом не обмолвился о произведенных им разрушениях, и он больше не требовал, чтобы я оставил его шхуну в покое. Но я по-прежнему боялся его — слепого, беспомощного и все время настороженно прислушивающегося. Работая, я старался держаться подальше, чтобы он не мог вцепиться в меня своей мертвой хваткой.

В эту ночь, заснув возле нашей драгоценной стрелы, я очнулся от звука шагов. Была звездная ночь, и я увидал темную фигуру Волка Ларсена, движущуюся по палубе. Я вылез из-под одеяла и неслышно подкрался к нему. Вооружившись плотничьим скобелем, взятым из ящика с инструментами, он собирался перерезать им гафель-гардели, которыми я снова оснастил стрелу. Нащупав веревки, он убедился, что я оставил их ненатянутыми. Тут скобелем ничего нельзя было сделать, и он натянул гафель-гардели и закрепил их. Он уже готов был перепилить их скобелем, когда я произнес негромко:

— На вашем месте я бы не стал этого делать.

Он услышал, как я взвел курок револьвера, и засмеялся.

— Хэлло, Хэмп! — сказал он. — Я ведь все время знал, что вы здесь. Моих ушей вы не обманете.

— Лжете, Волк Ларсен, — сказал я, не повышая голоса. — Но у меня руки чешутся пристрелить вас, так что делайте свое дело, режьте.

— У вас всегда есть эта возможность, — насмешливо сказал он,

— Делайте свое дело! — угрожающе повторил я.

— Предпочитаю доставить вам разочарование, — со смехом пробормотал он, повернулся на каблуках и ушел на корму.

Наутро я рассказал Мод об этом ночном происшествии, и она заявила:

— Что-то нужно предпринять, Хэмфри! Оставаясь на свободе, он может сделать все что угодно. Он способен затопить шхуну, поджечь ее. Неизвестно, что он выкинет. Его нужно посадить под замок.

— Но как? — спросил я, беспомощно пожав плечами. — Подойди к нему близко я не решаюсь и в то же время не могу заставить себя выстрелить в него, пока его сопротивление остается пассивным. И он знает это.

— Должен же быть какой-то способ, — возразила Мод. — Дайте мне подумать.

— Способ есть, — мрачно заявил я.

Она с надеждой поглядела на меня.

Я поднял охотничью дубинку.

— Убить его она не убьет, — сказал я, — а прежде, чем он придет в себя, я успею связать его по рукам и ногам.

Но Мод с содроганием покачала головой.

— Нет, только не это! Нужно найти какой-нибудь менее зверский способ. Подождем еще.

Ждать нам пришлось недолго — дело решилось само собой. Утром после нескольких неудачных попыток я, наконец, определил центр тяжести фок-мачты и закрепил несколько выше его подъемные тали. Мод направляла трос на брашпиль и складывала в бухту сбегавший конец. Будь брашпиль в исправности, наша задача была бы несложной, а так мне приходилось со всей силой налегать на рукоятку, чтобы поднять мачту хотя бы на один дюйм. То и дело я присаживался отдохнуть. По правде говоря, я больше отдыхал, чем работал. Когда, невзирая на все мои усилия, рукоятка не подавалась, Мод, держа конец одной рукой, ухитрялась еще помогать мне, налегая на рукоятку своим хрупким телом.

Через час оба блока сошлись у вершины стрелы. Дальше поднимать было некуда, а мачта все еще не перевалилась через борт. Основанием своим она легла на планшир левого борта, в то время как верхушка ее нависала над водой далеко за правым бортом. Стрела оказалась коротка, и вся моя работа свелась к нулю. Но я уже не приходил в отчаяние, как прежде. Я начинал обретать все большую веру в себя и в потенци-

альную силу брашпилей, стрел и подъемных талей. Способ поднять мачту, несомненно, существовал, и мне оставалось только найти его.

Пока я размышлял над этой задачей, на ют вышел Волк Ларсен.

Нам сразу бросилось в глаза, что с ним творится что-то неладное. Во всех его движениях еще сильнее чувствовалась какая-то нерешительность, расслабленность. Проходя вдоль рубки, он несколько раз споткнулся, а поровнявшись с краем юта, сильно пошатнулся, поднял руку уже знакомым мне жестом, — словно смахивая паутину с лица, — и вдруг загремел по ступенькам вниз. Широко расставив руки в поисках опоры, он, шатаясь, пошел по палубе и остановился, покачиваясь из стороны в сторону, у люка кубрика охотников. Потом ноги у него подкосились, и он рухнул на палубу.

— Припадок! — шепнул я Мод.

Она кивнула мне, и я снова прочел сострадание в ее взгляде.

Мы подошли к Волку Ларсену. Он, казалось, был без памяти и дышал судорожно, прерывисто. Мод сейчас же взялась за дело — приподняла ему голову, чтобы предотвратить прилив крови, и послала меня в каюту за подушкой. Я прихватил и одеяла, и мы постарались устроить больного поудобнее. Я нащупал его пульс. Он бился ровно — не часто и не слишком слабо, словом совершенно нормально. Это удивило меня и показалось мне подозрительным.

— А что, если он притворяется? — спросил я, не выпуская его руки.

Мод покачала головой и посмотрела на меня с упреком. В ту же секунду рука Волка Ларсена выскользнула из-под моих пальцев и словно в стальных тисках сдавила мое запястье. Я дико вскрикнул от неожиданности испуга. Злорадная гримаса исказила его лицо, и больше я уже ничего не видел, — другой рукой он обхватил меня и притянул к себе.

Он отпустил мое запястье, но при этом так сдавил меня, обхватив за спину, что я не мог шевельнуться. Свободной рукой он схватил меня за горло, и в это мгновение я испытал весь ужас и всю горечь ожидания смерти — смерти по собственной вине. Как мог я подойти так близко к его страшным ручищам? Вдруг

я ощутил прикосновение других рук — Мод тщетно пыталась оторвать от моего горла душившую меня лапу. Поняв, что это бесполезно, она отчаянно закричала, и у меня похолодело сердце. Мне был знаком этот душераздирающий вопль, полный ужаса и отчаяния. Так кричали женщины, когда шел ко дну "Мартинес".

Лицо мое было прижато к груди Волка Ларсена, и я ничего не мог видеть, но слышал, как Мод побежала куда-то по палубе. Все произошло с молниеносной быстротой, но мне показалось, что протекла вечность. Сознание мое еще не успело померкнуть, когда я услышал, что Мод бегом возвращается обратно, и в то же мгновение почувствовал, как тело Волка Ларсена подалось назад и обмякло. Дыхание с шумом вырывалось из его груди, на которую я налегал всей своей тяжестью. Раздался сдавленный стон; был ли то возглас бессилия, или его просто исторгло удушье — не знаю, но пальцы, вцепившиеся мне в горло, разжались. Я глотнул воздух. Пальцы дрогнули и снова сдавили мне горло. Но даже его чудовищная сила воли уже не могла преодолеть упадка сил. Воля сдавала. Ларсен терял сознание.

Шаги Мод звучали у меня над самым ухом. Пальцы Ларсена в последний раз стиснули мое горло и разжались совсем. Я откатился в сторону. Лежа на спине, я хватал воздух ртом и моргал от солнечного света, бившего мне прямо в лицо. Я отыскал глазами Мод; она была бледна, но внешне спокойна и смотрела на меня со смешанным выражением тревоги и облегчения. Я увидел у нее в руке тяжелую охотничью дубинку. Заметив мой взгляд, Мод выронила дубинку, словно она жгла ей руку, у меня же сердце исполнилось ликованием. Вот она — моя подруга, готовая биться вместе со мной и за меня, как бились бок о бок со своими мужчинами женщины каменного века! Условности, которым она подчинялась всю жизнь, были забыты, и голос инстинкта, не задушенный до конца изнеживающим влиянием цивилизации, властно заговорил в ней.

— Родная моя! — воскликнул я, с трудом поднимаясь на ноги.

В следующую секунду она была в моих объятьях и судорожно всхлипывала, припав к моему плечу. При-

жимая ее к себе, я смотрел на ее пышные каштановые волосы; они сверкали на солнце, словно драгоценные камни, и затмевали в моих глазах все сокровища земных царей. Я нагнулся и нежно поцеловал их, так нежно, что она и не заметила.

Но я тут же заставил себя трезво взглянуть на вещи. Естественно, что Мод, как истая женщина, после пережитой опасности проливала слезы облегчения в объятиях своего защитника, чья жизнь в свою очередь была под угрозой. Будь я ей отцом или братом, положение ничуть бы не изменилось. К тому же сейчас было не время и не место для любовных признаний, и я хотел прежде заслужить право говорить ей о своей любви. Поэтому я только нежно поцеловал еще раз ее волосы, чувствуя, что она высвобождается из моих объятий.

— Вот теперь припадок непритворный, — сказал я. — После одного из таких припадков он и потерял зрение. Сегодня он сперва притворялся и, быть может, этим и вызвал приступ.

Мод уже начала поправлять ему подушку.

— Пойдите, — сказал я. — Сейчас он беспомощен и таким должен оставаться и впредь. Теперь мы займем кают-компанию, а Волка Ларсена поместим в кубрике охотников.

Я взял его подмышки и потащил к трапу, а Мод по моей просьбе принесла веревку. Обвязав его веревкой подмышками, я спустил его по ступенькам в кубрик. У меня не хватало сил положить его на койку, но с помощью Мод мне удалось сперва приподнять верхнюю часть его туловища, а потом я закинул на койку и его ноги.

Но этим нельзя было ограничиться. Я вспомнил, что у Волка Ларсена в каюте хранятся наручники, которыми он пользовался вместо старинных тяжелых судовых кандалов, когда ему нужно было заковать провинившегося матроса. Мы разыскали эти наручники и сковали Ларсена по рукам и ногам. После этого, впервые за много дней, я вздохнул свободно. Выйдя на палубу, я испытал чувство необычайного облегчения — у меня словно гора с плеч свалилась. Я чувствовал также, что все пережитое нами нынче еще больше сблизило меня с Мод, и, направляясь вместе с ней к стреле, на которой теперь уже висела фок-

мачта, мысленно спрашивал себя, ощущает ли Мод эту близость так, как я.

Глава тридцать седьмая

Мы тут же перебрались на шхуну и заняли свои прежние каюты. Пищу мы теперь готовили себе в камбузе. Волк Ларсен попал в заточение как нельзя более вовремя. Последние дни в этих широтах стояло, как видно, бабье лето, и теперь оно внезапно пришло к концу, сменившись дождливой и бурной погодой. Но мы на шхуне чувствовали себя вполне уютно, а стрела с подвешенной к ней фок-мачтой придавала всему деловой вид и окрыляла нас надеждой на отплытие.

Теперь, когда нам удалось заковать Волка Ларсена в наручники, это оказалось уже ненужным. Второй припадок, подобно первому, вызвал серьезное нарушение жизненных функций. Мод обратила на это внимание, когда пошла под вечер накормить нашего пленника. Он был в сознании, и она заговорила с ним, но не добилась ответа. Он лежал на левом боку и, казалось, очень страдал от боли. Левое ухо его было прижато к подушке. Потом беспокойным движением он повернул голову вправо, и левое ухо его открылось. Только тут он услышал слова Мод, что-то ответил ей, а она бросилась ко мне рассказать о своем наблюдении.

Прижав подушку к левому уху Ларсена, я спросил его, слышит ли он меня, но ответа не получил. Убрав подушку, я повторил свой вопрос, и он тотчас ответил.

— А вы знаете, что вы оглохли на правое ухо? — спросил я.

— Да, — отвечал от тихо, но твердо. — Хуже того, у меня поражена вся правая сторона тела. Она словно уснула. Не могу пошевелить ни рукой, ни ногой.

— Опять притворяетесь? — сердито спросил я.

Он отрицательно покачал головой, и странная, кривая усмешка перекосила его рот. Усмешка была

кривой потому, что двигалась только левая сторона рта, — правая оставалась совершенно неподвижной.

— Это был последний выход Волка на охоту, — сказал он. — У меня паралич, я больше не встану на ноги... О, только та нога поражена, не обе, — добавил он, словно догадавшись, что я бросил подозрительный взгляд на его левую ногу, которую он в эту минуту согнул в колене, приподняв одеяло.

— Да, не повезло мне! — продолжал он. — Я хотел сперва разделаться с вами, Хэмп. Думал, что на это у меня еще хватит пороху.

— Но почему? — спросил я, охваченный ужасом и любопытством.

Его жесткий рот опять покривился в усмешке, и он сказал:

— Да просто, чтобы чувствовать, что живу и действую, чтобы до конца быть самым большим куском закваски и сожрать вас!.. Но умереть так...

Он пожал плечами, вернее хотел это сделать, — и двинул одним только левым плечом. Как и его усмешка, это движение получилось странно однобоким.

— Но чем же вы сами объясняете то, что случилось с вами? Где гнездится болезнь?

— В мозгу, — тотчас отвечал он. — Это все от моих проклятых головных болей.

— Они были только симптомом болезни, — сказал я.

Он кивнул.

— Все это непонятно. Я ни разу в жизни не болел. Но вот какая-то дрянь завелась в мозгу. Рак или другая какая-нибудь опухоль, но она пожирает и разрушает все, поражает нервные центры и поедает их — клетку за клеткой... судя по боли, которую я терплю.

— И двигательные центры поражены тоже, — заметил я.

— По-видимому. И все проклятье в том, что я обречен лежать вот так, в полном сознании, с неповрежденным умом, и отдавать концы — один за другим, постепенно порывая всякую связь с миром. Я уже потерял зрение; слух и осязание покидают меня, и если так пойдет дальше, скоро я лишусь речи. И все равно буду пребывать здесь, на этой земле, живой, полный жажды действия, но бессильный.

— Когда вы говорите, что будете пребывать здесь,

то подразумеваете, надо полагать, вашу душу, — сказал я.

— Чушь! — возмутился он. — Я подразумеваю только, что высшие нервные центры еще не поражены болезнью. У меня сохранилась память, я могу мыслить и рассуждать. Когда это исчезнет, исчезну и я. Меня не будет. Душа?!

Он насмешливо рассмеялся и лег левым ухом на подушку, давая понять, что не желает продолжать разговор.

Мы с Мод принялись за работу, подавленные страшной судьбой, постигшей этого человека. Насколько тяжелой была его участь, нам еще предстояло вскоре убедиться. Казалось, это было грозным возмездием за его дела. Мы были настроены торжественно и серьезно и переговаривались друг с другом вполголоса.

— Можете снять наручники, — сказал нам Волк Ларсен вечером, когда мы стояли у его койки, обсуждая, как нам с ним быть. — Это совершенно безопасно — я ведь паралитик. Теперь остается только ждать пролежней.

Он опять криво усмехнулся, и глаза Мод расширились от ужаса; она невольно отвернулась.

— А вы знаете, что улыбка у вас кривая? — спросил я его, думая о том, что ей придется ухаживать за ним, и желая избавить ее от этого неприятного зрелища.

— В таком случае я перестану улыбаться, — хладнокровно заявил он. — Я и сам думал сегодня, что не все ладно. Правая щека словно окаменела. Да, уже три дня, как начали появляться эти признаки, — правая сторона временами как бы засыпала — то нога, то рука.

— Значит, улыбка у меня кривая? — спросил он, помолчав. — Ну что же, отныне прошу считать, что я улыбаюсь внутренне, — в душе, если вам угодно, в душе! Учтите, что я и сейчас улыбаюсь.

И несколько минут он лежал молча, довольный своей мрачной выдумкой.

Характер его ничуть не изменился. Это был все тот же неукротимый, страшный Волк Ларсен, заключенный, как в темнице, в своей омертвевшей плоти, которая была когда-то такой великолепной и несокрушимой. Теперь она превратилась в оковы и замкнула

его душу в молчание и мрак, отгородив его от мира, который был для него ареной столь бурной деятельности. Никогда больше не придется ему спрягать на все лады глагол "делать". "Быть" — вот все, что ему осталось. А ведь именно так он и определял понятие "смерти" — "быть", то есть существовать, но вне движения; замышлять, но не исполнять; думать, рассуждать и в этом оставаться таким же живым, как вчера, но плотью — мертвым, безнадежно мертвым.

А мы с Мод, хоть я и снял с него наручники, никак не могли привыкнуть к его новому состоянию. Наше сознание отказывалось принять его. Для нас он оставался полным скрытых возможностей. Нам казалось, что в любую минуту он может вырваться из оков плоти, подняться над нею и сотворить что-то ужасное. Столько натерпелись мы от этого человека, что даже теперь ни на секунду не могли избавиться от внутреннего беспокойства.

Мне удалось разрешить задачу, вставшую передо мной, когда стрела оказалась слишком короткой. Изготовив новые хват-тали, я перетянул нижний конец фок-мачты через планшир, а затем опустил мачту на палубу, после чего при помощи стрелы поднял на борт грота-гик. Он был длиной в сорок футов, и этого оказалось достаточно, чтобы поднять и установить мачту. При помощи вспомогательных талей, которые я прикрепил к стреле, я поднял гик почти в вертикальное положение, а потом упер его пяткой в палубу и закрепил толстыми колодками. Обыкновенный блок, который был у меня на стреле, я прикрепил к ноку гика. Таким образом, взяв ходовой конец талей на брашпиль, я мог по желанию поднимать и опускать нок гика, причем пятка его оставалась неподвижной, и при помощи оттяжек придавать ему наклон вправо или влево. К ноку гика я прикрепил также и подъемные тали, а когда все приспособление было закончено, поразился сам, как много оно мне дало.

Два дня ушло у меня на то, чтобы справиться с этим делом, и только на третий день утром я смог приподнять фок-мачту над палубой и принялся обтесывать ее нижний конец, чтобы придать ему нужную форму — соответственно степсу в трюме. Плотником я оказался и вовсе никудышным. Я пилил, рубил и обтесывал неподатливое дерево, пока оно не приобрело

такой вид, словно его обгрызла какая-то гигантская крыса. Но того, что мне было нужно, я все же достиг.

— Годится, я уверен, что годится! — воскликнул я.

— Вы знаете, что доктор Джордан считает пробным камнем для всякой истины? — спросила Мод.

Я покачал головой и перестал извлекать залетевшие мне за ворот стружки.

— Пробным камнем является вопрос: "Можем ли мы заставить эту истину служить нам? Можем ли мы доверить ей свою жизнь?"

— Он ваш любимец, — заметил я.

— Когда я разрушила свой старый пантеон, выбросила из него Наполеона, Цезаря и еще кое-кого и принялась создавать себе новый, — серьезно отвечала она, — то первое место занял в нем доктор Джордан.

— Герой, вполне современный!

— То, что он принадлежит современности, только делает его более великим, — сказала она. — Разве могут герои старого мира сравниться с нашими?

Я кивнул. У нас с Мод было так много общего, что между нами редко возникали споры. Мы с ней сходились в главном — в нашем мировоззрении, в отношении к жизни.

— Для двух критиков мы поразительно легко находим общий язык, — рассмеялся я.

— Для корабельного мастера и подмастерья — тоже, — пошутила она.

Мы не часто шутили и смеялись в те дни — слишком были мы поглощены нашим тяжелым, упорным трудом и пришиблены страшным зрелищем постепенного умирания Волка Ларсена.

У него повторился удар. Он потерял речь, вернее начал терять ее. Теперь он владел ею лишь по временам. По его собственному выражению, у него, как на фондовой бирже, "телеграфный аппарат" был то включен, то выключен. Когда "аппарат" был включен, Ларсен разговаривал, как обычно, только более медленно и как-то затрудненно. А потом речь внезапно покидала его, — порой прежде, чем он успевал закончить фразу, — и ему часами приходилось ждать, пока прерванный контакт не восстановится. Он жаловался на сильную головную боль и заранее придумал особую форму связи на случай, если совершенно лишится речи: один нажим пальцев обозначал "да",

а два нажима — "нет". И сказал он нам об этом как раз вовремя, та как в тот же вечер окончательно потерял речь. С тех пор на наши вопросы он отвечал нажимом пальцев, а когда ему самому хотелось что-нибудь сказать, довольно разборчиво царапал левой рукой на листке бумаги.

Наступила жестокая зима. Шторм следовал за штормом — со снегом, с дождем, с ледяной крупой. Котики отправились в свое дальнейшее путешествие на юг, и лежбище опустело. Я работал не покладая рук. В любую непогоду, невзирая на ветер, который особенно мешал работе, я оставался на палубе с рассвета и дотемна, и дело заметно шло на лад.

В свое время я допустил ошибку, когда установил стрелу, не прикрепив к ней оттяжки, и тогда мне пришлось взбираться на нее. Теперь я извлек из этого урок и заранее прикрепил снасти — штаги, гафель-гардель и дирикфал — к верхушке фок-мачты. Но, как всегда, я потратил на эту работу больше времени, чем предполагал, — у меня ушло на нее целых два дня. А ведь еще столько дела было впереди! Паруса, например, в сущности необходимо было изготовить заново.

Пока я трудился над оснасткой фок-мачты, Мод сшивала паруса, причем в любую минуту с готовностью бросала свое занятие и спешила мне на помощь, если я не мог справиться один. Парусина была твердая и тяжелая, а Мод пользовалась настоящим матросским гардаманом и трехгранной парусной иглой. Руки у нее очень скоро покрылись волдырями, но она стойко продолжала свою работу, — а ведь ей приходилось еще стряпать и ухаживать за больным!

— Долой суеверия! — сказал я в пятницу утром. — Будем ставить мачту сегодня!

Все подготовительные работы были закончены. Взяв тали гика на брашпиль, я поднял мачту так, что она отделилась от палубы. Затем, закрепив эти тали, я взял на брашпиль тали стрелы, прикрепленные к ноку гика, и несколькими поворотами рукоятки привел мачту в вертикальное положение над палубой.

Мод — как только я освободил ее от обязанности держать сходящий с барабана конец — захлопала в ладоши и закричала:

— Годится! Годится! Мы доверим ей свою жизнь! Но лицо ее тут же омрачилось.

— А ведь мачта не над отверстием, — сказала она. — Неужели вам придется опять начинать все сызнова?

Я снисходительно улыбнулся и, поправив одну из оттяжек гика и подтянув другую, подвел мачту к центру палубы. И все-таки она висела еще не точно над отверстием. Лицо Мод опять вытянулось, а я снова снисходительно улыбнулся и, маневрируя талями гика и стрелы, подтянул мачту прямо к отверстию в палубе. После этого я подробно объяснил Мод, как опускать мачту, а сам спустился в трюм к степсу, установленному на дне шхуны.

Я крикнул Мод, чтобы она начинала травить. Мачта пошла вниз легко и точно — прямо к четырехугольному отверстию степса. Однако при спуске она немного повернулась вокруг своей оси, и стороны четырехугольного шпора перестали совпадать со сторонами степса. Но я тут же сообразил, что надо сделать. Крикнув Мод, чтобы она перестала травить, я поднялся на палубу и стопорным узлом прикрепил к мачте хват-тали. Потом снова спустился в трюм, сказав Мод, чтобы она по моей команде тянула хват-тали. При свете фонаря я увидел, как мачта медленно поворачивается и стороны шпора становятся параллельно сторонам степса. Мод закрепила тали и вернулась к брашпилю. Медленно опускаясь, мачта проходила последние несколько дюймов, но тут снова начала поворачиваться. Однако Мод опять выправила ее хват-талями и продолжала травить брашпилем. Квадраты совпали, мачта вошла в степс.

Я громко закричал, и Мод бросилась ко мне. При желтом свете фонаря мы жадно любовались плодами своих трудов. Потом взглянули друг на друга, и руки наши невольно сплелись. Боюсь, что на глазах у нас выступили слезы радости.

— В конце концов это было не так уж трудно, — заметил я. — Вся трудность заключалась в подготовке.

— А все чудо — в осуществлении, — подхватила Мод. — Мне даже не верится, что эта огромная мачта поднята и стоит на своем месте, что вы вытянули ее из воды, пронесли по воздуху и опустили здесь, в ее гнездо. Труд титана!

— "И многое другое изобрели они", — весело начал я, но тут же умолк и втянул носом воздух.

Я бросил взгляд на фонарь. Нет, он не коптил. Я снова понюхал воздух.

— Что-то горит! — уверенно сказала Мод.

Мы оба бросились к трапу, но я обогнал ее и первым выскочил на палубу. Из люка кубрика валил густой дым.

— Волк еще жив! — пробормотал я и прыгнул вниз.

В тесном помещении дым стоял плотной стеной, и я мог продвигаться только ощупью. Образ прежнего Волка Ларсена все еще так действовал на мое воображение, что я бы, кажется, не удивился, если бы этот беспомощный великан вдруг схватил меня за горло и начал душить. Желание броситься обратно вверх по трапу чуть не возобладало во мне, но я тут же вспомнил о Мод. На мгновение я увидел ее перед собой — такой, какою только что видел в трюме при тусклом свете фонаря, — увидел ее карие глаза, в которых сверкали слезы радости, и понял, что не могу обратиться в бегство. Задыхаясь от дыма, я добрался до койки Волка Ларсена и нащупал его руку. Он лежал неподвижно, но слегка пошевелился, когда я прикоснулся к нему. Я ощупал его одеяло снаружи и изнутри, но ничего не обнаружил. Откуда же этот дым, который слепит меня, душит, заставляет кашлять и ловить воздух ртом? На мгновение я совсем потерял голову и, как безумный, заметался по кубрику. Налетев с размаху на стол, я пришел в себя и немного успокоился. Я сообразил, что если парализованный человек и мог устроить пожар, то только в непосредственной близости от себя.

Я вернулся к койке Волка Ларсена и столкнулся с Мод. Не знаю, сколько времени она пробыла в этом дыму.

— Ступайте наверх! — решительно приказал я.

— Но, Хэмфри... — возразила было она каким-то чужим, сиплым голосом.

— Нет уж, пожалуйста, прошу вас! — резко крикнул я.

Она послушно отошла от койки, но тут я испугался: а вдруг она не найдет выхода. Я бросился за ней — у трапа ее не было. Может быть, она уже поднялась? Я стоял в нерешительности и внезапно услышал ее слабый возглас:

— О Хэмфри, я заблудилась!

Я нашел Мод у задней переборки, по которой она беспомощно шарила руками, и вытащил ее наверх. Чистый воздух показался мне нектаром. Мод была в полуобморочном состоянии, но я оставил ее на палубе, а сам опять кинулся вниз.

Источник дыма надо было искать возле Волка Ларсена — в этом я был убежден и потому направился прямо к его койке. Когда я снова стал ощупывать одеяло, что-то горячее упало сверху мне на руку и обожгло ее. Я быстро отдернул руку, и мне все стало ясно. Сквозь щель в досках верхней койки Волк Ларсен поджег лежавший на ней тюфяк, — для этого он еще достаточно владел левой рукой. Подожженная снизу и лишенная доступа воздуха, волглая солома матраца медленно тлела.

Я стал стаскивать матрац с койки, и он распался у меня в руках на куски. Солома вспыхнула ярким пламенем. Я затушил остатки соломы, тлевшие на койке, и бросился на палубу глотнуть свежего воздуха.

Притащив несколько ведер воды, я загасил тюфяк, горевший на полу кубрика. Минут через десять дым почти рассеялся, и я позволил Мод сойти вниз. Волк Ларсен лежал без сознания, но свежий воздух быстро привел его в чувство. Мы все еще хлопотали возле него, как вдруг он знаком попросил дать ему карандаш и бумагу.

“Прошу не мешать мне, — написал он. — Я улыбаюсь”.

“Как видите, я все еще кусок закваски!” — приписал он немного погодя.

— Могу только радоваться, что кусок этот не слишком велик, — сказал я вслух.

“Благодарю, — написал он. — Но вы подумали о том, что, прежде чем исчезнуть совсем, он должен еще значительно уменьшиться?”

“А я еще здесь, Хэмп, — написал он в заключение. — И мысли у меня работают так ясно, как никогда. Ничто не отвлекает их. Полная сосредоточенность. Я весь здесь, даже мало сказать — здесь...”

Слова эти показались мне вестью из могильного мрака, ибо тело этого человека стало его усыпальницей. И где-то в этом страшном склепе все еще трепетал и жил его дух. И так предстояло ему жить и трепетать, пока не оборвется последняя нить, связующая его с

внешним миром. А там, кто знает, как долго суждено ему было еще жить и трепетать?

Глава тридцать восьмая

”Кажется, левая сторона тоже отнимается, — написал Волк Ларсен на другое утро после своей попытки поджечь корабль. — Онемение усиливается. Едва шевелю рукой. И говорите теперь погромче. Отдаю последние концы”.

— Вы чувствуете боль? — спросил я.

Мне пришлось повторить вопрос более громко, и только тогда он ответил:

”Временами”.

Его левая рука медленно, с трудом царапала по бумаге, и разобрать его каракули было нелегко. Они напоминали ответы духов, которые преподносят вам на спиритических сеансах, где вы платите доллар за вход.

”Но я еще здесь, я еще весь здесь”, — все медленнее и неразборчивее выводила его рука.

Карандаш выпал у него из пальцев, и пришлось вложить его снова.

”Когда боли нет, я наслаждаюсь тишиной и покоем. Никогда еще мои мысли не были так ясны. Я могу размышлять о жизни и смерти, как иог”.

— И о бессмертии? — громко спросила Мод, наклоняясь к его уху.

Три раза он безуспешно пытался нацарапать что-то, но карандаш вываливался из его руки. Напрасно пробовали мы вложить его обратно, — пальцы уже не могли удержать карандаша. Тогда Мод сама прижала его пальцы к карандашу и держала так, пока его рука медленно, столь медленно, что на каждую букву уходила минута, вывела крупными буквами: Ч-У-Ш-Ь”.

Это было последнее слово Волка Ларсена, оставшегося неисправимым скептиком до конца дней своих. ”Чушь!” Пальцы перестали двигаться. Тело чуть

дрогнуло и замерло. Мод выпустила его руку, отчего пальцы его слегка разжались и карандаш выпал.

— Вы слышите меня? — крикнул я, взяв его за руку и ожидая утвердительного нажима пальцев. Но они не двигались. Рука была мертва.

— Он пошевелил губами, — сказала Мод.

Я повторил вопрос. Губы шевельнулись снова. Мод коснулась их кончиками пальцев, и я еще раз повторил вопрос.

— "Да", — объявила Мод.

Мы вопросительно посмотрели друг на друга.

— Какая от этого польза? — пробормотал я. — Что мы можем сказать ему?

— О, спросите его...

Она остановилась в нерешительности.

— Спросите его о чем-нибудь, на что он должен ответить "нет", — подсказал я. — Тогда мы будем знать наверняка.

— Вы хотите есть? — крикнула она.

Губы шевельнулись, и Мод объявила:

— "Да".

— Хотите мяса? — спросила она затем.

— "Нет", — прочла она по его губам.

— А бульона?

— Да, он хочет бульона, — тихо сказала она, подняв на меня глаза. — Пока у него сохраняется слух, мы можем общаться с ним. А потом...

Она посмотрела на меня каким-то странным взглядом. Губы у нее задрожали и на глазах навернулись слезы. Она вдруг покачнулась, и я едва успел подхватить ее.

— О Хэмфри! — воскликнула она. — Когда все это кончится? Я так измучена, так измучена!

Она уткнулась лицом мне в плечо, рыдания сотрясали ее тело. Она была как перышко в моих объятиях, такая тоненькая, хрупкая. "Нервы не выдержали, — подумал я. — А что я буду делать без ее помощи?"

Но я успокаивал и ободрял ее, пока она мужественным усилием воли не взяла себя в руки; крепость ее духа была под стать ее физической выносливости.

— Как мне только не совестно! — сказала она. И через минуту добавила с лукавой улыбкой, которую я так обожал: — Но я ведь всего-навсего малышка!

Услышав это слово, я вздрогнул, как от электри-

ческого тока. Ведь это было то дорогое мне, заветное слово, которым выражал я втайне мою нежность и любовь к ней.

— Почему вы называли себя так? — взволнованно вырвалось у меня. Она взглянула на меня с удивлением.

— Как "так"? — спросила она.

— "Малышка".

— А вы не называли меня так?

— Да, — отвечал я. — Называл про себя. Это мое собственное словечко.

— Значит, вы разговаривали во сне, — улыбнулась она.

И снова я уловил в ее глазах этот теплый, трепетный огонек. О, я знаю, что мои глаза говорили в эту минуту красноречивее всяких слов. Меня неудержимо влекло к ней. Помимо воли, я склонился к ней, как дерево под ветром. Как близки были мы в эту минуту! Но она тряхнула головой, словно отгоняя какую-то мысль или грезу, и сказала:

— Я помню это слово с тех пор, как помню себя. Так мой отец называл мою маму.

— Все равно оно мое, — упрямо повторил я.

— Вы, может быть, тоже называли так свою маму?

— Нет, — отвечал я; и больше она не задавала вопросов, но я готов был поклясться, что в ее глазах, когда она смотрела на меня, вспыхивали насмешливые и задорные искорки.

После того как фок-мачта стала на свое место, работа наша быстро пошла на лад. Я сам удивился тому, как легко и просто удалось нам установить грот-мачту в степс. Мы сделали это при помощи подъемной стрелы, укрепленной на фок-мачте. Еще через несколько дней все штаги и ванты были на месте и обтянуты. Для команды из двух человек топселя представляют только лишнюю обузу и даже опасность, и поэтому я уложил стеньги на палубу и крепко принайтовил их.

Еще два дня провозились мы с парусами. Их было всего три: кливер, фок и грот. Залатанные, укороченные, неправильной формы, они казались уродливым убранством на такой стройной шхуне, как "Призрак".

— Но они будут служить! — радостно воскликнула Мод.

— Мы заставим их служить нам и доверим им свою жизнь!

Прямо скажу: из всех новых профессий, которыми я понемногу овладел, меньше всего удалось мне блеснуть в роли парусника. Управлять парусами, казалось, было мне куда легче, нежели сшивать их, — во всяком случае я не сомневался, что сумею привести шхуну в какой-нибудь из северных портов Японии. Я уже давно начал изучать кораблевождение с помощью учебников, которые отыскались на шхуне, а кроме того, в моем распоряжении был звездный планшет Волка Ларсена, — а ведь, по его словам, им мог пользоваться даже ребенок.

Что касается самого изобретателя планшета, то состояние его всю эту неделю оставалось почти без перемен, только глухота усилилась да еще слабее стали движения губ. Но в тот день, когда мачты "Призрака" оделись в паруса, Ларсен последний раз уловил какой-то звук извне и в последний раз пошевелил губами. Я спросил его: "Вы еще здесь?" — и губы его ответили: "Да".

Порвалась последняя нить. Его плоть стала для него могилой, ибо в этом полумертвом теле все еще обитала душа. Да, этот свирепый дух, который мы успели так хорошо узнать, продолжал гореть среди окружающего его безмолвия и мрака. Его плоть уже не принадлежала ему — он не мог ее ощущать. Его телесная оболочка уже не существовала для него, как не существовал для него и внешний мир. Он признавал теперь лишь себя и бездонную глубину покоя и мрака.

Глава тридцать девятая

Настал день отплытия. Больше ничего не задерживало нас на Острове Усилий. Куцые мачты "Призрака" стояли на местах, неся на себе уродливые паруса. Все, что выходило из моих рук, не отличалось красотой, но держалось крепко. Я знал, что эти мачты

и паруса еще послужат нам, и поглядывал на них с безотчетным сознанием своей силы.

— Я сам сделал это! Сам! Своими руками! — хотелось крикнуть мне.

Не раз уже случалось, что Мод высказывала вслух мои мысли или я угадывал, о чем думает она; на этот раз, когда мы готовились поднять грот, она сказала:

— Подумать только, Хэмфри, что все это сделали вы, своими руками!

— Здесь, мне кажется, потрудились еще пара рук, — отвечал я. — Две крошечные ручки. Только не говорите, пожалуйста, что это выражение вашего отца!

Она рассмеялась, покачала головой и принялась разглядывать свои руки.

— Мне ни за что не отмыть их теперь, — жалобно проговорила она. — И кожа так обветрилась и загрубела — уже, должно быть, навеки.

— В таком случае эта обветренная кожа и вьевшаяся во все поры грязь всегда будут делать вам честь, — сказал я, взяв ее руки в свои. Я, верно, не удержался бы и, несмотря на все мои торжественные решения, расцеловал эти дорогие руки, если бы она поспешно не отняла их.

Наши товарищеские отношения теперь все чаще находились под угрозой. Я долго и успешно смирял свою любовь, но она начинала брать надо мной верх. Она сломила мою волю и своенравно подчинила себе мои глаза и, отчасти, мой язык и даже губы, ибо в эту самую минуту мне неудержимо хотелось расцеловать эти маленькие ручки, которые трудились вместе со мной так преданно и упорно. Я терял голову. Все мое существо рвалось к Мод, и все во мне громко кричало о моей любви. Любовь налетела, подобно урагану, и я уже не в силах был ей противиться. И Мод видела это. Она не могла не видеть этого, потому так поспешно и выдернула она свои руки из моих. И все же что-то заставило ее — прежде чем она отвела глаза — бросить на меня быстрый, пытливый взгляд...

При помощи хват-талей я взял гардель и дирикфал на брашпиль и теперь мог одновременно поднять передний и задний углы грота. Парус полз вверх довольно неуклюже, но быстро, а вскоре и фок расправился и затрепетал на ветру.

— В такой маленькой бухточке мы ни за что не успеем поднять якорь, — сказал я. — Прежде чем нам это удастся, шхуну разобьет о скалы.

— Что же делать? — спросила Мод.

— Вытравить цепь совсем, — отвечал я. — Пока я буду травить, вам придется стать к брашпилю. А как только я покончу с якорем, так побегу к штурвалу, а вы поднимете кливер.

Десятки раз я изучал и подробно разрабатывал этот маневр снятия с якоря. Я знал, что при помощи брашпиля Мод сумеет поднять кливер — самый необходимый сейчас парус. Свежий ветер задувал в бухту, и, хотя волнение еще не поднялось, нужно было действовать быстро, чтобы благополучно вывести шхуну в море.

Я выбил болт из скобы, и якорная цепь загрохотала в клюзе, падая в воду. Я бросился на ют и положил руль под ветер. Паруса затрепетали, наполнились ветром, шхуна накренилась и ожила. Кливер пополз вверх. Когда и он забрал ветер, нос "Призрака" стало сносить, и мне пришлось еще положить руля, чтобы удержаться на курсе.

Я придумал особый автоматический кливер-шкот, который сам переносил кливер, когда это требовалось, так что Мод не надо было заботиться об этом. Но я уже положил руля круто на ветер, прежде чем Мод закончила поднимать кливер. Момент был напряженный: шхуну несло прямо к берегу, который находился от нас на расстоянии броска камня. Но, сильно накренившись, "Призрак" повернул и послушно привелся к ветру. Я услышал столь приятное для моего слуха громкое хлопанье и трепетанье парусов и риф-штертов, и шхуна забрала ветер уже на другом галсе.

Мод закончила свое дело и, поднявшись на ют, стала рядом со мной. Щеки ее разрумянились от работы, ветер развевал светло-каштановые волосы, выбившиеся из-под зюйдвестки, широко раскрытые глаза горели от волнения, а ноздри вздрагивали, жадно вбирая рвавшийся нам навстречу соленый морской ветер. Ее карие глаза были как у испуганной лани. Затаив дыхание, она встревоженно и зорко смотрела вперед. Губы ее приоткрылись. "Призрак" несся прямо на отвесную скалу у выхода из внутренней бухты, но в последнюю минуту привелся к ветру и вышел на безопасное место.

Моя работа старшим помощником во время промыслового плавания пошла мне впрок. Я благополучно обогнул мыс первой бухты и направил шхуну вдоль берега второй. Еще один поворот на другой галс, и "Призрак" взял курс в открытое море. Мощное дыхание океана овеяло шхуну, и она плавно закачалась на высокой волне. С утра погода была пасмурная и облачная, но тут солнце проглянуло сквозь тучи, как бы в предзнаменование нашего счастливого плавания, и осветило изогнутый дугою берег, где мы воевали с владыками гаремов и били "холостяков". Весь Остров Усилий ярко засиял в лучах солнца. Даже мрачный юго-западный мыс уже не казался таким мрачным; на влажных от прибоя прибрежных скалах играли солнечные блики.

— Я всегда буду испытывать гордость, вспоминая о нем, — сказал я Мод.

Она откинула назад голову, — что-то царственное было в этом движении.

— Милый, милый Остров Усилий, — сказала она. — Я всегда буду любить его.

— И я тоже, — быстро проговорил я.

Мы читали в душе друг у друга, как в раскрытой книге. Еще миг — и взгляды наши должны были встретиться, но, сделав над собой усилие, мы отвели глаза.

Наступило неловкое молчание; я первым прервал его:

— Поглядите, какие тучи собираются на горизонте с наветренной стороны. Помните, еще вчера вечером я говорил вам, что барометр падает.

— И солнце скрылось... — сказала она. Глаза ее были устремлены на наш остров, где мы доказали судьбе, что умеем постоять за себя, и где прекраснейшие узы дружбы и товарищества накрепко связали нас друг с другом.

— Ну что ж: потрави шкоты, и курс на Японию! — весело крикнул я. — Как это: "Попутный ветер, потравленный шкот!.."

Закрепив штурвал, я спрыгнул с юта, дал слаbinу на фока и грота-шкоты, выбрал тали гиков и поставил паруса так, чтобы принять добрый попутный ветер.

Ветер был свежий, даже слишком свежий, но я решил идти под всеми парусами, пока это не станет

опасно. К сожалению, при попутном ветре нельзя закрепить штурвал, и поэтому мне предстояла бессменная вахта до утра. Мод требовала, чтобы я позволил ей сменить меня, но вскоре сама убедилась, что ей будет не под силу держать курс при такой высокой волне, даже если б она и сумела в столь короткий срок овладеть этой премудростью. Открытие это чрезвычайно огорчило ее, но вскоре она утешилась, свертывая в бухты тали, фалы и подбирая концы, валявшиеся на палубе. Да к тому же ей ведь нужно было еще готовить еду, стелить постели, ухаживать за Волком Ларсеном. Свой трудовой день она закончила генеральной уборкой кают-компаний и кубрика.

Всю ночь я бессменно простоял у штурвала. Ветер понемногу крепчал, и волнение усиливалось. В пять утра Мод принесла мне горячего кофе и лепешку, которую испекла сама, а в семь часов плотный горячий завтрак придал мне новые силы.

Целый день ветер крепчал и крепчал. Казалось, он был преисполнен упрямой решимости дуть и дуть безостановочно и все сильнее и сильнее. "Призрак" мчался вперед, пеня волны и глотая мили, и я был уверен, что теперь мы делаем не меньше одиннадцати узлов. Мне до смерти жаль было терять такой ход, но к вечеру я изнемог. Хоть я и очень закалился и окреп, но тридцатичасовая вахта за рулем была пределом моей выносливости. Мод уговаривала меня положить шхуну в дрейф, да я и сам понимал, что, если ветер и волны за ночь еще усилятся, мне будет уже не под силу сделать это. Поэтому, когда на море пали сумерки, я с чувством досады и вместе с тем облегчения начал приводить "Призрак" к ветру.

Однако я никак не предполагал, что взять рифы у трех парусов столь неимоверно трудное дело для одного человека. Пока шхуна шла бакштаг, я не мог ощутить всей силы ветра и, только начав приводиться, почувствовал с испугом, если не сказать с отчаянием, всю его свирепую мощь. Ветер парализовал каждое мое усилие, рвал парус у меня из рук и мгновенно сводил на нет все, чего мне удавалось достигнуть ценою упорной, ожесточенной борьбы с ним. К восьми часам я успел взять лишь второй риф у фока. К одиннадцати часам дело не продвинулось ни на иоту. Я только в кровь ободрал себе все пальцы и обломал

ногти до самого мяса. От боли и изнеможения я тихонько плакал в темноте, прячась от Мод.

Совсем придя в отчаяние, я отказался от попыток взять рифы у грота и решил попробовать лечь в дрейф под одним зарифленным фоком. Три часа ушло у меня на то, чтобы закрепить спущенный грот и кливер, а в два часа ночи, еле живой, едва не теряя сознания от усталости, я понял, что попытка удалась, и с трудом поверил своим глазам. Зарифленный фок делал свое дело, и шхуна держалась круто к ветру, не проявляя стремления повернуть бортом к волне.

Я был страшно голоден, но Мод тщетно старалась заставить меня что-нибудь съесть: я засыпал с куском во рту, а не то так даже не успев донести его до рта. Потом вдруг вздрагивал и просыпался в смятении и видел, что рука моя с вилкой еще висит в воздухе. Я был так беспомощен и слаб, что Мод приходилось поддерживать меня, чтобы я не свалился со стула при первом же крене судна.

Не помню, как добрался я из камбуза до своей каюты. Верно, я был похож на лунатика, когда Мод вела меня туда. Очнулся я уже на своей койке и заметил, что башмаки с меня сняты. Сколько прошло времени, я не знал. В каюте было темно. Все тело у меня ломило, и я с трудом мог пошевелиться, а прикосновение одеяла к моим израненным пальцам причиняло нестерпимую боль.

Я решил, что утро еще не настало, и, закрыв глаза, мгновенно снова погрузился в сон. Я не знал, что проспал почти сутки и что уже опять наступил вечер.

Я проснулся вторично, оттого что сон мой стал беспокойен. Чиркнув спичкой, я посмотрел на часы. Они показывали полночь. А я ушел с палубы в три часа ночи. В первую минуту это меня озадачило, но я тут же сообразил, в чем дело. Немудрено, что сон мой стал беспокойен, ведь я проспал двадцать один час! Я еще полежал, прислушиваясь, как завывает ветер и волны бьют о борт, а потом повернулся на бок и мирно проспал до утра.

Я встал в семь часов и, не обнаружив Мод в кают-компании, решил, что она в камбузе готовит завтрак. Выйдя на палубу, я убедился, что "Призрак" отлично держится под своим маленьким парусом. В камбузе топилась плита и кипел чайник, но Мод не было и там.

Я нашел ее в кубрике у койки Волка Ларсена. Я вгляделся в него и подумал: вот человек, который в полном расцвете сил потерпел крушение и оказался погребенным заживо. Что-то новое почудилось мне в смягчившихся чертах его застывшего лица. Мод посмотрела на меня, и я понял.

— Его жизнь угасла во время шторма, — сказал я.

— Но она не окончена для него, — отвечала Мод с глубоким убеждением.

— Сила его была чрезмерна.

— Да, — сказала Мод. — Но теперь она уже не обременяет его. Дух его свободен.

— Да, теперь дух его свободен, — повторил я и, взяв ее за руку, увел на палубу.

За ночь шторм заметно утих. Но он затихал так же постепенно, как и нарастал, и утром, когда я поднял на палубу приготовленное к погребению тело Волка Ларсена, был еще довольно сильный ветер и большие волны. Вода поминутно заливала палубу и стекала в шпигаты. Внезапный порыв ветра накренил шхуну, и она зарылась в воду по планшир подветренного борта. Ветер истошно выл в снастях. Мы с Мод стояли по колено в воде. Я обнажил голову.

— Я помню только часть похоронной службы, — сказал я. — Она гласит: "И тело да будет предано морю".

Мод взглянула на меня удивленно и негодуя. Но передо мною воскресла сцена, свидетелем которой я был когда-то, и это воспоминание властно побуждало меня отдать последний долг Волку Ларсену именно так, как он отдал его в тот памятный день своему помощнику. Я приподнял крышку люка, и завернутое в брезент тело соскользнуло ногами вперед в море. Привязанный к нему груз потянул его вниз. Оно исчезло.

— Прощай, Люцифер, гордый дух! — прошептала Мод так тихо, что ее слова затонули в реве ветра, и я разгадал их лишь по движению ее губ.

Держась за планшир, мы пробирались на ют, и я случайно бросил взгляд в подветренную сторону. В эту минуту "Призрак" взмыл на высокую волну, и я совершенно отчетливо увидел милях в двух-трех от нас небольшой пароход. Нырять и снова взлетая на гребни волн, он шел прямо на нас. Он был окрашен в черный

цвет, и мне сразу припомнились рассказы охотников об их браконьерских похождениях. Я понял, что это таможенное судно Соединенных Штатов. Я показал на него Мод и поспешил проводить ее на ют, где меньше заливало водой. Оставив Мод там, я кинулся было вниз к сигнальному шкафу, но тут же вспомнил, что при оснащении "Призрака" не позаботился о сигнальном фале.

— Нам незачем поднимать сигнал бедствия, — сказала Мод. — Они все поймут, увидев нас!

— Мы спасены, — спокойно и торжественно сказал я. Я ликовал, радость меня душила... И вдруг я прибавил: — Мы спасены — и вот я не знаю, радоваться мне или нет?

Я посмотрел на Мод. Теперь мы больше не боялись встретиться взглядами. Нас властно толкнуло друг к другу, и уже не помню как, но Мод очутилась в моих объятиях.

— Нужно ли говорить? — спросил я

Она ответила:

— Не нужно... Но услышать это было бы так приятно...

Губы ее слились с моими. Не знаю почему, но перед моими глазами вдруг встала кают-компания "Призрака" и мне вспомнилось, как Мод однажды прикоснулась кончиками пальцев к моим губам, шепча: "Успокойтесь, успокойтесь!"

— Жена моя, моя единственная! — сказал я, нежно глядя ее плечо, как делают это все влюбленные, хотя никто их этому не учил. — Моя малышка!

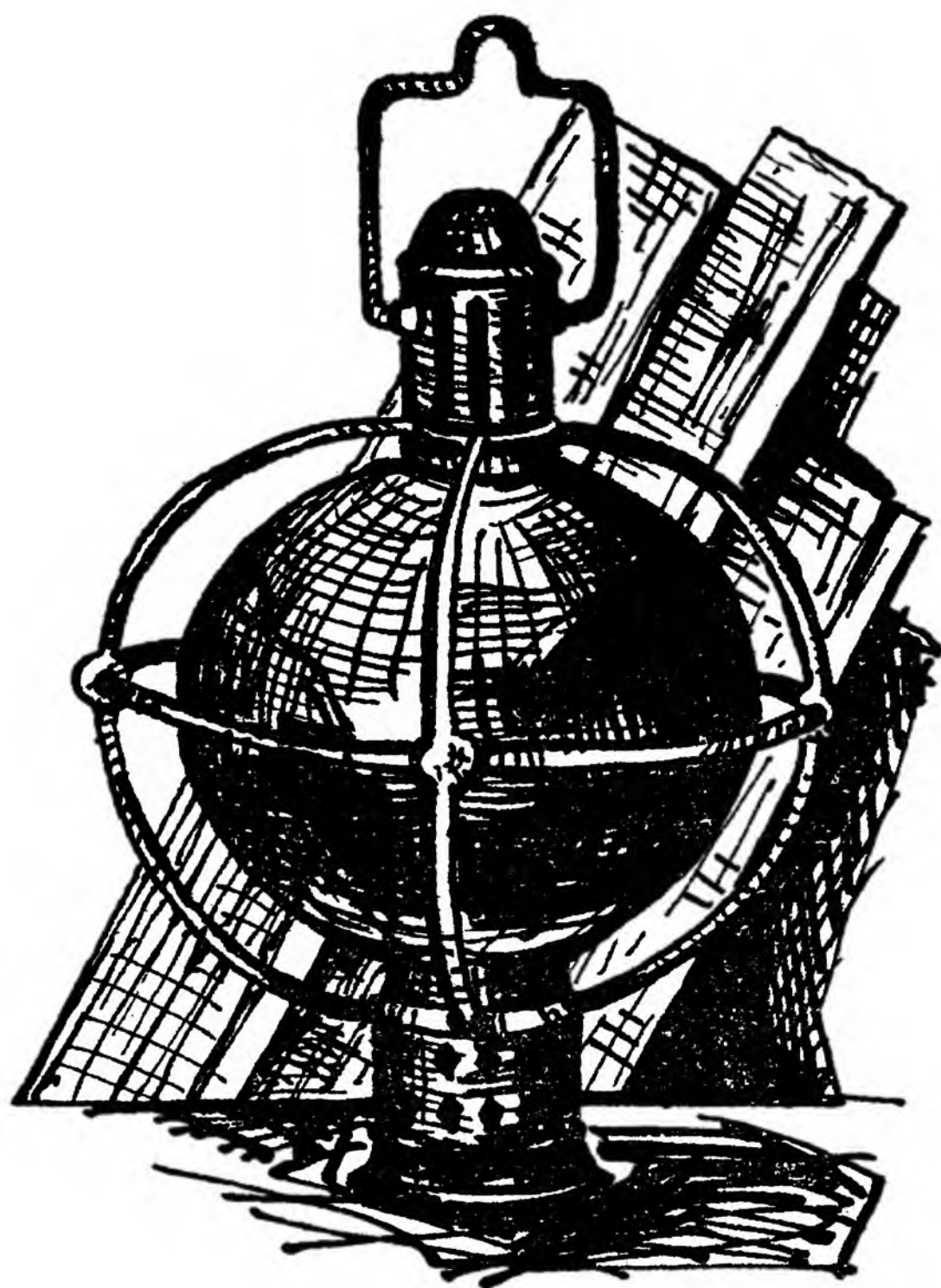
— Муж мой! — сказала она, на мгновение подняв на меня глаза и тут же опустив затрепетавшие ресницы, и с тихим счастливым вздохом прильнула к моей груди.

Я посмотрел на таможенный пароход. Он был совсем близко. С него уже спускали шлюпку.

— Еще поцелуй, любовь моя! — прошептал я. — Еще один поцелуй, прежде чем они подойдут...

— И спасут нас от нас самих, — закончила она с пленительной улыбкой, исполненной нового, еще не знакомого мне лукавства — лукавства любви.

ПУТЕШЕСТВИЕ
НА
«ОСЛЕДСТВЕЛЬНОМ»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

БРАТ И СЕСТРА

Залитый солнцем песчаный берег Тихого океана, шумевшего прибоем гигантских валов, остался у них позади. Выбежав на дорогу, они вскочили на свои велосипеды, сразу дали быстрый ход и вскоре окунулись в зеленые аллеи загородного парка.

Их было трое — трое мальчишек-подростков в ярких свитерах. Они покатали по велосипедной дорожке с таким шиком, как обыкновенно любят ездить все мальчишки в ярких свитерах, рискуя ежеминутно переступить черту дозволенной скорости. Пожалуй, можно было сказать, что они уже и переступили эту черту. Так думал и конный полисмен, следивший за порядком в парке, но он не был полностью в этом уверен и потому ограничился лишь предостережением, брошенным вдогонку, когда они пролетели мимо. Предостережение в первую минуту подействовало, но, как всегда водится у мальчишек в ярких свитерах, было мгновенно забыто ими на ближайшем же повороте дорожки.

Стрелой вылетев из ворот Гольдонгэтского парка, они повернули в сторону Сан-Франциско и так отча-

янно понеслись под гору, что встреченные пешеходы оборачивались и некоторое время с тревогой глядели им вслед. По городским улицам яркие свитеры неслись, сворачивая то влево, то вправо, чтобы избежать крутых подъемов, а когда крутой пригорок объехать было нельзя, они пускались наперегонки: кто первый взлетит наверх.

Того, который мчался впереди и был инициатором состязаний на подъемах, товарищи называли Джо. Они играли в игру "следуй за вожаком", и Джо, самый смелый и самый веселый мальчик из этой компании, был вожаком. Впрочем, когда они въехали в Западное предместье и помчались мимо огромных богатых особняков, смех Джо стал уже не таким громким, раздавался все реже, и он как-то невольно стал держаться позади товарищей. На перекрестке улиц Лагуна и Валлей товарищи Джо свернули вправо.

— До свиданья, Фред! — крикнул Джо, поворачивая руль налево. — Всего хорошего, Чарли!

— Вечером увидимся! — крикнули они в ответ.

— Нет, я не приду.

— Непременно приходи! — просили его товарищи.

— Нет, нет! Мне надо зубрить! До свиданья!

Когда он остался один, лицо его стало серьезно, а глаза затуманились какой-то неопределенной тревогой. Он принялся насвистывать самым решительным образом, но свист его постепенно замирал, стал еле слышным и оборвался окончательно, когда он подъехал к большому двухэтажному дому.

— Джо, это ты?

Джо остановился в нерешительности перед дверью, ведущей в библиотеку. Он знал, что Бесси там; она старательно готовит уроки, наверное, уже заканчивает их; она всегда управляетя до обеда, а скоро уже обед.

Он же до своих уроков еще не дотрагивался! Все это раздосадовало его.

Подумать только, сестренка на два года моложе, а в одном классе с ним; мало того, учится куда лучше, чем он, и эта мысль была для него просто невыносима. Не то чтобы он был так уж туп. Он отлично знает, что он не туп. Но все как-то выходит — и неизвестно почему, — что мысли его вечно отвлекаются в сторону, и он почти никогда не успевает приготовить уроки.

— Джо, да войди же сюда, пожалуйста! — Едва слышная жалобная нотка прозвучала на этот раз в голосе Бесси.

— Ну, чего тебе надо? — сказал он, порывисто отодвигая портьеру.

Он произнес эти слова довольно грубо, но сразу же пожалел об этом, взглянув на маленькую, тоненькую, девочку, смотревшую на него печальными глазами из-за громадного письменного стола, заваленного книгами. Она сидела с карандашом и тетрадкой в руках, съежившись в огромном кресле, в котором совершенно терялась ее хрупкая фигурка.

— Ну что, сестричка? — спросил он более мягким тоном, подходя к ней.

Она схватила его руку, прижала к своей щеке и прильнула к нему.

— Что с тобой, милый Джо? — спросила она шепотом. — Скажи мне, пожалуйста.

Он ничего не ответил. Смешно, в самом деле, исповедоваться перед маленькой сестренкой, хотя бы у нее отметки и были лучше, чем у него. Ему казалось смешным и то, что эта маленькая девочка серьезно добивается узнать, что у него на душе.

”Однако какая нежная у нее щечка! — думал он в то время, когда она, ласкаясь, водила щекой по его руке. — А все-таки как бы поскорее высвободить руку и покончить со всеми этими глупостями! Только бы не обидеть ее, — ведь он хорошо знает по опыту, как легко обижаются девочки”.

Она разогнула его сжатые пальцы и поцеловала в ладонь. Точно розовый лепесток упал ему в руку. Этим поцелуем Бесси давала понять, что настаивает на своем вопросе.

— Со мной ровно ничего, — решительно объявил он. И затем, казалось бы, ни с того ни с сего, вдруг добавил: — Отец!.. — Его тревога отразилась теперь в ее глазах.

— Но ведь папа такой добрый, такой хороший, Джо, — пролепетала она. — Почему ты не слушаешься его? Ведь он не много от тебя требует, а если и требует, то ради твоей же собственной пользы. Ведь ты гораздо умнее других мальчиков. Если бы ты занялся уроками, хоть чуточку!

— Вот, вот! Пошли нравоучения! — вспыхнул он, выдергивая руку. — Теперь и ты еще будешь мне читать нотации? Скоро очередь дойдет до повара и конюха.

Он засунул руки в карманы и мысленно представил себе безотрадное, мрачное будущее, с бесконечными выговорами от бесчисленных наставников.

— Ты за этим звала меня? — спросил он, поворачиваясь к выходу.

Она снова схватила его за руку.

— Нет, нет, не за этим; но мне показалось, что тебя тревожит что-то, и я подумала... я... — Голосок ее оборвался, и она, немного помолчав, добавила: — Я хотела сказать тебе, что мы собираемся на прогулку в Окленд, в горы, по ту сторону залива, в эту субботу.

— Кто это "мы"?

— Мартель Хэйс...

— А, эта мямля! — перебил он.

— Она вовсе не мямля! — с жаром возразила Бесси. — Она самая милая девочка из всех, кого я знаю.

— Не очень убедительный довод, принимая во внимание круг твоих знакомых девочек... Дальше. Кто там еще?

— Пирль Сэйтер и ее сестра Элис, и Джесси Хильбон, и Сэди Френч, и Эдна Кродерс. Вот и все девочки.

Джо презрительно фыркнул.

— А кто из мальчиков?

— Морис и Феликс Клемент, Дик Скофильд, Бэрт Лейтон и...

— Довольно с меня и этих. Все до одного — кисейные барышни!

— Я... я хотела пригласить тебя, Фреда и Чарли, — сказала она дрожащим голосом. — Я затем и позвала тебя, чтобы пригласить всех вас...

— А что вы там собираетесь делать?

— Погулять, нарвать полевых цветов — дикие маки уже в цвету, — потом закусить где-нибудь на красивой лужайке... и... и...

— И вернуться домой, — договорил он.

Бесси кивнула. Джо снова засунул руки в карманы и зашагал назад и вперед по комнате.

— Компания девчонок, — сказал он резко, — и их планы! Нет, это не по мне.

Она закусила дрожащие губы и, стараясь не расплакаться, спросила:

— А ты бы что хотел?

— Я бы лучше с Фредом и Чарли отправился куда-нибудь и сделал бы что-нибудь, ну, что-нибудь такое...

Он замолчал и посмотрел на нее. Бесси терпеливо ждала, что он скажет дальше. Но Джо ощущал полнейшее бессилие выразить словами обуревавшие его чувства и стремления; все его тревоги и неудовлетворенность вообще поднялись в нем и охватили все существо.

— О, ты не можешь меня понять! — сказал он горячо. — Ты не можешь меня понять! Ты — девочка. Ты любишь опрятность и аккуратность, похвальное поведение и круглые пятерки. Тебя не манят опасные приключения и все такое... Тебе не нравятся живые и смелые мальчики; они тебе кажутся грубыми, неотесанными; тебе нравятся прилизанные мямли в белых воротничках и чистеньких костюмчиках, которые специально остаются в классе на большой перемене, чтобы учительница погладила их по головке и похвалила за то, что они хорошо учатся. Милые мальчики, у которых никогда не бывает никаких неприятностей; они мечтают только о приятных прогулках с букетиками и закусочками в обществе таких же миленьких девочек. О, я прекрасно знаю таких паинек, они боятся собственной тени, и в них не больше храбрости, чем в любой овце. И действительно — это овцы! Ну, а я тебе не овечка, вот и все! И на пикник ваш я ехать не хочу и не поеду.

Темные глазки Бесси наполнились слезами, губы задрожали. Это еще больше раздражило его. Что за несносные создания — эти упрямые девчонки! Вечно дуются, вечно хнычут, вечно суются не в свое дело. У них положительно чего-то не хватает.

— Слова нельзя сказать, чтобы ты не заревела, — сказал он примирительно. — Я же ничего не сказал обидного, сестричка. Право, ничего. Я...

Он растерянno остановился и взглянул на нее. Она всхлипывала и вздрагивала, готовая разрыдаться. Крупные слезы текли у нее по щекам.

— Ох, уж мне эти девчонки! — сказал он с сердцем и решительно вышел из комнаты.

Глава II

”РЕФОРМЫ ДРАКОНА”

Через несколько минут Джо, все еще раздраженный, вошел в столовую. Он упорно молчал за столом, хотя отец, мать и Бесси вели оживленный разговор. Свирепо уткнувшись в тарелку, Джо думал: ”Вот мы какие! Разливаемся, плачем, а минуту спустя улыбаемся и хохочем. Наш брат этого не понимает. Будьте уверены, что если бы нас что-нибудь могло довести до слез, то мы несколько суток ходили бы как повешенные. Все девчонки притворщицы, такая уж у них повадка. Они не чувствуют и сотой доли того, о чем говорят, когда плачут. Разумеется, нет. Должно быть, они хнычут так часто потому, что им это нравится. Они любят терзать людей, особенно нас, ребят. Потому-то они и вмешиваются в наши дела”.

Предаваясь глубокомысленным размышлениям, он в то же время с аппетитом ел и отдал должную дань всем блюдам, ибо, согласитесь сами, трудно не почувствовать здорового аппетита, промчавшись на велосипеде от Клиф-Хауза до Западного предместья через весь загородный парк.

Отец по временам искоса поглядывал на сына. Джо этого не замечал, но Бесси хорошо это видела. Мистер Бронсон — человек средних лет — был хорошо скроен и крепко сшит, несколько, правда, тяжеловат, но не тучен. У него было энергичное угловатое лицо с квадратным подбородком и резкими чертами, но веселые глаза светились мягко, а складки у рта выражали не суровость, а скорее склонность к юмору.

Поразительное сходство между отцом и сыном бросалось в глаза. У обоих был широкий лоб и выдающийся подбородок, а глаза, несмотря на разницу лет, были сходны, как две пары горошин, вынутых из одного и того же стручка.

— Как твои дела, Джо? — спросил мистер Бронсон своего сына в конце обеда.

Со стола уже убирали, и все собирались встать.

— Не знаю, — беспечно ответил Джо и потом прибавил: — У нас завтра экзамены, тогда будет видно.

— Куда теперь направляешься? — спросила мать, когда он повернулся к дверям.

Это была высокая, стройная женщина с карими глазами, как у Бесси, и с такими же, как у нее, мягкими движениями.

— Иду в свою комнату, — ответил Джо. — Заниматься, — добавил он.

Мать нежно провела рукой по его волосам, наклонилась к нему и поцеловала. Мистер Бронсон улыбнулся поощрительно ему вслед, и Джо взбежал по лестнице на верхний этаж с твердым решением погрузиться с головой в книжку и сдать завтрашний экзамен во что бы то ни стало.

Войдя в свою комнату, он запер дверь, уселся за свой удобный письменный стол и окинул взглядом разложенные на столе учебники.

Он решил начать с истории, так как экзамены должны были начаться с нее. Он раскрыл книгу на загнутой странице и начал читать:

— "Вскоре после введения реформ Дракона между Афинами и Мегарой разгорелась война из-за острова Саламина, на который оба города заявляли свои права".

Ну, это запомнить нетрудно. Но что из себя представляли эти реформы Дракона? Надо их повторить.

Он снова погрузился в книгу, пробегая глазами пройденные страницы, но тут взор его, оторвавшись от книги, упал на принадлежности для игры в бейсбол, лежавшие на стуле, — на металлическую сетчатую маску и перчатку.

"Мы бы ни за что не проиграли игру на прошлой неделе, если бы Фред не промахнулся. Он какой-то разиня! Правда, ему ничего не стоит поймать сотню трудных мячей один за другим, но в решительную минуту он всегда растеряется из-за сущего пустяка. Надо было выпустить его в поле, а у первой базы поставить Джонса. Только Джонс чересчур горячился. Он поймает любой мяч, как бы это ни было трудно, но никогда не угадаешь, что он будет делать с мячом дальше".

Джо, вздрогнув, вдруг очнулся от раздумий.

— Нечего сказать, так выучишь историю! — Он снова углубился в книгу:

— "Вскоре после введения реформ Дракона..."

Три раза прочитав эту фразу, он вспомнил наконец, что не прочитал еще ничего о самих реформах Дракона.

В дверь постучали. Он яростно стал перелистывать страницы, не обращая внимания на стук.

Стук назойливо повторился, и из-за двери донесся тоненький голосок Бесси:

— Джо, дорогой!

— Чего тебе? — спросил он и, не дожидаясь ответа, прибавил: — Нельзя. Я занят!

— Я пришла узнать, не могу ли я помочь тебе, — сказала она. — Я уже все сделала и думала...

— Ну, разумеется, ты уже все сделала! — проворчал он. — Ты всегда все успеваешь сделать!

Джо схватился обеими руками за голову, чтобы не отрывать глаз от книги. Но эта маска для бейсбола не давала ему покоя. Чем больше он старался вникнуть в историю, тем назойливее лезла в голову мысль о лежащей на стуле маске и о всех тех играх, в которых она принимала участие.

— Нет, так дело не пойдет!

Он перевернул открытый учебник, положил его на стол вверх корешком и подошел к стулу. Схватив маску и перчатку, он швырнул их под кровать с такой силой, что маска отскочила от стены.

— "Вскоре после введения реформ Дракона между Афинами и Мегарой разгорелась война..."

"Маска отлетела от стены, — подумал Джо. — Интересно, далеко ли она отлетела. Может, ее видно? Нет, он не будет смотреть. Какое ему до этого дело? Ведь это же не история. А все-таки..."

Джо взглянул поверх книжки и увидел маску, которая вынунулась наполовину из-под кровати. Так этого оставить нельзя. Пока эта маска торчит перед глазами, он не может заниматься.

Он встал, вытащил ее из-под кровати, торжественно пронес через комнату, подошел к стенному шкафу, сунул ее туда и запер дверцы. Теперь с ней покончено. Можно будет позаниматься.

Он снова уселся за книжку.

— "Вскоре после введения реформ Дракона между Афинами и Мегарой разгорелась война из-за острова Саламина, на который оба города заявляли свои права..."

Все бы это хорошо, если бы только знать, в чем состояли эти реформы Дракона. Слабый отблеск заката проник в комнату. Откуда этот отблеск? Джо

выглянул в окно. Заходящее солнце окрашивало длинными лучами низкие, легкие облака, игравшие теплыми пурпурными тонами. Красноватый отблеск падал на землю.

Джо перевел глаза с облаков вниз на бухту. Ветер с моря затих с наступлением вечера, и неподалеку от форта Пойнт какая-то запоздавшая рыбацья лодка тихо входила в порт, пользуясь последними вздохами ветерка. Немного дальше буксирное судно, выпуская клубы дыма, выводило в море трехмачтовую шхуну. Взор Джо обратился к видневшемуся вдали берегу округа Марин. Линия берега уже ступевалась в на-двигавшейся темноте, и длинные тени ползли вверх по холмам на гору Тамальпэс, четко вырисовывавшуюся на фоне заката.

О, если бы он, Джо Бронсон, плыл на этой рыбацье лодке с богатым морским уловом! Или на этой шхуне, направляющейся прямо в сторону заходящего солнца в неведомые страны! Вот это жизнь, вот это — дело! Быть чем-нибудь на этом свете. А он торчит в душной комнате и забивает себе голову рассказами о людях, исчезнувших с лица земли за тысячи лет до его рождения.

Джо рванулся прочь от окна, будто вырываясь из каких-то цепких рук, удерживавших его там, решительно понес свой стул вместе с книгой в самый дальний угол комнаты и уселся спиной к окну.

Но спустя минуту — так ему показалось, он очутился снова у окна, предаваясь сладким мечтам. Он и сам не знал, как это вышло. Последнее, что он помнил, был подзаголовок "Реформы Дракона и его конституция", который он нашел наконец где-то там, на правой странице учебника, и затем, очевидно, как лунатик, который бродит во сне и ничего об этом не помнит, он подошел к окну. Неизвестно, сколько времени он простоял тут. Рыбацья лодка, которую он сначала заметил у форта Пойнт, теперь уже доползла до верфи Мейгса. Отсюда можно заключить, что времени с тех пор прошло не менее часа. Солнце давно уже закатилось; торжественные сумерки упали на океан, и над гребнем Тамальпэса заблистали первые бледные звездочки.

Джо вздохнул, отвернулся и побрел было в свой угол, как вдруг услышал долгий, пронзительный

свист. Это Фред! Джо снова вздохнул. Свист повторился. Затем к нему присоединился новый свист. Это Чарли!

Они поджидают его за углом, счастливые ребята!

Ну, нет, сегодня им его не дожидаться! Свистки запели дуэтом. Джо тяжело вздохнул и заерзал на своем стуле. Нет, они не дождутся его сегодня, упорно твердил он себе, приподнимаясь, однако же, с места. Ему никак нельзя уйти, пока он не узнает наконец, что такое реформы Дракона. Но та самая сила, которая тянула его к окну, теперь заставила его подойти к столу, положить учебник истории поверх других учебников, отпереть дверь и выйти в переднюю. Джо сам не помнил, как он все это сделал. Он попытался вернуться, но тут ему пришло в голову, что он может выйти на самое короткое время, а потом ничто не помешает ему прийти назад и закончить свое дело. Всего на несколько минут, — давал он мысленное обещание, спускаясь с лестницы. Джо шел все быстрее и быстрее и под конец уже перепрыгивал через две ступеньки на третью. Кое-как надев впопыхах кепку, он стремглав вылетел через боковую дверь. И, прежде чем он добежал до угла, все реформы Дракона провалились куда-то в далекое прошлое вместе с самим Драконом, а предстоящие завтра экзамены отодвинулись так же далеко в туманное будущее.

Глава III

КРАСНЫЙ, БУРЫЙ И РЫЖИЙ

— **Ч**то вы затеваете? — спросил Джо у Фреда и Чарли.

— Будем пускать воздушных змеев, — ответил Чарли. — Идем скорее, нам надоело тебя дожидаться.

Все трое пошли по улице в ту сторону, где холм круто обрывался вниз и откуда видно было как на ладони всю Юнион-стрит, расстилавшуюся далеко под ними. Этот квартал назывался у них Преисподней, и такое название как нельзя более подходило к нему; самих же себя они прозвали Горцами.

Спуск Горцев в Преисподнюю считался у них предприятием весьма смелым.

Пускание змеев по всем правилам науки составля-

ло любимое занятие трех удалых Горцев. Им ничего не стоило запустить в облака сразу шесть или восемь змеев на бечевке длиною с целую милю. Однако им часто приходилось пополнять свой запас змеев; потому что когда, случалось, оборвется бечевка, или свихнется и заковывает какой-нибудь змей, волоча за собою все остальные, или внезапно затихнет ветер, то змеи их падали в Преисподнюю, а оттуда уж их вернуть было нельзя нипочем: там, внизу, жили юные пираты и разбойники, принадлежащие к такому племени, которое отличалось весьма своеобразными понятиями о праве собственности.

Каждый раз после аварии какого-нибудь змея, запущенного Горцами, на следующий день можно было видеть, как этот же самый змей взвивался на бечевке, ведущей прямо к жилищу кого-либо из обитателей Преисподней. И обитатели Преисподней, которые были людьми бедными и были лишены возможности овладеть всеми правилами науки запуска змея, стали обнаруживать большие успехи в искусстве управления ими с тех пор, как этим делом начали заниматься их соседи Горцы.

Забава Горцев доставляла также немалую выгоду одному старому инвалиду-матросу, который умел чрезвычайно искусно мастерить отличные змеи благодаря своим познаниям по части воздушных течений и парусов. Он жил в ветхой лачуге возле самого берега, откуда мог следить своими тусклыми, старческими глазами за приливом и отливом, за прибывающими и удаляющимися судами, припоминая минувшее время, когда он сам плавал на корабле.

Добраться до его лачуги можно было, только спустившись в Преисподнюю, куда и направились наши три молодца. Они часто ходили туда днем за змеями, но сегодня в первый раз отважились идти вечером, считая такое путешествие — и не без основания — весьма рискованным.

Преисподняя представляла собою не что иное, как тесный квартал городской бедноты, в котором ютилось самое пестрое, разноплеменное население, жившее в нищете, бог весть чем и копошившееся в непроходимой грязи. Было еще не поздно, когда мальчики пробирались через этот квартал к своему поставщику-инвалиду. С ними не приключилось ника-

ких неприятностей, и они шли, не обращая внимания на вызывающие позы и отпускаемые по их адресу насмешливые словечки попадавшихся навстречу уличных мальчишек.

Отставной моряк делал такие змеи, которые не только превосходно летали, но были вдобавок складными, и их можно было весьма удобно носить с собой.

Мальчики накупили целую кучу складных змеев. Каждый из них завернул свою покупку особо. Затем свертки были крепко стянуты бечевками. Взяв свои покупки под мышку, они тронулись в обратный путь.

— Берегитесь здешних ребят, — посоветовал им старый матрос на прощание, — смотрите в оба; их у нас тут немало под вечер шатается по улицам.

— Мы не боимся! — отвечал Чарли. — Коли надо, постоим за себя.

Привыкшие к просторным и тихим улицам верхней части города, путники наши были оглушены и смущены гвалтом этого тесного и смрадного человеческого муравейника. Им казалось, что они пробираются через какие-то чудовищные густые заросли. Они шли все рядом, плечо к плечу, в лабиринте узких улочек, как бы защищая друг друга и сторонясь этой чуждой им, дикой среды. То и дело натыкались они на детей, которые шныряли повсюду и попадались им под ноги. Простоволосые, несчастные женщины перекликались между собой, сидя на своих крылечках, или сновали взад и вперед, неся в руках свои скудные покупки. Воздух был насыщен тяжелым запахом рыбы и гнилых овощей. Дюжие мужчины, сутулясь, неуклюжей походкой проходили мимо, и среди всей этой суматохи и толкотни осторожно пробирались тщедушные оборванные девчонки с ведрами пенящегося пива в руках. Слышался громкий разноязычный говор, резкие выкрики, брань. Квартал этот гудел, как огромный человеческий улей, каковым он и был в действительности.

— Фу! Скорее бы выбраться отсюда, — сказал Фред.

Он произнес это шепотом; Джо и Чарли только кивнули в ответ. Им было не до разговоров, и они прибавили шагу, насколько позволяла толпа, испытывая состояние, знакомое путешественникам, заблудившимся в опасных и диких местах.

И на самом деле все кругом дышало враждеб-

ностью. По-видимому, обитателей квартала раздражало присутствие этих чистеньких мальчиков из аристократической части города. Их то и дело задирали маленькие ребятишки, скалившие зубы с напускной храбростью и готовые обратиться в бегство при малейшем намеке на потасовку. А другие мальчуганы шли за ними шумной свитой, становясь смелее по мере того, как число их увеличилось.

— Не связывайтесь, пожалуйста, с ними, — уговаривал товарищей Джо. — Не обращайтесь на них никакого внимания. Мы скоро выберемся отсюда.

— Как бы не так! — глухо промолвил Фред. — Погляди-ка сюда, мы попались.

На перекрестке, к которому они подходили, стояли четыре или пять подростков примерно одного с ними возраста. На эту группу падал свет от уличного фонаря. У одного из мальчуганов из-под шапки выбивались кирпично-красные кудри. Очевидно, это был Симпсон Красный, атаман прославленной шайки, неоднократно уже врывавшейся к ним на Гору и наводившей панику на юных джентльменов, которые моментально рассыпались по домам, в то время как их перепуганные папаши и мамы бросались к телефонам звонить в полицию.

При виде этой компании ребятишки, гнавшиеся за Горцами по пятам, задали стрекача — обстоятельство малоуспокоительное само по себе, — но друзья наши продолжали храбро идти вперед.

Рыжий мальчуган отделился от группы и загородил им дорогу. Они попробовали обойти его, но он вытянул руку, задержав их.

— Чего вы тут шлаетесь? — сердито сказал он. — Какого черта вам здесь надо?

— Мы идем домой, — спокойно ответил Фред. Красный метнул глазами на Джо.

— А что у тебя под мышкой? — спросил он.

Джо крепился и молчал.

— Идем! — дернул он за руку Фреда, стараясь прошмыгнуть мимо Красного.

Но тот неожиданно ударил Джо кулаком по лицу и выдернул сверток со змеями.

Джо с криком ярости набросился на обидчика, забыв всякую осторожность.

Предводитель шайки никак не ожидал, что его

атакуют на его собственной территории. Он отступил, крепко держа сверток и не зная, на что решиться — вступить в драку или улизнуть вместе с добычей. Желание завладеть свертком победило, и он кинулся со всех ног бежать по узкому переулку.

Джо сознавал, что находится в самом сердце вражеского стана, но чувство собственности и оскорбленного достоинства толкнуло его броситься в погоню по горячему следу.

Фред и Чарли побежали за Джо, который значительно опередил их, а за ними бросились остальные, давая на ходу призывные свистки, очевидно, служившие сигналом для сбора всей шайки. Скоро со всех сторон стали доноситься ответные свистки, и уже десятка два темных фигурок настигали Фреда и Чарли, которые бежали что было сил, стараясь не упустить из виду своего быстрого товарища.

Красный Симпсон подался в сторону пустыря, рассчитывая на лазейки, сбивающие с толку того, кто незнаком с местностью: на спасительные дыры в заборах и стенах, навесы, низкие крыши, проходные дворы и темные закоулки.

Но Джо ухитрился догнать Красного вовремя. Они сцепились и, рухнув на землю, катались по грязи, не выпуская друг друга из цепких рук. Когда Фред, Чарли и мчавшаяся за ними банда добежали до этого места, противники уже стояли на ногах, сердито глядя друг на друга.

— Чего тебе надо? — говорил Красный угрожающим голосом. — Чего тебе надо, хотел бы я знать, а?

— Отдай моих змеев! — ответил Джо.

Но Симпсон сам был большим любителем змеев. И сообщение, что в свертке змеи, его весьма обрадовало.

— В таком случае давай драться. Кто победит — тому и змеи, — объявил он.

— Почему это драться? — горячился Джо. — Они мои, и все тут. — Его негодование показывало только, что он не имел ни малейшего понятия о тех воззрениях на право собственности, которые усвоило местное население. Банда ребят, волчьей стаей столпившаяся позади своего вожака, завывала и замякала хором.

— Почему это драться? — повторил Джо.

— Потому что я так хочу! — ответил Симпсон — А что я хочу, то закон. Понял?

Но Джо не понял. Он отказывался понимать, каким образом воля Красного Симпсона могла быть законом в городе Сан-Франциско или в какой-либо части этого города. Чувство чести и порядочности было в нем сильно задето, и его охватил боевой задор.

— Ты мне сейчас же отдашь моих змеев, слышишь! — грозно скомандовал он, протягивая руку за свертком.

Но Симпсон спрятал сверток за спину.

— Да ты знаешь ли, кто я? — спросил он. — Я — Симпсон Красный, и я никому не позволю говорить со мной таким тоном!

— Да отвяжись ты от него, — шепнул Чарли на ухо своему другу. — Чего горячиться из-за нескольких змеев. Плюнь на это дело. Уйдем отсюда.

— Это мои змеи, — медленно сказал Джо, упрямо наклонив голову. — Это мои змеи, и я их получу обратно.

— Но нельзя же тебе драться со всей этой сворой, — вмешался Фред, — даже если ты его одолеешь, они ведь все накинутся на тебя.

Толпа сорванцов, наблюдавшая за этими переговорами, которые велись шепотом, истолковала их по-своему, в том смысле, что Джо испугался, и снова взвыла на все голоса.

— Струсил, струсил! — завизжали и завопили эти юные головорезы. — Как же, он воспитанный! Боится изорвать костюмчик! Что скажет тогда мамаша?

— Заткнитесь! — скомандовал предводитель, и шайка перестала орать.

— Ты мне отдашь змеев? — решительно спросил Джо, выступая вперед.

— А ты согласен драться? — ответил Симпсон вопросом на вопрос.

— Я согласен, — ответил Джо.

— Бой! Бой! — снова взвыла шайка.

— А я буду судьей, — пробасил кто-то сзади, — извольте драться честно, по правилам.

Все оглянулись на человека, который незаметно подошел к толпе ребят и выступил со своим заявлением.

При свете электрического фонаря, горевшего на

углу, они разглядели здорового, широкоплечего парня в рабочей одежде. Обут он был в грубые башмаки. Узкий черный ремень стягивал широкие брюки; на голове была черная, засаленная фуражка. Лицо его было запачкано угольной пылью, а из раскрытого ворота синей рубашки, сшитой из простой материи, выступала крепкая шея и мускулистая грудь.

— А кто ты такой? — огрызнулся Симпсон, — недовольный посторонним вмешательством.

— Не твое дело! — отрезал незнакомец. — А впрочем, если вы непременно хотите это знать, я кочегар с китайского парохода, и повторяю, буду вашим судьей и буду следить за тем, чтобы вы дрались честно. Это дело мое. А ваше дело — драться, и притом честно. Ну, начинайте и не вздумайте затягивать это дело до утра.

Появление кочегара ободрило трех друзей, но Симпсону и его компании пришлось не по сердцу.

После непродолжительного совещания с членами своей шайки Симпсон отдал сверток одному из своих товарищей и выступил вперед.

— Подходи! — крикнул он, сбрасывая куртку.

Джо передал Фреду свою и подскочил к Красному. Оба подняли кулаки и стали друг против друга. Симпсон молниеносно нанес сильный удар и ловким движением уклонился от ответного удара. Джо сразу же оценил искусство противника, но это обстоятельство только еще больше раззадорило его и пробудило в нем решимость во что бы то ни стало добиться победы.

Благодаря присутствию кочегара компания ограничивалась одними только подбадривающими возгласами по адресу Красного и насмешками по адресу Джо. Противники кружили, нападали, отскакивали и поочередно наносили друг другу жестокие удары. Они держались совершенно по-разному. Джо стоял прямо, высоко подняв голову и твердо упираясь в землю широко расставленными ногами. Симпсон же весь сжался так, что голова его почти вся ушла в плечи. Он вертелся волчком, скакал, прыгал и пускал в ход множество неожиданных трюков, изумлявших Джо.

Схватка продолжалась с четверть часа. Оба запыхались, но Джо устал гораздо меньше, чем Симпсон. На Симпсоне отзывались, очевидно, вредное влияние курения табака, плохое питание и нездоровые усло-

вия жизни — он дышал тяжело и прерывисто. Хотя вначале благодаря своему искусству он и сумел порядочно отдубасить Джо, но под конец устал, и удары его стали заметно слабее. С отчаяния он стал прибегать к таким приемам, которые, хотя и не назовешь бесчестными, в то же время нельзя назвать и достойными. Он наносил быстрый удар и тут же валился в ноги противнику. Джо не мог бить лежачего и должен был отходить. А Красный вскакивал на ноги и опять проделывал то же самое.

Наконец Джо, которому это порядком надоело, сообразил, что надо делать. Он рассчитал момент и нанес Красному ответный удар по голове как раз тогда, когда тот начал падать. Симпсон свалился, но на этот раз уже в ту сторону, куда его послал кулак Джо. Он перевернулся и попробовал встать, но ему удалось подняться лишь наполовину; с трудом переводя дыхание, он застонал.

Товарищи стали его подбадривать, и он еще раз два попытался встать, но почувствовал, что не может продолжать борьбу. Он был оглушен и измучен.

— Сдаюсь, — прохрипел он. — Побит.

Банда присмирела, подавленная поражением своего вожака.

Джо выступил вперед.

— Потрудитесь отдать мне этих змеев, — сказал он, обращаясь к мальчугану, державшему сверток.

— Как бы не так! — ввязался другой представитель шайки, загораживая от Джо его собственность. У него были тоже ярко-рыжие волосы.

— Сначала тебе придется подраться еще и со мной.

— Не вижу никакой надобности! — резко сказал Джо. — Победа за мной, значит, дело кончено.

— Ну, нет, не кончено. Я — Симпсон Бурый, родной брат Красного. Понимаешь?

Джо обогащался все новыми сведениями по части обычаев обитателей Преисподней.

— Ладно, становись! — произнес он решительно, выведенный из терпения вопиющей несправедливостью этих странных обычаев.

Бурый, бывший на год моложе старшего брата, оказался нечестным противником, и благодушному кочегару, стоявшему на страже "правил", понадобилось не раз вмешаться, пока наконец и второй

представитель рода Симпсонов не растянулся на поле битвы и не признал себя побежденным.

На этот раз Джо протянул руку за змеями в полной уверенности, что он их получит. Не тут-то было! Между ним и его собственностью вырос новый и опять-таки рыжий противник. Не трудно было догадаться, что и этот мальчуган принадлежит к прославленному роду Симпсонов. Он был как бы последним изданием старших братьев, отличаясь от них несколько более жидким телосложением. Лицо у него было покрыто веснушками, очень заметными при электрическом свете.

— Ты не получишь своих змеев, пока не стукнешься со мной, — пропищал он тоненьким голоском. — Я — Симпсон Рыжий, и ты не можешь считать себя победителем нашей семьи, пока не одолеешь еще и меня.

Банда пришла в дикий восторг, и Рыжий стащил с себя рваный пиджачишко, готовясь к бою.

— Готовься! — крикнул он, обращаясь к Джо.

У Джо болели все суставы, из носу капала кровь, раскроенная губа вздулась, рубашка была растерзана. Вдобавок он очень устал и тяжело переводил дыхание.

— Сколько вас еще, Симпсонов? — спросил он. — Мне пора домой, а если вас в семье еще много народу, то с вами не покончишь и за ночь.

— Я самый последний и самый лучший, — ответил Рыжий. — Побьешь меня — получишь змеев. Будь уверен.

Хотя младшему представителю рода не доставало силы и сноровки старших братьев, но зато у него были ухватки дикой кошки, от которых Джо приходилось солоно. Порой ему казалось, что он не выдержит, не устоит перед порывами крошечного, но буйного вихря; все же он не поддавался и крепился изо всех сил. Его вдохновляла мысль, что он бьется за принцип, подобно предкам своим, которые тоже боролись за идею. Ему казалось, что на карту поставлена честь Горы и что он, как представитель Горы, должен грудью постоять за эту честь.

И он продолжал держаться и противостоял молниеносным налетам шустрого, но неопытного мальчишки до тех пор, пока этот последний Симпсон не выдохся окончательно от своих собственных чрезмер-

ных усилий и, опрокинутый на землю, не признал, что семья Симпсонов впервые потерпела поражение.

Глава IV

ПОБЕДИТЕЛЬ ПОПАДАЕТСЯ САМ

Но трем нашим Горцам вскоре пришлось убедиться, что все в этом квартале было очень ненадежно.

Джо не успел еще заполучить своих змеев обратно, как вдруг его изумленному взору представилась неожиданная картина: все его враги, в том числе и кочегар, ударились в паническое бегство.

Так же как детвора исчезла мгновенно при появлении шайки Симпсона, так, в свою очередь, и шайка Симпсона исчезла при появлении какой-то новой, наводящей ужас, хищной банды. Остолбеневший от удивления Джо услышал отчаянные крики беглецов: "Рыбаки! Рыбаки!" Он и сам не прочь был удрать, но так устал от последней схватки, что не мог двинуться с места. Фреда и Чарли сильно подмывало улизнуть от новой напасти, испугавшей даже доблестного кочегара и таких сорванцов, какие были в шайке Симпсона, но они не могли покинуть своего товарища. На пустыре показались темные фигуры; одни из них обступили трех наших друзей, другие бросились в погоню за беглецами. Раздирающие вопли красноречиво свидетельствовали о том, что некоторые из беглецов были настигнуты, и когда преследователи вернулись, они волокли за собой огрызавшегося Симпсона Красного, злополучного атамана шайки, который все еще крепко держал в руках сверток со змеями.

Джо с любопытством глядел на новых мародеров. Это были молодые люди в возрасте от семнадцати до двадцати трех лет, с типично хулиганской внешностью. На некоторых лицах была написана такая злоба, что при виде их мороз подирал по коже.

Двое из этих молодцов крепко схватили за руки Джо. Фред и Чарли тоже очутились в плену.

— Эй, вы! — рявкнул властным голосом вожак этой банды. — Мы тут разберем вас по-своему. В чем дело? Ты, красная рожа, отвечай! Что вы тут делали?

— Я ничего не делал! — плаксиво простонал Симпсон.

— На то похоже! — Вожак повернул голову Красного на свет фонаря. — Кто это тебя так размалывал? — спросил он.

Красный кивнул на Джо, которого тотчас вытащили вперед.

— Из-за чего вы тут сцепились?

— Из-за змеев, моих собственных змеев, — смело сказал Джо. — Он хотел их у меня отнять. Они и сейчас у него под мышкой.

— Ага, он их сцапал, да? Эй, ты, краснорожий, у нас здесь не полагается воровать! Понял! У тебя никогда не было ничего своего. Выкладывай сверток. Живо!

Вожак еще крепче сжал тщетно вырывавшегося Красного Симпсона, и тот, заревев от бессильной ярости, выпустил наконец добычу.

— Что у тебя там под мышкой? — спросил вдруг вожак, внезапно обращаясь к Фреду и выдергивая у него сверток. — Еще змеи, а? Целая фабрика змеев, — заметил он в заключение, отбирая последний сверток у Чарли. Затем, приосанившись, протянул тоном беспристрастного судьи, собирающегося вынести приговор: — Теперь нам предстоит решить, какому наказанию надлежит подвергнуть этих трех молодцов.

— За что же это? — вспыхнул Джо. — За то, что нас грабили?

— Нет, не за это, совсем не за это, — вежливо возразил вожак банды, — а за то, что вы тут таскаетесь с вашими змеями, смущаете народ и учиняете скандалы. Это непозволительное бесчинство, это вещь непростительная, да, да, непростительная.

Воспользовавшись тем обстоятельством, что всеобщее внимание было направлено в сторону Горцев, Красный вдруг вывернулся из своего пиджака, оставив его в руках стражей, вильнул в сторону и стрелой бросился бежать через пустырь к той самой лазейке, через которую он собирался улизнуть, когда его ловил Джо. Два-три человека махнули за ним через забор и пустились во всю мочь догонять его.

На задворках яростно залаяли и завyli собаки, каблуки застучали по ящикам и навесам. Потом послышался шумный всплеск, как будто опрокинулась

целая бочка с водой. Несколько минут спустя Рыбаки, побежавшие за Красным, вернулись мокрые и пристыженные.

Они попали под холодный душ, который им устроил этот коварный мальчишка. Теперь он вызывающе кричал откуда-то сверху, вероятно, с крыши.

Это курьезное происшествие, видимо, смутило предводителя банды Рыбаков, и как раз в ту минуту, когда он опять собирался обратиться к Джо, Чарли и Фреду, с улицы донесся особый, протяжный свист, очевидно, сигнал к отступлению, поданный стоявшим на страже парнем. Тотчас вслед за этим сигналом примчался и сам парень.

— Быки! — крикнул он, еле переводя дух.

Джо оглянулся и увидел двух приближавшихся полицейских в касках, с карманными электрическими фонарями на груди, которые горели, как яркие звезды.

— Надо удирать, — шепнул он своим товарищам.

Но шайка, уже обратившаяся в бегство, загораживала им дорогу впереди, а сзади приближались полицейские. Поэтому им пришлось броситься в сторону лазейки Красного Симпсона. Полисмены побежали за ними, крича, чтобы они остановились.

Молодые ноги отличаются резвостью, особенно когда их подгоняет страх, и потому наши друзья успели перескочить через забор и бросились сломя голову бежать через лабиринт задних дворов. Полисмены же оказались людьми осмотрительными. Очевидно, у них был уже опыт по части лазеек подобного рода, и они благоразумно прекратили погоню, как только наткнулись на первый забор.

Здесь уже не было никаких фонарей, и мальчики, спотыкаясь, двигались в темноте ощупью; тут уж они трусили не на шутку.

На каком-то дворе, сплошь заваленном пустыми корзинами и ящиками, они беспомощно бродили с четверть часа. Куда бы они не сунулись, они везде натыкались на бесконечные груды ящиков. Чтобы выбраться из этой западни, пришлось вскарабкаться на крышу сарая; но оттуда они опять попали на какой-то двор, сплошь заваленный пустыми клетками для кур.

Потом они наткнулись на тот самый бочонок, из

которого Симпсон Красный окатил водой гнавшихся за ним Рыбаков. Приспособление отличалось простым, но удивительно остроумным устройством. В том месте, где в заборе была выломлена доска, был прилажен длинный рычаг, с таким расчетом, что его непременно зацепишь, когда пролезаешь в щель. Этот рычаг был пружиной ловушки. Стоило его задеть, как он сдвигал с места тяжелый булыжник, который удерживал в равновесии приспособленный наверху бочонок с водой; бочонок опрокидывался и выливал все свое содержимое на голову того, кто задевал рычаг.

Ребята внимательно осмотрели это хитроумное устройство и по достоинству его оценили. К счастью для них, бочонок был уже опрокинут, иначе им тоже пришлось бы принять холодный душ, поскольку шедший впереди Джо задел за рычаг.

— Наверное, это Симпсонов двор, — тихо сказал Джо.

— Конечно, его, — решил Фред, — или кого-нибудь из его шайки.

Чарли предостерегающе схватил и того и другого за рукав.

— Тише! Что там такое? — прошептал он.

Ребята присели на корточки и притаились. Слышно было, как кто-то ходит по двору. Потом послышался шум льющейся воды. Было похоже, что кто-то наливает воду в ведро из водопроводного крана. И опять застучали шаги, на этот раз они приближались прямо к ним. Наши друзья, затаив дыхание, пригнулись еще ниже. Темная фигура прошла совсем близко от них и влезла на ящик, который стоял у забора. Это был сам Симпсон Красный, приводивший в готовность свое приспособление. Ребята ясно слышали, как он устанавливал рычаг и булыжник, как он поставил опять бочонок на место и вылил в него два ведра воды. Когда он спрыгнул с ящика и пошел опять за водой, Джо подскочил к нему и, подставив ему ножку, повалил его и прижал к земле.

— Не вздумай орать! — проговорил он. — Слушай, что я тебе скажу.

— А, это ты? — сказал Красный с облегчением. Мирлюбивое настроение, прозвучавшее в его голосе, ободрило ребят. — Что вы тут делаете?

— Мы ищем выход, — сказал Джо, — и хотим отсюда выбраться как можно скорее. Помни, нас тут трое, а ты один.

— Ладно, ладно, — перебил Красный. — Я вас сейчас проведу прямохонько. На вас я вовсе не злюсь. Идите за мной, и я вас мигом выведу.

Несколько минут спустя все четверо, преодолев высокий забор, очутились в темном, глухом переулке.

— Идите по переулку прямо, дойдете до улицы, — сказал Симпсон, — а там повернете направо, пройдете два квартала, свернете опять направо, потом пройдете еще три квартала и там попадете на Юнион-стрит. Трала-ла!

Ребята распрощались со своим проводником и пошли по переулку. Вдогонку они получили совет:

— В другой раз, когда пойдете сюда, змеев оставьте дома.

Глава V

ОПЯТЬ ДОМА

Следуя указаниям Красного Симпсона, они вышли на Юнион-стрит и без дальнейших злоключений добрались до своей Горы. Оттуда они еще раз взглянули вниз: до них доносился непрерывный гул густо населенного места.

— Я никогда больше туда не пойду, никогда в жизни, — сурово вымолвил Фред. — Интересно, что случилось дальше с кочегаром?

— Хорошо еще, что мы унесли оттуда целыми свои шкуры, — философски-успокоительно заметил Джо.

— Ну, частичку мы оставили там, особенно ты, — сказал Чарли со смехом.

— Что верно, то верно, — согласился Джо. — Но дома меня ждут еще бóльшие неприятности. Покойной ночи, друзья!

Как он и предполагал, боковая дверь была заперта. Он обошел кругом и через окно, как вор, влез в столовую.

Проходя на цыпочках через большой зал по направлению к лестнице, он вдруг столкнулся с отцом, который выходил из библиотеки. Оба были нео-

бычайно удивлены этой встречей и остановились как вкопанные.

Джо чуть не поддался истерическому приступу смеха, вообразив ту картину, которую видит в данную минуту его отец.

Но вид у него в действительности был хуже, чем рисовало его воображение. Мистер Бронсон видел перед собой мальчугана, всего покрытого грязью, с багрово-синими подтеками на лице, с распухшим носом, с огромной шишкой на лбу, с рассеченной и вздувшейся губой, с исцарапанными щеками и в разорванной по пояс рубашке.

— Что это значит, сударь? — с трудом выговорил наконец мистер Бронсон.

Джо молчал. Ну как уложить в короткий ответ всю длинную вереницу ночных приключений? Их пришлось бы перечислить все до одного по порядку, чтобы объяснить то жалкое состояние, в котором он теперь находился.

— У тебя что, отнялся язык? — с оттенком нетерпения спросил мистер Бронсон.

— Я... я...

— Ну, ну, продолжай, — ободрял его отец.

— Я... я был внизу... в Преисподней... — с усилием вымолвил Джо.

— Признаюсь, этому легко можно поверить. Да, да, в самом деле, я вижу, что твое показание заслуживает полного доверия. — Мистер Бронсон прибегал к строгим интонациям, но ему стоило величайшего труда удержаться на этот раз от улыбки. — Полагаю, что ты разумеешь под этим названием не местопребывание грешников, а скорее какую-либо определенную часть города Сан-Франциско. Не так ли?

Джо показал рукой вниз в направлении Юнион-стрит и сказал:

— Это там, внизу.

— А кто придумал такое название?

— Я, — ответил Джо таким тоном, как будто признавался в тяжелом преступлении.

— Очень метко, и доказывает, что у тебя есть воображение. Трудно, в самом деле, придумать что-нибудь лучшее. Ты, наверное, хорошо успеваешь в школе по английскому?

Эта похвала не доставила Джо особенного

удовольствия, так как английский язык был единственным предметом, за который ему не приходилось краснеть.

И в то время, как он стоял олицетворением безмолвного несчастья, мистер Бронсон смотрел на него сквозь призму собственного детства с такой любовью и пониманием, каких Джо и не подозревал.

— Однако сейчас тебе не до разговоров. Тебе нужна ванна, примочки, пластырь и холодные компрессы, — сказал мистер Бронсон. — Ступай к себе в спальню. Тебе нужно выспаться хорошенько. Имей в виду, что завтра у тебя все тело будет болеть и ныть.

Часы пробили час ночи, когда Джо натянул на себя одеяло. И в ту же минуту — такое у него было ощущение — его разбудило негромкое, но настойчивое постукивание, которое, казалось, длилось бесконечно. Выведенный из терпения надоедливym стуком, он открыл наконец глаза и приподнялся.

В окно врывался потоками свет солнечного утра. Джо потянулся, собираясь зевнуть, но боль словно пронзила все его мускулы, и его руки упали вниз гораздо скорее, чем они поднимались кверху. Он вскрикнул от боли, посмотрел на руки с тупым удивлением и тут же вспомнил происшествия вчерашней ночи.

Постукивание возобновилось.

— Слышу, слышу! Который час?

— Восемь, — донесся из-за двери голосок Бесси. — Восемь часов, одевайся скорее, если не хочешь опоздать в школу.

— Бог мой! — Он поспешно спрыгнул с постели и, застонав от острой боли во всем теле, медленно и осторожно опустился на стул. — Почему же ты не разбудила меня раньше? — спросил он.

— Папа велел дать тебе поспать.

Из груди Джо вырвался легкий стон. Потом взор его упал на учебник истории. Тут он уже застонал совсем по-иному.

— Хорошо! — крикнул он. — Иди! Я сейчас спущусь. — И действительно, через минуту он уже спускался вниз по лестнице, но с такими предосторожностями и гримасами, которые сильно удивили бы Бесси, если бы она за ним в это время понаблюдала. Встреча их произошла в столовой. При виде Джо у Бесси вырвался крик ужаса, и она подбежала к нему.

— Что с тобой, Джо? — спросила она дрожащим голосом. — Что случилось?

— Ничего, — процедил Джо сквозь зубы, посыпая сахаром кашу.

— Как ничего?.. — начала было Бесси.

— Отстань, пожалуйста, — оборвал он ее. — Я опоздал, и мне надо поскорее позавтракать.

Миссис Бронсон в эту минуту выразительно посмотрела на дочь, и Бесси сразу послушно вышла из комнаты, крайне озадаченная всем этим.

Джо обрадовался, что мать выслала сестру и что сама она воздерживается от каких-либо замечаний по поводу его растерзанного вида. Отец, наверное, рассказал ей вчера обо всем.

Джо знал по опыту, что мать не станет беспокоить его расспросами, и был ей очень благодарен за это.

Ему было неловко. Он спешил скорее покончить со своим завтраком, чувствуя, что мать как-то тревожно ухаживает за ним.

Она всегда относилась к нему с нежной лаской, но на этот раз он отметил, что она поцеловала его с каким-то особенным чувством, когда он выходил из дому, размахивая книгами на ремне. Он заметил, уже заворачивая за угол, что она все еще смотрит ему вслед из окна.

Впрочем, чувства и мысли Джо больше всего были заняты сейчас своим собственным больным телом. Каждый шаг ему обходился дорого. Он страдал и от ран и от яркого блеска отражаемых асфальтом солнечных лучей, резавших подбитые глаза, но больше всего от боли в суставах и мускулах. Он никогда не представлял себе, что мускулы могут одеревенеть до такой степени. Решительно каждый мускул отказывался работать. Пальцы распухли так, что двигать ими было почти невозможно; руки — от кисти до локтя — ужасно ныли. Вероятно, оттого, думал Джо про себя, что вчера пришлось, загораживая лицо и тело от ударов, подставлять под них локти. Интересно бы знать, как себя чувствует теперь Симпсон Красный, — и мысль о том, что они испытывают одинаковые страдания, вызвала у Джо чувство товарищеской симпатии к этому юному головорезу.

На школьном дворе все взоры обратились в сторону Джо. Ребята толпились вокруг него с благоговейным

страхом, и даже одноклассники и друзья выказывали ему подчеркнутое уважение, какого он раньше никогда не замечал.

Глава VI

ЭКЗАМЕНЫ

Ясно было, что Фред и Чарли уже успели распустить слух о ночных похождениях в Преисподней, о сражении с представителями рода Симпсонов и о столкновении с бандой Рыбаков. Джо почувствовал немалое облегчение, когда в девять часов раздался звонок, возвещавший начало занятий. Он вошел в класс, сопровождаемый восхищенными взорами школьников. Джо заметил, что девочки тоже смотрели на него, но с такой робостью и страхом, как будто видели перед собой самого Даниила, выходящего из Львиного рва, или Давида после его единоборства с Голиафом.

Положение героя очень стесняло Джо, и он был бы рад, если бы ребята хотя бы для разнообразия отводили от него глаза.

Не успел он это подумать, как взгляды всех школьников уже обратились в другую сторону.

Ученикам роздали бумагу, и учительница мисс Уилсон, строгая молодая особа, очевидно, представлявшая себе земной шар чем-то вроде огромного холодильника и потому вечно кутавшаяся в шерстяной платок и накидку, из которых не вылезала даже в самые жаркие дни, поднялась со стула и написала на классной доске очень явственно, так, чтобы было видно всем, римскую цифру I.

Все глаза, а их насчитывалось в классе ровно пятьдесят пар, жадно вперились в ее руку, терпеливо выжидая, что за этим последует, и в классе воцарилась мертвая тишина.

Внизу под римской цифрой I она написала: (а) В чем состояли реформы Дракона? (б) Почему один из афинских ораторов выразился о них, что они были написаны "не чернилами, а кровью"?

Сорок девять голов наклонились над партами, и сорок девять перьев заскрипели по бумаге.

Один только Джо продолжал держать голову пря-

мо; глаза его смотрели на доску столь безучастно, что мисс Уилсон, оглянувшись через плечо после того, как рука ее медленно вывела следующую цифру II, остановилась на минуту и пристально посмотрела на него. Затем написала (а) *Каким образом война между Афинами и Мегарой из-за острова Саламина вызвала законы Солона?* (б) *Чем отличались законы Солона от законов Дракона?*

Она снова оглянулась на Джо. Он смотрел все так же тупо.

— В чем дело, Джо? — спросила она. — У вас нет бумаги?

— Нет, благодарю вас, есть, — ответил он и угрюмо принялся чинить карандаш. Он очинил его превосходно. Потом отточил острее. Затем с неистощимым терпением начал отделявать самый кончик карандаша и добился того, что сделал его еще тоньше. Звук перочинного ножика, скоблившего графит, отвлекал пишущих и заставлял их озираться с недоумением. Джо этого не замечал. Возня с карандашом, казалось, поглощала все его внимание, а мысли были одинаково далеко и от карандаша и от древней истории.

— Без сомнения, всем вам известно, что экзаменационные работы пишутся чернилами. — Мисс Уилсон обращалась ко всему классу, но смотрела на одного Джо, который усердно продолжал свое занятие.

Отточенный на диво кончик карандаша, к сожалению, сломался, и Джо снова принялся скрести графит.

— Я боюсь, Джо, что вы мешаете товарищам! — воскликнула мисс Уилсон, выведенная наконец из терпения.

Джо оставил карандаш, сложил перочинный ножик и снова пустым взглядом уставился на доску. Что же он может сказать о Драконе, Солоне и всех этих грехах? Ясно, что он провалился, вот и все. Незачем ему и читать остальные вопросы. Не стоит писать, даже если бы он и мог что-нибудь ответить на некоторые из них. Все равно провалился.

Кроме того, и писать-то больно. И смотреть на доску больно, и закрыть глаза больно, и даже думать больно.

Сорок девять перьев продолжали неумолчно скри-

петь, торопясь поспеть за мисс Уилсон, которая испещряла доску все новыми и новыми вопросами, а он, Джо, слушал этот скрип и следил за выраставшими на доске строками, чувствуя себя глубоко несчастным. Голова у него болела, шишки на голове были, и он потерял всякую власть над своими мыслями.

Воспоминания о вчерашней ночи назойливо преследовали его, точно чудовищный кошмар. Он старался смотреть на мисс Уилсон, которая теперь уселась за свой стол, а видел перед собой наглуую физиономию Красного Симпсона.

Все его усилия сосредоточить свое внимание на учительнице ни к чему не привели. Джо чувствовал себя больным, разбитым и ни на что не способным. Провал неминуем. И когда наконец после долгого томительного ожидания листы были собраны, его лист оказался совершенно чистым: на нем была написана только его фамилия, название предмета и дата.

После короткого перерыва были розданы новые листы бумаги, и начался экзамен по арифметике. Джо даже не потрудился прочесть задачу.

В нормальном состоянии он, пожалуй, и справился бы как-нибудь с этой задачей, но сегодня, когда все его тело отчаянно ныло и так болела голова, об этом нечего было и думать. Он закрыл лицо руками и стал ждать звонка. Подняв голову, чтобы взглянуть на часы, он встретился глазами с Бесси, которая с тревогой смотрела на него со своей парты. Это только прибавило ко всему еще чувство досады. И что она взялась надоедать ему? Чего ей беспокоиться? Она-то наверняка выдержит. Ну и пусть оставит его в покое! Он сердито взглянул на сестру и снова закрыл лицо руками. Так он и сидел, пока не раздался полуденный звонок. Джо опять подал чистый лист бумаги и вышел из класса вместе с товарищами.

Фред, Чарли и Джо любили завтракать на воздухе в особом укромном уголке школьного двора. Но сегодня это излюбленное ими местечко почему-то понравилось очень многим, и там столпилась целая куча завтракающих школьников. Джо поглядывал на них кисло. Его настроение слишком не соответствовало положению увенчанного героя. У него раскалывалась голова, и к тому же не давала покоя мысль о провале

на экзаменах, которые должны были продолжаться и после полудня.

Он был сердит на Фреда и Чарли. Они трещали, как сороки, о ночных своих похождениях (признавая, впрочем, главные заслуги в победе над противником за Джо) и как-то чересчур покровительственно обращались со своими восхищенными товарищами. Попытки заставить его самого разговориться не увенчались успехом. От вопросов товарищей он отделялся нечленораздельным мычанием или лаконическим ответом: "да" или "нет".

Больше всего на свете ему хотелось сейчас остаться одному, уйти куда-нибудь подальше, повалиться на траву и позабыть обо всех своих невзгодах. Он встал, чтобы отойти от товарищей, но за ним увязались человек пять или шесть. У него было сильное желание обернуться и крикнуть, чтобы они оставили его в покое. Но гордость не позволяла ему этого сделать. Чувство отчаяния и отвращения ко всему охватило Джо. И вдруг смелая мысль пронеслась у него в голове. Зачем ему сидеть тут, когда он знает, что экзамена выдержать не сможет? Зачем подвергать себя лишней пытке?

Лучезарная мысль увлекла его, и он принял решение.

Он пошел прямо к школьным воротам и вышел на улицу. Удивленные товарищи остановились, а он продолжал идти как ни в чем не бывало и скоро, повернув за угол, скрылся из виду. Он шел куда глаза глядят, пока не очутился у остановки трамвая. Из трамвая в это время выходил народ. Джо забрался в вагон и сел в самом углу. Он не заметил, как доехали до конечного пункта, и очнулся только тогда, когда трамвай стал заворачивать по кругу назад. Джо соскочил с площадки и увидел перед собой большое здание паровой пристани. Значит, он проехал, ничего не слыша и ничего не замечая, через самый центр делового квартала Сан-Франциско. Джо взглянул на башенные часы пристани. Они показывали десять минут второго — еще можно попасть на местный пароход, отчаливавший в четверть второго. Это обстоятельство подтолкнуло его взять билет.

Не имея ни малейшего представления о том, куда идет пароход, Джо взял билет, заплатив за него десять центов, вошел на палубу и через несколько минут уже

пересекал бухту, направляясь в красивый городок Окленд.

Часом позже, все так же ничего не замечая и ничего не соображая, он сошел с парохода и очутился на оклендской пристани. С того места, где он сидел, прислонившись воспаленной головой к какому-то столбу, ему видны были палубы нескольких небольших парусных судов.

Гуляющая публика останавливалась посмотреть на них, и скоро они заинтересовали и Джо.

Их было четыре, и Джо со своего места мог разобрать их названия. На корме одного из судов, стоявшего как раз перед ним, красовалась выведенная большими зелеными буквами надпись: "Привидение". Три других назывались "Каприз", "Королева устриц" и "Летучий Голландец".

В средней части каждого судна возвышалась каюта с печной трубой на крыше; из трубы "Привидения" поднимался дымок. Дверцы каюты "Привидения" стояли настежь открытые, а часть крыши была отодвинута, так что Джо мог разглядеть внутренность каюты и хлопотавшего около печки парня лет девятнадцати-двадцати, в высоких морских сапогах, синих штанах и темной шерстяной фуфайке. Засученные по локоть рукава открывали крепкие руки с бронзовым загаром; такого же цвета было и лицо парня.

Оттуда доносился и щекотал обоняние приятный запах кофе, смешанный с запахом вареных бобов. Парень поставил на плиту сковородку и, выждав, пока сковорода нагрелась, растопил на ней ломтики сала, а затем кинул туда толстый кусок бифштекса.

Во время работы он разговаривал со своим компаньоном, который черпал ведром морскую воду и поливал ею кучи наваленных на палубе устриц.

Закрыв устриц мокрыми мешками, товарищ вошел в каюту и сел за обед вместе с поваром.

Это зрелище задевало струны романтической натуры Джо. Вот это жизнь, эти люди действительно живут, свободно дышат на широком водном просторе, под открытым небом; солнце, ливень, ветер, бушующее море — их родная стихия.

А он, бедняга, томится вместе с полсотней таких же, как он, несчастных, ежедневно просиживая часами в душной комнате, набивая голову всяким хламом! Эти

люди живут счастливо и беззаботно, дышат полной грудью, гребут на шлюпках и ходят под парусами, варят сами себе пищу и, наверное, переживают такие приключения, о которых им, школьникам, и во сне не снится.

Джо вздохнул. Он чувствовал себя созданным именно для такой вольной жизни, а не для школьной науки. Учение совершенно не по нем.

Экзамены он провалил, тогда как Бесси, без сомнения, возвращается теперь домой торжествующая, выдержав экзамены, все до одного, самым блистательным образом.

О, какое невыносимое создалось положение! Отец ошибся, определив его в школу. Хорошо учиться тем, у кого есть охота к учению. Ясно, что у него нет ни малейшей склонности к наукам. Разве нельзя достичь чего-нибудь в жизни помимо школы? Сколько известно случаев, когда, начав со службы простым матросом, люди становились хозяевами целых флотилий, вершили большие дела и заносили свои имена на страницы истории! Почему бы и ему не стать в ряд с ними?

Джо закрыл глаза и почувствовал себя глубоко несчастным; когда же он раскрыл их вновь, то сообразил, что он спал и что солнце уже близко к закату.

Он вернулся домой, когда уже стемнело, и прошел прямо к себе в комнату, не встретив никого из домашних. Растянувшись между прохладными простынями, он облегченно вздохнул, утешая себя тем, что как-никак, а от истории он все же отделался.

Но затем мелькнула неприятная мысль, что теперь потянется длинное полугодие и что через шесть месяцев ему предстоит опять сдавать экзамен по истории.

Глава VII

ОТЕЦ И СЫН

На следующее утро, после завтрака, Джо позвали к отцу в библиотеку, и он вошел туда, испытывая почти радостное чувство оттого, что томительное ожидание тяжелого разговора кончилось. Мистер Бронсон стоял у окна и наблюдал за стайкой шумно чирикавших воробьев, слетавшихся в одно место. Джо тоже подошел к окну и увидел барахтавшегося на

траве птенчика, который делал невероятные усилия встать на слабые ножки и каждый раз смешно опрокидывался навзничь. Он вывалился из гнезда, свитого в розовых кустах под окном, и оба родителя птенчика были ужасно встревожены этим приключением.

— Вот какие бывают приткие птенчики, — заметил мистер Бронсон с грустной улыбкой, обращаясь к сыну. — Смотри, как бы с тобой не случилось чего-нибудь подобного. Я боюсь, друг мой, что дела твои принимают плохой оборот. Я ожидал этого кризиса, наблюдая целый год за тем, как ты халатно относишься к учению и постоянно стараешься отлынивать от занятий в погоне за разными приключениями.

Он сделал паузу, как бы выжидая ответа, но Джо молчал.

— Я тебе предоставил полную свободу. Я верю в свободу, верю в то, что только такое воспитание развивает лучшие душевные качества. А потому я не докучал тебя нравоучениями и ни в чем не стеснял тебя. Я требовал от тебя немного, и ты мог распоряжаться своим временем, как угодно. Словом, я положился вполне на твою добросовестность и самостоятельность, твердо веря, что здравый смысл удержит тебя от дурного поведения и заставит по крайней мере сносно учиться. Но я обманулся в тебе. Как же теперь нам быть? Неужели ты хочешь, чтобы я наложил на тебя какую-нибудь узду? Чтобы я стал контролировать твоё поведение? Чтобы я заставлял тебя заниматься насильно?

Вот тут у меня лежит письмо, — продолжал мистер Бронсон снова, после небольшой паузы. Он взял со стола конверт и вынул оттуда листок бумаги.

Джо узнал твердый, упрямый почерк учительницы мисс Уилсон, и у него екнуло сердце.

Отец начал читать:

”В течение последнего полугодия сын ваш отличался крайней небрежностью и безразличным отношением к занятиям и потому на экзамене обнаружил полную неподготовленность. Он не мог ответить ни слова на заданные вопросы ни по истории, ни по арифметике и сдал совершенно чистые листы. Экза-

мены по этим предметам проходили утром. На остальные, после полудня, он даже не явился”.

Мистер Бронсон остановился и поглядел на сына.

— Где ты был после полудня? — спросил он.

— Я был в Окленде, — лаконично ответил Джо, не упомянув даже в свое оправдание о том, что у него страшно болела голова и ломило все тело.

— То есть, что называется, прогулял, не так ли?

— Так, сэр, — ответил Джо.

— Накануне вечером, вместо того чтобы готовиться к экзаменам, ты ушел из дому и затеял драку с какими-то хулиганами. Я не упрекнул тебя в то время ни словом. И собирался совсем выкинуть из головы это происшествие, если бы ты как следует выдержал экзамены.

Джо чувствовал, что ему решительно нечего на это сказать, но он чувствовал также и то, что отец неспособен его понять и что разговор этот ни к чему не приведет.

— Все дело портят твоя беспечность и неумение сосредоточиться. Тебе, я вижу, недостает строгой дисциплины, которую я до сих пор не решился тебе навязывать. Но с некоторых пор я стал подумывать о том, не лучше ли отдать тебя в какое-нибудь военное учебное заведение с жесткой дисциплиной и неукоснительным расписанием на все двадцать четыре часа в сутки.

— Ах, отец, ты не понимаешь, ты не можешь понять! — вырвалось наконец у Джо. — Я стараюсь учиться, я стараюсь изо всех сил, но почему-то — сам не знаю почему — у меня ничего не выходит. Может быть, я неудачник, или я совершенно неспособен к учению. Меня тянет на волю. Я хочу видеть жизнь... Военная школа не по мне, я бы лучше хотел уйти в море, где я мог бы что-нибудь делать и чем-нибудь быть.

Мистер Бронсон ласково посмотрел на сына и проговорил:

— Ты можешь надеяться что-нибудь сделать и чем-нибудь стать только посредством учения.

Джо безнадежно махнул рукой.

— Я сочувствую тебе и понимаю тебя, но ты еще мальчик и смахиваешь на того воробушка под окном, которого мы наблюдали. Если ты неспособен заставить себя заниматься уроками дома, ты не сможешь выполнить и ту задачу, которую тебе поставит жизнь, когда ты выйдешь на самостоятельную дорогу. Но когда ты окончишь школу, я согласен отпустить тебя на некоторое время на все четыре стороны, до поступления в университет.

— Отпусти меня сейчас, — порывисто сказал Джо.

— Нет, погоди, теперь еще рано. Ты еще не оперился как следует. Твои взгляды и идеалы еще недостаточно сформировались и окрепли.

— Но я не смогу учиться, — сказал Джо с угрожающей ноткой в голосе. — Я знаю, что я не смогу учиться.

Мистер Бронсон взглянул на часы и собрался уходить.

— Я еще подумаю о тебе. Не знаю, что лучше: сразу ли отдать тебя в военное училище или попробовать еще раз оставить тебя в школе.

В дверях мистер Бронсон на минутку остановился и оглянулся на сына.

— Я не сержусь на тебя, Джо, помни это, — проговорил он. — Я только сильно огорчен и расстроен. Подумай как следует о том, что я тебе сейчас говорил, а вечером скажи мне, что ты намереваешься делать.

Отец ушел. Джо услышал, как за ним захлопнулась парадная дверь.

Он сел в кресло и закрыл глаза. Военное училище! Он боялся подобных учреждений, как зверь западни! Нет, он ни за что не пойдет туда! Что же касается школы... Тут он глубоко вздохнул. Ему дали подумать до вечера. Но откладывать до вечера незачем. Он уже и теперь знает, что ему надо делать. Джо вскочил с кресла, надвинул на лоб фуражку и с решительным видом вышел из дому. Он докажет отцу, что сумеет выполнить свою жизненную задачу, думал он, уходя. Да, он ему докажет! Пока он дошел до школы, план его уже созрел окончательно. Оставалось только привести его в исполнение. Была большая перемена. Он прошел в класс и собрал свои книги. Никто не обратил на него внимания.

Проходя обратно через двор, он неожиданно наткнулся на Фреда и Чарли.

— В чем дело? — остановил его Чарли.
— Ни в чем, — буркнул Джо.
— Что ты делаешь?
— Несу книги домой, как видишь. А ты что думал?
— Ну, ну! — вмешался Фред. — Что за секреты, рассказывай, что с тобой приключилось? Почему ты не хочешь сказать?

— Вы это скоро узнаете! — произнес многозначительно Джо, более многозначительно, чем хотел.

Он повернулся спиной к изумленным друзьям и поспешил уйти, боясь сказать лишнее. Придя домой, он прошел прямо в свою комнату и начал приводить все в порядок. Снял с себя и аккуратно повесил в шкаф новый костюм, переоделся в другой, похуже. Вынул из комода смену белья, достал две рубашки, полдюжины носков и носовых платков, расческу и зубную щетку.

Завернув все это в бумагу и туго затянув бечевкой, он полюбовался на сверток. Потом подошел к письменному столу и вынул из потайного ящика свои сбережения за несколько месяцев, образовавшие сумму в несколько долларов. Он копил эти деньги к празднику 4 июля, но теперь опустил их в карман без малейшего сожаления и колебания.

После этого он уселся за стол, подвинул к себе блокнот и написал следующую записку:

”Не ищите меня и, пожалуйста, не беспокойтесь обо мне. Я неудачник и отправляюсь в морское плавание. За себя постоять сумею. Когда-нибудь я вернусь, и тогда все вы будете мною гордиться. Прощайте, папа, мама и Бесси.”

Джо”.

Он положил записку на видное место, сунул сверток под мышку, окинул комнату прощальным взглядом и вышел.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава VIII

ФРИСКО-КИД И НОВИЧОК

Фриско-Кид чувствовал себя отвратительно; он испытывал сильное раздражение и недовольство. Мальчуганы, удившие рыбу с пристани и поглядывавшие на него с нескрываемой завистью, никоим образом не могли бы заподозрить в нем подобное настроение. Правда, они были одеты лучше и чище, и у них были матери и отцы, но зато он живет с моряками, на вольном просторе, жизнь его полна приключений, товарищи его — настоящие взрослые люди, а у них жизнь течет тоскливо и однообразно, по строго заведенному порядку. Юные рыболовы не замечали, что Фриско-Кид, в свою очередь, с не меньшей завистью смотрит на них и вздыхает как раз о тех самых условиях жизни, которые им казались невыносимыми. Мир приключений манил их, как пение сладкогласной сирены, и навевал им смутные мечты о дальних странах и славных подвигах. А Фриско-Кид в это же самое время предавался грезам о тихом семейном очаге и мечтал о том, в чем судьба ему отказала, — о братьях, сестрах, о советах отца и нежных материнских объятиях.

Он сердито нахмурился, спустился с крыши каюты "Ослепительного", где лежал, лениво развалясь на солнечном припеке, и сбросил с себя тяжелые резиновые сапоги.

Потом он уселся на узенькой бортовой палубе и опустил ноги в прохладную морскую воду.

"Вот это называется свобода", — думал про себя наблюдавшие за ним мальчуганы. Их особенно пленяли эти огромные морские сапоги, которые доходили чуть не до бедер и пристегивались к поясу. Они не знали, что Фриско-Кид не имел такой собственности, как ботинки, и потому носил старые сапоги Пит-ле-Мэра, которые ему были велики на три номера. Кроме того, мальчуганы не могли представить, до чего мучительно было таскать на себе эту заманчивую обувь в жаркий летний день.

Хотя Фриско-Кид всегда досадовал на этих мальчишек, глазевших на него с таким восхищением, но

сегодня недовольство его вызывалось другой причиной.

Экипаж "Ослепительного" был не в полном составе: нужен был еще один человек, а то Киду приходилось работать за двоих. Он не прочь быть за повара, мыть палубу и качать воду, но он терпеть не мог чистить кастрюли и мыть посуду. Он считал, что имеет право быть избавленным от подобной работы, с которой успешно мог бы справиться любой молодкосос; а ведь он умеет управляться с парусами, выбирать якорь, стоять на руле и подходить к причалу.

— Полундра! — Пит-ле-Мэр, или Француз-Пит, капитан "Ослепительного", владыка и хозяин Фриско-Кида, швырнул сверху какой-то сверток в кокпит и спустился на палубу, держась за снасти по правому борту.

— Сюда! Живей! — крикнул он парнишке, которому принадлежал сверток. Тот что-то замешкался на пристани. С того места, где стоял мальчуган, до палубы шлюпа было сверху вниз добрых футов пятнадцать, и он не мог достать рукой до стального бакштага, по которому надо было спускаться на палубу.

— Ну! Раз, два, три! — отсчитал Француз с добродушной улыбкой капитана, которому только что удалось завербовать недостававшего ему матроса.

Мальчик подался вперед всем своим корпусом и ухватился за бакштаг. Несколько мгновений спустя он уже стоял на палубе с обожженными от сильного трения ладонями.

— Кид, это наш новый матрос. Честь имею представить!

Капитан Француз-Пит осклабился, наклонил голову и затем отступил шага на два.

— Митсэ-эр Шо Бронсон, — добавил он в виде пояснения.

Оба мальчика с минуту молча рассматривали друг друга. Они, очевидно, были сверстниками, но новичок казался с виду более здоровым и сильным.

Фриско-Кид протянул ему руку, и они обменялись рукопожатием.

— Так ты намерен податься на море? — спросил он. Джо Бронсон кивнул головой и, с любопытством осмотревшись кругом, сказал:

— Да, я думаю немного поплавать по заливу, а

потом, когда освоюсь с этим делом, уйду в море в баке.

— В чем?

— В баке — это то место, которое занимают матросы, — пояснил Джо застенчиво и краснея за свое, быть может, не совсем правильное произношение.

— О, на баке! Ты кое-что, видно, смыслишь в морском деле?

— Да... нет... то есть знаю кое-что только из книг.

Фриско-Кид свистнул высокомерно, повернулся на каблуках и отправился в каюту.

”Уйдет в море, — посмеивался он про себя, разводя огонь и принимаясь готовить ужин, — да еще на баке — и воображает, что это очень приятно”.

Тем временем Француз-Пит, как радушный хозяин, залучивший к себе почетного гостя, водил новичка по шлюпу и давал ему объяснения. Он расточал при этом столько любезностей, что Фриско-Кид, высунувшись из люка, чтобы позвать их к ужину, чуть не прыснул со смеху.

Джо Бронсон давно не ужинал с таким удовольствием. Пища была простая, но вкусная, а соленый воздух и судовая обстановка обостряли аппетит. Маленькая каюта отличалась чистотой и уютностью; в ней все было очень удобно расставлено, так что не пропадало даром ни одного уголка. Стол был приведен на петлях к стенке, и доска его опускалась только во время еды.

По обеим сторонам помещались две койки, которые во время еды служили скамьями. Одеяла были свернуты валиком, и обедающие садились с краю на гладких досках. Вечером каюту освещала висячая морская лампа с блестящим медным резервуаром, а днем свет проникал в нее через иллюминаторы — четыре круглых боковых оконца из массивного стекла. Возле дверей с одной стороны стояли плита и ящик для дров, с другой — шкаф для посуды. На передней стенке висели две винтовки и двустволка. Из-под свернутых одеял на койке Француза-Пита торчала ременная перевязь и два револьвера в кобурах.

Джо чувствовал себя как во сне. Бесчисленное множество раз мерещились ему подобные сцены; но ведь теперь он не спит, а видит все это наяву, и ему казалось, будто бы он уже давным-давно знаком с этими двумя сотоварищами. Француз-Пит весело

улыбался, поглядывая на него со своего места за столом. По правде сказать, у капитана была мерзкая физиономия, но Джо казалось, что он видит перед собой мужественное, загорелое лицо, обветренное и огрубевшее от непогоды и бурь. Фриско-Кид, упирая за обе щеки, рассказывал про последний шторм, который пришлось выдержать "Ослепительному", и Джо проникался все возрастающим уважением к этому юноше, который так долго жил на море и, видимо, так хорошо его знает.

А капитан усердно потягивал вино стакан за стаканом; на лице у него выступили красные пятна, он растянулся на койке поверх одеял и скоро захрапел.

— Ложись-ка лучше и поспи часика два, — сказал приветливо Фриско-Кид, указывая Джо его койку. — Наверное, эту ночь нам придется подежурить.

Джо послушно лег, но долго еще не мог заснуть. Он лежал и смотрел на висевший в каюте будильник, дивясь быстрой смене событий за последние двенадцать часов. Не далее как нынче утром он был простым школьником, а теперь он уже матрос на борту "Ослепительного" и отправляется неизвестно куда.

Он сразу вырос в своих собственных глазах лет на пять: ему как будто не пятнадцать, а целых двадцать лет, и он чувствовал себя настоящим мужчиной, да еще вдобавок моряком. Ему хотелось бы показаться Чарли и Фреду. Ну да они и так скоро о нем услышат! Он ясно видел эту картину: Чарли и Фред говорят о нем, окруженные толпою любопытных мальчишек. "Кто, кто?" — будут спрашивать те. "О, Джо Бронсон, он ушел в море! Мы с ним были закадычными друзьями".

Джо с гордостью представил себе подобную сцену. Потом у него слегка защемило в груди при мысли о матери и ее тревоге, но, вспомнив отца, он опять зачерствел. Нельзя сказать, что отец — плохой человек: он славный и добрый, но решительно неспособен понять его, Джо, и вообще душу мальчика. Вот в чем беда. Еще сегодня утром он говорил, что мир — это не площадка для тенниса и что мальчишки, которые смотрят на жизнь легкомысленно, часто попадают впросак и рады бывают поскорее вернуться домой. Ну, он-то, Джо Бронсон, хорошо знает, что свет полон тяжелой работы и суровых испытаний, но знает также, что

некоторые права есть и у них, мальчишек, и нельзя обращаться с ними, как с рабами. Он покажет отцу, что сумеет постоять за себя; во всяком случае, ничто ему не мешает написать домой письмо, когда он лучше освоится с новой жизнью.

Глава IX

НА БОРТУ "ОСЛЕПИТЕЛЬНОГО"

Легкий толчок прервал его грезы. К "Ослепительному" бесшумно подошел какой-то ялик, и Джо удивился, что не слышал стука весел в уключинах. Вслед за тем два человека перескочили через комингс кокпита и вошли в каюту.

— Они тут дрыхнут, черт побери! — выругался первый вошедший, сдергивая одеяло с Фриско-Кида одной рукой и доставая бутылку с вином другой.

Сонный Пит поднял голову и пробормотал приветствие.

— А это кто такой? — спросил Кокни (так звали первого вошедшего), облизывая усы и стаскивая Джо с постели. — Пассажир?

— Нет, нет, — торопливо ответил Француз-Пит. — Это наш новый юнга. Славный парень.

— Хороший или плохой, а ему придется держать язык за зубами, — буркнул другой пришелец, до сих пор молчавший, окидывая Джо свирепым взглядом.

— А какую ему дадут часть из добычи? — спросил первый. — Мы с Биллом любим вести дело начистоту.

— На долю "Ослепительного" полагается третья часть. Остальное мы поделим между собой поровну. Пять человек — пять частей, — вполне справедливо.

Француз-Пит горячо доказывал, что "Ослепительный" имеет право на экипаж из трех человек, и призывал Фриско-Кида в свидетели. Но последний счел за лучшее уклониться от спора и занялся приготовлением кофе.

Из всей этой тарабарщины Джо уловил только то, что спор разгорелся почему-то из-за его особы. Под конец Француз-Пит настоял на своем, и вновь прибывшие уступили ему после долгих препирательств. Напившись кофе, все отправились на палубу.

— Стой тут, в кокпите, и не попадайся им на гла-

за, — шепнул Фриско-Кид своему новому приятелю. — Я научу тебя обращаться со снастями и всему прочему потом, на досуге. А теперь нам не до того.

Чувство благодарности охватило Джо, он понял инстинктивно, что из всех этих людей в случае необходимости ему поможет только Фриско-Кид и что лишь на него одного можно положиться. К Француз-Питу у Джо уже появилась какая-то антипатия. Чем вызывалась она, он не мог бы объяснить, но живо ощущал ее.

Вдруг заскрипели блоки; в темноте над головой у Джо взвился огромный парус. Билл отдал носовой швартов, Кокни проделал то же самое с кормовым, Фриско-Кид поставил кливер, а Француз-Пит укрепил румпель. "Ослепительный", подхваченный ветром, слегка накренясь, плавно понесся к самой середине бухты. Джо слышал, как они говорили о том, что нельзя зажигать отличительные огни, что надо быть начеку; но из всего этого он мог понять только, что речь идет о нарушении какого-то навигационного закона.

Береговые огни Окленда остались позади. Темные силуэты кораблей у причалов стали все чаще сменяться неясными очертаниями болотистых топей, и Джо догадался, что они направляются к бухте Сан-Франциско. Ветер набегал с севера слабыми порывами, и "Ослепительный" бесшумно рассекал воды залива.

— Куда мы идем? — спросил Джо у Кокни, желая завязать с ним дружеский разговор и вместе с тем удовлетворить свое любопытство.

— Мы идем с компаньоном Биллом за грузом на его фабрику, — небрежно ответил тот.

Джо подумал, что для владельца фабрики Билл выглядел довольно странно, но промолчал, сознавая, что в этом новом для него мире может столкнуться с еще более удивительными явлениями.

Немного погодя ему приказали пойти в каюту и погасить лампу. "Ослепительный" повернул к северному берегу. Все молчали; только Билл и капитан изредка перешептывались. Наконец, судно поставили против ветра и осторожно спустили кливер и грот.

— Якорь до грунта! — шепотом скомандовал Француз-Пит Фриско-Киду, который прошел на нос и отдал якорь на короткой цепи.

Ялик "Ослепительного" и маленькую шлюпку, доставившую обоих незнакомцев, подвели к борту.

— Пригляди за этим юнцом, как бы он не нашумел, — произнес вполголоса Билл, спускаясь за своим товарищем в маленькую шлюпку.

— Грести умеешь? — спросил Фриско-Кид, когда все трое уселись в ялик.

Джо утвердительно кивнул головой.

— Так берись за весла и не стучи.

Фриско-Кид сел за другую пару весел, а Француз-Пит взялся за руль. Джо заметил, что весла были обмотаны плетенкой, а уключины обтянуты кожей.

Все заранее было предусмотрено, и шума быть не могло, разве что при неловком взмахе, но Джо упражнялся в гребле на озере Мерит и хорошо владел веслами. Они шли следом за первой лодкой, вдоль длинного мола. Несколько судов с ярко горящими якорными огнями стояли у самого мола, но шлюпки держались поодаль, вне освещенной полосы. По команде Фриско-Киды, произнесенной шепотом, Джо сложил весла. Затем обе шлюпки бесшумно, точно привидения, пристали к отлогому берегу, и путешественники осторожно выбрались на сушу.

Джо последовал за другими. Дойдя до насыпи, футов в двадцать высоты, они вскарабкались на нее. По насыпи пролегал узкое железнодорожное полотно, по обе стороны которого навалены были огромные кучи заржавленного железного лома. Эти кучи, пересеченные рельсами, тянулись по всем направлениям, а вдали виднелись смутные очертания какого-то огромного здания, похожего на фабрику. Пришельцы стали забирать лом и перетаскивать его на отмель. Француз-Пит, схватив Джо за руку и приказав еще раз не шуметь, велел ему делать то же самое. Они сваливали железо на берег, а Фриско-Кид подбирал его и переносил в шлюпки. Нагрузив сначала одну, он принялся грузить другую. По мере того как шлюпки оседали от тяжести, он все дальше отводил их от берега на более глубокое место.

Джо работал вместе с другими не покладая рук, но чувство недоумения не покидало его: что за странная работа? К чему вся эта таинственность и необычайная осторожность? И вдруг страшное подозрение пронеслось в его мозгу, но как раз в эту минуту с берега

донесся крик совы. Удивившись присутствию совы в таком неподобающем месте, Джо опять нагнулся подбирать железо, как вдруг из темноты выскочил человек и внезапно осветил его потайным фонарем. Ослепленный ярким светом, Джо откатнулся в сторону — блеснул револьвер, и грохнул выстрел. Джо сообразил, что стреляют в него и что ему надо бежать. При всем желании нельзя же было оставаться на месте и пытаться давать объяснения этому сумасшедшему, у которого в руке еще дымился револьвер. Он опрометью кинулся к берегу, налетел на другого человека с потайным фонарем, который выбежал ему навстречу из-за кучи железа, и сбил этого человека с ног.

Тут Джо пустился вниз по откосу, но человек быстро вскочил на ноги и открыл по небу пальбу.

Добежав до берега, Джо бросился в воду и скоро добрался до ялика. Француз-Пит и Фриско-Кид, опередившие Джо, уже сидели там, один на передних веслах, другой на задних, и спокойно ожидали его прибытия. Ялик стоял носом к морю. Они держали весла наготове, но не трогались с места, несмотря на то, что с берега по ним открыли стрельбу. Другая шлюпка стояла ближе к берегу и осела на грунт. Билл старался столкнуть ее с места и звал Кокни на помощь; но Кокни совершенно потерял голову от страха и, барахтаясь в воде, шел за Джо. Не успел Джо взобраться на корму, как и тот полез вслед за ним. Эта лишняя тяжесть чуть было не опрокинула и без того сильно перегруженный ялик. Он накренился, через борт плеснула вода. В это время с берега дали новый залп; на этот раз пули просвистели совсем близко.

Пальба подняла тревогу. Со стоявших у мола судов слышались окрики. На молу засновали тени, вдали заливался полицейский свисток.

— Пошел прочь! — крикнул Фриско-Кид. — Ты нас ко дну пустить хочешь, я вижу! Иди, помоги товарищу!

Но у Кокни от страха отнялся и язык и ноги, только слышно было, как его зубы выбивали дробь.

— Вышвырните этого полоумного! — властно сказал Француз-Пит, продолжавший сидеть на носу. В это мгновение пуля перебила у него весло, и он спокойно достал и вложил в уключину запасное.

— Ну-ка, помоги, Джо! — крикнул Фриско-Кид.

Джо понял что́ от него требуется, они разом схватили охваченного ужасом Кокни и выкинули его за борт.

Две-три пули шлепнулись в воду около того места, где Кокни вынырнул на поверхность, как раз вовремя, ибо в это самое время подъехал Билл, которому удалось наконец сдвинуть шлюпку, и он моментально выхватил товарища из воды.

— Вперед! — скомандовал Француз-Пит, и два-три сильных взмаха весел вынесли их из-под пуль. Обе шлюпки исчезли во мраке.

Но утлый ялик зачерпнул так много воды, что каждую минуту ему грозила опасность затонуть. Двое продолжали грести, а Джо, по приказу Француза, стал выбрасывать за борт железо. Это спасло их на время. Но в тот момент, когда они подошли к борту "Ослепительного", ялик от толчка накренился и, хлебнув воды, перевернулся, пустив ко дну остаток железа. Джо и Фриско-Кид вынырнули рядом и вскарабкались вместе на судно, волоча за собой пойманную ими привязь ялика. Француз-Пит был уже на борту и помог им взобраться.

К тому времени, когда они кончили возиться с яликом, подъехал и Билл со своим товарищем. Работа закипела, и Джо не успел оглянуться, как грот и кливер взвились и "Ослепительный", снявшись с якоря, понесся по заливу. Когда судно поравнялось с тем местом на берегу, где начинались болота, Билл и Кокни распрощались с ними и отошли на своем ялике.

Француз-Пит забрался в каюту и на разных языках проклинал свою судьбу, ища утешения на дне бутылки.

Глава X

СРЕДИ ПРИБРЕЖНЫХ ПИРАТОВ

Подул свежий ветер, когда они отошли от берега, и "Ослепительный" так сильно накренился, что его подветренный борт зарылся в воду до самого кокпита. Вывесили отличительные огни. Фриско-Кид стоял на руле, а Джо сидел возле него и размышлял над событиями этой ночи.

Факты говорили сами за себя, и обмануться в их значении было нельзя. У Джо раскрылись глаза, и в голове его зародились самые мрачные мысли. Положим, что он натворил дел, но это случилось с ним по неведению; он боялся не столько за прошлое, сколько за будущее. Он попал в компанию воров и разбойников, в общество прибрежных пиратов, о подвигах которых он уже кое-что слышал. Теперь же он знает о них столько, что легко мог бы засадить их в тюрьму. Джо хорошо понимал, что это заставит их держать ухо востро и что отныне они будут зорко следить, как бы он не сбежал от них. Но он все-таки улизнет при первой же возможности.

На этом месте размышления его были прерваны налетевшим шквалом. "Ослепительный" сильно качнуло, и по палубе прокатилась волна. Фриско-Кид ловко повернул судно к ветру и одновременно потравил грота-шкот. Потом он стал брать рифы, все время работая один, так как Француз-Пит оставался внизу, а Джо не сумел бы помочь ему в этом деле.

Шквал, едва не опрокинувший "Ослепительный", продолжался недолго, но он предвещал непогоду, и скоро бурные порыва ветра стали налетать с севера один за другим. Ветер рвал и трепал паруса с такой силой, что казалось изорвет их в клочья. Бушующие волны подкидывали судно. Небо и море — все смешалось, но, однако, даже неопытный глаз Джо уловил в этой разбушевавшейся стихии какой-то порядок.

Фриско-Кид, как заметил Джо, твердо знал, что и как нужно делать. Глядя на него, Джо постиг ту великую истину, незнание которой погубило немало людей, — он понял, как важно для каждого знать *истинную меру своих сил и способностей*.

Фриско-Кид знал, на что он способен, и потому действовал уверенно. Он все время сохранял полное хладнокровие и самообладание, работал быстро и точно, без малейшего промаха. Каждый риф-сезень крепился им намертво. Могли произойти другие случайности, но тех узлов, которые он завязывал, наверное, не сорвал бы никакой последующий шквал, хотя бы их было сорок.

Кид позвал Джо на нос, чтобы тот помог ему обтянуть парус. Оставалось взять единственный риф на кливере, но это уже было нетрудно. Через минуту мальчики уже вернулись в кокпит.

По указанию Фриско-Кида Джо обтянул также полотнище кливера и, зайдя в каюту, опустил примерно на фут выдвижной киль.

Борьба со стихией разогнала мрачные мысли Джо. Подражая товарищу, он сохранял полное хладнокровие и толково и быстро исполнял все его приказания. Они совместно противопоставляли свои слабые силы натиску бурной стихии и совместно победили ее.

Джо вернулся к тому месту, где его товарищ стоял на руле, держа в руках румпель; он гордился им и собою. А когда он прочел в глазах Фриско-Кита молчаливое одобрение, то покраснел, как девушка, услышавшая первый обращенный к ней комплимент. Однако тут же внезапно спохватился, что ведь перед ним стоит, собственно говоря, вор, самый обыкновенный вор, и, вспомнив об этом, он невольно отшатнулся.

Ему еще ни разу не приходилось соприкасаться с грязной изнанкой жизни. Избранные авторы его библиотеки все наперебой прославляли честность и прямоту и воспитывали в нем отвращение к преступности. Он отвернулся от Фриско-Кида и отошел в сторону. Но Фриско-Кид не заметил эту внезапную перемену его настроения: он был слишком занят своим делом.

Однако Джо удивлялся самому себе. Мысль о том, что Фриско-Кид — вор, тяготила его, но сам Фриско-Кид не внушал ему ни малейшего отвращения. Наоборот, что-то тянуло его к этому парню. Он не мог разобраться в своих чувствах. Если бы он был немного постарше, то, наверное, понял бы, что его привлекают прекрасные черты характера юноши: его хладнокровие, самостоятельность и благодушие. Но Джо этого не понимал и винил самого себя, что не в состоянии преодолеть свою симпатию к Фриско-Киду; стыдясь своей слабости, он все более и более поддавался горячему чувству дружеского расположения к этому юному пирату.

— Подтяни-ка ялик фута на два, на три! — крикнул Фриско-Кид, который успевал следить за всем.

Ялик тащился за шлюпом на слишком длинной привязи, и ему приходилось плохо. Он то отставал, туго натягивая трос, то кидался вперед, ослабляя его, и метался из стороны в сторону, рискуя ежеминутно

зарыться носом в высокие пенистые гребни расходившихся волн. Джо перелез через комингс кокпита на скользкую корму и направился к битенгу, к которому был привязан ялик.

— Держись! — крикнул Кид. Налетел сильный порыв ветра, и "Ослепительный" резко накренился.

— Отпусти конец, оставь только один оборот на битенге и подтягивай!

Для новичка работа была не из легких. Джо отпустил весь трос, кроме последнего оборота, и, удерживая его одной рукой вокруг битенга, другой рукой стал подтягивать. Но в эту минуту ялик волной отбросило в сторону, трос сильно дернуло, он выскользнул из рук и стал уходить за борт. Джо судорожно ухватился за его уползающий конец, но его самого потянуло вниз по покатой палубе.

— Брось! Отпусти конец! — крикнул Кид.

Джо выпустил конец, и хорошо сделал, а то бы и сам очутился за бортом. Ялик стал отходить от кормы. Сконфуженный Джо робко оглянулся на своего товарища, ожидая получить от него выговор. Но Фриско-Кид только широко улыбнулся.

— Не беда, — сказал он. — За борт не свалился — и ладно. Лучше потерять ялик, чем человека, я так считаю. К тому же я сам виноват: нельзя было поручать новичку это дело. Впрочем, ничего страшного не случилось, ялик еще от нас не ушел. Иди-ка в каюту, опусти киль еще фута на два, а потом вернешься сюда и будешь делать то, что я скажу. Но только не спеши. Делай все не торопясь, но наверняка.

Джо опустил киль и, вернувшись в кокпит, по указанию Фриско-Киды стал у кливер-шкота.

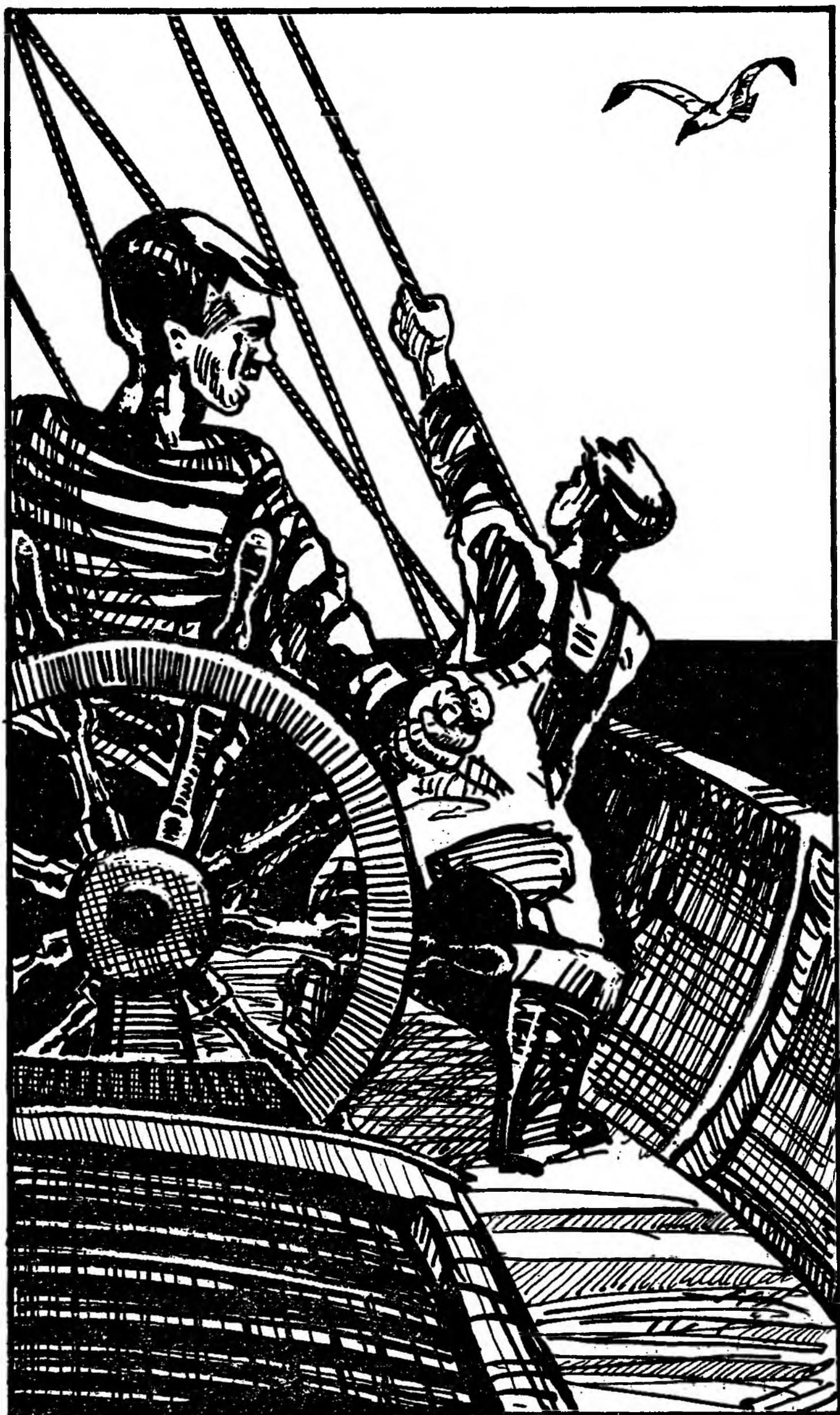
— Право на борт! — крикнул Фриско-Кид, всей тяжестью тела наваливаясь на румпель. — Отдай кливер-шкот! Вот так! Теперь помоги мне с гроташкотом!

Вместе они проворно подтянули зарифленный грот.

Джо работал с воодушевлением. "Ослепительный", как породистый конь, повернулся на киле и стал носом против ветра. Паруса и снасти отчаянно затрепались и забили мелкую дробь.

— Подтяни кливер-шкот!

Джо подтянул его: передний парус надулся, и судно повернуло на другой галс. В результате этого маневра

койка, на которой лежал Француз-Пит, оказалась с наветренной стороны, его стряхнуло на пол каюты, где он и продолжал лежать в пьяном отупении.

Удерживая румпель спиной, чтобы судно не свернуло с курса, пока они не достигнут того места, где должен был остаться ялик, Фриско-Кид взглянул на Француза с отвращением и пробормотал:

— Собака! Хоть ко дну пойдём, и то не очухается!

Два раза им пришлось менять галс, чтобы попасть на прежнее место. Наконец Джо различил впереди с наветренной стороны в темноте, освещенной одними звездами, качавшийся на волнах ялик.

— Успеем, — промолвил Фриско-Кид, направляя "Ослепительный" прямо к ялику и постепенно замедляя ход. — Лови!

Джо свесился за борт, поймал ныряющий трос и мигом закрепил его за битенг. После этого они повернули шлюп на прежний курс.

Джо было очень неловко, что он причинил столько беспокойства, но Фриско-Кид незамедлил утешить его.

— О, это сущие пустяки! — сказал он. Со всяким это случается, кто начинает. Только другие забывают, как им солоно приходилось вначале, и выходят из себя при малейшем промахе новичка. Нет, я не из таких. Раз, помню...

И он начал рассказывать про свои неудачи, когда еще совсем глупым мальчишкой он впервые очутился в плавании, и про то, как его строго за все наказывали. Он накинул ходовой конец талей грота-шкота на шейку румпеля, и они оба уселись под прикрытием кокпита, тесно прижавшись плечом к плечу.

— Что это за место? — спросил Джо, когда они проносились мимо маяка, мигавшего на скалистом мысу.

— Остров Гот-Айленд. На нем, по ту сторону, находятся морская учебная станция для кадетов и минный склад. Там отлично ловится треска. Мы обойдем этот островок с подветренной стороны и станем на якорь под защитой острова Эйнджел-Айленд, где находится карантин. Потом, когда Француз-Пит протрезвится, он нам укажет, куда идти, а теперь ты можешь спуститься в каюту и немного вздремнуть. Я управлюсь без тебя.

Джо отрицательно покачал головой. Он был слишком возбужден, чтобы спать. Да и как тут заснуть, когда "Ослепительный" ныряет, как чайка, и взбивает своим носом целые облака брызжащей пены! Платье на Джо почти высохло, и он предпочел остаться на палубе и любоваться развертывающейся перед ним картиной.

Огни Окленда исчезли из виду, оставив лишь бледный отблеск на фоне неба; а с южной стороны показались огни Сан-Франциско, то взбирающиеся по холмам, то сбегаящие в долины и растянувшиеся на много миль бесконечной вереницей.

Различив большое здание пристани и телеграфную вышку, Джо мог уже легко ориентироваться в панораме города. Где-то там, среди этого лабиринта света и теней, затерялся отцовский дом, в котором, быть может, и сейчас вздыхают о нем и тревожатся; и там же сладко поживает его сестричка Бесси, которая, сойдя утром к чаю, удивится, что его нет. Джо вздохнул. Забрезжило утро. Потом голова его потихоньку свесилась на плечо Фриско-Кида, и он заснул крепким сном.

Глава XI

КАПИТАН И ЕГО КОМАНДА

— Ну, проснись! Пора становиться на якорь.

Джо, вздрогнув, открыл глаза, с недоумением озираясь по сторонам; сон отшиб ему память, и он не сразу вернулся к действительности. Ветер к утру затих. Море еще волновалось, но "Ослепительный" спокойно шел под защитой скалистого острова. Небо было ясное, и воздух дышал крепительной свежестью раннего утра.

Легкая рябь весело искрилась под лучами восходящего солнца. С южной стороны виднелся остров Алкатраз-Айленд, с высот которого, увенчанных орудиями, доносились звонкие переливы трубы, игравшей утреннюю зорю. На западе сияли Золотые Ворота, соединяющие Тихий океан с заливом Сан-Франциско. Туда вместе с приливом на всех парусах торжественно входил корабль.

Картина была поразительная.

Протерев глаза от сна, Джо залюбовался открывшимся перед ним видом, но Фриско-Кид оторвал его от этого занятия и послал на нос готовиться к отдаче якоря.

— Разбери саженей пятьдесят цепи, — приказал ему Фриско-Кид, — и стой наготове.

Он осторожно замедлял ход судна, поворачивая его к ветру и одновременно потравливая кливер-шкот.

— Отдай кливер-фал, выбирай нирал!

Джо уже освоился с этим маневром за ночь и теперь справился с ним превосходно.

— Ну отдай якорь! Осторожнее! Живо! Ну!

Цепь побежала с поразительной быстротой, и "Ослепительный" остановился. Фриско-Кид вернулся к товарищу, они вместе спустили грот, убрали его и закрепили сезнями.

— Вот тебе ведро, — сказал Фриско-Кид. — Вымой палубу. Да почище. Вот щетка. Не брезгуй этим делом. Чтобы все заблестело! Когда кончишь мыть, вычерпай воду из ялика. За эту ночь у него разошлись немного пазы. А я пойду готовить завтрак.

Скоро струйки воды весело зажурчали по палубе, а из каюты потянуло приятным дымком, предвещавшим вкусный завтрак. То и дело Джо отрывался от своей работы и поднимал голову, чтобы полюбоваться расстилавшейся перед ним чудесной картиной. Она пленила бы и всякого другого на его месте. Поэтический восторг охватил его душу, и он чувствовал бы себя совершенно счастливым, если бы не мысль о том, что за люди его товарищи. Эта последняя досадная мысль и противное зрелище валявшегося на полу пьяницы-капитана отравляли чарующую прелесть раннего утра. Его оскорбляла грубая действительность, но он не чувствовал себя подавленным ею, наоборот, она закаляла его сильный характер. В нем крепло стремление быть чистым и строгим к самому себе, чтобы не уронить себя в своих собственных глазах. Он оглянулся кругом и вздохнул. Почему это люди не остаются честными и правдивыми? Ему жаль было расставаться с этой новой привлекательной жизнью; но ночные похождения сильно подействовали на него и, чтобы не изменить себе самому, надо было бежать во что бы то ни стало.

Тут Фриско-Кид позвал его к завтраку. Кид показал

себя таким же прекрасным поваром, как и опытным моряком, и Джо поспешил воздать должную дань вкусным блюдам, состоявшим из маисовой каши со сгущенным молоком, бифштекса и жареного картофеля. За этим следовали кофе и отличный французский хлеб со сливочным маслом.

Они угощались вдвоем: Француза-Пита невозможно было добудиться. Он что-то мычал, не открывая глаз, а затем снова начинал храпеть.

— Он пьет запоем, — пояснил Фриско-Кид, когда Джо, убрав посуду, вышел на палубу. — Иной раз продержится с месяц, а то не выдержит и недели. В пьяном виде он то раздобрится, то начнет бушевать; лучше всего в это время оставлять его в покое и не попадаться под руку. Не перечь ему ни в чем, а то, пожалуй, еще наживешь беды.

— Давай купаться, — прибавил он, переводя разговор на более интересную тему. — Плавать умеешь?

Джо кивнул головой.

— Что это такое? — спросил он, готовясь прыгнуть в воду и указывая на огороженное место на островке, где раскиданы были какие-то домики и палатки.

— Карантин. На китайских пароходах прибывает много больных оспой. Всех больных тут задерживают до тех пор, пока доктора не признают их безопасными в отношении заразы. На этот счет там такие строгости, что беда. Дело в том... — Бух! Если бы Фриско-Кид не оборвал начатой фразы, кинувшись в воду со всего размаха, это избавило бы Джо от больших неприятностей.

Но он, к сожалению, оборвал на полуслове, и Джо нырнул вслед за ним.

— А знаешь что, — заговорил Фриско-Кид спустя полчаса, уцепившись за ватерштаг и собираясь вылезать из воды. — Давай наловим рыбы к обеду. А потом завалимся спать, наверстаем за эту ночь. Что ты на это скажешь?

Они стали карабкаться на палубу и устроили состязание: кто скорей. Джо сорвался и опять полетел в воду. Когда он наконец выбрался, то увидел, что его приятель уже приготовил две лесы с большими крючками и тяжелыми грузилами и маленький бочонок соленых сардин.

— Это приманка, — сказал Фриско-Кид. — Надо

насаживать на крюк целую штуку. Здесь рыба неразборчивая, она глотает и приманку и крючок, а потом может и уйти — на эти штучки она способна. Кто первый поймает рыбу, тот освобождается от чистки. Весь улов чистит проигравший.

Оба грузила стали быстро опускаться и вымотали по семьдесят футов лесы, пока не достали дна. Как только свинчатка коснулась дна, Джо почувствовал, что клюнуло. Потянув лесу, он взглянул на товарища и увидел, что тот, очевидно, тоже поймал здоровенную рыбу.

Завязалось энергичное состязание. Ребята вошли в азарт: мокрая леса вилась по палубе кольцами. Но Фриско-Кид был более искусный, и его рыба первою полетела в кокпит. Джо вытянул трехфунтовую треску, но чуть-чуть позже Кида. Тем не менее он был в восторге. Этакую рыбину удалось выудить собственными руками! Он таких еще и не видывал. Обе снасти опять полетели за борт, и скоро мальчики снова вытащили двух больших рыб. Вот это улов! Джо до того разошелся, что, казалось, готов был опустошить весь залив, но Фриско-Кид его остановил.

— Довольно, здесь хватит рыбы обеда на три, — заявил он, — к чему изводить ее даром? Потом, чем больше наловишь, тем больше тебе будет чистки. Возьмись-ка за нее сразу, а я пойду спать.

Глава XII

ДЖО ДЕЛАЕТ ПОПЫТКУ БЕЖАТЬ

Джо, в сущности, был доволен, что проиграл и что ему пришлось заняться чисткой рыбы: это помогало ему привести в исполнение некоторый план, пришедший ему в голову во время купания. Он бросил последнюю вычищенную рыбу в ведро с водой и оглянулся кругом. Карантин находился от них на расстоянии какой-нибудь полумили, и видно было, как на берегу шагает часовой взад и вперед. Войдя в каюту, Джо прислушался к тяжелому дыханию спящих. Чтобы достать свой узелок с одеждой, ему нужно было пройти очень близко от Кида, и он решил оставить узелок. Вернувшись наверх, Джо осторожно подвел ялик к борту, захватил пару весел, спустился в него и потихоньку отчалил.

Сначала он греб очень робко, боясь из-за лишней спешки наделать шума. Но потом, по мере того как увеличивалось расстояние между ним и "Ослепительным", он стал грести смелее. На полпути Джо оглянулся. Теперь успех обеспечен, так как он видел, что, если даже его спохватятся, "Ослепительный" все равно не успеет отрезать его от берега, где он очутится под защитой солдата в мундире армии Соединенных Штатов.

В эту минуту со стороны карантина раздался выстрел, но Джо сидел спиной к берегу и не потрудился даже обернуться. За первым выстрелом грянул второй, и пуля шлепнулась в воду около его весла. На этот раз он обернулся. Часовой, стоявший на берегу, наводил дуло прямо на него и готовился выстрелить в третий раз.

Джо опешил. Берег, а с ним и спасение были совсем близко, но там стоит этот солдат армии Соединенных Штатов и по какой-то непостижимой причине упорно палит в него. Завидев направленное на него дуло, Джо поспешно затормозил лодку, и часовой опустил винтовку.

— Я хочу выйти на берег! По очень важному делу! — закричал ему Джо.

Человек в мундире покачал головой.

— Очень важно, говорю вам. Можно?

При этом он бросил беглый взгляд в сторону "Ослепительного". Пальба, очевидно, разбудила Француза-Пита, так как грот был поднят, и шлюп как раз в этот момент снялся с якоря, и кливер заполоскал на ветру.

— Нельзя! — прокричал солдат. — Тут оспа!

— Но мне надо! — крикнул Джо с отчаянием, подавляя подступившие к горлу рыдания и поднимая весла.

— Тогда я буду стрелять, — невозмутимо отвечал часовой, вскидывая винтовку на прицел.

Джо быстро взвесил создавшееся положение. Островок довольно большой. Пожалуй, дальше на нем нет часовых. Лишь бы только где-нибудь высадиться, а там пускай арестуют, пускай заразится оспой — все лучше, чем оставаться с пиратами.

Он повернул под прямым углом направо и навалился на весла. Дуга прибрежной полосы была до-

вольно растянута, и до ближайшего пункта, где он мог бы подойти к берегу, было сравнительно далеко. Будь он моряком, он направился бы как раз в противоположную сторону, чтобы поставить погоню против ветра. Теперь же, с попутным ветром, "Ослепительный" легко мог его догнать.

Но положение еще не определилось. Слабый ветерок то набегал, то стихал, и в зависимости от этого шлюп то приближался к ялику, то отставал от него. Вдруг ветер засвежел, и парусник подобрался к своей жертве ярдов на сто, но потом опять наступило затишье, и парус "Ослепительного" лениво заболтался из стороны в сторону.

— А, поганец, ты наш ялик затеял украсть! — заорал Француз-Пит, хватаясь за ружье. — Сдавайся живо! Или я тебя застрелю, как собаку! — Он отлично сознавал, что не посмеет стрелять на виду у часового, хотя бы и через голову мальчика.

Но Джо не могло прийти в голову, что это пустая угроза, ибо он, ни разу в жизни не нюхавший пороха, за последние двадцать четыре часа уже два раза попадал под огонь. "Была не была!" — подумал он и приналег еще сильнее на весла, меж тем как Француз-Пит метался в бессильной ярости, угрожая беглецу всевозможными пытками, лишь только его поймают. А тут еще на беду Фриско-Кид взбунтовался.

— Попробуйте только застрелите его, я вас живо отправлю на виселицу! — вступился он грозно. — Вы бы лучше отпустили его. Он славный малый и честный, и эта наша с вами грязная жизнь не по нем.

— И ты тоже! — взвизгнул капитан, окончательно выходя из себя. — Я и тебя прихлопну, подлая крыса!

С этими словами он ринулся на юношу, но Фриско-Кид пустился удирать от него, перебегая от кокпита к бушприту и от бушприта к кокпиту. Тут ветер рванул парус, и Француз-Пит оставил одного молодого ради другого. Подскочив к румпелю и потравив шкот — ветер был попутный, — он направил шлюп прямо на Джо. Последний сделал было еще одно отчаянное усилие, но, убедившись, что ему не уйти, сложил весла. Француз-Пит отпустил грота-шкот, обогнул остановившийся ялик и выхватил из него Джо.

— Отмалчивайся! — шепнул Фриско-Кид ему на ухо, в то время как разъяренный Француз привязывал

ялик. — Не отвечай ему ничего. Пусть говорит, что хочет, не обращай внимания. Так с ним лучше всего.

Но англосаксонская кровь вскипела в Джо, и он не вытерпел.

— Слушайте, мистер Француз-Пит, или как вас там еще называют, — начал он, — поймите хорошенько, что я намерен от вас уйти и уйду. Так лучше потрудитесь меня высадить на берег сами. И сейчас же. Если вы этого не сделаете, я засажу вас в тюрьму. Это верно, как то, что меня зовут Джо Бронсон.

Фриско-Кид испугался за Джо. Капитан онемел. Каково! Этот мальчишка, этот щенок позволяет себе оскорблять его на борту его собственного судна! Невслыханная дерзость! Он понимал, что поступает противозаконно, удерживая мальчика у себя против его воли, но в то же время боялся и отпустить его: слишком много знал этот парень о шлюпе и о том, чем они занимались.

Утверждая, что он может засадить капитана в тюрьму, Джо высказал неприятную истину. Французу ничего не оставалось, как попробовать запугать его.

— Эге, так вот оно что! — Его пронзительный голос неистово зазвенел. — Тогда ты и сам попадешься! Ты греб вчера ночью на лодке? Отвечай! Ты воровал железо, да? Ты убегал от погони, да? И после всего этого ты еще мне угрожаешь тюрьмой? Каков мальчик, а?

— Но ведь я же не знал, — возразил Джо.

— Ха, ха! Забавно! Расскажите-ка это судье, доставь ему это удовольствие, — он засмеется тебе в лицо!

— Говорю, что я не знал, — повторил Джо с достоинством. — Мне и в голову не приходило, что я затесался в воровскую компанию.

Фриско-Кид вздрогнул, услышав этот эпитет, и если бы Джо в это время взглянул на него, то увидел бы на его лице выступившую яркими пятнами краску.

— А теперь, когда я это узнал, — продолжал Джо, — я хочу, чтобы меня высадили на берег. Я не знаю законов, но умею различать, что правильно, а что нет; и я готов отвечать за то, что я сделал, перед любым судом Соединенных Штатов. Пусть хоть все судьи соберутся, если на то пошло! Вы же, небось, суда боитесь, как черт лаdana.

— Ах, так! Очень хорошо. Да ты сам подлый ворюшка...

— Я не вор! Не смейте меня так называть! — Джо задрожал, но не от страха, а от негодования, и лицо его побледнело.

— Воришка! — повторил Пит язвительно.

— Вы лжете!

Джо предвидел, какой взрыв произведут эти слова, и потому не особенно удивился, что из глаз его вдруг посыпались искры и голова загудела, как котел, когда он спустя минуту поднимался на ноги.

— Ну-ка, повтори еще раз, что ты сказал! — прорычал Француз-Пит, снова замахиваясь кулаком.

От сознания своего бессилия слезы подступили к глазам Джо, но он не потерял самообладания и гордо ответил:

— Вы лжете, я не вор. Вы можете меня убить, если хотите, но я все-таки повторяю, что вы лжете.

— Руки прочь! — Фриско-Кид бросился на капитана, как кошка, и отпихнул его в сторону, спасая приятеля от второго удара. — Оставьте парня в покое, говорят вам! — продолжал он, быстрым движением выхватывая тяжелый железный румпель и становясь между ними. — Хватит! Что вы, одурели, что ли, не видите, на кого напали! Он говорит сущую правду и твердо будет стоять на своем. Вы его можете укокошить, но ничего от него не добьетесь. Руку, приятель!

Он обернулся в сторону Джо, и они обменялись дружеским рукопожатием.

— Ты парень горячий и, как видно, не робкий.

Француз-Пит скривил рот, изобразив на лице что-то вроде улыбки, но злобно горевшие глаза выдавали его. Он пожал плечами и сказал:

— А! Вот что! Не желает, чтобы я называл его ласкательными именами. Ха, ха! Это же шутка. Моряки любят пошутить. Что называется, простим друг друга и забудем. Ну, так, что ли, а?

Он тоже протянул было руку Джо, но не дождался ответного жеста.

Фриско-Кид выразил одобрение кивком головы, а Француз-Пит пошел в каюту, пожимая плечами и криво улыбаясь.

— Потравите шкоты и направляйтесь к мысу Хантерс-Пойнт! — крикнул он снизу. — А я нынче состряпаю вам такой обед, что оближете пальчики. Француз-Пит — знаменитый кок!

— Он таковский: сразу станет добреньким и берется сам за стряпню, когда хочет помириться, — сказал Фриско-Кид, надевая румпель на голову руля и выполняя данное ему приказание. — Но верить ему нельзя!

Джо ответил молчаливым кивком. Ему было не до разговоров. Он весь дрожал от пережитых волнений и проверял самого себя, так ли он вел себя, как подобает, но совесть ни в чем не упрекала его.

Глава XIII

ПОДРУЖИЛИСЬ

С Тихого океана подул свежий полуденный ветерок. Остров Энджел-Айленд скоро скрылся из виду, и навстречу бороздившему волны "Ослепительному" плыла береговая линия Сан-Франциско. Скоро они очутились в самом центре рейда, проходя мимо кораблей, собравшихся здесь со всех концов света. Потом они пересекли фарватер, по которому сновали в обе стороны местные пароходы, совершавшие рейсы между Оклендом и Сан-Франциско. Один из пароходов прошел очень близко от них, и пассажиры его столпились у борта, чтобы полюбоваться аккуратным маленьким шлюпом с двумя мальчиками в кокпите. Джо с завистью вглядывался в лица этих людей. Все они едут к себе домой, а он — он сам не знает, куда его несет по воле какого-то Француза-Пита. Он чуть было не решился позвать на помощь — нет, это было бы безрассудно. Он отвернулся и задумался, поглядывая на окутанный дымкой город, о странных особенностях жизни на море.

Фриско-Кид незаметно следил за ним и за его мыслями, которые видел насквозь.

— Там твои родные живут? — спросил он внезапно, указывая рукой на город.

Джо вздрогнул, удивившись догадке товарища.

— Да, — промолвил он просто.

— Расскажи что-нибудь о них.

Джо кратко описал свой дом и родных. Но Фриско-Киду этого показалось мало, и он начал задавать множество вопросов. Он интересовался малейшими подробностями, в особенности всем, что касалось

миссис Бронсон и Бесси. Больше всего он интересовался Бесси. Он засыпал Джо вопросами о его сестре.

Иные из них показались Джо такими наивными и неожиданными, что он не мог удержаться от улыбки.

— Ну, а теперь ты расскажи мне о своих, — сказал Джо, воспользовавшись наступившей паузой.

Фриско-Кид как-то сразу приутих и нахмурился. Лицо его сделалось строгим. Он сидел молча и лениво болтал ногами, устремив тупой взгляд на верхушку мачты, где, собственно, разглядывать было нечего.

— Ну, — поощрял его Джо.

— У меня нет родных, нет дома. — Он с трудом выдал из себя эти слова и стиснул зубы.

Джо почувствовал, что нечаянно задел болезненное место Кида, и попробовал загладить неловкость.

— Ну, расскажи тогда про твой прежний дом.

Он не подозревал, что на свете есть мальчики, у которых никогда не было родного очага, и бессознательно еще больше бередил рану товарища.

— У меня никогда не было дома.

— О! — Джо был до того поражен, что отбросил всякую щепетильность.

— А сестры у тебя есть?

— Нет!

— А мать?

— Я был так мал, когда она умерла, что не могу ее вспомнить.

— А отец?

— Я почти не видел его. Он ушел в море, в общем, пропал куда-то.

— О-о! — Джо не знал, что сказать. Наступило тягостное молчание, прерываемое журчанием воды у форштевня. К счастью, как раз в это время Пит вышел на смену, стал у руля и послал их обедать.

Мальчики почувствовали облегчение, а за обедом, который капитан приготовил действительно очень вкусно, они уже болтали совершенно непринужденно. После обеда Фриско-Кид опять сменил Пита, и капитан уселся за стол. Пока он ел, Джо вымыл посуду и прибрал в каюте. Потом они все трое сошлись на корме, и капитан, очевидно, желая восстановить добросердечные отношения, разговорился и очень занимательно стал рассказывать про жизнь ловцов жемчуга в южных морях.

За этими разговорами день прошел незаметно. Город Сан-Франциско остался далеко позади, они уже обогнули мыс Хантерс-Пойнт и теперь быстро подвигались вперед вдоль берега Сан-Матео.

На берегу Джо заметил группу велосипедистов, огибавших утес по дороге к Сан-Бруно, и живо представил себе, как он сам недавно катался на велосипеде по той же дороге. Это было месяца два назад, не больше, но ему казалось, что это происходило когда-то давным-давно: так много с тех пор было пережито.

Вечером после ужина они подходили уже к болотам, за которыми раскинулся город Редвуд-Сити. Ветер спал с закатом солнца, и "Ослепительный" двигался довольно тихо. Вдали показался другой шлюп; он шел прямо на них с замиравшим попутным ветерком.

Фриско-Кид объявил сразу, что это "Северный Олень". Француз-Пит, внимательно взглядевшись в судно, согласился с ним. Он, видимо, чрезвычайно обрадовался этой встрече.

— Им командует Красный Нельсон, — сообщил Фриско-Кид своему приятелю. — Ужасный человек. Я всегда побаиваюсь его при каждой встрече. Они там, наверное, задумали какое-нибудь крупное дело. В таких случаях они всегда приглашают Француза-Пита, он большой мастер на всякие штуки.

Джо кивнул головой и с любопытством стал рассматривать приближавшееся судно. Оно было немного больше "Ослепительного", но одинаковой конструкции, то есть с главным расчетом на скорость хода. Парус был огромный, как на гоночной яхте, на нем виднелись три ряда риф-сезней на случай сильного ветра. На палубе все было пригнано к месту — нигде ничего лишнего. Как бегучий, так и стоячий такелаж находился в образцовом порядке.

"Северный Олень" приближался медленно в сгущавшихся сумерках и стал на якорь неподалеку от них.

Француз-Пит, последовав примеру Нельсона, стал на якорь и немедленно отправился к нему на ялике.

Мальчики в ожидании его возвращения растянулись на крыше каюты.

— Тебе такая жизнь по душе? — нарушил молчание Джо.

Приятель повернулся к нему на локте.

— Как сказать, и по душе и не совсем по душе. Свежий воздух, море, свобода и все прочее — это хорошо; но мне не нравится... — он замялся немного, — но мне противно воровать.

— Так почему бы тебе не бросить это?

Джо боялся признаться самому себе, до чего полюбился ему этот мальчуган, и он почувствовал непреодолимое желание вывести его на хорошую дорогу.

— Я и брошу все это, как только найду другое занятие.

— А почему не сейчас? — спросил Джо.

— Теперь самое время, — стучало в мозгу Джо. — И если он действительно хочет уйти, то как жаль, что не решается на это сразу”.

— А куда я пойду? Что я буду делать? На белом свете нет никого, кто бы мне помог. Я уже однажды пробовал и получил хороший урок! Поневоле призадумашься, прежде чем опять сунешься пытаться счастье очертя голову.

— А я, как только выберусь отсюда, пойду прямо домой. Пожалуй, выходит, что отец был прав. А почему бы нам не отправиться вместе?

Последние слова Джо сказал, не подумав, они вырвались у него бессознательно, и Фриско-Кид отлично понял это.

— Ты сам не знаешь, что говоришь, — ответил он. — Ведь надо же придумать такое! Чтобы я пошел с тобой! Ну, а что скажет на это твой отец и все остальные? Как он на меня будет смотреть? На что я ему сдался?

У Джо сердце болезненно сжалось. Он испугался, что под влиянием минутного настроения сделал предложение, быть может, и в самом деле слишком рискованное. Трезво взглянув на дело, он попробовал представить себе мистера Бронсона, отечески принимающего в свой дом проходимца без роду, без племени, вроде Фриско-Кида.

Нет, об этом, конечно, и думать нечего!.. И, забыв про свои собственные невзгоды, он принялся усердно ломать голову, стараясь изыскать какой-нибудь другой способ избавить Фриско-Кида от этой постылой жизни.

— Он, пожалуй, сдаст меня в полицию, — продолжал развивать свою мысль Фриско-Кид, — или отправит в приют для беспризорных. А мне лучше умереть, чем жить в приюте. А потом я тебе должен признаться, Джо, что я слеплен из другого теста, нежели ты, и ты это отлично понимаешь. Я бы почувствовал себя вроде рыбы на сухом берегу. Нет, придется подождать маленько, прежде чем уходить отсюда. Ну, а тебе, разумеется, дорога одна: отправляться прямехонько домой. При первом же удобном случае я тебя ссажу, а потом уж как-нибудь полажу с капитаном.

— Ну уж нет! — горячо возразил Джо. — Если я и сбегу, то устрою это так, чтобы ты из-за меня не пострадал. Выбрось, пожалуйста, из головы эту затею. Я-то уйду, об этом нечего беспокоиться, а вот как бы устроить, чтобы и ты ушел со мной вместе? Давай убежим как-нибудь вдвоем, а там будь, что будет!.. Не станем загадывать далеко вперед. Что ты на это скажешь?

Фриско-Кид покачал головой и, устремив взгляд на звездное небо, отдался мечтам о хорошей жизни, которая волею судеб для него недоступна. Джо замолчал, погружившись в глубокую думу. Жизнь уже не казалась ему такой простой штукой, какой он представлял ее раньше.

Невнятный гул голосов долетел к ним с палубы "Северного Оленя", с берега неслись звуки церковного колокола, а летняя ночь медленно окутывала их своей теплой мглой.

Глава XIV

НА УСТРИЧНЫХ ОТМЕЛЯХ

Мир исчез из сознания, и время остановилось: ребята уснули.

Хриплый голос Француза-Пита разбудил мальчиков и вернул к трезвой действительности.

— Эй, вы там! Шевелитесь! — заорал он во все горло. — Сниматься! Эй, Шо! Отдавай сезни! Кид! Кливер! Поворачивайтесь! Живо!

Джо растерялся было в темноте, не зная как следует названия снастей и где их искать; но все же сумел

быстро отвязать сезни, и когда он их сбросил в кокпит, его позвали поднимать грот. Выбрали якорь, поставили кливер, свернули канаты и привели все в порядок, после чего вернулись на корму.

— Отлично, отлично! — одобрил Француз-Пит, когда Джо прыгнул в кокпит. — Великолепно! Из тебя выйдет хороший моряк, да, да!

Фриско-Кид поднял крышку с одного из ящиков кокпита и вопросительно взглянул на капитана.

— Да, да, — ответил моряк, —ставляйте огни!

Фриско-Кид вытащил зеленый и красный фонари, зажег их в каюте, и потом вместе с Джо они пошли вывешивать их на правый и левый борт.

— Они еще не решаются, — произнес Фриско-Кид полупшепотом.

— На что? — спросил Джо.

— Да на то крупное дело, которое затевается и о котором я тебе говорил. Дело, видно, отчаянное, и Француз-Пит боится рискнуть. Красный Нельсон отправился бы хоть сейчас, да сам он смыслит мало и выжидает, пока Пит согласится.

— Куда же мы теперь? — спросил Джо.

— Не знаю, должно быть, за устрицами, на отмели, судя по направлению.

На этот раз все обошлось без приключений. Ночной ветер, попутный и ровный, держался около часу, затем стих и перешел в неустойчивый ветерок, дувший порывами то с одной, то с другой стороны. Француз-Пит стоял на руле, а Джо и Фриско-Кид иногда подбирали или травили шкоты. Джо никак не мог понять, как это капитан угадывает направление. Ему казалось, что они должны неминуемо заблудиться в окутывающей их непроглядной тьме.

Густой туман надвинулся со стороны океана и, хотя клубился поверху, не спускаясь на поверхность воды, но закрывал от них звезды, лишая их последнего слабого света.

Однако Француз-Пит инстинктивно угадывал направление и на вопрос удивленного Джо похвастался, что он берет "верхним чутьем".

— Я чую течение, ветер и скорость, — добавил он. — Я даже чувствую, когда близко земля. Честное слово! Как это выходит, не знаю сам. Знаю только, что чувствую землю, как будто рука моя тянется, тянется

и, вытянувшись на несколько миль, достает до земли, и я дотрагиваюсь до нее и узнаю, что она лежит там.

Джо недоверчиво посмотрел на Фриско-Кид.

— Правда, — подтвердил тот. — Как поживешь на море лет пять — десять, так научишься узнавать землю чутьем. А у кого обоняние острое, тот и по запаху ее узнает.

Прошло около часа, и Джо догадался по лицу и движениям капитана, что они приближаются к цели своего путешествия. Француз-Пит держался начеку и упорно вглядывался в темноту, как будто выжидая чего-то с минуты на минуту.

Как ни приглядывался Джо, он ничего не мог различить в черной мгле.

— Пощупай дно шестом, Кид, — приказал Француз-Пит. — Я думаю, что пора.

Фриско-Кид отвязал от крыши каюты длинный тонкий шест и, став на узенькой бортовой палубе, погрузил один конец шеста в воду.

— Футов пятнадцать, — сказал он.

— А что на дне?

— Ил.

— Обожди немного и попробуй опять.

Минут через пять шест был опущен снова.

— Двенадцать футов, на дне ракушки!

Француз-Пит потер руки с довольным видом.

— Отлично, отлично! — приговаривал он. — Я всегда попадаю на место. Старика не проведешь! Да, да!

Фриско-Кид продолжал работать шестом и докладывать результаты разведки, а Джо все не мог надивиться глубине их познаний по части морского дна.

— Десять футов — ракушки, — монотонно докладывал Кид. — Одиннадцать — ракушки. Четырнадцать — мягко. Шестнадцать — ил. Нету дна.

— Ага, фарватер, — заметил Француз при последнем известии.

Несколько минут "не было дна", а затем вдруг раздался возглас Фриско-Киды:

— Восемь футов — твердо!

— Стоп! — скомандовал Француз-Пит. — Бегом на нос, Шо, и спусти кливер, а ты, Кид, приготовь к отдаче якорь.

Джо нашел кливер-фал и быстро спустил парус.

— Отдавай! — раздалась команда, и якорь пошел ко дну, которое оказалось на очень незначительной глубине.

Фриско-Кид вытравил за борт еще несколько футов цепи и закрепил ее. Потом убрали паруса, навели порядок, спустились вниз и легли спать.

Было шесть часов утра, когда Джо проснулся и вышел в кокпит взглянуть на погоду. За ночь поднялся сильный ветер, и море разбушевалось. "Ослепительный" качало и подбрасывало на волнах и то и дело неистово дергало на якорной цепи. Чтобы устоять на ногах, Джо ухватился обеими руками за гик, который был у него над головой. День выдался пасмурный, небо заволокло тяжелыми свинцовыми тучами, проносившимися нескончаемой чередой.

Джо искал глазами берег. Он лежал милях в полутора от "Ослепительного". Это была длинная низкая песчаная полоса, о которую разбивался прибой. За нею тянулись унылые болота, а вдали виднелись холмы Контра-Коста.

Взглянув в другую сторону, Джо весьма удивился, заметив на расстоянии какой-нибудь сотни ярдов небольшой шлюп, нырявший на якорь. Он стоял у них с наветренной стороны. На корме его Джо разобрал надпись "Летучий Голландец". Это было одно из тех самых суденышек, которые видел Джо около городской пристани Окленда. Немного левее от него колебалось на волнах "Привидение", а дальше еще с полдюжины парусников.

— Ну что, моя правда?

Джо оглянулся.

Француз-Пит вылез из каюты и торжествовал, наблюдая раскрывшуюся перед ним панораму.

— То-то и оно-то! Говорил я вам, что? Нет, старый не промахнется. Я вижу ночью, как кошка. О! Я свое дело знаю.

— А что, как погода? Разыграется шторм или нет? — раздался голос Фриско-Кида из каюты, где он разводил огонь.

Француз-Пит минуты две всматривался испытывающим взором в небо и море.

— Может, разыграется, а может, и нет, — нерешительно заявил он. — Готовь завтрак поживее, а там попробуем закинуть сеть.

Повсюду над каютами показались дымки, свидетельствовавшие о приготовлении завтрака. На "Ослепительном" с завтраком покончили скоро и тотчас же поставили парус на один только риф и приготовились сняться с якоря.

Джо разбирало сильное любопытство. Очевидно, они находятся среди устричных отмелей. Но как же они ухитряются ловить на дне устриц, да еще в такую погоду? Впрочем, он скоро понял. Откинув настил кокпита, капитан вытащил две треугольные стальные рамы. Он привязал крепкий трос к кольцу, нарочно для этой цели вделанному в вершину каждого треугольника. Прилежащие к этой вершине стороны треугольника — прутья в дюйм толщиной и до четырех футов длиной — расходились почти под прямым углом. Нижняя сторона треугольника, являвшаяся основанием драги, состояла из полосы стали в ярд длиной, усаженной рядом длинных и острых стальных зубьев. Ко всем трем сторонам этой металлической рамы прилажена была в виде большого мешка крепкая рыболовная сеть, назначение которой, как легко догадался Джо, состояло в том, чтобы забирать устриц, которые загребались со дна зубьями драги.

Закрепив тросы обеих драг, их закинули — одну по правую, другую по левую сторону судна. Когда драги опустились на самое дно и растянули до конца привязь, они заметно стали задерживать ход судна. Джо прикоснулся к вытянувшемуся струной тросу и по нему ясно чувствовал толчки и царапанье драги о дно.

— Вытаскивай! — скомандовал Француз-Пит.

Ребята ухватились за трос и вытащили драгу. Сеть была полна ила, тины и мелких устриц, среди которых попадались и крупные.

Содержимое вывалили на палубу, а пустую драгу опять закинули в воду. Крупные раковины отобрали и сложили в кокпит, остальные вышвырнули обратно. Отдыхать было некогда, предстояло опорожнить вслед за тем и другую сеть, а отсортировав добычу, надо было вытащить обе драги, чтобы дать возможность Французу-Питу повернуть "Ослепительный" на другой галс. Вся флотилия занималась тем же делом. Некоторые парусники подходили к ним очень близко, и пираты обменивались приветствиями и перебрасывались отрывистыми словами и грубыми

шутками. Но работа была не из легких: не прошло и часа, как Джо начал выбиваться из сил от непривычного напряжения. У него ломило спину; руки были порезаны до крови от неосторожного обращения с острыми раковинами.

— Отлично, отлично! — подбадривал его Француз-Пит. — У тебя дело идет на лад, ты скоро и этому научишься.

Джо кисло улыбался: он сейчас думал только об отдыхе и обеде. Порою вытаскивались мало наполненные драги, и мальчики могли передохнуть немного и обменяться словечком.

— Вот это Спаржевый остров, — заметил Фриско-Кид, указывая на берег. — По крайней мере, он слывет под этим названием у рыбаков и моряков-каботажников. А местные жители называют его островом Бей-Фарм. — Он показал немного правее. — А повыше — Сан-Леандро. Отсюда не видно, но он в той стороне.

— Ты там был? — спросил Джо.

Фриско-Кид кивнул головой и позвал его вытащить драгу.

— Эти отмели никому не принадлежат, — продолжал он, — их называют заброшенными отмелями, и пираты появляются здесь, притворяясь, что занимаются ловлей.

— Почему притворяясь?

— Да потому что они пираты и потому что им гораздо выгоднее ловить устриц на частных отмелях. — Он повел рукою на восток и юго-восток. — Частные отмели в той стороне, и если сегодня не будет шторма, то вся флотилия двинется туда ночью.

— А что, если шторм?

— Что ж, тогда от набега придется отказаться, а Француз-Пит будет бесноваться, вот и все. Он терпеть не может, когда погода расстраивает его затеи. Но ветер не унимается, а хуже ничего не может быть, как если шторм застигнет у юго-восточных берегов. Пит, пожалуй, заупрямится, а лучше было бы нам убрать подобру-поздорову, не дожидаясь шторма.

Сначала погода как будто стала лучше. Резкий зюйдвест заметно приутих, и около полудня, когда они стали на якорь, чтобы пообедать, из-за туч выглянуло солнце.

— Все это так, — сказал Фриско-Кид пророческим тоном, — но я не даром поплавал по заливу. Шторм только готовится к натиску и сорвется неожиданно.

— Я думаю, ты прав, Кид, — согласился Француз-Пит, — но "Ослепительный" отсюда не уйдет все равно. Прошлый раз мы ушли, а ночь выдалась чудесная. На этот раз будем ждать. Так, что ли, а?

Глава XV

ХОРОШИЕ МОРЯКИ НА СКВЕРНОЙ СТОЯНКЕ

В течение всего остального дня "Ослепительный" отчаянно плясал на якоре, но к вечеру волнение несколько улеглось. Поэтому все собравшиеся на отмель пираты, следуя примеру Француза-Пита, решили попробовать отстояться, пустив в ход запасные якоря.

Француз-Пит заставил обоих мальчиков сесть в ялик, и они, рискуя ежеминутно опрокинуться, завезли и сбросили второй якорь под прямым углом к первому. После этого Пит стал вытравливать якорную цепь и канат второго якоря до тех пор, пока "Ослепительный" не отнесло назад футов на сто, и он спокойно не закачался на волнах.

Джо, укрывшись в кокпите, наблюдал дикую пляску волн. Устричные отмели лежали в открытой бухте, и ветер, гулявший здесь на двенадцатимильном вольном просторе, нападал на суда так неистово, что казалось, вот-вот сорвет мачты. Когда надвинулись сумерки, с наветренной стороны замелькало белое пятнышко; оно приближалось, вырастало, и наконец обозначился огромный парус "Северного Оленя".

— Ах, будь ты неладен! — выругался Француз-Пит, выбегая из каюты. — Когда-нибудь, о, когда-нибудь он нарвется, верьте моему слову! С ним сделается вот этак: крак и пуф! И нет тебе ни Нельсона, ни "Северного Оленя"! Ах, шут его подери!

Джо вопросительно посмотрел на Фриско-Кида.

— Да, это правда, — произнес Фриско-Кид. — Надо было бы Нельсону взять один риф. Два еще лучше. А он распустил паруса так, как будто за ним гонятся дьяволы. Это уже чересчур; зачем поступать так опрометчиво, когда в этом нет ни малейшей нужды? Я с ним плавал и хорошо знаю его повадки.

”Северный Олень” взмыл на пенистом гребне, как птица, и летел прямо на них.

— Ты не бойся, — сказал Фриско-Кид, — он нас не заденет; от только хочет хвастнуть удалством.

Джо кивнул и, не отрываясь, широко открытыми глазами смотрел на эту захватывающую дух картину.

”Северный Олень” взвился на дыбы, носом к небу, оголив весь форштевень; потом кинулся вниз и, вынырнув из пучины, пронесся стрелой мимо ”Ослепительного” на расстоянии менее фута.

На руле стоял Нельсон. Промелькнув мимо шлюпа, он весело захохотал и махнул рукой Французу-Питу, возмущенному его выходкой.

Очутившись позади ”Ослепительного”, великолепное судно повернуло так круто, что казалось, будто оно опрокинулось; но потом оно выпрямилось и как бешеное понеслось новым курсом. Затем стало у них на траверзе. Видно было, как спустился кливер, как якорь полетел за борт и как судно закачалось взад и вперед, а парус заполоскал по ветру, и как вслед за первым якорем бухнулся и второй на порядочном расстоянии от первого.

Парус спустили мигом; свернули и убрали его, казалось, прежде, чем якоря успели забрать за дно.

— Бравый моряк, слов нет; моряк, каких мало!

У Француза-Пита глаза засверкали от восхищения. Фриско-Кид тоже любовался им.

— Как на яхте! — проговорил он, спускаясь в каюту. — Просто как на яхте, даже еще лучше!

К ночи ветер снова грозно завыл и к одиннадцати часам достиг такой силы, что Фриско-Кид объявил наступление шторма.

На ”Ослепительном” спал только Кид. Француз-Пид ежеминутно выходил на палубу. Еще раза два он потравливал канат и цепь. Джо лежал, свернувшись клубочком под своим одеялом, и прислушивался к реву бури, тщетно пытаясь заснуть. Не то чтобы он боялся, но как заснуть непривычному человеку при таком адском треске и грохоте и при такой неистовой качке! Трудно даже представить себе, как это может судно выкидывать такие колена и оставаться целым. ”Ослепительного” так качало, что казалось, вот-вот шлюп опрокинется. Порой он подскакивал и с оглушительным треском снова падал на волны. При этом

казалось, что дно его разлетается вдребезги. Порой его так трепало на якоре, что "Ослепительный" визжал, кряхтел и стонал, как будто от боли во всех своих деревянных суставах.

Фриско-Кид проснулся и с улыбкой поглядел на приятеля.

— Это называется, по-ихнему, отстаиваться, — сказал он. — А вот погляди, что будет дальше, когда на рассвете двинемся. Наверняка несколько шлюпов выбросит на берег, вот увидишь.

И, повернувшись на другой бок, он моментально заснул опять. Джо позавидовал ему.

В начале четвертого Француз-Пит завожился на носу судна. Джо выглянул наружу, желая узнать, что он там делает, и при неверном свете бешено раскачивавшегося морского фонаря увидел, что капитан вытащил две запасные бухты каната и привязывает их к якорным канатам, чтобы удлинить их.

В половине пятого Француз-Пит развел огонь, а в пять позвал мальчиков к завтраку. Напившись кофе, они вылезли в кокпит, чтобы посмотреть на страшную картину шторма. Серое утро слабо озаряло kloко-тавшие волны. Спаржевый Остров различить было трудно, но зато ясно слышен был грохот прибоя у его берегов. Когда совсем рассвело, они увидели, что за ночь их снесло на целые полмили.

Остальные суда также были снесены.

"Северный Олень" стоял почти рядом с ними, "Каприз" находился на сто ярдов позади, а под ветром билось неподалеку от берега еще штук пять устричных шлюпов.

— Двух не хватает, — сказал Фриско-Кид, вооружившись биноклем и осматривая побережье.

— А! Один тут! — воскликнул он и, всмотревшись пристальнее, добавил: — Это шлюп "Поди-Спрашивай". От него скоро ничего не останется: его разобьет в щепы. Надеюсь, команда успела выбраться на берег.

Француз-Пит посмотрел в бинокль, а за ним и Джо. Ясно видно было, как барахтается в бурунах несчастное судно, а на берегу копошатся люди, составлявшие его экипаж.

— А где же "Привидение"? — спросил Француз Кида.

Фриско-Кид тщетно искал его глазами у берегов,

но, повернувшись с биноклем к морю, отыскал его там при свете наступающего дня. Оно преспокойно покачивалось в полумиле от них с наветренной стороны.

— Бьюсь об заклад, что его оттащило за ночь не более чем на сто футов, — сказал Фриско-Кид. — Должно быть, там очень хорошая якорная стоянка.

— Иль, — авторитетно изрек, Француз-Пит. — Оно напало на полосу илистого дна. Но если его снесет с этой полосы пиши пропало! Якоря у него слишком легки и годятся только для илистого дна. Я не раз советовал им завести якоря потяжелей, они только посмеивались. Но когда-нибудь они пожалеют, что не послушались меня, старика, будьте уверены!

Один из шлюпов, стоявших с подветренной стороны, поднял парус и отправился воевать с морем, пытаясь выбраться на простор из этого страшного места. Они следили за ним некоторое время. Он метался, как поплавок, и подвигался вперед чрезвычайно медленно. Француз-Пит оторвал мальчиков от этого зрелища.

— Пора и нам! — крикнул он. — За дело! Два рифа! Надо выбраться отсюда побыстрее!

Только было взялись они за работу, как вдруг услышали предостерегающий окрик.

Оглянувшись, они увидели бешено несущееся на них "Привидение".

Француз-Пит прыгнул на нос, как кошка, выхватил из-за пояса нож и одним взмахом перерезал канат запасного якоря. Оставшись на одной цепи, "Ослепительный" отпрянул в сторону, и как раз вовремя, потому что вслед за этим "Привидение" пронеслось кормой вперед по тому самому месту, где только что стоял "Ослепительный".

— Как? Оно сорвалось с четырех якорей! — вскричал Джо, указывая на четыре каната, которые свисали с носа "Привидения" и вытянулись почти горизонтально.

— На двух из них драги, — усмехнулся Фриско-Кид. — А вот дело дошло и до печки.

И действительно, на палубе "Привидения" появились два парня, которые выбросили за борт обмотанную концом каната камбузную плиту.

— Фью!.. Посмотрите на Нельсона. Он взял риф. Верный знак, что пришел настоящий шторм! — прокричал Кид.

“Северный Олень” приближался к ним, вздымая целые облака пены, подставляя грудь под удары волн, гордо выдерживая натиск шторма, точно какое-то великолепное морское животное.

Красный Нельсон махнул им рукой, проходя за кормой, а спустя четверть часа, когда они выбирали единственный оставшийся у них якорь, он переменял галс и лихо прошелся у них с наветренной стороны.

Француз-Пит, любуясь красавцем, зловеще приговаривал:

— В один прекрасный день случится... пух — и кончено дело! Поверьте.

Минуту спустя “Ослепительный” поднял кливер, и началась упорная, ожесточенная и опасная борьба с бушующим у берегов морем. Джо изумлялся, как такое маленькое суденышко может выдержать хотя бы одну минуту этот бешеный натиск разъяренной стихии.

Но мало-помалу судно отходило от берега и от полосы прибоя на более глубокое место. Отойдя на некоторое расстояние, потравили немного шкот, и “Ослепительный” направился искать защиты за скалистой стеной мола Аламеды, лежавшего в нескольких милях пути. Там они увидели мирно стоявшего на якоре “Северного Оленя”. И туда же вскоре пришли, одно за другим, все остальные суда флотилии, кроме “Привидения”, которое, очевидно, выбросило на берег, чтобы составить компанию “Поди-Спрашивай”.

К полудню ветер как-то сразу прекратился и стало совсем по-летнему тихо и тепло.

— Что-то подозрительно, — заметил Фриско-Кид, когда сумерки спустились над морем и Француз-Пит отправился на ялике к Нельсону в гости.

— О чем ты? — спросил его Джо.

— О чем? О погоде. Затишье что-то слишком внезапное. Буря еще не выдохлась, а она не угомонится до тех пор, покуда не выдохнется окончательно. Жди с минуты на минуту, что она опять вдруг завоет. Она только притаилась, шельма, — вот увидишь.

— Куда мы пойдем отсюда? — спросил Джо. — Опять за устрицами?

Фриско-Кид нерешительно качнул головой.

— Не знаю, что выдумает Пит. Ему не повезло с железом, не повезло с устрицами; он теперь до того

раздосадован, что может выкинуть самую отчаянную штуку. Меня нисколько не удивит, если он отправится с Нельсоном в Редвуд-Сити, где затевается то крупное и рискованное дело, о котором я уж тебе говорил.

— Ну, я не намерен участвовать в нем никоим образом, — решительно заявил Джо.

— Разумеется! — согласился Фриско-Кид. — Они будут орудовать вместе с Нельсоном и его людьми. Народу немало. Обойдутся без тебя.

Глава XVI

ЗАВЕТНАЯ ШКАТУЛКА ФРИСКО-КИДА

После этого разговора ребята провалялись еще около часа на крыше каюты. Затем Фриско-Кид, ни слова не говоря, сошел вниз и зажег лампу. Джо слышал, как он там что-то раскапывал, а немного погодя Фриско-Кид тихонько позвал его. Войдя в каюту, Джо увидел, что друг его сидит в уголке, на коленях держит раскрытую шкатулку, а в руках — бережно сложенную страничку из иллюстрированного журнала.

— Похожа она на эту картинку? — спросил Фриско-Кид, разглаживая печатный листок и поднося его к глазам Джо.

Картинка изображала двух девочек и мальчика, собравшихся, очевидно, где-то на чердаке и о чем-то договаривающихся. Девочка, которая говорила, стояла лицом к зрителю, а другие двое сидели к нему спиной.

— Кто? — спросил Джо, недоуменно переводя глазами с картинки на Фриско-Кида.

— Твоя... твоя сестра.... Бесси?

Слова эти он произнес заикаясь и с какой-то робкой почтительностью и благоговением.

Джо на минуту совершенно опешил. Он не понимал, какую связь имеет эта картинка с его сестрой. Да и вообще девчонки все такие глупые, что на разговоры о них не стоило тратить времени.

”А он краснеет”, — подумал Джо, замечая, что лицо Фриско-Кида покрылось легким румянцем. Ему стало смешно, и он с трудом удержался, чтобы не расхохотаться.

— Нет, нет, не надо! Только не смейся! — вскричал Фриско-Кид, вырывая листок из рук Джо и укладывая

его обратно в шкатулку дрожащими руками. — Я думал... я...думал, что ты поймешь и... и...

Губы у него задрожали, на глаза стали навертываться слезы, и он поспешно отвернулся.

Джо сел с ним рядом и обнял его. Движение это было чисто инстинктивное, безотчетное. Неделей раньше ему показалось бы невероятно глупым и сентиментальным обнимать друга за плечи, но сейчас это было в высшей степени просто и естественно. Он не понимал, почему, но чувствовал, что это выражение симпатии с его стороны было чрезвычайно важно для Фриско-Киды.

— Расскажи все, и я пойму, — настаивал он.

— Нет, нет, ты этого не поймешь. Ты не можешь этого понять.

— Пойму, уверяю тебя. Говори!

Фриско-Кид проглотил комок, стоявший у него в горле от волнения, и покачал головой.

— Не сумею. Я чувствую, но словами выразить не умею.

Джо погладил его по плечу, и Фриско-Кид продолжал:

— Ну, так вот. Видишь ли, я так мало знаю о жизни на суше, о людях и все такое. У меня не было ни братьев, ни сестер, ни товарищей. Я мучился одиночеством, но не понимал этого. Мне чего-то вот тут не хватало. — Он указал на грудь. — Ты когда-нибудь чувствовал голод, острый голод? Так вот это самое чувствовал и я. Только голод какой-то особенный; я и сам не знал, что это. Но раз как-то — это было очень давно — мне попался журнал с этой картинкой с двумя девочками и мальчиком, которые о чем-то между собой разговаривают. И я подумал, как хорошо было бы так сидеть с ними вместе! И я стал думать о них, о чем они говорят, что делают; и вдруг у меня блеснуло в уме, и я понял, в чем дело. Я понял, что меня мучает одиночество.

Но больше всего я думал об этой девочке, которая смотрит оттуда прямо в глаза. Я думал о ней все время, и она стояла передо мной, как живая. Видишь ли, я хорошо понимал, что на самом-то деле ее нет, но в то же время верил, что она живет. Когда я думал о людях, о труде и тяжелой жизни, я знал, что эти люди не настоящие, а только в моих мыслях; но когда я думал

о ней, то нет... Сам не знаю... Я не могу этого объяснить.

Джо вспомнил, как он сам много раз фантазировал, рисуя в воображении различные приключения на суше и на море, и сочувственно кивнул головой. Это, по крайней мере, он вполне понимал.

— Все это, конечно, глупости, но подружиться с такой вот девочкой казалось мне высшим счастьем на свете. Все это было давно; я был еще маленьким мальчишкой — тогда Красный Нельсон и окрестил меня Фриско-Кидом. С тех пор так меня и зовут. Но я никогда не расставался со своей картинкой и постоянно вынимал ее и рассматривал. И когда случалось, что я поступал нечестно, то мне было совестно глядеть на нее. Ну, а потом, когда я подрос, я уже по-другому стал смотреть на все это. "А что, Кид, — думал я про себя, — что, если бы ты встретил такую вот девочку, что бы она подумала о тебе? Могла бы она хоть капельку полюбить тебя, стать твоим другом?" И тогда мне хотелось стать лучше, и я давал себе обещание измениться, что-то такое сделать, чтобы она, или такие, как она, не постыдились бы знакомства со мной.

Из-за этого я выучился читать. Из-за этого я и бежал. Грамоте меня научил маленький грек Ники Перрата. И только когда я научился читать, я узнал и понял, что заниматься пиратством — это очень плохо. Попал на эту дорогу с тех пор, как помню себя; все, кого я знал, занимались этим. Но когда я понял, что это плохо, то сбежал от них и думал, что навсегда. Ну, об этом и о том, как я снова вернулся к пиратам, я расскажу когда-нибудь после.

Конечно, это потому, что я все время думал о ней тогда, мне казалось, что она живая. Да и теперь кое-когда так кажется. Но вот сейчас, во время нашего разговора, я понял вот что. Я понял, что, думая о ней, я думал просто о другой, лучшей, более чистой жизни, о которой я все время мечтаю. Если бы я мог жить такой настоящей жизнью, то я, наверное, узнал бы и таких девочек и других людей вроде тебя. И вот я стал думать о твоей сестре и о тебе, а почему, не знаю сам. А ты, наверно, много знаешь девочек, правда?

Джо кивнул головой.

— Так расскажи мне о них что-нибудь; все равно

что, — добавил он, заметив колебание во взгляде своего товарища.

— О, пожалуйста, это легко, — храбро начал Джо. Он понял, до некоторой степени, чего не хватало этому юноше, и ему казалось совсем нетрудно удовлетворить его желание. — Начать с того, что они похожи... Гм! Ну да, что они похожи на... на девочек... вот именно... на девочек... — Он запнулся и почувствовал, что сказать ничего не может.

Фриско-Кид терпеливо ждал, все его лицо выражало напряженное внимание.

Джо добросовестно мобилизовал все свои умственные способности и весь запас своих сведений.

Перед ним промелькнул целый ряд девочек, с которыми он учился в школе, — сестер школьных товарищей и сестриных подруг; худеньких и пухленьких, высоких и низеньких, голубоглазых и черноглазых, брюнеток и блондинок, с завитушками и без завитушек, — словом, целая процессия девочек всевозможного вида. Но что о них можно сказать? Решительно ничего. Если бы еще он сам был девчонкой, а то ведь нет.

— Все девчонки одинаковы, — заключил он с отчаянием в голосе. — Они все на один манер и ничем не отличаются от тех, которых ты сам знаешь.

— Но я не знаю ни одной.

Джо свистнул...

— И никогда не знал?

— Одну я знал — Карлотту Джиспарди. Но она не умела говорить по-английски, а я не умел по-итальянски. Она умерла. Ну да ладно! Оставим это. Видно, ты знаешь о них столько же, сколько и я, хоть я и не знал ни одной.

— А я наверняка знаю больше твоего о морских приключениях, — отпарировал Джо.

Оба мальчика весело расхохотались. Но разговор этот заставил Джо призадуматься. Ему вдруг стало ясно, что он не ценил, как должно, тех благ, которые выпали на его долю. Хотя дом, мать и отец уже стали значить больше для него с некоторых пор, но о сестре и друзьях он как-то не думал. Он никогда не ценил их по-настоящему, пронеслось у него в голове, но отныне... да, отныне будет иначе!

Тут раздался резкий голос Француза-Пита, звавшего их, и ребята выбежали на палубу.

Глава XVII

ФРИСКО-КИД РАССКАЗЫВАЕТ СВОЮ ПОВЕСТЬ

— Поднять грот, выбрать якорь! — крикнул Пит. — Идем за "Оленем" и без огней!

— Отдавай сезни, живо! — командовал Фриско-Кид. — Теперь выбирай дирик-фал — вон тот конец, — отдай его с нагеля. И не торопись, выбирай наравне со мной. Так! Теперь крепи! Расправим после. Беги на корму и подбери грота-шкот! Поставь румпель на место!

Парус внезапно наполнился ветром, "Ослепительный" дрогнул, рванулся вперед, как нетерпеливая лошадь, и начал дергать якорную цепь, пока якорь не отцепился от илистого дна и не выпустил шлюп на свободу.

— Брось шкот! Сюда, ко мне! Помоги выбрать цепь! Приготовься поднять кливер! — Фриско-Кид преобразился: от мечтательного мальчика с драгоценной картинкой не осталось и следа — на палубе распоряжался строгий и властный моряк. Он перебежал на корму и одновременно с тем, как кливер, поднятый Джо, заполоскал на ветру, повернул судно на другой галс.

В эту минуту во мраке, как огромная летучая мышь, пронесся мимо них "Северный Олень".

— Ну уж мне эти мальчишки! Вы тут целую ночь собираетесь провозиться, я вижу, а? — крикнул Француз-Пит с раздражением.

С борта "Северного Оленя" донесся грубый голос Красного Нельсона:

— Не мели вздора, французик, ведь Кида вышколол я! Этот малый не промах!

У "Северного Оленя" был более быстрый ход, чем у "Ослепительного"; он нарочно убавил паруса, и мальчишки не теряли его из виду. Ветер дул с запада и постепенно усиливался. Небо начали застилать быстро мчавшиеся густые облака. Фриско-Кид закинул голову и посмотрел вверх.

— К утру здорово засвежеет, — сказал он. — Как я и предсказывал.

Прошло несколько часов. Подойдя к Сан-Матео, оба судна остановились и отдали якоря на расстоянии не более одного кабельтова от берега. В море вдавалась небольшая пристань. Неподалеку от нее колыбалась маленькая яхта.

На судах, как обычно, все было приготовлено к быстрому отплытию. В одну минуту по данному знаку можно было поднять якоря и поставить паруса. Оба ялика бесшумно отчалили от борта "Северного Оленя". Красный Нельсон уступил одного человека из своей команды Французу-Питу. На каждом ялике сидело по два человека.

Нельзя сказать, чтобы физиономии этих людей производили приятное впечатление, — по крайней мере у Джо вид этих свирепых, мрачно-суровых лиц вызывал невольную дрожь. Капитан "Ослепительного" опоясался ремненным поясом с двумя револьверами в кобурах и уложил в ялик ружье и крепкие двухшкивные тали. Затем он поднес каждому соучастнику по стакану вина, и все они выпили в темной каюте за успех экспедиции. Красный Нельсон тоже был вооружен, а у его людей на бедрах висели матросские ножи. Они осторожно разместились в яликах, стараясь не производить ни малейшего шума. Француз-Пит уселся последним; он приказал мальчикам соблюдать полную тишину в его отсутствие и не затевать никаких фокусов.

— Вот был бы прекрасный случай для тебя, Джо, если бы только они оставили нам ялик, — прошептал Фриско-Кид, когда шлюпки скрылись в тумане.

— А почему бы нам не уйти на "Ослепительном?" — последовала неожиданная реплика. — Поднять паруса — и след простыл! Пока они там спохватятся!

Фриско-Кид колебался. Дух товарищества давал себя знать. Грешно подводить товарища в опасную минуту.

— Не совсем хорошо, мне кажется, покинуть их в беде на берегу, — сказал он. — Конечно, — поспешил он добавить, — я отлично понимаю, что они затеяли скверную штуку; но помнишь ту первую ночь, когда ты бежал по воде к ялику, а сзади пощелкивали? Мы ведь тебя не бросили!

Джо поневоле пришлось согласиться, но у него блеснула новая мысль.

— Но ведь они пираты, воры, преступники. Они нарушают закон, а мы с тобой не хотим быть преступниками. Кроме того, мы их вовсе не бросаем в беде. У них остается "Северный Олень", — кто им мешает удрать на нем, а в темноте они нас не разыщут.

— Идет! — сказал Фриско-Кид. Хотя он и согласился, но все-таки это было ему совсем не по душе: как никак, дело пахло предательством.

Они ползком пробрались на нос и начали поднимать грот. Ради сбережения времени в крайнем случае можно было не выбирать якорь, а обрезать канат. Но чуть только скрипнули шкивы, как из окружающей темноты донеслось до них предостережение:

— Тсс! — а вслед за тем полусшепотом: — Перестаньте!

Присмотревшись в том направлении, откуда слышался голос, они различили белевшее в темноте лицо человека, следившего за ними с борта соседнего шлюпа.

— Э! Да это юнга с "Оленя". Давай дальше!

Но как только опять скрипнули блоки, раздалось вторичное предупреждение, и в новом тоне:

— Сказано: бросьте фалы, а то всыплю вам горячих!

Угроза эта сопровождалась щелканьем взводимого курка. На этот раз Фриско-Кид неохотно повиновался и с ворчанием направился назад в кокпит.

— Не горюй, еще немало представится случаев, — шепнул он в утешение Джо. — А Француз-Пит хитер! Сообразил, что ты захочешь убежать, и приставил сторожа.

С берега не доносилось ни звука. Неизвестно было, что там проделывали пираты и как шли их дела. Ни одна собака не лаяла, нигде не видно было ни одного огонька. Но воздух казался насыщенным тревогой, и ночная тишина точно таила в себе всевозможные ужасы. Нервы мальчиков были натянуты. Они сидели в кокпите, тесно прижавшись друг к другу, и ждали.

— Ты хотел рассказать мне, как ты бежал, — говорил Джо, — и почему ты вернулся обратно?

Фриско-Кид принялся потихоньку рассказывать, наклонившись к уху товарища:

— Видишь ли, когда я вздумал уйти, у меня не было никого, решительно никого, кто бы мне мог помочь. Я понимал, что единственным выходом для меня было выбраться на берег и подыскать такую работу, которая дала бы мне возможность учиться. Я решил, что в деревне будет легче найти такую работу, чем в городе. Ну я и удрал от Красного Нельсона. Я был тогда на "Северном Олене". Однажды ночью, когда мы стояли на Аламедских устричных отмелях, я выбрался на берег и дал стрекача. Нельсон меня не поймал. Я бежал куда глаза глядят, только бы подальше от берега. Местные жители все были фермеры-португальцы. Никто из них не дал мне работы. Впрочем, время-то я выбрал неподходящее — зима была. Видишь, как я много смыслил о жизни на суше. С двумя или тремя долларами в кармане отправился я дальше в глубь страны, все искал работу, а еду покупал у лавочников — хлеб, сыр и все такое. Работы нигде не мог найти. Ночевал на улице, без одеяла, было очень холодно, и я всегда радовался, когда наступало утро. Но хуже всего было то, что на меня смотрели, как на бродягу, подозрительно, — все, кого я встречал, и нисколько этого не скрывали. Случалось, и даже травили собаками. Казалось, для меня нет места на суше. Скоро деньги мои вышли все до последнего цента.

Пришлось голодать. Но тут как раз меня арестовали.

— Арестовали? За что же?

— Да так себе, ни за что. За то, что живу. Как-то ночью я зарылся в стог сена: там все-таки потеплее спать, — а тут появился полицейский и арестовал меня за бродяжничество. Сначала они думали, что я убежал из дому, и повсюду дали знать о моих приметах. Сколько я ни твердил им, что у меня нет никаких родных, они мне долго не верили.

А потом, когда прошло много времени и никто не объявился, чтобы взять меня, судья отправил меня в приют для беспризорных в Сан-Франциско.

Фриско-Кид замолчал и некоторое время внимательно присматривался и прислушивался, нет ли какого-нибудь движения на берегу. Но там царили мрак и тишина; слышен был только шум ветра.

— Я думал, что сдохну в этом приюте. Это было все равно, что тюрьма. Нас держали под замком, как

арестантов. Но все бы ничего, если бы ребята там были хорошие. А то самые паршивые уличные мальчишки. Они только ввали да ябедничали. Смелости в них ни капельки не было, а о честности и понятия не имели. Мне там понравилось только одно — это книги. О, я читал запоем и прочел их целую кучу. Но ведь этого одного мало! Мне хотелось свободы, солнца, запаха моря! И что я сделал? За что они меня послали в тюрьму вместе с этим сбродом? Я же ничего плохого не хотел; наоборот, я хотел стать лучше, хотел сделаться человеком — и вот что я за это получил. Понимаешь ли, тогда я был еще слишком глуп и наивен, чтобы разобраться во всем этом.

Иногда мне мерещились сверкающие на солнце волны, белые паруса, "Северный Олень", рассекающий воду, — и меня охватывала такая тоска, что я не находил себе места и сам был не свой. А тут ребята приставали ко мне со всякими мерзостями, и я со злости задавал им иногда такую трепку! За это меня наказывали и сажали в карцер. Ну, я не выдержал и сбежал оттуда. Выходит, не было мне места на суше. И я поступил к Французу-Питу и вернулся к прежней жизни. Вот и все. Но я еще раз попробую, когда буду постарше и сумею найти для себя подходящее дело. Я это сделаю непременно.

— Ты уйдешь со мной, — сказал Джо самым решительным тоном, кладя ему руку на плечо. — Вот что ты сделаешь — А насчет...

Бац! — грянул с берега выстрел. Бац! Бац! Оживленная перестрелка не умолкала. Послышался чей-то раздирающий вопль, кто-то стал звать на помощь. Оба мальчика моментально вскочили, подняли паруса и приготовили все к немедленному отплытию. Юнга на "Северном Олене" сделал то же самое. Человек на яхте, разбуженный выстрелами, выставил было из люка испуганное лицо, но, увидев два знакомых шлюпа, тотчас же скрылся. Напряженное ожидание кончилось; настало время действовать.

Глава XVIII

ДЖО ПРИНИМАЕТ НА СЕБЯ НОВУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Якорную цепь укоротили до последней возмож-

ности: она висела отвесно. "Ослепительный" стоял в полной готовности. Оставалось поднять кливер и дать ход. Фриско-Кид и Джо внимательно смотрели на берег. Крики умолкли, но замелькали огни. До их ушей донесся с берега скрип блоков талей, и они услышали грубый голос Красного Нельсона, дававшего команду: "Спускай!.. Бросай!.. Отваливай!.."

— Француз-Пит забыл смазать блок, — заметил Фриско-Кид.

— Чего они там копаются! — крикнул юнга, сидевший на крыше каюты "Северного Оленя", вытирая пот с лица после тяжелой работы: ему одному пришлось поднимать большой парус.

— У них-то, как видно, все в порядке, — откликнулся Фриско-Кид.

— А у тебя все готово?

— Да, все готово.

— Эй, вы! — крикнул человек с яхты, не высовывая, однако, на этот раз головы. — Лучше бы вы убрались отсюда.

— А вы бы лучше помалкивали да посиживали в своей конуре, — последовал ответ. — Мы сами сумеем позаботиться о себе, а вы заботьтесь о своей шкуре.

— Если бы я мог только выбраться отсюда, уж и показал бы я вам!

— Считайте за счастье, что вы не можете выбраться! — отвечал ему юнга с "Оленя", и человек на яхте замолчал.

— А вот и они! — воскликнул вдруг Фриско-Кид.

Два ялика вынырнули из темноты и подошли к борту.

По голосу Француза-Пита легко было догадаться, что между пиратами происходят какие-то пререкания.

— Нет, нет, — кричал он. — Грузите на "Ослепительный". У "Северного Оленя" ход быстрее. Он удерет из-под носа, и лови ветра в поле. Нечего там! Грузи на "Ослепительный"!

— Ну да ладно, пусть будет по-твоему. Разделим после. Поторапливайся! Живо наверх, молодцы! И тащите! У меня рука сломана.

Матросы Нельсона выскочили из лодки, спустили в нее веревки, и все, кроме Джо, ухватились за них и стали тащить. Крики людей где-то у берега, всплеск весел, скрип блоков, хлопанье парусов — все это крас-

норечиво свидетельствовало о том, что на берегу спешно налаживают погоню.

— Ну, — командовал Красный Нельсон, — разом! Смотри, осторожней! Не упускать, а то ялик не выдержит! Пошло! Тяни! Еще! Еще раз! Закинь конец, отдохните!

Хотя подняли только до половины, но все уже изнемогли от чрезмерного напряжения и обрадовались передышке. Джо взглянул через борт, желая узнать, что за тяжесть они поднимают, и различил неясные очертания небольшого канцелярского сейфа.

— За дело! Все вместе! — опять раздался голос Нельсона. — Одним махом, ребята! Хо-хо! Еще раз! Ну еще! Так! Готово!

Запыхавшись и еле переводя дух, они втащили сейф на палубу, перекинули его через комингс и спустили в кокпит. Распахнув дверцы каюты, проволокли его по настилу и поставили рядом с колодцем выдвижного кия. Красный Нельсон взобрался следом за остальными и распоряжался установкой. Левая рука его беспомощно болталась, а с кончиков пальцев капала кровь. Но он, по-видимому, не обращал на это никакого внимания, и его, казалось, несколько не беспокоила та человеческая буря, которую он поднял на берегу и которая, судя по долетавшим звукам, угрожала разразиться над ними ежеминутно.

— Держите курс на Золотые Ворота, — сказал он Французу-Питу, собираясь уходить. — Я постараюсь держаться поблизости; но если я в темноте потеряю вас из виду, то встретимся утром у Фараллоновых островов.

Он прыгнул в ялик вслед за своими матросами и весело крикнул, помахивая здоровой рукой:

— А потом в Мексику, ребята, в Мексику, там тепло!

Как раз в тот момент, когда "Ослепительный" снялся с якоря и, качнувшись, двинулся вперед, за кормой показался темный парус, почти уже наседавший на ялик, шедший у "Ослепительного" на буксире. Кокпит судна преследователей был переполнен людьми, разразившимися ругательствами при виде пиратов.

У Джо мелькнула мысль кинуться на нос и перерезать фалы, чтобы "Ослепительный" попался в плен. Ведь он, Джо, ни в чем не виноват и несколько не

боится суда, как он и говорил Питу. Однако мысль о Фриско-Киде остановила его. Джо хотел уйти от пиратов вместе с Кидом, но вовсе не с тем, чтобы спрятать его в тюрьму. Таким образом, опасность грозившая Фриско-Киду, заставила Джо горячо пожелать, чтобы "Ослепительному" удалось уйти от погони.

Гнавшееся за ними судно, пытаясь обойти "Ослепительный", описало дугу и при этом наткнулось впопыхах на яхту, стоявшую на якоре. Человек, находившийся на ней, полагая, что это пираты и ему пришел конец, заорал благим матом, выскочил на палубу и бросился за борт. Суматоха, вызванная столкновением, и спасение утопавшего затормозили погоню. Тем временем Француз-Пит и мальчики успели скрыться в ночной темноте.

"Северный Олень" давно уже исчез из виду. "Ослепительный" вышел в открытое море и, подгоняемый свежим ветерком, быстро мчался по легкой зыби. Не прошло и часу, как с правой стороны показались огни мыса Хантерс-Пойнт. Фриско-Кид сошел вниз варить кофе, а Джо остался на палубе. Он смотрел на всплывавшее зарево огней Сан-Франциско и думал о том, куда они теперь направятся. Мексика! Как? Неужели они пустятся в океан на этой скорлупе! Быть не может! Представление о путешествии по океану у него связывалось лишь с пароходами и кораблями. Он начинал сожалеть о том, что не перерезал фалов. Ему очень хотелось задать несколько вопросов Питу, но только он собрался раскрыть рот, как этот достойный муж приказал ему идти в каюту пить кофе и спать. Джо и Фриско-Кид улеглись, а Француз-Пит остался один наверху. "Ослепительный" шел по заливу, направляясь в сторону открытого моря. Раза два капитану слышался шум волн, разбираемых о форштевень, а один раз он заметил с подветренной стороны судно, быстро переменившее галс при виде "Ослепительного". Но темнота благоприятствовала Французу, и подозрительный парус скоро исчез и не появлялся более.

Чуть только рассвело, капитан разбудил мальчиков, и они выползли на палубу с заспанными лицами. Утро выдалось холодное, серое; ветер предвещал близкий шторм.

Джо немало удивился, увидев перед собой белые палатки карантина на острове Энджел Айленд. Сан-Франциско выделялся туманным пятном на южном горизонте. Ночь медленно таяла. Француз-Пит держал курс на Ракурн-Стрейтс и внимательно всматривался в нырявшую на расстоянии полумили позади них шлюп-яхту.

— Думают поймать "Ослепительный", кажется, да? Ну, посмотрим, — И он повернул шлюп на другой галс, взяв курс прямо на Золотые Ворота. Яхта двинулась следом. Джо стал наблюдать за ней. Она шла почти параллельным курсом и заметно нагоняла их.

— Но ведь так они нас живо догонят! — вскричал он.

Француз-Пит засмеялся.

— Как бы не так! Они отстают; мы уходим. Они удирают от ветра, а мы выходим на ветер. О! погоди, увидишь!

— Они идут быстрее нашего, — вставил Фриско-Кид. — Но мы держим ближе к ветру. В конце концов мы их обгоним, даже если они осмелятся перейти бар. Но я не думаю, чтобы они на это решились. Смотри, смотри!

Впереди виднелись огромные, грохочущие, пенистые валы океана. Среди бушующих волн входила в гавань, то подкидываемая на гребень гороподобной волны, то низвергаемая в бездну, каботажная паровая шхуна, нагруженная лесом.

Захватывающее зрелище величавой борьбы человека со стихией пленило Джо. Забыв об опасности, он замер на месте; глаза его широко раскрылись, ноздри раздувались от восхищения. Француз-Пит облачился в дождевик и надел зюйдвестку. Джо тоже получил такой же костюм. Потом они вместе с Кидом пошли по приказанию капитана закрепить как следует на месте сейф. Джо во время работы увидел выгравированное на сейфе золотыми буквами название фирмы: "Бронсон и Тейт". Как?! Неужели этот сейф принадлежит его отцу? Неужели это собственность мистера Бронсона и его компаньона? Фриско-Кид, прибавивший к настилу каюты последнюю планку, оторвался от своего дела и взглянул на надпись.

— Вот так фунт!.. — протянул он шепотом. — Это твоего отца?

Джо молча кивнул в ответ. Теперь все было ясно, как на ладони. Они тогда ходили в Сан-Андреас, где разрабатываются обширные каменоломни его отца. По всей вероятности, в сейфе лежат деньги, ассигнованные на выдачу жалованья рабочим и служащим, которых там было больше тысячи человек.

— Молчи! — шепнул он. — Ни слова!

Фриско-Кид кивнул головой в знак согласия.

— Француз-Пит читать не умеет, а Красный Нельсон не знает твоей фамилии. Но беда в том, что ведь они взломают его при первой возможности и деньги между собой поделят. Что ты тут сделаешь?

— Посмотрим!

Джо решил отстаивать собственность своего отца всеми силами. Она, наверное, пропала бы, если бы его не было здесь. Но так как он здесь, то, значит, имеются некоторые шансы спасти ее. Пусть эти шансы сомнительны, но все же теперь они есть. Джо почувствовал на плечах своих бремя новой ответственности.

Несколько дней тому назад у него не было никаких других забот, кроме заботы о себе самом. Но затем, приняв близко к сердцу участь Фриско-Киды, он как-то подсознательно взял на себя ответственность за его будущее; потом, еще более неувлимыми путями, он пришел к осознанию своих обязанностей перед домом, перед сестрой и друзьями. И, наконец, совершенно неожиданно так сложились обстоятельства, что ему необходимо теперь постоять за интересы отца. Это был призыв к его мужеству и смелости. И он всем сердцем откликнулся на этот призыв. Что бы ни сулило будущее, в себе он уверен. И эта его уверенность в силу каких-то таинственных законов еще более увеличивала его решимость. Он впервые смутно отдал себе отчет в той жизненной истине, что уверенность рождает уверенность, а сила — силу.

Глава XIX

МАЛЬЧИШКИ ЗАДУМАЛИ БЕЖАТЬ

— **Н**ачинается! — закричал Француз-Пит.

Оба мальчика выбежали в кокпит. "Ослепительный" переступал бар океана. Перед ними вздымался огромный пенистый вал футов в сорок высотой,

на мгновение закрывший от них ветер и грозивший расплющить крошечное суденышко, как яичную скорлупу. У Джохватило дух. Момент был критический. Француз-Пит повернул шлюп прямо на волну. "Ослепительный" взлетел по ее крутому уклону, повис на головокружительной высоте и низвернулся в пучину. Маневрируя таким образом, чтобы между налетевшими валами дать возможность парусу наполниться ветром, и направляя шлюп прямо навстречу поднимающейся волне, они прошли опасный отрезок пути.

Шлюп нырял и выскакивал из пучины с легкостью поплавка, только один раз волна чуть не захлестнула суденышко.

Джо забыл и о себе и обо всем на свете. А! Вот это жизнь! Вот это настоящая деятельность! Это не похоже на то дряблое существование, которое он так долго влачил. Матросы встречного парохода, столпившиеся на мокрой палубе, заваленной лесом, приветственно махали зюйдвестками, и даже капитан, стоявший на мостике, восхищался дерзким суденышком.

— Посмотрите-ка, посмотрите! — Француз-Пит указывал на корму.

Преследователи, как видно, трусили. Шлюп-яхта заметалась из стороны в сторону, не решаясь переступить через грозный порог. "Ослепительный" ушел от погони.

Лоцманский бот, спасаясь от надвигавшейся бури, промчался мимо, как испуганная птица, и так стремительно обогнал пароход, что, казалось, тот стоит на месте.

Получасом позднее "Ослепительный", выбравшись из бурунов, плавно скользил по длинной тихоокеанской волне. Скорость ветра увеличилась, и пришлось взять рифы. Но потом опять распустили паруса и понеслись правым галсом на Фараллоны, до которых было миль около тридцати. После завтрака они увидели "Северного Оленя", лежавшего в дрейфе; его сносило на юго-запад. Штурвал был закреплен неподвижно, и на палубе не видно было ни души.

Француз-Пит возмущался такой беспечностью.

— Черт его знает, что он делает, этот Красный Нельсон! Забубенная голова: ему все нипочем! Ничего не боится. Уж напорется он когда-нибудь!

Им пришлось три раза обойти вокруг "Северного Оленя" и кричать хором во все горло по ветру. Наконец, появились люди на палубе. На "Олене" быстро поставили паруса, и обе скорлупы двинулись вперед, в безграничные просторы Тихого океана.

Фриско-Кид объяснил Джо, что необходимо уйти как можно дальше от берегов, пока еще не обрушился на них бешеный шторм. Иначе их отнесет к берегам Калифорнии. Когда пройдет шторм и наступит затишье, можно будет подойти к какому-нибудь берегу и заpastись водой и провиантом. Хорошо, что он, Джо, не страдает морской болезнью. Последнее обстоятельство поднимало престиж юного строптивого моряка и в глазах капитана — Пит тоже похвалил его за это.

— Знаешь что, — шепнул Фриско-Кид своему товарищу, когда они готовили обед, — давай нынче ночью скрутим Пита...

— Как так?

— Ну да, скрутим — и только. А потом выставим огни и направимся к берегу, зайдем в первый попавшийся порт, только бы избавиться о Красного Нельсона.

— Да, — задумался Джо, — план этот был бы хорош, если бы я мог все это сделать один. Но чтобы ты помогал мне... нет, с твоей стороны это было бы предательством по отношению к Французу-Питу.

— Вот что мы сделаем: я берусь тебе помочь, если ты мне пообещаешь одну вещь, — сказал Фриско-Кид. — Француз-Пит взял меня к себе, когда я бежал из приюта и умирал с голоду, и мне некуда было деваться. Было бы нечестно с моей стороны отплатить ему за это тюрьмой. Твой отец не захотел бы, чтобы ты нарушил свое слово, ведь правда?

— Нет, разумеется, нет. — Джо отлично было известно, как свято соблюдал отец свое слово.

— Так ты должен пообещать, и отец твой должен постараться, чтобы Пит не попал в тюрьму.

— Прекрасно. Ну, а ты-то куда же? Неужели опять с ним на "Ослепительном"?

— О, обо мне беспокоиться нечего! Кому я нужен? Я уже не маленький и в своем деле набил руку настолько, что могу поступить на службу матросом. Заберусь куда-нибудь на край света и начну новую жизнь.

— В таком случае перестанем об этом говорить, вот и все.

— О чем — об этом?

— О твоём предложении насчет Пита и прочем.

— Нет, нет! Это решено и подписано.

— Послушай, я говорю серьезно. Я ни в коем случае не пойду на это. Если ты, со своей стороны, не дашь мне обещания, то я предпочту идти в Мексику.

— Какое обещание?

— Вот какое: с той минуты, как мы вступим на землю, ты целиком подчиняешься мне. Ведь ты сам говорил, что не имеешь никакого представления о жизни на суше. А уж я сговорюсь с отцом, я знаю, ты познакомишься с подходящими людьми, будешь учиться, получишь какую-нибудь специальность и станешь работать где-нибудь. Это ведь лучше, чем оставаться пиратом или идти в матросы.

Хотя Фриско-Кид и молчал, но выражение лица юноши выдавало его отношение к этой заманчивой перспективе.

— И, кроме того, не забывай, что ты будешь иметь на это полное право, — продолжал настаивать Джо. — Ты будешь помогать мне и тем самым поможешь отцу вернуть деньги. Таким образом, он становится твоим должником.

— Ну, это я не люблю. Я презираю людей, которые помогают в беде только за плату.

— Замолчи, пожалуйста! Ты не знаешь, во что обойдется моему отцу сыскной розыск! Ну, обещай же, и кончено дело! А когда я все устрою и тебе вдруг что-нибудь не понравится, ты всегда сможешь уйти обратно в море. Ну, согласен?

Они ударили по рукам и занялись обсуждением рискованного плана.

Но шторм, налетевший с северо-запада, разрушил все замыслы друзей и приготовил "Ослепительному" иную участь. После обеда пришлось взять вторые рифы, хотя буря еще не разыгралась в полную силу. Океан бушевал; волны громоздились, как горы, казавшиеся непомерно огромными и страшными с низкой палубы шлюпа.

С обоих шлюпов могли видеть друг друга только в те минуты, когда им случалось одновременно очутиться на гребне волны. Порой волны заплески-

вали в кокпит и перекатывались через крышу каюты. Джо поручено было откачивать воду помпой.

В четвертом часу Французу-Питу удалось подать знак "Северному Оленю", что "Ослепительный" ложится в дрейф и становится на плавучий якорь. Последний представлял собой просторный брезентовый мешок, отверстие которого поддерживалось раскрытым посредством связанных треугольником металлических стержней. К ним были привязаны буксирные тросы по принципу воздушного змея. Таким образом, воде противопоставлялась наибольшая противодействующая поверхность, и благодаря этому шлюп держался все время носом против ветра и волны — самое безопасное положение для судна во время шторма. Красный Нельсон махнул рукой, давая знать, что понял сигнал и согласен.

Пит взялся сам сбросить якорь, приказав Фриско-Киду повернуть вовремя руль и поставить судно против ветра.

Капитан, с трудом удерживаясь на скользкой палубе, выжидал подходящего момента.

Но как раз в ту минуту, когда "Ослепительный" очутился на гребне громадной волны и выпрямился на ровный киль, налетел бешеный порыв ветра. Напор на паруса и снасти был так велик, что они не выдержали. Раздался треск. Талрепы, ванты, мачта, кливер, грот, блоки, плавучий якорь и сам Пит — все грохнулось за борт. Каким-то чудом капитан уцелел. Он успел ухватиться за ватерштаг и дотянулся до бушприта. Мальчики подбежали и втащили его на палубу. Красный Нельсон, заметив крушение, переложил руль и бросился к ним на выручку.

Глава XX

КРИТИЧЕСКИЕ МИНУТЫ

Француз-Пит остался цел и невредим. Но мешок плавучего якоря был поврежден: его проткнуло насквозь гафелем, обрушившимся вместе с мачтой. Обломки, бившиеся о борт судна, отклоняли шлюп от прямого направления навстречу волнам, и положение становилось опасным.

— Прощай, старина "Ослепительный"! Теперь уж

мы больше не будем протирать с тобой ветру глаза. Не будем обгонять щегольские господские яхты и сбивать с джентльменов спесь.

Так слезно причитал капитан, стоя в кокпите и окидывая печальное зрелище помутившимся взором. Даже Джо, который сильно его недолюбливал, почувствовал к нему жалость в эту минуту. Жестокий порыв ветра сорвал гребень волны и обрушил его на беспомощное судно-калеку.

— Неужели нельзя спасти его? — растерянно проговорил Джо.

Фриско-Кид отрицательно покачал головой.

— А сейф?

— И думать нечего! Никакое судно не отважится подойти близко к нашему борту за все золото Соединенных Штатов. Придется еще поломать голову над тем, как бы нам-то уцелеть.

Набежала другая волна и разбила взребезги о корму уже давно перед тем захлебнувшийся ялик. Вдруг над ними из вершины водяного холма вырос парус "Северного Оленя".

Джо в ужасе отшатнулся: казалось, судно рухнет им на голову. Но в следующее мгновение оно провалилось в бездну, и они увидели его далеко внизу под собою. Подобные минуты не забываются. Картина была поразительная. "Олень" трепетал, весь окутанный белоснежной пеной, зарываясь в воду по самый кокпит. Брызги стояли облаком в воздухе и придавали картине фантастический вид. Один из матросов, каким-то чудом удерживаясь на палубе, старался отвязать отяжелевший от воды ялик. Юнга, перегнувшись через коминг кокпита и изо всех сил вцепившись в него, протягивал ему нож. Третий матрос стоял на руле, заставляя судно уклоняться под ветер. Рядом с ним стоял Красный Нельсон. Зюйдвестку с головы у него сорвало, и рыжие кудри мокрыми прядями разметались по лицу. Рука была на перевязи. Вся его осанка дышала неукротимой отвагой и силой. Глаза сияли восторженным блеском. Джо внезапно проникся благоговейным уважением к этому человеку. Какими огромными дарами наделила его природа и как жаль, что они расточаются им на ветер! Пират и разбойник! В это мгновение извечная истина жизни как бы озарила сознание Джоон постиг тайну успеха и

причину неудач. Жизнь вдруг распахнула перед ним свою заветную книгу, и он мог читать ее страницы. Из таких характеров, как у Красного Нельсона, создаются герои; такие люди обладают тем, чего ему недостает: умением выбирать, расчетливостью, трезвым самообладанием — словом, всеми теми качествами, о которых ему отец столько раз "читал проповеди".

Все эти мысли молнией промелькнули у него в голове. Между тем "Северный Олень", подброшенный кверху огромным валом, со свистом пролетел у них мимо самого носа с подветренной стороны.

— Ох, отчаянная голова! — воскликнул Пит, с восхищением наблюдая за маневрами шлюпа. — Он норовит перекинуть парус на другой галс. Он погибнет и нас всех потопит. Вот, вот, поворачивает! О сумасбродный безумец!

Но время не терпит, и Красный Нельсон решился рискнуть. Улучив момент, он перекинул парус и пошел с попутным ветром к "Ослепительному".

— Вот он, близко! Готовься, прыгай! — крикнул товарищу Фриско-Кид.

"Северный Олень" пронесся мимо кормы, накрываясь так низко, что иллюминаторы его каюты зарылись в воду. Казалось, столкновение неминуемо. Но капризом волны его откинуло в сторону. Видя, что маневр не удастся, Красный Нельсон моментально придумал другой.

Крутой поворот руля мигом повернул летевшего на них "Оленя", и он подставил свой нависший гик к самому борту "Ослепительного". Ближе всех был Француз-Пит. Надо было ловить момент. Француз прыгнул, как кошка, и уцепился за него обеими руками. "Северный Олень" подхватил его и понесся вперед, окуная добычу в каждую волну, но Пит крепко держался и подбирался к борту все ближе и ближе, пока наконец не очутился в кокпите. Красный Нельсон в эту минуту уже поворачивал, собираясь повторить тот же самый ход.

— Твоя очередь, — сказал Фриско-Кид, обращаясь к Джо.

— Нет, прыгай ты, — ответил Джо.

— Но я все-таки более опытный моряк, — настаивал Кид.

— Плавать я мастер тоже, — возражал ему Джо.

Чем бы кончился спор, неизвестно, но быстрая смена событий сделала всякое соглашение излишним. "Северный Олень" уже несся назад, накренившись под таким углом, что казалось вот-вот опрокинется. Картина была необыкновенная. В ту же минуту шторм разразился с неистовой силой. Ветер взревел и пригладил косматые гребни. Океан закипел. "Северный Олень" пропал из виду: его заслонила чудовищная волна. Волна прокатилась, но шлюп не показывался: его уже не было.

Испуганным взором опешивших мальчиков предстала пустыня бушующих волн. Они озирались, не веря глазам: "Северного Оленя" нигде не было видно. Они остались одни, покинутые на произвол разъяренной стихии.

— Упокой, господи, их грешные души! — торжественно произнес Фриско-Кид.

Джо был так потрясен катастрофой, что не мог издать ни единого звука.

— Судно опрокинулось и ключом пошло ко дну: на нем было очень много балласта, — пробормотал Фриско-Кид. Затем он добавил: — А теперь нам надо думать о своем спасении. Этот взрыв был последней вспышкой шторма. Но когда он начинает стихать, волны становятся еще выше. Давай действовать, только держись покрепче, чтобы не снесло. Надо поставить шлюп носом прямо к волне.

Вооружившись ножами, они рядышком осторожно подвигались к тому месту, где перепутанные обломки и обрывки снастей отчаянно колотились о борт. Фриско-Кид руководил опасной работой. Джо исполнял его приказания, как бывалый моряк. Ежеминутно обоих мальчиков захлестывало водой и кидало из стороны в сторону. Они постарались привязать главную массу обломков к носовому битенгу, а затем, барахтаясь и захлебываясь в воде, принялись резать и рубить спутавшиеся шкоты, фалы, штаги и тали. Кокпит быстро наполнялся водой. Приходилось торопиться, чтобы идти откачивать воду. Наконец им удалось очистить все; оставалось только справиться с такелажем подветренной стороны. Фриско-Кид отсек фалы. Остальное доделал шторм. "Ослепительный" сразу переменял положение и развернулся носом к волнам.

Немного передохнув, обрадованные первой

удачей, мальчики перебрались в кокпит, где воды уже было по колено и дощатый настил каюты всплыл. Достав ведра из кормового ящика, они стали усердно вычерпывать воду. Работа была страшно неблагодарная, вода снова и снова заливала шлюп, но они продолжали упорно делать свое дело, и когда наступила ночь, "Ослепительный" уже спокойно покачивался на импровизированном плавучем якоре и мог похвалиться тем, что и помпы его снова действовали. Как верно предсказал Фриско-Кид, буря начала выдыхаться, хотя ветер, изменив направление, все еще был довольно крепким.

— Если он только не сдаст, — сказал Фриско-Кид, говоря про западный ветер, — то завтра нас отнесет к берегам Калифорнии. Остается сидеть сложа руки и ждать.

Разговор не клеился. Оба были подавлены гибелью товарищей и страшно изнурены; сидели молча, прижавшись друг к другу, содрогаясь от холода и чувства заброшенности. Промокшие до костей, они оставались в чем были, так как им не во что было переодеться. Все решительно: пища, одеяла, белье — было насквозь пропитано морской водой. Ночь тянулась бесконечно долго. Порой они забывались дремотой, но, засыпая, поминутно вздрагивали и будили друг друга.

Наконец рассвело, они огляделись. Ветер и волны уgomонились, и "Ослепительный", несомненно, вышел из борьбы победителем. Берег оказался ближе, чем они предполагали, и сквозь дымку серого утра виднелись смутные очертания прибрежных скал. С восходом солнца они разглядели желтую песчаную отмель, окаймленную белой пеной, а позади нее — трудно было поверить этому счастью — обозначались громоздившиеся дома и дымившие трубы какого-то города.

— Санта-Крус! — закричал Фриско-Кид. — Мы избегнем бурунов.

— Значит, сейф спасен? — спросил Джо.

— Разумеется! Правда, для больших судов этот рейд неудобен, но мы с помощью этого ветерка попадем прямо в устье реки Сан-Лоренцо. Там есть нечто вроде маленького озера и пристань. Вода как зеркало, и глубина в рост человека. Однажды мне здесь при-

шлось побывать с Красным Нельсоном. За дело! К завтраку будем там.

Вытащив из ящика запасной канат, он связал его мертвым узлом с канатом импровизированного плавающего якоря и перенес на корму, где и прикрепил к кормовому битенгу. После этого он отвязал канат от носового битенга, и шлюп повернулся сначала боком, а потом кормой к волнам и стал носом к берегу.

Из двух запасных весел и двух мокрых одеял мальчики соорудили мачту и парус. Установив все как следует, Джо отвязал тянувшиеся на буксире остатки рангоута, и Фриско-Кид взялся за румпель.

Глава XXI

ДЖО И ЕГО ОТЕЦ

— Ну что, капитан? — спросил Фриско-Кид, управившись со швартовыми и закрепив шлюп у маленькой пристани. — Что вы теперь прикажете делать?

Джо посмотрел на него вытаращенными глазами.

— Как это... Я? В чем дело?

— Ты же теперь капитан! Разве мы не добрались до суши? Отныне я подчиняюсь твоей команде. Что прикажете делать?

Джо понял наконец и скомандовал:

— Свистать всех наверх к завтраку!.. Впрочем, нет, подожди немного.

Сойдя вниз, он отыскал узелок, в котором находились деньги, захваченные им из дому, потом запер на ключ дверь каюты, и они отправились в город искать ресторан. За завтраком Джо набросал в уме предстоящий план действий и сообщил его Фриско-Киду.

Справившись в кассе о том, когда отходит в Сан-Франциско утренний поезд, он взглянул на часы.

— Как раз время, — сказал он Фриско-Киду. — Держи дверь каюты на замке и не пускай никого на борт. Вот тебе деньги. Обедай и ужинай в ресторане. Высуши одеяло и ночуй в кокпите. Я приеду завтра. И смотри не пускай никого в каюту. До свиданья!

Пожав наскоро руку приятеля, он поспешил на вокзал.

Контролер, проверявший билеты, посмотрел на него с удивлением. Да и понятно: ему редко прихо-

дилось видеть пассажиров в морских сапогах и зюйд-вестках. Но Джо не обратил на это внимания. Он даже не заметил удивленного взгляда контролера и сразу углубился в чтение газеты, которую он купил на вокзале. Его внимание привлек интересный заголовок:

Следы потеряны

Буксирный пароход "Морская королева", зафрахтованный Бронсоном и Тейтом, вернулся после бесплодных поисков у побережья Хедса. Он не обнаружил никаких следов дерзких пиратов, похитивших в Сан-Андреас во вторник ночью сейф, принадлежащий указанной фирме. Смотритель Фараллонского маяка заявил, что в среду утром заметил два шлюпа, выходивших в открытое море во время начинавшейся бури. Полагают, что пираты погибли вместе со своей преступной добычей. Носятся слухи, что в ящике, кроме десяти тысяч долларов золотом, находились также весьма важные документы.

Пробежав эту заметку, Джо вздохнул с облегчением. Ясно, что в ту страшную ночь никакого убийства не произошло, иначе репортер непременно упомянул бы об этом факте. Точно так же очевидно, что никому еще не известно о его собственном местопребывании, иначе сенсационная новость облетела бы все газеты.

На городском вокзале в Сан-Франциско публика оглядывалась на мальчика в странном костюме, наминавшего кеб. Но Джо не стеснялся нисколько, он очень спешил: надо было застать отца в конторе, пока тот еще не отправился домой завтракать.

Рассыльный мальчик сердито посмотрел на Джо, когда тот влетел в прихожую и потребовал, чтобы о нем доложили мистеру Бронсону. Вызванный им старший клерк тоже не сразу узнал Джо.

— Неужели вы меня не узнаете, мистер Виллис?

Мистер Виллис вторично оглядел бесцеремонного незнакомца.

— До это же Джо Бронсон! Подумать только! Откуда же это вас принесло? Войдите, ваш отец у себя в кабинете.

Мистер Бронсон перестал диктовать секретарю и оглянулся.

— Привет! Где это ты пропадал? — обратился он к сыну.

— Я был в плавании, — отвечал застенчиво Джо, не зная, в сущности, чего ему ожидать, и нервно теребя свою зюйдвестку.

— Небольшая прогулка? Да? Хорошо провел время?

— Да так себе. — Джо подметил веселые искорки в глазах отца и понял, что ему бояться нечего. — Недурно, говоря относительно.

— Относительно?

— Ну да. Вернее сказать, могло бы кончиться плохо, а между тем вышло как нельзя лучше.

— Интересно. Присядь-ка! — Мистер Бронсон обратился к секретарю: — Можете идти, мистер Браунд, и... сегодня вы мне больше не понадобится.

Джо был тронут простотой и непринужденностью оказанного ему приема и чуть не заплакал. Отец держал себя так, как будто ничего не случилось. Можно было подумать, что Джо вернулся домой после каникул или после деловой поездки.

— Ну, теперь продолжай, Джо, рассказывай! Ты начал так загадочно, что заинтриговал меня в высшей степени.

Джо уселся и рассказал все, что было, все решительно, начиная с вечера понедельника и до последнего часа сегодняшнего утра. Он передал все подробности, даже все свои разговоры с Фриско-Кидом и сообщил те планы, которые строил на его счет. Лицо у Джо разгорелось, он рассказывал с жаром. Мистер Бронсон молча, с огромным интересом слушал его и только иногда задавал ему тот или другой вопрос.

— Таким образом, — сказал Джо в заключение, — вы теперь видите, что все вышло очень хорошо.

— Все это так, — задумчиво произнес мистер Бронсон. — Может быть, да, а может быть, и нет.

— Почему нет?

Джо испытывал острое разочарование. Сомнительное одобрение отца задело его за живое. Ему казалось, что спасение сейфа заслуживало более уверенной оценки с его стороны.

Ясно было, что мистер Бронсон отлично понимал настроение сына, так как он добавил следующее:

— Что касается сейфа, поздравляю тебя, мой друг! Ты молодец! Мы с мистером Тейтом истратили уже пятьсот долларов на его розыски. Вернуть сейф было

настолько важно, что мы назначили пять тысяч долларов вознаграждения тому, кто найдет его, и не далее как нынче утром обсуждали вопрос об увеличении этой суммы. Однако... — Мистер Бронсон поднялся с места, и ласково положил руку на плечо мальчика. — На свете есть вещи подороже и поважнее золота и всех бумаг, его заменяющих. Что ты скажешь относительно *тебя самого* — вот в чем вопрос. Уступил бы ты будущие возможности твоей жизни за миллион долларов?

Джо покачал головой.

— Вот в том-то и дело! Ни за какие деньги в мире нельзя купить жизни человеческой, и никакими деньгами нельзя искупить дурно проведенной жизни: деньги не способны украсить, наполнить и выпрямить жизнь того, кто себя искалечил, кто испортил свою жизнь. Что ты скажешь относительно себя самого? Как отразятся все эти приключения на твоей собственной жизни, Джо? Успокоился ты на этом или завтра же или послезавтра снова уйдешь из дому пробовать свои силы в жизни? Понимаешь ты или нет? Неужели, Джо, ты можешь допустить хотя бы на минуту, что я могу поставить на одну доску сокровище жизни сына и какой-нибудь жалкий сейф? И могу ли я сказать, пока не покажет время, что эта прогулка привела к самым лучшим результатам и послужила тебе на пользу? Подобный эксперимент может одинаково повести и к худу и к добру. Один доллар вполне заменит другой: они похожи как две капли воды, и их много на свете, но другого Джо нет, и никто не мог бы заменить мне вот этого! Ты не согласен, Джо? Ты все еще не понимаешь меня?

Голос мистера Бронсона чуть дрогнул, и Джо зарыдал так, как будто сердце его разрывалось на части. До сих пор он не понимал своего отца и не понимал той боли, которую он ему причинял, не говоря уже о матери и сестре. Но за последние четверо суток в нем произошел перелом. Он яснее взглянул на жизнь и на человеческие отношения. Он стал говорить отцу о тех наглядных уроках, которые получил за это время. Он рассказал ему о своих выводах из бесед с Фриско-Кидом, из столкновения с Французом-Питом, о том неизгладимом впечатлении, какое произвела на него картина гибели "Северного Оленя" и Красного Нельсона, проглоченных океаном.

И мистер Бронсон внимательно слушал и, в свою очередь, понял сына.

— Но как же насчет Фриско-Кида, отец? — спросил Джо, закончив свое повествование.

— Гм... Судя по твоим словам, он мальчик весьма энергичный, и из него выйдет толк. — Мистер Бронсон прищурился, утаивая блеснувшую в его глазах искорку. — Я полагаю, что он сумеет стать на ноги и без нашей помощи.

— Сэр?! — Джо не верил своим ушам.

— Дело вот в чем. В настоящее время он должен получить от нас половину обещанной суммы, другая половина принадлежит тебе. Вы ведь оба позаботились о том, чтобы сейф не очутился на дне Тихого океана, и если бы вы подождали немного, то мы с мистером Тейтом повысили бы сумму вознаграждения.

— О! — Джо начинал понимать. — Что касается меня, то я просто отказываюсь от своей доли, и только. Но что до другой части... это не совсем то, чего хочет Фриско-Кид. Ему нужны друзья... и... и... хоть вы этого и не сказали, но друзья дороже денег, и их не купишь за деньги. Ему нужны друзья и возможность учиться, а не две с половиной тысячи долларов.

— Не лучше ли будет предоставить выбор ему самому?

— О нет! Об этом мы уже договорились с ним.

— Договорились?

— Да, договорились. Он был моим капитаном на море, а я буду его капитаном на суше. Теперь он у меня под командой.

— Итак, ты выступаешь в качестве его поверенного при настоящих переговорах? Хорошо. Я вношу предложение. Две с половиной тысячи долларов остаются у меня на хранение и будут выданы по его первому требованию. О твоей доле мы потолкуем после. Затем он пройдет испытательный срок для пробы, скажем, годовой, поступив на службу в нашу контору. Ты можешь взять на себя руководство его учебными занятиями, ибо я уверен, что теперь ты будешь учиться прилежнее. Или же он будет посещать вечернюю школу. А затем, если после испытательного срока он окажется на высоте положения, я возьму на себя заботу о его образовании, так же как о твоём. Все это

будет зависеть от него самого. Ну, господин поверенный, что вы скажете относительно моих предложений, касающихся интересов вашего клиента?

— Я скажу, что охотно принимаю их.

Отец и сын обменялись крепким рукопожатием.

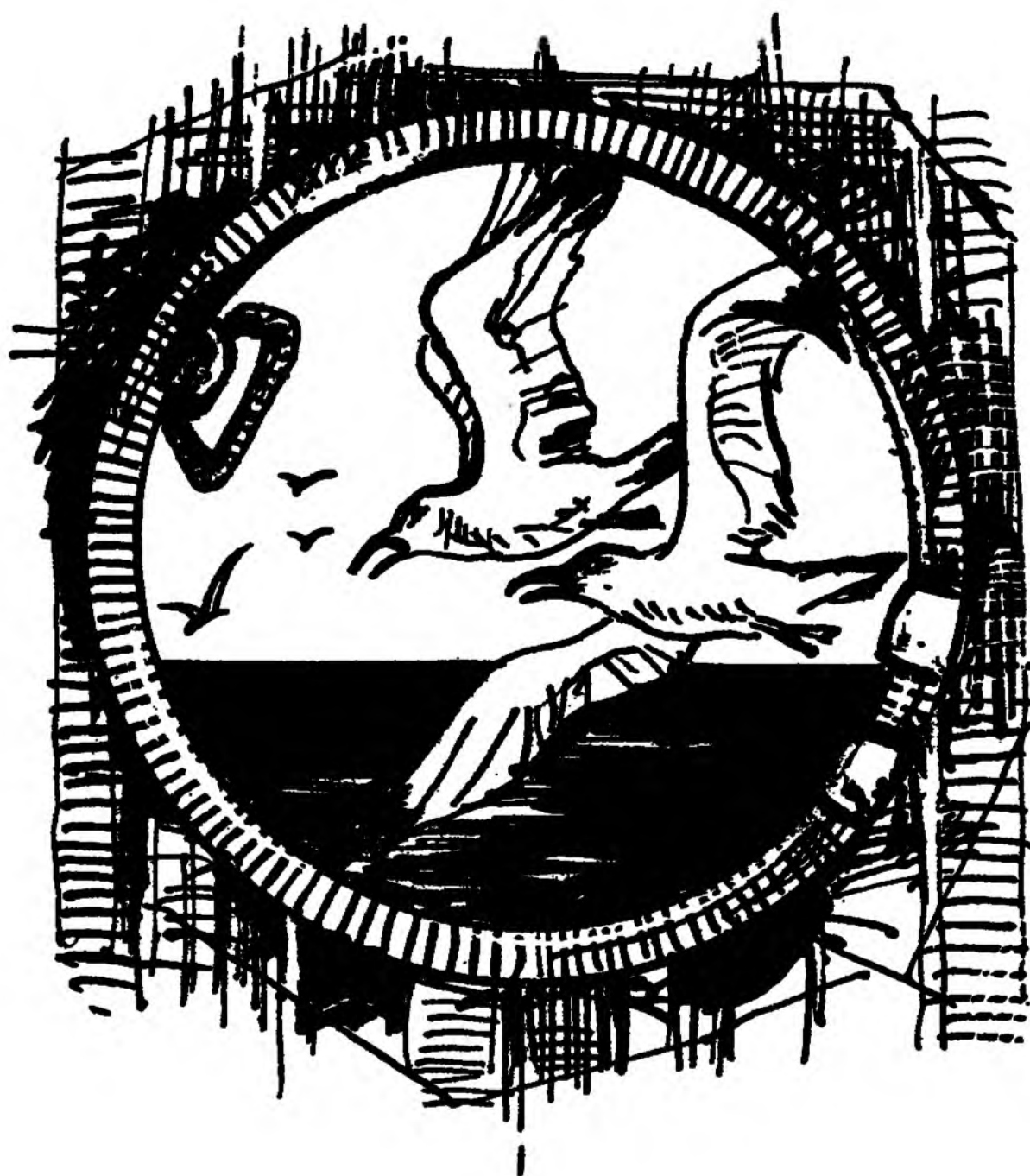
— А что ты намерен теперь делать, Джо?

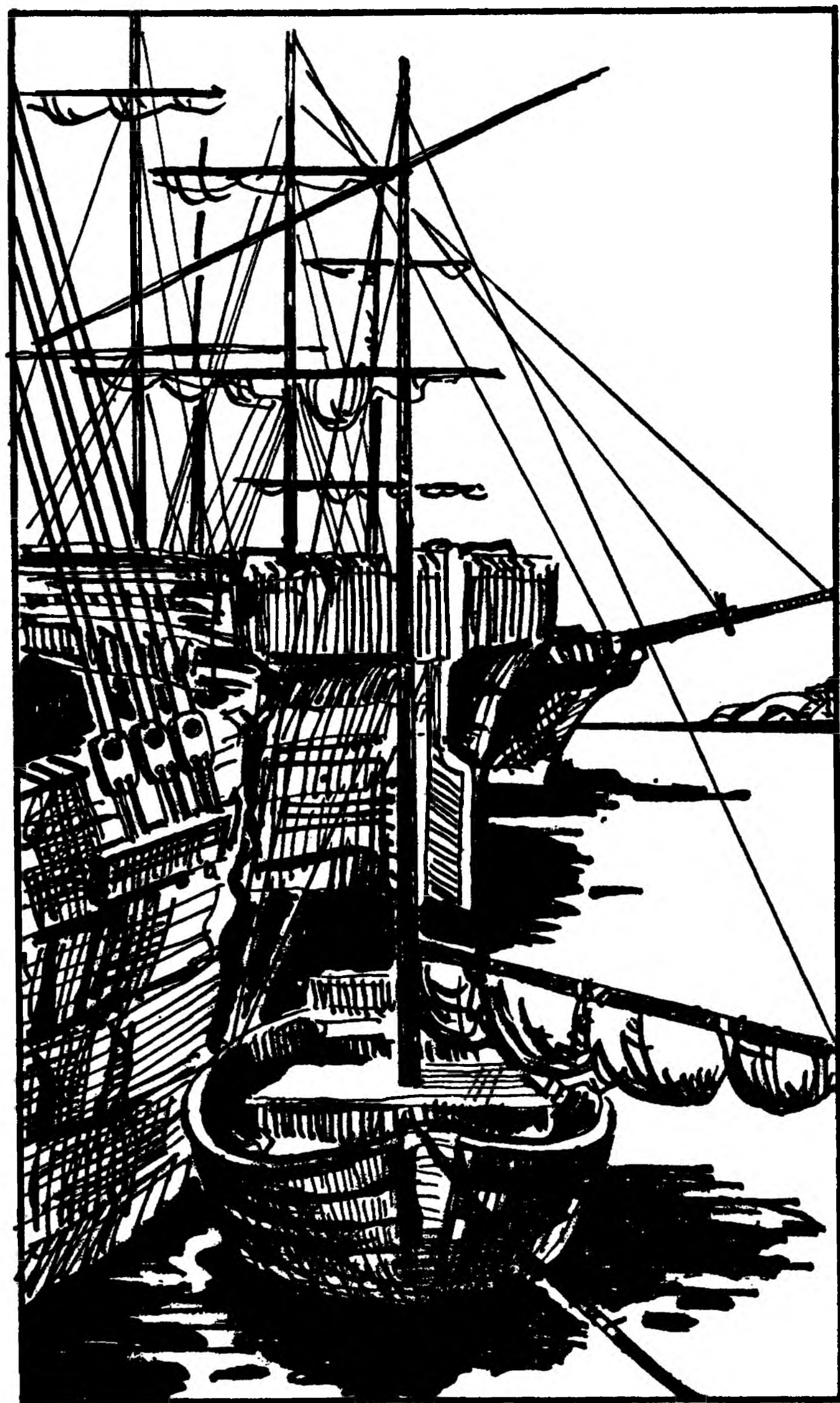
— Прежде всего пошлю телеграмму Фриско-Киду, а потом побегу домой.

— В таком случае подожди немного: я позвоню в Сан-Андреас и сообщу мистеру Тейту приятную новость, а потом отправимся домой вместе.

— Мистер Виллис! — сказал мистер Бронсон, уходя из конторы. — Андреасовский сейф отыскался, и мы по этому случаю будем сегодня праздновать. Будьте любезны сообщить нашим клеркам, что они свободны на сегодняшний день. Ах, да, — обернулся он, входя в лифт, — не забудьте, пожалуйста, отпустить и рассыльного мальчика.

РАССКАЗЫ
РЫБАЧЬЕГО
ПЛАТЮЛЯ

БЕЛЫЕ И ЖЕЛТЫЕ

Залив Сан-Франциско так огромен, что штормы, которые на нем свирепствуют, для океанского судна подчас страшнее, чем самая яростная непогода на океане. Какой только рыбы нет в этом заливе, и какие только рыбачьи суденышки с командой из лихих удалцов на борту не бороздят его воды! Существует много разумных законов, призванных оберегать рыбу от этого пестрого сброда, и специальный рыбачий патруль следит, чтобы законы эти неукоснительно соблюдались. Бурная и переменчивая судьба выпала на долю патрульных: часто терпят они поражение и отступают, не досчитавшись кого-нибудь из своих, но еще чаще возвращаются с победой, уложив браконьера на месте преступления — там, где он незаконно закинул свой сети.

Самыми отчаянными среди рыбаков были, пожалуй, китайские ловцы креветок. Креветки обычно ползают по дну моря несметными полчищами, но, добравшись до пресной воды, сразу поворачивают назад. Китайцы, пользуясь промежутками между приливом и отливом, забрасывают на дно ставной кошельковый невод, креветки заползают в него, а оттуда попадают прямехонько в котел с кипящей водой. Собственно говоря, ничего плохого в этом нет, да вот беда: ячейки у сетей до того мелкие, что даже крошечные, едва вылупившиеся мальки, длиной меньше

четверти дюйма, и те не могут сквозь них пролезть. К чудесным берегам мыса Педро и мыса Пабло, где стоят поселки китайских рыбаков, просто невозможно было подступиться: там горами валялась гниющая рыба, и воздух был отравлен ее зловонием. Против такого бессмысленного истребления рыбы и призван был бороться рыбачий патруль.

Мне было шестнадцать лет, и я отлично умел управлять парусным судном и знал залив, как свои пять пальцев, когда мой шлюп "Северный олень" зафрахтовала рыболовная компания и я должен был временно стать одним из помощников патрульных. Немало повозившись в Верхней бухте и впадающих в нее реках с греческими рыбаками, которые чуть что пускают в ход ножи и дают себя арестовать только под дулом револьвера, мы были рады отправиться в Нижнюю бухту на усмирение бесчинствующих ловцов креветок.

Нас было шестеро на двух судах и, чтобы не вызвать подозрений, мы вышли с вечера и бросили якорь под прикрытием крутого берега мыса Пиноль. Едва на востоке забрезжил рассвет, мы снялись с якоря и, взяв круто к береговому бризу, пересекли залив, держа на мыс Педро. Вокруг не было видно ни зги, над самой водой стлался холодный утренний туман, и мы, чтобы не продрогнуть вконец, пили горячий кофе. Кроме того, нам приходилось заниматься пренеприятным делом — вычерпывать воду, так как "Северный олень" по непонятной причине дал порядочную течь. Мы провозились чуть ли не всю ночь, перетаскивая балласт и осматривая пазы, но, сколько ни бились, ничего не нашли. А вода все прибывала, и мы волею-неволей принялись ее вычерпывать, согнувшись в три погибели в тесном кокпите.

Напившись кофе, трое из нас перешли на другой парусник с реки Колумбия — на нем раньше ловили лососей, — а трое остались на "Северном олене". Оба судна шли борт о борт, пока из-за горизонта не показалось солнце. Его горячие лучи разогнали непроглядный туман, и перед нашими глазами, словно на картине, предстала целая флотилия китайских джонков, растянувшаяся широким полукругом, между концами которого насчитывалось добрых три мили, причем каждая джонка была пришвартована к буйку

ставного невода. Но на джонках — ни души, ни малейших признаков жизни.

Мы сразу смекнули, в чем дело. Дожидаясь отлива, когда будет легче поднять со дна тяжелые сети, китайцы улеглись спать в своих джонках. Это было нам на руку, и мы живо разработали план нападения.

— Пусть каждый из твоих ребят прыгнет в джонку, — шепнул мне Ле Грант с речного парусника. — А к третьей джонке пришвартуйся ты сам. Мы поступим точно так же, и провалиться мне на этом месте, если мы не захватим по крайней мере шесть джонок.

Мы разделились. Я положил "Северного оленя" на другой галс, обогнул одну из джонок с подветренного борта, взял грот к ветру и, теряя скорость, прошел мимо кормы джонки, почти вплотную к ней и притом так медленно, что один из патрульных без труда спрыгнул в нее. Тогда я отвел "Северного оленя" в сторону, забрал ветер и направил шлюп к соседней джонке.

До сих пор все было тихо, но вот на первой джонке, захваченной парусником с реки Колумбия, поднялся шум. Кто-то пронзительно закричал, грянул пистолетный выстрел, потом снова послышался крик.

— Все пропало! Это они предупреждают своих, — сказал Джордж, стоявший рядом со мной в кокпите.

Мы были уже в самой гуще джонок, где тревога распространялась с непостижимой быстротой. На палубы выскакивали сонные полуголые китайцы. Над тихой водой понеслись предостерегающие крики и проклятия, кто-то громко затрубил в раковину. Я видел, как справа от нас главный на джонке обрубил топором швартовы и бросился помогать команде ставить огромный, диковинный парус. Но слева, на другой джонке, китайцы еще только высовывали головы наружу, и я, повернув шлюп, подошел к ней так, чтобы Джордж мог спрыгнуть на палубу.

Теперь уже все джонки обратились в бегство. Кроме парусов, они пустили в ход длинные весла и рассыпались по всему заливу. Я остался один на "Северном олене" и лихорадочно высматривал добычу. Первая моя попытка оказалась очень неудачной, потому что китайцы выбрали шкоты, и джонка быстро оставила меня за кормой. При этом она встала к ветру на целых полрумба круче, чем "Северный олень", так что я не-

вольно почувствовал уважение к суденышку, которое казалось мне таким неуклюжим. Махнув на нее рукой, я переменял галс, вытравил грота-шкот и пошел фордевинд прямо на джонки, которые были у меня с подветренного борта, чтобы использовать таким образом свое преимущество.

Джонка, на которую я нацелился, беспорядочно заметалась, но когда я описал плавную дугу, чтобы взять ее на абордаж, избежав резкого столкновения, она вдруг переменяла галс и, забрав ветер, ринулась прочь, а хитрые азиаты, налегая на весла, подбодряли себя дружными криками. Однако я был готов к этому маневру: не теряя ни секунды, я привел шлюп к ветру, положил руль на наветренный борт и навалился на румпель всем телом, на ходу выбирая обеими руками грота-шкот, чтобы по возможности ослабить удар. Два весла с правого борта джонки переломились, и наши суда столкнулись с громким треском. Бушприт "Северного оленя", словно гигантская рука, протянувшись вперед, сорвал с джонки неуклюжую мачту вместе с пузатым парусом.

На джонке раздался яростный вопль, от которого кровь застыла у меня в жилах. Здоровенный китаец, чья голова была повязана желтым шелковым платком, а злобное лицо усеяно оспинами, уперся багром в нос моего шлюпа, чтобы оттолкнуться от него. Я отдал кливер-фал и, выждав, пока "Северный олень" отнесло немного назад, спрыгнул на джонку с концом в руках и пришвартовался к ней. Щербатый китаец с желтым платком на голове угрожающе шагнул ко мне, но я сунул руку в карман брюк, и он остановился в нерешительности. Оружия у меня не было, но китайцы, наученные горьким опытом, опасаются этого кармана, и я надеялся таким образом удержать самого главаря и его отчаянных людей на почтительном расстоянии.

Я приказал ему отдать носовой якорь, на что он ответил: "Моя не понимает". То же самое твердили все остальные, и хотя я объяснил им знаками, что нужно сделать, они упорно отказывались меня понимать. Видя, что пререкаться бесполезно, я сам пошел на нос, размотал канат и отдал якорь.

— Вот вы, четверо, марш на шлюп! — крикнул я и объяснил на пальцах, что четверо должны последо-

вать за мной, а пятый останется на джонке. Желтый Платок колебался, но я повторил приказ свирепым тоном (хотя на самом деле я не так уж сильно рассви-репел) и снова сунул руку в карман. Желтый Платок струхнул и, бросая на меня злобные взгляды, повел трех своих людей на "Северного оленя". Я тотчас отдал швартовы и, не поднимая кливера, направил шлюп к джонке, на которую прыгнул Джордж. Подойдя к ней, я вздохнул свободнее, потому что теперь нас стало двое, да к тому же у Джорджа на крайний случай был револьвер. С этой джонкой мы поступили точно так же, как и с первой, — четверых китайцев взяли на шлюп, а одного оставили стеречь судно.

Затем мы взяли еще четверых китайцев с третьей джонки. К этому времени речной парусник тоже захватил двенадцать пленников и, перегруженный, подошел к нам. Как на грех, суденышко было такое маленькое, что патрульные, зажатые в толпе китайцев, едва могли шевельнуться и в случае бунта оказались бы бессильны против своих пленников.

— Выручайте, друзья, — сказал Ле Грант.

Я оглядел своих пленников, которые сгрудились в каюте или залезли на крышу рубки.

— Трех мы, пожалуй, можем взять, — сказал я.

— Бери уж четверых для ровного счета, — попросил Ле Грант. — А мне отдай Билла. (Билл — это третий патрульный с "Северного оленя"). Нам тут повернуться негде, так что ежели случится попасть в переделку, один патрульный против двух китайцев будет в самый раз.

Так мы и сделали, после чего Ле Грант поднял парус, и его судно пошло по заливу к устью заболоченной реки Сан-Рафаэль. Я поставил кливер и двинулся следом. Город Сан-Рафаэль, где мы должны были сдать пленников властям, был связан с заливом длинной и извилистой рекой, судоходной только во время прилива. Теперь прилив кончался, близился отлив, и нужно было спешить, чтобы не дожидаться целых полдня следующего прилива.

Но чем выше поднималось солнце, тем слабее дул береговой бриз — теперь он налетал лишь слабыми, замирающими порывами. Судно Ле Гранта шло на веслах и вскоре оставило нас далеко позади. Несколько китайцев стояли в кокпите, у люка каюты, и один

раз, перегнувшись через поручни кокпита, чтобы выбрать кливер-шкот, я почувствовал, как кто-то быстро ощупал мой карман. Я и вида не подал, что обратил на это внимание, но уголком глаза заметил, как на лице у Желтого Платка промелькнуло злорадство: он убедился, что пугавший его карман пуст.

А тут еще на беду, гоняясь за джонками, мы позабыли вычерпать из шлюпа воду, и теперь она начала заливать кокпит. Китайцы указывали на воду пальцами и вопросительно поглядывали на меня.

— Да, — сказал я. — Наша скоро пойдет ко дну, если твоя не черпай воду. Понимай?

Нет, они "не понимай", во всяком случае, они энергично трясли головами, хотя при этом весьма красноречиво переговаривались на своем тарбарском языке. Я поднял три или четыре доски, достал из рундука пару ведер и с помощью самых недвусмысленных жестов велел китайцам приниматься за дело. Но они, рассмеявшись мне в лицо, преспокойно вернулись в каюту или снова полезли на крышу рубки.

Смех китайцев не предвещал ничего хорошего. В нем звучала угроза, подкрепляемая их злобными взглядами. Желтый Платок, убедившись, что я безоружен, совсем обнаглел и расхаживал среди пленников, настойчиво подбивая их на что-то.

Скрывая свою досаду, я спустился в кокпит и сам стал вычерпывать воду. Но едва я взялся за ведро, как у меня над головой просвистел гик, судно резко легло на другой галс, грот наполнился водой и шлюп дал крен. Это задул морской бриз. Джордж был самой настоящей сухопутной крысой, так что мне пришлось бросить ведро и снова взяться за румпель. Ветер дул прямо со стороны замкнутого высокими горами мыса Педро и поэтому был шквалистый и коварный: паруса то наполнялись, то без толку полоскались на реях.

От Джорджа не было никакого толку — в жизни я еще не встречал более беспомощного человека. Кроме всего прочего, у него была еще чахотка, и я знал, что, если заставить его вычерпывать воду, у него может пойти горлом кровь. А вода все прибывала, медлить было нельзя. Я снова приказал китайцам взяться за ведра. Они дерзко расхохотались, и те, что стояли в каюте по щиколотку в воде, начали громко перегова-

риваться со своими соплеменниками, сидевшими на крыше.

— Вынь-ка свою пушку да заставь их поработать, — сказал я Джорджу.

Но он только покачал головой, и мне стало ясно, что он трусил. Китайцы не хуже меня понимали это, и наглость их стала просто невыносимой. Они взломали в каюте ящики с провизией, а те, что сидели на крыше рубки, прыгнули вниз, и все вместе они стали лакомиться нашими галетами и консервами.

— Наплевать нам на это, — сказал Джордж дрожащим голосом.

Меня душил бессильный гнев.

— Если они выйдут из повиновения, будет поздно. Лучше сразу поставить их на место.

А вода все поднималась, и порывы ветра — первые вестники устойчивого бриза — становились все сильней и сильней. Наши пленники, покончив с недельным запасом провизии, едва затихал ветер, дружно перебегали от одного борта к другому, шлюп раскачивался и прыгал по воде, как яичная скорлупка. Желтый Платок подошел ко мне и, указывая на берег мыса Педро, где находилась его деревня, объяснил, что, если я поверну туда и высажу их на берег, они готовы вычерпывать воду. В каюте вода уже поднялась до уровня коек, простыни намокли. В кокпите глубина ее достигла целого фута. И все же я отказался наотрез. На лице Джорджа отразилось разочарование.

— Будь же мужчиной, не то они выбросят нас за борт, — сказал я ему. — Дай-ка сюда револьвер, так оно вернее.

— Вернее всего было бы посадить их на берег, — малодушно отозвался он. — Право, у меня нет никакой охоты утонуть из-за горстки паршивых китайцев.

— А у меня, право, нет никакой охоты сдаваться на милость горстки паршивых китайцев, только бы не утонуть! — с жаром воскликнул я.

— Но ведь тыпустишь "Северного оленя" ко дну, а вместе с ним и нас, — заскулил он. — Не понимаю, что тут хорошего...

— На вкус, на цвет товарища нет! — отрезал я.

Он промолчал, но я видел, что его бьет дрожь. Угрозы китайцев и неуклонно прибывавшая вода ли-

шили его последних остатков мужества, и я знал, что под влиянием страха он не остановится ни перед чем, лишь бы спасти свою шкуру. Я перехватил тоскливый взгляд, брошенный им на маленький ялик, который шел на буксире за кормой шлюпа, и как только утих очередной порыв ветра, подтянул ялик к борту. В глазах Джорджа блеснула надежда; но прежде, чем он угадал мое намерение, я проломил тонкое дно топором, и ялик осел глубоко в воду.

— Уж если тонуть, так вместе, — сказал я. — Давай сюда револьвер, и я живо заставляю их вычерпать воду.

— Но ведь их так много! — захныкал он. — Нам с ними не справиться.

Я с негодованием повернулся к нему спиной. Парусник Ле Гранта давно уже скрылся за маленьким архипелагом, известным под названием архипелага Марин, и ждать от него помощи было нечего. Желтый Платок развязно подошел ко мне, вода в кокпите лизала ему ноги. Мне не нравился его вид. Под приятной улыбкой, которую он старался изобразить на лице, я угадывал недобрый умысел. Я так грозно приказал ему остановиться, что он повиновался.

— Ни шагу дальше! — крикнул я. — Не смей подходить ко мне.

— Почему так говоришь? — недовольно спросил он. — Моя знает по-английски много-много.

— Знает по-английски! — воскликнул я с горечью. Ясное дело, он прекрасно понял, все, что произошло между Джорджем и мной. — Врешь, ничего не знаешь! Он осклабился во весь рот.

— Нет, моя знает много-много. Моя — честный китаец.

— Ладно, — сказал я. — Знаешь, так знай. Давай вычерпывай воду, а потом будем разговаривать.

Он покачал головой и кивнул на своих товарищей.

— Никак нельзя. Плохой люди, очень плохой, да, да...

— Ни с места! — крикнул я, заметив, что он сунул руку за пазуху и изготавился к прыжку.

Обескураженный, он вернулся в каюту и стал там что-то лопотать: видно, держал совет со своими. "Северный олень" глубоко осел в воду, отяжелел и почти не слушался руля. При малейшем волнении он неизбежно пошел бы ко дну; но ветер был слабый, он едва морщил водную гладь.

— Послушай, нам лучше бы повернуть к берегу, — заявил вдруг Джордж, и по его тону я понял, что страх придавал ему решимости.

— Ни за что! — отозвался я.

— Я тебе приказываю! — сказал он с угрозой в голосе.

— Мне приказано доставить пленников в Сан-Рафаэль, — отозвался я.

Мы почти кричали, и китайцы, услышав перебранку, вылезли на палубу.

— Повернешь ты к берегу или нет?

С этими словами Джордж направил на меня револьвер, — этот трус побоялся пустить его в ход против китайцев, а теперь грозил им товарищу!

Словно молния вспыхнула в ночном мраке — так ясно увидел я все, что ожидает меня из-за постыдной трусости Джорджа: позорное возвращение без пленников, встреча с Ле Грантом и другими товарищами, жалкие оправдания... Преследуя браконьеров, мы рисковали жизнью, и вот теперь добытая с таким трудом победа ускользает прямо из рук. Краешком глаза я видел, что китайцы столпились у люка и бросают на нас торжествующие взгляды. Врете, не бывать по-вашему!

Я быстро присел и рукой отвел вверх дуло револьвера, так, что пуля просвистела у меня высоко над головой. Стиснув одной рукой запястье Джорджа, я другой вцепился в револьвер. Желтый Платок со своими людьми бросился на меня. Наступил решительный момент. Собрав все силы, я резко толкнул Джорджа и, вырвав револьвер, отшвырнул Джорджа от себя. Он упал под ноги Желтому Платку, тот споткнулся, и оба они провалились в дыру там, где я поднимал доски. В то же мгновение я направил на китайцев револьвер, и обезумевшие пленники сразу съежились и отступили.

Но вскоре я понял, что одно дело — стрелять в нападающих и совсем другое — в людей, которые просто-напросто отказываются повиноваться. А повиноваться они и не думали, хотя я настойчиво указывал им на ведра. Я грозил им револьвером, а они молча сидели в затопленной каюте и на крыше рубки, не двигаясь с места.

Так прошло минут пятнадцать. "Северный олень"

оседал все глубже и глубже, ветра не было, и грот беспомощно полоскал. А потом я увидел, как со стороны мыса Педро на нас двинулась какая-то темная полоса. Это подул устойчивый бриз, которого я так ждал. Я окликнул китайцев и указал им на темную полосу. Они ответили мне радостными воплями. Тогда я указал им на парус и на воду, затопившую шлюп, и знаками объяснил, что когда ветер наполнит парус, мы опрокинемся. Но они нагло скалили зубы, прекрасно зная, что я могу привести шлюп к ветру и вытравить грота-шкот, чтобы обезвредить паруса и избежать катастрофы.

Но я уже принял решение. Выбрав фут или два грота-шкота, я навалился на румпель спиной. Теперь я мог одной рукой управлять парусом, а в другой держать револьвер. Темная полоса все надвигалась, и я видел, как китайцы с плохо скрытой тревогой поглядывают то на нее, то на меня. Сейчас должно было решиться, у кого достанет разума, воли и упорства не дрогнуть перед лицом смерти.

Вот ветер налетел на шлюп. Грота-шкот натянулся, блоки затрещали, гик изогнулся, парус наполнился ветром, и "Северный олень" стал крениться все круче и круче. Вот уже в воду погрузились поручни подветренного борта, затем иллюминаторы каюты, и вода хлынула в кокпит. Шлюп накренился так сильно, что людей в каюте швырнуло вповалку на подветренную койку, они корчились там в воде, и те, кто оказался внизу, едва не захлебнулись.

А ветер все свежел, и "Северный олень" почти лег на бок. Я уже думал было, что спасения нет: еще один такой порыв — и шлюп опрокинется. Пока я, не отпуская грота-шкот, колебался, не прекратить ли борьбу, китайцы сами запросили пощады. Их крики прозвучали для меня сладостной музыкой. Только теперь, но ни секундой раньше я привел шлюп к ветру и вытравил грота-шкот. "Северный олень" медленно выпрямился, однако сидел он так глубоко, что я слабо верил в возможность его спасти.

Китайцы ринулись в кокпит и рьяно принялись вычерпывать воду ведрами, горшками, кастрюлями — всем, что подвернулось под руку. Какое это было чудесное зрелище — вода, стекающая за борт! Наконец "Северный олень", подгоняемый ветром, вновь

гордо и величественно заскользил по воде, и в самый последний миг, проскочив илистую отмель, вошел в устье реки.

Дух китайцев был сломлен, они стали такими шелковыми, что, завидев Сан-Рафаэль, сами высыпали на палубу, держа наготове швартовы, и впереди всех — Желтый Платок. Ну, а что касается Джорджа, то это была его последняя облава. Такая работа ему не по нутру, объяснил он нам, куда лучше служить в какой-нибудь конторе на берегу. И мы вполне с ним согласились.

”КОРОЛЬ ГРЕКОВ”

Рыбачьему патрулю ни разу не удалось задержать Большого Алека. Он хвастался, что никто не сумеет поймать его живым, а из прошлого этого человека было известно, что все попытки взять его мертвым терпели неудачу. Рассказывали также, что по крайней мере двое из патрульных, пытавшихся взять его мертвым, заплатились жизнью. При этом никто так систематически и умышленно не нарушал закона о рыбной ловле, как Большой Алек.

Его прозвали Большим Алеком за исполинское телосложение. Рост его достигал шести футов и трех дюймов, и соответственно этому он был широкоплеч и широкогруд. У него были могучие, крепкие, как сталь, мускулы, а о его недюжинной силе среди рыбаков ходили многочисленные легенды. Смелость и неукротимость духа не уступали его физической силе, благодаря чему ему дали еще одно прозвище — ”Король греков”. Рыбаки, большинство которых были греки, относились к нему с почтением и слушались, как вожака. Он и был их вожаком, защищал их интересы, лез за них в драку, вырывал из лап закона, если они попадались, и так их объединил, что в беде они горой стояли за него и друг за друга.

Рыбачий патруль не раз пытался поймать Большого Алека, но поскольку ни одна попытка не увенча-

лась успехом, от этой затеи в конце концов отказались; естественно, что когда разнесся слух о его приходе в Бенишию, мне не терпелось увидеть этого героя. Разыскивать его не пришлось. Только он появился, как первым делом, действуя, по обычаю, нагло, сам нашел нас.

В ту пору мы с Чарли Ле Грантом служили под начальством патрульного, которого звали Карминтел, и все трое находились на "Северном олене", готовясь к очередному переходу, когда к нам пожаловал Большой Алек. Карминтел наверняка встречался с ним прежде, ибо они подали друг другу руки, как добрые знакомые. На нас с Чарли Алек даже не взглянул.

— Я пришел сюда месяца на два — ловить осетров, — сказал он Карминтелу.

Взгляд его вызывающе блеснул, и мы заметили, что наш патрульный опустил глаза.

— Хорошо, Алек, — ответил Карминтел тихим голосом. — Не буду тебе докучать. Пойдем в каюту, там поговорим, — добавил он.

Когда они вошли туда и заперли за собой дверь, Чарли выразительно подмигнул мне. Я был еще юнцом, плохо разбирался в людях и в поступках иных из них, поэтому намека не понял. Чарли не стал объяснять, хотя я почувствовал в этом деле что-то неладное.

Оставив их совещаться, мы, по предложению Чарли, пересели в ялик и отправились к Старой пароходной пристани, где стоял плавучий дом Большого Алека. Это была барка, маленькая, но вместительная, столь же необходимая рыбакам Верхнего залива, как сети и лодки. Нам обоим любопытно было взглянуть на барку Большого Алека, ибо молва гласила, что она была ареной многих ожесточенных схваток и вся изрешечена пулями.

Мы обнаружили следы дыр, заделанных деревянными пробками и сверху покрашенных, но их оказалось не так много, как я ожидал. Чарли, заметив мое разочарование, засмеялся и, желая меня утешить, рассказал доподлинную историю одного рейда, предпринятого к плавучему дому Короля греков с целью захватить его владельца, предпочтительно живым, а в крайнем случае — мертвым. После шестичасового боя патрульные отступили в поврежденных лодках, потеряв одного убитым и троих ранеными. Вернув-

шись на следующее утро с подкреплением, они от барки Большого Алека застали только причальные сваи. Сама барка на многие месяцы была спрятана в Сьюисанские камыши.

— Но почему его не повесили за убийство? — спросил я. — Соединенные Штаты, мне думается, достаточно сильны, чтобы привлечь его в ответственности.

— Он сам отдался в руки властей, и был суд, — ответил Чарли. — Дело это ему обошлось в пятьдесят тысяч долларов, а выиграл он его на всяких процессуальных уловках с помощью лучших адвокатов штата. Все греки, рыбачившие на реке, внесли в это свою лепту. Большой Алек обложил их налогом и собирал его, как заправский король. Соединенные Штаты, может, и всемогущи, мой мальчик, но факт остается фактом: Большой Алек — король, у которого на территории Соединенных Штатов есть и владения и подданные.

— А что ты сделаешь, когда он начнет ловить здесь осетров? Ведь ловить-то он будет "китайской лесой".

— Поживем — увидим, — пожав плечами, загадочно ответил Чарли.

"Китайская леса" — это хитроумное устройство, изобретенное народом, именем которого оно названо. Над самым дном, на высоте, начиная от шести дюймов и до фута, с помощью простой системы поплавков, грузил и якорей подвешивают тысячи крючков, каждый на отдельной лесе. Крючок и есть самое примечательное в этой снасти. На нем нет обычной зазубрины, ее заменяет длинный конусообразный конец, острый, как игла. Крючки висят всего лишь в нескольких дюймах один от другого, и когда такая бахрома из тысяч крючков протянута над самым дном на длину в две сотни сажений, она создает грозную преграду идущей по низу рыбе.

Такая рыба, как осетр, всегда идет, взрывая носом дно, словно свинья, поэтому его часто и называют "рыба-свинья". Уколовшись о первый же крючок, которого он коснулся, осетр в испуге бросается в сторону и натывается на десяток других крючков. Тогда он начинает отчаянно метаться, и крючок за крючком вонзаются в его нежное тело; крючки крепко держат злосчастную рыбу со всех сторон, пока она оконча-

тельно не выбьется из сил. Так как ни один осетр не может прорваться сквозь такую снасть, в законе о рыбной ловле ее именуют капканом, а поскольку этот способ ловли ведет к истреблению осетров, он признан незаконным. Мы ничуть не сомневались, что Большой Алек поставит именно такую снасть, подло и открыто попирая закон.

После визита Короля греков прошло несколько дней, в течение которых мы с Чарли зорко следили за ним. Свою барку он перетащил на буксире с Соланской пристани в большую бухту у Тернерской верфи. Эта бухта считалась излюбленным местом осетров, и мы были уверены, что как раз здесь Король греков и разовьет свою деятельность. В часы прилива и отлива вода неслась в бухте, как по мельничному лотку, и поэтому поднимать, опускать и ставить "китайскую лесу" можно было только во время малой воды; поэтому в промежутки между приливом и отливом мы с Чарли попеременно наблюдали за бухтой с пристани.

На четвертый день, лежа на солнышке за балкой, я увидел, что от дальнего берега отошел ялик и направился к бухте. В тот же миг бинокль оказался у моих глаз, и я стал следить за каждым движением ялика. В нем находились двое, и, хотя нас разделяла добрая миля, в одном из них я узнал Алека. И не успел еще ялик вернуться обратно к берегу, как я окончательно убедился в том, что грек поставил свою снасть.

— Большой Алек поставил "китайскую лесу" в бухте у Тернерской верфи, — в тот же день доложил Чарли Ле Грант Карминтелу.

На лице патрульного мелькнула досада, он рассеянно сказал "да?", и только.

Сдерживая гнев, Чарли закусил губу, круто повернулся и вышел.

— Ну как, сынок, рискнем? — спросил он меня вечером, когда мы, надраив палубы "Северного оленя", собирались ложиться спать.

Дыхание у меня захватило, и я лишь кивнул головой.

— Так вот, — глаза Чарли загорелись решимостью, — мы сами, я и ты, поймаем Большого Алека, придется нам это сделать, хочет Карминтел или нет. Согласен? — И после паузы добавил: — дело нелегкое, но мы, пожалуй, справимся.

— Конечно, справимся, — с горячностью подтвердил я.

— Обязательно справимся, — сказал и Чарли.

Мы обменялись рукопожатием и пошли спать.

Да, мы взяли на себя нелегкую задачу. Чтобы обвинить человека в браконьерстве, нужно было застать его на месте преступления, задержать и захватить все улики: крючки, снасть и рыбу. Это означало, что мы должны поймать Короля греков в открытом море, где он увидит нас еще на подходе и не приминет готовить одну из тех "теплых" встреч, какими славился.

— Нам его не провести, — сказал как-то утром Чарли. — Но если подойти борт к борту, наши силы сравняются. Ничего другого не остается, как попробовать. Пошли, сынок!

Мы отправились на паруснике с реки Колумбия, которым уже пользовались в облаве на китайцев — ловцов креветок. Стояла малая вода, и, обогнув Соланскую пристань, мы увидели Большого Алека за работой: он обходил свою снасть и выбирал рыбу.

— Поменяемся местами! — скомандовал Чарли. — Веди прямо на его корму, будто мы идем к верфи.

Я взялся за румпель, а Чарли сел на среднюю банку, положив рядом револьвер.

— Если он начнет стрелять, — предостерег Чарли, — ложись на дно и правь оттуда так, чтобы была видна только рука.

Я кивнул, и мы смолкли; лодка мягко скользила по воде и подходила к Королю греков все ближе и ближе. Мы видели его уже совсем отчетливо, видели, как он вылавливает багром осетров и кидает их в лодку, а его помощник двигается вдоль снасти, очищая крючки, прежде чем снова забросить их в воду. Но мы были от них еще в пятистах ярдах, когда великан рыбак нас окликнул.

— Эй вы! Что вам здесь надо? — закричал он.

— Не останавливайся, — прошептал Чарли, — будто не слышишь.

Следующие несколько мгновений были очень тревожными. С каждой секундой мы все ближе подходили к нему, а он смотрел на нас в упор, пронизывая взглядом.

— Убирайтесь, коли вам дорога жизнь! — вдруг

крикнул он, словно поняв, кто мы и зачем явились. — не то вам не уйти отсюда живыми!

Он приложил карабин к плечу и прицелился в меня.

— Ну, уберетесь? — потребовал он.

Чарли разочарованно вздохнул.

— Поворачивай, — шепнул он мне, — на этот раз все.

Я бросил руль, ослабил шкот, и наша лодка повернула на пять-шесть румбов. Большой Алек не спускал с нас глаз и вернулся к работе, лишь когда мы были уже далеко.

— Лучше оставьте Большого Алека в покое, — сердито сказал Карминтел в тот же вечер.

— Так он уже жаловался тебе? — многозначительно спросил Чарли.

Карминтел густо покраснел.

— Лучше оставьте Большого Алека в покое, говорю я вам, — повторил он. — Он опасный человек, и нет никакого расчета с ним связываться.

— Конечно, — сдержанно отозвался Чарли, — я слышал, что большой расчет оставить его в покое.

Это уже был прямой вызов Карминтелу, и по выражению его лица мы видели, что удар попал в цель. Ни для кого не было тайной, что Король греков столь же охотно дает взятки, как и вступает в драку, и за последние годы не один патрульный сталкивался с ним за деньги.

— Ты хочешь сказать... — запальчиво начал Карминтел, но Чарли оборвал его:

— Я ничего не хочу сказать. Ты слышал, что я сказал, а коли на воре шапка горит...

Он пожал плечами, а Карминтел, не в силах произнести ни слова, бросил на него яростный взгляд.

— Чего нам не хватает, так это смекалки, — сказал однажды Чарли, после того как мы попытались подкрасться к Королю греков в предрассветном сумраке и, на свою беду, были обстреляны.

После этого я много дней ломал себе голову, стараясь придумать способ, с помощью которого двоим удалось бы поймать в открытом море третьего, умеющего обращаться с оружием и никогда с ним не расстающегося. Всякий раз в малую воду Большой Алек нагло, открыто, средь бела дня ловил осетров

своей китайской снастью. Особенно обидно было осознавать, что все рыбаки от Бенишии до Валлехо знают, как безнаказанно он оставляет нас в дураках. Не давал нам покоя и Карминтел, то и дело гонявший нас в Сан-Пабло, где бесчинствовали ловцы сельдей, так что на Короля греков почти не оставалось времени. Но жена и дети Чарли жили в Бенишии, там была наша штаб-квартира, и мы постоянно туда возвращались.

— Вот что мы можем сделать, — сказал я спустя несколько недель, в течение которых мы так ничего и не добились. — Подождем малой воды, а когда Алек заберет рыбу и отправится на берег, войдем в бухту и захватим его снасть. Ему понадобятся деньги и время, чтобы сделать новую, а дальше мы сообразим, как захватить и ту. Уж если не удастся его поймать, так хоть собьем с него спесь. Понял?

Чарли понял и сказал, что это неплохая мысль. Мы не упустили возможности, и с наступлением малой воды, когда Король греков собрал рыбу и пошел к берегу, мы в своем паруснике двинулись в путь. По береговым знакам мы знали, где должна находиться снасть, и не сомневались, что легко отыщем ее. Прилив только начинался; мы подошли к тому месту, где, по нашим предположениям, была протянута снасть, и отдали якорь. Вытравив столько каната, сколько требовалось, чтобы якорь едва касался грунта, мы медленно тянули его за собой, пока он не зацепился за снасть и лодка не замерла в неподвижности.

— Есть! — крикнул Чарли. — Иди сюда и помоги тащить.

Вдвоем мы тянули веревку, пока не показался якорь с осетровой снастью, зацепившейся за одну из его лап. Десятки страшных на вид крючков заблестели перед нами, когда мы освобождали якорь, но только мы направились вдоль снасти, к противоположному концу, чтобы вытащить ее, как нас остановил резкий удар по лодке. Мы оглянулись, но, ничего не увидев, вернулись к своей работе. Через минуту раздался еще такой же удар, и планшир между мной и Чарли разлетелся в щепы.

— Уж больно на пулю похоже, сынок, — раздумчиво сказал Чарли. — Это стреляет Большой Алек. У него бездымный порох, — заключил он, внимательно

оглядев берег в миле от нас. — Вот почему мы не слышали выстрелов.

Я тоже посмотрел на берег, но не заметил и следа Короля греков; тот, видимо, прятался за скалой, в бухточке, тогда как мы были совсем на виду. Третья пуля ударилась о воду, отскочила рикошетом и, со свистом пролетев над нашими головами, упала в воду позади нас.

— Пожалуй, нам лучше убраться отсюда, — спокойно заметил Чарли. — Ты как думаешь, сынок?

Я был того же мнения и сказал:

— Черт с ней, с этой лесой!

Мы подняли шпринтовый парус и тронулись с места. Стрельба тут же прекратилась, и мы ушли с неприятным сознанием, что Большой Алек смеется над нами.

Мало того, на следующий день, когда мы осматривали на рыбацкой пристани сети, он не постеснялся издеваться и зубоскалить на наш счет в присутствии всех рыбаков. Чарли прямо почернел от гнева, но сдержался и только пообещал Большому Алеку, что рано или поздно упечет его в тюрьму. Король греков стал похваляться, что ни один рыбачий патруль не поймал его и никогда не поймают, а рыбаки поддакивали ему, утверждая, что это истинная правда. Они так распалились, что казалось, вот-вот начнется потасовка, но Большой Алек своей королевской властью усмирил их.

Смеялся над Чарли и Карминтел, отпуская язвительные замечания и всячески досаждая ему. Однако Чарли не проявлял гнева и по секрету сказал мне, что все равно поймают Большого Алека, если даже придется гоняться за ним до конца дней своих.

— Не знаю как, но сделать я это сделаю, — заявил он. — Это так же верно, как то, что меня зовут Чарли Ле Грант. Не бойся, в свой час верная мысль непременно придет.

Действительно, в свой час она пришла, и пришла тогда, когда мы ее меньше всего ждали. Целый месяц мы неустанно ходили вверх и вниз по реке, бороздили вдоль и поперек залив, и у нас не было свободной минуты, чтобы заняться рыбаком, который китайской лесой ловил осетров в бухте у Тернерской верфи.

Как-то в полдень, неся патрульную службу, мы подошли к Селбийскому плавильному заводу, и тут

нам наконец представился наш долгожданный случай. Он явился в облике никем не управляемой яхты, ибо все пассажиры ее страдали от морской болезни. Конечно, едва ли можно было ждать, что мы распознаем в ней нашего спасителя. То была большая яхта-шлюп, совсем беспомощная, так как дул почти штормовой пассат, а на борту не было ни одного умелого матроса.

С Селбийской пристани мы с беспечным любопытством наблюдали за неуклюжими попытками поставить яхту на якорь и столь же неуклюжими попытками спустить лодку и отправиться в ней на берег. Весьма жалкого вида человек в грязных парусиновых штанах, чуть не утопив свою лодчонку в бурном море, передал нам фалинь и с трудом выбрался на пристань. Он шатался так, как будто земля под ним ходила ходуном, и рассказывал нам о своей беде, то есть, собственно, о том, что произошло с яхтой. Единственного опытного матроса, человека, от которого все они зависели, отозвали телеграммой в Сан-Франциско, и они попытались продолжить путь одни. Справиться с крепким ветром и волнением в бухте Сан-Пабло оказалось им не под силу. Все больны, никто ничего не знает и не умеет делать; вот они и подошли к плавильне, чтобы оставить здесь яхту или найти кого-нибудь, кто отвел бы ее в Бенишию. Словом, не знаем ли мы моряков, которые согласились бы отвести яхту в Бенишию?

Чарли взглянул на меня. "Северный олень" спокойно стоял на якоре. Мы были свободны от патрульной службы до полуночи. Дул попутный ветер, мы могли бы добраться до Бенишии часа за два, побыть несколько часов на берегу и вернуться сюда вечерним поездом.

— Все будет в порядке, капитан, — сказал Чарли неудачливому яхтсмену, вяло улыбнувшись, когда его называли капитаном.

— Я только владелец яхты, — пояснил он.

Мы доставили его на яхту куда лучшим манером, чем это сделал он, переплываясь на берег, и убедились собственными глазами, до чего беспомощны были пассажиры, и все они так страдали от морской болезни, что даже не оживились при нашем появлении. Яхту отчаянно качало, и едва ее владелец ступил

на палубу, как свалился, разделив участь всех остальных. Ни один из пассажиров не был в состоянии оказать помощь, поэтому нам с Чарли пришлось вдвоем разбирать запутанный такелаж, ставить парус и поднимать якорь.

Путешествие было беспокойным, хотя и недолгим. Каркинезский пролив представлял собой мешанину бурлящей пены и густого тумана, но мы стремительно проскочили сквозь них и, опережая ветер, понеслись вперед, в то время как большой грот попеременно то окунал, то подбрасывал в небо свой гик. Но люди этого не замечали. Они ничего не замечали. Двое или трое, включая и владельца яхты, растянулись в кубрике, вздрагивая всякий раз, когда яхта взлетала на гребень волны, а потом падала вниз, в бездну, и время от времени с тоской посматривая на берег. Остальные лежали вповалку среди подушек на полу в каюте. Иногда оттуда доносился стон, но большей частью они были немые и неподвижны, как покойники.

Но вот показалась Тернерская верфь, и Чарли проскользнул в бухту, так как там было тише. Уже виднелась и Бенишия, и мы шли по сравнительно спокойной воде, как вдруг впереди, прямо у нас на пути, заплясало пятнышко — ялик. Стояла малая вода. Мы с Чарли переглянулись. Ни слова не было сказано, но яхта повела себя самым удивительным образом, то и дело меняя направление и рыская, словно у штурвала стоял совсем зеленый новичок. Моряку нашлось бы над чем посмеяться. Со стороны казалось, будто через залив во весь дух несется взбесившаяся яхта и лишь временами ее сдерживает чья-то рука, тщетно стараясь направить в Бенишию.

Владелец, позабыв о своей морской болезни, с тревогой смотрел на нас. Пятнышко — ялик — на нашем пути все росло, мы могли уже разглядеть склонившихся над накинутаой на крюйс осетровой снастью Большого Алека и его приятеля, которые прервали работу, чтобы над нами посмеяться. Чарли надвинул зюйдвестку на глаза, и я последовал его примеру, хотя не догадывался, что он затеял и как собирается осуществить свою затею.

Вспенивая воду и держась на траверзе ялика, мы подошли к нему так близко, что по ветру до нас доносились голоса Короля греков и его помощника, ру-

гавших нас со всем презрением, какие истые моряки испытывают к любителям, особенно если те ведут себя, как последние идиоты.

Словно грозовой шквал, мы пронеслись мимо рыбаков, но ничего не случилось. Взглянув на мое разочарованное лицо, Чарли усмехнулся и крикнул:

— На грота-шкот, к повороту!

Он переложил руль на борт, и яхта послушно сделала поворот. Грот-шкот ослаб и опустился, вслед за гиком пролетел над нашими головами и с треском растянулся на ракс-бугеле. Яхта сильно накренилась, почти легла на бок; страшный вопль донесся из каюты: это больных пассажиров прокатило через всю каюту и швырнуло вповалку на койки правого борта.

Но нам было не до них. Завершив свой маневр, яхта с полоскающими парусами двинулась против ветра и встала на ровный киль. Мы снова понеслись вперед: ялик был теперь прямо перед нами. Я увидел, как Большой Алек бросился за борт, а его помощник ухватился за наш бушприт. Тут мы наскочили на ялик, раздался треск, потом еще толчки и удары, когда ялик очутился под нашим днищем.

— Теперь его карабину крышка, — пробормотал Чарли, бросившись на палубу, чтобы взглянуть, нет ли Большого Алека где-нибудь за кормой.

Ветер и волны быстро остановили наше движение вперед, и нас стало относить туда, где мы только что видели ялик. Черноволосая голова и смуглое лицо грека высунулись из воды чуть ли не рядом, и мы втащили его на борт. Он ничего не подозревал и был страшно зол на "любителей", которые столь неуклюжим маневром чуть не утопили его, заставив глубоко нырнуть и долго оставаться под водой, чтобы не разбиться о киль.

В следующую минуту, к великому ужасу и изумлению владельца яхты, Чарли уже сидел верхом на Короле греков, а я помогал вязать его сезенью. Владелец яхты вохбужденно запрыгал вокруг нас, требуя объяснений, но к этому времени приятель Алека сполз с бушприта на корму и заглядывал через поручни в кубрик, силясь понять, что творится. Чарли тут же обхватил его за шею и уложил на спину рядом с Большим Алеком.

— Давай еще сезени! — крикнул Чарли, и я поспешил выполнить его приказание.

Разбитый ялик лениво покачивался невдалеке; я привел в порядок паруса, а Чарли стал править к ялику.

— По этим людям тюрьма плачет, — пояснил Чарли взбешенному владельцу. — Они злостные браконьеры. Вы видели, что мы накрыли их на месте преступления, и вас, конечно, вызовут в суд штата как свидетеля.

Тем временем мы поравнялись с яликом, за которым тянулась оборвавшаяся снасть. Чарли вытянул на борт футов сорок или пятьдесят ее вместе с молодым осетром, так и застрявшим в путанице острых крючков, потом отхватил этот кусок снасти своим ножом и бросил в кубрик рядом с пленниками.

— А вот и вещественное доказательство, улика номер один, — продолжал Чарли. — Смотрите внимательно, чтобы опознать на суде, и запомните время и место, где преступники были пойманы.

Вскоре, перестав рыскать и кружиться во все стороны, мы торжественно шли к Бенишии. Король греков, связанный по рукам и ногам, лежал в кубрике, впервые в жизни оказавшись пленником рыбачьего патруля.

НАБЕГ НА УСТРИЧНЫХ ПИРАТОВ

Мы с Чарли Ле Грантом, видимо, одинаково считали, что из всех патрульных, под началом которых нам довелось в разное время служить, лучшим был Нейл Партингтон. Человек честный и отважный, он относился к нам чисто по-дружески, хотя и требовал точного выполнения всех своих приказаний, и ни при одном другом начальнике мы не знали такой свободы, какую предоставлял нам Нейл, в чем вы сами убедитесь, прочитав этот рассказ.

Его семья жила в Окленде, что стоит на Нижней бухте, милях в шести по заливу от Сан-Франциско. Однажды, когда мы патрулировали возле мыса Педро, где китайцы ловят креветок, Нейл получил известие, что его жена заболела. Не прошло и часа, как "Северный олень", подгоняемый крепким норд-остом, уже мчался к Окленду. Мы вошли в оклендский порт и отдали якорь, а потом, в те дни, пока Нейл находился на берегу, подтягивали на "Северном олене" такелаж, тщательно проверяя балласт, скребли палубы и приводили судно в полный порядок.

Покончив с работой, мы начали томиться от безделья. Болезнь жены Нейла оказалась опасной, перелома ждали лишь через неделю, и это вынуждало нас стоять на приколе. Мы с Чарли околачивались в доках, подыскивая, чем бы заняться, как вдруг на оклендской городской пристани наткнулись на устрич-

ную флотилию. Это были по большей части ладные, чистенькие шлюпки, быстроходные и надежные в штормовую погоду, и мы уселись на край причала, чтобы получше их разглядеть.

— Неплохой, видать улов! — заметил Чарли, указывая на устриц, сложенных по величине в три кучи на палубе каждой шлюпки.

Разносчики, примостив свои тележки у борта причала, отчаянно торговались с рыбаками, и из переговоров я узнал продажную цену устриц.

— В этой шлюпке долларов на двести груза, никак не меньше, — подсчитал я. — Хотел бы я знать, сколько времени понадобилось, чтобы его добыть.

— Дня три-четыре, — ответил Чарли. — Недурный заработок на двоих: двадцать пять долларов в день на каждого!

Шлюпка, которая привлекла наше внимание, называлась "Призрак" и стояла как раз под нами. В ее команде были двое. Один — приземистый, широкоплечий детина с чрезвычайно длинными, точно у гориллы, руками; второй, напротив, был высокого роста, хорошо сложен, с ясными голубыми глазами и шапкой черных волос. Это сочетание цвета глаз и волос было столь поразительно и необычно, что мы с Чарли задержались на причале дольше, чем предполагали.

И хорошо сделали. Рядом с нами остановился тучный пожилой мужчина, по виду и одежде крупный торговец, и тоже принялся глядеть вниз на палубу "Призрака". Он, казалось, был чем-то рассержен и чем дольше смотрел, тем больше злился.

— Это мои устрицы, — сказал он наконец. — Я уверен, что они мои. Вы учинили ночью набег на мои отмели и обокрали меня.

Верзила и коротышка с "Призрака" посмотрели вверх.

— Здорово, Тафт! — с наглой развязностью сказал коротышка (из-за своих длинных рук он получил на заливе прозвище "Сороконожка"). — Здорово, Тафт, — повторил он столь же развязно. — На что теперь разворчался?

— Это мои устрицы, говорю я вам. Вы их украли с моих отмелей.

— Уж больно ты умник, — насмешливо отозвался

Сороконожка. — Ишь ты, так сразу и распознал, что устрицы твои?

— Насколько мне известно, — вмешался Верзила, — устрица всегда устрица, где ее ни найти, они вроде одинаковые во всем заливе и, между прочим, на всем белом свете тоже. Мы не хотим ссориться с вами, мистер Тафт, мы только хотим, чтобы вы не возводили на нас поклеп, рассказывая всем, что это ваши устрицы и что мы воры и грабители, если у вас нет на то доказательств.

— Голову даю на отсечение, что это мои устрицы, — прохрипел мистер Тафт.

— Докажите, — потребовал Верзила, которого, как мы потом узнали, за то, что он великолепно плавал, окрестили "Дельфином".

Мистер Тафт беспомощно пожал плечами. Конечно, он не мог доказать, как бы ни был в этом уверен, что устрицы принадлежат ему.

— Я бы не пожалел и тысячи долларов, чтобы засадить вас за решетку! — крикнул он. — Я бы дал по пятьдесят долларов с головы тому, кто поймал бы вас и уличил всех до единого!

Взрыв хохота прокатился по лодкам; другие пираты прислушивались к разговору.

— От устриц больше дохода, — отрезал Дельфин.

Разгневанный мистер Тафт повернулся и ушел. Краешком глаза Чарли проследил, куда он идет. Через несколько минут, когда мистер Тафт свернул за угол, Чарли лениво поднялся, я за ним, и мы побрели в противоположную сторону.

— Бегом! Живо! — прошептал Чарли, едва мы скрылись из вида устричной флотилии.

Мы мгновенно изменили курс и, прячась за углами, кружили по боковым улицам до тех пор, пока впереди не замаячила внушительная фигура мистера Тафта.

— Я хочу потолковать с ним насчет награды, — объяснил мне Чарли, когда мы догоняли владельца устричных отмелей. — Нейл пробудет тут еще целую неделю, и почему бы нам за это время не подзаработать немного? Что ты на это скажешь?

— Разумеется, разумеется, — подтвердил мистер Тафт, после того как Чарли представился и сообщил о нашем намерении. — Эти воры ежегодно обкрадывают меня на тысячи долларов, и, чтобы разделатъ-

ся с ними, я не пожалею денег, да, сэр, не пожалею. Как я уже говорил, я дам по пятьдесят долларов с головы и считаю, что это дешево. Они ограбили мои отмели, сорвали опознавательные знаки, запугали сторожей, а в прошлом году одного убили. Доказать ничего не удалось. Все делается под покровом ночи. Сторож был убит, но улики никаких. Сыщики ничего не нашли. Никто не может справиться с этими людьми. Ни одного из них нам не удалось арестовать. Так вот, мистер... Как, вы сказали, вас зовут?

— Ле Грант, — ответил Чарли.

— Так вот, мистер Ле Грант. Я чрезвычайно обязан вам за предложенную помощь. И буду рад, очень рад, сэр, всячески содействовать вам. Мои сторожа и лодки в вашем распоряжении. В любое время приходите в мою контору в Сан-Франциско или звоните по телефону за мой счет. Не жалейте денег. Я оплачу расходы, какие бы они ни были, конечно, в пределах благоразумия. Положение становится невыносимым, и необходимо наконец что-то предпринять, чтобы выяснить, кто хозяин устричных отмелей: я или эта банда головорезов.

— Теперь пойдем к Нейлу, — сказал Чарли после того, как мы проводили мистера Тафта к сан-францисскому поезду.

Нейл Партингтон не только не препятствовал нам осуществить свое рискованное намерение, но даже оказал большую помощь. Мы с Чарли ничего не смыслили в ловле устриц, а его голова была энциклопедией всяких сведений в этом вопросе. Притом не позднее чем через час он доставил нам парнишку-грека, который знал назубок все ходы и выходы устричного пиратства.

К слову говоря, не мешает пояснить, что в рыбачьем патруле мы с Чарли были вроде добровольцев. Нейл Партингтон как штатный патрульный получал определенное жалованье, тогда как мы с Чарли, всего лишь помощники, получали только то, что нам удавалось заработать, то есть некоторый процент со штрафов, налагаемых на уличенных нами нарушителей законов рыбной ловли и вознаграждение, если нам подвертывался случай его заслужить. Мы предложили Нейлу поделиться с ним деньгами, которые надеялись получить у мистера Тафта, но он и слышать

об этом не хотел. Он сказал, что счастлив помочь людям, которые так много сделали для него.

Мы долго держали военный совет и наметили такой план действий. На Нижней бухте меня и Чарли не знали в лицо, но "Северный олень" был всем известен как патрульное судно, поэтому решили, что я и парнишка-грек — его звали Николас — отправимся к острову Аспарагус на другой, не вызывающей подозрений лодке и присоединимся к устричной флотилии. Зная по описанию Николаса расположение отмелей и способы набега, мы могли рассчитывать, что застигнем пиратов во время кражи устриц и сумеем задержать их. Чарли, сторожа и наряд полицейских будут ждать нас на берегу и в нужную минуту придут на помощь.

— У меня есть на примете такая лодка, — сказал Нейл в заключение. — На том берегу в Тибуроне стоит старый-престарый шлюп. Ты и Николас переправитесь туда на пароме, наймете его за гроши и прямо оттуда поплывете к отмелям.

— Ни пуха ни пера, мальчики! — сказал Нейл на прощание два дня спустя. — Помните, что это опасные люди, и будьте начеку.

Нам с Николасом действительно удалось зафрахтовать шлюп совсем задаром. Поднимая парус, мы со смешками порешили, что он еще древнее и хуже, чем нам описали. Это было большое плоскодонное судно с транцевой кормой и парусным вооружением шлюпа, неуклюжее и ненадежное в управлении. Мачта его была перекошена, снасть не натянута, паруса ветхи, а бегучий такелаж почти весь сгнил. Оно мерзко во-няло каменноугольным дегтем, которым было замазано от носа до кормы и от крыши каюты до выдвижного киля. И в довершение на обоих его бортах из конца в конец огромными белыми буквами было выведено: "Каменноугольная смола "Мэгги".

В пути из Тибурона до острова Аспарагус, куда мы прибыли на следующий день, все обошлось без происшествий, хотя смеху было много. Флотилия устричных хищников, состоявшая из порядочного числа шлюпок, стояла на якоре у так называемых "Заброшенных отмелей". Наша "Мэгги", с легким ветерком за кормой, хлюпая, вклинилась между шлюпками пиратов, и они высыпали на палубу, чтобы посмотреть

на нас. Нам с Николасом удалось раскусить нрав нашей посуды, и мы старались вести ее как можно более неумело.

— Это еще что? — воскликнул кто-то.

— Назови, как хочешь, — отозвался другой.

— Бьюсь об заклад, что это и есть Ноев ковчег, — сострил Сороконожка с палубы "Призрака".

— Эй, да это же клипер! — крикнул еще один шутник. — В какой порт изволите следовать?

Мы не обращали внимания на насмешки и, прикидываясь неопытными новичками, делали вид, будто всецело заняты нашей "Мэгги". Я обогнул "Призрака" с наветренной стороны, а Николас побежал вперед отдать якорь. Все видели: что наша цепь спуталась в клубок и якорь не мог достать дна. И на глазах у всех мы ужасно долго возились, силясь вытравить цепь. Как бы то ни было, нам вполне удалось обмануть пиратов, которых наши затруднения приводили в неистовый восторг.

Цепь не желала распутываться. Под градом насмешек и язвительных советов мы отошли назад и наскочили на "Призрака", бушприт которого врезался в наш грот и проткнул дыру величиной с амбарную дверь. Сороконожка и Дельфин корчились от смеха на палубе, предоставив нам справляться на свой страх и риск. В конце концов мы справились, хотя действовали очень неумело. Мы высвободили якорную цепь, но вытравили ее футов на триста, хотя глубина под нами едва достигала десяти футов. Это дало нам возможность двигаться по окружности шестьсот футов диаметром, и в этом круге "Мэгги" могла зацепить, по крайней мере, половину флотилии.

Суда стояли вплотную друг к другу на коротких тросах, и поскольку погода была тихой, устричные пираты громко запротестовали против того, что мы по невежеству вытравили якорную цепь на столь недопустимо большую длину. Они не только протестовали, но вынудили нас выбрать ее, оставив лишь тридцать футов.

Полагая, что они достаточно уверились в нашей неопытности, мы с Николасом спустились в каюту, чтобы поздравить друг друга и приготовить ужин. Только мы поели и вымыли посуду, как к борту "Мэгги" подошел ялик, и по палубе затопали тяжелые

сапоги. Потом над люком появилось омерзительное лицо Сороконожки, и он в сопровождении Дельфина спустился в каюту. Не успели они сесть на койку, как подошел второй ялик, потом третий, четвертый, пока, наконец, в каюте не собралась вся флотилия.

— Где вы стянули эту старую лохань? — спросил малорослый, волосатый, похожий на мексиканца мужчина со злыми глазами.

— Нигде не стянули, — в тон ему ответил Николас, поддерживая в пиратах подозрение, что мы действительно украли "Мэгги". — А если и стянули, так что из этого?

— Ничего, только не очень я одобряю ваш вкус, — с издевкой усмехнулся тот, что походил на мексиканца. — Я бы сгнил на берегу, но не польстился на лоханку, которая сама у себя путается под ногами.

— А откуда нам было знать, не испытываешь ее? — спросил Николас с таким невинным видом, что все покатались со смеху. — А как вы ловите устриц? — быстро добавил он. — Нам нужно целую гору устриц, для этого мы и пришли сюда, целую гору.

— А для чего они вам понадобились? — осведомился Дельфин.

— Раздарить друзьям, на что еще, — нашелся Николас. — Для этого они, должно быть, нужны и вам.

Ответ вызвал новый взрыв смеха; гости становились все благодушнее, и мы уже не сомневались, что они ничуть не подозревают, кто мы такие и зачем явились.

— Не тебя ли я видел на днях на Оклендской пристани? — вдруг спросил меня Сороконожка.

— Меня, — смело ответил я, хватая быка за рога. — Я следил за вами и прикидывал, есть ли нам расчет ввязываться в это дело. Я решил, что это выгодная работа, вот мы и взялись за нее. Конечно, — поспешил я добавить, — если вы не против.

— Скажу вам раз и навсегда, — заявил он. — Придется вам поднатужиться и добыть себе шлюпку получше. Мы не допустим, чтоб нас срамили таким вот корытом. Ясно?

— Как божий день! — ответил я. — Продадим немного устриц и снарядимся, как положено.

— Что ж, если вы покажете себя правильными людьми, — продолжал Сороконожка, — топайте с на-

ми. — Но ежели нет, — голос его стал суровым и угрожающим, — каюк. Попомните это. Ясно?

— Как божий день, — ответил я.

Еще несколько минут пираты таким же манером поучали и запугивали нас, а потом разговор принял общий характер, и из него мы узнали об их намерении ограбить отмели той же ночью. Через час, когда хищники собрались уходить, нам было предложено участвовать в набеге. "Чем больше народу, тем веселее", — сказал кто-то.

— Ты заметил этого малого, смахивающего на мексиканца? — спросил Николас, когда они удалились на свои шлюпки. — Его зовут Бэрчи. Он из банды "Бесшабашная жизнь", а тот, что с ним, Скиллинг. Они оба выпущены на поруки под залог в пять тысяч долларов.

Я слышал о банде "Бесшабашная жизнь" — шайке хулиганов и преступников, терроризировавших нижние кварталы Окленда; две трети из них постоянно сидели в местной тюрьме за разные преступления, начиная от лжесвидетельства и жульничества с бюллетенями во время выборов и кончая убийством.

— Вообще-то они не занимаются кражей устриц, — продолжал Николас. — И явились сюда лишь поозорничать да подзаработать. Но за ними надо следить в оба.

В одиннадцать часов, когда мы сидели в кубрике, уточняя подробности нашего плана, до нас вдруг донеслись со стороны "Призрака" мерные удары весел. Мы подтянули свой ялик, бросили туда несколько мешков и поплыли к "Призраку". Там мы застали лодки в полном сборе, ибо пираты решили напасть на отмели скопом.

К моему удивлению, в том месте, где мы отдали якорь на десять футов, теперь глубина едва достигала одного фута. Была пора большого прилива июньского полнолуния, а так как до конца отлива оставалось еще полтора часа, то я знал, что к наступлению малой воды наша якорная стоянка окажется на суше.

Отмели мистера Тафта находились на расстоянии трех миль, и мы долго в полном молчании шли в кильватере остальных лодок, порой застревая на мели или задевая дно веслом. В конце концов мы сели на илистый грунт, покрытый водой не больше, чем на

два дюйма. Дальше лодки плыть не могли. Однако пираты мгновенно оказались за бортом, и, толкая и подтягивая свои плоскодонные ялики, мы неуклонно двигались вперед.

Полную луну временами закрывали высокие облака, но пираты шли с уверенностью людей, не раз проделывавших этот путь. С полмили мы тащили свои лодки по илу, потом снова сели в них и вошли в глубокий канал, по обе стороны которого высились поблескивающие устрицами отмели. Наконец-то мы достигли места, где собирают устриц. С одной из отмелей нас окликнули двое сторожей и велели убираться. Сороконожка, Дельфин, Бэрчи и Скиллинг вышли вперед и двинулись прямо на сторожей. Мы вместе с остальными — нас было не менее тридцати человек в пятнадцати лодках — поплыли вслед за ними.

— Убирайтесь-ка отсюда, пока целы, — угрожающе сказал Бэрчи, — не то мы всадим в ваши лодки столько свинца, что они даже в патоке не удержатся на плаву!

Перед столь превосходящими силами сторожа благоразумно отступили и направили свою лодку вдоль канала к берегу. По нашему плану им и полагалось отступить.

Мы втащили лодки носом на край большой отмели, разбрелись во все стороны и стали собирать устриц в мешки. Время от времени заволакивавшие луну облака редели, и мы ясно видели перед собой крупных устриц. Мешки наполнялись мгновенно, их тотчас уносили в лодки, а оттуда брали другие. Мы с Николасом, не набирая много устриц, то и дело возвращались к лодкам, но всякий раз наталкивались на кого-нибудь из пиратов, шедших туда и обратно.

— Не тужи, — сказал Николас. — Чего спешить? Чем дальше придется ходить за устрицами, тем больше времени понадобится, чтобы относить мешки. Тогда они будут оставлять полные мешки прямо на месте, чтобы во время прилива приплыть за ними на лодках.

Прошло добрых полчаса, вода уже начала прибывать, и вот тут-то все и началось. Оставив хищников за работой, мы украдкой пробрались к лодкам и, бесшумно столкнув их одну за другой в воду, быстро составили неуклюжую флотилию. В ту минуту, когда мы сталкивали последний ялик, наш собственный,

подошел один из пиратов. Это был Бэрчи. Быстрым взглядом он вмиг оценил положение и кинулся на нас, но мы, сильно оттолкнувшись, ушли вперед, и он упал в воду. Выбравшись на отмель, от тотчас поднял крик, предупреждая об опасности.

Мы гребли изо всех сил, но с таким количеством лодок на буксире двигались медленно. С отмели хлопнул выстрел, второй, третий, и началась самая настоящая канонада. Пули так и шлепались вокруг нас, но густые облака застлали луну, и в мутной тьме стрельба была беспорядочной. В нас могли попасть разве только ненароком.

— Был бы у нас маленький паровой катер, — задыхаясь, прошептал я.

— Хоть бы луна больше не показывалась, — тяжело дыша, отозвался Николас.

Мы шли медленно, но каждый удар весел уводил нас все дальше и дальше от мели и приближал к берегу. Наконец стрельба стихла, и, когда луна вновь вышла из облаков, мы были уже вне опасности. Вскоре нас окликнули с берега, и две адмиралтейские шлюпки, каждая с тремя гребцами на веслах, понеслись нам навстречу. Чарли радостно улыбался и, пожимая нам руки, кричал:

— Молодцы! Молодцы оба!

Мы подвели флотилию к берегу, и сразу же я, Николас и один из сторожей сели на весла в адмиралтейскую шлюпку, а Чарли на корму. Две другие шлюпки последовали за нами, и, поскольку луна теперь светила ярко, мы без труда отыскивали устричных пиратов на дальней отмели. Но стоило нам подойти ближе, как пираты открыли стрельбу из своих револьверов, и мы живо отступили на безопасную позицию.

— Нам спешить некуда, — сказал Чарли. — Вода прибывает быстро, и, когда она подступит к горлу, им уже будет не до стрельбы.

Мы сушили весла, ожидая, пока прилив сделает свое дело. Положение пиратов становилось отчаянным: после большого отлива вода стремительно, как по мельничному лотку, неслась назад, и даже лучший в мире пловец не одолел бы против течения трех миль пути. Путь к бегству в сторону берега отрезали мы, ибо наши лодки стояли между берегом и отмелями. Вода

меж тем быстро заливала отмели и через несколько часов неминуемо должна была покрыть пиратов с головой.

Было удивительно тихо; в искрящемся белом свете луны мы наблюдали за пиратами в бинокль и рассказывали Чарли о нашем плавании на "Мэгги". Наступил час, потом два часа ночи; хищники, стоя по пояс в воде, столпились на самой высокой отмели.

— Вот доказательство того, как важна смекалка, — говорил Чарли. — Сколько лет Тафт старался заполучить их, но он лез напролом, и ничего у него не получалось. А мы поработали головой...

Тут до меня донесся едва слышный плеск и, подняв руку в знак молчания, я обернулся и показал на рябь, которая медленно расходилась по воде большими кругами. Это произошло не более чем в пятидесяти футах от нас. Мы замерли, ожидая, что будет дальше. Через минуту вода раздалась футах в шести от нас, и в свете луны показалась черная голова и белое плечо. Человек удивленно фыркнул, шумно выпустил воздух, и тотчас голова и плечо скрылись под водой.

Несколькими ударами весел мы ушли вперед и поплыли по течению. Четыре пары глаз впились в водную гладь, но так и не увидели ни кругов на воде, ни черной головы, ни белого плеча.

— Это, Дельфин, — сказал Николас. — Его и днем-то не очень поймашь.

Без четверти три пираты проявили первые признаки слабости. Мы слышали крики о помощи и сразу узнали голос Сороконожки, а когда подошли ближе, в нас уже больше не стреляли. Положение Сороконожки было воистину отчаянным. Чтобы легче было устоять против течения, хищники держались друг за друга и над водой были только их головы да плечи, тогда как ноги Сороконожки не доставали дна и он буквально висел на своих приятелях.

— Ну, ребята, — весело сказал Чарли, — вот вы и попались! Теперь вам не уйти. Если будете сопротивляться, оставим вас здесь, и вода вас прикончит. Но если будете послушными, мы возьмем вас на борт, каждого по очереди, и все будут спасены. Что вы на это скажете?

— Ладно, — хором просипели пираты, стуча зубами от холода.

— Тогда подходите поодиночке и сперва малорослые.

Первым взяли на борт Сороконожку, он пошел охотно, хотя и стал было протестовать, когда полицейский надевал ему наручники. Вторым втащили Бэрчи, который от долгого пребывания в воде при-смирел и стал совсем покорным. Приняв на борт десяти-терых, мы отошли, и пираты полезли во вторую шлюпку. Третьей досталось только девять пленников, а весь улов насчитывал двадцать девять человек.

— А Дельфина вы так и не поймали, — торжест-вующе заявил Сороконожка, словно бегство Дельфи-на основательно умалило наш успех.

— Зато видели, — засмеялся Чарли. — Плыл, фыркая, к берегу и хрюкал, как боров.

В устричный склад мы привели с берега кроткую и дрожавшую от озноба банду пиратов. На стук Чарли дверь широко распахнулась, и нас обдало волной приятного тепла.

— Можете высушить здесь свою одежду и выпить горячего кофе, — возвестил Чарли, когда все ввали-лись в дом.

А там, у огня с кружкой дымящегося кофе в руках, мирно сидел Дельфин. Мы с Николасом одновремен-но взглянули на Чарли. Он весело рассмеялся.

— Результат смекалки, — сказал он. — Когда что-нибудь видишь, надо осмотреть со всех сторон, иначе что толку? Я видел берег и потому оставил там двоих полицейских — пусть приглядывают. Вот и вся не-долга.

ОСАДА "ЛАНКАШИРСКОЙ КОРОЛЕВЫ"

Вероятно, самым трудным в практике нашей рыбачьей патрульной службы был тот случай, когда нам с Чарли Ле Грантом пришлось в течение двух недель держать в осаде большое четырехмачтовое английское судно. Под конец это дело превратилось для нас в настоящую математическую задачу, и только чистая случайность позволила нам благополучно разрешить ее.

Разделавшись с устричными пиратами, мы вернулись в Окленд, но прошло еще две недели, прежде чем миновала опасность для жизни жены Нейла Партингтона и она оправилась от болезни. Итак, в общей сложности, лишь через месяц наш "Северный олень" вновь появился в Бенишии. Без кота мышам раздолье: за этот месяц рыбаки совсем от рук отбились и стали беззастенчиво нарушать закон. Огибая мыс Педро, мы заметили признаки оживления среди ловцов креветок, а по заливу Сан-Пабло шныряло немало рыбачьих баркасов с Верхнего залива, владельцы которых, завидев нас, спешили вытащить из воды свои сети и поднять паруса.

Все это, конечно, не могло не вызвать подозрений. Мы тут же приступили к расследованию, и в первой же и единственной лодке, что нам удалось захватить, оказалась сеть, которой ловля сельди была запрещена. По закону расстояние в петле от узла до узла

должно быть не меньше семи с половиной дюймов, меж тем как в сети, захваченной нами, узлы находились один от другого на расстоянии трех дюймов. Это было злостным нарушением закона, и мы арестовали двух находившихся в лодке рыбаков. Одного из них Нейл Партингтон взял на "Северного оленя", где тот должен был помочь нашему патрульному вести судно, а мы с Чарли, забрав второго с собой, ушли вперед на задержанном баркасе.

Меж тем сельдяная флотилия что есть духу понеслась к берегам Петалумы, и на всем пути через залив Сан-Пабло мы не увидели больше ни одного рыбака. Наш пленник, бронзовый от загара бородач грек, угрюмо сидел на своей сети, а мы вели его судно. То был новенький баркас с реки Колумбии для ловли лососей, видимо, впервые в плавании, и управлять им было одно удовольствие. Наш пленник не произносил ни слова и казалось, не замечал нас даже тогда, когда Чарли расхваливал его баркас, так что вскоре мы потеряли к нему всякий интерес, решив, что он крайне необщительный человек.

Мы прошли Каркинезский пролив и свернули в бухту у Тернерской верфи, где море было спокойнее. Там в ожидании груза пшеницы нового урожая стояло несколько английских парусников с железным корпусом, и там же, на том самом месте, где был задержан Большой Алек, мы внезапно наткнулись на ялик с двумя итальянцами, оснащенный "китайской лесой" для ловли осетров. Это явилось полной неожиданностью как для них, так и для нас: не успели они и опомниться, как мы уже были рядом. У Чарли едва хватило времени привести к ветру и подвернуть к ним. Я побежал вперед и бросил конец, приказав, не мешкая, закрепить его. Один из итальянцев стал заматывать его на нагель, а я поспешил убрать наш парус. Баркас рванулся назад, потащив за собой ялик.

Чарли пошел на нос, намереваясь перепрыгнуть на захваченное судно, но, когда я ухватился за трос, чтобы подтащить ялик поближе, итальянцы отдали конец. Нас тут же начало сносить под ветер, меж тем как они, достав две пары весел, повели свое легкое суденышко прямо против ветра. Этот маневр сперва обескуражил нас, ибо мы не могли надеяться догнать их на веслах в своей большой, тяжело нагруженной

лодке. И вдруг на помощь пришел наш пленник. Его черные глаза засверкали, лицо загорелось от сдерживаемого волнения, когда он опустил выдвижной киль и, одним прыжком очутившись на носу, поставил парус.

— Не зря говорят, что греки не любят итальянцев, — смеясь, заметил Чарли и бросился на корму к румпелю.

Никогда прежде я не видел, чтобы один человек так страстно желал поймать другого, как наш пленник во время этой погони. Он был так возбужден, что его глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит, а ноздри неестественно трепетали и раздувались. Чарли правил рулем, а он — парусом; и, хотя Чарли был скор и проворен, как кошка, грек с трудом сдерживал свое нетерпение.

Итальянцы были отрезаны от берега — их отделяла, самое меньшее, добрая миля пути. Если бы они попытались держать прямо к берегу, то мы, идя за ними при боковом ветре, догнали бы их прежде, чем они прошли восьмую часть этого расстояния. Нет, они были слишком благоразумны, чтобы сделать такую попытку, и продолжали энергично грести против ветра вдоль правого борта большого судна под названием "Ланкаширская королева". За кораблем в сторону противоположного берега тянулась открытая полоса воды шириною в добрых две мили. Идти туда они тоже не осмеливались, ибо мы неминуемо нагнали бы их. Так что, когда они достигли носа "Ланкаширской королевы", им не оставалось ничего другого, как обогнуть его и направиться вдоль левого борта к корме, идя, таким образом, по ветру и оставляя преимущество за нами.

Мы в своем баркасе, держа круто к ветру, легли на другой галс и срезали нос кораблю. Чарли переложил руль под ветер, и мы пошли по левому борту "Королевы"; грек, ухмыляясь от удовольствия, потравил шкот. Итальянцы уже успели пройти половину длины корабля, но крепкий попутный бриз гнал нас куда быстрее, чем они могли двигаться на веслах. Мы подходили все ближе и ближе, и я, перейдя на нос, уже приготовился было зацепить ялик, как вдруг он нырнул под широкую корму "Ланкаширской королевы".

Погоня, собственно, началась сначала. Итальянцы

шли на веслах по правому берегу корабля, а мы, держа в крутой бейдевинд, постепенно уходили от "Королевы", пытаясь выбраться на ветер. Потом ялик юркнул под нос корабля и пошел по его левому борту, а мы легли на другой галс, срезали нос кораблю и по ветру пустились за ними вдогонку. И снова только я потянулся к ялику, как он нырнул под корму корабля и был таков. И так мы делали круг за кругом, и каждый раз итальянцам удавалось, правда, едва-едва, ускользнуть от опасности.

Тем временем экипаж корабля узнал о том, что происходит, и мы увидели над собой длинный ряд зрителей, с интересом следивших за погоней. Всякий раз, когда мы упускали ялик у кормы, они орали от восторга и бросались к противоположному борту "Ланкаширской королевы", чтобы насладиться тем, как мы будем гнаться за яликом против ветра. Они забрасывали нас и итальянцев остротами и советами и так разозлили нашего грека, что он по крайней мере раз в каждом круге угрожающе потрясал кулаком. Они уже стали ждать этого жеста и встречали его бурным весельем.

— Как в настоящем цирке! — крикнул один из них.

— А еще сомневаются, есть ли на море ипподром! А это что, если не ипподром? — подтвердил второй.

— Шестидневные бега, ежели вам угодно, — возвестил третий. — Кто говорит, что итальяшки не выиграют?

На следующем повороте против ветра грек предложил Чарли поменяться местами.

— Позвольте мне вести лодку, — попросил он. — Уж я-то догоню их. Я их наверняка поймаю.

То был удар по профессиональной гордости Чарли, ибо он не раз хвалился своим умением вести парусное судно. Тем не менее он передал румпель пленнику и занял его место у паруса. Мы сделали еще три круга, и грек убедился, что не может выжать из своего баркаса большей скорости, чем это сумел сделать Чарли.

— Бросьте эту затею, — посоветовал сверху один из матросов.

Грек свирепо нахмурился и потряс кулаком на прежний манер. Меж тем моя голова лихорадочно работала, и в конце концов меня осенила неплохая идея.

— Сделаем еще один круг, Чарли, — сказал я.

И когда мы легли на другой галс и снова пошли против ветра, я привязал кусок троса к небольшому четырехлапому крюку, который лежал на дне баркаса. Второй конец я прикрепил к носовому рыму и, спрятав крюк, стал ждать случая пустить его в ход. Ялик снова ушел под ветер к левому борту "Ланкаширской королевы", и мы опять пустились по ветру вдогонку за яликом. Мы подходили к итальянцам все ближе, и я сделал вид, будто, как прежде, хочу поймать их. Корма ялика находилась от нас не более чем в шести футах, когда итальянцы, вызываясь засмеявшись, юркнули под корму корабля. В это мгновение я неожиданно выпрямился и метнул крюк. Расчет оказался верным, крюк зацепился за планшир ялика, и канат, натянувшись, вытащил маленькое суденышко из его убежища прямо к носу нашего баркаса.

Сверху, где столпились матросы, донесся стон сожаления, тут же сменившийся криками восторга, ибо один из итальянцев достал длинный складной нож и перерезал канат. Но мы уже вытянули их из безопасного места, и Чарли, сидевший у шкота на корме, наклонился вперед и ухватился за корму ялика. Все это произошло в одну секунду: в то мгновение, когда первый итальянец отсекал канат, а Чарли уцепился за ялик, второй итальянец ударил его веслом по голове. Чарли выпустил добычу и, оглушенный ударом, свалился на дно нашей лодки, итальянцы же налегли на весла и исчезли за кормой корабля.

Грек, действуя одновременно румпелем и шкотом, продолжал погоню вокруг "Ланкаширской королевы", а я занялся Чарли, на голове у которого выросла ужасная шишка. Наши зрители-матросы неистовствовали от восторга, и все, как один, подбадривали удиравших итальянцев. Чарли сел и, прижав руку к голове, недоуменно осмотрелся.

— Теперь-то уж я ни за что не позволю им уйти, — наконец сказал он, доставая револьвер.

Когда мы делали следующий круг, он пригрозил итальянцам своим оружием, но они продолжали невозмутимо грести, сохраняя превосходный темп и не обращая ни малейшего внимания на оружие.

— Если вы не остановитесь, я буду стрелять! — сурово крикнул Чарли.

Однако угроза не возымела действия; они отказались капитулировать даже тогда, когда несколько пуль пронеслось в непосредственной близости от них. Им не хуже нас было известно, что Чарли не станет стрелять в безоружных людей, и они по-прежнему упорно кружили вокруг корабля.

— В таком случае мы их загоняем! — воскликнул Чарли. — Они у нас попляшут! Мы из них все жилы вытянем!

Итак, погоня продолжалась. Еще двадцать раз мы заставили итальянцев обойти "Ланкаширскую королеву" и наконец увидели, что даже их железные мускулы сдают. Они уже выбивались из сил, и еще несколько кругов доконали бы их, если бы дело не приняло новый оборот. Всякий раз, идя против ветра, они имели перед нами преимущество, так что, когда они подходили к середине "Ланкаширской королевы", мы были только у ее носа. В последний раз обогнув нос, мы увидели, что итальянцы быстро поднимаются по трапу, неожиданно спущенному с корабля. Этот ход был подстроен матросами, очевидно, с согласия капитана, ибо, когда мы подошли, трап был уже поднят, а ялик качался высоко в воздухе на судовых шлюпбалках.

Последовавший разговор с капитаном был короток и ясен. Капитан категорически запретил нам подняться на борт "Ланкаширской королевы" и наотрез отказался выдать итальянцев. К этому времени Чарли был так же взбешен, как и наш грек. Он не только потерпел неудачу в долгой и нелепой погоне, но вдобавок был оглушен ударом по голове, нанесенным улизнувшими от нас браконьерами.

— Пусть меня повесят, — решительно заявил он, стукнув кулаком по ладони другой руки, — если эти двое удерут от нас! Я буду караулить их здесь до конца отпущенных мне дней, а если за это время не поймаю их, обещаю, что все равно умру не раньше, чем сцапаю их, не будь я Чарли Ле Грант.

Так началась осада "Ланкаширской королевы", сохранившаяся в анналах истории как самих рыбаков, так и рыбачьего патруля. Когда "Северный олень" после бесплодного преследования сельдяной флотилии вернулся в Бенишию, Чарли попросил Нейла Партингтона выслать нам свою лососевую лодку, по-

грузив в нее одеяла, провизию и печку. Обмен лодками произошел перед заходом солнца, и мы попрощались с нашим греком, которому предстояло сесть в Бенишии в тюрьму за то, что он нарушил закон. Мы с Чарли после ужина и до рассвета попеременно несли четырехчасовые вахты. Этой ночью рыбаки не делали попыток удрать, но с корабля была выслана на берег лодка с разведывательной целью.

На другой день мы наладили регулярную осаду и уточнили свой план, не забыв о собственных удобствах. Хорошую службу нам сослужил док под названием Соланская пристань, находившийся чуть пониже Бенишии. Оказалось, что "Ланкаширская королева", берег у Тернерской верфи и Соланская пристань составляли углы большого равнобедренного треугольника. Одна сторона треугольника — расстояние от корабля до берега, которое могли бы покрыть итальянцы, равнялась другой его стороне — расстоянию от Соланской пристани до берега, которое нам предстояло пройти так, чтобы не позволить итальянцам высадиться на берег. Но поскольку парусник идет намного быстрее гребного судна, то можно было разрешить итальянцам пройти половину их стороны треугольника, прежде чем пуститься в погоню по своей стороне. Если бы мы дали им возможность пройти больше половины пути, они добрались бы до берега раньше нас; опять-таки, пустись мы вдогонку, прежде чем они пройдут половину пути, им удастся укрыться от нас на корабле.

Мы заметили, что воображаемая линия, проведенная от конца пристани к ветряной мельнице, стоявшей немного дальше на берегу, делит ровно пополам ту сторону треугольника, по которой должны были идти к берегу итальянцы. Эта линия помогла нам определить, как далеко можно позволить им уйти, прежде чем пуститься в погоню. День за днем мы следили в бинокль, как итальянцы неторопливо гребли к точке на полпути, и стоило им выйти на одну линию с мельницей, как мы мигом вскакивали в свою лодку и ставили парус. Но, увидев, что мы готовы к погоне, они поворачивали и медленно шли назад к "Ланкаширской королеве", зная, что нам их не догнать.

На случай штиля, когда парусная лодка была бы

бесполезна, у нас стоял наготове легкий ялик, оснащенный веслами с вогнутыми лопастями. Но в те дни, когда ветер падал, мы были вынуждены покидать пристань, как только итальянцы отходили от корабля. Ночью же нам приходилось патрулировать в непосредственной близости от корабля, и тогда мы с Чарли несли вахту, сменяя друг друга каждые четыре часа. Однако итальянцы предпочитали для побега день, и наши ночные бдения были напрасны.

— Больше всего меня бесит, — сказал как-то Чарли, — то, что мы лишены заслуженного сна, меж тем как эти наглецы-браконьеры безмятежно спят по ночам. Но они мне заплатят за все! — пригрозил он. — Я их продержу на этом корабле до тех пор, пока капитан не взыщет с них за квартиру и харчи! Это так же верно, как то, что осетр не сом!

Нам предстояло решить мучительно трудную задачу. Пока мы были начеку, итальянцы не могли удрать; но, и нам не удалось бы поймать их, пока они соблюдают осторожность. Чарли совсем извелся, ломая себе голову над решением этой задачи, однако на сей раз его смекалка ему изменила. Видимо, не было иного выхода, как терпеливо ждать. Это была игра, и выиграть ее мог тот, у кого окажется больше терпения. Приятели итальянцев на берегу придумали целую систему сигнализации, с помощью которой легко переговаривались с ними, что особенно раздражало нас и ни на минуту не позволяло ослабить осаду. Кроме того, на Соланской пристани постоянно вертелись два или три подозрительного вида рыбака и шпионили за нами. Но нам ничего другого не оставалось, как, по словам Чарли, "скрывать свои муки за улыбкой". Меж тем осада отнимала все наше время и не давала возможности заняться чем-нибудь другим.

Дни шли, но положение не менялось. Не потому, что итальянцы не делали никаких попыток его изменить. Как-то ночью их приятели с берега даже вышли на ялике в море, чтобы обмануть нас и помочь тем бежать. Попытка эта не удалась только потому, что блоки талей у шлюпбалок были плохо смазаны. Нас отвлек от погони за незнакомым яликом скрип шлюпбалок, и мы вернулись к "Ланкаширской королеве" в ту самую минуту, когда итальянцы спускали свой ялик на воду. На следующую ночь в темноте

возле нас сновало целых шесть яликов, но мы прилипли к борту корабля, как пиявки, тем самым сорвав план рыбаков, а потому они под конец разозлились и почем зря стали осыпать нас бранью. Чарли, сидя на дне лодки, смеялся про себя.

— Это хорошая примета, сынок, — сказал он мне. — Когда люди начинают браниться, значит, они потеряли терпение, а потеряв терпение, они вскоре теряют и голову. Помяни мое слово, если только мы продержимся, в один прекрасный день они забудут осторожность, и тогда им крышка.

Но они не забывали осторожность, и Чарли признался, что это тот случай, когда все приметы врут. Терпение итальянцев, казалось, не уступало нашему, и столь же однообразно протекала вторая неделя осады, как вдруг проснулась дремавшая смекалка Чарли, и он придумал одну хитрость.

В Бенишию приехал новый, незнакомый рыбакам патрульный Питер Бойлен, и мы сделали его участником нашего плана. По мере сил своих мы старались сохранить нашу затею в тайне, но приятели итальянцев на берегу что-то заподозрили и велели осажденным глядеть в оба.

В ту ночь, когда мы намеревались осуществить свою уловку, я и Чарли в гребной лодке, как обычно, заняли свое место у борта "Ланкаширской королевы". После того как совсем стемнело, Питер Бойлен вышел в море в неустойчивой, утлой лодчонке, такой, какую можно подхватить и унести под мышкой. Услышав, что он подходит, шумно ударяя веслами по воде, мы отошли на небольшое расстояние в темноту и остановились. Поравнявшись с "Ланкаширской королевой", Питер лихо окликнул стоявшего на вахте у якоря матроса и, спросив его, где стоит "Шотландский вождь" — другое судно, ожидавшее груза пшеницы, — по неловкости опрокинул свою лодчонку. Человек, стоявший на вахте, сбегал по трапу вниз и вытащил Питера из воды. А ему только этого и нужно было; теперь он надеялся попасть на корабль, где в каюте он согреется и высушит одежду. Однако капитан негостеприимно держал его на нижней ступеньке трапа; ноги его болтались в воде, и он так дрожал от холода, что мы не вытерпели, вышли из темноты и взяли его в нашу лодку. Шуточки и насмешки про-

снующейся команды звучали в наших ушах как угодно, только не сладостно, и даже оба итальянцев влезли на поручень и смеялись над нами, заливчато и злобно.

— Ничего, — сказал мне Чарли так тихо, что только один я расслышал, — я очень рад, что мы не смеемся первыми. Мы прибережем свой смех к концу, не правда ли, сынок?

Потом он похлопал меня по плечу, но мне показалось, что в его голосе больше решимости, чем надежды.

Мы могли, конечно, заручиться помощью полиции и взойти на борт английского корабля по распоряжению властей. Но в инструкции Рыболовной комиссии было сказано, что патрульные должны избегать осложнений, и, вмешайся высшие власти, наш случай мог бы кончиться международным конфликтом.

Вторая неделя осады подходила к концу, но не было видно никаких признаков перемены обстановки. Все же утром четырнадцатого дня положение изменилось, при этом самым неожиданным и удивительным образом как для нас, так и для людей, которых мы так жаждали поймать.

Мы с Чарли возвращались к Соланской пристани, как обычно, проведя ночь в дозоре у борта "Ланкаширской королевы".

— Эй! — воскликнул Чарли в изумлении. — Во имя разума и здравого смысла скажи мне: что это такое? Видел ли ты когда-нибудь такое чудное судно?

Да, было чему удивляться, ибо на причале стоял баркас, подобного которому я и в самом деле никогда не встречал. Его, собственно, нельзя было назвать баркасом, но он походил на баркас больше, чем на какое-либо другое судно. Он был длиною в семьдесят футов, но очень узок и почти без всяких надстроек, отчего казался меньше, чем был в действительности. Сделан он был весь из стали и выкрашен в черный цвет. На середине высились в ряд на значительном расстоянии одна от другой с наклоном к корме три дымовые трубы; нос же, длинный и острый, как нож, свидетельствовал о том, что судно строили с расчетом на большую скорость. Проходя мимо кормы, мы прочитали написанное на борту мелкими белыми буквами: "Стрела".

Мы с Чарли сгорали от любопытства. Через несколько минут мы уже были на борту и беседовали с механиком, который стоял на палубе и любовался восходом солнца. Он охотно удовлетворил наше любопытство, и мы скоро узнали, что "Стрела" пришла поздно вечером из Сан-Франциско, что этот переход можно считать пробным и что судно принадлежит Сайлесу Тейту, молодому миллионеру с калифорнийских рудников, который помешан на быстроходных яхтах. Потом заговорили о турбинных двигателях, о применении пара, об отсутствии поршней, штоков и кривошипов — словом, о таких вещах, в которых я ничего не смыслил, так как знал только парусные суда. Однако последние слова механика я отлично понял.

— Хотите верьте, хотите нет, но мощность "Стрелы" — четыре тысячи лошадиных сил, а скорость — сорок пять миль в час! — с гордостью заключил он.

— Повторите это, дружище! Повторите! — взволнованно воскликнул Чарли.

— Четыре тысячи лошадиных сил и сорок пять миль в час! — добродушно усмехаясь, повторил механик.

— Где ее владелец? — воскликнул Чарли. — Могу я потолковать с ним?

— Боюсь, что нет, — покачав головой, ответил механик. — Он еще спит.

В эту минуту на палубу поднялся молодой человек в синей куртке и, пройдя к корме, стал глядеть на небо.

Чарли пошел на корму и заговорил с ним: он что-то с жаром рассказывал, и по выражению лица молодого владельца судна можно было судить, что рассказ его забавляет. Видимо, он спросил, какая глубина воды у берега возле Тернерской верфи, ибо я увидел, как Чарли жестами объяснял ему. Несколько минут спустя Чарли вернулся в превосходном настроении.

— Пошли, сынок, — сказал он мне. — Пошли на пристань. Теперь уж мы их не выпустим.

Нам здорово повезло в том, что мы сразу покинули "Стрелу", ибо почти тут же появился один из шпионивших за нами рыбаков. Мы с Чарли заняли свое обычное место на причале возле нашей лодки, чуть впереди от "Стрелы", откуда было удобно наблюдать

за "Ланкаширской королевой". До девяти часов все было спокойно, потом мы увидели, что итальянцы отошли от корабля и по своей стороне треугольника направились к берегу. Чарли сидел с самым невозмутимым видом, но не успели они покрыть и четверти расстояния, как он взволнованно прошептал:

— Сорок пять миль в час... Им нет спасения... Они наши!

Итальянцы медленно гребли и уже были почти на одной линии с ветряной мельницей. В эту минуту мы обычно вскакивали в свою лодку и ставили парус; двое в ялике, ожидая, что мы и сейчас так поступим, видимо, удивились нашему бездействию.

Когда они оказались точно на линии с мельницей, на одинаковом расстоянии от берега и от корабля, ближе к берегу, чем мы позволяли им подойти до сих пор, у них возникли подозрения. Мы следили за ними в бинокль и увидели, как они встали в своем ялике, пытаясь догадаться, что мы собираемся делать. Озадачен был и шпион, сидевший рядом с ними на причале. Он не мог понять, почему мы не трогаемся с места. Итальянцы подошли еще ближе, снова поднялись и стали пристально всматриваться в берег, словно думая, что мы так спрятались. Тут на берегу появился какой-то человек и замахал платком, давая знать, что путь свободен. Тогда итальянцы решились. Они налегли на весла и ринулись вперед, но Чарли все еще выжидал. Только когда они прошли три четверти расстояния от "Ланкаширской королевы" и до берега осталось немногим больше четверти мили, Чарли хлопнул меня по плечу и крикнул:

— Попались! Попались!

Мы пробежали несколько шагов, отделявших нас от "Стрелы", и прыгнули к ней на борт. В одно мгновение были отданы носовые и кормовые концы, и "Стрела" стремительно понеслась вперед. Шпионивший за нами рыбак, который остался на пристани, выхватил револьвер и, не переводя дыхания, пять раз выстрелил в воздух. Итальянцы поняли, что их предостерегают, и, как безумные, пустились наутек.

Но если сказать, что они удирали, как безумные, то какими словами можно описать наше движение? Мы буквально летели. С такой дикой скоростью мы рассекали воду, что за бортом с двух сторон вздымались

тяжелые лавины, которые, пенясь, разбегались тремя могучими вертикальными волнами, а с кормы на нас алчно наседали огромный гребенчатый вал, готовый, казалось, в любую секунду обрушиться на судно и уничтожить его. "Стрела" дрожала, трепетала, рычала, как живое существо. Ветер, который мы поднимали, был подобен урагану — урагану со скоростью в сорок пять морских миль в час. Мы не могли повернуться к нему лицом и едва переводили дыхание. Он относил выходявший из жерл труб дым прямо назад под прямым углом к движению судна. Мы мчались со скоростью экспресса. "Мы прямо-таки неслись стрелой", — говорил потом Чарли, и вряд ли подберешь слова, которые более точно описали бы скорость нашего движения.

Что касается итальянцев в ялике, то мне казалось, что мы нагнали их, едва успев отойти от пристани. Конечно, пришлось умерить ход задолго до того, как мы подошли к ним; но все равно "Стрела" вихрем пронеслась мимо, и мы были вынуждены повернуть назад, описав дугу между ними и берегом. Итальянцы напряженно гребли, приподнимаясь над банкой при каждом ударе весел, до той самой минуты, когда мы промчались мимо них и они узнали нас с Чарли. Это их совершенно обескуражило, и от их воинственности и следа не осталось. Они мрачно вытащили свои весла из воды и позволили себя арестовать.

— Все это так, Чарли, — сказал Нейл Партингтон, когда мы потом на пристани поведали ему о нашей победе, — но я не понимаю, в чем проявилась твоя хваленая смекалка на этот раз.

Однако Чарли остался верен своему коньку.

— Смекалка? — переспросил он, указывая на "Стрелу". — Взгляни-ка на это судно? Ты только взгляни! Уж если изобретение такого судна не результат смекалки, тогда что это такое, хотел бы я знать? Конечно, — добавил он, — на этот раз смекалка не моя, но свое дело она сделала.

УЛОВКА ЧАРЛИ

Быть может, самый смешной и в то же время самый опасный подвиг наш рыбачий патруль совершил в тот день, когда мы одним махом захватили целую ораву разъяренных рыбаков.

Чарли называл эту победу богатым уловом, и хотя Нейл Партингтон говорил о хитрой уловке, я думаю, Чарли не видел тут разницы, считая, что оба слова означают "выловить", "захватить". Но будь то уловка или улов, а эта схватка с рыбаками стала для них настоящим Ватерлоо, ибо то было самое тяжелое поражение, какое когда-либо нанес им рыбачий патруль, — и поделом: ведь они открыто и нагло нарушили закон.

Во время так называемого "открытого сезона" рыбаки имеют право ловить столько лососей, сколько им посчастливится встретить или сколько влезет в их лодки. Однако с одним существенным ограничением. С заката солнца в субботу и до восхода в понедельник ставить сети не разрешается. Таково мудрое постановление Рыболовной комиссии, ибо во время нереста необходимо дать лососям возможность подниматься в реку, где они мечут икру. И этот закон, кроме одного-единственного раза, всегда строго соблюдался греческими рыбаками, ловившими лососей для консервных заводов и продажи на рынке.

Как-то в воскресное утро приятель Чарли сообщил

нам по телефону из Коллинсвиля, что весь рыбачий поселок вышел в море и ставит сети. Мы с Чарли тотчас вскочили в лодку и отправились на место происшествия. С легким попутным ветерком мы прошли Каркинезский пролив, пересекли Сьюисанскую бухту, обогнули маяк Шип-Айленд и увидели всю рыбо-ловецкую флотилию за работой.

Но прежде всего позвольте мне объяснить, каким способом они ловили рыбу. Они ставили так называемые "жаберные сети". Это простые сети с ромбовидными петлями, в которых расстояние между узлами должно быть не больше семи с половиной дюймов. Такие сети бывают от пятисот до семисот и даже восьмисот футов длины, а ширина их всего несколько футов. Они не закрепляются на одном месте, а плывут по течению, причем верхний край держится на воде с помощью поплавков, а нижний тянут ко дну свинцовые грузила.

Благодаря такому устройству сеть стоит вертикально поперек течения и пропускает в реку только самую мелкую рыбешку. Лососи плывут обычно поверху и попадают головой в петли, но из-за своей толщины они не могут проскользнуть сквозь сеть, а назад их не пускают жабры, которые цепляются за петли. Чтобы поставить такую сеть, нужны всего два рыбака: один гребет, а другой, стоя на корме, осторожно закидывает сеть в воду. Растянув всю сеть поперек реки, рыбаки привязывают один ее конец к лодке и плывут вместе с ней по течению.

Когда мы приблизились к нарушившим закон рыболовам — их сети были заброшены на расстоянии двухсот — трехсот ярдов друг от друга, а река, насколько хватал глаз, была сплошь усеяна лодками, — Чарли сказал:

— Одно досадно, парень, что у меня не тысяча рук, чтобы захватить их всех сразу. А так больше одной лодки нам не поймать: пока мы будем с ней возиться, остальные выберут сети и удерут.

Мы подошли поближе, но не заметили ни беспокойства, ни суматохи, которые неизменно вызывало наше появление. Напротив, все лодки спокойно оставались возле своих сетей, и рыбаки не обращали на нас ни малейшего внимания.

— Странно, — пробормотал Чарли. — Может, они нас не узнали?

Я ответил, что этого быть не может, и Чарли согласился со мной. Перед нами растянулась целая флотилия, которой управляли люди, как нельзя лучше знавшие нас, а между тем они смотрели на нашу лодку так равнодушно, как будто мы были какой-нибудь шаландой с сеном или увеселительной яхтой.

Однако картина несколько изменилась, когда мы направились к ближайшей сети: ее владельцы отвязали свою лодку и стали потихоньку грести к берегу. Но остальные рыбаки по-прежнему не проявляли никаких признаков беспокойства.

— Право, забавно, — заметил Чарли. — Во всяком случае, мы можем конфисковать сеть.

Мы убрали парус, схватили конец сети и принялись тянуть ее в лодку. Но стоило нам взяться за сеть, как мимо нас просвистела пуля и щелкнула по воде, а вдали прокатился ружейный выстрел. Уплывшие на берег рыбаки стреляли в нас. Мы снова взялись за сеть, и снова просвистела пуля, на этот раз угрожающе близко. Чарли зацепил конец сети за уключину и сел. Выстрелы прекратились. Но только он взялся за сеть, опять началась стрельба.

— Ничего не попишешь, — сказал он, выбрасывая за борт конец сети. — Вам, ребята, видно, сеть нужна больше, чем нам, так получайте ее.

И мы поплыли к следующей лодке: Чарли хотел выяснить, действительно ли перед нами организованное нарушение закона.

Когда мы подошли поближе, сидевшие в лодке рыбаки тоже отвязали свою сеть и двинулись к берегу, а первые двое вернулись и привязали лодку к брошенной нами сети. Но только мы взялись за вторую сеть, на нас опять посыпались пули, и стрельба прекратилась, лишь когда мы отступили; у третьей лодки повторилась та же история.

Потерпев полное поражение, мы прекратили свои попытки, поставили парус, легли на длинный наветренный галс и двинулись обратно в Бенишию. Прошло еще несколько воскресений, и каждый раз рыбаки открыто нарушали закон. Без помощи вооруженных солдат мы ничего не могли с ними поделать. Рыбакам пришлась по душе их новая выдумка, и они пользовались ею всюду, а мы не знали, как справиться с ними.

К этому времени Нейл Партингтон вернулся из Нижней бухты, где пробыл несколько недель. С ним был и Николас, юноша-грек, который участвовал в набеге на устричных пиратов, и они оба решили помочь нам. Мы тщательно обдумали план действий и договорились, что они устроят засаду на берегу и, когда мы с Чарли начнем вытаскивать сети, захватят рыбаков, которые выйдут из лодки и начнут нас обстреливать.

План был очень хорош. Даже Чарли его одобрил. Однако греки оказались куда хитрее, чем мы думали. Они нас опередили, устроили сами засаду на берегу и захватили в плен Нейла и Николаса, а когда мы с Чарли попытались забрать сети, вокруг нас засвистели пули, как и в прошлый раз. Нам снова пришлось отступить, и тогда рыбаки тотчас отпустили Нейла и Николаса. Они вернулись к нам очень сконфуженные, и Чарли безжалостно высмеял их. Но Нейл тоже не остался в долгу и язвительно спрашивал у Чарли, куда девалась его хваленая смекалка и как это он до сих пор ничего не придумал.

— Дай срок, придумаю, — обещал Чарли.

— Все может быть, — соглашался Нейл, — но боюсь, что к тому времени лососей совсем не останется и твоя смекалка будет ни к чему.

Нейл Партингтон, весьма раздосадованный происшедшим, снова отправился в Нижнюю бухту, прихватив с собой и Николаса, а мы с Чарли снова остались одни. Это значило, что воскресная ловля будет идти своим чередом, по крайней мере, до тех пор, пока Чарли не осенит какая-нибудь счастливая идея. Я тоже ломал себе голову, стараясь придумать, как бы изловить греков, и мы составляли тысячу планов, которые на поверку никуда не годились.

Греки же ходили, задрав нос, хвастались направо и налево своей победой, и это еще больше унижало нас. Вскоре мы заметили, что среди рыбацкого населения наш авторитет явно упал. Мы были побеждены, и рыбаки потеряли к нам уважение. А с потерей уважения начались и дерзости. Чарли прозвали "Старой бабой", а меня окрестили "Сосунком". Положение становилось невыносимым, и мы чувствовали, что должны нанести грекам решительный удар, дабы вновь поднять свой авторитет на прежнюю высоту.

Как-то утром нам наконец пришла в голову счастливая мысль. Мы были на пристани, где останавливаются пароходы, и увидели толпу грузчиков и зевак, теснившихся вокруг какого-то парня с заспанным лицом, в высоких морских сапогах, который развлекал их, рассказывая о своих злоключениях. Этот рыболов-любитель, по его словам, ловил возле Беркли рыбу для продажи на местном рынке. Беркли находится в Нижней бухте, за тридцать миль от Бенишии. Прошлой ночью он закинул сеть и незаметно задремал на дне своей лодки. Проснулся он уже утром и, когда продрал глаза, увидел, что его лодка тихонько стучается о причал паровой пристани в Бенишии, а перед ним торчит пароход "Апаш", и двое матросов снимают обрывки его сети с парового колеса. Словом, когда он заснул, фонарь на его лодке потух, и "Апаш" прошел прямо по его сети. Хотя сеть и разорвалась в клочья, однако она накрепко зацепилась за колесо и тридцать миль тащила лодку за собой.

Чарли подтолкнул меня локтем в бок. Я сразу понял его мысль, но возразил:

— Мы не можем нанять пароход.

— Я и не собираюсь, — ответил он. — Но давай-ка сходим в Тернерскую верфь. У меня есть одна мылишка, авось, она нам пригодится.

И мы отправились на верфь, а там Чарли повел меня к "Мэри-Ребекке", вытасченной из воды на слип для чистки и ремонта. Мы оба хорошо знали эту плоскодонную посудину, она поднимала сто сорок тонн груза, а такой большой парусности не было ни у одной шхуны во всем заливе.

— Как дела, Оле? — крикнул Чарли здоровенному шведу в синей рубашке, который смазывал усы гота-гафеля свиным жиром.

Оле что-то промышчал и продолжал дымить трубкой, не отрываясь от работы. Капитану шхуны, которая ходит по заливу, приходится работать не покладая рук, не меньше своих матросов.

Оле Эриксен подтвердил догадку Чарли: как только ремонт будет закончен, "Мэри-Ребекка" отправится вверх по реке Сан-Хоакин в Стоктон за грузом пшеницы. Тогда Чарли высказал свою просьбу, но Оле Эриксен решительно покачал головой.

— Всего один крюк, один крепкий крюк, — уговаривал Чарли.

— Нет, это я не могу, — отвечал Оле Эриксен. — "Мэри-Ребекка" с такой крюк будет цеплять каждый чертов мель. Я не желал потерять "Мэри-Ребекка". Это все, что я имел.

— Да нет же, нет, — уверял его Чарли. — Мы просунем конец крюка сквозь дно и закрепим его внутри гайкой. Когда мы покончим с нашим делом, нам останется только спуститься в трюм, вывинтить гайку и вытолкнуть крюк. Потом мы вставим в отверстие деревянную затычку, и твоя шхуна будет в полном порядке.

Оле Эриксен долго упирался, но мы угостили его хорошим обедом и в конце концов уломали.

— Ну, валяйте, разрази вас гром! — сказал он, стукнув огромным кулачищем себя по ладони. — Но поторопитесь с этот крюк. "Мэри-Ребекка" пошел на воду сегодня в ночь.

Была суббота, и Чарли следовало поспешить. Мы отправились в кузницу при верфи, где по указанию Чарли нам выковали огромный, сильно изогнутый стальной крюк. Затем мы поскорее вернулись к "Мэри-Ребекке". Чуть позади большого килевого колодца, через который проходит выдвижной киль, мы пробуравили дыру. Я вставил в нее снаружи крюк, а Чарли изнутри прочно закрепил его гайкой. Когда мы кончили работу, крюк торчал на фут из днища шхуны. Он был изогнут в виде серпа, но еще круче.

К вечеру "Мэри-Ребекка" была спущена на воду, и все приготовления к отплытию закончены. Чарли и Оле пристально всматривались в вечернее небо, стараясь угадать, будет ли завтра ветер: без хорошего бриза наш план был обречен на провал. Они оба пришли к заключению, что все приметы предсказывают сильный западный ветер — не обычный дневной бриз, а почти шторм, который уже начал разгрываться.

Наутро их предсказания подтвердились. Солнце ярко сияло, но в Каркинезском проливе завывал штормовой ветер, и "Мэри-Ребекка" вышла под двумя рифами на гроте и одним на фокке. В проливе и в Сьюисанской бухте нас сильно потрепало, но вскоре мы вошли в более защищенное место, и стало тише, хотя ветер по-прежнему хорошо наполнял паруса.

Миновав маяк Шип-Айленд, мы отдали рифы; по

распоряжению Чарли большой рыбачий стаксель был изготовлен к подъему, а грота-топсель, пришнурованный у топа мачты, был разобран так, что мы могли поставить его в любую минуту.

Мы быстро шли фордевинд, неся паруса бабочкой, стаксель на правом борту и грот на левом, и вскоре увидели впереди флотилию рыбаков. Как и в то воскресенье, когда им удалось впервые провести нас, вся река, насколько хватало глаз, была усеяна их лодками и сетями. У правого берега они оставили узкий проход для судов, а вся остальная поверхность воды была сплошь покрыта широко растянутыми сетями. Нам, конечно, следовало бы войти в этот проход, но Чарли, стоявший у руля, направил "Мэри-Ребекку" прямо на сети. Однако это не вызвало тревоги среди рыбаков, ибо суда, идущие вверх по реке, ставят обычно на конце киля так называемые "башмаки", которые скользят по сетям, не зацепляя их.

— Готово дело! — крикнул Чарли, когда мы быстро пересекли длинный ряд поплавков, отмечавших край сети. На одном конце этого ряда плавал маленький бочонок — буюк, а на другом была лодка с двумя рыбаками. Бочонок и лодка вдруг начали быстро сближаться, а рыбаки, увидев, что мы тащим их за собой, принялись громко кричать. Две-три минуты спустя мы зацепили вторую сеть, за ней третью и, двигаясь посредине флотилии, цепляли на крюк одну сеть за другой.

Потрясенные рыбаки смотрели на нас в полном смятении. Как только мы цепляли сеть, оба ее конца, буюк и лодка сближались и неслись за нашей кормой; и вся эта стая лодок и буйков мчалась за нами с такой головокружительной быстротой, что рыбаки едва успевали управлять с лодками, стараясь не разбиться друг о друга. Греки орали что есть мочи, требуя, чтобы мы остановили судно; они думали, что это веселая шутка подвыпивших матросов, им и в голову не приходило, что на шхуне рыбачий патруль.

Даже одну сеть тащить нелегко, и Чарли с Оле Эриксоном решили, что, несмотря на попутный ветер, "Мэри-Ребекке" не справиться больше чем с десятью сетями. Поэтому, подцепив десяток сетей и волоча за собой десяток лодок с двадцатью рыбаками, мы свернули влево, оставив позади флотилию, и направились в Коллинсвилль.

Мы ликовали. Чарли гордо стоял у руля, как будто вел домой победившую на гонках яхту. Два матроса, составлявшие весь экипаж "Мэри-Ребекки", потешались и скалили зубы. Оле Эриксен потирал свои ручки с детской радостью.

— Я думал, ваш рыбачий патруль никогда не имел такой удача, как на шхуне Оле Эриксена, — сказал он, как вдруг за кормой хлопнул выстрел, прожужжала пуля, чиркнула по свежевыкрашенной обшивке каюты и, ударившись о гвоздь, со свистом отскочила в сторону.

Для Оле Эриксена это было уже слишком. Увидев, что ему испортили новенькую обшивку, он вскочил и погрозил рыбакам кулаком; но тут вторая пуля угодила в стенку каюты, в шести дюймах от его головы, и он поскорей растянулся на палубе, укрывшись за бортом.

У всех рыбаков были ружья, и теперь они принялись палить все разом. Мы попрятались кто куда, даже Чарли пришлось бросить штурвал. Если бы не тяжелые сети за кормой, мы наверняка попали бы в руки разъяренных рыбаков. Но сети, прочно зацепившиеся за днище "Мэри-Ребекки", тащили ее корму на ветер, и она по-прежнему делала курс, хотя и не очень точно.

Лежа на палубе, Чарли мог дотянуться до нижних спиц рулевого колеса, но управлять шхуной таким способом было крайне неудобно. Тут Оле Эриксен припомнил, что в трюме у него лежит большой стальной лист. Это был кусок бортовой обшивки "Нью-Джерси": пароход недавно потерпел крушение возле Золотых ворот, и "Мэрри-Ребекка" принимала участие в его спасении.

Двое матросов, Оле и я осторожно проползли по палубе и притащили тяжелый стальной лист наверх, а затем поставили его на корме, как щит, загородив штурвал от рыбаков. Пули щелками и звенели, ударяясь о гудевший, как колокол, щит, но Чарли только посмеивался в своем укрытии и спокойно правил рулем. И так мы мчались вперед: за кормой — орава вопивших от ярости греков, впереди — Коллинсвиль, а вокруг рой свистевших пуль.

— Оле, — сказал вдруг Чарли упавшим голосом, — я не знаю, что нам теперь делать.

Оле лежал на спине у самого борта и усмехался,

глядя в небо; он повернулся на бок и взглянул на Чарли.

— Я думал, мы будем идти в Коллинсвилль, как хотел раньше, — ответил он.

— Но мы не можем там остановиться, — простонал Чарли. — Я никак не ожидал, что мы не сможем остановиться.

Широкое лицо Оле Эриксона выразило полную растерянность.

Увы, это была правда. За спиной у нас осиное гнездо, а остановиться в Коллинсвиле — значит сунуть в это гнездо голову.

— У каждого чертова грека ружье, — весело сказал один из матросов.

— Да еще нож в придачу, — отозвался второй.

Теперь уж застонал Оле Эриксен.

— И зачем только шведский человек, как я, совать свой нос в чужие дела, будто обезьяна! — пробормотал он про себя.

Пуля щелкнула по корме и пролетела над правым бортом, жужжа, как разозленная пчела.

— Остается только пристать к берегу, бросить "Мэри-Ребекку" и удрать, — сказал веселый матрос.

— Бросать "Мэри-Ребекку"? — воскликнул Оле Эриксен с непередаваемым ужасом в голосе.

— Дело ваше, — отозвался тот. — Только я хотел бы оказаться за тысячу миль отсюда, когда эти парни взберутся на борт. — И он указал на беснующихся греков, которых мы продолжали тащить за собой.

Мы как раз поровнялись с Коллинсвилем, и, вспенивая воду, прошли так близко от пристани, что до нее можно было добросить камень.

— У меня одна надежда, что ветер продержится, — сказал Чарли, украдкой поглядывая на наших пленников.

— А что нам ветер? — уныло спросил Оле. — Скоро по реке нельзя пройти, и тогда... тогда...

— Тогда мы заберемся в глухие места и попадем в лапы грекам, — добавил веселый матрос, пока Оле раздумывал над тем, что случится, когда мы дойдем до истока реки.

Мы подошли к тому месту, где река расходилась на два рукава. Налево было устье реки Сакраменто, а направо устье реки Сан-Хоакин. Веселый матрос

прополз вперед и перебросил фок, а Чарли взял праворуля, и мы свернули направо в устье реки Сан-Хоакин. Попутный ветер, который гнал нас вперед на ровный киль, теперь задул справа по борту, и "Мэри-Ребекка" так резко накренилась, что, казалось, вот-вот опрокинется.

Но мы все так же мчались вперед, а рыбаки неслись за нами. Стоимость их сетей была значительно выше штрафов, которые с них брали за нарушение законов о рыбной ловле, и потому, хотя им ничего не стоило отвязать свои лодки и удрать, они на этом ничего бы не выгадали. Кроме того, они не бросали своих сетей инстинктивно, как моряк не бросает своего корабля. Но главное, в них все росла жажда мести, и мы могли быть уверены, что они последуют за нами хоть на край света, если нам вздумается тащить их в такую даль.

Стрельба прекратилась, и мы отважились выглянуть за корму, посмотреть, что делают наши пленники. Их лодки следовали за нами на разных расстояниях друг от друга, но четыре передние выравнились и шли рядом. Передняя лодка, видно, бросила с кормы конец той, что шла за ней. Лодки ловили концы, отделялись от своих сетей и подтягивались друг к другу, пока не стали в одну линию. Однако мы шли с такой скоростью, что произвести этот маневр было очень нелегко. Порой, несмотря на все усилия, им не удавалось подтянуться ни на дюйм, но иногда они двигались довольно быстро.

Когда четыре лодки сбилизись настолько, что из одной в другую мог перебраться человек, из трех задних лодок перешло в переднюю по одному греку, и каждый захватил с собой ружье. Таким образом в передней лодке собралось пять человек, и мы сразу поняли, что они намереваются взять нас на абордаж. Но, чтобы осуществить свое намерение, им надо было изрядно потрудиться: приходилось подтягиваться за веревку с поплавками, все время перехватывая руки. И все же, хотя они двигались очень медленно и часто останавливались передохнуть, им удавалось потихоньку подбираться к нам все ближе и ближе.

Чарли улыбался, глядя на их усилия.

— Поставь-ка топсель, Оле! — сказал он.

Под свист пуль шнуровка на топе мачты была разорвана, шкот и галс оттянуты втугую, и "Мэри-

Ребекка", сильно накренившись, понеслась еще быстрее.

Но греки не сдавались. Не в силах при такой скорости подтягивать лодку вручную, они сняли блоки со своих парусов и соорудили то, что моряки называют "хват-тали". Один из рыбаков, лежа на носу лодки, свешивался как можно дальше за борт и, пока товарищи держали его за ноги, прикреплял блок к натянутому краю сети. Затем они все вместе тянули за тали, пока блоки не сходились, и снова повторяли этот маневр.

— Придется отдать стаксель! — сказал Чарли.

Оле Эриксен посмотрел на дрожавшую от напряжения "Мэри-Ребекку" и покачал головой.

— Тогда вылетят мачты, — сказал он.

— А иначе мы вылетим со шхуны, — возразил Чарли.

Оле с тревогой взглянул на мачты, потом на лодку с вооруженными греками и согласился.

Пятеро греков столпились на носу — место опасное, когда лодка идет на буксире. Я наблюдал, что станется с их лодкой, когда мы поставим большой рыбачий стаксель: он несравненно больше марсея и ставится только при легком бризе. Когда "Мэри-Ребекка" стремительно рванулась вперед, лодка зарылась носом в воду, а люди, цепляясь друг за друга, как безумные, бросились на корму, спасая лодку от гибели.

— Это охладит их пыл! — заметил Чарли, но я видел, что он с тревогой следит за ходом "Мэри-Ребекки", которая несла гораздо больше парусов, чем ей было под силу.

— Следующая остановка — Антиох! — возвестил веселый матрос на манер железнодорожного кондуктора. — А за ней Мериуэзер.

— Поди-ка сюда поскорей, — позвал меня Чарли.

Я подполз к нему и стал рядом под защитой стального листа.

— Засунь руку мне в карман и достань записную книжку, — сказал он. — Так. Теперь вырви чистый листок и напиши то, что я скажу.

И я написал:

"Позвоните в Мериуэзер шерифу, констеблю или судье. Сообщите, что мы идем к ним. Пусть они поднимут на ноги весь город и вооружат людей. Пусть

приведут всех на пристань и встречают нас, иначе нам каюк”.

— Теперь сложи бумажку, привяжи к свайке и стой тут наготове, чтобы бросить ее на берег.

Я сделал все, как он сказал. Тем временем мы подошли к Антиоху. Ветер был в наших снастях, и ”Мэри-Ребекка”, почти опрокинувшись на бок, неслась вперед, как быстроходное океанское судно. Моряки на берегу Антиоха, увидев, что мы поставили марсель и стаксель — безрассудный маневр при таком ветре, — поспешили на пристань и стояли у причала, стараясь понять, в чем дело.

Не убавляя хода, мы подошли так близко к берегу, что любой из нас мог бы спрыгнуть на пристань. Тут Чарли дал мне знак, и я бросил свайку. Она громко стукнулась о дощатый настил, отскочила на пятнадцать—двадцать футов и была подхвачена пораженными зрителями.

Все это произошло в мгновение ока, в следующий миг Антиох остался позади, а мы уже неслись по Сан-Хоакину к Мериуэзеру, лежавшему в шести милях вверх по течению. Река повернула на восток, и мы снова мчались по ветру, поставив паруса бабочкой и перекинув стаксель на правый борт.

Оле Эриксен, казалось, погрузился в глубокое отчаяние. Чарли и двое матросов, напротив, не теряли надежды и, видимо, не без основания. В Мериуэзере жили главным образом углекопы и можно было ожидать, что в воскресный день все они в городе. К тому же углекопы никогда не питали особой любви к греческим рыбакам, и мы могли быть уверены, что они окажут нам горячую поддержку.

Мы напряженно всматривались вдаль, стараясь разглядеть город, и, как только увидели его, почувствовали огромное облегчение. Причалы были черны от народа. Подойдя поближе, мы увидели, что люди все прибывают, спускаясь бегом по главной улице, с ружьями в руках или за плечом. Чарли оглянулся на рыбаков, и в глазах его мелькнуло самодовольство победителя, какого я прежде у него не замечал. Греки были ошеломлены, увидев вооруженную толпу, и прятали свои ружья.

Мы убрали топсель и стаксель, потравили гротафал и, поравнявшись с главной пристанью, переки-

нули грот "Мэри-Ребекка" повернулась к ветру, лодки пленных рыбаков описали за ней широкую дугу и, когда мы, замедлив ход, отдали концы и пришвартовались к пристани, догнали нас. Мы причалили под радостные крики возбужденных углекопов.

У Оле Эриксена вырвался вздох облегчения.

— Я уже думал, никогда не увижу своя жена, — сознался он.

— Почему? Нам не грозила никакая опасность, — возразил Чарли.

Оле недоверчиво поглядел на него.

— Конечно, не грозила, — подтвердил Чарли. — Мы могли в любую минуту выбросить крюк, что я сейчас и сделаю, и греки забрали бы свои сети.

Он спустился в трюм с гаечным ключом, отвинтил гайку, и крюк выпал в воду. Когда греки вытащили сети и привели лодки в порядок, мы передали их с рук на руки отряду вооруженных граждан, и они проследовали в тюрьму.

— Я, кажется, валял большой дурак, — сказал Оле Эриксен.

Но он изменил свое мнение, когда восхищенные жители города столпились на борту, чтобы пожать ему руку, а несколько бойких репортеров принялись фотографировать "Мэри-Ребекку" и ее капитана.

ДЕМЕТРИОС КОНТОС

Из того, что я рассказывал о греках-рыбаках, не следует думать, что все они были преступниками. Отнюдь нет. Это были суровые люди, которые жили обособленными колониями и в борьбе со стихиями добывали свой хлеб насущный. Они не признавали закона и, считая его насилием и произволом, не понимали, зачем он нужен. Особенно тираническим казался им закон о рыбной ловле. И в нас, рыбачьих патрульных, они, естественно, видели своих врагов.

Мы угрожали их жизни и мешали добывать пропитание, что, в сущности, одно и то же. Мы подвергали конфискации их браконьерские сети и снасти, изготовление которых стоило им немало денег и требовало нескольких недель работы. Много раз в году, а то и на целый сезон мы запрещали им ловить рыбу, лишая заработка, какой они могли бы иметь, если бы нас не существовало. А когда они попадались нам в руки, мы предавали их суду, где с них взимали большой денежный штраф. Вот почему они нас ненавидели и радовались случаю нам отомстить. Патрульный — такой же естественный враг рыбака, как собака — кошки, а змея — человека.

Но пусть читатель не думает, что рыбаки умели только люто ненавидеть; нет, они были способны и на благородные поступки, в доказательство чего я и хочу рассказать историю о Деметриосе Контосе. Деметриос

Контос жил в Валлехо. После Большого Алека он был самым сильным, самым отважным и самым влиятельным человеком среди греков. Он ничем не беспокоил нас и вряд ли когда-нибудь столкнулся бы с нами, не обзаведись он новой лодкой для ловли лососей. Она-то и явилась причиной всех бед. Деметриос сделал ее по собственному образцу, слегка изменив очертания обычной лососевой лодки.

К его великому восторгу оказалось, что новая лодка очень быстроходна, быстроходнее всех лодок в заливе и впадающих в него реках. С той поры Деметриоса обуяли спесь и хвастливость. И когда нам с помощью "Мэри-Ребекки" удалось хорошенько припугнуть рыбаков, занимавшихся ловлей лососей в воскресенье, он послал в Бенишию вызов, который передал нам один из местных рыбаков. Смысл вызова был такой: в следующее воскресенье Деметриос Контос выйдет из Валлехо, закинет сеть на самом виду у Бенишии и будет ловить лососей, а патрульный Чарли Ле Грант пусть придет и поймает его, если сможет. Разумеется, мы с Чарли тогда ничего не знали о новой лодке Контоса. Наша же собственная была довольно быстроходной, и мы не боялись помериться силами с любой другой.

Настало воскресенье. Слух о вызове не замедлил распространиться: рыбаки и моряки Бенишии все, как один, пришли на пароходную пристань, так что она стала похожа на центральную трибуну во время футбольного матча. Мы с Чарли были настроены весьма скептически, но, увидев на пристани такую толпу, поняли, что Деметриос Контос полез на рожон не зря.

После полудня, когда морской бриз набрал силу, на горизонте показался парус судна, идущего на фор-дервинд. Футах в двадцати от пристани судно сделало поворот, и перед толпой предстал Деметриос Контос. Театральным жестом, словно рыцарь перед состязанием на турнире, он приветствовал восхищенных зрителей, встретивших его возгласами одобрения, и остановился в двухстах ярдах от берега. Потом он спустил парус, лег в дрейф по ветру и стал закидывать сеть. Он закинул ее не всю, а футов пятьдесят, не больше, однако нас с Чарли, как громом, поразила наглость рыбака. Тогда мы еще не знали — это стало нам известно позже, — что сеть была старой и негод-

ной. Она могла задержать рыбу, но сколько-нибудь значительный улов разорвал бы ее на куски.

— Признаться, я ничего не понимаю, — пожал плечами, заметил Чарли. — Пусть он закинул всего пятьдесят футов сети, что из этого? Ему все равно ее не вытащить, если мы двинемся за ним. И зачем он вообще явился сюда и нагло попирает закон у нас на глазах? Да еще у самого города, в котором мы живем.

В голосе Чарли слышались нотки обиды, и он несколько минут продолжал горячо возмущаться бесстыдством Деметриоса Контоса.

Тем временем человек, о котором шла речь, сидел развалившись на корме своей лодки и следил за поплавками. Когда в жаберную сеть попадает большая рыба, поплавки, приходя в движение, тотчас дают об этом знать. По-видимому, так случилось и сейчас, потому что Деметриос вдруг вытянул из воды футов двенадцать сети и, прежде чем бросить в лодку, поднял кверху крупного с блестящей чешуей лосося. Зрители на пристани наградили его троекратным ура. Тут уж Чарли не вытерпел.

— Пошли, сынок! — обратился он ко мне.

Не теряя времени, мы вскочили в свою лодку и поставили парус. Толпа громко закричала, предостерегая Деметриоса, и когда мы стремительно понеслись вперед, то увидели, как он отсек свою сеть длинным ножом. Парус на его лодке был мигом поднят и вскоре за полоскал на ветру в солнечном свете. Рыбак бросился к корме, выбрал шкоты и лег на длинный галс курсом к холмам Контра Коста.

К этому времени мы были уже не больше чем в тридцати футах от его кормы. Чарли ликовал. Он знал, что наша лодка быстроходна, и не сомневался, что мало найдется людей, способных сравниться с ним в умении вести лодку. Он был уверен, что мы поймаем Деметриоса, и я разделял его уверенность. Однако судьба, видимо, решила иначе.

Дул попутный ветер. Мы мягко скользили по воде, но Деметриос не спеша все больше и больше удалялся от нас. Он не только шел быстрее, но держал к ветру на какую-то долю румба круче, чем мы. Это особенно поразило нас, когда он сделал поворот, минуя холмы Контра Коста, и, пройдя мимо нас на другом галсе, оказался на добрую сотню футов впереди с наветренной стороны.

— Вот это да! — воскликнул Чарли. — Одно из двух: либо его лодка чудо из чудес, либо к нашему килю привязали пятигаллонный бочонок с каменноугольной смолой!

Третьей причины, видимо, быть не могло. А к тому времени, когда Деметриос прошел мимо Сономских холмов, расположенных по другую сторону залива, мы так безнадежно отстали, что Чарли велел мне потравить шкот, и мы двинулись назад, к Бенишии. Когда мы, возвратившись, ставили нашу лодку на прикол, рыбаки с пароходной пристани осыпали нас градом насмешек. Мы с Чарли ушли, чувствуя себя в дураках, ибо когда считаешь, что у тебя отличная лодка и ты умеешь ее вести, а является кто-то другой и оставляет тебя, это не может не быть ударом по самолюбию.

Несколько дней Чарли был как во сне; потом, как и в прошлый раз, нам сообщили, что в следующее воскресенье Деметриос Контос повторит свое представление. Чарли мигом пробудился. Вытащив нашу лодку из воды, он очистил и заново выкрасил днище, что-то изменил в конструкции выдвижного киля, переосновал бегучий такелаж и почти всю ночь под воскресенье шил новый, намного больший, чем прежний, парус. Чарли сделал его таким большим, что понадобился добавочный балласт, и мы уложили на дно нашей лодки старый железный рельс весом почти в пятьсот фунтов.

Пришло воскресенье, а вместе с ним явился и Деметриос Контос, чтобы вновь открыто, среди бела дня, нарушить закон. Опять дул послеполуденный бриз, и опять Деметриос Контос забросил футов сорок или пятьдесят своей гнилой сети и, подняв парус, ушел от нас из-под носа. Рыбак предвидел ход Чарли: его парус, к задней шкаторине которого он добавил целое полотнище, был поднят выше прежнего.

До холмов Контра Коста мы шли почти вровень, не обгоняя и не отставая друг от друга. Но, повернув к Сономским холмам, заметили, что почти при равной скорости движения Деметриос взял чуть-чуть более круто к ветру, чем мы. А ведь Чарли вел нашу лодку с предельной ловкостью и искусством и выжимал из нее больше, чем обычно.

Конечно, ничто не мешало Чарли вытащить револьвер и выстрелить в Деметриоса, но мы давно

убедились, что стрелять в убегающего человека, совершившего какой-нибудь незначительный проступок, противно нашей натуре. К тому же между патрульными и рыбаками существовало вроде негласного уговора: мы не стреляем в них, когда они удирают, а они, в свою очередь, не оказывают нам сопротивления, если удастся их задержать. Деметриос Контос уходил от нас, а нам не оставалось ничего другого, как изо всех сил стараться его догнать; с другой стороны, окажись наша лодка более быстроходной или ведем мы ее лучше, чем Деметриос свою, он, если бы нам удалось задержать его, наверняка не оказал бы нам никакого сопротивления.

При огромном парусе и резвившемся в Каркинезском проливе сильном ветре наше плавание было, как говорится, рискованным. Нам приходилось быть все время начеку, следить, чтобы нас не опрокинуло, и пока Чарли стоял на руле, я держал в руках гроташкот, обернув его всего один раз вокруг нагеля, готовый в любую секунду отдать его. У Деметриоса, который вел свой парусник один, руки были все время заняты.

Однако наша попытка его догнать оказалась тщетной. От природы сообразительный, он сумел соорудить лодку, оказавшуюся удачней нашей. И хотя Чарли шел не хуже, а то и чуть лучше Деметриоса, лодка его во многом уступала лодке грека.

— Трави шкот! — скомандовал Чарли, и когда наша лодка легла на фордевинд, до нас донесся уничтожающий смех Деметриоса.

— Бесполезное это дело, — качая головой, заметил Чарли. — У Деметриоса лодка лучше нашей. Если он попытается еще раз повторить свое представление, нам придется придумать в ответ что-нибудь новое.

На этот раз выручила моя смекалка.

— А что если в следующее воскресенье я один пушусь в погоню за Деметриосом, — предложил я в среду. — А ты будешь ждать его возвращения на пристани в Валлехо?

Чарли подумал минутку, потом хлопнул себя по колену.

— Прекрасная мысль! Ты начинаешь шевелить мозгами. Должен сказать, что делает честь твоему учителю. Только не загони его чересчур далеко, —

продолжал он, — а то он, вместо того чтобы вернуться домой в Валлехо, двинет в залив Сан-Пабло, а я так и буду дурак дураком стоять на пристани и ждать его.

В четверг у Чарли нашлось возражение против моего плана.

— Все будут знать, что я отправился в Валлехо, и, можешь не сомневаться, узнает и Деметриос. Как ни жаль, но от твоей затеи придется отказаться.

Довод был вполне веским, и остаток дня я ходил как в воду опущенный. Однако ночью мне вдруг показалось, что я нашел выход, и, полный нетерпения, я разбудил крепко спавшего Чарли.

— Ну, — промычал он, — что случилось? Дом горит?

— Нет, — ответил я, — у меня в голове горит. Слушай! В воскресенье мы с тобой будем болтать на пристани Бенишии, пока на горизонте не покажется парусник Деметриоса. Это усыпит подозрение. Когда же парусник подойдет ближе, ты не спеша побредешь в сторону города. Рыбаки решат, что ты побежден и признал свое поражение.

— Пока подходяще, — вставил Чарли, когда я остановился, чтобы перевести дух.

— И даже очень подходяще, — с гордостью продолжал я. — Так, значит, ты не спеша двинешься в сторону города, но как только скроешься из виду людей, стоящих на пристани, дашь ходу прямо к Дэну Мелони. Возьмешь его кобыленку и что есть духу промчишься по проселочной дороге в Валлехо. Дорога там хорошая, и ты доберешься до Валлехо раньше, чем Деметриос, которому придется все время идти против ветра.

— Утром я первым делом договорюсь насчет кобылы, — отозвался Чарли, безоговорочно приняв мой новый план.

Однако, только я успел как следует заснуть, он сам разбудил меня.

— Послушай, сынок, — посмеиваясь в темноте, сказал он, — не кажется ли тебе, что гоняться за браконьером верхом — дело не совсем привычное для рыбацкого патруля?

— На то и существует смекалка, — ответил я. — Ты сам постоянно твердишь: "Постарайся напасть на верную мысль раньше, чем твой приятель, и победа будет за тобой".

— Ха! Ха! — смеялся Чарли. — Уж если на этот раз верная мысль вместе с кобылкой не побьют Деметриоса, значит, я не ваш покорный слуга Чарли Ле Грант.

— Только сумеешь ли ты один управиться с лодкой? — спросил он в пятницу. — Не забудь, что парус у нас огромный.

Я так горячо убеждал его в своем мастерстве, что он больше не заговаривал об этом до субботы, когда предложил мне снять целое полотнище с задней шкаторины. Вероятно, на моем лице было написано столь сильное разочарование, что он не стал настаивать. Я и вправду так гордился своим умением вести парусную лодку, что мне прямо до безумия хотелось выйти в море одному и под большим парусом стрелой мчаться по Каркинезскому проливу в погоне за удирающим греком.

Как всегда, в воскресенье Деметриос Контос был тут как тут. У рыбаков уже вошло в привычку собираться на пароходной пристани, чтобы приветствовать его появление и посмеяться над нашим поражением. Деметриос спустил парус в нескольких сотнях ярдов от пристани и закинул свои обычные пятьдесят футов прогнившей сети.

— Сдается мне, эта забава будет продолжаться до тех пор, пока его ветхая сеть не порвется окончательно, — проворчал Чарли с расчетом быть услышанным кое-кем из греков.

— Тогда я дам ему мою, — быстро и не без коварства отозвался один из них.

— Незачем, — ответил Чарли, — у меня самого найдется завалящая сеть. Он сможет ее получить, если придет ко мне и попросит.

Греки ответили веселым смехом, ибо могли себе позволить добродушно шутить с человеком, которого так здорово околпачивали.

— Ну, пока, сынок, — минутой позже обратился ко мне Чарли. — Пожалуй, двинусь в город к Мелони.

— Можно мне взять лодку? — спросил я.

— Как хочешь, — ответил он и, круто повернувшись, медленно побрел прочь.

Деметриос вытащил из сети двух крупных лососей, и я вскочил в лодку. Рыбаки столпились вокруг, весело настроенные и, когда я стал поднимать парус, засы-

пали меня всевозможными шутливыми советами. Они даже предлагали друг другу заключить пари, что я непременно поймаю Деметриоса, а двое из них, разыгрывая роль судейских чиновников пресерьезно просили позволения отправиться вместе со мной, чтобы посмотреть, как я это сделаю.

Но я не торопился: я тянул время, чтобы дать Чарли возможность добраться до Валлехо. Делая вид, будто мне не нравится, как стоит парус, я слегка подтянул снасть, с помощью которой удерживается верхний конец гафеля. Только, когда по моим расчетам Чарли уже побывал у Дэна Мелони и сел верхом на его кобылку, я отошел от пристани и поставил парус по ветру. Сильный порыв ветра, наполнив парус, сразу резко накренил судно, и добрых два ведра воды попало в лодку. Такой пустяк, как этот, всегда может случиться с легким судном даже у самого опытного матроса, тем не менее, хотя я мгновенно потравил шкот и выровнял лодку, по моему адресу поднялась буря насмешливых рукоплесканий, словно я совершил невесть какой грубый промах.

Когда Деметриос увидел, что в рыбацкой патрульной лодке только один человек, да и тот мальчишка, он решил поиздеваться надо мной. Идя коротким галсом — я шел прямо за ним, отставая на неполных тридцать футов, — он несколько ослабил шкот и вернулся к пристани. И тут, делая короткие галсы, он стал кружиться, вертеться, вспарывая носом лодки воду, к великому восторгу симпатизирующих ему зрителей. Я все время шел за ним и смело проделывал все, что делал он, даже, когда он, идя на фордевинд, перекинул парус на другой борт — опаснейший маневр при таком большом парусе и таком сильном ветре.

Он рассчитывал, что крепкий бриз и сильное отливное течение, которые подняли на море страшное волнение, доведут меня до беды. Но я был в ударе и никогда в жизни не вел лодку лучше, чем в тот день. Меня можно было сравнить с точно выверенным механизмом, мозг мой работал ровно и быстро, руки безошибочно делали свое дело; я, казалось, предугадывал тысячи мелочей, которые опытный моряк обязан принимать во внимание в любую секунду.

Вместо меня беда постигла Деметриоса. Что-то разладилось в выдвижном киле его лодки, заело в

корпусе, и он не выдвигался от отказа. В минуту передышки, которой Деметриос добился путем какой-то хитроумной уловки, он стал торопливо возиться с выдвижным килем, стараясь сбить его вниз. Но времени у него было слишком мало, и пришлось снова взяться за руль и парус.

Выдвижной киль, видимо, сильно его беспокоил. Ему было уже не до игры со мной, и, делая длинные галсы, он двинулся к Валлехо. К моей радости, на первом же галсе я увидел, что могу держать к ветру чуть круче, чем он. Вот когда бы ему пригодился лишний человек в лодке; ведь я шел за ним на расстоянии каких-нибудь нескольких футов, и он не отваживался бросить руль, чтобы перебраться на середину лодки и опустить выдвижной киль!

Лишившись возможности приводить к ветру так круто, как прежде, он стал слегка потравливать шкот и идти полнее, стараясь меня обогнать. Я позволил ему это сделать, пока сам пытался выиграть ветер, чтобы настигнуть Деметриоса. Но, когда я подошел к нему совсем близко, он прикинулся, будто ложится на другой галс. Я стремительно рыскнул к ветру, чтобы опередить Деметриоса, но с его стороны это было лишь ловко проделанным трюком. Он взял прежний курс, мне же пришлось торопливо наверстывать потерянное расстояние.

Деметриос явно оказался искуснее меня, когда дело дошло до маневрирования. Много раз он был уже почти у меня в руках, но всякий раз ему удавалось провести меня и ускользнуть. К тому же ветер крепчал, и наши руки ни секунды не знали покоя, иначе нас неминуемо опрокинуло бы в море. Что до моей лодки, то она держалась на плаву только благодаря лишнему балласту. Я сидел, скорчившись, одной рукой держа руль, а другой шкот. А поскольку шкот был всего один раз обернут вокруг нагеля, он при каждом порыве ветра вырывался у меня из рук. В такие минуты парус терял ветер, и я, конечно, отставал. Утешением служило лишь то, что с лодкой Деметриоса происходило то же самое.

Сильный отлив, проносясь по Каркинезскому проливу навстречу ветру, вздымал могучие, сердитые волны, которые непрерывно бились о борт судна. Я промок до нитки, и даже мой парус был мокрешенек

вплоть до шкаторины. Один раз мне удалось ловким маневром нагнать Дементиоса, и моя лодка ударилась носом в среднюю часть его судна. Как мне нужен был в эту минуту помощник! Только было кинулся я вперед, чтобы прыгнуть к нему в лодку, как он веслом отпихнул мою лодку от своей и, делая это, оскорбительно рассмеялся прямо мне в лицо.

Мы находились уже в устье Каркинезского пролива, в очень опасной полосе. Здесь пролив Валлехо и Каркинезский пролив стремительно неслись навстречу друг другу. Через Валлехо текли воды реки Напа и огромного берегового отлива, а через Каркинезский мчались воды Сьюисанской бухты и рек Сакраменто и Сан-Хоакин. И там, где эти чудовищные потоки сталкивались, возникала страшная быстрина. В довершение всех бед, ветер дул в сторону бухты Сан-Пабло со скоростью пятнадцати узлов, обрушивая на быстрину громады волн.

Враждующие течения метались во всех направлениях, сталкиваясь, образуя водовороты, воронки и ключи, а сердитые волны, вздымаясь, захлестывали наши лодки как с наветренной, так и с подветренной стороны. И сквозь всю эту сумятицу беспорядочно, словно доведенные до безумия в своем движении, с грохотом неслись гигантские, кипучие валы из бухты Сан-Пабло.

Я так же неистовствовал, как бушующее море. Лодка шла великолепно; она стремительно мчалась вперед сквозь этот хаос, подобно скаковой лошади, преодолевая все препятствия. Все мое существо было полно неумемной радости. Огромный парус, вой ветра, бушующие волны, лодка, то и дело ныряющая в воду, и я, пигмей, не больше, чем пятнышко среди этих взбунтовавшихся стихий, подчиняю их своей воле, лечу сквозь них и над ними, торжествующий, победоносный!

И в ту минуту, когда я, словно герой-победитель, мчался вперед, раздался страшный треск, и лодка мгновенно стала. Меня швырнуло вперед; я упал на дно лодки. Когда я вскочил на ноги, передо мной мелькнуло что-то зеленоватое, замшелое, и я сразу понял, что это бичь мореплавателей — затонувшая свая. Никто не огражден от такого несчастья. Разбухшую от воды и плавающую у самой поверхности сваю

невозможно вовремя увидеть и обойти в бушующем море.

Видимо, раздробило весь нос лодки, так как через несколько секунд она уже наполовину была полна воды. Добавили воды и волны, и она пошла ко дну, увлекаемая тяжелым балластом. Все это случилось так быстро, что я запутался в парусе, и меня втянуло под лодку. Когда я с великим трудом выбрался на поверхность, полузадохнувшийся — мои легкие, казалось, вот-вот лопнут, — весел уже не было. Должно быть, их смыло бесноватой волной. Я увидел, что Деметриос Контос оглядывается из своей лодки, и услышал его насмешливый, полный мстительной злобы голос: он что-то ликуяще кричал! Он продолжал свой путь, покинув меня на верную гибель.

Мне ничего другого не оставалось, как ради своего спасения плыть вперед — в этой сумятице вопрос жизни и смерти решали какие-нибудь секунды. Набрав побольше воздуха и энергично работая обеими руками, я ухитрился скинуть свои тяжелые морские сапоги и куртку. Но легко сказать — набрать воздух; я быстро понял, что вся трудность не в том, чтобы плыть, а в том, чтобы дышать.

Меня швыряло из стороны в сторону, на меня обрушивались высокие, увенчанные белыми гребнями валы Сан-Пабло, душили вздымавшиеся волны, хлеща в глаза, нос, рот. Страшные воронки всасывали мои ноги и тянули вниз с тем, чтобы в следующий миг высоко подбросить вместе с кипящей ключом водой, и тут же — не успевал я перевести дух — огромная вспененная волна накрывала меня с головой.

Долго все это выдержать было невозможно. Я вдыхал больше воды, чем воздуха, и почти все время находился под водой. Рассудок начинал мне изменять, голова отчаянно кружилась. Я боролся за жизнь судорожно, инстинктивно и был почти уже в беспамятстве, как вдруг почувствовал, что меня схватили за плечи и втащили в лодку.

Некоторое время я лежал на банке лицом вниз, вода лилась у меня изо рта. Потом, все еще едва живой, я повернулся посмотреть, кто был моим спасителем. На корме, придерживая одной рукой парус, а другой руль, ухмыляясь и добродушно кивая мне, сидел Деметриос Контос. Сперва, рассказывал он позже, он решил было

бросить меня на произвол судьбы, но добро в его душе вступило в борьбу со злом, одержало победу и приказало вернуться ко мне.

— Тебе лучше? — спросил он.

Мне удалось изобразить на губах нечто вроде "да", однако говорить я еще не мог.

— Ты вел лодку очень хорошо, — сказал он. — Как настоящий мужчина.

Похвала в устах Деметриоса Контоса была для меня, конечно, очень лестной, и я оценил ее по достоинству, хотя в ответ сумел только кивнуть головой.

На этом наш разговор кончился, так как я был занят тем, что приходил в себя, а он возился с лодкой. Добравшись до пристани в Валлехо, Деметриос Контос привязал лодку и помог мне выбраться из нее. И вот, когда мы с ним стояли на пристани, из-за натянутых сетей вышел Чарли и положил руку на плечо Деметриоса.

— Он спас мне жизнь, Чарли, — запротестовал я. — И по-моему его не следует арестовывать.

На лице Чарли отразилась растерянность, но она исчезла, как только он принял решение.

— Ничем не могу помочь, сынок, — мягко ответил он. — Я не вправе нарушить свой долг, а мой прямой долг — арестовать его. Нынче воскресенье, а в лодке у него два лосося, которых он только что поймал. Как иначе мне поступить?

— Но он спас мне жизнь, — твердил я, не находя другого довода.

Лицо Деметриоса Контоса почернело от ярости, когда он услышал решение Чарли. Он чувствовал, что с ним поступили несправедливо. Добро в его душе восторжествовало, он проявил великодушие, спас беспомощного врага, а в благодарность его ведут в тюрьму.

Чарли и я дулись друг на друга, когда возвращались в Бенишию. Я придерживался духа закона, а не буквы; Чарли же отстаивал именно букву. Как он ни раскидывал умом, другого выхода ему не представлялось. Закон ясно гласил, что в воскресенье ловля лосося запрещена. Он служил патрульным, и следить за строгим выполнением закона было его долгом. И толковать тут больше не о чем. Он выполнил свой долг, и совесть его чиста. Тем не менее мне все это

казалось несправедливым и было очень жаль Дементриоса Контоса.

Через два дня мы явились в Валлехо на суд. Мне пришлось выступить свидетелем. Самой ненавистной из всех обязанностей, какие мне довелось выполнить в своей жизни, была необходимость, стоя на свидетельском месте, дать присягу, что я видел, как Дементриос Контос поймал двух лососей, тех самых, с которыми Чарли задержал его.

Дементриос нанял себе адвоката, но дело его было безнадежным. Присяжные удалились только на пятнадцать минут и вынесли решение: да, виновен. Судья приговорил Дементриоса к уплате штрафа в сто долларов или к пятнадцати дням тюремного заключения.

Чарли подошел к секретарю суда.

— Я уплачу этот штраф, — заявил он, выкладывая на стол пять золотых монет каждая по двадцать долларов. — Это единственный выход, сынок, — пробормотал он, поворачиваясь ко мне.

Слезы выступили у меня на глазах, когда я крепко стиснул ему руку.

— Я уплачу... — начал я.

— Свою половину? — прервал он меня. — Конечно, а как же иначе?

Тем временем Дементриос узнал от адвоката, что и ему заплатил Чарли.

Дементриос подошел к Чарли пожать руку; вся его горячая южная кровь бросилась ему в лицо. Не желая, чтобы его превзошли в великодушии, он настаивал, что сам уплатит штраф и вознаграждение адвокату, и очень рассердился, когда Чарли не согласился на его требование.

Этот поступок Чарли гораздо больше, чем все то, что мы делали до сих пор, убедил рыбаков в более глубоком, чем они полагали, значении закона. Чарли очень выиграл в их глазах; кое-что досталось и на мою долю — меня похвалили как паренька, который умеет вести парусную лодку. Дементриос Контос никогда больше не нарушал закона, он стал нам добрым другом и не раз заглядывал в Бенишию поболтать с нами.

ЖЕЛТЫЙ ПЛАТОК

— Конечно, не мое это дело, дружище, — сказал Чарли, — а только зря ты надумал устроить последнюю облаву. Тебе не раз доводилось попадать в опасные переплеты, иметь дело с опасными людьми, и ты остался целехонек, — вот будет обида, если с тобой под конец что стрясется.

— Но как же обойтись без последней облавы? — возразил я с юношеской самонадеянностью. — Сам знаешь, все имеет конец. А раз так, какая-нибудь из моих облав должна быть последней, тут уж ничего не поделаешь.

Чарли заложил ногу за ногу, откинулся на спинку стула и погрузился в раздумье.

— Твоя правда, — сказал он наконец. — Но почему бы тебе не считать последней облаву на Деметриоса Контоса? Ты вернулся с этого дела живым и здоровым, хоть и принял хорошую ванну, ну и... и... — Тут он замолчал, а немного погодя заговорил снова: — Словом, я никогда не прощу себе, если с тобой теперь приключится какая беда.

Я посмеялся над страхами Чарли, но не смог устоять перед уговорами этого человека, который горячо меня любил, и согласился считать, что последняя облава уже позади. Два года мы были с ним неразлучны, а теперь я уходил из рыбацкого патруля, чтобы вернуться в город и закончить образование. Я скопил

довольно денег, чтобы не знать нужды три года, пока не окончу среднюю школу, и, хотя до начала учебного года было еще много времени, я решил хорошенько подготовиться к приемным экзаменам.

Я уложил свои пожитки в матросский сундучок и собрался было ехать поездом в Окленд, как вдруг в Бенишии появился Нейл Партингтон. Он собирался срочно вести "Северного оленя" в Нижнюю бухту и по дороге должен был зайти в Окленд. Нейл жил в этом городе, и до окончания школы я собирался поселиться у него, а потому он предложил мне перенести на борт шлюпа мой сундучок, чтобы плыть вместе.

Я перенес сундучок, а на исходе дня мы отдали швартовы и подняли парус. Была осень, погода стояла коварная. Устойчивый морской бриз, который дул летом каждый день, сменился капризными порывистыми ветрами, небо заволокли тучи, так что трудно было предсказать, сколько продлится наше плавание. Мы тронулись в путь с началом отлива, и, когда шли через Каркинезский пролив, я бросил долгий, прощальный взгляд на Бенишию и на пристань у Тернерской верфи, где мы когда-то осадили "Королеву Ланкашира" и захватили Большого Алека, короля греков. А у выхода из пролива я с большим интересом осмотрел то место, где всего несколько дней назад непременно утонул бы, если б не благородный порыв Деметриоса Контоса.

Впереди, над заливом Сан-Пабло, стлался непроницаемый туман, и через несколько минут "Северный олень" уже шел вслепую в сырой мгле. Но у Чарли нюх был безошибочный, и он уверенно вел шлюп. Он признался нам, что сам не знает, как это ему удастся; каким-то чудом он все точнейшим образом принимал в расчет: ветер, течение, расстояние, время, дрейф, скорость хода.

— Кажется, туман рассеивается, — заметил Нейл Партингтон, после того, как мы несколько часов плыли наугад. — Как, по-твоему, Чарли, где мы теперь?

Чарли взглянул на часы.

— Сейчас шесть. Отлив продлится еще три часа, — сказал он ни с того, ни с сего.

— Но где мы все-таки? — настаивал Нейл.

Чарли подумал немного и ответил:

— Отлив малость снес нас в сторону, но если туман

рассеется, а на это очень похоже, вы увидите, что мы не дальше, чем в тысяче миль от пристани Мак-Нира.

— Пожалуй, ты мог бы быть малость поточнее, — хмуро буркнул Нейл.

— Извольте, — отозвался Чарли. — До нее не меньше четверти мили и никак не больше полумили, — уверенно заключил он.

Ветер свежел, под его порывами туман стал понемногу рассеиваться.

— Пристань вон там, — сказал Чарли, указывая в ту сторону, откуда дул ветер.

Мы все трое стали напряженно вглядываться в туман, как вдруг "Северный олень" с треском натолкнулся на что-то и остановился. Мы бросились на нос и увидели, что наш бушприт запутался в такелаже какого-то суденышка с короткой и толстой мачтой. Как оказалось, мы врезались в стоявшую на якоре китайскую джонку.

Когда мы прибежали на нос, пятеро китайцев, словно потревоженные пчелы, выползли из тесной каюты, протирая заспанные глаза.

Первым на палубе появился рослый, могучий человек, — мне сразу бросились в глаза его щербатое лицо и желтый шелковый платок на голове. Это был мой старый знакомый Желтый Платок, тот самый китаец, которого мы год назад арестовали за незаконный лов креветок. Тогда он чуть не пустил "Северного оленя" ко дну, да и сейчас мы едва не утонули из-за того, что он грубо нарушил правила навигации.

— Послушай, ты, желторотая обезьяна, какого черта ты торчишь тут на самом фарватере и не подаешь сигналов? — возмущенно крикнул Чарли.

— Какого черта? — преспокойно отозвался Нейл. — А вы взгляните-ка получше.

Мы поглядели туда, куда указывал Нейл, и увидели, что трюм джонки почти полон только что выловленных креветок. А среди креветок было многое множество крохотных рыбешек величиной от четверти дюйма. Желтый Платок поднял свою сеть до начала прилива, снова забросил ее и под покровом тумана нагло стоял на якоре, дожидаясь малой воды, чтобы поживиться еще раз.

— Ну и ну! — Нейл почесал в затылке. — Сколько времени ловлю браконьеров, чего только не переви-

дел, но чтобы нарушитель сам шел в руки, такого еще не было. Послушай, Чарли, что нам теперь с ними делать?

— Отведем их на буксире в Сан-Рафаэль, вот и все, — сказал Чарли и повернулся ко мне. — Оставайся на джонке, приятель, я брошу тебе буксирный конец. Если ветер не переменится, мы успеем проскочить прежде, чем река обмелеет, переночуем в Сан-Рафаэле, а в Окленде будем завтра к полудню.

С этими словами Чарли и Нейл вернулись на "Северный олень", и мы тронулись в путь, ведя джонку на буксире. Я встал на корме и, приняв командование захваченным судном, правил им с помощью допотопного румпеля, приводившего в движение дырявый, как решето, руль, сквозь который так и струилась вода.

Тумана как не бывало, и мы увидели, что Чарли правильно определил наше местонахождение. Пристань Мак-Нира была в какой-нибудь полумиле от нас. Держась западного берега, мы обогнули мыс Педро и прошли мимо китайских поселков, где поднялся страшный переполох, когда рыбаки увидели, что их джонку ведет на буксире шлюп рыбачьего патруля.

Береговой ветер был порывист и неустойчив, мы бы предпочли, чтобы он посвежел. Река, по которой нам предстояло пройти до Сан-Рафаэля, где мы предполагали сдать пленников властям, протекает через бесконечные болота, идти по ней в пору отлива очень трудно, а по малой воде — и вовсе невозможно.

Теперь вода убыла почти наполовину, и следовало поторапливаться. Но тяжелая джонка мертвым грузом тащилась позади шлюпа.

— Вели этим кули поставить парус! — наконец крикнул Чарли. — Мне вовсе не улыбается сидеть на мели до самого утра.

Я передал этот приказ Желтому Платку, а тот хриплым голосом что-то скомандовал своим людям. Он был сильно простужен и весь сотряслся от судорожного кашля, глаза его налились кровью. Вид у него поэтому был еще свирепее обычного, и когда он бросил на меня злобный взгляд, я вздрогнул, вспомнив, как в прошлый раз был из-за него на волосок от гибели.

Его команда неохотно взялась за фалы, и косой диковинный парус коричневого цвета взвился на мачте. Ветер был попутный, и, когда Желтый Платок выбрал шкот, джонка устремилась вперед, а буксирный канат ослабел. Как ни быстроходен был "Северный олень", джонка оказалась еще быстроходнее; чтобы не столкнуться со шлюпом, я взял чуть круче к ветру. Но джонка не потеряла скорости и через несколько минут оказалась на наветренном траверзе шлюпа. Буксирный канат теперь натянулся под прямым углом к обоим судам, — просто смешно было смотреть.

— Отдай буксир! — крикнул я.

Чарли колебался.

— Не бойся! — настаивал я. — Все будет в полном порядке. Мы проскочим реку, не меняя галса, а вы идите следом до самого Сан-Рафаэля.

Чарли отдал буксир, и Желтый Платок велел одному из своих людей выбрать канат. Уже смеркалось, и я смутно видел впереди устье реки, а когда мы вошли в нее, едва мог разглядеть берега.

"Северный олень" остался позади, минутах в пяти хода, и мы все удалялись от него, лавируя по узкому извилистому руслу. Но все-таки Чарли был рядом, и я ничуть не боялся своих пятерых пленников; правда, в темноте следить за ними было трудно, и поэтому я переложил револьвер из брюк в боковой карман куртки, откуда его легче достать.

Один только Желтый Платок внушал мне некоторый страх, и, как вы скоро сами убедитесь, он знал это и не преминул этим воспользоваться. Он сидел в нескольких шагах от меня, у наветренного борта. Я едва различал в темноте его фигуру, но от меня не укрылось, что он медленно, почти незаметно, поддвигается ко мне. Я не спускал с него глаз. Держа румпель левой рукой, я правой нащупал в кармане револьвер.

Вот он пододвинулся еще на несколько дюймов, и я уже открыл было рот, чтобы крикнуть: "Назад! — как вдруг кто-то большой и тяжелый навалился на меня со стороны подветренного борта. Это был один из китайцев. Он зажал мне рот и так стиснул мою правую руку, что я не мог вытащить ее из кармана. Конечно, я вырвался и освободил бы руку или позвал на по-

мощь, но в ту же секунду Желтый Платок набросился на меня.

Упав на дно джонки, я отчаянно сопротивлялся, но — увы — вскоре я был связан по рукам и ногам, а рот мне накрепко заткнули каким-то тряпьем, — как оказалось потом, ситцевой рубашкой. Китайцы так и оставили меня лежать на дне. Шепотом отдавая команды, Желтый Платок взялся за руль. Вспомнив, где мы находимся, и увидев, как переставили парус, который смутно вырисовывался надо мной на фоне звездного неба, я понял, что джонку направили в маленький заболоченный затон.

Через несколько минут мы пристали к берегу, и парус бесшумно соскользнул с мачты. Китайцы притихли, как мыши. Желтый Платок сел на дно джонки рядом со мной, и я почувствовал, что он с трудом сдерживает надсадный, сухой кашель. Прошло минут семь или восемь, и я услышал голос Чарли: это наш шлюп проходил мимо затона.

— Просто слов нет, как я счастлив, что мальчик благополучно отслужил свое в рыбацьем патруле, — говорил он Нейлу, и я отчетливо слышал каждое его слово.

Нейл сказал что-то, чего я не расслышал, и Чарли продолжал:

— Мальчишка стал форменным моряком, и если он, кончив школу, поучится еще морскому делу и начнет ходить в дальние рейсы, клянусь богом, из него со временем выйдет отличный капитан, которому можно будет доверить любое судно.

Все это, разумеется, было для меня очень лестно, но я в эту минуту лежал на дне джонки с кляпом по рту, связанный своими же пленниками, а голоса друзей замирали вдали. "Северный олень" уходил все дальше к Сан-Рафаэлю, и, должен признаться, положение мое не очень-то располагало к мечтам о светлом будущем. Вместе с "Северным оленем" исчезла моя последняя надежда. Я не знал, что меня ждет: эти китайцы — народ особенный, и, насколько мне известен их характер, они едва ли обойдутся со мной по справедливости.

Выждав еще несколько минут, китайцы снова подняли свой косой парус, и Желтый Платок повел джонку к устью реки Сан-Рафаэль. Вода все убывала,

и выйти из устья было нелегко. Я надеялся, что он сядет на мель, но ему удалось благополучно вывести джонку в залив.

После этого китайцы затеяли горячий спор, и я чувствовал, что спорят они из-за меня. Желтый Платок был в ярости, но остальные четверо не менее яростно ему противились. Было совершенно ясно, что он хотел прикончить меня, а его товарищи боялись ответственности. Я достаточно знал китайцев и был убежден, что только страх удерживает их от расправы со мной. Но я никак не мог понять, в чем заключается их план, который они предлагали взамен кровавого плана Желтого Платка.

Нетрудно догадаться, что я пережил в эти минуты, когда жизнь моя висела на волоске. Спор вскоре перешел в ссору, после чего Желтый Платок сорвал с руля тяжелый румпель и бросился ко мне. Но четверо китайцев преградили ему дорогу и стали отнимать у него румпель. В конце концов они вчетвером одолели своего главаря, и он, недовольный, вернулся на корму, а вслед ему понеслась отборная ругань.

Вскоре китайцы убрали парус, и джонка медленно пошла на веслах. Потом я почувствовал, как она мягко ткнулась носом в ил. Трое китайцев в высоких резиновых сапогах спрыгнули за борт, а двое других перебросили меня через поручни. Желтый Платок подхватил меня за ноги, два его товарища — за плечи, и они зашлепали по вязкому илу. Но вот шаги их стали уверенней и тверже: как видно, они вышли на берег. Вскоре я понял, где мы находимся, — не иначе, как на одном из островов крошечного скалистого архипелага Марин, расположенного неподалеку от устья реки Сан-Рафаэль.

Выйдя с затопляемой во время прилива илистой отмели на берег, китайцы довольно бесцеремонно швырнули меня на землю. Желтый Платок со злобой пнул меня в бок, и все трое пошли назад к джонке. Через несколько секунд я услышал, как взвился на мачте и затрепетал под напором ветра парус, пока китайцы выбирали шкот. Потом все смолкло, и я остался один. У меня не было другого выхода, как собственными силами выпутываться из беды.

Я вспомнил, как ловко, как-то по-особому извиваясь и корчась, освобождаются от веревок фокусники,

но сколько я ни извивался и ни корчился, тугие узлы ничуть не ослабли. Однако, катаясь по берегу, я наткнулся на кучу пустых раковин, — должно быть, какая-нибудь компания яхтсменов пекла здесь на костре моллюсков. В голове у меня блеснула счастливая мысль. Руки мои были связаны за спиной; зажав в кулаке раковину, я покатился по песку к ближним скалам.

После долгих поисков я нашел наконец узкую трещину и вставил в нее раковину. Края у раковины были острые, и я попытался перерезать ею веревку, которой были связаны мои руки. Но хрупкая раковина сломалась, как только я неосторожно нажал на нее. Пришлось мне снова добираться до кучи раковин. На этот раз я захватил их столько, сколько мог удержать в обеих руках. Я сломал их видимо-невидимо, изрезал себе все руки, ноги мои от напряжения свела судорога.

Я остановился, чтобы передохнуть, и вдруг услышал над заливом знакомый голос. Это Чарли искал меня. Из-за кляпа во рту я не мог отозваться и в бесильной ярости лежал на берегу, а он прошел на веслах мимо острова, и вскоре голос его замер вдали.

Я снова принялся за дело, и через полчаса мне удалось наконец перерезать веревку. Все остальное было проще простого. Освободив руки, я мигом развязал путы на ногах и вытащил изо рта кляп. Потом я обежал весь берег и удостоверился, что я действительно на острове, а не где-нибудь на материке. Да, это был один из островов архипелага Марин, окаймленный песчаным пляжем и целым болотом вязкого ила. Мне оставалось одно: ждать рассвета и не поддаваться холоду — для Калифорнии ночь выдалась на редкость студеная, ветер пронизывал до самых костей, и меня била дрожь.

Чтобы согреться, я обежал вокруг острова раз десять кряду и столько же раз вскарабкался на скалистую гряду. Это не только согрело меня, но и сослужило мне впоследствии хорошую службу. Бегаю по острову, я вдруг подумал: я не выронил ли я что-нибудь, когда катался в песке? Обшарив карманы, я не нашел ни револьвера, ни складного ножа. Револьвер у меня, конечно, отобрал Желтый Платок, а нож, должно быть, затерялся где-то в песке.

Я принялся его искать, как вдруг снова слы-

шался скрип уключин. Сначала я подумал, что это Чарли, но сразу же спохватился: ведь Чарли не стал бы плыть молча. Мрачные предчувствия вдруг охватили меня. Архипелаг Марин глухой и пустынный; едва ли кому вздумается плыть сюда глубокой ночью. А вдруг это Желтый Платок? Скрип уключин стал слышнее. Лодка, по-видимому, ялик, как я определил по частым ударам весел, ткнулась в ил шагах в пятидесяти от берега. Я услышал сухой, надсадный кашель, и сердце у меня упало. Это был Желтый Платок. Чтобы товарищи не помешали ему свести со мной счеты, он украдкой выбрался из своего поселка и приплыл сюда в одиночку.

Мысли вихрем закружились у меня в голове. Я безоружен и беспомощен на маленьком глухом острове, и желтый дикарь, остерегаться которого у меня есть все основания, явился сюда для расправы со мной. Худшего положения не придумаешь, и я невольно бросился в воду или, вернее, в ил, только бы не оставаться на острове. Когда Желтый Платок зашагал к берегу по илистому болоту, я пошел в обратную сторону, стараясь попадать след в след, по дороге, проторенной китайцами, когда они несли меня на остров, а потом возвращались к своей джонке.

Желтый Платок, уверенный, что я лежу связанный по рукам и ногам на прежнем месте, нисколько не остерегался: ил громко чавкал у него под ногами. Благодаря этому, пока он шел, я успел удалиться от берега шагов на пятьдесят. После этого я лег прямо в болото. Ил был холодный и липкий, я весь дрожал, но боялся встать на ноги, зная, что глаза у китайца острые. Он направился прямехонько на то место, где оставил меня, и я даже пожалел, что не могу видеть, какую рожу он скорчит, не найдя меня там. Но мне было не до потехи, у меня от холода зуб на зуб не попадал.

Что он сделал дальше, я мог только догадываться, так как почти ничего не видел при бледном свете звезд. Но я был уверен, что первым делом он обошел весь остров и убедился, что никакие другие лодки к берегу не приставали. Всякое судно неизбежно оставило бы след в иле.

Удостоверившись, что я никак не мог уплыть с острова, он пустился на поиски. Наткнувшись на кучу

раковин, он стал одну за другой чиркать спички и пошел по моему следу. При каждой вспышке мне было ясно видно его зловещее лицо. От запаха горячей серы у него першило в горле, и от его надсадного кашля я дрожал еще пуще, не смея шелохнуться в холодном иле.

Обилие следов его озадачило. Однако вскоре он, как видно, сообразил, что я где-нибудь у берега, сделал несколько шагов по направлению ко мне, присел на корточки и долго всматривался во мрак. Нас разделяло не более пятнадцати футов, и, догадайся он зажечь спичку, мне бы несдобровать.

Но он вернулся на берег и, чиркая спичками, полез на скалистую гряду. Близкая опасность заставила меня искать спасения. Не рискуя встать во весь рост, так как Желтый Платок наверняка услышал бы мои шаги, я стал передвигаться ползком. По-прежнему держась следа, оставленного китайцами, я полз так до самой воды. Очутившись на глубине трех футов, я пошел вброд вдоль берега.

Вдруг у меня мелькнула мысль: вот бы найти ялик, на котором приплыл Желтый Платок, и удрать. Но он как будто угадал мое намерение, спустился на берег и поспешил к ялику, чтобы проверить, на месте ли он. Пришлось повернуть обратно. То вброд, по горло в воде, то вплавь, без единого всплеска я отдалился на добрую сотню футов от того места, куда раньше причалила джонка. Потом я снова забрался в ил и лег ничком.

Желтый Платок опять вышел на берег, обшарил весь остров и вернулся к куче раковин. Я словно читал его мысли. Наверняка он рассуждал так: ни одна душа не может попасть на остров или покинуть его, не оставив в иле следов. А между тем он нашел всего две цепочки следов — одна вела от его ялика, а другая — от того места, где стояла джонка. На острове меня нет. Значит, я ушел по какому-нибудь из двух следов. Он только что ходил к своему ялику и убедился, что меня нет и там, значит, я мог уйти только по следу, который вел от джонки. Он решил проверить это предположение и пошел через ил, зажигая на ходу спички.

Дойдя до того места, где я залег в первый раз, он остановился: должно быть, увидел вмятину от моего тела. Потом по моему следу он вошел в воду, но сразу

потерял его — да и мудро было видеть следы на глубине трех футов. Вместе с тем, так как отлив еще не кончился, он легко нашел ямину, оставленную в иле джонкой. Всякое другое судно, если бы оно причалило к острову, непременно оставило бы такой же след. А раз его нет, — ясно, я схоронился где-нибудь в иле.

Но искать темной ночью в огромном болоте человека — все равно, что искать иголку в стоге сена, и китаец понял бесполезность своей затеи. Он вернулся на остров и некоторое время рыскал по берегу. Я весь продрог, и лишь надежда, что он махнет на меня рукой, придавала мне силы. Наконец он сел в свой ялик и отчалил от острова. Но тут меня охватили сомнения. А вдруг это западня? Вдруг он уплыл только для того, чтобы выманить меня на берег?

Чем больше я думал об этом, тем больше мне казалось, что, отчаливая, он слишком громко ударял по воде веслами. И я остался лежать в холодном иле. Меня била дрожь, поясницу невыносимо ломило, и мне понадобилось все мое мужество, чтобы, несмотря ни на что, не двинуться с места.

По счастью, я не вышел из своего убежища, а через час смутно различил на берегу какую-то движущуюся тень. Я стал пристально вглядываться в темноту, но прежде чем мне удалось что-либо увидеть, слух мой уловил знакомый надсадный кашель. Оказывается, Желтый Платок тайком причалил к острову с другой стороны и теперь крался вдоль берега, надеясь захватить меня врасплох.

После этого я еще не один час пролежал в илистом болоте, боясь выйти на берег, хотя Желтый Платок не подавал больше никаких признаков жизни. Порой мне казалось, что я не выдержу и умру от холода. Мне и не снились такие ужасные страдания. Я до того окоченел, что в конце концов даже перестал дрожать. Зато мои мускулы и кости начали нестерпимо ныть — это была настоящая пытка. Прилив давно уже начался, и я, спасаясь от воды, фут за футом двигался к берегу. Полная вода наступила в три часа ночи, и я полуживой выполз на берег; если бы Желтый Платок набросился теперь на меня, я не смог бы и пальцем шевельнуть.

На мое счастье его здесь не было. Он плюнул на

меня и вернулся в свой поселок на мыс Педро. Но я все равно был в плачевном состоянии и в любую минуту мог отдать богу душу. Я не в силах был стоять на ногах, а тем более ходить. Моя одежда, насквозь пропитанная илом, леденила тело. Казалось, мне никогда не удастся ее снять. Пальцы онемели и не гнулись, силы оставили меня, и я провозился целый час, прежде чем стянул с себя башмаки. Я не мог разорвать кожаные шнурки, а развязать их было чертовски трудно. Несколько раз я принимался бить застывшими руками о камни, чтобы хоть немного разогнать кровь. По временам я был уверен, что вот-вот умру.

Наконец — казалось, прошла целая вечность — мне удалось раздеться догола. Вода была в двух шагах, я дополз до нее и смыл с себя ил. Но я не мог встать, не мог ходить, а лежа без движения, наверняка бы замерз. Оставалось только одно: ценой невыносимой боли ползать медленно, как улитка, взад и вперед по берегу. Я ползал так до изнеможения, а когда на востоке забрезжил рассвет, совсем выбился из сил. Небо порозовело, золотой шар солнца поднялся над горизонтом и его лучи осветили мое недвижимое тело на куче раковин.

Потом, как во сне, я увидел знакомый парус — это "Северный олень", подгоняемый свежим утренним ветерком, выскользнул из устья реки Сан-Рафаэль. Сон мой то и дело обрывался. Многого я совсем не помню. Помню только, как появился парус, как "Северный олень" отдал якорь в нескольких сотнях футов от берега, и маленькая шлюпка отвалила от борта, как гудела в каюте печурка, раскаленная докрасна, а я лежал, с головы до ног закутанный в одеяла, только плечи и грудь были обнажены, и Чарли немилосердно растирал их, а Нейл Партингтон поил меня горячим, как огонь, кофе, обжигая мне рот и горло.

Но несмотря ни на что, скажу я вам, это было чертовски приятно. Когда мы пришли в Окленд, я уже снова глядел молодцом, хотя Чарли и Нейл боялись, что я схватил воспаление легких, а миссис Партингтон первые полгода после того, как я начал учиться в школе, все ждала, что вот-вот у меня начнется скоротечная чахотка.

Время летит быстро. Кажется, только вчера мне было шестнадцать лет и я плавал на шлюпе рыбацкого

патруля. А ведь сегодня утром я прибыл из Китая на баркентине "Жнец", капитаном которой я теперь стал. Завтра утром я зайду на ней в Окленд, чтобы повидать Нейла Партингтона и его семью, а потом — в Бенишию к Чарли Ле Гранту вспомнить старые добрые времена. Впрочем, нет, пожалуй, в Бенишию мне ходить незачем. Ведь вскоре состоится свадьба, на которой мне суждено сыграть не последнюю роль. Невесту зовут Алиса Партингтон, а поскольку Чарли обещал быть шафером, придется ему самому приехать в Окленд.

СОДЕРЖАНИЕ

Морской волк	5
Путешествие на "Ослепительном"	299
Рассказы рыбацкого патруля	403

Л76 **Лондон Д.** Морской волк. Роман. Путешествие на "Ослепительном". Повесть. Рассказы рыбацкого патруля. /Пер. с англ., худ. О. Яруничев. — М.: Печатное дело, 1993 г.

Сборник содержит остросюжетные приключенческие произведения одного из самых популярных зарубежных писателей в нашей стране — Джека Лондона (1876—1916). Роман "Морской волк" (1904), повесть "Путешествие на "Ослепительном" (1902) и "Рассказы рыбацкого патруля" (1905) объединены общей тематикой — романтикой морской жизни, опасными приключениями, отважными и смелыми героями.

ББК 84.7 США

Библиотека

Трижды

учений

продолжается...

